С. К.

9431

Сія книга

с Печатнія Дмитрія

Кожарова Комарова

1892 года Сент. [illegible]

ИСТОРІЯ

КРЕСТОВЫХЪ

ПОХОДОВЪ,

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ

ОБА ПОХОДА СВ. ЛЮДОВИКА, ВОЙНЫ ХРИСТІАНЪ ПРОТИВЪ ТУРКОВЪ, И ОБЩІЕ ВЗГЛЯДЫ НА СЛѢДСТВІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Сочиненіе Г. Мишо,

Члена Академіи Французской.

Перевелъ съ Французскаго

Иванъ Бутовскій.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Военной Типографіи.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 13-го Августа 1834 года.

Цензоръ Александръ Крыловъ.

ЕГО

ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Г. ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ

БАРОНУ

ГРИГОРІЮ ВЛАДИМІРОВИЧУ

РОЗЕНУ 1-МУ.

5516
Дозволено
цензурою
Т.Г.У.
Бібліотека
ДНЕ

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Неизгладимое впечатлѣніе времени воинскихъ подвиговъ, которое провелъ я подъ начальствомъ ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА, и ть сладостнѣйшія воспоминанія о Вашихъ незабвенныхъ благодѣяніяхъ, испытанныхъ мною при весьма многихъ случаяхъ, преимущественно въ странахъ чуждыхъ, посреди лишеній и недостатковъ

всякаго рода, питаютъ въ душѣ живыя чувства благодарности, и даютъ мнѣ смѣлость украсить этотъ шестильтній мой трудъ (IV и V томы Исторіи Крестовыхъ походовъ) именемъ моего Благодѣтеля — Героя, именемъ, которое столь драгоцѣнно для всѣхъ его сподвижниковъ на славномъ военномъ поприщѣ.

На страницахъ этой Исторіи Вы не найдете имени Русскаго; отечество наше въ эту эпоху не принимало участія въ священныхъ бранях: извѣстны политическія и религіозныя причины, воспрепятствовавшія нашимъ предкамъ раздѣлять подвиги крестоносцевъ. Но въ то самое время, когда Западные Христіане въ послѣдній разъ во-

дружали Крестъ въ странѣ враговъ
Имени Христова, мечь Димитрія
Донскаго, встрѣтивъ гонителей
Христіанъ за Непрядвою, опредѣ-
лилъ судьбу Европы рѣшительною
побѣдою надъ этими Варварами;
храбрые сподвижники Героя Дон-
скаго свершили свой подвигъ гораздо
счастливѣе: ихъ побѣда не только
оживила, утвердила, возвеличила

наше отечество, но въ послѣдствіяхъ своихъ несравненно благотворнѣе для всѣхъ Христіанскихъ народовъ, нежели самые Крестовые походы.

Но настоящій вѣнецъ Отечества нашего, есть тотъ славнѣйшій подвигъ его, которымъ Промыслу угодно было совершить избавленіе всей Европы. Эта блестящая эпоха

у всѣхъ насъ въ свѣжей памяти,
у всѣхъ насъ въ сердцѣ и на языкѣ:
она во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ без-
престанно возбуждаетъ самыя утѣ-
шительныя воспоминанія. Въ грозное время Отечественной войны, Вы
водили съ честію на пораженіе враговъ полки ***ИМПЕРАТОРСКОЙ***
Гвардіи на поляхъ Бородино, въ тѣснинахъ Кульма, на равнинахъ

Франціи. Одно воспоминаніе тор-
жественнаго вступленія Русскихъ
воиновъ въ Парижъ, есть уже та-
кое чувство, такой восторгъ, кото-
раго выразить нельзя однимъ вы-
кликомъ; и если выки нисколько не
уменьшаютъ въ понятіяхъ нашихъ
славы Витязей Крестовыхъ, сла-
вы Годфреда, Людовика Святаго;
если эта слава только ростетъ съ

каждымъ вымолвъ: то слава на-
шихъ Героевъ Отечественной вой-
ны, не останется ли навсегда пред-
метомъ восторга современниковъ,
предметомъ удивленія и благого-
вѣнія позднѣйшаго потомства?

На свѣтлыхъ картинахъ совре-
менной намъ Военной Исторіи, об-
новились многія блестящія черты
Крестовыхъ походовъ; и я почту

себя счастливымъ, если предлагае-
мый мною переводъ повѣствованія
о подвигахъ нашихъ братьевъ по
Христѣ, доставитъ моему Благо-
дѣтелю нѣсколько пріятныхъ ча-
совъ чтенія, а посвященіе этого
перевода дастъ ему случай вспо-
мнить о его прежнихъ спутникахъ,
неизмѣнныхъ въ своей къ нему пре-
данности. Слѣю ласкать себя на-

деждою, что новая слава, озарив-
шая главу Вашу, возвышая герой-
скія доблести, не отвергнетъ скром-
наго вѣнка, сплетеннаго для Васъ
чистою признательностію.

Милостивый Государь!

ВАШЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

покорнѣйшій слуга

Иванъ Бутовскій.

ОРДЕНУ
СВЯТАГО ІОАННА ІЕРУСАЛИМСКАГО.

Господа Командоры, предсшавишели Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго во Франціи, удосшоили меня пожалованіемъ Орденскаго кресша Рыцарей — самымъ лесшнымъ ошличіемъ для Испорика *Крестовыхъ походовъ:* если они оказали эшо драгоцѣнное поощреніе шруду моему, по безъ сомнѣнія менѣе за досшоинсшво моей книги, нежели за шо, чшо я провелъ многіе годы жизни моей въ изысканіяхъ прекрасныхъ подвиговъ храбрыхъ рыцарей Свяшой Земли, и чшо нѣкошорымъ образомъ, я долго жилъ съ Годфредомъ Бульонскимъ, Танкредомъ, Бодуиномъ, Раймондомъ-Дюпои, Лавалеппюмъ, Лиль-Адамомъ, и многими другими героями, коихъ памяшь никогда не умрешъ между людьми. Если благодарносшь

не внушила бы мнѣ мысли посвятить сочиненіе мое Ордену Мальтійскому, по мысль эту породили бы во мнѣ всѣ Историческія воспоминанія и великое участіе, возбуждаемое нынѣ въ Христіанской Европѣ Орденомъ, бывшимъ долгое время ужасомъ Варваровъ на Востокѣ.

Мишо,

Кавалеръ Ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго, и Рыцарь Святаго Гроба.

ИСТОРІЯ

КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

СЕДЬМЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

КНИГА XIII.

Мысли мои, при началѣ этого труда, еще не обнимали всей великой обязанности, которую я на себя принялъ; одушевляемый занимательностью предмета, исполненный чрезмѣрной увѣренности въ моихъ силахъ, я безпрестанно думалъ, что касаюсь предѣловъ труда моего, подобно тѣмъ деревенскимъ жителямъ, которые, отправясь въ Первый Крестовый походъ, на пути своемъ въ каждомъ городѣ мнили видѣть стѣны Іерусалимскія. По мѣрѣ того, какъ углублялся на поприще моихъ занятій, горизонтъ расширялся 1242—1245.

1242 — 1245. предо мною, трудности умножались подъ моими стопами, и чтобы не ослабѣть духомъ, я не рѣдко припоминалъ себѣ благосклонность, съ которою Публика приняла первые томы этой Исторіи (1).

Трудность заключалась не въ одномъ только повѣствованіи о происшествіяхъ Крестовыхъ походовъ, но также въ доставленіи точныхъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ народовъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Мы старались сдѣлать извѣстными народы, кои поперемѣнно выходили на сцену: Франки являлись съ ихъ воинственною грубостію, любовію къ славѣ и великодушными страстями; Турки и Саррацины съ ихъ браноносною вѣрою и варварскимъ мужествомъ; Греки, съ развращенными нравами, суевѣрнымъ и мелочнымъ характеромъ, и съ нищеславіемъ, замѣнявшимъ патріотизмъ: теперь кисть Историка должна изобразить новый народъ, сливающійся съ событіями, коихъ

(1) Да позволено будетъ и Русскому Переводчику этой книги ласкаться надеждою на подобную же благосклонность отъ его любезныхъ соотечественниковъ: онъ не теряетъ этой надежды, доколѣ въ Россіи не перестанетъ пламенѣть любовь ко всему благородному и изящному.

Иванъ Бутовскій.

карпину мы рѣшились начертать. Скажемъ 1242 — нѣсколько словъ о нравахъ и завоеваніяхъ 1245. Татаръ среднихъ вѣковъ.

Орды Татаръ, во время Шестаго Крестоваго похода, впорглись во многія области Азіи, и успѣхи оружія ихъ имѣли большое вліяніе на политику Мусульманскихъ владѣній въ Сиріи и въ Египтѣ, воевавшихъ тогда съ Христіанами. Въ описываемую нами эпоху, шумъ побѣдъ ихъ потрясалъ весь Востокъ и распространялъ ужасъ до самыхъ отдаленныхъ областей Европы.

Татары занимали обширныя страны между древнимъ Эмаемъ, Сибирью, Китаемъ и Камчатскимъ моремъ; они раздѣлялись на многія племена, которыя всѣ величали себя одинакимъ происхожденіемъ: каждое изъ сихъ племенъ, управляемое Ханомъ или Старѣйшиною, состояло изъ многихъ улусовъ, отдѣльно предводимыхъ особеннымъ начальникомъ подъ названіемъ *Мурзы:* звѣриная ловля, кобылье молоко и мясо, доставляемое стадами, удовлетворяли всѣмъ потребностямъ Татаръ; они жили съ семействами въ шатрахъ; подвижные ихъ домы или *кибитки*, влекомые быками, перевозили съ мѣста на мѣсто ихъ женъ, дѣтей и все что имѣли они драгоцѣннѣйшаго. Лѣтомъ цѣлая орда приближалась

1242 — 1245. къ спранамъ полунощнымъ, и кочевала на берегахъ озера или рѣки; зимою удалялась она къ Югу для пріисканія пріюта въ горахъ, защищавшихъ ее отъ суровости сѣверныхъ вѣтровъ.

Начальники Тапарскихъ ордъ ежегодно соединялись осенью или весною. На этихъ съѣздахъ, называемыхъ *Курильтаями*, они, сидя на конѣ, разсуждали о переходѣ племенъ, о раздѣлѣ пасбищъ, о мирѣ и войнѣ. Среди сихъ по шумныхъ собраній родилось законодательство Тапарскихъ народовъ, законодательство простое и немногословное, подобно всѣмъ Уложеніямъ Варваровъ, имѣвшее единственною цѣлію, охраненіе власти Старѣйшинъ, поддержаніе порядка и соревнованія между воинами.

Народы Тапарскіе признавали единаго Всемогущаго Бога, къ которому не возносили ни куреній, ни молитвъ. Предметъ ихъ Богослуженія была толпа духовъ, которые, по ихъ мнѣнію, населяли воздухъ, землю и воды; множество идоловъ, грубыя издѣлія рукъ ихъ, наполняли ихъ юрты, сопутствовали имъ въ кочеваніяхъ, берегли стада ихъ, невольниковъ, семейства. Жрецы ихъ, воспитанные въ искусствѣ волшебства, изучали теченіе звѣздъ, предсказывали будущее,

упражнялись въ обольщеніи умовъ чародѣй- 1242—
ствомъ. Вѣра Тапаръ, чуждая всякаго внуше- 1245.
нія нравственности, ни сколько не очищала загрубѣлыхъ нравовъ и не смягчала характера суроваго и дикаго, подобно ихъ климату. Никакой памятникъ, воздвигнутый подъ покровительствомъ вѣры, ни одно твореніе, вдохновенное ею, не напоминало имъ славныхъ подвиговъ и не внушало заповѣдей и примѣровъ добродѣтели. Въ ихъ странствующей жизни, умершіе, коихъ иногда они возили съ собою въ кибиткахъ, казались имъ безпокойнымъ бременемъ; они погребали ихъ наскоро въ мѣстахъ уединенныхъ, засыпая нѣсколько землею, чтобы укрыть ихъ отъ взоровъ и поруганія живыхъ.

Все что могло утвердить ихъ пребываніе преимущественно въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, и отвратить отъ ихъ образа жизни, возбуждало недовѣрчивость или презрѣніе этихъ народовъ. Изъ всѣхъ ордъ, населявшихъ Монгольскую Тартарію, одна только знала письмена и упражнялась въ Наукахъ; всѣ прочія презирали торговлю, искусства и просвѣщеніе, составляющія славу образованныхъ обществъ. Тартары не любили строить городовъ. Въ 12-мъ вѣкѣ, во всей обширной странѣ ихъ, находился одинъ лишь

1242 — 1245. городъ (1), копораго величина, по свидѣпельспву монаха *Рубруквиса*, едва ли равнялась городку Сенъ-Дени. Занимаясь однимъ скоповодспвомъ, они смопрѣли на шруды земледѣльческіе, какъ на упражненія низкія, свойспвенныя только рабамъ или побѣжденнымъ народамъ. Необозримыя равнины ихъ никогда не озлащались жапвами, и никогда на нихъ не созрѣвали плоды, посѣянные рукою человѣка. Для Тапарина самымъ пріяпнымъ зрѣлищемъ служила дикая спепь, покрыпая правою, или бранное поле, усѣянное развалинами и залипое кровью.

Неопредѣленныя границы пасбищъ Тапаръ, были поводомъ къ часпымъ между ними спорамъ; духъ зависпи безпрестанно волновалъ кочующія орды; власполюбивые Ханы не могли перпѣпь ни сосѣдей, ни соперниковъ. Опсюда происпекали междоусобныя войны, породившія вооруженный деспопизмъ, на вспрѣчу коему народы спремились съ ра-

(1) *Каракорумъ*, мѣспопребываніе главной опрасли преемниковъ Чингисъ-Хана. Недавно еще Г. *Абель-Ремюза* обозначилъ исшинное положеніе эпого города; онъ былъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Оргоны, неподалеку опъ соединенія эпой рѣки съ *Селенгою*, на югѣ озера Байкала, подъ 49 градусомъ широпы и 102° долгопы. Съ шѣхъ поръ эпа спрана служипъ пребываніемъ великому Ламѣ.

достію, въ надеждѣ на завоеванія. Все на- 1242 —
родонаселеніе состояло изъ воиновъ, для ко- 1245.
тораго битвы казались единственною славою и благороднѣйшимъ занятіемъ человѣка. Становища Татаръ, переходы ихъ и звѣриная ловля имѣли видъ военныхъ движеній; привычка доставляла имъ столько удобства и твердости на конѣ, что они ѣли и предавались сну, не сходя съ него; луки ихъ, необыкновенной тяжести, показывали ихъ силу и крѣпость; острыя стрѣлы ихъ умерщвляли на далекомъ разстояніи птицу въ быстромъ ея полетѣ, или пробивали насквозь медвѣдей и степныхъ тигровъ; они превосходили противниковъ быстротою своихъ движеній; обладали въ совершенствѣ коварнымъ искусствомъ сражаться на бѣгу, и нерѣдко отступленіе, было для нихъ знакомъ побѣды. Всѣ воинскія хитрости были имъ знакомы, и по какому-то пагубному побужденію, которое внушало имъ всѣ возможные способы къ истребленію человѣческаго рода, Татары, не строившіе городовъ, умѣли созидать страшныя военныя машины, и знали всѣ средства распространять ужасъ и опустошеніе между непріятелями. Въ походахъ, суровость времени, глубина рѣкъ, высокія горы, пропасти не могли останов-

1242 — 1245. вить или удержать ихъ шествія. Небольшое количество засушеннаго творога, размоченнаго въ водѣ, достаточно было для прокормленія всадника въ теченіе нѣсколькихъ дней; одежду его составляли баранья или медвѣжья кожа и нѣсколько лахмотьевъ грубаго войлока; воины оказывали слѣпое повиновеніе своимъ начальникамъ: при малѣйшемъ знакѣ кидались въ опасность и презирали смертію. Они раздѣлены были на десятки, сотни, тысячи и десятки тысячъ; войска ихъ составлялись изъ всѣхъ, которые могли владѣть лукомъ и дротикомъ; и непріятели ихъ наиболѣе приходили въ изумленіе и ужасъ, при видѣ порядка и повиновенія, господствовавшихъ въ скопищѣ, какъ бы случайно соединившемся. Татары, по своимъ военнымъ законамъ, могли заключить миръ только съ непріятелемъ побѣжденнымъ; трусы, бѣжавшіе съ сраженія или покинувшіе товарищей въ опасности, наказывались смертію; они проливали кровь человѣческую съ одинакимъ равнодушіемъ какъ и дикихъ звѣрей, и эта свирѣпость усугубляла ужасъ, распространяемый ими въ своихъ нашествіяхъ.

Татары, въ высокомѣріи своемъ, презирали всѣ прочіе народы, и думали, что свѣтъ долженъ имъ покориться. По нѣкото-

рымъ преданіямъ, переходившимъ изъ вѣка 1242—
въ вѣкъ, орды Монгольскія оспавляли Сѣ- 1245.
веръ во владѣніи мертвыхъ, павшихъ въ пустыняхъ, и безпрестанно обращали взоры свои къ Югу, обѣщанному ихъ мужеству. Земли и богатства другихъ народовъ возбуждали ихъ честолюбіе, сами же они, не владѣя ни богатствами, ни землею, почти ничего не страшились завоевателей. Не только воинственное ихъ воспитаніе, но даже ихъ предразсудки, обычаи, непостоянство характера, все, казалось, благопріятствовало отдаленнымъ походамъ ихъ и завоеваніямъ. Покидая землю, они не сохраняли о ней ни сожалѣній, ни воспоминаній; и если справедливо, что отечество заключается не въ стѣнахъ какого-либо города, или въ границахъ области, но въ любви и семейственныхъ связяхъ, въ законахъ, народныхъ обычаяхъ и нравахъ, то Тапары, перемѣняя климатъ, никогда не разлучались съ своимъ отечествомъ. Присутствіе женъ и дѣтей ихъ, зрѣлище стадъ и идоловъ повсюду воспламеняли ихъ патріотизмъ и подкрѣпляли мужество. Всегда повинуясь страстямъ, и направляя по нимъ поведеніе свое, они никогда не внимали законамъ нравственности, ни чувству человѣколюбія; они питали глу-

1242—1245. бокое равнодушіе ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ; и это самое равнодушіе, не пробуждавшее ненависти другихъ народовъ, облегчало ихъ завоеванія, предоставляя имъ свободу принимать или избирать мнѣнія и вѣрованія побѣжденныхъ народовъ, и такимъ образомъ совершенно покорять ихъ своимъ законамъ.

Во времена глубочайшей древности, орды Тапаръ нѣсколько разъ наводняли пространныя области Индіи, Китая и Персіи; они простирали опустошенія до самаго Запада: честолюбіе или упрямство искуснаго Хана, излишнее населеніе, недостатокъ пастбищъ, предсказанія какого-либо прорицателя, достаточны были, чтобы воспламенить это безпокойное племя и устремить его всею массою на отдаленныя страны. Горе народамъ, встрѣтившимся на пути Тапаръ! При нашествіи ихъ, имперіи сокрушались съ ужаснымъ громомъ; народы тѣснили другъ друга подобно волнамъ морскимъ; свѣтъ приходилъ въ содроганіе и покрывался развалинами. Исторія сохранила въ памяти многія изъ ихъ впорженій; самое отдаленное потомство лишь съ ужасомъ будетъ произносить имена *Аваровъ*, *Гунновъ*, *Геруловъ* и всѣхъ прочихъ кочующихъ народовъ, изъ коихъ, одни-

изъ глубины Тапаріи, другіе, увлеченные по слѣдамъ побѣдителей, или гонимые предъ 1242—1245. ними, нахлынули на колеблющуюся Имперію Римлянъ, и раздѣлили между собою останки просвѣщеннаго міра: въ среднихъ вѣкахъ умобляли войны Тапаръ губительнымъ бурямъ, наводненіямъ, изверженіямъ огнедышащихъ горъ; и народы, въ безропотномъ повиновеніи, думали, что правосудіе Божеское сохраняло на Сѣверѣ эти безчисленные рои Варваровъ для того, чтобы, во гнѣвѣ Своемъ, наводнять ими останокъ земли, и наказывать руками ихъ развратившіяся царства.

Никогда Татары не были такъ страшны, какъ при Чингисъ-Ханѣ; *Темучинъ* (первое имя варварскаго героя) происходилъ отъ Княжескаго колѣна, владычествовавшаго надъ нѣсколькими ордами древней Монголіи (1). Преданія говорятъ, что седьмый изъ пред-

(1) Г. *Петти де Лакруа* издалъ жизнь Чингисъ-Хана, извлеченную изъ Восточныхъ Писателей. Исторія эта, хотя иногда баснословіе въ ней примѣшивается къ истинѣ, служитъ однимъ изъ лучшихъ руководствомъ. Г. *Дегинь* (Deguignes), въ *Исторіи своей о Гуннахъ*, весьма распространяется о Татарахъ и Чингисъ-Ханѣ, и объявляетъ, что онъ въ иныхъ случаяхъ не согласенъ съ повѣствованіемъ *де Лакруа*; но какъ не всегда показываетъ источники, съ которыхъ онъ почерпалъ, то и не можетъ внушить

1242 — 1245. ковъ его, зачался во чревѣ своей матери сопіемъ чудеснаго вліянія солнечныхъ лучей. При рожденіи Темучина, родственники его съ восхищеніемъ замѣтили кровь, запекшуюся на рукахъ новорожденнаго, предвѣстіе рокового для человѣчества, и въ которомъ лесть или суевѣріе видѣло будущую славу завоевателя. Нѣкоторые Историки упоминаютъ, что ничего не щадили для воспитанія Темучина; другіе, болѣе достовѣрные, утверждаютъ, что онъ вовсе не зналъ грамоты; всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ рожденъ для брани и для предводительства воинственнымъ народомъ. Одаренный величайшею проницательностію ума и нѣкоторымъ краснорѣчіемъ, умѣя склонять приверженцовъ, и искусно владѣя страстями, присоединяя къ мужеству неограниченное честолюбіе, которому ничто не полагало препятствія, онъ имѣлъ всѣ качества и всѣ пороки, открывающіе путь къ самовластію у Варваровъ, а иногда даже и у образованныхъ народовъ. Его природныя дарованія развились въ нѣдрѣ злополучія, которое укрѣпило характеръ его и научило пренебрегать всѣмъ, для

надлежащей довѣренности къ этой части своей Исторіи. Нѣкоторыя подробности о Чингисъ-Ханѣ можно найти въ Восточной Библіотекѣ *Гербелота*.

доспиженія своихъ замысловъ. Съ четырнадца- 1242 —
ти лѣтъ отъ роду, лишенный отцовскаго 1245.
наслѣдія, онъ убѣжалъ къ Хану Караиповъ,
и не запруднился пожертвовать священ-
нѣйшими обязанностями гостепріимства сво-
ему будущему величію. Ханъ Караиповъ
извѣстенъ былъ Христіанамъ среднихъ вѣковъ
подъ именемъ *Священника Іоанна* (1); онъ
славился между ними своимъ обращеніемъ въ
Христіанскую Вѣру, и слылъ однимъ изъ
ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ Евангелія,
о которомъ безъ сомнѣнія не имѣлъ никакого
понятія. Онъ предоставилъ защиту своихъ
владѣній юному Темучину, который, овла-
дѣвъ умами воиновъ, свергнулъ съ престола
своего благодѣтеля. Презрѣвъ всѣ законы
нравственности для похищенія престола,
онъ нарушилъ также всѣ законы человѣче-
ства, для огражденія своей власти. Семьде-
сятъ враговъ его, поверженные въ семьде-

(1) Въ лѣтописяхъ среднихъ вѣковъ часто упоминается о *Священникѣ Іоаннѣ*. Письмо, писанное однимъ Владѣтелемъ этого имени къ Людовику VII, хранится понынѣ. Считаютъ около пяти Варварскихъ Владѣтелей, носившихъ имя *Священника Іоанна*. Всѣ дальнѣйшія разысканія къ поясненію истины, были бы теперь безъ всякой пользы. (См. le précis de la *Géographie universelle*, par M. *Malte-Brun*, tome 1, pag. 441 et suiv.)

1242 — 1245. сѣпъ котловъ съ кипящею водою, и черепъ начальника Караитовъ, оправленный въ золото, возвѣсили свѣту, каковъ былъ повелитель, котораго давала судьба народамъ Азіи.

Побѣда долженствовала довершить начатое измѣною и насиліемъ; оружіе Темучина и его полководцевъ постепенно покорили всѣ орды, кочующія между Китайскою спѣною и Волгою. Темучинъ былъ всемогущимъ властелиномъ нѣсколькихъ милліоновъ паству-ховъ и воиновъ, нетерпѣливо желавшихъ покинуть свои земли и овладѣть странами полуденными. Чтобы приковать къ своей участи сподвижниковъ своихъ побѣдъ, онъ хотѣлъ царствовать по ихъ выбору, и повелѣлъ собраться *курильтаю* или всеобщему съѣзду, на которомъ и провозглашенъ повелителемъ Монголовъ. Честолюбивый Темучинъ не пренебрегъ также и вліяніемъ суевѣрія; онъ принялъ титулъ *Чингиса*, *Царя Царей* или *Владыки міра*, и молва распространилась, что столь пышное названіе дано ему Пророкомъ, нисшедшимъ съ неба на бѣломъ конѣ.

Восточные Дѣописатели превозносили Чингисъ-Хана за то, что онъ даровалъ законы побѣжденнымъ народамъ. Законы сіи, коихъ цѣль состояла въ сохраненіи мира между

семействами и въ направленіи духа народнаго 1242—
къ войнѣ, долгое время удерживали Монголовъ 1245.
въ повиновеніи и страхѣ. Такъ какъ въ законо-
дательствѣ своемъ Чингисъ признавалъ еди-
наго Бога, Владыку неба и земли, и допу-
скалъ всѣ прочія вѣрованія, то нѣкоторые
новѣйшіе Писатели, основываясь на томъ,
начали превозносить его вѣротерпимость.
Но что за терпимость могла быть у сви-
рѣпаго завоевателя, который требовалъ,
чтобы называли его *сыномъ Солнца*, *сы-
номъ Божіимъ*; который самъ не слѣдовалъ
ни какому закону, и съ одинакою холодностью
смотрѣлъ на всѣ вѣроисповѣданія, поколику
онѣ не противились властолюбію его и гор-
дости!

Полководцы и воины Чингисовы признали
его повсемѣстнымъ повелителемъ и власте-
линомъ земли, шѣмъ съ большею готовностію,
что надѣялись обогатиться сокровищами
всѣхъ народовъ, побѣжденныхъ его оружіемъ.
Первыя его предпріятія направлены про-
тивъ Китая, отъ котораго онъ зависѣлъ.
Великая стѣна, преимущества просвѣщенія
и искусствъ, изобрѣтеніе пороха, который,
говорятъ, былъ извѣстенъ тогда у Китай-
цевъ, не могли спасти цвѣтущей имперіи
отъ вторженій толпы, алкавшей добычи, и

1212 — 1245. копорую воинственное влеченіе, успремляя на вспрѣчу опасносптямъ, дѣлало непобѣдимою.

Современныя намъ войны, копорыхъ бѣдспвія мы оплакиваемъ, даюпъ лишь слабое поняпіе объ эпихъ исполинскихъ нашествіяхъ, при коихъ милліоны людей гибли опъ меча и голода. Китай двукрапно испыпалъ всѣ бѣдспвія неразлучныя съ войною, копорую, казалось, направлялъ самъ геній испребленія; и въ печеніе нѣсколькихъ лѣпъ, древнѣйшее и могущеспвеннѣйшее царспво Азіи, покрыпое кровію и развалинами, лишенное половины своего населенія, сдѣлалось обласпью новой имперіи, основанной Монгольскими паспухами.

Завоеваніе *Харазма* или *Хивы* (1) скоро послѣдовало за покореніемъ Кипая; Хива граничила съ Имперіею Монгольскою, и съ одной спороны простиралась до залива Персидскаго, съ другой до предѣловъ Индіи и Туркеспана. Чингисъ узналъ, чпо цѣлый Тапарскій каравапъ и прое пословъ его испреблены были въ одномъ изъ Хивинскихъ

(1) *Прим. Рус. Переводчика. Харазмъ* или *Ховарезмъ* называется у насъ *Хивою* (Смотри Исторію Государспва Россійскаго Г. Карамзина, шомъ 5, примѣчаніе 289).

городовъ. Можно предспавишь себѣ, какое дѣйспвіе произвела эта вѣспь въ повелишелѣ Монголовъ, копорый самъ уподоблялъ гнѣвъ Царей пожарамъ, воспламеняющимся опъ малѣйшаго вѣтра (1). Проведя три дня и три ночи въ посптѣ и молипвѣ на горѣ, гдѣ нѣкій пустынникъ вторично прорекъ ему завоеваніе міра, грозный Чингисъ выступилъ въ поле съ семью стами тысячъ Тапаръ. Войско сіе вспрѣтило Хивинцевъ на берегахъ Яксарта; Магомепъ, Султанъ Хивинскій (Харазскій), многократно проносившій побѣдоносное оружіе въ Туркеспанъ и въ Персію, лично предводительспвовалъ своимъ войскомъ. Милліонъ двѣсти тысячъ рапниковъ покрывали равнину, на копорой рѣшилась бипва. 1242 — 1245.

(1) Изъ того, что знаемъ о Чингисъ-Ханѣ, съ прудомъ можно повѣрить, что этотъ звѣрскій завоеватель могъ найти себѣ защитниковъ между новѣйшими Писателями; но *Пети де Лакруа* не могъ не послѣдовать примѣру большей части Біографовъ, обыкновенно пристрастныхъ къ герою, котораго описываютъ жизнь. Арабскій Историкъ упоминаетъ, что Чингисъ, при вѣсти о смерти своихъ пословъ, не могъ удержаться отъ слезъ. При этомъ *де Лакруа* вооружается противъ Арабскаго Историка, и съ ѣдкостью упрекаетъ его въ томъ, что далъ Императору Монгольскому *женскій характеръ*. Всѣ прочіе Писатели, присовокупляетъ онъ, изображаютъ его черты, приличнѣйшими герою.

1212 — 1245. Кровопролитіе и напискъ были ужасны; Магометъ былъ разбитъ, и съ той поры съ семействомъ своимъ и народомъ повергнутъ въ бездну золъ.

Города Отраръ, Бохара, Самаркандъ, Кандагаръ, Харазмъ, осажденные несмѣтною толпою, достались побѣдителю и были свидѣтелями истребленія всѣхъ воиновъ и жителей своихъ. Нельзя не ощутить живѣйшаго сожалѣнія, когда Исторія указываетъ намъ, съ одной стороны на цѣлый народъ, который покидаетъ разоренныя жилища свои и спѣшитъ укрыться въ пустыняхъ; съ другой, на семейство могущественнаго Государя, влачимое въ неволѣ или изнемогающее въ изгнаніи, и когда представляетъ того самаго Государя, котораго счастію завидовала Азія, и который, брошенный своими подданными, умираетъ отъ нищеты и отчаянія на островѣ Каспійскаго моря.

Воинство Чингисъ-Хана возвратилось въ Татарію, обремененное добычею царства Хивинскаго: Властитель Монголовъ (1), ка-

(1) Весьма долго спорили о наименованіи *Монголовъ* и *Татаръ*. Изъ множества темныхъ извѣстій можно заключить, что Монголы составляли въ началѣ племя, обитавшее въ обширныхъ земляхъ Татаріи; и что Татары, въ большемъ числѣ находившіеся въ вой-

залось; желалъ управлять мирно своими за- 1242—
воеваніями; но свѣтъ, приведенный въ пре- 1245.
пепъ побѣдами его, всегда готовый свер-
гнуть его владычество, и воинственный
духъ Тапаръ, которымъ открылъ онъ сокро-
вища прочихъ народовъ, не позволяли ему
предаться спокойствію; онъ готовился къ
третьему походу противъ мятежнаго Ки-
тая, когда смерть остановила его стремле-
ніе. Нѣкоторые Историки повѣствуютъ,
что онъ пораженъ молніею, какъ будто небо
само желало сокрушить орудіе мщенія своего;
другіе (1), заслуживающіе болѣе вѣроятія,
говорятъ, что Тапарскій герой умеръ на
одрѣ своемъ, окруженный дѣтьми, которымъ
завѣщалъ жить согласно, чтобы довершить
покореніе міра. Старшій изъ сыновей его,
Октай, былъ преемникомъ его власти, и
по обычаю Монголовъ, старѣйшины собра-
лись и сказали ему: *мы хотимъ, мы про-
симъ и повелѣваемъ тебѣ принять надъ*

скахъ Монгольскихъ завоевателей, затмили имя сво-
ихъ побѣдителей въ областяхъ Азіи и Европы, гдѣ
эти войска распространились.

(1) Отецъ *Гобиль* (Gaubil) перевелъ Китайскую Исто-
рію Чингисъ-Хана: Исторія эта мало поучительна,
и заключаетъ въ себѣ только любопытныя подробно-
сти о семействѣ и преемникахъ завоевателя.

1242—1245. *нами верховную власть.* Новый Импе-
рапоръ отвѣчалъ имъ этими словами, въ коихъ заключается духъ всѣхъ Восточныхъ деспотическихъ правленій: *Если желаете имѣть меня Ханомъ, то рѣшились ли вы во всемъ мнѣ повиноваться, являться по призыву моему, итти, куда захочу послать васъ, и предавать смерти тѣхъ, которыхъ прикажу вамъ умертвить?* — Да, отвѣчали старѣйшины; и тогда онъ сказалъ: *отнынѣ слово мое да будетъ вмѣсто меча!* Таково было правленіе Тапаръ. Октай долженствовалъ владычествовать надъ имперіею, составленною изъ множества великихъ царствъ; братья и племянники его предводили несмѣтными воинствами, покорившими Китай и Хиву; они управляли именемъ Октая на Югѣ, Сѣверѣ и Востокѣ царствами, о величинѣ которыхъ едва имѣли понятіе; каждый изъ намѣстниковъ его былъ могущественнѣе величайшихъ Государей земныхъ, и всѣ ему повиновались какъ рабы. Впервые, можетъ быть, увидѣли согласіе господствовавшее между завоевателями, и этотъ чудовищный союзъ былъ гибелью для всѣхъ Азіятскихъ народовъ: Туркестанъ, Персія, Индія, южныя области Китая, избѣгнувшія

опустошеній во время перваго нашествія, 1242 — осташки имперіи Аббасидовъ и Турковъ — 1245.
Сельчуковъ (Сельджуки), все рушилось, все испребилось подъ ударами грозныхъ потомковъ Чингисъ-Хана. Многіе Государи, которые жребіемъ оружія низвергнуты съ престола во время этихъ смятеній и бѣдствій, призывали на помощь Монголовъ и благопріятствовали предпріятіямъ сего воинственнаго народа противъ сосѣдственныхъ или соперничествующихъ державъ. Судьба подвергла ихъ тому же несчастію, и Восточные Историки уподобляютъ ихъ тремъ Дервишамъ, оживившимъ въ пустыни обѣтами и безразсудными просьбами кости льва, который возсталъ изъ праха и пожралъ ихъ.

Завоеваніе богатѣйшихъ Азіятскихъ странъ до того воспламенило изступленіе Татаръ, что вожди уже не могли удержать ихъ въ предѣлахъ своей земли, и снова обратить къ мирнымъ занятіямъ пастушеской жизни. Октай, повинуясь ли наставленіямъ родителя, или чувствуя необходимость занять безпокойную и буйную дѣятельность Монголовъ, рѣшился пронесть оружіе свое до самыхъ концевъ Запада. Полтора милліона пастуховъ или воиновъ, вписали имена свои въ военномъ спискѣ; пятьсотъ тысячъ храбрѣйшихъ и

1242—1245. крѣпчайшихъ пѣломъ отобраны были для великаго предпріятія; прочіе остались въ Азіи для удержанія побѣжденныхъ народовъ въ повиновеніи, и для довершенія завоеваній, начатыхъ Чингисъ-Ханомъ. Сорокодневныя увеселенія предшествовали отбытію Монгольскихъ завоевателей, и служили какъ бы предвѣстіемъ опустошеній, кои распространили они между Европейскими народами.

Въ стремительномъ шествіи своемъ, Татары перешли Волгу, и почти безъ всякаго препятствія проникнули въ Россію, обуреваемую тогда междоусобіями. Громленіе полей, сожженіе Кіева и Москвы, унизительное рабство, тяготившее долгое время эти Сѣверныя страны, наказали Русскихъ за слабое сопротивленіе (1). По завоеваніи Россіи,

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Французскій Писатель вѣрно не зналъ о Бояринѣ Рязанскомъ Евпатіѣ, который мужествомъ своимъ и твердостію духа, привелъ въ изумленіе Батыя; вѣрно не слышалъ онъ о городѣ Козельскѣ, которому Варварскій полководецъ далъ славное прозваніе *злаго;* вѣроятно неизвѣстны ему ни храбрость, съ которою Русскіе сразились съ несмѣтными полчищами Монгольскими при рѣкѣ Сити, ни упорная защита Кіева; въ противномъ случаѣ, онъ не упрекнулъ бы нашихъ предковъ въ слабодушіи, а пожалѣлъ бы о народѣ доблестномъ, павшемъ жертвою неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

толпа Монголовъ, предводимая *Батыемъ*, сыномъ Тули (Tuli), направила побѣдоносное шествіе къ Польшѣ и границамъ Германіи, возобновляя повсюду всѣ люпосши Гунновъ и Аттилы. Города Люблинъ и Варшава исчезли на пути ихъ; они опустошили оба берега Балтійскаго моря: тщетно Герцогъ Силезскій, Палатины Польскіе и Великій Магистръ Тевтонскаго Ордена соединили силы свои, чтобы положить преграду новому бичу Божію (1); великодушные защитники Европы не устояли на равнинахъ Лигницкихъ, и девять мѣшковъ, наполненные ушами, служили трофеемъ побѣды Варваровъ. Карпатскія горы были лишь слабымъ препятствіемъ спремительности непобѣдимыхъ ордъ, и вскорѣ Татары, какъ грозная туча, нагрянули на землю Венгровъ, которые за два вѣка предъ тѣмъ, оставили, подобно имъ, пустыни Скиѳіи, и завоевали плодоносные берега Дуная. Венгерскій Король, Бела, привлекъ во владѣнія свои сорокъ тысячъ 1242—1243.

(1) Матвѣй Парисъ описываетъ ужасъ, распространенный Монголами въ Европѣ; Исторія его заключаетъ въ себѣ воззваніе ко всѣмъ западнымъ народамъ, побуждающее ихъ вооружишься: названіе каждой націи обозначено у него благородными и лестными похвалами.

1242 — 1245. семей Комановъ, которые измѣнили ему; Палапины и Вельможи враждовали между собою, и видъ опасности не могъ ни соединить ихъ, ни подчинить законамъ Государя. Неповиновеніе, измѣна, раздоры предали государство неистовствамъ безжалостнаго врага; стада, жатвы, всѣ богатства страны сдѣлались добычею Монголовъ; половина населенія истреблена. Изъ всѣхъ Венгерскихъ городовъ, три только оказали рѣшительное сопротивленіе, и спасли себя такимъ образомъ отъ ужасовъ кровопролитія и разрушенія. Пастухи Скиѳскіе, не знавшіе грамоты, предоставили побѣжденнымъ народамъ трудъ, описать ихъ завоеванія, и старинныя Венгерскія лѣтописи едва заслуживаютъ вѣроятіе, когда повѣствуютъ о неслыханномъ безчеловѣчіи, коимъ осквернили себя побѣдители (1); но многія области обезлюденныя и превращенныя въ пустыни, развалины двухъ тысячъ церквей, пятьдесятъ истребленныхъ городовъ, преданія о сихъ великихъ бѣдствіяхъ,

(1) Можно справиться о томъ въ Исторіи *Туроксія* (Thurocsius) T. 1. *Rerum hungaricarum*, особенно же въ *Плачевной пѣснѣ* (Carmen miserabile) Рожера Венгерскаго, Варадинскаго Каноника, описавшаго піитическою прозою бѣдствія, коихъ былъ самовидцемъ.

переходившія изъ вѣка въ вѣкъ, ужасъ, рас- 1242 —
пространившійся по Европѣ, суть неоспо- 1245.
римыя свидѣтельства, въ достовѣрности
коихъ нельзя сомнѣваться.

Удивляются, что Монголы, среди всеоб-
щаго замѣшательства, не обратили оружія
своего противъ Латино-Византійской Импе-
ріи, угрожаемой Греками и покрытой уже
развалинами; но сыны степей не занимались
внутренними перемѣнами державъ и призна-
ками ихъ упадка; они сохранили, какъ и всѣ
Азіятскіе народы, темное и невѣрное поня-
тіе о могуществѣ и силахъ древней Визан-
тіи, и мало заботились о томъ, наступило
ли время напасть на нее и поработить
своему оружію. Великія выгоды, доставляе-
мыя Имперскому городу положеніемъ его
между Европою и Азіею, ни мало не пора-
жали Татаръ, которые не знали ни море-
плаванія, ни торговли, и сверхъ того пред-
почитали богатыя пасбища роскошнымъ зда-
ніямъ огромной столицы. И такъ можно дво-
яко приписать спасеніе Константинополя:
воспоминаніямъ минувшаго величія его, или
презрѣнію и равнодушію Варваровъ.

Франки, утвердившіеся въ Сиріи, были
также счастливы, какъ и Византійскіе

1242—1245. Греки. Войска Монгольскія еще не перешли Евфрата.

Между тѣмъ, какъ шумъ войны и крушеніе царствъ раздавались отъ береговъ Яуны (Jaune) до Дуная, Христіане Палестинскіе, воспользовавшись раздорами Саррацинъ, вступили снова въ Іерусалимъ; они занимались исправленіемъ стѣнъ Святаго Града, возобновленіемъ церквей, и въ тишинѣ благодарили Небо, охранявшее ихъ отъ свирѣпости бичей, опустошавшихъ міръ. Татары едва знали о существованіи и имени страны, за которую пролито столько крови; ничто не призывало ихъ къ чтимымъ, но безплоднымъ берегамъ Іордана, ни надежда на богатую добычу, ни воспоминанія, воспламенявшія воинственный жаръ западныхъ народовъ. Счастіе Христіанскихъ народовъ не нарушилось бы, если бы племя, побѣжденное Монголами, изгнанное изъ своей родины, и искавшее всюду прибѣжища, не пришло уничтожить скоротечной ихъ безопасности, и повергнуть градъ Христовъ въ новыя бѣдствія.

По смерти Магомета, Султана Хивинскаго, сынъ его Гелальддинъ собралъ войско. Храбрость, оказанная имъ во многихъ сраженіяхъ, изумила непріятелей и возвратила на краткое время владычеству его

жалкіе остатки имперіи Хивинской; счастіе сопутствовало ему въ походахъ въ Грузію и въ Индію: но наконецъ среди упоеній роскоши, онъ забылъ уроки злополучія, потерялъ всѣ свои завоеванія и погибъ бѣдственнымъ образомъ у Курдовъ, гдѣ искалъ убѣжища. Тогда воины Хивинскіе (Харазскіе), повсюду гонимые Татарами, покинули страну, въ которой не могли долѣе держаться, и подъ предводительствомъ *Барбакана*, одного изъ своихъ военачальниковъ, разсыпались въ Малой Азіи и въ Сиріи. 1242—1245.

Эти орды, изгнанныя изъ своей земли, или вооруженныя огнемъ и мечемъ, и въ своемъ отчаяніи, казалось, хотѣли вымести на всѣхъ народахъ бѣдствія, которыя понесли отъ Татаръ. Исторія изображаетъ эти неистовыя шайки, блуждающія по берегамъ Оронта и Евфрата, влача за собою толпы плѣнныхъ мущинъ и женъ; великое множество телѣгъ везли за ними богатства опустошенныхъ областей. Храбрѣйшіе несли на копьяхъ волосы непріятелей, убитыхъ ими въ сраженіяхъ. Войско сіе, облеченное въ награбленную одежду, представляло страшное и уродливое зрѣлище. Воины Хивинскіе имѣли единственное средство побѣду, и всѣ увѣщанія ихъ начальни-

1242 — 1245. ковъ заключались въ словахъ: *Вы должны побѣдить или умереть;* не было отъ нихъ помилованія врагамъ на полѣ битвы; въ случаѣ пораженія, они умирали безъ ропота. Ярость ихъ не щадила ни Христіанъ, ни Мусульманъ; всѣ народы, встрѣчаемые въ пути, они считали своими врагами; приближеніе ихъ распространяло ужасъ на дальнѣе разстояніе, обращало въ бѣгство устрашенныхъ жителей, и превращало въ пустыни селенія и города.

Мусульманскіе владѣтели въ Сиріи соединились противъ Хивинцевъ, и неоднократно отражали ихъ по ту сторону Евфрата. Но духъ соперничества, безпрестанно раздѣлявшій Князей семейства Саладинова, вскорѣ возвратилъ врага, всегда опаснаго, не смотря на его пораженія. Въ это время, Князья Дамасскій, Каракскій, Эмесскій заключили союзъ съ Палестинскими Христіанами; они возвратили имъ не только Іерусалимъ, Тиверіаду, княжество Галилейское, но еще обѣщали сдѣлать ихъ участниками въ завоеваніи Египта, для котораго готовилась вся Сирія. Султанъ Каирскій, желая отмстить Христіанамъ, нарушившимъ заключенные съ нимъ договоры, желая наказать ихъ новыхъ союзниковъ и укрыпь себя отъ ихъ напа-

денія, рѣшился призвать на помощь орды Хивинцевъ; онъ отправилъ посланниковъ къ начальникамъ Варваровъ, и обѣщалъ имъ дать Палестину, если они покорятъ ее своему оружію. 1242—1245.

Это предложеніе принято съ радостію, и двадцать тысячъ всадниковъ, одушевляемые жаждою добычи и крови, стеклись изъ глубины Месопотаміи, готовые служить мщенію и гнѣву Государя Египетскаго. На пути разорили они область Триполійскую, княжество Галилейское, и вскорѣ пожары, пылавшіе по слѣдамъ ихъ, возвѣстили о ихъ прибытіи жителямъ Іерусалима.

Укрѣпленія едва начатыя, и малое число воиновъ запершихся во Святомъ Градѣ, не подавали никакой надежды на отраженіе внезапныхъ нападеній грознаго непріятеля. Вся населенность Іерусалимская вознамѣрилась бѣжать подъ предводительствомъ рыцарей Храма и Странноприимцевъ. Въ городѣ остались только больные и нѣсколько обывателей, которые не могли рѣшиться покинуть свои домы и дряхлыхъ родственниковъ. Вскорѣ приходятъ Хивинцы, сокрушаютъ слабыя укрѣпленія, построенныя для преграды ихъ шествію; вступаютъ въ Іерусалимъ съ мечемъ въ рукахъ, и предаютъ смерти все на

1242 — 1245. пупи своемъ; но въ опустѣломъ городѣ не доспавало жертвъ для ярости побѣдителей, и варвары выдумали самую гнусную хитрость для обратнаго призванія скрывшихся жителей. Они выставляютъ на вершинахъ башенъ крестовыя хоругви и начинаютъ трезвонить во всѣ колокола. Толпа Христіанъ, удалявшаяся тогда по направленію къ Яффѣ, шла въ молчаніи и медленно подавалась впередъ, не переставая питать надежду, что небеса сжалятся надъ ихъ злополучіемъ и ниспошлютъ чудо, которое возвратитъ ихъ въ покинутыя жилища; нѣкоторые не могли оттвести глазъ отъ Святаго Града. Вдругъ хоругви Креста поражаютъ ихъ взоры; они слышатъ священный звонъ, ежедневно призывавшій ихъ къ молитвѣ; тотчасъ распространяется вѣсть, что Варвары обратили свое оружіе въ другую сторону, или что они отбиты оставшимися въ городѣ Христіанами. Вскорѣ всѣ убѣждаются, что Богъ сжалился надъ своимъ народомъ, и не позволилъ нечестивой ордѣ осквернять долѣе присутствіемъ своимъ градъ Іисуса Христа. Семь тысячъ бѣглецовъ, обманутые симъ упованіемъ, возвращаются въ Іерусалимъ и сами предаютъ себя бѣшенству Хивинцевъ, которые умерщвляютъ всѣхъ до единаго. Потоки крови

лились въ улицахъ и по дорогамъ; множество 1242—
инокинь, дѣтей и стариковъ, искавшихъ 1245.
убѣжища въ храмѣ Св. Гроба, зарѣзаны у самаго подножія алтарей. Хивинцы, не уполивъ любострастія своей испребленіемъ живыхъ, открыли склепы, и предали пламени гробы и кости мертвыхъ; гробъ Іисуса Христа, также Годфреда Бульонскаго, святыя мощи Мучениковъ и падшихъ героевъ за вѣру, все было попрано варварами, и Іерусалимъ увидѣлъ тогда въ стѣнахъ своихъ неистовства и святотатство, которыхъ не зрѣлъ никогда среди жесточайшихъ войнъ и во дни, ознаменованные гнѣвомъ небеснымъ (1).

Между тѣмъ Великіе Магистры рыцарей Храма и Странноприимцевъ, соединясь въ Птолемаидѣ съ Патріархомъ Іерусалимскимъ и знатнѣйшими членами Государства, занимались средствами къ отраженію Хивинцевъ и спасенію Палестины. Всѣ жители Тира, Сидона, Птолемаиды и другихъ Христіанскихъ городовъ, способные носить оружіе, поспѣшно стеклись подъ знамена. Князья Дамасскій, Эмесскій, Каракскій, у коихъ

(1) Смотри въ *Библіографіи Крестовыхъ походовъ*, подробности, оставленныя многими Лѣтописцами объ опустошеніяхъ Харазцевъ или Хивинцевъ въ Палестинѣ.

1242 — 1245. Христіане просили помощи, соединяли свои силы и собирали воинство для воспрепятствованія успѣхамъ всемѣстнаго опустошенія. Мусульманское войско выступило въ походъ и скоро прибыло въ Палестину. Его прибытіе къ стѣнамъ Птолемаиды, ободрило унывающихъ Франковъ, которые въ столь крайней опасности, казалось, уже безъ отвращенія поборали невѣрнымъ. Алмансоръ, Князь Эмесскій, предводитель Мусульманскихъ воиновъ, явилъ не въ давнемъ времени мужество свое пропивъ ордъ Хивинскихъ; Христіане съ удовольствіемъ слушали разсказы о свѣжихъ побѣдахъ его на равнинахъ Алепскихъ и на берегахъ Евфрата. Онъ принятъ въ Птолемаидѣ, какъ избавитель; для его шествія разостланы были по дорогѣ ковры, шитые золотомъ и шелками. Народъ, говоритъ Жуанвиль, почиталъ его *лучшимъ изъ Барановъ языческихъ* (des meilleurs barons du payénisme).

Пригоповленія Христіанъ, усердіе и ревность обнаруживаемыя военными сословіями, Баронами и Прелатами, согласіе между Франками и новыми ихъ союзниками, все, казалось, предвѣщало успѣхъ въ войнѣ, предпринимаемой во имя Вѣры, человѣчества и отчизны. Войска Христіанскія и Мусульманскія,

соединясь подъ однѣми знаменами, выступили изъ Птолемаиды и расположились станомъ на поляхъ Аскалонскихъ. Войско Хивинцевъ приблизилось къ Газѣ, для полученія жизненныхъ припасовъ и подкрѣпленія отъ Султана Египетскаго. Франки горѣли нетерпѣніемъ настигнуть враговъ и отмстить смерть сотоварищей своихъ и братьевъ, избіенныхъ въ Іерусалимѣ. Составился Совѣтъ для разсужденія о мѣрахъ, которыя надлежало принять. Князь Эмесскій и благоразумнѣйшіе изъ Бароновъ полагали, что не должно подвергать счастія Христіанъ и ихъ союзниковъ случайностямъ битвы. Они считали безопаснѣйшимъ занять выгодное положеніе и выждать, не давая сраженія, пока свойственное Хивинцамъ непостоянство, голодъ и несогласіе разсѣютъ это бродящее скопище или увлекутъ его въ другія страны. 1242 — 1245.

Большая часть другихъ вождей, между коими отличался самъ Патріархъ Іерусалимскій, не раздѣляли этого мнѣнія, и почитали Хивинцевъ безпорядочною ордою, которую легко побѣдить и обратить въ бѣгство: замедленіе только умножитъ ихъ гордость и усугубитъ дерзость. Съ каждымъ днемъ расли бѣдствія войны; человѣчество и спасеніе Христіанскихъ колоній требовали бы-

1242 — 1245. спраго прекращенія поликихъ опустошеній, и немедленнаго наказанія грабителей, которыхъ присутствіе было позоромъ и злополучіемъ для Христіанъ и для всѣхъ ихъ союзниковъ.

Мнѣніе это, слишкомъ сообразное съ нетерпѣливымъ мужествомъ Франковъ, одержало верхъ въ Совѣтѣ. Рѣшено итти на встрѣчу непріятелю и дать ему сраженіе.

Оба воинства сошлись въ землѣ древнихъ Филистимлянъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, Герцогъ Бургундскій и Король Наваррскій, настигнутые въ пещаныхъ степяхъ Газы, лишились отборныхъ рыцарей своихъ и воиновъ. Видъ мѣстъ, гдѣ крестоносцы понесли пораженіе, воспоминаніе еще о свѣжемъ несчастіи, не охладили безразсудной пылкости Христіанскихъ рапниковъ; едва лишь завидѣли они непріятеля, какъ съ нетерпѣніемъ ожидали знака къ нападенію. Христіанское воинство раздѣлилось на три части: лѣвое крыло, гдѣ находились рыцари Св. Іоанна, было подъ начальствомъ Гопье Бріеннскаго, Графа Яффскаго, племянника Короля Іоанна, и сына Гопье, погибшаго при завоеваніи Неаполя. Мусульманская рапь, подъ предводительствомъ Князя Эмесскаго, составляла правое крыло. Папріархъ Іеруса-

лимскій, окруженный Духовенствомъ и пред- 1242—
шествуемый древомъ Честнаго Креста, Ве- 1245.
ликій Магистръ Тамплiеровъ съ своими ры-
царями, и Бароны Палестинскіе со своими
вассалами занимали средину воинства.

Хивинцы медленно строились къ бою и въ рядахъ ихъ замѣтенъ былъ нѣкоторый безпорядокъ; Гопье Бріеннскій хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы напасть на нихъ съ выгодою; но Патріархъ оковалъ храбрость его угрозами, равно противными пользѣ Христіанъ и духу Евангелія (1).

Графъ Яффскій, отлученный отъ Церкви за то, что удержалъ за собою замокъ, на который Прелатъ имѣлъ притязаніе, просилъ предъ вступленіемъ въ бой, снять съ него церковное прокляттіе. Двукратно Патріархъ отвергъ его просьбу и отказалъ ему въ отпущеніи. Воинство пріяло съ колѣнопреклоненіемъ благословеніе отъ Свя-

(1) Жуанвиль предлагаетъ объ этой войнѣ подробности, собранныя имъ во время пребыванія въ Палестинѣ. Можно получить о ней свѣдѣніе и отъ Продолжателя Вильгельма Тирскаго. Матвѣй Парисъ сохранилъ намъ два письма, одно Патріарха Іерусалимскаго, другое Великаго Магистра Странноприимцевъ, въ которыхъ описывается это сраженіе.

1242 — 1245. щенниковъ и Епископовъ, и въ молчаніи ожидало знака къ биппвѣ. Хивинцы заняли ряды свои и подавались впередъ въ боевомъ порядкѣ, испуская ужасные крики и мепая тучи спрѣлъ. Тогда Епископъ Рамскій, покрытый бронею, горя неперпѣніемъ ознаменовапь мужеспво свое пропивъ враговъ Христіанспва, подошелъ къ Графу Яффскому и сказалъ ему: *Пойдемъ, Патріархъ неправъ; я разрѣшаю тебя именемъ Отца, Сына и Святаго Духа.* Произнеся эпи слова, неустрашимый Епископъ Рамскій и Гопье Брієннскій, послѣдуемые своими сорапниками, устремляюпся въ ряды непріяпельскіе, пылая обрѣспь побѣду или вѣнецъ мученическій.

Вскорѣ обѣ рапи вспупаюпъ въ сѣчу, сходяпся и смѣшиваюпся на полѣ биппвы. Съ пой и съ другой спороны одинакое рвеніе къ побѣдѣ; Христіане и пропивники ихъ пвердо знали, чпо одно лишь пораженіе долженспвовало причинипь имъ гибель, и чпо побѣда была для нихъ единымъ спасеніемъ. Посему по не видимъ въ лѣпописяхъ военныхъ ни одного сраженія упорнѣе и смерпоноснѣе; биппва началась съ разсвѣпомъ и длилась до захожденія солнца. На другой день дрались еще съ одинакою яроспью; Князь

Эмесскій, поперявъ двѣ тысячи своихъ всад- 1212 —
никовъ, оставилъ поле сраженія и убѣжалъ 1245.
въ Дамаскъ. Отступленіе Мусульманъ рѣ-
шило побѣду въ пользу Хивинцевъ; Христіане
долго выдерживали напискъ непріятеля; на-
конецъ, изнуренные усталостію, подавляемые
превосходствомъ силъ, почти всѣ были из-
рублены или взяты въ плѣнъ. На этомъ
кровопролитномъ побоищѣ лишились жизни
или свободы болѣе тридцати тысячъ вои-
новъ Христіанскихъ и Мусульманскихъ; Князь
Тирскій, Патріархъ Іерусалимскій и нѣсколько
Прелатовъ съ трудомъ спаслись отъ меча
и удалились въ Птолемаиду. Между воинами,
возвратившимися въ Христіанскіе города,
считалось только тридцать три Тампліера,
двадцать шесть Спраннопріимцевъ и три
рыцаря Тевтонскаго Ордена.

Когда извѣстіе объ этой побѣдѣ пришло
въ Египетъ, то произвело тамъ всеобщую
радость; о ней возвѣщено народу при звукѣ
барабановъ и трубъ; Султанъ повелѣлъ на-
родныя увеселенія во всѣхъ областяхъ; три
ночи зданія столицы освѣщались потѣшными
огнями. Вскорѣ плѣнники прибыли въ Ка-
иръ на верблюдахъ, при наглыхъ крикахъ
черни. Еще до прибытія ихъ, выставлены
были на городскихъ воротахъ головы ихъ

1242 — 1245. поварищей и братьевъ, убитыхъ въ сраженіи при Газѣ. Этотъ возмутительный памятникъ ихъ пораженія, предвѣщалъ имъ все, чего надлежало спрашиться за самихъ себя отъ варварства побѣдителей. Ихъ зарочили въ темницы, поручивъ смотрѣнію жестокосердыхъ стражей, и въ этомъ заключеніи, доставили имъ горестное утѣшеніе обнять Бароновъ и рыцарей, захваченныхъ въ послѣднемъ Крестовомъ походѣ.

Тѣмъ временемъ, какъ весь Египетъ праздновалъ Газскую побѣду, жители Палестины оплакивали смерть и неволю своихъ храбрѣйшихъ воиновъ. Доколѣ существовала надежда побѣдить Хивинцевъ съ помощію Сирійскихъ Мусульманъ, союзъ ихъ не внушалъ недовѣрчивости, и Христіане имъ не гнушались: но неудачи вскорѣ возобновили предубѣжденія; послѣднія несчастія приписывали карѣ небесной, за осквернение хоругвей Христовыхъ смѣшеніемъ со знаменами Магомета. Съ другой стороны Мусульмане обвиняли себя въ измѣнѣ исламизму, вступивъ въ союзъ съ Христіанами; видъ Креста на полѣ битвы, пробудилъ ихъ изувѣрство и охладилъ ихъ ревность къ содѣйствію, какъ они полагали, врагамъ своимъ. Въ минуту сраженія слышали, какъ Князь Эмес-

скій произнесъ эпи слова: *Я вооружился для брани, но Богъ говоритъ мнѣ въ глубинѣ моего сердца, что побѣда не останется за нами, потому что мы искали дружбы Франковъ.* 1242 — 1245.

Побѣда Хивинцевъ предала большую часть Палестины во власть самыхъ опасныхъ враговъ Христіанскихъ поселеній. Египтяне заняли Іерусалимъ, Тиверіаду и города, уступленные Франкамъ, Княземъ Дамасскимъ. Орды Хивинскія опустошили сплошь берега Іорданскіе, землю Аскалонскую, Птолемаидскую, и осадили Яффу. Они влачили за собою злополучнаго Гопье Бріенискаго, въ надеждѣ, что Графъ заставитъ отворить предъ нимъ врата своего города: этотъ образецъ героевъ Христіанскихъ привязанъ былъ къ кресту, въ виду городскихъ стѣнъ. Выставивъ его такимъ образомъ предъ глазами вѣрныхъ вассаловъ, Хивинцы осыпали его ругательствами, и грозили смертію, если Яффа окажетъ хотя малѣйшее сопротивленіе. Гопье, презирая смерть, громогласно убѣждалъ жителей и воиновъ защищаться до послѣдней крайности. «Долгъ «вашъ, кричалъ онъ, велитъ вамъ защищать «Христіанскій городъ; а мой, повелѣваетъ «мнѣ, умереть за васъ и за Іисуса Христа.»

1242 — 1245. Городъ Яффа не покорился силѣ Хивинцевъ, и Гопье не замедлилъ получить награду за свое великодушное самоотверженіе. Посланный къ Сулпану Каирскому, онъ погибъ подъ ударами разъяренной толпы, и стяжалъ такимъ образомъ, желанный имъ вѣнецъ мученичества.

Но счастіе или скорѣе непостоянство варваровъ подало помощь Франкамъ, и освободило Палестину отъ присутствія врага, которому ничто болѣе не могло противиться. Султанъ Каирскій прислалъ почетныя одежды и великолѣпные подарки начальникамъ побѣдоносной орды, предлагая имъ въ то же время, для довершенія своихъ подвиговъ, обратить оружіе противъ города Дамаска. Хивинцы тотчасъ понеслись на обложеніе столицы Сирійской. Дамаскъ, наскоро укрѣпленный, не могъ выдержать ихъ бурнаго нападенія. Безъ всякой надежды на помощь, онъ отворилъ врата, и призналъ владычество Сулпана Египетскаго. Тогда Хивинцы, возгордясь своими побѣдами, грозно потребовали земель, обѣщанныхъ имъ въ Палестинѣ. Султанъ Каирскій, спрашившійся ихъ сосѣдства, отложилъ исполнить свое обѣщаніе. Отказъ этотъ привелъ варваровъ въ бѣшенство; они предложили услуги свои

Князю, котораго лишили владѣній, и возобно- 1242 —
вили осаду Дамаска, желая отнять его у 1245.
Египтянъ. Спража и жители упорно защи-
щались; опасеніе пасть въ руки безжало-
стнаго врага, порождало въ нихъ мужество.
Всѣ возможныя бѣдствія войны, самый голодъ,
не столько устрашали ихъ, какъ орды, стек-
шіяся подъ стѣнами ихъ города.

Между тѣмъ Султанъ Египетскій выслалъ воинство для подкрѣпленія города; войска Алепскія, также и другихъ княжествъ Сирійскихъ присоединились къ войску Египетскому. Хивинцы были побѣждены въ двухъ сраженіяхъ. Послѣ этого сугубаго разбитія, Восточная Исторія едва упоминаетъ объ имени ихъ и не дозволяетъ намъ болѣе за ними послѣдовать. Большая часть избѣгнувшихъ отъ меча побѣдителя, погибли отъ голода и нищеты въ поляхъ, ими опустошенныхъ; неустрашимѣйшіе и лучше устроенные отправились искать убѣжища во владѣнія Султана Иконійскаго; и если вѣрить заключеніямъ нѣкоторыхъ Историковъ (1), *они были темнымъ зародышемъ могущественной династіи Оттомановъ.*

(1) Мнѣніе Г. *Дегиня* (Deguignes) въ его *Исторіи Гунновъ.*

1242—1245. Христіане Палестинскіе долженствовали возблагодарить Бога за истребленіе Хивинцевъ; но потеря Іерусалима, пораженіе при Газѣ препили имъ предаваться радости. Они лишились своихъ союзниковъ, и считали однихъ только враговъ среди Мусульманъ. Султанъ Египетскій, союзникъ ими опвергнутый, распространялъ владычество свое въ Сиріи, и его могущество съ каждымъ днемъ становилось страшнѣе. Приморскіе города, пребывшіе во власти Христіанъ, оскудѣли совершенно въ защитникахъ. Ордена Св. Іоанна и Храма предложили Каирскому Султану знатную сумму для выкупа своихъ плѣнныхъ; но Султанъ не захотѣлъ выслушать ихъословъ и угрожалъ имъ всею тяжестью своего гнѣва: эти два ратныя сословія, нѣкогда столь страшныя Мусульманамъ, уже не могли съ пользою поддерживать Христіанъ, и принуждены были ожидать въ бездѣйствіи, пока воинственное Европейское Дворянство пополнитъ ряды рыцарей, томящихся въ плѣну у невѣрныхъ или павшихъ на полѣ брани. Императоръ Нѣмецкій, носившій еще титулъ Царя Іерусалимскаго, не дѣлалъ никакого усилія для спасенія остатковъ этого слабаго царства; онъ прислалъ многихъ воиновъ своихъ въ Птолемаиду для

защиты своихъ правъ; но правъ сихъ не 1242—
признавали, и присутствіе войскъ Импера- 1245.
торскихъ, умножило только бѣдствія, изну-
рявшія Святую Землю, присоединивъ къ нимъ
раздоръ и междоусобіе.

Палестина, угрожаемая ежедневно новымъ впорженіемъ, лишена была надежды на вспомоществованіе другихъ Восточныхъ Христіанскихъ владѣній. Команы, народъ варварскій, пришедшій съ предѣловъ Татаріи, и который въ свирѣпости, превосходилъ орды Хивинцевъ, опустошали берега Оронта, и предавали все огню и мечу въ княжествѣ Антіохійскомъ; Армянскій Царь страшился въ одно время и громленій Татаръ и нашествія Мало-Азійскихъ Турокъ; царство Кипрское, терзаемое крамолами, недавнее позорище гражданской брани, опасалось набѣговъ Мусульманскихъ народовъ Сиріи и Египта. Въ сколь плачевномъ положеніи, надлежало думать, что держава Годфредова разрушится до основанія, и что остатки Христіанъ во Святой Землѣ скоро постигнетъ участь Хивинцевъ. Но когда Палестинскіе Франки обращали взоры свои къ Западу, то надежда ихъ и мужество оживлялись; уже не впервые владѣнія Христіанскія въ Сиріи, обязаны были своимъ спасеніемъ и даже крапко-

1242—1245. временнымъ благоденспвіемъ и славою крайнему своему уничиженію и нищепѣ. Жалобы и спенанія ихъ никогда пщепно не раздавались между воинспвенными народами Европы, и чрезмѣрное ихъ уныніе почпи всегда было знакомъ къ новому Кресповому походу, о копоромъ единая мысль, заспавляла препепапь Саррациновъ.

Валеранъ, Епископъ Бейрупскій, посланъ былъ на Западъ для испрошенія покровипельспва Папы и пособій Государей и воиновъ. Глава Церкви принялъ посланника Христіанъ Восточныхъ и обѣщалъ ему по́мочь Свяпой Землѣ. Но погда Западъ былъ весь въ смяпеніяхъ; ссора, возникшая между Папскимъ Пресполомъ и Имперапоромъ Германскимъ, продолжалась съ ожеспоченіемъ, пропивнымъ Вѣрѣ и человѣчеспву. Фридерикъ II, упопреблялъ всевозможныя насилія пропивъ Двора Римскаго и приверженцевъ Первосвященника; Папа, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе раздражаемый, взывалъ къ оружію Христіанъ пропивъ своего пропивника, и обѣщалъ оппущенія Кресповаго похода всякому, кпо согласипся служипь его гнѣву.

Съ другой спороны Лапины, уппвердившіеся въ Конспантинополѣ, окружены были величайшими опасноспями. Имперапоръ

Бодуинъ II, приведя слабое подкрѣпленіе своей сполицѣ, прибылъ обратно на Западъ, и вторично вымаливалъ подаянія и помощь вѣрныхъ, для поддержанія жалкихъ остатковъ своей имперіи, лишенныхъ почти всякой защиты противъ нападеній Грековъ и Болгаръ. Въ то же самое время, Татары продолжали опустошать берега Дуная и угрожали Германіи; варварскіе подвиги ихъ распространили ужасъ во всѣхъ краяхъ Европы; повсюду испуганное воображеніе представляло себѣ этихъ страшныхъ завоевателей, какъ бы чудовищъ извергнутыхъ адомъ, облеченныхъ въ отвратительный видъ и одаренныхъ силою, которой смертный не могъ противиться. Недостатокъ сообщенія, не дозволявшій получить точныя извѣстія о ихъ движеніяхъ, придавалъ вѣроятіе слухамъ самымъ ужаснымъ. Молва представляла ихъ, то наводняющими Италію, то проносящими опустошенія до самыхъ береговъ Рейна; каждый народъ страшился близкаго ихъ нашествія, каждый городъ чаялъ видѣть ихъ у воротъ своихъ. 1242—1245.

Среди этого разстройства и всеобщаго смущенія, Иннокентій IV, искавшій убѣжища въ Ліонѣ, рѣшился созвать въ этомъ городѣ Вселенскій Соборъ, для увѣчеванія

1242—1245. золъ, помившихъ Христіанство на Востокѣ и на Западѣ (1). Первосвященникъ въ письмахъ своихъ къ вѣрнымъ, изображалъ плачевное состояніе Римской Церкви и заклиналъ Епископовъ прибыть къ нему и наставить его своими совѣтами. Патріархи Константинопольскій, Антіохійскій и Аквилейскій, великое множество Прелатовъ и Законоучителей, многіе свѣтскіе Принцы сдались на приглашеніе начальника Западной Церкви. Во множествѣ Епископовъ, одинъ, казалось, останавливалъ на себѣ всеобщее воззрѣніе: то былъ Епископъ Бейрутскій; присутствіе его и гореспь, начертанная на челѣ, напоминали злоключенія Святой Земли. Бодуинъ II, Императоръ Византійскій, привлекалъ неменьшее вниманіе, и умоляющій видъ его, ясно доказывалъ то, что сталось съ Латинскою имперіею, основанною Шестымъ Крестовымъ походомъ.

Большая часть Западныхъ Государей отправили своихъ посланниковъ на этотъ Соборъ, гдѣ долженствовали заняться благомъ

(1) См. въ VI томѣ этого сочиненія (Bibliographie des croisades), въ разборѣ *Церковныхъ лѣтописей* (Annales écclesiastiques), въ 1245 году, нѣкоторыя подробности о СоборѣЛіонскомъ. Должно также справиться съ Матвѣемъ Парисомъ.

и важнѣйшими пользами міра Христіанскаго. Фридерикъ особенно, долгое время навлекавшій на себя негодованіе Папы, употребилъ все для отвращенія грозы, висѣвшей надъ его главою, и Министры, облеченные довѣренностію Императора, получили приказаніе защищать его предъ Святыми Отцами Собора. Въ числѣ пословъ Германскаго Императора, Исторія именуетъ Петра Девиня (Desuignes), писавшаго именемъ Фридерика краснорѣчивыя письма ко всѣмъ Европейскимъ Государямъ, гдѣ жаловался на притѣсненія Папскаго Престола; также Ѳаддея Суэсскаго (Thadée de Suesse), который, не смотря на военное званіе, не пренебрегалъ искусствомъ слова и глубокимъ изученіемъ законовъ. Послѣдній часто оказывалъ славныя услуги своему повелителю въ опасностяхъ войны; но нигдѣ не представляло лучшаго испытанія его твердости, мужеству, преданности, какъ въ этомъ собраніи, на коемъ Римскій Дворъ вполнѣ могъ употребить свое могущество, и осуществить всѣ свои угрозы. 1242—1245.

Предъ открытіемъ Собора, Папа составилъ Совѣтъ въ обители Святаго Юстина (Saint-Just), гдѣ онъ избралъ себѣ мѣстопребываніе. Патріархъ Константинопольскій изложилъ плачевное состояніе своей Церкви:

1242 — 1245. ересь воспріяла владычество свое въ большей часпи Греціи, и враги Лапинской Церкви доходили до самыхъ врапъ Византійскихъ; Епископъ Бейрупскій чипалъ письмо, въ копоромъ Папріархъ Іерусалимскій, Палеспинскіе Бароны и Прелапы извѣщали объ опустошеніяхъ Хивинцевъ, и предспавляли наслѣдіе Іисуса Христа, гоповое пасть во власпь варваровъ, если Западъ не подымепъ оружія для его защипы. Опасноспи и несчастія Восточныхъ Христіанъ сильно прониули Опцевъ Собора; Ѳаддей Суэсскій, пользуясь эпимъ движеніемъ, объявилъ, чпо Имперапоръ, повелипель его, раздѣляепъ глубокую гореспь ихъ, и чпо онъ гоповъ упопребипь всѣ свои силы на защипу Христіансппва. Фридерикъ обѣщалъ оспановипь впорженіе Тапаръ, снова упвердипь въ Греціи владычество Лапинянъ, иппи лично во Святую Землю, и освободипь царспво Іерусалимское; онъ сверхъ пого обѣщалъ, для прекращенія всякихъ распрей, возвраппипь Папскому Пресполу все опняпое у него, и загладипь всѣ свои вины предъ Римскимъ Первосвященникомъ. Такія обѣщанія, опъ могущественнаго Христіанскаго Монарха, обрадовали и изумили большую часпь Епископовъ: все собраніе съ неперпѣніемъ ожи-

дало отвѣта Иннокентія. Папа явилъ себя непреклоннымъ и отвергъ съ жестокостію предложенія, уже многократно дѣланныя, и которыя обезпечивались одною подозрительною честностью Фридерика. Онъ смотрѣлъ на увѣренія Императора, какъ на новую хитрость, чтобы обмануть Церковь и отвратить удары правосудія. *Секира*, присовокупилъ онъ, *уже подъята и готова отсѣчь корни дерева:* слова мало сообразныя съ духомъ Евангелія, и которыя ясно показывали, что Иннокентій явилъ великолѣпіе Собора, имѣя въ виду не низложеніе враговъ Христіанства, но уготовленіе паденія и довершеніе гибели личнаго своего врага. 1242—1245.

Папа назначилъ это пріуготовительное засѣданіе для испытанія своего могущества и для узнанія расположенія Епископовъ. Открытіе Собора совершено чрезъ нѣсколько дней съ величайшею торжественностію въ каѳедральной церкви Святаго Іоанна; Первосвященникъ, облаченный въ Святительскую одежду и съ тіарою на главѣ, занялъ возвышенное мѣсто, имѣя по правую сторону Императора Константинопольскаго, а по лѣвую Графовъ Прованскаго и Тулузскаго. По пропѣніи Veni Creator (Гряди Творецъ),

1242—1245. и призваніи на помощь свѣпа Духа Свяпаго, онъ произнесъ рѣчь, содержаніемъ коей были пять скорбей, его огорчавшія, уподобляемыя пяти ранамъ Искупителя міра на Крестѣ. Первая была, впорженіе Тапаръ; впорая, расколъ Грековъ; трепья, нашествіе Хивинцевъ на Свяпую Землю; чепверпая, ослабленіе Церковной спрогости и успѣхи ереси; и наконецъ пяпая, гоненіе Фридерика.

Первосвященникъ, говоря о бѣдспвіяхъ Христіанспва, не могъ удержапь слезъ. Голосъ его, если вѣрипь современному Испорику, часпо подавлялся вздохами; онъ перелилъ во всѣ сердца чувспвованія, коими самъ былъ проникнупъ; но онъ скоро оспавилъ языкъ соспраданія и гореспи, и принялъ грозное выраженіе гнѣва. Тапары, Хивинцы, Мусульмане внушали ему менѣе ненависпи, нежели Имперапоръ Германскій, пропивъ коего онъ копилъ грозу своего краснорѣчія. Онъ упрекалъ его самыми жеспокими выраженями во всѣхъ злодѣяніяхъ, кои могли привлечь на главу его прокляпія своего вѣка и ненависпь современниковъ. Когда Папа произнесъ свою рѣчь, глубокое молчаніе царспвовало въ собраніи; большая часпь обомлѣвшихъ Епископовъ мнили слышапь гласъ Божій, раздав-

нійся для обвиненія Фридерика: всѣ взоры устремились на посланниковъ Императора; никто не могъ подумать, чтобы одинъ изъ нихъ дерзнулъ возражать передавателю небеснаго гнѣва. Вдругъ Ѳаддей Суэсскій встаетъ и начинаетъ говорить; свидѣтельствуясь Богомъ, измѣряющимъ глубину нашей совѣсти, онъ провозглашаетъ, что Императоръ пребылъ вѣренъ всѣмъ своимъ обѣщаніямъ и никогда не переставалъ быть полезнымъ дѣлу Христіанъ. Онъ опровергаетъ всѣ обвиненія Первосвященника, и въ оправданіе своемъ не страшится привести многочисленныя жалобы пропивъ Двора Римскаго. Разгнѣванный Папа (1) возражаетъ съ высоты своего трона; онъ снова винитъ Императора, и слишкомъ легко обнаруживаетъ желаніе признать его виновнымъ: первое засѣданіе Собора, проведенное въ этихъ жаркихъ пререканіяхъ, представило соблазнительное зрѣлище борьбы между Главою вѣрныхъ, который обвинялъ Христіанскаго Государя въ клятвопреступленіи, вѣроломствѣ, ереси, святотатствѣ, и Министромъ Императора, который укорялъ Римскій Дворъ въ нена-

(1) Матвѣй Парисъ оставилъ любопытныя подробности объ этомъ Ліонскомъ Соборѣ; можно читать о немъ и въ сочиненіи Отца Лабба (Le p. labbe).

1242 — 1245. висшномъ деспошизмѣ и въ возмущишельныхъ несправедливосшяхъ.

Эша борьба, кошорой слѣдсшвія долженсшвовали бышь равно пагубны для начальника Церкви и для начальника Имперіи, проложалась нѣсколько дней; она безъ сомнѣнія оскорбила всѣхъ, кошорыхъ Папа не дѣлалъ учасшниками своихъ негодованій; и большая часшь Епископовъ долженсшвовали огорчишься шѣмъ, чшо шакимъ образомъ ошвлекались ошъ главнаго предмеша ихъ созванія.

Однако же несчасшія Хрисшіанъ на Восшокѣ, плѣненіе Іерусалима, опасносши Визанши заняли наконецъ вниманіе Оцевъ Собора. Папа и собраніе Прелашовъ рѣшили проповѣдывашь новый Кресшовый походъ для освобожденія Свяшой Земли и Конспанншинопольской имперіи Лашинянъ. Возобновили всѣ преимущесшва, данныя кресшоносцамъ Папами и предшесшвовавшими Соборами, и всѣ наказанія, положенныя пропивъ шѣхъ, коюрые будушъ благопріяшсшвовашь морскимъ грабишелямъ и Сарацинамъ: въ продолженіе трехъ лѣшъ, возложившіе на себя кресшъ, освобождались ошъ всѣхъ налоговъ и публичныхъ обязанносшей; но если они не исполнили своихъ обѣшовъ, шо подвергались оплученію ошъ Церкви. Соборъ увѣ-

щевалъ Бароновъ и рыцарей уменьшить рос- 1242—
кошь спола своего и одежды; онъ совѣпо- 1245.
валъ всѣмъ вѣрнымъ и преимущеспвенно
духовнымъ особамъ, являпь болѣе хрисполю-
бія, и укрѣпишься всѣми спрогоспями по-
каянія пропивъ враговъ Божіихъ. Для сни-
сканія небеснаго покровипельспва пред-
спапельспвомъ Пресвяпыя Дѣвы, Папа и
Опцы Собора усповили праздновапь въ
Церкви Рождеспво Хриспово *восемь дней*.
Во многихъ Соборахъ возбраняемы были
Хриспіанскимъ рыцарямъ нечеспивые об-
ряды пурниpовъ; Ліонскій Соборъ возоб-
новилъ это запрещеніе, будучи увѣренъ,
что эпи воинскіе праздники опвращали мы-
сли рапниковъ опъ благочеспивыхъ помы-
шленій о Кресповыхъ походахъ, и что при-
чиняемыя ими издержки, лишали храбрѣйшихъ
владѣпелей и Бароновъ возможноспи дѣлапь
необходимыя пригоповленія для спранспвія
за-море. Соборъ положилъ Духовенспву за-
плапипь двадцапую часпь своихъ доходовъ;
Первосвященникъ и Кардиналы десяпую на
расходы священной войны. Половина доходовъ
опъ всѣхъ церковныхъ мѣспъ предназначена
собспивенно для вспомощеспвованія имперіи
Конспанпинопольской. Опредѣленія Собо-
ра повелѣвали всѣмъ проповѣдникамъ Слова

1242 — 1245. Божія, приглашапь Государей, Графовъ, Бароновъ и общины городовъ содѣйспвовапь всею своею властію успѣхамъ священной войны: пѣ же самыя поспановленія поручали Духовенспву внушапь вѣрнымъ, что жертвы въ пользу Кресповаго похода, супь вѣрнѣйшее средспво искупипь ихъ прегрѣшенія; особенно же налагали на него обязанносць побуждапь всѣхъ вѣрующихъ на судѣ исповѣди къ умноженію своихъ даяній, или по крайней мѣрѣ къ завѣщанію по смерпи своей нѣкопорой суммы для вспоможенія Воспочнымъ Христіанамъ.

Такимъ образомъ Соборъ объявлялъ войну врагамъ Христіанъ, и угоповлялъ способы къ обезпеченію торжеспва рапниковъ Христовыхъ. Впрочемъ, удивипельно, почему Папа не предложилъ проповѣдывапь Кресповый походъ пропивъ Тапаръ, коихъ нашеспвіе онъ сравнивалъ съ одною изъ пяпи Ранъ Спасипеля на крестѣ. По причинѣ бѣдспвеннаго состоянія королевства Венгерскаго, ни одинъ изъ Епископовъ эпого несчастнаго государспва не могъ опправипься на Соборъ, и никпо не возвысилъ голоса въ пользу Венгровъ. Правда, Тапары, опраженные Герцогомъ Нейшпадекимъ, удалились опъ береговъ Дуная; но могли еще

опасапься ихъ возвращенія: для предупре- 1242—
жденія новыхъ набѣговъ, удовольспвовались 1245.
увѣщаніемъ Германскихъ народовъ копапь рвы и воздвигапь спѣны на пупи, по коему долженспвовали проходипь Тапарскія орды. Мѣры сіи, погда уже признанныя недѣйспвипельными, нынѣ опкрываюпъ намъ недоспапокъ предусмоприпельноспи и ослѣпленіе, господспвовавшія въ по время въ политическихъ предначерпаніяхъ. И подлинно, кпо не изумипся, при видѣ собранія, споль важнаго, каковъ былъ Соборъ, призывающаго Европу распочапь сокровища и воинспва свои для освобожденія Конспанпинополя и Іерусалима, между пѣмъ, какъ самые спрашные изъ Варваровъ спояпъ у врапъ ея, и угрожаюпъ захвапипь собспвенную ея землю.

Впрочемъ должно замѣпипь, чпо самъ Фридерикъ испрашивалъ у Европы пособій пропивъ Тапаръ, и чпо Папа забопился не сполько о поддержаніи Нѣмецкой имперіи, сколько объ испорженіи ея изъ рукъ Фридерика. Иннокенпій являлъ мало гоповноспи подапь примѣръ согласія и кропоспи, копорыя Соборъ спарался внушипь Хриспіанскимъ Государямъ; Испорія должна оплакивапь рвеніе и жаръ, съ коими онъ на-

1242 — 1245. спаивалъ въ мспиппельныхъ своихъ замыслахъ пропивъ Имперапора Германскаго, съ опасноспію пробудипь пагубнѣйшія спрасспи, продлипь несогласія, и предапь пакимъ образомъ Западъ впорженію варваровъ. Во впоромъ засѣданіи Собора, онъ гоповился уничпожипь своего врага и испомипь его подъ бременемъ церковныхъ прокляпій, какъ Ѳаддей Суэсскій попребовалъ нѣсколько дней опсрочки, дабы самъ Имперапоръ могъ прибыпь для оправданія своей вѣры и поведенія. Защипникъ Фридерика надѣялся, чпо присупспвіе могущесспвеннаго Монарха, пробудивъ въ умахъ уваженіе къ Величеспву Царей, доспавипъ поржесспво справедливоспи. Папа соглашался, хотя съ прудомъ, опложипь исполненіе своихъ прещеній; но Имперапоръ не могъ рѣшипься, предспапь въ умоляющемъ видѣ предъ собраніемъ, созваннымъ непримиримѣйшимъ изъ его враговъ; онъ не прибылъ на Соборъ, и когда данная ему опсрочка кончилась, Первосвященникъ воспользовался его опсупспвіемъ, и снова укорялъ его въ вѣроломспвѣ и сопропивленіи законамъ Церкви.

Въ по самое время, какъ собраніе Епископовъ цепенѣя, ожидало грознаго приговора, посланники Англійскіе подали жалобу

на повѣренныхъ Римскаго Двора, коихъ че- 1242—
сполюбіе и алчность разоряли королевство 1245.
Англійское; шутъ же говорили они пропивъ
ѳсодальной власти, которую Папа, въ силу
одной уступки Короля Іоанна, присвоивалъ
себѣ надъ правительствомъ и народомъ Ан-
глійскимъ. Эти требованія не могли укро-
тить гнѣва пылкаго Папы. Тщетно Ѳаддей
Суэсскій вставалъ еще разъ, чтобы напо-
мнить, что большое число Епископовъ было
въ отсутствіи, что многіе Государи не
прислали на Соборъ своихъ посланниковъ;
тщетно возглашалъ онъ, что взываетъ къ
суду многочисленнѣйшаго и торжественнѣй-
шаго Собора; ничто не могло отвратить
бури и замедлить часъ мщенія. Иннокентій
сперва спокойно отвѣтствовалъ посланни-
камъ Англійскимъ и Фридериковымъ; потомъ,
гласомъ Судьи и Повелителя: «Я есмь, ска-
«залъ онъ, Намѣстникъ Іисуса Христа; все,
«что мною связано будетъ на земли, будетъ
«связано и на небеси, по обѣщанію Сына
«Божія Первоверховному Апостолу; въ силу
«чего, по совѣщаніи съ братьями нашими
«Кардиналами и Соборомъ, я объявляю Фри-
«дерика, сопричастнаго и изобличеннаго въ
«нарушеніи святыни и въ расколѣ, отлу-
«ченнымъ отъ Церкви и лишеннымъ Импе-

1242—1245. «ріи; разрѣшаю навсегда опъ присяги шѣхъ, «кои клялись ему въ вѣрности; запрещаю, «подъ опасеніемъ навлечь на себя церковное «прокляпіе поступкомъ симъ, повиноваться «ему отнынѣ; повелѣваю наконецъ Курфир- «спамъ, избрапь другаго Имперапора, и «предоспавляю себѣ право, располагапь ко- «ролевспвомъ Сицилійскимъ.»

Во время чпенія эпого приговора, Папа и Прелапы держали въ рукахъ зажженныя восковыя свѣчи и преклоняли ихъ къ землѣ въ знакъ прокляпія и анаѳемы. Посланники Фридериковы удалились въ смущеніи и опчая- ніи; погда раздался голосъ Ѳаддея Суэсскаго, произнесшаго сіи слова изъ Священнаго Пи- санія: *О день страшный! о день гнѣва и бѣдствій!* Мрачное молчаніе царспвовало въ собраніи, среди коего, казалось, разрази- лась небесная молнія. Одинъ лишь Папа вы- казывалъ радосшь, изображавшуюся на его лицѣ; онъ воспѣлъ *Тебе Бога хвалимъ*, какъ будпо бы одержалъ побѣду надъ невѣр- ными, и объявилъ, чпо Соборъ кончилъ свои пруды.

Таковъ былъ Соборъ Ліонскій, слишкомъ знаменишый въ лѣписяхъ среднихъ вѣковъ, и копорый часпо служилъ поводомъ пропив- никамъ вѣры, нападапь на опредѣленія Церкви.

Папа, въ предварительной своей рѣчи, опла- 1242—
кивалъ успѣхи ереси; но всегда занятый бо- 1245.
лѣе борьбою съ противниками своей власти,
нежели вѣры, онъ не предложилъ ни одной
мѣры, чтобы остановить заразу новыхъ за-
блужденій. На Соборѣ этомъ, который ни
сколько не послужилъ наставленіемъ для вѣр-
ныхъ, Величество Государей понесло силь-
ное оскорбленіе; тутъ попраны всѣ поло-
женія народнаго права и всѣ правила Еван-
гельской любви. Когда Иннокентій изъявилъ
свое намѣреніе свергнуть Императора, ни
одинъ изъ Епископовъ не возвысилъ голоса
для отвращенія Папы отъ сего возмути-
тельнаго употребленія своей власти. Насто-
ящія обиды, нанесенныя Фридерикомъ Церкви,
воспоминаніе о гоненіяхъ его противъ мно-
гихъ Епископовъ, подозрѣваемое его намѣре-
ніе лишить собственности Духовенство,
грозная рѣчь Папы, это неодолимое влеченіе,
часто испытываемое въ многочисленномъ со-
браніи, не дозволили ни одному Прелату
защищать дѣло разума и напомнить о за-
повѣдяхъ Евангелія. Впрочемъ Отцы Собора,
каково бы ни было ихъ предубѣжденіе и не-
годованіе, не раздѣлили вполнѣ мстительно-
сти Иннокентія и не приняли дѣятельнаго
участія въ дѣйствіяхъ его несправедливости

1242 — 1245. и насилія. Папа не сносился съ ихъ мыслями и боялся собирать ихъ мнѣнія. Не повторяя того, о чемъ часто было говорено въ богословскихъ школахъ (1), безпристрастная

(1) Въ большомъ Богословіи Турнели (Tournely): Traité de l'Eglise, tom. II, находится ученое разсужденіе объ этомъ опрѣшеніи Императора Фридерика II, на первомъЛіонскомъ Соборѣ.

Этотъ Богословъ утверждаетъ, что Соборъ не принималъ ни малѣйшаго участія въ семъ чрезвычайномъ обнаруженіи власти Иннокентія IV, и приводитъ тому многія доказательства. Мы предложимъ изъ нихъ нѣкоторыя, предоставляя ихъ суду самихъ читателей.

Тогда, какъ всѣ Папскія Буллы, обнародованныя въ Соборѣ, начинаются сими словами: «Мы опредѣлили съ одобренія Собора, съ согласія святаго Собора, и пр. . . *Sacro approbante concilio. . . ex communi concilii approbatione, statuimus,*» Булла, о которой идетъ дѣло, начиналась словами: «Приговоръ, произнесенный противъ Императора Фридерика Папою Иннокентіемъ IV, въ присутствіи Собора, *sacro præsente consilio;*» существенная разница, которая равно замѣчается и въ составѣ Буллы, гдѣ Первосвященникъ говоритъ только отъ своего имени, и какъ бы занимая на землѣ мѣсто Іисуса Христа. — Всѣ Отцы Собора, говоритъ Матвѣй Парисъ, услышавъ приговоръ, были *объяты удивленіемъ и ужасомъ*, которыхъ чувствованій они конечно не ощутили бы, еслибъ приняли участіе въ судѣ.

Всѣ современные Историки приписываютъ этотъ самовластный поступокъ Папѣ, не упоминая даже о Соборѣ; и Фридерикъ II, осуждая неспособность

Исторія не можетъ одобрить молчаливое непричастіе Собора; но она должна сказать въ то же время, что ненавистный приговоръ, 1242—1245.

Судьи, его пристрастіе, запальчивость, неблагодарность, также и въ письмахъ своихъ объ этомъ предметѣ къ Королямъ Французскому и Англійскому, и къ Баронамъ обоихъ Государствъ, жалуется на одного только Первосвященника, не обращая ни малѣйшаго упрека къ Прелатамъ, составлявшимъ собраніе. Долгого считали приговоръ противленіемъ собственно Папы, что Церковь, принявшая рѣшенія Собора, не приписывала большой важности Буллѣ, и Булла сія содѣлалась вообще дѣломъ партіи. Большая часть церквей въ Германіи и въ Италіи опвергли ее. Короли Французскій и Англійскій почли ее обидною для Царскаго Величества, и продолжали сноситься съ Фридерикомъ, какъ съ законнымъ Императоромъ. Она только оживила и ожесточила войну между Гвельфами и Гибелинами.

Папа, хотя и говоритъ, что совѣщался съ Отцами Собора, но прибавляетъ, что совѣщаніе имѣло предметомъ одно лишь отлученіе отъ Церкви Императора, что онъ не объяснился предварительно о снятьи опрѣщенія, и отъ сего-то произошли *удивленіе* и *ужасъ*, обнаруженные Прелатами.

Возражаютъ однако, что Папа и Отцы Собора, по прочтеніи опредѣленія, опрокинули зажженныя въ рукахъ ихъ свѣчи, погасили ихъ, и что потомъ Первосвященникъ воспѣлъ *Тебе Бога хвалимъ*, при чемъ присутствовали и Прелаты: но Матвѣй Парисъ полагаетъ, что обстоятельства въ этомъ случаѣ не совсѣмъ вѣрны. Онъ думаетъ, что немногіе только Епископы, преданные Двору Римскому,

1242 — 1245. произнесенный пропивъ Фридерика, не есть рѣшеніе Церкви, что Епископы и Прелаты не изъявили на то рѣшительнаго согласія,

---

поступали согласно съ ненавистью Папы къ Фридерику, и совершили обрядъ свѣчей, который могъ относиться лишь къ отлученію отъ Церкви: иначе, какъ согласить это мѣсто Историка: *съ удивленіемъ и ужасомъ*, кои проявились, по словамъ его, въ собраніи, при чтеніи приговора?

Папа даже и не старался убѣждать въ томъ, что былъ поддерживаемъ властію Собора. Онъ объявилъ, что соблюдетъ непремѣнно *все то, что сдѣлалъ*, касательно Фридерика.

Разобравъ всѣ эти пункты, Турнели сомнѣвается даже въ самой всемірности перваго Ліонскаго Собора.

Соборъ Флорентійскій, говоритъ этотъ Богословъ, исчисляя всѣ бывшіе до того вселенскіе Соборы, умалчиваетъ о Соборѣ Ліонскомъ; и подлинно многія страны, какъ-то: Германія, Италія, Британія, Испанія, Швеція, Польша не имѣли на немъ своихъ Епископовъ; мало также присутствовало на немъ Прелатовъ Французскихъ и Англійскихъ.

Такимъ же образомъ Соборъ Констанцскій, исчисляя въ формулѣ, которую долженствовалъ подписать назначенный къ избранію Папа, всѣ предшествовавшіе Вселенскіе Соборы, упоминаетъ объ одномъ только Соборѣ Ліонскомъ. И надобно думать, что это о второмъ, потому что сей послѣдній производился съ великимъ торжествомъ. На немъ присутствовало болѣе 500 Епископовъ, какъ Восточныхъ, такъ и Западныхъ, и Греки признали тамъ *Происхожденіе Сына Божія отъ Отца*.

и что безславіе этой великой несправедливости падетъ все на память Иннокентія. 1242—1245.

Въ сіе-то плачевное время Кардиналы, по приказанію Папы, облеклись впервые въ *красную одежду*, символъ гоненія, и печальной

Оддей Суэсскій, представлявшій Императора Фридерика II на СоборѣЛіонскомъ, и ревностный защитникъ правъ этого Государя, всенародно взывалъ къ будущему Собору *всеобщему* и *вселенскому*.

Одна изъ причинъ, которая могла, по мнѣнію Турнели, ввести многихъ Прелатовъ въ заблужденіе, и которая нынѣ покажется весьма странною, состоитъ въ томъ, что они воображали себѣ, что имперія подлинно зависѣла отъ Римскаго Двора. Первосвященникъ, говорили тогда, коронуетъ Императора; слѣдственно онъ имѣетъ особенное и опредѣленное право надъ имперіею, слѣдственно онъ можетъ отрѣшать повелителя ея по какимъ-нибудь важнымъ причинамъ. Фридерикъ въ письмахъ своихъ къ Королямъ Французскому и Англійскому, приводитъ и сильно опровергаетъ этотъ смѣшной предразсудокъ и безумное притязаніе Папъ. Григорій IX, въ письмѣ своемъ къ Кантерберійскому Архіепископу Стефану, извѣщаетъ его, что Фридерикъ обязался клятвою итти во Святую Землю, предавая, если не исполнитъ обѣта, свои владѣнія и свою особу на судъ Папы. Посему, Отцы Собора, еще могли подумать, что отрѣшеніе этого Государя, было слѣдствіемъ наказанія, которое онъ на себя навлекъ, какъ клятвопреступникъ. Должно перенестись въ тѣ вѣка, въ кои разсматривались эти вопросы, чтобы опредѣлить вліяніе ихъ на происшествія.

1242—1245. ное предзнаменованіе предстоящаго кровопролитія. Фридерикъ былъ въ Туринѣ, когда услышалъ о своемъ осужденіи; при этомъ извѣстіи, онъ потребовалъ Императорскую корону, и надѣвъ ее на голову: «*Вотъ она*, «сказалъ онъ страшнымъ голосомъ, *прежде*, «*нежели ее исторгнутъ у меня, враги* «*мои познаютъ ужасъ моего оружія; да* «*вострепещетъ этотъ Святитель, ра-* «*зорвавшій всѣ узы меня съ нимъ связы-* «*вавшіе, и позволившій мнѣ наконецъ*, «*отнынѣ внимать лишь справедливому* «*моему гнѣву*.» Грозныя слова сіи предвѣщали страшную борьбу, и всѣ друзья мира должны были ужаснуться: ярость, которою кипѣла грудь Императора и Папы, перешла въ духъ народовъ; бросились къ оружію во всѣхъ областяхъ Германскихъ и Италійскихъ. Среди волненія, обуревавшаго тогда Западъ, вѣроятно, что забыли бы о Іерусалимѣ и Святой Землѣ, если бъ могущественный и чтимый Государь не принялъ самъ начальства надъ Крестовымъ походомъ, возвѣщеннымъ на СоборѣЛіонскомъ.

Въ предшествовавшемъ году, въ то самое время, когда Западъ получилъ извѣстіе о послѣднихъ бѣдствіяхъ Палестины, Людовикъ IX, Король Французскій, опасно за-

немогъ. Все государство молило Бога о со- 1242—
хранении жизни своего добродѣтельнаго Мо- 1245.
нарха. Болѣзнь, которой припадки съ каждымъ
днемъ увеличивались, возбудила наконецъ жи-
вѣйшія опасенія. Людовикъ впалъ въ смер-
тельное усыпленіе, и вскорѣ распространился
слухъ о его смерти. Дворъ, столица, обла-
стные жители погружены были въ печаль;
и Король Французскій, какъ будто небеса
не могли воспротивиться моленіямъ и сле-
замъ цѣлаго народа, избѣгнулъ оиверстой
могилы. По возвращеніи въ чувство, Людо-
викъ потребовалъ крестъ и возвѣстилъ о
своемъ рѣшительномъ намѣреніи, освободить
Святую Землю: эти слова были первымъ
его изрѣченіемъ.

Окружавшіе Короля, почитали выздоров-
леніе его чудомъ, произведеннымъ Терновымъ
вѣнцемъ Іисуса Христа и покровительствомъ
Апостоловъ Франціи; они упали на колѣна,
благодаря небо, и въ изліяніи радости, едва
обратили вниманіе на произнесенный Людо-
викомъ обѣтъ, оставить королевство свое
и итти на Востокъ сражаться съ невѣрными.
Когда этотъ Государь началъ приходить
въ силы, то повторилъ свою клятву и снова
потребовалъ *крестъ странствія за-море.*
Тогда мать его, Королева Бланка, Принцы

1242 — 1245. крови, Петръ Овернскій, Епископъ Парижскій, спаралисъ его оппвратить опъ этого намѣренія и заклинали его, проливая слезы, дождаться совершеннаго выздоровленія, чтобы лучше остановить мысли свои на сполько опасномъ предпріятіи; но Людовикъ думалъ, что покорствовалъ воли небесной: воображеніе его поражено было бѣдствіями Святой Земли: Іерусалимъ, преданный на расхищеніе, гробъ Іисуса Христа поруганный, безпрестанно представлялись уму его. Среди волненій жестокой горячки, ему мечталось, что нѣкій голосъ исходитъ изъ Востока и произноситъ эти слова: *Король Французскій! ты зришь оскорбленія, наносимыя граду Христову! тебя избрало небо мстителемъ за оныя!* Сей божественный голосъ гремѣлъ еще въ ушахъ его и заглушалъ просьбы дружества и внушенія человѣческой мудрости: непоколебимый въ своей рѣшимости, онъ принялъ крестъ изъ рукъ Петра Овернскаго и извѣстилъ Христіанъ Палестинскихъ,ославъ имъ пособія людьми и деньгами, что самъ преплыветъ море, когда соберетъ воинство и возстановитъ миръ въ своемъ королевствѣ.

Это извѣстіе, долженствовавшее произвести радость между Восточными Христіан-

скими поселеніями, распространило печаль по всѣмъ областямъ Французскимъ. Сиръ де Жуанвилль живо изображаетъ горесть Королевскаго семейства, и особенно отчаяніе Королевы матери; онъ говоритъ, что когда эта Государыня увидѣла своего сына крестоносцемъ, *то задрожала, какъ бы завидѣла его мертвымъ.* Послѣднія злоключенія Іерусалима исторгли слезы у всѣхъ Западныхъ Христіанъ, не поселивъ въ нихъ, какъ и въ предшествовавшемъ вѣкѣ, сильнаго желанія сражаться съ невѣрными. Въ этихъ отдаленныхъ походахъ видѣли однѣ лишь великія опасности, однѣ неизбѣжныя неудачи; намѣреніе, возвращаетъ градъ Божій, пробуждало болѣе страха, нежели воинственнаго восторга. 1242—1245.

Между тѣмъ Римскій Первосвященникъ послалъ во всѣ Христіанскія владѣнія Прелатовъ для проповѣданія священной брани. Кардиналъ Эвдій де Шапору прибылъ во Францію съ непремѣннымъ порученіемъ обнародовать и привести въ дѣйствіе опредѣленія Ліонскаго Собора, касательно Крестоваго похода. Начали проповѣдывать священный походъ во всѣхъ церквахъ королевства. Современная Исторія едва упоминаетъ о дѣйствіи сихъ проповѣдей, и все заставляетъ

1242 — 1245. насъ думать, что поклявшіеся тогда разорвать противъ Сарранинъ, увлеклись болѣе примѣромъ Короля, нежели краснорѣчіемъ священныхъ витій.

Желая дать болѣе торжественности обнародованію Крестоваго похода, и пробудить рвеніе воиновъ къ освобожденію Святыхъ Мѣстъ, Людовикъ IX созвалъ въ столицѣ своей Парламентъ, въ которомъ находились Прелаты и знатнѣйшія Государственныя лица. Кардиналъ Легатъ повторилъ въ этомъ собраніи увѣщанія Главы Церкви ко всѣмъ вѣрнымъ. Людовикъ IX говорилъ послѣ Эвдія де Шатору, и изобразилъ картину плачевнаго состоянія Палестины. «По выраженію «Давида, нечестивое племя вступило въ храмъ «Господень; кровь текла какъ вода вокругъ «Іерусалима; служители Божіи умерщвлены «во святилищѣ; останки ихъ, безъ погре- «бенія, преданы на снѣденіе птицамъ небес- «нымъ.» Оплакавъ бѣдствія Сіона, Людовикъ IX напомнилъ Баронамъ и рыцарямъ своимъ примѣръ Людовика Младаго и Филиппа-Августа; онъ побуждалъ всѣхъ внимавшихъ ему воиновъ поднять оружіе, чтобы переплывъ моря, сразиться съ невѣрными, и защитить славу Божію и славу имени Французовъ на Востокѣ. Людовикъ IX, попеременно взывая къ чело-

вѣколюбію и воинскимъ добродѣтелямъ своихъ слушателей, старался пробудить во всѣхъ сердцахъ, то чувства христолюбія, то рыцарскія мысли. Безполезно говорить о дѣйствіи увѣщаваній и просьбъ Французскаго Короля, который обращался къ честви и къ мужеству своихъ подданныхъ. Едва окончилъ онъ рѣчь свою, какъ при его брата, Робертъ Графъ д'Артуа, Альфонсъ Герцогъ де Пуатье, и Карлъ Герцогъ Анжуйскій, дали клятву итти на защиту наслѣдія Христова и Французскихъ поселеній въ Азіи. Королева Маргарита, Графиня д'Артуа, Герцогиня де Пуатье приняли также крестъ и рѣшились сопутствовать супругамъ своимъ за-море. Большая часть Епископовъ и Прелатовъ, соединившихся въ этомъ собраніи, увлеченные рѣчью Короля и примѣромъ Кардинала Легата, безъ малѣйшаго колебанія вступили подъ знамена для войны, возбуждавшей, правда, менѣе энтузіазма, нежели въ предшествовавшемъ вѣкѣ, но которую еще называли *Божіею бранею*. Въ числѣ сильныхъ коронныхъ вассаловъ, которые клялись погда оставить Францію и итти сражаться съ Сарацинами въ Азіи, друзья Французской монархіи съ радостію замѣчали Петра де Дре, Герцога Бретанскаго, Гуга, Графа де Ламаршъ, и

1242 — 1245.

1242 — 1245. многихъ другихъ владѣльцевъ, которыхъ ненасытное честолюбіе такъ долго мутило государство; примѣру ихъ послѣдовали Герцогъ Бургундскій, Гугъ де Шатильонъ, Графъ де Сенъ-Поль, Графы де Дре, де Баръ, Суассонскій, Блуасскій, де Репель, Монфортскій и Вандомскій, Сеньоръ де Божё, Конетабль Франціи, и Иванъ де Бомонъ, Великій Адмиралъ и Оберъ Камергеръ, Филиппъ де Куртене, Гюйонъ Фландрскій, Аршамбо де Бурбонъ, юный Рауль де Куси, Иванъ де Барръ, Жиль де Майлли, Робертъ де Бетюнъ, Оливіе де Термъ. Въ королевствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая бы не доставила героя крестовой хоругви. Въ многочисленномъ стеченіи этихъ знатныхъ крестоносцевъ, Исторія съ удовольствіемъ замѣчаетъ славнаго Буалева, который въ послѣдствіи былъ главнымъ Судьею Парижскаго купечества, и Сира де Жуанвилля, котораго имя всегда будетъ стоять въ Исторіи Французской подлѣ имени Людовика IX.

Въ собраніи Прелатовъ и Бароновъ постановили принять различныя мѣры для сохраненія народнаго мира и для приготовленія къ священной брани. Неисчислимыя тяжбы нарушали спокойствіе семействъ, и эти тяжбы, изъ коихъ многія рѣшались мечемъ, нерѣдко

измѣнялись въ наспоящія войны. Предписали судилищамъ покончипь всѣ внесенныя дѣла, и въ случаѣ, если невозможно согласипь пяжущихся рѣшипельнымъ сужденіемъ, повелѣли Судьямъ принудипь ихъ кляпвою къ пяпилѣпшему перемирію. Сообразно съ позволеніемъ Папы и опредѣленіями Ліонскаго Собора, рѣшено, чпобы духовныя особы уплапили Королю десяпую часпь своихъ доходовъ, чпо произвело въ духовенспвѣ ропопъ, укрощенный Людовикомъ съ нѣкопорыми запруднеміями. Указъ, изданный Королемъ съ согласія Папы, гласилъ, чпо крепоносцы въ продолженіе прехъ лѣпъ освобождаюпся опъ преслѣдованія своихъ заимодавцевъ, со дня ихъ опправленія во Свяпую Землю; указъ сей, причинивпій пакже множеспво жалобъ, долженспвовалъ побудипь многихъ Бароновъ и рыцарей разспапься съ Западомъ. 1242—1245.

Людовикъ IX безпреспанно занимался исполненіемъ своего намѣренія, и упопреблялъ всевозможныя средспва для увлеченія за собою всего Французскаго дворянспва; благочеспіе его не погнушалось привеспи въ дѣйспво, въ дѣлѣ священномъ, всю власпь, копорую Короли обыкновенно имѣюпъ надъ своими придворными; иногда онъ прибѣгалъ даже къ обольщенію и хипроспи, убѣжденный, чпо

1242 — 1245. святость Крестоваго похода все извиняетъ. По старинному обычаю, Короли Французскіе, въ высокоторжественные дни, раздавали подданнымъ своимъ при Дворѣ, родъ *епанчей* (capes) или шубъ, въ кои одѣвались они тотчасъ и прежде выхода изъ дворца. По старымъ *счетамъ*, эти епанчи назывались *ливреями* (даровыми), потому что Государь даривалъ ихъ и *отдавалъ* (livrait) своеручно. Людовикъ приказалъ изготовить ихъ ко дню сочельника Рождества Христова большое число съ крестами, шитыми шелкомъ и золотомъ: когда наступила минута, каждый надѣлъ епанчу, врученную Государемъ, и нисколько не замѣтивъ благочестиваго обмана, послѣдовалъ за нимъ въ церковь. Каково же было ихъ удивленіе, когда при свѣтѣ зажженныхъ свѣчь, они замѣтили сперва на своихъ предъ ними, а потомъ и на самихъ себѣ, знаки обѣта, котораго не давали. Таковъ однако характеръ Французскихъ рыцарей, что они всѣ сочли себя обязанными отвѣчать на этотъ призывъ, сдѣланный ихъ храбрости; всѣ придворные, послѣ Божественнаго служенія, начали смѣяться съ *искуснымъ ловцемъ человѣковъ*, и дали клятву сопутствовать ему въ Азію (1).

(1) Смотри объ этомъ событіи, приведенномъ Машвѣемъ Парисомъ, въ *Bibliographie des Croisades*.

Между тѣмъ обнародованіе священной брани причиняло въ народѣ болѣе печали, нежели воинскаго жара, и вся Франція горевала о близкомъ отъѣздѣ своего Государя. Королева Бланка и умнѣйшіе изъ министровъ, еще въ началѣ предпринимавшіе отвратить Людовика IX отъ Крестоваго похода, многократно возобновляли свои покушенія; рѣшившись наконецъ сдѣлать послѣднее усиліе, они всѣ вмѣстѣ явились къ Королю. Епископъ Парижскій, предводившій ими, открылъ рѣчь: этотъ добродѣтельный Прелатъ представлялъ Людовику, что обѣтъ, данный въ припадкахъ болѣзни, не могъ навсегда его связывать, особенно, если польза государства возлагала на него обязанность освободиться отъ онаго. «Все требовало присутствія Государя въ «своихъ владѣніяхъ; Пуатвинцы (Poitvins) гро- «зили снова поднять оружіе; война съ Альби- «гойцами (Albigeois) готова была вторично «возгорѣться; надлежало безпрестанно спра- «шиться вражды съ Англіею, привыкшею не «уважать договоры; война, причиненная при- «тязаніями Папы и Императора, пламенѣла «во всѣхъ владѣніяхъ сосѣдственныхъ Фран- «ціи, и пожаръ могъ сообщиться государ- «ству.» Многіе вельможи, которымъ Людовикъ поручалъ важнѣйшія государственныя

1245 — 1250.

1245 — 1250. должносши, говорили послѣ Епископа Парижскаго, и предсшавляли Королю, чшо всѣ посшановленія, основанныя мудросшію его, рушашся во время его оисуисшвія; чшо Франція съ оиъѣздомъ его, поисряешъ плоды побѣдъ при Сенишѣ (Saintes), Тайлебургѣ (Taillebourg), и всю надежду, ожидаемую оиъ добродѣшелей великаго Государя. Послѣ всѣхъ говорила Королева Бланка: «Сынъ мой, сказала она «ему, если Провидѣніе назначило меня блюсши «за швоимъ младенчесшвомъ и за сохраненіемъ «швоей короны, шо, можешъ быши, я имѣю «право напомнишь шебѣ долгъ Государя и «обязанносши, шребуемыя оиъ шебя благомъ «государсшва, главою коего, самъ Богъ шебя «посшавилъ; но внемли лучше словамъ маше- «ринской любви. Ты знаешь, сынъ мой, чшо «немного дней осшалось мнѣ еще прожишь, «и швое оибыніе осшавляешъ во мнѣ мысль «о вѣчной разлукѣ: счасшлива еще буду я, «если умру до полученія на Западѣ извѣсшій «о какомъ-либо великомъ злоключеніи. До «сего дня ты пренебрегалъ моими совѣшами «и моими просьбами; но если шебя не про- «гаешъ моя горесшь, шо подумай по крайней «мѣрѣ о своихъ дѣшяхъ, коиорыхъ покидаешь «въ колыбели; они нуждаюшся въ швоихъ «наспавленіяхъ и въ швоей помощи; чшо

«спанеиъ съ ними въ пвое опсуиспвіе? 1245—
«развѣ они не сполъ для тебя любезны, 1250.
«какъ Христіане Восточные! Если бъ ты
«былъ теперь въ Азіи, и тебѣ возвѣспили,
«что безпомощное твое семейство содѣла-
«лось игралищемъ и добычею партій, ты бы
«не преминулъ поспѣшить къ намъ. Такъ
«знай, что всѣ эти бѣдствія, которыхъ
«спрашится нѣжность моя, могутъ ро-
«диться вмѣстѣ съ твоимъ отъѣздомъ.
«Останься же въ Европѣ, гдѣ имѣешь столько
«случаевъ явить доблести милосердаго Ко-
«роля, быть отцемъ своихъ подданныхъ,
«примѣромъ и опорою Принцевъ своего дома.
«Если Іисусъ Христосъ пребуетъ избавленія
«Его наслѣдія, пошли на Востокъ твои со-
«кровища и воинства; Богъ благословитъ
«войну, предпринятую во славу Его имени.
«Но сей Богъ, внимающій мнѣ, повѣрь, не
«повелѣваетъ исполнять обѣтъ, который
«противорѣчитъ Его великимъ предначерта-
«ніямъ. Нѣтъ, милосердый Богъ, не допу-
«стившій Авраама совершить свою жертву,
«не позволяетъ и тебѣ довершить твое при-
«ношеніе, и подвергнуть опасности жизнь,
«съ которою сопряжена участь твоего семей-
«ства и счастіе твоего народа.»

1245— 1250. Окончивъ эпи слова, Королева Бланка не могла удержапь слезъ своихъ. Людовикъ былъ сильно пронупъ и бросился въ объяпія своей мапери; попомъ, снова принявъ видъ покойный и свѣтлый: «Любезные друзья мои, «сказалъ онъ, вы знаепе, что рѣшимоспь «моя извѣспна всему Христіанспву; уже «нѣсколько мѣсяцевъ совершаюпся пригопо- «вленія къ Крестовому походу по моимъ при- «казаніямъ. Я писалъ ко всѣмъ Европейскимъ «Государямъ, что оспавляю мои владѣнія и «опправляюсь въ Азію; я возвѣспилъ Хри- «спіанамъ Палеспинскимъ, что лично иду «къ нимъ на помощь; я самъ проповѣдывалъ «Крестовый походъ въ моемъ государспвѣ; «множество Бароновъ и рыцарей покорились «моему голосу, послѣдовали моему примѣру, «и поклялись сопупспвовапь мнѣ на Воспокъ. «Чпожъ вы предлагаепе мнѣ теперь? измѣ- «нипь намѣренія, всенародно провозглашен- «ныя, не исполнипь пого, что обѣщалъ и «чего ожидаепъ опъ меня Европа, обмануть «вдругъ надежды Церкви, надежды Палеспин- «скихъ Христіанъ и вѣрнаго моего Дворян- «спва.

«Вы думаепе однако, что я не въ здра- «вомъ разсудкѣ взялъ креспъ заморскаго «спранспвія; я вамъ его возвращаю; вопъ

«сей крестъ, причиняющій вамъ сполько 1245 —
«безпокойствъ, и который я надѣлъ, гово- 1250.
«рипе вы, въ минупы бреда. Но теперь,
«когда вполнѣ наслаждаюсь здравымъ разсуд-
«комъ, я обратно опъ васъ его пребую, и
«объявляю вамъ, что не приму никакой пищи,
«доколѣ его мнѣ не возвратите; ваши упреки,
«ваши жалобы раздираютъ меня горестію; но
«вникните лучше въ мой долгъ и въ вашъ соб-
«ственный; пособите мнѣ снискать истин-
«ную славу, содѣйствуйте мнѣ на предпри-
«нятомъ мною многотрудномъ поприщѣ, и
«не тревожтесь болѣе ни о моей участи,
«ни объ участи моего семейства и моего
«народа. Богъ, даровавшій мнѣ побѣду при
«Тальебургѣ, оттратитъ замыслы и козни
«нашихъ враговъ; такъ, Богъ, Который по-
«сылаетъ меня въ Азію для защиты Его
«наслѣдія, осѣнитъ Своею защитою наслѣ-
«діе дѣтей моихъ и прольетъ Свои благо-
«словенія на Францію. Не уже ли мы лиши-
«лись той, которая была опорою моего дѣт-
«ства и путеводительницею моей юности,
«той, которой мудрость спасла государ-
«ство отъ толикихъ опасностей, и кото-
«рая въ отсутствіе мое не будетъ нуж-
«даться ни въ твердости, ни въ искусствѣ
«для истребленія крамолъ. И такъ, не пре-

1245 — 1250. «пипе мнѣ сдержать мои обѣты, произне-
«сенные мною предъ Богомъ и людьми; и не
«забудьте, что есть обязанности, священ-
«ныя для меня, и кои должны быть священны
«для васъ, это клятва Христіанина и слово
«Короля.»

Такъ говорилъ Людовикъ IX. Королева Бланка, Епископъ Парижскій и другіе совѣтники Короля (1) хранили благоговѣйное молчаніе, и съ сихъ поръ помышляли только о томъ, чтобы содѣйствовать стараніямъ Государя, который заботился о скорѣйшемъ приведеніи въ дѣйство намѣренія, повидимому происшекавшаго отъ самаго Бога.

Тогда проповѣдывали Крестовый походъ во всѣхъ странахъ Европы; но большая часть западныхъ государствъ обуревались мятежами, и голосъ священныхъ витій заглушался распрями непріязненныхъ сторонъ и шумомъ оружія. Когда Епископъ Бейрутскій отправился въ Англію для увѣщанія

(1) Свѣдѣнія объ этомъ покушеніи убѣдили Людовика Св., мы почерпнули у Матвѣя Париса. Этотъ Лѣтописецъ болѣе всѣхъ бросаетъ свѣта на происшествія сей эпохи, какъ то: наЛіонскій Соборъ, ссору Фридерика съ Папою и Крестовый походъ Французскаго Короля; встрѣчаются также нѣкоторыя объ этомъ подробности у Вильгельма де Нанжи, у Жуанвилля и въ Церковныхъ Лѣтописяхъ Рейнальди.

Англійскаго Государя вспомоществовать Во- 1245—
сточнымъ Христіанамъ, Генрикъ III былъ 1250.
занятъ отраженіемъ нападеній Шотланд-
скаго Короля, и укрощеніемъ смятеній въ
княжествѣ Валлійскомъ. Бароны угрожали
опасностію его власти, и не дозволяли ему
вдаваться въ отдаленную брань. Этотъ Го-
сударь не только отрекся взять крестъ,
но запретилъ даже проповѣдывать Кресто-
вый походъ въ своемъ королевствѣ.

Вся Германія была въ пламени въ слѣдствіе
войны между Духовенствомъ и Имперіею.
Низложивъ Императора на Соборѣ Ліонскомъ,
Иннокентій предложилъ Императорскую ко-
рону всѣмъ тѣмъ, кои вооружатся противъ
Государя отлученнаго отъ Церкви, и увѣн-
чаютъ торжествомъ дѣло Римскаго Престола.
Генрикъ, Ландграфъ Турингскій, увлекся обѣ-
щаніями Папы, и былъ коронованъ Импера-
торомъ Архіепископами Майнцскимъ, Кельн-
скимъ, и нѣкоторыми другими духовными
Курфирстами. Съ той поры междоусобія
вспыхнули повсюду; Германія наполнилась
Папскими миссіонерами, которые вооружились
Евангельскимъ Словомъ противъ Фридерика,
по выраженію ихъ, опаснѣйшаго изъ невѣр-
ныхъ. Сокровища, собранныя для приготов-
леній къ священной войнѣ, употреблены на

1245—1250. подкупленіе вѣрности, на посѣяніе сковъ и измѣны, на раздуваніе мятежей и вражды, среди конхъ скоро забыли о дѣлѣ Христовомъ и объ освобожденіи Іерусалима.

Италія была въ такомъ же волненіи, какъ и Германія: громы, сполъ часто извергаемые Римомъ пропивъ Фридерика, усугубили ярость Гвельфовъ и Гибелиновъ. Всѣ Ломбардскія республики составили враждебный союзъ пропивъ приверженцевъ Императора; угрозы, обнародованія Папы не позволяли ни одному городу сохранять нейтралитетъ, и уничтожали всякое прибѣжище мира на всемъ пространствѣ между Альпами и Сициліею. Миссіонеры Иннокентія поперемѣнно употребляли оружіе Вѣры и политики; уже выставивъ Императора еретикомъ, врагомъ Церкви, они изображали его злымъ Государемъ, тираномъ, и ослѣпляли глаза толпы прелестями свободы — пружины, всегда сильно дѣйствовавшія на умы народовъ. Римскій Первосвященникъ послалъ двухъ Легатовъ въ королевство Сицилійское съ письмами къ Духовенству, Дворянству и жителямъ городовъ и селъ. «Не безъ нѣкотораго удивленія, «писалъ Иннокентій, взирали мы на васъ, «погруженныхъ въ постыдное рабство, угнѣ- «таемыхъ въ личности своей и имуществѣ,

«и пренебрегавшихъ до сего дня средствами 1245 —
«обезпечить себѣ пріятности свободы. Мно- 1250.
«гіе другіе народы подали вамъ тому примѣръ;
«но Святый Престолъ, ни мало не укоряя
«васъ, только сострадаетъ вамъ и полагаетъ
«для васъ извиненіемъ страхъ, оковавшій
«сердца ваши подъ игомъ новаго Нерона.»
Въ заключеніе посланія своего къ Сицилій-
цамъ, Папа старался внушить имъ, что
Богъ поселилъ ихъ въ странѣ плодоносной,
подъ прекраснымъ небомъ не для того, что-
бы влачить позорныя цѣпи, и что сбросивъ
съ себя яремъ Императора Германскаго, они
поступятъ сообразно съ намѣреніями Высо-
чайшаго Промысла.

Фридерикъ, сначала пренебрегавшій гро-
мами Рима, устрашился новой войны, кото-
рую объявлялъ ему Папа. Запрещеніе, нало-
женное на его государство, грозные обряды
церковныхъ проклятій, сильно поразили умы
толпы, и могли со временемъ поколебать
вѣрность народовъ; самъ онъ почувствовалъ
наконецъ, что твердость его оставляетъ;
сторона его въ Италіи ослабѣвала съ каждымъ
днемъ; войска его истаяли въ Германіи пре-
вратности; составились заговоры противъ
его жизни, и въ числѣ виновныхъ, онъ съ
горестію открылъ многихъ изъ своихъ при-

1245 — ближенныхъ, осыпанныхъ его благодѣяніями.
1250. Эпопъ Монархъ, сполъ гордый, уже помышлялъ объ одномъ лишь примиреніи съ Церковію и обрапился къ Людовику IX, копораго мудроспь и благочеспіе сдѣлали посредникомъ между народами и власпипелями. Фридерикъ въ письмахъ своихъ обѣщалъ положипься во всемъ на рѣшеніе Французскаго Короля и его Бароновъ, и предварипельно обязался опправипься лично для завоеванія Свяпой Земли, или послапь пуда сына своего, Короля Римлянъ. Имперапоръ, желая привлечь на свою спорону Людовика IX, предложилъ снабдипь его для похода на Воспокъ жизненными припасами, кораблями и всѣми нужными пособіями.

Людовикъ съ жаромъ воспользовался эпимъ случаемъ возспановипь миръ въ Европѣ и обезпечипь успѣхъ Кресповаго похода. Многіе посланники опправились въ Ліонъ къ Папѣ, чпобы упросипь Опца вѣрныхъ внимапь болѣе своему милосердію, нежели своему гнѣву. Король Французскій имѣлъ въ обипели Клюнійской два продолжипельныя свиданія съ Иннокенпіемъ, копораго снова просилъ укропипь своимъ снисхожденіемъ безпокойспва міра Христіанскаго; но вражда слишкомъ распространилась и не подавала надежды на

возвращеніе мира; Иннокентій и Фридерикъ не могли искренно проспить обиды, взаимно нанесенныя другъ другу. Императоръ былъ щедръ на угрозы и на притѣсненія пропивъ Папъ; онъ сполько же ненавидѣлъ ихъ за обиды опъ нихъ полученныя, сколько и за пѣ, копорыя самъ причинялъ имъ. Съ другой спороны давно уже рѣшено было на совѣщаніяхъ Рима, изпровергнупь домъ Швабскій, копорый не безъ причины подозрѣвали въ намѣреніи покорипь Ипалію и упвердипь сполицу Императорскаго владычеспва во градѣ Свяпаго Петра. Эпа политика, съ жаромъ приводимая въ дѣйспво, слилась въ душѣ Иннокенпія со всею злобою личной мести. Самое порженспво, одержанное Римскимъ Первосвященникомъ, лаская гордоспь его и чесполюбіе, казалось, усугубляло его ненависпь, и надежда довершипь паденіе врага, дѣлала его непреклоннымъ. 1245—1250.

Тщепно Императоръ Германскій, болѣе побѣжденный спрахомъ, нежели побуждаемый миролюбіемъ, обѣщалъ сойпи съ прespола, и провеспь осталокъ дней своихъ въ Палеспинѣ, на одномъ лишь условіи, пріяпь благословеніе опъ Папы, и возвеспи на прespолъ сына его Конрада. Эпо совершен-

1245 — 1250. ное отчужденіе власти, это необычайное уничиженіе Царскаго величія, не могли пронупь Иннокентія, который не вѣрилъ или притворялся, что не вѣритъ обѣщаніямъ Фридерика; тщетно Людовикъ IX, котораго душа не могла подозрѣвать обмана, представлялъ Папѣ выгоды, кои Европа, Христіанство и самый Дворъ Римскій могли извлечь изъ раскаянія и предложеній Императора; тщетно напоминалъ онъ ему о мольбахъ и о спасеніи поклонниковъ, о славѣ и пищинѣ Церкви; на рѣчи Святаго Короля едва только обратили вниманіе, и набожная душа его не могла видѣть, не смутясь и не ощутивъ негодованія, этой непреклонной жестокости въ сердцѣ Отца Христіанъ.

Между тѣмъ, какъ молва о сихъ несогласіяхъ, достигнувъ Востока, распространила радость между зловѣрными, несчастные Палестинскіе жители предались отчаянію, получивъ извѣстіе о смятеніяхъ на Западѣ и о всѣхъ грестныхъ происшествіяхъ, замедлявшихъ приготовленія къ Крестовому походу. Многія посольства, прибывшія изъ заморя отъ Христіанъ, вступились предъ Римскимъ Первосвященникомъ за Государя, отъ котораго ожидали сильной помощи. Армянскій Патріархъ писалъ ко Двору Римскому, прося

о помилованіи Фридерика; онъ пребовалъ 1245—
ного именемъ угрожаемыхъ Христіанскихъ по- 1250.
селеній, именемъ разореннаго Града Господня, именемъ Гроба Іисуса Христа, поруганнаго оружіемъ варваровъ. Папа ничего не опвѣчалъ Армянскому Патріарху, и забывъ, повидимому, о Іерусалимѣ, Святомъ Гробѣ и Сирійскихъ Христіанахъ, занимался одною только мыслію — воевать съ Фридерикомъ. Иннокентій преслѣдовалъ своего спрашнаго противника даже на Востокѣ, и обратился къ Султану Каирскому, побуждая этого Мусульманскаго Государя расторгнуть союзъ съ Императоромъ Германскимъ. Каирскій Султанъ, безъ сомнѣнія, ощутилъ столько же радости, сколько и удивленія, получивъ это посольство, открывавшее ему распри Христіанскихъ Государей: онъ опвѣчалъ Папѣ съ горькимъ презрѣніемъ; чѣмъ болѣе убѣждали его нарушить заключенные съ Фридерикомъ договоры, тѣмъ онъ усерднѣе старался показывать вѣрность, которою надѣялся воспользоваться противъ Христіанской Церкви.

Тогда Германскій Императоръ, приведенный въ отчаяніе, оправдалъ нѣкоторымъ образомъ поведеніемъ своимъ самыя насильственныя мѣры Римскаго Двора. Онъ не могъ про-

1245 — 1250. спипъ Людовику IX неучастіе его въ ссорѣ, мупившей все Христіанспво, и если вѣрипъ Арабскому Испорику Яѳею (1), онъ пайно опправилъ посланника въ Азію, увѣдомипъ Мусульманскихъ Государей о походѣ Короля Французскаго. Попомъ, сбросивъ съ себя наружный видъ покорноспи Папѣ, онъ рѣшился опразипь силу силою и насиліе насиліемъ. Нѣкопорые успѣхи, пріобрѣпенные имъ въ Германіи, ободрили его мужеспво, и совершенно заглушили упреки его совѣспи. Предводипельспвуя сильнымъ войскомъ, онъ осадилъ городъ Парму; первыя его побѣды ознаменовались ужасными жеспокоспями: Епископъ Ареццо, павшій во власпь его, и множеспво другихъ военоплѣнныхъ, закованы были въ желѣза, и преданы палачамъ безъ всякаго суда.

Въ упоеніи опъ своихъ успѣховъ, Фридерикъ грозилъ перейпи Альпы, и напасть на Иннокенпія въ спѣнахъ Ліона. Однако небо не допуспило исполнипь намѣреніе, внушаемое ненависпію и желаніемъ мспи. Гвельфы разбили и разсѣяли имперское войско. Счаспіе перемѣнилось, а съ нимъ вдругъ пере-

(1) Смопри Арабскую выписку *Яѳеи* (Yafey), шомъ VI, *Bibliographie des croisades.*

мѣнился и нерѣшительный характеръ Фри- 1245 —
дерика. Побѣда раздражила его гордость и 1250.
удвоила его гнѣвъ; одно пораженіе повергло его въ уныніе, и сдѣлало снова доступнымъ страху. Тутъ онъ опять принялъ роль просителя передъ Папою; и съ той поры, убѣжденія и просьбы не стоили ничего для его смятенной души.

Такъ какъ обширность имперіи его причиняла опасеніе Римскому Двору, то Фридерикъ обѣщалъ раздѣлить свои владѣнія, и дать Сицилію своему сыну Генрику, а Германію своему сыну Конраду. Онъ подвергъ вѣру свою на разсмотрѣніе многимъ Епископамъ, и доставилъ Папѣ ихъ рѣшеніе. Наконецъ онъ обѣщался даже приттти лично умолять Иннокентія о помилованіи. Римскій Первосвященникъ назначилъ между тѣмъ Императоромъ Графа Голландскаго, на мѣсто погибшаго на полѣ битвы Ландграфа Тюрингскаго. Среди сихъ обстоятельствъ, онъ менѣе опасался непріятельскихъ нападеній и заносчивости Фридерика, нежели изъявленій его покорности и раскаянія. Просьбы Государей и народовъ, ходатайствовавшихъ за власть, которую онъ хотѣлъ уничтожить, превожили Иннокентія; онѣ обвиняли въ глазахъ Христіанства упорство его отказовъ,

1245—1250. и, будучи не въ силахъ измѣнить его политику, запрудняли полько въ исполненіи его намѣреній.

Папа пребылъ непоколебимъ; но изумленная Европа начинала вопрошать себя объ источникѣ всѣхъ этихъ жестокостей. Фридерикъ, преслѣдуемый съ такимъ ожесточеніемъ, наконецъ увидѣлъ возрастающими число и усердіе своихъ приверженцевъ и друзей. Въ Германіи Кельнъ и многіе другіе города возстали противъ опредѣленій Папскаго Престола, и предались самымъ буйнымъ неистовствамъ. Папа въ гнѣвѣ низринулъ на виновныхъ всѣ свои громы, и по неправосудію, отличающему эти времена раздоровъ и пятнозлобія, многія изъ произнесенныхъ имъ каръ, долженствовали простираться даже на четвертое поколѣніе. Эта непомѣрная злоба совершенно взволновала умы, и фанатизмъ раскола присоединился ко всѣмъ бѣдствіямъ междоусобной брани.

Такъ какъ Римскій Дворъ подъ достопочтеннымъ предлогомъ Крестоваго похода, собиралъ подати во всѣхъ Европейскихъ владѣніяхъ для поддержанія бунтовъ и мятежей, то несправедливость сія распространила повсюду неудовольствіе и породила духъ сопротивленія даже между народами, не принимав-

шими никакого участія въ ужасной распрѣ. 1245—
Папскіе сборщики разоряли Французскія обла- 1250.
сти; они проходили города и села, прину-
ждали продавать пожитки приходскихъ Свя-
щенниковъ и Капелановъ; пребовали опъ
фабрикъ и монастырскихъ общинъ, по двад-
цатаго процента для Крестоваго похода на
Константинополь, по десятаго для похода
въ Палестину, по наконецъ взыскивали кон-
прибуцію для поддержанія войны пропивъ
Императора. Французское дворянство, увле-
каемое чувствомъ любви къ отечеству, этимъ
духомъ рыцарства, который побуждалъ хра-
брѣйшихъ того времени вооружаться про-
тивъ несправедливости, а можетъ быть
также и изъ страха, чтобы не подвер-
гнуться притѣсненіямъ въ свою очередь,
объявило себя въ пользу Фридерика, и громко
изъявило негодованіе, что королевство Фран-
цузское сдѣлалось добычею Папскихъ повѣ-
ренныхъ. Сперва требованія его были спра-
ведливы; вскорѣ вышли они изъ всякихъ гра-
ницъ; даже занялись рѣшеніемъ вопроса, дол-
жно ли почитать Намѣстникомъ Іисуса Хри-
ста, Первосвященника, котораго поведеніе
казалось столь противнымъ истинному духу
Евангелія; наконецъ составился союзъ изъ
главныхъ Французскихъ владѣльцевъ противъ

1245 — 1250. предпріятій Папы и Духовенства. Среди этой новой борьбы, Людовикъ IX, равномѣрно удаленный отъ святопатственнаго нечестія, которое мечтаетъ пренебрегать всѣмъ, и отъ суевѣрнаго малодушія, которое считаетъ себя осужденнымъ все терпѣть, умѣлъ укротить неумѣрныя требованія обѣихъ сторонъ и сохранить миръ; *лига*, составившаяся тогда, не раздражая умовъ, успѣла наконецъ ихъ вразумить; она послужила во время отсутствія Короля къ удержанію притязаній Римскаго Престола, и многіе Писатели относятъ къ этой эпохѣ начало независимости Галликанской Церкви, составлявшей славу Французскаго Духовенства даже до новѣйшихъ временъ.

Между тѣмъ Людовикъ IX безпрестанно занимался приготовленіями къ отъѣзду. Не зная иного пути на Востокъ кромѣ водою, и не имѣя на Средиземномъ морѣ ни одной пристани, Людовикъ Святый пріобрѣлъ себѣ землю Эгъ-Мортъ (Aigues-Mortes) въ Провансѣ; пристань, заваленная песками, была очищена; на берегу построили довольно обширный городъ для помѣщенія толпы поклонниковъ. Людовикъ въ тоже время занимался обезпеченіемъ продовольствія своего войска и заготовленіемъ хлѣбныхъ анбаровъ на островѣ

Кипрѣ, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлать высадку: Тибо, Графъ де Баръ, и Сиръ де Боже, посланные въ Италію, нашли все необходимое для продовольствія и перевозки войскъ, частію въ республикѣ Венеціянской, частію въ богатыхъ областяхъ Апуліи и Сициліи, гдѣ они упреждены были предписаніями и благорасположеніемъ Императора Фридерика. 1245—1250.

Молва объ этихъ приготовленіяхъ дошла до Сиріи; современные Писатели повѣствуютъ, что Мусульманскіе Государи поразились ужасомъ, и направили всю свою дѣятельность на укрѣпленіе своихъ городовъ и границъ противъ предстоящаго нашествія Франковъ. Толки, ходившіе тогда въ народѣ, удостоившіеся вниманія Исторіи, обвиняли Саррацинъ въ коварныхъ поступкахъ и ненавистныхъ хитростяхъ для отмщенія народамъ Христіанскимъ и для уничтоженія ихъ предпріятій. Обнародовали, что жизнь Людовика IX подвергается опасности отъ лазутчиковъ Старца Горы; въ городахъ разнесся слухъ, и простой народъ охотно тому вѣрилъ, что перецъ, привозимый съ Востока, былъ отравленъ; и Матвѣй Парисъ, Историкъ разсудительный, смѣло утверждаетъ, что множество людей лишились отъ того жизни, пока не открыли сего гнуснаго

1245 — 1250. заговора. Можетъ быть политика того времени сама изобрѣтала эти нелѣпыя басни, чтобы возбудить болѣе ненависти противъ враговъ, съ коими шли сражаться, и чтобы негодованіе разогрѣло мужество воиновъ. Источникомъ подобныхъ толковъ всего естественнѣе было невѣжество народовъ, и они еще болѣе укрѣплялись въ нихъ мнѣніемъ, которое имѣли тогда о нравахъ и характерѣ Мусульманъ.

Три года протекли съ тѣхъ поръ, какъ Французскій Король воспріялъ крестъ. Онъ созвалъ въ Парижѣ новый Парламентъ, въ которомъ назначилъ наконецъ выступленіе святаго ополченія въ Іюнѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года (1248). Бароны и Прелаты возобновили съ нимъ обѣщаніе сражаться съ зловѣрными, и обязались отправиться въ назначенное время, подъ опасеніемъ подвергнуться церковному наказанію. Людовикъ воспользовался минутою, когда вельможи были собраны во имя вѣры, и потребовавъ отъ нихъ присяги въ преданности и послушаніи его дѣтямъ, заставилъ ихъ поклясться (это слова Жуанвилля), *что пребудутъ вѣрными его семейству, если какое-либо несчастіе приключится его особѣ, во время святаго странствія его за-море*

(que loyauté ils porteraient à sa famille, si aucune malle chose avenait de sa personne au saint veage d'outre-mer). 1245—1250.

Тогда Папа прислалъ къ Дворянству и къ народу Французскому письмо, въ которомъ торжественно превозносилъ храбрость и воинскіе добродѣтели Французской націи и ея благочестиваго Монарха. Первосвященникъ давалъ свое благословеніе Французскимъ крестоносцамъ, и грозилъ церковными проклятіями всѣмъ тѣмъ, которые, сдѣлавъ обѣтъ странствія во Святую Землю, станутъ оплагать свой отъѣздъ. Людовикъ IX, который, безъ сомнѣнія, вынудилъ это предувѣдомленіе отъ Папы, увидѣлъ подъ своими знаменами все Дворянство Французскаго королевства; многіе владѣтели, которыхъ власолюбіе онъ долженъ былъ нѣкогда укрощать, первые подали тому примѣръ, спрашась пробудить прежнія подозрѣнія и навлечь на себя новую опалу; другіе, увлеченные обыкновеннымъ придворнымъ духомъ, съ жаромъ объявили себя поборниками Креста, въ надеждѣ получить не небесныя, но земныя награды. Характеръ Людовика IX внушалъ величайшее довѣріе всѣмъ Христіанскимъ воинамъ: «Доселѣ, говорили они, Богъ допускалъ «Крестовымъ походамъ быть длинною цѣпью

1245 — 1250. «злоключеній и бѣдствій, потому что не-
«благоразуміе вождей не радѣло о благосо-
«стояніи Христіанскихъ воинствъ, потому
«что несогласіе и развращенность нравовъ
«слишкомъ долго господствовали между за-
«щитниками Креста; но какихъ несчастій
«можно страшиться подъ предводитель-
«ствомъ Государя, которому небо, казалось,
«внушило свою собственную мудрость, Го-
«сударя, который своею твердостію уничто-
«жилъ всякій раздоръ въ своемъ королевствѣ,
«и долженствовалъ вскорѣ показать на Во-
«стокѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей.»

Многіе владѣтели Англійскіе, между коими отличались Графы Салисбурійскій и Лейчестерскій, рѣшились сопутствовать Французскому Королю и раздѣлять съ нимъ опасности и труды Крестоваго похода; Графъ Салисбурійскій, внукъ прекрасной Розамонды, который подвигами своими снискалъ применованіе *длиннаго меча* (longue-Epée), не задолго предъ тѣмъ лишенъ былъ всѣхъ своихъ богатствъ Генрикомъ III. Не имѣя возможности сдѣлать нужныя приготовленія къ наступавшему походу, онъ обратился къ Папѣ съ сими словами: «При всей моей нищетѣ,
«я посвятилъ себя странствію во Святую
«Землю. Если Принцъ Ричардъ, братъ Короля

«Англійскаго, получилъ, не надѣвая креспа, 1245—
«право взимапь пошлину съ пѣхъ, копорые 1250.
«ее покидаюпъ, по я счелъ, чпо могу пакже
«снискапь эпу милоспь, я, копорый не
«имѣю иныхъ средспвъ, кромѣ подаянія вѣр-
«ныхъ.» Эпи слова, знакомящія насъ съ
происшеспвіемъ довольно любопыпнымъ, за-
спавили улыбнупься Римскаго Первосвящен-
ника; Графъ Салисбурійскій получилъ проси-
мое, и занялся опъѣздомъ на Воспокъ.

Проповѣди священной брани, не имѣвшія дѣйспвія въ Ипаліи и въ Германіи, обрѣли нѣкопорые успѣхи въ обласпяхъ Фрисланда, Голландіи и въ нѣкопорыхъ королевспвахъ Сѣвера. Гаконъ, Король Норвежскій, славный по храброспи и подвигамъ своимъ, далъ кляпву сражапься съ зловѣрными; Норвежцы, многокрапно ознаменовавшіе себя въ священ-ныхъ войнахъ, послѣдовали примѣру Короля. Гаконъ, пригоповивъ свою экспедицію, пи-салъ къ Людовику IX, увѣдомляя его о своемъ близкомъ опъѣздѣ. Онъ просилъ у него позво-ленія приспапь къ берегамъ Франціи и за-паспись шамъ необходимымъ продовольспві-емъ для своего войска. Людовикъ, въ дру-жескомъ опвѣпѣ, предложилъ Норвежскому Государю раздѣлипь съ нимъ начальспво надъ Кресповымъ походомъ. Мапвѣй Парисъ, ко-

1245 — 1250. поpому поручено было доспавить посланіе Людовика IX, говоpившъ въ своей Исторіи, что Король Норвежскій опвергнулъ великодушное предложеніе Французскаго Короля, будучи увѣренъ, по словамъ его, что согласіе не могло бы существовать долгое время между Норвежцами и Французами; потому что первые характера пылкаго, безпокойнаго и зависпливаго; а впорые, исполнены гордоспи и высокомѣрія (1).

Гаконъ, давъ этотъ опвѣтъ, уже не помышлялъ объ отплытіи и остался въ своемъ королевствѣ, чему Исторія не могла найти причины. Вѣроятно этотъ Государь, по примѣру многихъ другихъ Христіанскихъ Монарховъ, воспользовался Крестовымъ походомъ для прикрытія своихъ политическихъ видовъ. Собравъ претью часть доходовъ Духовенства, онъ пріобрѣлъ сокровища, которыя могъ употребить для утвержденія своей власти. Войско, набранное имъ во имя Іисуса Христа, могло служить его честолюбію въ Европѣ гораздо выгоднѣе, нежели на равнинахъ Азійскихъ. Папа, отъ котораго онъ получилъ типулъ Короля, сначала

---

(1) Смотри въ *Bibliographie de croisades*, tome VI, разборъ Исторіи Матвѣя Париса.

подстрекалъ его принять крестъ; все за- 1245—
ставляетъ насъ думать, что въ послѣдствіи 1250.
онъ совѣтовалъ ему остаться на Западѣ, когда надѣялся воздвигнуть въ немъ соперника или новаго врага противъ Императора Германскаго; и такъ Король Норвежскій обѣщался итти на Востокъ, въ надеждѣ пріобрѣсть благосклонность и покровительство Римскаго Двора; и для сохраненія благосклонности и помощи сей, ему стоило только, забыть свои обѣты.

Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что Папа принималъ слабое участіе въ успѣхахъ Крестоваго похода за-моремъ. Объ этомъ можно судить по легкости, съ какою освобождалъ онъ отъ клятвы всѣхъ тѣхъ, которые дали обѣтъ сражаться съ невѣрными: онъ даже не позволилъ крестоносцамъ Фрисланда и Голландіи отправиться на Востокъ; тщетно Людовикъ IX дѣлалъ ему о томъ важныя представленія, Иннокентій не слушалъ его; обуянный своею страстію, онъ находилъ слишкомъ много выгоды въ разрѣшеніяхъ отъ странствія въ Сирію; — съ одной стороны разрѣшенія сіи, покупаемыя цѣною злата, умножали его сокровища, а съ другой они оставляли въ Европѣ воиновъ, которыхъ онъ

1245 — могъ вооружить противъ своихъ личныхъ
1250. враговъ.

Такимъ образомъ Франція была одна только страна, гдѣ съ неприпворною ревностію занимались Крестовымъ походомъ; набожность и усердіе Людовика IX оживили тѣхъ, кого охладило равнодушіе Папы; и любовь Французовъ къ своему Королю, замѣнивъ благочестивый энтузіазмъ, превозмогла всѣ запрудненія; города, коихъ свободѣ покровительствовалъ Монархъ, спѣшили присылать ему значительныя суммы. Откупщики Королевскихъ помѣстьевъ, тогда чрезвычайно обширныхъ, взнесли ему доходы впередъ за цѣлый годъ. Богачи обременяли сами себя налогами, и плоды своей бережливости дарили казнѣ Королевской; люди убогіе приносили дары свои въ церковныя кружки; прибавьте къ этому, что во всемъ государствѣ не совершалось тогда ни одного завѣщанія, которое не заключало бы въ себѣ какого-либо отказа для издержекъ на священное ополченіе. Духовенство не ограничилось однѣми мольбами о Крестовомъ походѣ; оно заплатило десятый процентъ съ своихъ доходовъ для содержанія ратниковъ Христовыхъ.

Бароны, владѣтельные Князья и Принцы, производившіе войну на свой счетъ, взимали

налоги съ своихъ подданныхъ и нашли, по примѣру Французскаго Короля, въ доходахъ съ своихъ помѣстьевъ и въ благочестивомъ великодушіи городовъ и мѣстечекъ, деньги, необходимыя на свои путевыя издержки. Многіе, какъ и въ предшествовавшихъ Крестовыхъ походахъ, закладывали свои земли, распродавали домашнюю утварь, разорялись для содержанія своихъ воиновъ и рыцарей. Они забывали о своихъ семействахъ, не помнили и о себѣ среди печальныхъ приготовленій къ отъѣзду, и, казалось, не помышляли о своемъ возвращеніи. Многіе сбирались къ путешествію за-море, такъ какъ приготовляются къ изгнанію или къ смерти; набожнѣйшіе изъ крестоносцевъ, какъ бы предвидя на Востокѣ вѣрный для себя гробъ, заботились наиболѣе о томъ, чтобы предстать предъ Всевышнимъ достойными прощенія; они искупляли грѣхи свои покаяніемъ; прощали обиды, исправляли нанесенное ими зло, распоряжались своими имуществами, раздавали ихъ бѣднымъ, или дѣлили ихъ между природными наслѣдниками. 1245 — 1250

Такое расположеніе умовъ обращалось въ пользу человѣчества и правосудія; оно пробуждало въ людяхъ благородныхъ чувствования великодушныя; въ злыхъ угрызенія со-

1245—1250. вѣспи, походившія на добродѣтель. Среди междоусобій и ѳеодальнаго безначалія, множество людей обогатились лихоимствомъ, грабежемъ и разбоемъ; вѣра внушила имъ тогда спасительное раскаяніе, и эти дни покаянія ознаменованы были великимъ числомъ возвращеній отнятаго, которыя заставили позабыть на короткое время торжество несправедливости. Знаменитый Графъ де ла Маршъ подалъ тому примѣръ; его заговоры, его возмущенія, его противозаконныя предпріятія часто волновали государство и разорили многія семейства; онъ захотѣлъ искупить свои прегрѣшенія, и чтобы смягчить праведный гнѣвъ Божій, наказалъ въ своемъ завѣщаніи возвратить всѣ имущества, пріобрѣтенныя имъ неправдою и насиліемъ. Жуанвилль простодушно говоритъ въ своей Исторіи, что совѣсть не дѣлала ему ни въ чемъ важныхъ упрековъ, но что, не смотря на то, онъ собралъ своихъ подданныхъ и сосѣдей, и предложилъ имъ удовлетвореніе за обиды, которыя могъ нанести имъ по невѣдѣнію.

Въ эти дни, посвященные раскаянію, основывали обители, щедрою рукою раздавали сокровища по церквамъ: вѣрнѣйшій способъ, говорилъ Людовикъ IX, избѣгнуть смерти,

подобной смерти нечестиваго, состоитъ въ 1245—
томъ, чтобы любить и обогащать мѣсто, 1250.
въ коемъ присутствуетъ слава Господня. Набожность крестоносцевъ не забывала бѣдныхъ и немощныхъ; многочисленныя приношенія ихъ надѣляли монастыри, эти убѣжища нищеты, гостиницы, назначенныя для пріема путешествующихъ поклонниковъ, особенно же больницы для прокаженныхъ, учрежденныя во всѣхъ областяхъ, печальныя жилища, оглашаемыя стонами несчастныхъ жертвъ Восточныхъ странствій.

Людовикъ IX отличился своею щедростью къ церквамъ и монастырямъ; но болѣе всего снискалъ онъ благословенія народовъ стараніемъ своимъ исправить всѣ несправедливости, учиненныя въ государственномъ управленіи. Благочестивый Монархъ зналъ, что Цари являютъ въ себѣ изображеніе Бога на земли, преимущественно тогда, когда правосудіе возсѣдаетъ съ ними на престолѣ. Приказы *вознагражденія* учреждены по его повелѣнію въ Королевскихъ помѣстьяхъ, для удовлетворенія за всѣ убытки, кои могли быть причинены Королевскими повѣренными или откупщиками. Въ большей части многолюдныхъ городовъ, два приставника, одинъ духовный, другой мірянинъ долженствовали

1245 — 1250. выслушивать и разбирать жалобы на его исполнителей и его чиновниковъ: благородная дѣятельность верховной власти, которая отыскиваетъ не виновныхъ для наказанія, но открываетъ зло для исправленія ихъ; власти, которая внимаетъ роптаніямъ бѣдности, ободряетъ слабаго и сама предаетъ себя на судъ законовъ. Постановленіе правилъ для правосудія не довольствовали Людовика; исполненіе оныхъ было предметомъ всѣхъ его заботъ. Проповѣдники возвѣщали во всѣхъ церквахъ намѣренія Короля, и, какъ бы долженствуя нѣкогда дать отвѣтъ предъ Богомъ за всѣ сужденія, производимыя его именемъ, Государь разослалъ тайно благочестивыхъ Священниковъ и добросовѣстныхъ монаховъ для собранія новыхъ свѣдѣній, и чтобы удостовѣриться несомнѣнными донесеніями, точно ли судьи, которыхъ онъ почиталъ людьми честными, не были сами развращены. Историкъ останавливается съ удовольствіемъ на этой трогательной картинѣ; столь прекрасный примѣръ, данный Царямъ земли, долженствовалъ бы освятить небеснымъ благословеніемъ оружіе Людовика Святаго, и при мысли о плачевныхъ слѣдствіяхъ этого Крестоваго похода, изумляемся вмѣстѣ съ древними лѣтописцами, что поликія

бѣдствія были наградою столь высокой добро- 1245 — 1250.
дѣтели!

Между тѣмъ крестоносцы съ усугубленнымъ усердіемъ и дѣятельностію продолжали приготовленія къ священной брани. Всѣ Французскія области, казалось, возстали съ оружіемъ; народъ въ городахъ и селахъ занимался одною только мыслію — Крестовымъ походомъ. Большіе вассалы собирали своихъ рыцарей и воиновъ; Владѣльцы и Бароны дѣлали взаимныя посѣщенія, или посылали другъ къ другу вѣстниковъ, чтобъ условиться о днѣ своего отъѣзда. Родственники и друзья сошлались соединить свои знамена и вмѣстѣ раздѣлять издержки, славу и опасности. Благочестивые подвиги совершались въ одно время съ военными приготовленіями. Воины, сложивъ броню и мечь, ходили босые, въ одной рубахѣ, и посѣщали монастыри и церкви, куда мощи Святыхъ привлекали стеченіе вѣрныхъ. Въ каждомъ приходѣ чинимы были процессіи; всѣ крестоносцы приходили къ подножію алтарей, и получали изъ рукъ Духовенства знаменіе странствія. Во всѣхъ церквахъ возсылали къ Богу молитвы объ успѣхѣ ихъ предпріятія. Въ семействахъ проливали слезы объ ихъ отъѣздѣ. Большая часть поклонниковъ, разставаясь съ друзьями

1245 — 1250. и ближними своими, казалось, чувствовали болѣе чѣмъ когда-либо, цѣну всѣхъ благъ, ими покидаемыхъ. Историкъ Святаго Людовика говоритъ, что посѣтивъ обитель Бланшикуртскую и Святаго Урбана, гдѣ покоились мощи Святыхъ, онъ *не могъ болѣе взглянуть на помѣстье Жуанвилль, потому что сердце его сжималось при видѣ прекраснаго за́мка, имъ покидаемаго, и при мысли о двухъ своихъ дѣтяхъ.* Вожди Крестоваго похода увлекали за собою все воинственное юношество, и во многихъ странахъ оставляли только слабое и безоружное населеніе; множество брошенныхъ за̀мковъ и крѣпостей долженствовали прійти въ развалины, множество земель долженствовали измѣниться въ пустыни, множество семействъ лишались подпоры. Народъ, безъ сомнѣнія, не безъ сожалѣнія разставался съ вельможами, власть коихъ поддерживалась благодѣяніями, и которые, по примѣру Святаго Людовика, пеклись объ истинѣ и правосудіи, покровительствовали слабымъ и невиннымъ. Но были и такіе, на отъѣздъ коихъ взирали съ радостію, и не одинъ городъ, и не одна деревня ощутили радость при видѣ опустѣлыхъ башенъ, откуда проистекали для нихъ всѣ бѣдствія рабства.

Умилипельное зрѣлище предспавляли се- 1245—
мейспва ремесленниковъ и бѣдныхъ поселянъ, 1250.
копорые сами приводили дѣпей своихъ къ Баронамъ и рыцарямъ, и говорили имъ: *вы будете ихъ отцами; вы будете блюсти за ними среди опасностей моря и войны.* Бароны и рыцари давали обѣщанія возвращипь на Западъ своихъ воиновъ, или погибнупь съ ними въ сраженіяхъ. Мнѣніе народа, дворянспва и духовенспва впередъ обрекало Божескому гнѣву и презрѣнію людей, всякаго кпо не исполнипъ споль священнаго обѣпа.

Среди сихъ пригоповленій, въ государспвѣ царспвовало самое глубокое спокойспвіе; во всѣхъ предшесптвовавшихъ Кресповыхъ похо-дахъ проспой народъ допускалъ себѣ насилія пропивъ Евреевъ; благодаря пвердоспи и благоразумію Свяпаго Людовика, Евреи, обладапели несмѣпныхъ сокровищъ, и всегда искусно пользовавшіеся обспояпельспвами для своего обогащенія, были уважаемы среди народа, копорый они ограбили, и копорый довершалъ свое разореніе для священной брани: искапели приключеній и бродяги не принимались подъ кресповыя знамена; и по пребованію Людовика IX, Папа запрепилъ всѣмъ совершившимъ важныя преспупленія воору-

1245 — 1250. жаться за Іисуса Христа. Эти предосторожности, выпущенныя изъ виду въ первыя священныя брани, долженствовали обезпечить порядокъ и устройство въ войскѣ Христіанскомъ: изъ множества объявившихъ желаніе ити въ Азію противъ зловѣрныхъ, принимали преимущественно ремесленниковъ и земледѣльцевъ, обстоятельство замѣчательное, которое ясно доказываетъ, что виды мудрой политики соединялись съ чувствованіями набожности, и что, занимаясь освобожденіемъ Іерусалима, надѣялись также основать на Востокѣ полезныя поселенія.

Въ назначенное имъ время, Людовикъ IX, сопровождаемый своими братьями, Герцогомъ Анжуйскимъ и Графомъ Артуа, отправился въ Аббатство Св. Діонисія (1). По совершеніи молитвы о покровительствѣ Апостоловъ Франціи, онъ получилъ изъ рукъ Легата странническій посохъ и котомку, и ину *Орифламу* (2), которую его предшественники

(1) Объ этомъ отъѣздѣ Людовика Святаго и о послѣдовавшихъ за нѣмъ происшествіяхъ, можно читать у Вильгельма де Нанжи, Вильгельма де Нюи, Матвѣя Париса, Сануши, и пр..., которыхъ разборъ находится въ Первомъ томѣ *Библіографіи Крестовыхъ походовъ*.

(2) *Большое знамя*, которое древніе Короли Французскіе брали съ собою на войну.

ники уже двукратно показывали Восточнымъ народамъ. 1245 — 1250.

Людовикъ возвратился попомъ въ Парижъ, гдѣ слушалъ обѣдню въ церкви Пресвятыя Богородицы. Въ тотъ же день оставилъ онъ столицу, чтобы не вступать въ нее до возвращенія своего изъ Святой Земли. Народъ и Духовенство, проливали слезы, и воспѣвая псалмы, провожали его до Аббатства Святаго Антонія. Тамъ, сѣлъ онъ на коня и отправился въ Корбейль, гдѣ должествовали соединиться съ нимъ Королева Бланка и Королева Маргарита.

Король посвятилъ еще два дня дѣламъ своего королевства, и ввѣрилъ правленіе своей матери, которой твердость и благоразуміе охраняли и спасли корону во время безпокойствъ при его несовершеннолѣтіи. Глубокій миръ, въ которомъ Людовикъ IX оставлялъ свое государство, одинъ лишь могъ его извинить и оправдать его набожное упорство. Онъ возобновилъ перемиріе, заключенное съ Королемъ Англійскимъ; Германія и Италія, сами занятыя внутренними раздорами, не могли ничѣмъ превозмочь Францію. Людовикъ, принявъ всѣ возможныя мѣры для подавленія мятежнаго духа, уводилъ съ собою во Святую Землю большую

1215 — 1250. часпь вельможъ, нарушавшихъ пишину въ государспвѣ. Графспво Маконъ, проданное въ слѣдспвіе предъидущаго Кресповаго похода, было снова присоединено къ коронѣ; Нормандія избавлялась опъ ига Анѣличанъ, Графспва Тулузское и Прованское, чрезъ бракъ Графовъ Анжуйскаго и Пуапье, входили въ сосптавъ удѣловъ Принцевъ Дома Королевскаго. Людовикъ IX, съ того времени, какъ возложилъ на себя крестъ, не переспавалъ употреблять всѣ свои усилія для сохраненія новыхъ завоеваній Франціи, для усмиренія народнаго ропота, для уничтоженія всякаго предлога къ возмущенію. Духъ правосудія, копорый замѣпенъ былъ во всѣхъ его постановленіяхъ, воспоминанія о его добродѣпеляхъ, коимъ удивлялись еще болѣе среди всеобщей горести, причиняемой его опбыпіемъ, вѣра, распространенная его примѣромъ, доспапочны были для удержанія порядка и пишины въ продолженіе его опсупспвія.

Съ того дня, какъ Людовикъ поручилъ другому управленіе государспва, онъ совершенно предался благочеспивымъ дѣламъ и явилъ въ себѣ шокмо смиреннѣйшаго Христіанина. Одежда и принадлежносши поклонниковъ содѣлались съ того времени единспвеннымъ

украшеніемъ могущественнаго Монарха. На немъ не видѣли болѣе блестящихъ тканей и дорогихъ мѣховъ; самое оружіе его и збруя его коней блистали только лоскомъ желѣза и стали. Примѣръ его имѣлъ такую силу, говоритъ Жуанвилль, *что во всю дорогу за-море не замѣтили ни одной шитой епанчи ни у Короля, ни у другихъ.* Опмѣняя пышность въ своихъ экипажахъ и въ своемъ одѣяніи, Людовикъ IX опредѣлялъ на раздачу бѣднымъ деньги, обыкновенно назначаемыя имъ для этого употребленія. Такимъ образомъ царское великолѣпіе измѣнилось для него въ роскошь благодѣяній. 1215—1250.

Королева Бланка проводила его до обители Клюнійской; эта Государыня была увѣрена, что снова увидитъ сына своего только въ небесахъ; она простилась съ нимъ самымъ трогательнымъ образомъ и пролила горькія слезы. Въ проѣздѣ чрезъ Ліонъ, Людовикъ имѣлъ свиданіе съ Папою, и заклиналъ его въ послѣдній разъ благосклоннѣе выслушать Фридерика, котораго уничижили несчастія, и который просилъ помилованія. Но благочестивая душа Короля поразилась удивленіемъ, когда напомнивъ о пользѣ Крестоваго похода, и говоривъ отъ имени многочисленныхъ поклонниковъ, покидавшихъ все

1245 — 1250. за дѣло Іисуса Христа, онъ нашелъ въ Первосвященникѣ шу же самую непреклонность. Съ того времени онъ помышлялъ только о продолженіи своего пути; Иннокентій обѣщалъ ему защищать королевство пропивъ ересника Фридерика и пропивъ Короля Англійскаго, котораго не переставалъ называть своимъ вассаломъ; безъ сожалѣнія смотрѣлъ онъ на отъѣздъ Государя, столь извѣстнаго своимъ правосудіемъ, и присутствіе коего въ Европѣ, могло служить преградою политическимъ его видамъ. Впрочемъ Папѣ не трудно было исполнить сдѣланное имъ обѣщаніе, защищать независимость и спокойствіе королевства; и самыя смятенія, производимыя имъ въ другихъ государствахъ, были причиною, что Франція пользовалась безопасностью въ продолженіе Крестоваго похода.

Флотъ, ожидавшій Людовика IX въ Эгъ-Мортѣ, состоялъ изъ двадцати осьми кораблей, не считая судовъ, назначенныхъ для перевоза лошадей и жизненныхъ припасовъ. Король сѣлъ на корабль, послѣдуемый двумя своими братьями Карломъ, Герцогомъ Анжуйскимъ, Робертомъ, Графомъ Артуа, и Королевою Маргаритою, которая равно опасалась жить съ своею тещею, какъ и находиться въ

удаленіи отъ своего супруга. Альфонсъ, 1245 —
Графъ Пуапье, отложилъ отъѣздъ свой до 1250.
слѣдующаго года, и возвратился въ Парижъ для содѣйствія Правительницѣ своими совѣтами и своею властію. Когда все войско крестоносцевъ сѣло на суда, подали знакъ къ отплытію; Священники, по установленному обычаю въ морскихъ путешествіяхъ, воспѣли хоромъ *Veni Creator* (Гряди Творецъ), и флотъ вступилъ подъ паруса.

Франція не имѣла тогда морской силы; матросы и лоцмана, были почти всѣ изъ Испанцевъ или Италіянцевъ. Два Генуэзца исправляли должность Начальниковъ или Адмираловъ: большая часть Бароновъ и рыцарей были вовсе незнакомы съ моремъ; все приводило ихъ въ удивленіе и ужасъ; они призывали на помощь всѣхъ Святыхъ и предавали душу свою *въ руци Божіи;* добродушный Жуанвилль не скрываетъ своего страха и не можетъ удержаться отъ слѣдующихъ словъ: *Безуменъ тотъ, кто имѣя на душѣ какой-либо грѣхъ, ставитъ себя въ такую опасность; ибо засыпая вечеромъ, нельзя ручаться, что по утру не проснешься на днѣ морскомъ* (bien fou celui qui ayant quelque péché sur son âme, se met en un tel danger; car si

1245 — on s'endort au soir, on ne sait si on se trouvera
1250. le matin au fond de la mer).

Людовикъ IX оппплылъ изъ Эгъ-Морпа 25-го Августа и прибылъ въ Кипръ 21-го Сентября. Генрикъ, внукъ Гуи Лузиньяна, получившаго королевство Кипрское при Третьемъ Крестовомъ походѣ, принялъ Французскаго Короля въ Лимиссо, и проводилъ его въ столицу свою Никози, посреди радостныхъ криковъ народа, дворянства и духовенства.

Спустя немного времени, послѣ прибытія крестоносцевъ, опредѣлено было въ Совѣтѣ, направить сперва оружіе Христіанъ противъ Египта. Бѣдствія, претерпѣнныя въ предшествовавшихъ войнахъ на берегахъ Нила, не устрашили Французскаго Короля и его Бароновъ; вѣроятно даже, что Людовикъ IX, еще до отбытія изъ своего королевства, составилъ намѣреніе внести войну въ ту землю, изъ которой Мусульмане извлекали свои богатства и военныя силы. Король Кипрскій, получившій отъ Папы титулъ Короля Іерусалимскаго, тѣмъ радостнѣе одобрялъ эту рѣшимость, что она подавала ему надежду избавиться отъ опаснѣйшаго изъ своихъ сосѣдей и жесточайшаго врага Христіанскихъ поселеній въ Сиріи.

Этотъ Государь повелѣлъ тогда проповѣ- 1245—
дывать Крестовый походъ въ своемъ коро- 1250.
левствѣ, чтобы имѣть возможность сопут-
ствовать Французскимъ крестоносцамъ, и
принять полезное участіе въ ихъ завоева-
ніяхъ. Онъ предложилъ Французскому Ко-
ролю и Баронамъ остановить ихъ походъ,
пока онъ кончитъ свои пріуготовленія: «Всѣ
«Владѣльцы и Прелаты Кипрскіе, говоритъ
«Вильгельмъ де Нанжи, надѣли крестъ, яви-
«лись къ Королю Людовику и сказали ему,
«что готовы итти за нимъ всюду, куда
«ни пожелаетъ вести ихъ, когда минуетъ
«зима.» Такъ какъ Людовикъ IX и знатнѣйшіе
Французскіе вельможи повидимому не охотно
соглашались на замедленіе своего пути, но
ничто не пощажено для удержанія ихъ, ни
ласки, ни просьбы, ни всякаго рода изъявленія
дружбы. Каждый день проходилъ въ пирше-
ствахъ и увеселеніяхъ, на коихъ дворянство и
вельможи Кипрскіе, выказывали великолѣпіе
Восточныхъ Дворовъ. Очаровательный видъ
острова, земля, богатая всякаго рода произ-
веденіями, въ особенности же Кипрское вино,
и въ древности славное, сильно подкрѣпляли
просьбы и обольщенія Двора Никозійскаго.
Положено Христіанскому воинству отправи-
ться въ путь не ранѣе слѣдующей весны.

1245—1250. Въ скоромъ времени замѣтили сдѣланную ошибку. Посреди чрезмѣрнаго изобилія, царствовавшаго въ ихъ станѣ, крестоносцы предались неумѣренностпи; въ странѣ, гдѣ басни язычниковъ воздвигли алтáри сладострастію, добродѣтель поклонниковъ ежедневно подвергалась новымъ искушеніямъ; продолжительная праздность ослабила дисциплину въ войскѣ, и къ довершенію золъ, заразительная болѣзнь произвела большія опустошенія между защитниками Креста: при такомъ бѣдствіи, поклонники оплакали смерть болѣе двухъ сотъ пятидесяти рыцарей. Современныя лѣтописи именуютъ въ числѣ погибшихъ владѣльцевъ и Прелатовъ: Графовъ де Дре, Вандомскаго, Роберта, Епископа де Бове, храбраго Вильгельма-де-Барръ; кромѣ того жалѣли о потерѣ послѣдняго изъ Дома Аршамбо-Бурбона, участокъ коего учинился въ послѣдствіи наслѣдіемъ дѣтей Святаго Людовика, и далъ царствующему Дому во Франціи имя, которое долженствовалъ онъ содѣлать навсегда знаменитымъ въ нашихъ лѣтописяхъ.

Многіе Бароны и рыцари нуждались въ деньгахъ для содержанія своихъ воиновъ; Людовикъ IX открылъ имъ свое казначейство; Сиръ де Жуанвилль, у котораго оста-

валось не болѣе *двадцати шести ливровъ Турскихъ*, получилъ опъ Государя восемьсопъ ливровъ, сумму въ по время значипельную. Множеспво владѣльцевъ сѣповали о помъ, чпо продали свои земли и разорились для сопупспвія Королю за-море. Щедропы Людовика недоспапочны были для умилоспивленія всѣхъ жалобъ. Многіе рыцари, разорясь на оспровѣ Кипрѣ, не могли болѣе оспаваппься въ покоѣ, и неперпѣливо желали оппправиппься къ берегамъ Сиріи или Египпа, надѣясь, чпо принудяпъ Саррацинъ запла-пипь имъ издержки войны. Людовикъ съ большимъ прудомъ могъ удержапь ихъ; Испорики согласно говоряпъ, чпо ему *повинovались только въ половину;* и посему-по, чаще случалось ему показывапь свое перпѣніе и евангельскую кропоспь, нежели свое могущеспво, и если онъ успѣлъ попу-шипь всѣ несогласія, заглушипь всѣ не-удовольспвія, по эпимъ обязанъ болѣе пре-имущеспву своей добродѣпели, нежели своей власпи. 1245—1250.

Ссоры возникли между Духовенспвомъ Греческимъ и Лапинскимъ оспрова Кипра; Людовикъ IX успѣлъ прекрапипь ихъ. Рыцари Храма и Спраннопріимцы избрали его судіею безпрестанно возобновлявшихся распрей сво-

1245 — 1250. ихъ, и по требованію его поклялись примириться между собою и не имѣть другихъ враговъ, кромѣ враговъ Іисуса Христа. Генуэзцы и Пизане, поселившіеся въ Пполемаидѣ, имѣли между собою продолжительные споры; обѣ стороны были всегда подъ оружіемъ, и ничто не могло остановить буйства и соблазна междоусобія посреди Христіанскаго города. Мудрое посредничество Людовика возстановило миръ. Эѳонъ, Царь Армянскій, и Богемондъ Князь Антіохійскій и Триполійскій, непримиримые враги между собою, оба прислали посланниковъ къ Французскому Королю, который убѣдилъ ихъ заключить перемиріе: такъ Людовикъ IX явился среди народовъ Востока подобно Ангелу мира и согласія.

Въ это время землю Антіохійскую опустошали скитающіяся шайки Туркомановъ; Людовикъ послалъ къ Богемонду пятьсотъ арбалетчиковъ (луконосцевъ). Эѳонъ заключилъ союзъ съ Тапарами и намѣревался завоевать владѣнія Султана Иконійскаго въ Малой Азіи. Такъ какъ Царь Армянскій славился на Востокѣ своею храбростію и военнымъ искусствомъ, то многіе Французскіе рыцари, нетерпѣливо желавшіе испытать свое мужество, отправились изъ Кипра сра-

жаться подъ его знаменами и раздѣлять плоды его побѣдъ. Жуанвилль, упомянувъ сперва объ ихъ опытѣздѣ, молчитъ объ ихъ подвигахъ, и намѣкаетъ на ихъ злополучную участь только сими словами: *ни одинъ изъ нихъ не возвратился* (Oncques nul d'eux ne revint). 1245 — 1250.

Молва разгласила по всему Востоку о прибытіи Людовика IX, и эта вѣсть сильно подѣйствовала какъ на Мусульманъ, такъ и на Христіанъ. Одно предсказаніе, распространившееся въ отдаленнѣйшихъ странахъ, и которое проповѣдники Слова Божія вспрѣтили тогда въ самой Персіи, предвѣщало, что одинъ Франкскій Государь вскорѣ долженствовалъ разсѣять всѣхъ зловѣрныхъ и освободить Азію отъ нечестивыхъ законовъ и вѣроисповѣданія Магомета. Всѣ думали, что наступила минута, совершиться сему предсказанію. Толпа Христіанъ стеклась изъ Сиріи, Египта и всѣхъ Восточныхъ земель, дабы почтить того, котораго Богъ послалъ для исполненія своихъ Божественныхъ обѣщаній.

Въ это самое время Людовикъ получилъ посольство, которое возбудило до высочайшей степени любопытство и вниманіе крестоносцевъ, и чудесное описаніе коего занимаетъ весьма много мѣста въ лѣтописяхъ

1245 — 1250. среднихъ вѣковъ (1). Посольспво сіе прислано было опъ Тапарскаго Князя, по имени *Экалтая* (2), копорый называлъ себя обращеннымъ въ Христіанскую вѣру и выказывалъ самую жаркую ревноспь для пожеспва Евангелія. Глава эпого посольспва, называвшійся Давидомъ, вручилъ Королю письмо, наполненное чувспвованіями, выраженными съ высокопарноспію, дѣлавшею ихъ подозрипельными; онъ извѣщалъ его, чпо уже при года, какъ великій Ханъ воспріялъ крещеніе, и чпо онъ гоповъ содѣйспвовапь всѣмъ своимъ могущеспвомъ предпріяпію Французскихъ креспоносцевъ. Вѣспь объ эпомъ посольспвѣ скоро распроспранилась въ войскѣ; съ пого времени не было другихъ рѣчей, кромѣ о пособіяхъ, обѣщанныхъ великимъ Ханомъ или Тапарскимъ Имперапоромъ; вожди и воины спекались смопрѣпь посланниковъ Князя Экалпая, копораго счипали они *за одного изъ первыйшихъ Бароновъ Татаріи.*

(1) Машвѣй Парисъ, Вильгельмъ де Нанжи, Занфлепъ распроспраняюпся объ эпомъ посольспвѣ. Смопри *La Bibliographie des Croisades et l'Analyse des Annales ecclésiastiques*, tome VI.

(2) По мнѣнію Г. Дегиня, Князь Экалпай, былъ Намѣспникомъ Тапарскаго Хана въ Малой Азіи.

Король Французскій нѣсколько разъ спрашивалъ посланниковъ объ ихъ путешествіи, объ ихъ землѣ, о характерѣ и расположеніи ихъ повелителя; все слышанное имъ льстило его любимѣйшимъ мыслямъ, и потому онъ не возъимѣлъ никакого подозрѣнія, не замѣтилъ никакого обмана въ ихъ отвѣтахъ. Посланники Татарскіе получили доступъ ко двору его, приглашены къ его столу; Король лично проводилъ ихъ для слушанія священной службы въ Никозійскій соборъ, гдѣ весь народъ былъ тронутъ ихъ набожностію. 1245—1250.

При отъѣздѣ ихъ, Французскій Король и Папскій Легатъ вручили имъ много писемъ (1) къ Князю Экалтаю и къ великому Хану Татарскому. Къ этимъ письмамъ присоединили великолѣпные подарки, между коими особенно достоинъ замѣчанія алый шатеръ, на которомъ, по приказанію Короля, *вырѣзано и представлено въ образахъ Благовѣщеніе Дѣвы Маріи, Матери Божіей, со всѣми другими предметами Вѣры.* Король писалъ къ Королевѣ Бланкѣ, Легатъ къ Папѣ,

(1) Переписка между Христіанами и Татарами собрана большею частію въ книгѣ Мосгемія (Moshemius), подъ заглавіемъ: *Historia Tartarorum ecclésiastica;* письма этой переписки не всѣ заслуживаютъ одинакое вниманіе, одинакое вѣроятіе.

1245 — 1250. извѣщая ихъ о чрезвычайномъ посольствѣ, прибывшемъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ Востока. Счастливое извѣстіе о союзѣ съ Тапарами, которыхъ почитали тогда страшнѣйшимъ народомъ, распространило радость на Западѣ, и подало большія надежды на успѣхъ Крестоваго похода.

Миссіонеры, посланные тогда въ Тапарію Людовикомъ IX, удостовѣрились въ своемъ путешествіи, что обращеніе великаго Хана было пустой вымыселъ. Посланники Монгольскіе наполнили свои разсказы многими другими обманами, что самое внушило нѣкоторымъ новѣйшимъ ученымъ, что это великое посольство (1), было не что иное, какъ хипросинь, въ которой подозрѣвали они Армянскихъ монаховъ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, чтобы Монголы, воевавшіе съ Мусульманами, не находили нѣкоторой выгоды

(1) Г. Абель-Ремюза, въ одномъ ученомъ сочиненіи о Тапарахъ, объясняетъ многія сомнительныя обстоятельства этого посольства; онъ разсматриваетъ противорѣчащія толкованія и не соглашается съ мнѣніемъ Г. Дегиня, который смотритъ на посланниковъ Монгольскихъ, какъ на обманщиковъ. Если мнѣ позволено, по приведеніи сихъ двухъ важныхъ свидѣтельствъ, представить мое мнѣніе, то я скажу, что прибытіе Святаго Людовика, сдѣлавъ сильное впечатлѣніе на Востокѣ, заставило Эмиpая, Пра-

въ сближеніи съ Христіанами, и несклонны 1245 —
были почитать, съ той поры, Франковъ за 1250.
полезныхъ союзниковъ.

Между тѣмъ зима была на исходѣ, и наступало время, назначенное для отъѣзда Французскихъ крестоносцевъ; Людовикъ IX заказалъ построить множество плоскодонныхъ судовъ для облегченія высадки Христіанскаго войска на берега Египетскіе. Генуэзскій флотъ, на которомъ Французы отплыли изъ Эгъ-Морта, оставилъ пристань Лимиссо; это побудило собирать отвсюду корабли для перевоза войска и многочисленныхъ запасовъ, заготовленныхъ на островѣ Кипрѣ. Людовикъ IX обратился къ Генуэзцамъ и Венеціянамъ, поселившимся на берегахъ Сиріи, которые, къ великому негодованію Рыцарей и Бароновъ, оказали при семъ обстоятельствѣ болѣе корыстолюбія, нежели благочестія, и назначили непомѣрную цѣну за

вителя всѣхъ областей въ Малой Азіи, отправить повѣренныхъ для узнанія намѣреній и силы Франковъ, и вѣроятно эти посланники, чтобы исполнить свое порученіе съ бо́льшимъ успѣхомъ, выдумали многія обстоятельства, которыя могли обрѣсти имъ довѣренность въ умахъ Христіанъ. Кажется, что это мнѣніе можетъ согласить противорѣчія, существующія въ предположеніяхъ двухъ помянутыхъ нами ученыхъ.

1245—1250. услугу, коей пребовали опъ нихъ во имя Іисуса Христа.

Въ эпо самое время Свяпый Людовикъ получилъ извѣспія опъ Имперапора Германскаго, еще гонимаго прокляпіями Рима; Государь сей посылалъ крепоносцамъ жизненные припасы, и въ письмахъ своихъ крайне огорчался пѣмъ, чпо не раздѣляепъ опасноспей священной брани. Король Французскій опблагодарилъ Фридерика и оплакалъ упорспво Папы, лишавшее защипниковъ Креспа споль могущественнаго союзника.

Пригоповленія къ опъѣзду непрерывно продолжались съ величайшею дѣяпельноспію; ежедневно прибывали новые крепоносцы, наѣзжавшіе изъ Западныхъ приспаней, или зимовавшіе на оспровахъ Архипелага и на берегахъ Греціи. Все дворянспво Кипрское надѣло крепъ и гоповилось сражапься съ зловѣрными. Величайшее согласіе царспвовало между обоими народами; въ церквахъ Греческихъ и Лапинскихъ возсылали къ небесамъ моленія о благоуспѣшноспи Христіанскихъ рапей; между крепоносцами полько и было рѣчей, чпо о диковинахъ Воспока и богапспвахъ Египпа.

Пока восхищеніе и радоспь пакимъ образомъ повсюду проявлялись между Христіан-

скими воинами, Великіе Магистры рыцарей Св. Іоанна и Храма писали къ Свящому Людовику съ намѣреніемъ намѣкнуть ему о возможности мирной сдѣлки съ Султаномъ Каирскимъ. Начальники этихъ двухъ Орденовъ сильно желали расторгнуть оковы своихъ рыцарей, томившихся въ плѣну со времени сраженія при Газѣ; къ тому жъ они не раздѣляли слѣпой увѣренности крестоносцевъ въ побѣдѣ; опытъ другихъ Крестовыхъ походовъ научилъ ихъ, что Западные воины, въ началѣ весьма страшные, первыя дѣйствія свои почти всегда производили съ блестящимъ успѣхомъ; но потомъ, ослабленные несогласіями, изнуренные трудностями отдаленнаго похода, иногда увлеченные свойственнымъ имъ непостоянствомъ, помышляли только о возвращеніи въ Европу, оставляя Христіанскія поселенія на жертву всѣмъ неистовствамъ врага, раздраженнаго первыми пораженіями. По симъ причинамъ, оба Великіе Магистры хотѣли воспользоваться сильными пособіями Запада, для заключенія полезнаго и прочнаго мира. Переговоры представляли имъ въ будущемъ болѣе выгодъ, нежели война съ ея сомнительными случайностями, и всѣ бѣдствія коей, могли наконецъ обратиться на нихъ. 1245—1250.

1245—1250. Миролюбивое посольство ихъ прибыло въ то самое время, когда въ войскѣ Христіанскомъ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о предстоящихъ завоеваніяхъ, когда всѣ умы распалены были жаждою славы и надеждою на богатую добычу. Одно предложеніе мира съ зловѣрными было достаточно для возбужденія негодованій въ этихъ воинахъ, мечтавшихъ, что они призваны испребить на Востокѣ господство и могущество всѣхъ враговъ Іисуса Христа. Всеобщій гнѣвъ и удивленіе придали достовѣрность распространившимся въ Христіанскомъ войскѣ самымъ черными клеветамъ на Гросмейстера Тампліеровъ, котораго явно обвиняли въ тайныхъ сношеніяхъ съ Султаномъ Египетскимъ, и въ употребленіи варварскихъ обрядовъ для укрѣпленія этого нечестиваго союза. Людовикъ IX, который прибылъ на Востокъ съ воинствомъ не съ тою цѣлію, чтобы подписать только мирный договоръ и освободить нѣсколько плѣнныхъ, раздѣлялъ негодованіе своихъ сотрапниковъ, и запретилъ Великимъ Магистрамъ рыцарей Храма и Св. Іоанна возобновлять предложенія, обидныя для Христіанскихъ воиновъ, обидныя и для него самаго.

Крестоносцы, упоенные будущими сво- 1245—
ими успѣхами, не знали всѣхъ препятствій, 1250.
которыя могли имъ встрѣтиться; они болѣе
занимались богатствами, нежели силами сво-
ихъ непріятелей; не знали ни климата, ни
страны, куда устремляли всѣ свои желанія,
и это самое невѣдѣніе удвояло ихъ безпеч-
ность, и питало въ нихъ надежды, должен-
ствовавшія вскорѣ исчезнуть.

Вожди Крестоваго похода особенно пола-
гали надежду свою на распри Князей Мусуль-
манскихъ, взаимно оспоривавшихъ области
Сиріи и Египта; и подлинно, со времени
смерти Саладина, несогласіе рѣдко пере-
ставало возмущать семейство Айубитовъ.
Но такъ какъ раздоры ихъ обнаруживались
въ междоусобныхъ браняхъ, а междоусобія
упражняли народъ въ военномъ дѣлѣ, то
государство ихъ, которое съ каждымъ днемъ
слабѣло внутри, не рѣдко становилось отъ
того страшнѣе извнѣ; когда общая опас-
ность соединяла Мусульманскія владѣнія, или
одно изъ нихъ порабощало всѣ прочія, то
всегда надлежало опасаться державы, без-
престанно шапкой во время мира, и кото-
рая, казалось, почерпала новыя силы въ оже-
сточеніи и въ опасностяхъ войны пропивъ
Христіанъ.

1245—1250. Малекъ Салегъ Негмеддинъ, царствовавшій тогда въ Египтѣ, былъ сынъ Сулпана Камеля, прославившагося побѣдою, одержанною при Мансурагѣ надъ войсками Іоанна Бріеннскаго и Легата Пелагія. Удаленный отъ престола заговоромъ, онъ покусился возвратить его оружіемъ; разбитый, попался онъ въ руки своихъ соперниковъ и воспользовался уроками несчастія. Вскорѣ уваженіе къ его искусству, ненависть къ Государю, царствовавшему на его мѣстѣ, потребность перемѣны, а можетъ быть нѣкоторая склонность къ мятежу и измѣнѣ, снова призвали его на царство. Новый повелитель явилъ болѣе искусства и былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ; онъ умѣлъ удержать области въ повиновеніи, войско въ послушаніи, всѣхъ непріятелей своихъ въ страхѣ. Онъ воспользовался оружіемъ Хивинцевъ, чтобы овладѣть Дамаскомъ, изнурить Христіанъ и ихъ союзниковъ. Съ этого времени, Негмеддинъ распространилъ свои завоеванія по берегамъ Евфрата, и наконецъ соединилъ подъ своимъ правленіемъ большую часть имперіи Саладина.

Когда Святый Людовикъ высадился на островъ Кипръ, Сулпанъ Каирскій находился въ Сиріи, гдѣ воевалъ съ Княземъ Алеп-

скимъ, и держалъ въ осадѣ городъ Эмессъ. Онъ узналъ тогда всѣ намѣренія Христіанъ, и отдалъ повелѣніе защищать проходы въ Египетъ. Получивъ извѣстіе, что войско Христіанское готовится къ отъѣзду, онъ немедленно бросилъ осаду Эмесса, заключилъ перемиріе съ непріятелемъ, котораго мало опасался, и поспѣшилъ возвратиться въ свои владѣнія, угрожаемыя нашествіемъ. 1245 — 1250.

Восточные жители почитали Французовъ храбрѣйшимъ народомъ изъ племени Франковъ, а Французскаго Короля страшнѣйшимъ изъ Западныхъ Государей. Приготовленія Негмеддина были соразмѣрны страху, который внушали ему новые его непріятели. Онъ ничѣмъ не пренебрегъ для укрѣпленія береговъ и для снабженія припасами Даміетты, на которую долженствовали направиться первыя нападенія. Многочисленный флотъ въ полномъ вооруженіи, спустился внизъ по Нилу, и остановился въ устьѣ рѣки; войско, подъ начальствомъ Факреддина, искуснѣйшаго изъ Эмировъ, расположилось станомъ на берегу моря, на западъ отъ устья рѣки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за тридцать три года передъ тѣмъ, вышло на берегъ войско Іоанна Бріеннскаго.

1245— 1250. Всѣ эти приготовленія, безъ сомнѣнія, были достаточны для удержанія первыхъ нападеній крестоносцевъ, если бы Каирскій Султанъ самъ могъ ими управлять и начальствовать войсками: но его постигнула болѣзнь, которую врачи объявили смертельною. Въ подобномъ положеніи дѣлъ, когда все зависѣло отъ особы и жизни Государя, достовѣрная близость его кончины должна была ослабить самоувѣренность и усердіе, поколебать мужество, и повредить исполненію всѣхъ мѣръ, принятыхъ для защиты отечества.

Въ такомъ военномъ и политическомъ состояніи находился Египетъ, когда Святый Людовикъ готовился къ отплытію въ пристаняхъ острова Кипра. Многіе Историки повѣствуютъ, что предъ своимъ отъѣздомъ, онъ послалъ, по обычаю рыцарскому, герольда къ Султану Негмеддину съ объявленіемъ войны. Въ первые Крестовые походы многіе Государи Христіанскіе отправляли подобныя рыцарскія посольства къ Государямъ Мусульманскимъ, съ которыми шли сражаться: можетъ быть Святый Людовикъ подражалъ ихъ примѣру; но письмо, приписываемое ему въ этомъ случаѣ, не носитъ на себѣ характера истины. Тѣ же Историки

присовокупляютъ, что Каирскій Султанъ не могъ удержаться отъ слезъ при чтеніи письма Святаго Людовика. Отвѣтъ его, приведенный Макризіемъ, по крайней мѣрѣ сообразенъ съ извѣстнымъ его характеромъ и духомъ Мусульманскихъ Государей. Онъ выказывалъ наружное презрѣніе къ угрозамъ и нечаяннымъ нападеніямъ послѣдователей Христа; съ гордостію напоминалъ побѣды Мусульманъ надъ Христіанами, и упрекая Французскаго Короля въ несправедливо зачатой имъ войнѣ, приводилъ въ письмѣ своемъ слѣдующее мѣсто изъ Корана; *Воюющіе неправедно, погибнутъ.* 1245 — 1250.

Это посольство заключало печальныя предсказанія, которыя слишкомъ горестно осуществились въ послѣдствіи. Впрочемъ все заставляетъ насъ думать, что никакой переписки несуществовало тогда между Святымъ Людовикомъ и Каирскимъ Султаномъ. Благоразуміе требовало, по крайней мѣрѣ отъ Короля Французскаго, чтобы онъ послалъ въ Египетъ вѣстниковъ и лазутчиковъ для освѣдомленія о состояніи и силахъ государства. Вѣроятно, въ предшествовавшіе Крестовые походы, посланники отправлялись не для одного только послѣдованія правиламъ рыцарства, но также для собранія свѣдѣній

1245 — 1250. о положеніи непріятеля; однако мы не видимъ ни въ одной современной лѣтописи, что при этомъ случаѣ принимали малѣйшія предосторожности. Предусмотрительность, отзывавшаяся боязливостію и коварствомъ, не согласовалась съ характеромъ Людовика и его рыцарей. Исторія безъ страха можетъ утверждать, что крестоносцы, готовые отплыть въ Египетъ, не имѣли о странѣ, для завоеванія коей вооружились другихъ свѣдѣній, кромѣ почерпнутыхъ ими изъ сомнительныхъ слуховъ, разнесенныхъ молвою.

Знакъ къ отъѣзду данъ въ Пятницу предъ Троицынымъ днемъ; многочисленный флотъ, на которомъ сѣли съ Французскими воинами крестоносцы острова Кипра (1), вышелъ изъ пристани Лимиссо. «Прекрасенъ «былъ этотъ видъ, говоритъ Жуанвилль, «казалось, что все море, сколько глазъ могъ «обнять, было покрыто парусами кораблей, «числомъ до тысячи восьмисотъ, большаго «и малаго размѣра.» Вдругъ вѣтеръ, подувшій съ береговъ Египта, произвелъ силь-

(1) Ни одна Лѣтопись не говоритъ, что Король Кипрскій отправился съ Святымъ Людовикомъ, хотя онъ и принялъ крестъ. Объ этомъ Государѣ болѣе не упоминается ни въ одномъ изъ всѣхъ происшествій этой войны.

ную бурю, которая разсѣяла флотъ: Лю- 1245 —
довикъ IX, принужденный возвратиться въ 1250.
пристань, съ прискорбіемъ видѣлъ, что половина его кораблей увлечены были вѣтромъ къ берегамъ Сиріи; въ это время прибыли Герцогъ Бургундскій, проведшій зиму въ Морећ, Вильгельмъ де Салисбури съ двумястами Англійскихъ рыцарей, и Вильгельмъ де Вилегардуинъ, Князь Ахайскій, который забывалъ опасности Латино-Константинопольской имперіи, чтобы итти сражаться съ зловѣрными на берегахъ Нила и Іордана: эти неожиданныя подкрѣпленія возвратили надежду Людовику IX и вождямъ Христіанскаго воинства: не дожидаясь отбитыхъ бурею кораблей, снова вступили подъ паруса, и флотъ, благопріятствуемый попутнымъ вѣтромъ, направился къ Египту. Въ четверпый день съ восходомъ солнца, споявшіе на палубахъ закричали: *Земля! земля!* Одинъ матросъ, служившій вожатымъ, взлѣзъ на мачту перваго корабля, и таковъ былъ страхъ, внушаемый Христіанамъ однимъ видомъ земли невѣрныхъ, что лоцманъ закричалъ: *Теперь намъ остается только поручить себя Богу; мы передъ Даміеттою!* Въ одно мгновеніе эти слова повторяются изъ ряда въ рядъ; весь флотъ

1245 — 1250. приближается къ кораблю Людовика IX. Главные начальники поспѣшаютъ туда взойти; Король ожидалъ ихъ въ воинственномъ положеніи; онъ побуждалъ ихъ возблагодарить Господа за то, что привелъ ихъ предъ лице враговъ Іисуса Христа. Большая часть вельможъ, казалось, опасались, чтобы онъ не подвергалъ жизни своей въ войнѣ, долженствовавшей быть ужасною: «Послѣдуйте «моему примѣру, сказалъ онъ имъ, оставьте «меня презирать опасности, и въ пылу «сраженій, не думайте, что безопасность «Церкви и Государства заключается въ моей «особѣ; вы сами составляете Государство «и Церковь, и вы должны видѣть во мнѣ «не болѣе, какъ человѣка, котораго жизнь, «какъ и всякаго другаго, можетъ исчезнуть «подобно пѣни, когда это угодно будетъ «Богу, за Котораго мы сражаемся.» Такъ Людовикъ забывалъ самъ себя, и передъ зловѣрными, Король Французскій являлся простымъ воиномъ Іисуса Христа.

Эта рѣчь воспламенила мужество Бароновъ и рыцарей; отданы приказанія по всему флоту для приготовленія къ сраженію. На каждомъ кораблѣ воины обнимались отъ радости, видя приближеніе опасности; раздѣляемые доселѣ взаимными ссорами, клялись

забыпь о своихъ обидахъ и побѣдипь или умерепь вмѣспѣ. Жуанвилль повѣспвуепъ, чпо онъ принудилъ погда примирипься двухъ рыцарей непримиримыхъ враговъ, сказавъ имъ, чпо вражда ихъ можепъ навлечь прокляпіе неба, и чпо согласіе Христіанскихъ воиновъ одно полько можепъ опкрыпь имъ пупь въ Египепъ. 1245—1250.

Пока крепоносцы пригоповлялись пакимъ образомъ, Мусульмане ничѣмъ не пренебрегали для своей защипы; часовые ихъ увидѣли со спѣнъ Даміеппскихъ флопъ Христіанскій; эпа вѣспь быспро распроспранилась по городу; колоколъ, сохранившійся въ большой мечепи, со времени завоеванія Іоанна Бріенскаго, возвѣспилъ объ опасноспи, и гулъ его раздался на обоихъ берегахъ рѣки. Четыре Мусульманскія галеры выплыли впередъ, чпобъ узнапь силы крепоносцевъ; при были попоплены, чепвертая, возвращясь въ Нилъ, увѣдомила зловѣрныхъ, съ какимъ непріяпелемъ надлежало имъ соспязапься.

Между пѣмъ Христіанскій флопъ подвигался впередъ въ боевомъ порядкѣ и спалъ на якорь за чепверпь мили опъ берега, когда солнце было въ половинѣ своего печенія: прибрежіе и море предспавили погда самое величесптвенное зрѣлище: берегъ Еги-

1245 — 1250. пепскій *опушенъ былъ всѣми силами Судана, составленными изъ людей прекрасныхъ на взглядъ.* Все море усѣяно было судами, на коихъ развѣвались хоругви Креспа. Мусульманскій флотъ, сосповившій изъ несмѣтнаго числа кораблей, обремененный рапниками и военными махинами, защищалъ входъ въ Нилъ. Факреддинъ, предводитель войска зловѣрныхъ, показывался въ рядахъ съ сполъ блеспящею пышноспію, что Жуанвилль, въ удивленіи, уподобляетъ его солнцу. Небо и земля оглашались звуками изогнупыхъ роговъ и огромныхъ липавръ (naccaires) (1), *кои необыкновеннымъ шумомъ своимъ, ужасавшимъ слухъ, приводили Французовъ въ удивленіе.*

Всѣ военачальники собрались для совѣпа на кораблѣ Короля; многіе предложили оппожипь высадку, пока корабли, опбипые бурею, присоединяпся къ флопу: «Напасть «на зловѣрныхъ, не имѣя всѣхъ своихъ силъ, «значило дапь имъ надъ собою верхъ, ко- «порый умножилъ бы ихъ гордоспь; даже и «при несомнипельномъ успѣхѣ, справедли- «воспь, казалось, пребовала, чпобы всѣ

(1) Эпо слово заняпо Французами у Арабовъ вмѣспѣ съ инспрумепномъ, шакъ называемымъ; Арабы произносятъ его *Nakarah.*

«крестоносцы могли принять участіе въ «славѣ, за которою пришли изъ столь отда- «ленныхъ странъ.» Иные говорили еще о замѣшательствахъ и опасностяхъ высадки на землю незнакомую, о безпорядкахъ не- разлучныхъ съ первымъ нападеніемъ, о труд- ности собрать войско и флотъ, если встрѣ- тятся неодолимыя препятствія. Людовикъ IX не раздѣлялъ этого мнѣнія. «Мы пришли сюда, «сказалъ онъ, не для того, чтобы слушать «хладнокровно угрозы нашихъ враговъ, и «быть, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, не- «подвижными зрителями ихъ приготовленій. «Медленность умножитъ только ихъ муже- «ство и, можетъ быть, охладитъ жаръ Фран- «цузскихъ воиновъ. Мы не имѣемъ ни гавани, «ни пристани, чтобы укрыться отъ вѣтровъ «и отъ нечаянныхъ нападеній Сарацинovъ; «другая буря можетъ разсѣять и этотъ оста- «токъ флота и лишитъ насъ средствъ къ «успѣшному начатію войны. Сегодня Богъ по- «сылаетъ намъ побѣду; позже онъ накажетъ «насъ за пренебреженіе этимъ благопріят- «нымъ случаемъ.» 1245 — 1250.

Большая часть Вельможъ и Бароновъ при- стали къ мнѣнію Людовика IX. Высадка на- значена на другой день. Ночь проведена съ величайшею осторожностью; флотъ освѣ-

1245 — 1250. щенъ былъ множествомъ свѣточей; нѣсколько кораблей подошли къ устью Нила для наблюденія за движеніями Саррацинъ.

Съ разсвѣтомъ весь флотъ снялся съ якоря; Мусульмане взялись за оружіе; пѣхота и конница ихъ заняли берегъ, вездѣ гдѣ полагали, что крестоносцы сдѣлаютъ высадку.

Когда корабли приблизились къ берегу, Христіанскіе воины сошли въ лодки, слѣдовавшія за флотомъ, и выстроились въ двѣ линіи. Людовикъ IX сталъ на правомъ крылѣ, сопровождаемый двумя своими братьями и отборнѣйшими изъ своихъ рыцарей. Возлѣ него стоялъ Кардиналъ-Легатъ, державшій въ рукахъ крестъ Спасителя; передъ нимъ плыла лодка, на которой развѣвалось знамя Франціи.

Графъ Яффскій, отрасль знаменитаго дома Бріеннскаго, занималъ лѣвое крыло къ устью Нила; онъ предводительствовалъ рыцарями острова Кипра и Палестинскими Баронами. Его лодка была легчайшая во всемъ флотѣ; корма и носъ ея украшены были гербами Графовъ Яффскихъ. Вокругъ флага развѣвалось множество разноцвѣтныхъ флюгеровъ, и пристпа гребцовъ несли ее по волнамъ. Эрардъ Бріеннскій, окруженный отборною дружиною, занималъ средину линіи съ Боду-

иномъ Реймскимъ, начальствовавшимъ надъ 1248—
пысячью воиновъ. Рыцари и Бароны спояли 1250.
на судахъ, смотря на берегъ, съ копьями
въ рукахъ, и имѣя коней своихъ подлѣ себя.
Впереди и по бокамъ войска, разставлены
были на гребныхъ судахъ арбалетчики (луко-
носцы) для отраженія непріятелей.

Какъ скоро сблизились на разстояніе удара
пспивы, въ одно и то же время посыпалась
съ обѣихъ сторонъ туча камней, стрѣлъ и
дротиковъ. Ряды Христіанъ, казалось, при-
шли нѣсколько въ разстройство. Король
приказалъ удвоить усилія, чтобы достиг-
нуть берега. Онъ самъ подаетъ примѣръ;
не смотря на Легата, который хотѣлъ
удержать его, онъ устремляется въ волны
въ полномъ вооруженіи, съ щитомъ на груди
и съ мечемъ въ рукахъ; вода покрыла его
до плечъ; вся Христіанская рать, по примѣру
Короля, бросается въ море, съ крикомъ:
Монжуа-Сенъ-Дени! (Montjoie - St. - Denis).
Это множество людей и коней, стараясь
добраться до берега, вздымали волны, кото-
рыя разбивались у ногъ Сарацинъ; воины
пѣснились, сталкивались на-ходу; слышны
были только шумъ волнъ и веселъ, крики
воиновъ и матросовъ, безпорядочный стукъ

1248 — 1250. гребныхъ судовъ и кораблей, приближавшихся въ разстройствѣ.

Полки Мусульманъ, собранные на берегу, не могли остановить воиновъ Французскихъ. Жуанвилль и Бодуинъ Реймскій первые спустились на землю; за ними Графъ Яффскій: уже строились къ бою, вдругъ ударила въ нихъ Саррацинская конница; крестоносцы, покрытые щитами, сплѣсняютъ свои ряды и, приявъ непріятеля въ дротики, удерживаютъ его стремленіе. Позади этихъ дружинъ выстраивались въ линію всѣ изъ сорапниковъ, кои достигли берега.

Уже *орифлама* была водружена на берегу, когда Людовикъ вышелъ на землю. Не думая объ опасности, онъ преклоняетъ колѣна для возблагодаренія неба, и возставъ, исполненный новаго жара, созываетъ вокругъ себя своихъ храбрѣйшихъ рыцарей. Одинъ Арабскій Историкъ повѣствуетъ, что въ это время, Король Франкскій приказалъ разбить шатеръ свой, и что этотъ шатеръ ослѣпительнаго цвѣта краснаго, привлекалъ на себя взоры всѣхъ. Наконецъ приспѣло все войско; на всемъ пространіи берега завязалась кровопролитная сѣча; Франки и Саррацины повсюду преслѣдуютъ другъ друга, сходятся, смѣшиваются. Никто не оставался

въ бездѣйствіи; оба флота вступили въ бой около устья Нила. Пока берегъ и море оглашались трескомъ оружія, Королева Маргарита и Герцогиня Анжуйская, оставшіяся въ отдаленіи на одномъ кораблѣ, ожидали въ страхѣ развязки этой всеобщей битвы; онѣ возсылали къ небу жаркія моленія, и благочестивые Священники, собравшіеся вокругъ ихъ, пѣли псалмы для снисканія покровительства *Господа силъ*. 1218 — 1250.

Флотъ Саррацинъ былъ разсѣянъ; многіе корабли ихъ были потоплены, другіе уплыли вверхъ по рѣкѣ: въ тоже самое время войска Факреддина, разстроенныя на всѣхъ пунктахъ, отступали въ безпорядкѣ; Французы преслѣдуютъ ихъ до самыхъ укрѣпленій; шутъ объ стороны сходятся еще разъ; Мусульмане, послѣ сильнаго сопротивленія, бросаютъ свой станъ и западный берегъ Нила, и оставляютъ многихъ своихъ Эмировъ на полѣ битвы; ничто не могло противиться Французамъ, одушевляемымъ присутствіемъ и примѣромъ своего Короля.

Въ продолженіе сраженія отправили многихъ голубей-вѣстниковъ къ Султану Каирскому, котораго болѣзнь удерживала въ одномъ мѣстечкѣ, между Даміеттою и Мансурагомъ: отвѣта не было, и слухъ о его смерти,

1248 — 1250. довершилъ распространеніе уныній въ войскахъ Египетскихъ; большая часпь Эмировъ съ непершѣніемъ желали знапь, какая участь ожидала ихъ при новомъ Государѣ. Многіе покинули знамена; удаленіе ихъ еще умножило безпорядокъ: къ вечеру все войско разсѣялось, и солдапы, брошенные своими начальниками, помышляли только объ одномъ бѣгспвѣ (1).

Крестоносцы остались повелителями морскаго берега и обоихъ береговъ Нила; сполъ прекрасная побѣда не куплена цѣною крови Христіанской; только два или три рыцаря погибли въ этотъ славный день: изъ вельможъ Французскихъ оплакапъ одинъ Графъ де Ламаршъ, который искалъ смерпи, и получивъ ее подлѣ Короля, искупилъ, по

(1) О сраженіяхъ, предшествовавшихъ взяшію Даміепшы, и о взяшіи этого города, можно чишапь Жуанвилля, Историка, представляющаго наиболѣе подробностей. Должно шакже чишапь Вильгельма де Нанжи, Машвѣя Париса, особенно же переписку Гюи Мелюнскаго, которую мы помѣспили въ *Оправдательныхъ Статьяхъ*. Мы упоминали въ нашемъ разсказѣ о Писателяхъ Арабскихъ, говорившихъ шакже о сихъ происшесшвіяхъ; объ этомъ можно найши болѣе подробностей въ извлеченіяхъ изъ Арабскихъ руконисей, помѣщенныхъ нами въ концѣ VI тома (Bibliographie des Croisades).

словамъ нашихъ Историковъ, свои частные обманы. 1248—1250.

Вечеромъ разбили шапры на полѣ битвы; Священство воспѣло *Тебе Бога хвалимъ*; ночь пропекла въ ликованіи. Между тѣмъ, какъ побѣдоносное воинство предавалось радости, величайшее смятеніе царствовало въ Даміеттѣ; бѣгущіе прошли чрезъ городъ, посѣвая всюду ужасъ ихъ преслѣдовавшій; самъ Факреддинъ не отдалъ никакого приказанія для сохраненія крѣпости: жители ежеминутно ожидали прибытія Французовъ; одни опасались нечаяннаго нападенія, другіе спрашились осады; никто не думалъ объ ихъ ободреніи; мракъ ночи усугублялъ ихъ ужасъ.

Страхъ пробудилъ въ нихъ любопытъ; они безжалостно умертвили всѣхъ Христіанъ, находившихся въ городѣ; войска, отступая, грабили домы, жгли зданія; цѣлыя семейства бѣжали, унося свои пожитки и свои богатства. Гарнизонъ состоялъ изъ храбрѣйшихъ воиновъ Арабскаго племени *Бену-Кенанегъ* (1); боязнь овладѣла ими, какъ и про-

(1) Въ это время, природные жители не имѣли духу и твердости, коихъ требуютъ военные труды. Арабы, вступившіе побѣдителями въ Египетъ съ *Амру-Бенал-Асомъ*, исчезли, не оставивъ по себѣ преемниковъ достойныхъ напомнить ихъ прежнее

1248 — 1250. чими; они оставили башни и стѣны, ввѣренныя ихъ охраненію, и убѣжали съ войскомъ Факреддина. Къ концу ночи городъ былъ безъ защитниковъ и безъ жителей.

Вскорѣ изъ стана Христіанскаго замѣтили огненные вихри, вздымавшіеся надъ Даміеттою; весь горизонтъ былъ въ пламени. На другой день, на самомъ разсвѣтѣ, воины приблизились къ городу; они увидѣли его растворенныя ворота; въ улицахъ нашли только трупы жертвъ, умерщвленныхъ отчаяніемъ и фанатизмомъ зловѣрныхъ, и нѣсколько живыхъ Христіанъ, кои укрывшись отъ преслѣдованія убійцъ и палачей, изрубили въ свою очередь Мусульманъ, которымъ лѣта и дряхлость не позволили уйти. Солдаты возвратились въ станъ, и объявили о томъ, что видѣли. Сперва съ трудомъ имъ повѣ-

---

мужество. Для пополненія войскъ не было иного средства, кромѣ невольниковъ, покупаемыхъ въ сѣверной Азіи и въ Европѣ, или кочующихъ Арабовъ, которые, привыкши къ жизни суровой и дѣятельной, являли еще нѣкоторую твердость. Такая мѣра представляла еще другую выгоду. Подчиняя эти кочующія племена подъ иго военной дисциплины, избавляла народы отъ насилій людей воинственныхъ. Подобныя причины заставили теперешняго Египетскаго Пашу набирать войска свои изъ Арабовъ, живущихъ въ его владѣніяхъ (Смот. Путешествіе Бельзони по Египту и Нубіи).

рили: войско двинулось въ боевомъ порядкѣ. Когда удосповѣрились, чпо городъ пустъ, крестоносцы овладѣли имъ. Сначала занялись они пресѣченіемъ пожара; попомъ солдапы разбрелись по городу для грабежа, и все чпо уцѣлѣло опъ огня, учинилось наградою побѣды. 1248—1250.

Въ пюже время Король Французскій, Легапъ Папскій, Папріархъ Іерусалимскій, сопровождаемые полпою Прелаповъ и Священниковъ, вступили поржественно въ Даміепту и опправились въ большую мечепь, копорая снова превращена была въ церковь и посвящена Пресвяпой Дѣвѣ, Мапери Іисуса Христа. Французскій Монархъ, духовенспво и всѣ военачальники шли съ обнаженною главою, босые, воспѣвая псалмы для возблагодаренія Бога и приписанія Ему всей славы чудеснаго завоеванія.

Извѣспіе объ эпой побѣдѣ скоро распространилось по всѣмъ областямъ Египепскимъ. Продолжапель Табари, находившійся погда въ Каирѣ, пишепъ въ своей Исторіи, чпо на происшеспвіе эпо смопрѣли, какъ на одно изъ величайшихъ бѣдспвій. Всѣ Мусульмане были въ спрахѣ и въ гореспи; самые храбрые опчаевались въ спасеніи Египпа.

Негмеддинъ еще не выздоравливалъ, и не могъ садиться на коня; о разбипіи своего

1248 — 1250. войска и побѣдахъ Христіанъ узналъ онъ опъ убѣжавшихъ воиновъ и жителей. Онъ пришелъ въ сильный гнѣвъ пропивъ спражи Даміеттской; смертный приговоръ немедленно произнесенъ пропивъ пятидесяти четырехъ виновнѣйшихъ: напрасно приводили они въ оправданіе отступленіе Эмира Факреддина; Султанъ опвѣчалъ, что они заслужили смерть, потому что спрашились болѣе непріятельскаго оружія, нежели гнѣва своего повелителя. Одинъ изъ нихъ, осужденный вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, юношею рѣдкой красоты, просилъ позволенія умереть первому; Султанъ отказалъ ему въ этой милости, и несчастный отецъ былъ горестнымъ зрителемъ смерти своего сына прежде своей собственной. При видѣ этой безчеловѣчной казни, должны были удивляться, что Государь, лишившійся своего войска, находилъ еще палачей для наказанія измѣнниковъ и трусовъ: такое кровавое зрѣлище, изгоняя сомнѣніе въ могуществѣ повелителя, сильно поражало умы народа, и было доспаточно для приведенія снова въ покорность невѣжественной толпы воиновъ Мусульманскихъ; но это дѣйствіе не обнаруживалось надъ главными Эмирами, мало расположенными трепетать предъ повелителемъ, котораго

почитали они своимъ созданіемъ, и который нуждался въ ихъ помощи. Султанъ охотно наказалъ бы Факреддина; но время, говоритъ одинъ Арабскій Историкъ, допускало одно лишь терпѣніе. Онъ ограничился нѣкоторыми упреками: «Присутствіе Франковъ, сказалъ «онъ ему, должно имѣть въ себѣ нѣчто чрезвычайно страшное, когда люди, подобные «тебѣ, не могли перенести его и одного дня.» Слова эти возбудили болѣе негодованія, нежели страха между присутствовавшими Эмирами; нѣкоторые изъ нихъ взглянули тогда на Факреддина, какъ бы желая сказать ему, что готовы умертвить Султана; но смертная блѣдность, покрывала чело Султана, и видъ умирающаго оправдалъ ихъ отъ покушенія на безполезное преступленіе: плачевное состояніе Государя, который за нѣсколько миль отъ себя имѣетъ грознаго врага, съ коимъ не можетъ сражаться, вокругъ себя измѣнниковъ, коихъ не смѣетъ наказывать, и который, видя ежедневное ослабленіе своей власти, ежедневно чувствуя изнуреніе своей жизни, казалось, не имѣлъ болѣе никакой надежды на спасеніе своей имперіи, ни самаго себя! 1248 — 1250.

Въ продолженіе этого времени крестоносцы безпрепятственно располагались въ

1248 — 1250. Даміеттѣ; Королева Маргарита и другія Принцессы, Легатъ, Духовенство занимали дворцы и удобнѣйшіе домы; остальная часть города предоставлена была невооруженнымъ поклонникамъ: охраненіе башенъ и стѣнъ поручено было пятистамъ рыцарямъ, а Христіанская рать раскинула лагерь на равнинѣ у береговъ Нила. Въ этомъ положеніи крестоносцы думали только о томъ, чтобы спокойно наслаждаться своею побѣдою, и, казалось, забыли, что имѣли еще враговъ.

Султанъ Каирскій приказалъ перенести себя въ Мансурагъ, гдѣ старался собрать свое войско и возстановить дисциплину. Разсѣявъ свой первый ужасъ или желая скрыть свое безпокойство и успѣхи своей болѣзни, онъ отправилъ многія посланія къ Людовику IX. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Негмеддинъ, соединяя угрозу съ насмѣшкою, поздравлялъ Французскаго Короля съ прибытіемъ въ Египетъ, и вопрошалъ его о времени его отъѣзда. Мусульманскій Государь присовокуплялъ, что это множество жизненныхъ припасовъ и земледѣльческихъ орудій, коими нагружены корабли крестоносцевъ, казалось ему безполезною предосторожностію, и что, для соблюденія въ отношеніи къ Франкамъ обязанности гостепріимства,

достойнымъ ихъ и его образомъ, онъ брался снабдить ихъ достаточнымъ количествомъ хлѣба на время ихъ пребыванія въ его владѣніяхъ. Негмеддинъ, въ другомъ посланіи, предлагалъ Французскому Королю дать рѣшительное сраженіе въ двадцать пятый день Іюня, на опредѣленномъ впередъ мѣстѣ. Людовикъ IX отвѣчалъ на первое письмо Султана, что онъ прибылъ въ Египетъ въ день имъ для того назначенный, объ отъѣздѣ же своемъ займется на досугѣ. Касательно предлагаемаго сраженія, Король удовольствовался отвѣтомъ, что онъ не хочетъ ни принять дня, ни избрать мѣста, потому что всѣ мѣста и всѣ дни были равно хороши для низложенія зловѣрныхъ. Французскій Государь присовокупилъ, что онъ будетъ нападать на Султана вездѣ, гдѣ его встрѣтитъ, что будетъ преслѣдовать его во всякое время и безъ отдыха, что не перестанетъ почитать его врагомъ, доколѣ Господь не обратитъ его на путь спасенія, и пока Христіане не признаютъ его своимъ братомъ. 1248 — 1250.

Счастіе представляло Людовику IX случай и средства исполнить свои угрозы. Крестоносцы, отдѣленные отъ флота бурею, прибывали каждый день; рыцари Храма и Св. Іоанна, коихъ обвиняли въ желаніи мира,

1248 — 1250. присоединились къ знаменамъ рапи, и дышали одною лишь войною. Они знали спрану и образъ веспи войну съ зловѣрнѣыми; съ пакимъ полезнымъ подкрѣпленіемъ можно было предпринять походъ пропивъ Александріи, или захвапипь Мансурагъ и овладѣпь Каирскою дорогою. По взяпіи Даміепипы, многіе изъ полководцевъ совѣповали преслѣдовапь Мусульманъ и воспользоваппься ужасомъ, наведеннымъ на нихъ первою побѣдою Христіанъ. Но сближалось время, когда воды Нила начинаюпъ подыматься, и воспоминаніе о разбипіи Пелагія и Іоанна Бріеннскаго опклоняло опъ намѣренія ипіи пропивъ спополицы Египпа. Людовикъ IX хопѣлъ дожидапься, для продолженія своихъ завоеваній прибыпія своего брапа, Графа Пуапье, копорый долженъ былъ опправипься съ дворянскимъ ополченіемъ королевспва Французскаго. Большая часпь Историковъ полагаюпъ въ эпомъ намѣреніи причину всѣхъ бѣдспвій, случившихся въ послѣдспвіи. Мы не имѣемъ доспапочнаго числа положипельныхъ доказапельспвъ, чпобы оцѣнипь досповѣрноспь ихъ мнѣній; но можно сказапь упвердипельно, чпо бездѣйспвіе Христіанскаго войска содѣлалось съ пой поры испочникомъ самыхъ пагубныхъ безпорядковъ.

Безпорядки эти начали оказываться во время раздѣла добычи, захваченной при взятіи Даміетты. Для оживленія мужества крестоносцевъ, имъ часто говорили о сокровищахъ этого города, складочномъ мѣстѣ восточныхъ товаровъ; но такъ какъ богатѣйшія части его преданы были пламени, и убѣжавшіе жители унесли съ собою драгоцѣннѣйшіе пожитки, то богатства завоеванныя у непріятеля оказались далеко несоотвѣтствующими ожиданіямъ побѣдоноснаго войска. Не смотря на угрозы Легата, многіе крестоносцы не внесли въ общую массу награбленныхъ ими вещей. Вся добыча, сдѣланная въ городѣ, не простиралась свыше шести тысячъ ливровъ Турнайскихъ, назначенныхъ для раздѣла между крестоносцами, которыхъ удивленіе и негодованіе обнаружились въ сильныхъ роптаніяхъ. 1248—1250.

Правило, постановленное на одномъ Совѣтѣ, чтобы не дѣлить жизненныхъ припасовъ и сберегать ихъ въ Королевскихъ магазинахъ для содержанія войска, такое правило, противное древнимъ обычаямъ, породило величайшія неудовольствія. Жуанвилль пишетъ, что *праводушный* Иванъ де Валери, котораго строгая честность неменѣе храбрости его были предметомъ великаго

1248 — 1250. уваженія въ войскѣ, дѣлалъ объ этомъ предспавленія Французскому Королю. Иванъ де Валери ссылался на законы Свяпой Земли и обычаи, дополѣ наблюдаемые въ Кресповыхъ походахъ; онъ напомнилъ примѣръ Іоанна Брієнскаго, копорый въ первое завоеваніе Дамієппы, удержалъ только престь богапспвъ и съѣспныхъ запасовъ, найденныхъ въ городѣ, предосспавивъ оспальное крестоносцамъ. Обычай сей епце болѣе освящался Феодальными законами, по коимъ всякій владѣлецъ производилъ войну на собспвенномъ иждивеніи, и долженспвовалъ получищь свою часпь изъ всей добычи непріяпельской; на это могли однако возразипь, чпо Людовикъ снабжалъ деньгами большую часпь военачальниковъ, и чпо въ слѣдспвіе пого, Графы и Бароны опказались опъ условій Феодальнаго права. Этопъ законъ раздѣленія съѣспныхъ припасовъ, дѣйспвипельно наблюдаемый въ предшеспвовавшихъ Кресповыхъ походахъ, объясняепъ довольно недоспапки, споль часпо опусповавшіе войска Христіанскія. Набожный Государь хопѣлъ избѣжапь злоключеній, плода непредусмоприпельноспи, и опказалъ въ удовлепвореніи большей часпи Французскихъ вельможъ, приносившихъ жалобы: *такъ пребыло дѣло,*

говоритъ Жуанвилль, *которымъ многіе люди остались недовольны* (ainsi demoura la besongne, dont maintes gens se tinrent mal satisfaits). 1248 — 1250.

Вскорѣ къ этому духу неудовольствія присоединились другіе безпорядки, коихъ слѣдствія долженствовали быть еще плачевнѣе. Въ пагубной праздности рыцари забыли свои воинскія добродѣтели и цѣль священной брани. Надѣясь на обѣщанныя богатства Египта и Востока, Вельможи и Бароны спѣшили расточать на пиршества деньги, полученныя отъ щедроты Короля или собранныя ими отъ продажи своихъ земель и замковъ. — Страсть къ игрѣ овладѣла вождями и воинами; потерявъ свое состояніе, они проигрывали даже коней своихъ и оружіе; подъ сѣнію самыхъ хоругвей Христовыхъ, крестоносцы предавались всѣмъ неистовствамъ разврата; постыдная зараза порока распространялась повсюду, и вертепы распутства встрѣчались подлѣ самой ставки благочестиваго Монарха Французовъ.

Для удовлетворенія необузданнаго желанія роскоши и удовольствій, прибѣгли ко всякаго рода насильственнымъ средствамъ. Предводители войскъ грабили поставщиковъ, продовольствовавшихъ лагерь и городъ; они на-

1248 — 1250. лагали на нихъ непомѣрныя дани, что и произвело недоспапокъ. Отважнѣйшіе пускались въ отдаленные набѣги, заспигали караваны, опустошали мѣстечка и села, похищали женъ Мусульманскихъ, которыхъ съ поржествомъ приводили въ Дамієппу; часто раздѣлъ добычи пораждалъ жестокія ссоры, и станъ оглашался жалобами и угрозами.

Въ картинѣ этой всего прискорбнѣе, что власть Короля была съ каждымъ днемъ менѣе уважаема; по мѣрѣ того, какъ развращеніе распространялось, теряли привычку повиноваться; законы лишались своей силы, добродѣтель своей власти. Людовикъ IX вспрѣпилъ сопротивленіе своей воли даже въ Принцахъ своего семейства. Графъ Артуа, молодой Принцъ, пылкій и высокомѣрный, не терпя ни соперниковъ, ни перекателей, гордяся своею военною славою, и до крайности ревнуя къ славѣ другихъ, не рѣдко ссорился съ другими вождями, и безъ причины наносилъ имъ самыя жестокія обиды. Графъ Салисбурійскій, котораго онъ обидилъ, принесъ жалобу Людовику IX, и не получивъ требуемаго удовлетворенія, произнесъ въ гнѣвѣ эти достопамятныя слова: *И такъ вы не Король, потому что не*

можете отдать справедливости. Это упрямство Принцевъ, это своеволіе вельможъ довершили безпорядокъ; каждый день открывались новыя упущенія въ дисциплинѣ; стража едва охраняла лагерь, который простирался по равнинѣ и по восточному берегу Нила; передовые посты Христіанскаго войска безпрестанно подвергались нападеніямъ непріятеля, которому не представляли иного сопротивленія, кромѣ безразсудной и дерзкой храбрости, увеличивавшей только опасность. 1248—1250.

Между Мусульманскими воинами, отряженными превожить крестоносцевъ, отличались Арабы-Бедуины, воины неустрашимые, неутомимые всадники, которые не имѣли иного отечества кромѣ пустыни, иного богатства кромѣ коней и оружія, которые изъ жадности къ грабежу охотно переносили всѣ труды и презирали всѣ опасности. Къ сему Арабамъ присоединилось нѣсколько всадниковъ Хивинскихъ, переживших истребленіе своего воинственнаго племени; привыкнувъ жить разбоями, и тѣ и другіе день и ночь стерегли Христіанскихъ воиновъ, и казалось, имѣли проворство и чутье сихъ дикихъ животныхъ, которые безпрестанно блуждаютъ вокругъ жилищъ человѣка для отысканія себѣ поживы. Султанъ Каирскій обѣщалъ по золотому

1248 — 1250. безану за каждую Христіанскую голову, принесенную въ его спавку; иногда Арабы и Хивинцы нападали на крестоносцевъ, опдаливщихся опъ войска; часпо пользовались шемнопою ночи и проникали въ спанъ: спящіе часовые, рыцари покоющіеся въ своихъ шапрахъ, были поражаемы невидимою рукою, и когда первые лучи солнца освѣщали ночное убійспво, тогда варвары мчались вдоль по Нилу, и спѣшили пребовапь награды своей опъ Султана Египепскаго.

Эпи внезапныя нападенія, эпи ночные набѣги наиболѣе оживляли мужеспво Мусульманъ. Для ободренія полпы и войска, нарочно показывали имъ головы Христіанъ, водили плѣнныхъ съ пріумфомъ; малѣйшая выгода, одержанная надъ Франками, праздновалась во всемъ Египпѣ. Современные Историки, увлекаясь всеобщею спрасптю къ преувеличенію, разсказываюпъ о малѣйшихъ спычкахъ, какъ о доспопамяпныхъ побѣдахъ: и нельзя не удивляпься нынѣ, чипая Исторію споль обильнаго времени великими военными событіями, чпо въ мѣсяцѣ *Рамадапъ* приведены въ Каиръ придцапь семь Христіанъ въ желѣзахъ, за копорыми чрезъ нѣсколько дней прибыло еще придцапь восемь военоплѣнныхъ, въ числѣ коихъ замѣчали пяпь рыцарей,

Негмеддинъ, казалось, удвоялъ свою дѣятельность помѣрѣ того, какъ приближался конецъ его жизни. Онъ занимался соединеніемъ своихъ войскъ, всегда неусыпно наблюдая за движеніями крестоносцевъ и пользуясь ихъ ошибками. Въ Мансурагѣ прудились день и ночь надъ исправленіемъ башенъ и укрѣпленій; Мусульманскій флотъ, поднявшійся вверхъ по Нилу, сталъ на якорѣ передъ городомъ. Посреди сихъ приготовленій получено извѣстіе, что войска охраняющія Дамаскъ, овладѣли городомъ Сидономъ, принадлежавшимъ Франкамъ, и что важная крѣпость Каракъ передалась Негмеддину. Это неожиданное извѣстіе, видъ плѣнныхъ, особенно же бездѣйствіе Христіанскаго войска, которое не преминули приписать страху, совершенно разсѣяли робость Мусульманъ. Между тѣмъ, какъ всякій день прибывали новыя подкрѣпленія въ войско Султана, народъ толпами стекался въ мечети Каирскія и другихъ Египетскихъ городовъ, для испрошенія небесной помощи и принесенія благодарности Богу Магометову за то, что не допустилъ Христіанъ воспользоваться своими побѣдами. 1248—1250.

ИСТОРІЯ
КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ
VII-го КРЕСТОВАГО ПОХОДА.

КНИГА XIV.

Тогда какъ рать Христіанская забывала 1248—
въ Даміеттѣ законы воинскаго благочинія и 1250.
предметъ священной брани, Альфонсъ, Графъ Пуатье, готовился къ отплытію на Востокъ. Всѣ церкви Французскія еще оглашались прогалательными увѣщаніями, обращаемыми къ Христіанскимъ воинамъ; Епископы, именемъ Папы, умоляли вѣрныхъ поддержать добровольными подаяніями предпріятіе противъ Сарацинъ; Папскою граматою дозволялось брату Святаго Людовика собирать не только

1218 — 1250. пеню, наложенную на крестоносцевъ опкупавшихся отъ своего обѣта, но и всѣ денежныя суммы, назначенныя завѣщаніями на богоугодныя дѣла, и которыхъ употребленіе не было яснымъ образомъ опредѣлено. Эти суммы вѣроятно были значительны, но онѣ едва могли удовлетворить издержкамъ предпріятія, которое возвѣщало, какъ бы другой Крестовый походъ. Рыцари и Бароны, на коихъ примѣръ и рѣчи Людовика IX не сдѣлали никакого впечатлѣнія, оказывали мало усердія, или нуждались въ деньгахъ для столь дальняго путешествія. Благочестіе или любовь къ славѣ уже недостаточны были для привлеченія ихъ подъ знамена священной брани. Исторія сохранила договоръ, по которому Гуго Лебрюнъ, Графъ Ангулемскій, согласился отправиться въ походъ съ двѣнадцатью рыцарями, только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Графъ Пуатье кормилъ ихъ за своимъ столомъ во весь походъ, чтобы онъ выдалъ впередъ Гуго Лебрюну четыре тысячи ливровъ, и назначилъ бы ему пожизненно жалованье въ шестьсотъ ливровъ Турнайскихъ. Этотъ договоръ и подобные ему другіе, были нововведеніемъ въ Феодальныхъ воинскихъ обычаяхъ, и даже въ обычаяхъ освященныхъ крестовыми бранями.

Между тѣмъ дворянство Англiйское съ 1248—
нетерпѣнiемъ хотѣло подражать дворянству 1250.
Французскому, которое сопутствовало Свя-
тому Людовику. Матвѣй Парисъ повѣствуетъ,
что владѣльцы и рыцари Англiйскiе уже
распродали или заложили свои земли, и при-
шли въ полную зависимость отъ Жидовъ:
что казалось предварительнымъ дѣйствiемъ
къ отправленiю въ Крестовый походъ. Не
безполезно присовокупить здѣсь, что это
нетерпѣливое желанiе отъѣзда на Востокъ,
проистекало не столько отъ набожнаго усер-
дiя, сколько отъ духа сопротивленiя, одуше-
влявшаго Бароновъ противъ Государя.
Генрикъ III, обвиняемый въ замыслѣ восполь-
зоваться отсутствiемъ Людовика IX, упо-
требилъ всѣ усилiя для удержанiя Бароновъ
и Владѣльцевъ своего королевства; но когда
сiи съ презрѣнiемъ не приняли его просьбъ,
онъ рѣшился употребить вliянiе Церкви;
подобно обиженному ребенку, говоритъ Мат-
вѣй Парисъ, жалующемуся своей матери, Ко-
роль Англiйскiй принесъ жалобу Папѣ, при-
бавивъ, что онъ самъ предполагаетъ от-
правиться, и весьти позже своихъ Бароновъ
во Святую Землю. Папа, въ отвѣтахъ сво-
ихъ, запретилъ Генрику III что-либо пред-
принимать противъ королевства Француз-

1248 — 1250. скаго: но въ тоже время грозилъ громами Церкви рыцарямъ и владѣльцамъ Англійскимъ, которые оставятъ королевство пропивъ воли Государя. Генрикъ, подкрѣпляемый властію Папы, повелѣлъ Комендантамъ Дувра и другихъ портовъ, принять свои мѣры, чтобы никто изъ крестоносцевъ не могъ выѣхать изъ пристаней. Такимъ образомъ Римскій Дворъ, съ одной стороны проповѣдывалъ Крестовый походъ, а съ другой замедлялъ отъѣздъ воиновъ Креста: это самое долженствовало разсѣять всѣ обольщенія и подавить воодушевленіе священной брани.

Раймондъ, Графъ Тулузскій, далъ также клятву сражаться пропивъ зловѣрныхъ; но непостоянство его характера и политика Папы скоро увлекли его въ другія предпріятія: современники видѣли въ немъ попеременно ревностнаго защитника Церкви, неутомимаго гонителя ея, проповѣдника ереси и бичь еретиковъ; иногда преданнаго всѣмъ неистовствамъ мятежа, иногда же покорнаго до униженія, презирающаго угрозы Римскаго Двора, и потомъ покупающагося о снисканіи благосклонности Первосвященниковъ, преслѣдуемаго несправедливыми бранями, и объявляющаго отъ себя войну безъ всякой причины. Въ эпоху, о которой мы повѣствуемъ,

Графъ Тулузскій уже не думалъ о походѣ 1248—
противъ зловѣрныхъ, но готовился быть 1250.
орудіемъ личной мести Иннокентія, обративъ
оружіе свое противъ Ѳомы Савойскаго, ко-
торый, вопреки желанію Папы, женился на
дочери Фридериковой. Уже онъ получилъ
отъ Первосвященника потребныя деньги для
приготовленій; уже проспился съ своею до-
черью, Графинею Пуатье, готовою отправи-
ться на Восток, какъ вдругъ заболѣлъ
въ Мильгау (Milhau). Съ того времени всѣ
честолюбивыя его намѣренія исчезли, и, го-
воря словами одного новѣйшаго Историка,
онъ отправился въ другой міръ, узнать *раз-*
вязку непостижимыхъ перемѣнъ своей
жизни.

Въ немъ пресѣкся родъ Графовъ Тулуз-
скихъ, изъ коихъ многіе были героями свя-
щенныхъ браней; другіе же плачевными жерт-
вами духа Крестовыхъ походовъ. Графство
Тулузское поступило такимъ образомъ въ
родъ Королей Французскихъ, и между тѣмъ,
какъ Людовикъ IX терялъ свои войска и
сокровища для завоеваній на Востокѣ, при-
обрѣтенія не столь блистательныя, но так-
же не столь разорительныя, болѣе полезныя
и прочныя, умножали могущество монархіи
и распространяли предѣлы государства.

1248—1250. Германія, Голландія, Италія, обуреваемыя мятежами, занимали тогда все вниманіе Фридерика II, и не дозволяли ему помыслить о Востокѣ. Онъ послалъ къ Графу Пуатье пятьдесятъ коней и съѣстныхъ припасовъ, радуясь, говорилъ онъ, что можетъ оплатить Франціи, за оказанныя ему одолженія; онъ молилъ небо объ успѣхѣ Крестоваго похода, и продолжалъ жалѣть о томъ, что не могъ принять въ немъ участія. Фридерикъ прожилъ подобно Графу Тулузскому, и подобно ему долженствовалъ вскорѣ, въ другой жизни, увидѣть конецъ своему честолюбію, непостоянству своихъ намѣреній и превратностямъ счастія.

Хотя Графу Пуатье мало благопріятствовали обстоятельства, однако онъ кончилъ свои приготовленія и собралъ войско. Новые крестоносцы сѣли на суда въ Эгъ-Мортѣ въ самую минуту, когда извѣстіе о взятіи Даміетты прибыло на Западъ. Христіанская рать тѣмъ болѣе безпокоилась, ожидая ихъ въ Египтѣ, что въ продолженіе болѣе мѣсяца около Даміетты море безпрестанно волновалось сильною бурею. Три недѣли до ихъ прибытія, всѣ поклонники возсылали горячія молитвы: каждую Субботу они съ крестами ходили до самаго морскаго берега, просить

заступничества у небесъ въ пользу воиновъ, 1248—
долженствовавшихъ присоединиться къ рати 1250.
Христіанской. Наконецъ, послѣ двухъ-мѣсяч-
наго плаванія, Графъ Пуатье вышелъ на
берегъ передъ Даміеттою. Прибытіе его
распространило радость, оживило надежду
между крестоносцами, и дозволило имъ выйти
изъ пагубнаго спокойствія.

Людовикъ IX собралъ Принцевъ и Бароновъ для совѣщанія о дальнѣйшемъ походѣ, и о мѣрахъ для завоеванія Египта; многіе военачальники предложили осадить Александрію; они представляли, что этотъ городъ имѣлъ покойную пристань, что флотъ Христіанскій будетъ тамъ въ безопасности, и что въ немъ можно легко снабдить себя военными и съѣстными припасами: этого мнѣнія были всѣ опытные полководцы. Пылкое юношество, убѣжденное, что довольно сдѣлало для благоразумія, пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ бездѣйствіи, утверждало, что должно итти на Каиръ; оно не помышляло объ опасностяхъ, коимъ могла подвергнуться Христіанская рать въ сердцѣ земли незнакомой, гдѣ долженствовала встрѣтить однихъ лишь враговъ, раздраженныхъ изувѣрствомъ и отчаяніемъ. Графъ Артуа отличался между желавшими сдѣлать нападеніе на столицу Египта: «Когда хотятъ убить

1248 — 1250. «змѣя, кричалъ онъ, по прежде всего должно «раздавить его голову.» Это мнѣніе, предлагаемое съ жаромъ, одержало верхъ въ Совѣтѣ; самъ Людовикъ раздѣлялъ горячность и надежды непрозорливаго юношества, и приказъ отданъ былъ итти на Каиръ.

Рать крестоносцевъ состояла изъ шестидесяти тысячъ воиновъ, въ числѣ коихъ было болѣе двадцати тысячъ всадниковъ. Многочисленный флотъ поднялся по Нилу съ продовольствіемъ, обозомъ и военными махинами. Королева Маргарита, Графини Артуа, Анжуйская и Пуатье остались въ Даміеттѣ, для охраненія коихъ назначенъ Королемъ гарнизонъ подъ начальствомъ Оливье Термскаго.

Крестоносцы расположились станомъ у Фарескура 7 Декабря. Ужасъ предшествовалъ ихъ торжественному шествію; все, казалось, благопріятствовало ихъ намѣренію. Одно обстоятельство, котораго еще не знали тогда, могло бы увеличить безопасность и радость Христіанскихъ рыцарей. Негмеддинъ, послѣ долговременной борьбы съ жестокою болѣзнею, наконецъ скончался: смерть эта могла бы распространить смятеніе въ народѣ и въ войскѣ Египетскомъ, если бы не приняли мѣръ для сокрытія ея

въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Когда Сулпанъ испуспилъ послѣднее дыханіе, Мамелюки охраняли входъ въ его черпоги, какъ будпо онъ былъ еще въ живыхъ; молились о немъ по прежнему и опдавали повелѣнія опъ его имени: ничпо не прервало у Мусульманъ обс:ронипельныхъ работъ и пригоповленій къ войнѣ пропивъ Христіанъ. Всѣ эпи предосторожности были дѣломъ женщины, купленной сперва невольницею и сдѣлавшейся попомъ любимою женою Негмеддина. Арабскіе Испорики славяпъ мужеспво и искусспво *Шегжеры-Эддуръ*, и всѣ едиподушно говоряпъ, чпо ни одна женщина не превосходила ее въ красопѣ, ни одинъ мужъ въ умѣ. 1248 — 1250.

По смерпи Негмеддина, супруга Сулпанова собрала главнѣйшихъ Эмировъ: въ эпомъ собраніи ввѣрили начальспво надъ Египпомъ Эмиру Факреддину, и признали Сулпаномъ Альмоадама Тураншага, копораго опецъ сослалъ въ Месопопамію: нѣкопорые Писапели упверждаюпъ, чпо въ Совѣпѣ семъ положено было опправипь посланниковъ къ Королю Франковъ съ предложеніемъ о мирѣ опъ имени Государя, копораго смерпь оспавалась еще неизвѣспною. Посланники, для полученія перемирія, долженспвовали предложипь Христіа-

1248 — 1250. намъ Даміеттту съ окружными землями, Іерусалимъ и многіе другіе города Палестинскіе. Эти переговоры не могли быть успѣшны; крестоносцы слишкомъ углубились и слишкомъ много полагались на оружіе свое, чтобы принять какое-либо предложеніе.

Христіанская рать, продолжая путь свой по берегамъ Нила, вступила въ мѣстечко Шармезагъ, не встрѣтивъ другихъ непріятелей, кромѣ пятисотъ Мусульманскихъ всадниковъ; эти всадники сначала показывали одни миролюбивыя намѣренія: небольшое число ихъ не могло внушить никакого страха (1). Людовикъ IX, котораго они притворно просили о покровительствѣ, запретилъ крестоносцамъ ихъ безпокоить; но Мамелюки, упо-

(1) Здѣсь, повидимому, есть противорѣчіе между толкованіемъ Дюканжа и поясненіемъ *Мело* (Melot), *Саллье* (Sallier) и *Капероньс* (Caperonier); у сихъ послѣднихъ сказано, что пятьсотъ Мусульманскихъ всадниковъ посланы были превозмочь Французскую рать, но нѣтъ ни слова о обманѣ или военной хитрости; въ толкованіи же Дюканжа, напротивъ, помѣщено слѣдующее обстоятельство: «Суданъ выслалъ про-«тивъ Короля, можетъ быть, изъ хитрости пять-«сотъ отборныхъ наѣздниковъ, говоря Королю, что «они пришли помогать ему и всѣмъ его спутникамъ.» Ничего нѣтъ похожаго на то въ изданіяхъ Гг. *Мело*, *Саллье* и *Капероньс*; вѣроятно, что эта фраза прибавлена въ рукописи, ибо нельзя повѣрить, чтобы

пребивъ во зло оказанное имъ довѣріе, и воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, вдругъ бросились на Тампліеровъ и убили одного рыцаря Храма. Въ войскѣ Французскомъ немедленно раздался крикъ, *къ оружію!* Мусульманскій отрядъ окружили со всѣхъ сторонъ, и тѣ изъ нихъ, которые избѣгли меча крестоносцевъ, потонули въ Нилѣ. По мѣрѣ, какъ Христіане приближались къ Мансурагу, Мусульмане приходили въ большее замѣшательство и страхъ. Эмиръ Факреддинъ изобразилъ опасности отечества въ одномъ письмѣ, которое было читано во время молитвы въ большой мечети столицы. Послѣ обычнаго приступа, *во Имя Бога и Магомета его пророка*, письмо Факреддина начиналось слѣдующими словами изъ Корана: *Стекайтесь великіе и малые, дѣло Божіе требуетъ вашего оружія и вашихъ богатствъ.* Франки, 1248—1250.

пятьсотъ Мусульманскихъ наѣздниковъ приняты были какъ друзья въ войскѣ Христіанскомъ, которое не имѣло иногда надобности въ союзникахъ и не надѣялось найти ихъ между Саррацинами. Пользуясь этимъ случаемъ, мы снова извѣщаемъ Читателя, что различныя изданія Жуанвилля часто противорѣчатъ между собою въ важныхъ предметахъ, и что не рѣдко должны быть подвергнуты правиламъ строжайшей критики.

1248—1250. «присовокуплялъ Эмиръ, Франки (да прокля-
«нетъ ихъ Небо) впорглись въ наше опече-
«ство съ своими знаменами и мечами; они
«хотятъ завладѣть городами нашими и опу-
«стошить наши области: какой Мусульма-
«нинъ можетъ отказаться итти противъ
«нихъ и отмстить за славу Исламизма!»

При чтеніи этого письма, весь народъ зарыдалъ; величайшее смятеніе царствовало въ Каирѣ; смерть Султана, о которой извѣстіе начинало распространяться, умножала всеобщее смущеніе; разослали повелѣнія для набора войскъ во всѣхъ Египетскихъ областяхъ; въ мечетяхъ повсюду проповѣдывали войну, и Иманы старались пробудить фанатизмъ, чтобы противопоставить его подавлявшему бодрость отчаянію.

Христіанская рать прибыла къ каналу *Ашмоуму-Тенагъ* (1) 19 Декабря. Мусульманское войско стояло лагеремъ на противоположномъ берегу, имѣя по лѣвую сторону Нилъ, а въ тылу городъ Мансурагъ; неподалеку оттуда, вверхъ къ Каиру, Сарацины имѣли на рѣкѣ многочисленный флотъ. Христіанскій флотъ остановился у самаго

(1) Этотъ каналъ носитъ названіе города, расположеннаго на немъ. Западные Историки, по ошибкѣ назвали каналъ сей *Танисъ* (Thanis).

канала. Все, казалось, возвѣщало, что на этомъ мѣстѣ должна рѣшиться участь войны. Крестоносцы раскинули шапры свои на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ стояло войско Короля Іоанна Бріеннскаго. Воспоминаніе о великомъ несчастіи могло бы служить имъ урокомъ, и по крайней мѣрѣ умѣрить излишнюю довѣренность, внушенную имъ слишкомъ легкимъ покореніемъ Даміетты. 1248—1250.

Каналъ Ашмоумскій шириною равнялся Сенѣ, имѣлъ русло глубокое, берега крутые. Для переправы чрезъ него надлежало построить плотину: принялись за работу; но по мѣрѣ того, какъ валили песокъ и камни, Саррацины копали землю насупротивъ плотины, и отдаляли такимъ образомъ противоположный берегъ канала; тщетно подвигалась насыпь, крестоносцамъ всегда оставалось одинакое пространство для переправы, и каждый ровъ, вырываемый непріятелемъ, дѣлалъ усилія ихъ безполезными. Сверхъ того день и ночь они были превожимы въ своихъ работахъ, и безпрестанно подвергались стрѣламъ и дротикамъ Саррацинъ.

Хотя Мусульманскій вождь убѣжалъ безъ боя при первомъ появленіи Франковъ, однако

1248 — 1250. современныя лѣтописи превозносятъ его храбрость и воинскія способности. Онѣ присовокупляютъ, что онъ посвященъ былъ въ рыцари Фридерикомъ II, и что на щитахъ своихъ носилъ гербы Императоровъ Германскихъ вмѣстѣ съ гербами Султановъ Каирскихъ и Дамасскихъ; эти отличія могли привлечь вниманіе простаго народа; но истинная слава Факреддина состояла въ томъ, что онъ оживилъ рѣчами своими и примѣромъ мужество и самоувѣренность побѣжденнаго воинства.

Едва лишь крестоносцы расположились станомъ, и начали производить работы, необходимыя для переправы чрезъ Ашмоумскій каналъ, какъ Факреддинъ послалъ часть своихъ войскъ въ Шармезагъ для нападенія въ тылъ Христіанской рати. Саррацины этимъ внезапнымъ нападеніемъ распространили безпорядокъ и ужасъ въ станѣ своихъ непріятелей. Эта первая выгода удвоила ихъ дерзость, и вскорѣ новое нападеніе учинено было на станъ Христіанскій по всей линіи, простиравшейся отъ канала до Нила. Мусульмане многократно проникали въ окопы крестоносцевъ; Герцогъ Анжуйскій, Гюи Графъ Форестскій, Сиръ де Жуанвилль и многіе другіе военачальники, принуждены были упо-

пребить всю свою храбрость для опраже- 1248 —
нія изъ стана непріятеля, которому каждая 1250.
новая битва показывала, что Франки не непобѣдимы, и что по крайней мѣрѣ можно положить преграды ихъ шествію.

Каждый день бились на равнинѣ и на рѣкѣ. Многія Христіанскія суда достались Мусульманамъ; Арабы, безпрестанно рыская вокругъ стана, хватали всѣхъ отдалявшихся отъ знаменъ. Эмиръ Факреддинъ, не имѣя инаго способа узнавать о состояніи и мѣрахъ, принимаемыхъ Христіанскимъ войскомъ, кромѣ донесенія плѣнныхъ, обѣщалъ награду за каждаго военноплѣннаго, котораго привели къ нему въ ставку: всѣ средства, внушаемыя смѣлостію или хитростію, употреблены были для поимки крестоносцевъ. Разсказываютъ, что одинъ Мусульманинъ, вложивъ голову свою въ выдолбленную дыню, бросился вплавь по Нилу. Дыня, которая, казалось, носилась по водѣ, обратила вниманіе одного Христіанскаго воина; онъ кидается въ воду, и въ ту минуту, какъ протягиваетъ руку, чтобы схватить плавающую дыню, его самаго хватаютъ, и увлекаютъ въ станъ Мусульманскій. Эта подробность, болѣе смѣшная, нежели поучительная, встрѣчается у многихъ Арабскихъ Историковъ, которые едва говорятъ о пред-

1248 — 1250. шествовавшихъ сраженіяхъ. Таковъ духъ и характеръ большей части Восточныхъ быто-писаній, гдѣ самыя пустыя подробности, часто занимаютъ мѣсто полезнѣйшихъ испинъ и важнѣйшихъ происшествій.

Въ то время, какъ войска находились въ виду одно другаго, крестоносцы продолжали работы, начатыя на Ашмоумѣ. Построили деревянныя башни и поставили махины для прикрытія рабочихъ, употребляемыхъ для сооруженія насыпи, по которой Христіанское войско долженствовало перейти чрезъ каналъ. Съ своей стороны Мусульмане усугубляли усилія для воспрепятствованія окончанію работы Христіанъ. Плотина подвигалась медленно, и деревянныя башни, построенныя передъ насыпью, не могли укрыть ни рабочихъ, ни воиновъ отъ стрѣлъ, камневъ и горящихъ ракетъ, мечаемыхъ изъ стана непріятельскаго. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить изумленіе и ужасъ, поражавшія Христіанское войско при одномъ видѣ греческаго огня. По сказаніямъ очевидцевъ, это грозное пламя, извергаемое, то изъ мѣднаго дула, то изъ орудія, называемаго *ломомъ*, величиною равнялось бочкѣ; огненный хвостъ, который влекся за нимъ, простирался на нѣсколько футовъ; крестоносцы мнили видѣть въ воз-

духѣ лепающаго дракона; прескъ его взры- 1248 —
ва походилъ на прескъ громоваго удара. Пу- 1250.
щенный ночью, огонь сей разливалъ зловѣщій
свѣтъ, озарявшій весь станъ. При этомъ
устрашающемъ видѣ, рыцари охранявшіе ба-
шни, разбѣгались въ смятеніи во всѣ сто-
роны; одни призывали на помощь своихъ со-
ратниковъ; другіе бросались на землю, и
давъ на колѣни, молили о защитѣ Всемогу-
щаго Бога. Жуанвилль не могъ скрыть сво-
его страха, и отъ всего сердца благодарилъ
Бога, когда огонь падалъ далеко отъ него.
Людовикъ IX посковалъ не менѣе Бароновъ
и рыцарей, и при каждомъ взрывѣ огня, онъ
восклицалъ, *проливая горячія слезы: Го-
споди мой, Боже Іисусе Христе, по-
щади меня и народъ мой!* (Beau sire,
Dieu Iesus-Christ, garde moi et toute ma gent).

Сердечныя моленія Короля, говоритъ
его Историкъ, *принесли намъ добро:* одна-
кожь они не могли спасти башенъ и дере-
вянныхъ построекъ крестоносцевъ: все было
пожрано пламенемъ въ виду Христіанскаго
войска, которое не могло тому воспрепят-
ствовать. Это несчастіе послужило урокомъ,
коимъ могли воспользоваться. Христіане дол-
женствовали увѣриться наконецъ, что по-
кушались на предпріятіе невозможное, и

1218 — 1250. что надлежало найти другое удобнѣйшее и безопаснѣйшее средство переправиться чрезъ каналъ. Къ несчастію вожди упорствовали, сооружали новыя постройки, которыя имѣли одинакую участь съ первыми. Такимъ образомъ они потеряли много времени, и безполезность ихъ покушеній еще болѣе возгордила Саррацинъ.

Мамелюки узнали тогда, что новый Султанъ ихъ прибылъ въ Дамаскъ, и что его ожидали въ столицѣ. Это прибытіе раждало въ нихъ новыя надежды; они изъявляли въ свою очередь полную несомнѣнную надежду на побѣду. Чтобы удвоить рвеніе воиновъ, Факреддинъ повторялъ часто съ увѣренностію, что скоро пойдетъ ночевать въ ставкѣ Короля Франковъ.

Христіане уже съ мѣсяцъ стояли предъ Ашмоумомъ, изнуряя себя въ безполезныхъ усиліяхъ. Военачальники ихъ нимало не заботились о томъ, чтобы узнать, можно ли перейти каналъ въ бродъ или вплавь, по примѣру Египетской конницы. Они начинали отчаеваться, какъ случай открылъ имъ средство выйти изъ запрудненія, средство, о которомъ они узнали бы ранѣе, если бъ явили менѣе упорства и болѣе прозорливости. Одинъ Арабъ Бедуинъ явился къ Имберу

де Боже, Французскому Конепаблю, пред- 1248 —
лагая опкрыпь ему въ полумили опъ лагеря 1250.
бродъ, по коему крепоносцы могли перейпи безопасно и безпрепяпственно на другой берегъ Ашмоума. Увѣрясь, чпо Арабъ сказалъ правду, опсчипали ему попребованные имъ пяпьсопъ золопыхъ безановъ, и Хриспіанская рапь сдѣлала распоряженія, чпобы воспользовапься эпимъ счаспливымъ и поздним опкрыпіемъ.

Король и Принцы брапья его, со всею конницею, выспупили изъ спана въ самую полночь; Герцогъ Бургундскій оспался съ пѣхопою для наблюденія за непріяпелемъ и охраненія махинъ и обозовъ. На разсвѣпѣ всѣ конные полки, долженспвовавшіе переправиться на пу спорону канала, ожидали знака на берегу. Графъ Арпуа хопѣлъ перейпи первый; Король, зная пылкоспь своего брапа, сперва захопѣлъ удержапь его; Роберпъ съ жаромъ наспоялъ и поклялся надъ Евангеліемъ, чпо перейдя на другой берегъ, дождепся пока переправипся все войско. Людовикъ неосторожно повѣрилъ юному воину, кипящему и гордому, обѣщавшему умѣрипь свои воинспвенные порывы, и пропивиться на полѣ брани всѣмъ искушеніямъ славы. Графъ Арпуа принялъ начальспво

1248 — 1250. надъ передовымъ опрядомъ, въ которомъ находились Спраннопріимцы, Тамплiеры и Англичане. Опрядъ этотъ переходитъ Ашмоумъ и обращаетъ въ бѣгство прислу Саррацинскихъ всадниковъ. При видѣ бѣгущихъ Мусульманъ, въ молодомъ Робертѣ возгорѣлось желанiе преслѣдовать ихъ. Тщетно оба Великiе Магистры говорятъ ему, что бѣгство непрiятеля есть, можетъ быть, не что иное, какъ воинская хитрость; что надлежитъ выждать все войско и слѣдовать приказанiямъ Короля. Робертъ уже спрашился терять случай восторжествовать надъ зловѣрными, и внемлетъ одному лишь желанiю побѣдить. Онъ устремляется въ поле съ мечемъ въ рукахъ, увлекаетъ все за собою, и преслѣдуетъ Саррацинъ въ самый ихъ лагерь, куда вторгается вмѣстѣ съ ними.

Факреддинъ, предводитель Мусульманскаго войска, находился тогда въ банѣ, и по восточному обычаю, красилъ себѣ бороду. Онъ садится на лошадь почти нагой, собираетъ свои полки, и обороняется нѣкоторое время; вскорѣ покинутый одинъ на полѣ битвы, онъ окруженъ, сбитъ на землю и испускаетъ духъ, пронзенный тысячью ударами.

Все Мусульманское войско бѣжало въ безпорядкѣ къ Мансурагу. Какъ воспротивиться

желанію его преслѣдовать? Чего спрашивать- 1248 — 1250.
ся отъ непріятеля, оставляющаго свой станъ? Какъ не подумать, что Саррацины обратились въ бѣгство какъ при Даміеттѣ, и что страхъ уже не допуститъ имъ соединиться? Всѣ эти мысли представлялись уму Графа Артуа, и не позволяли ему дождаться остальной части войска для довершенія своей побѣды. Тщетно Великій Магистръ Тамплiеровъ возобновляетъ свои предостереженія; юный Принцъ съ запальчивостью отвѣчаетъ на совѣты опытности. Въ пылу гнѣва, онъ обвиняетъ Тамплiеровъ и Страннопріимцевъ въ сношеніяхъ съ злов ѣрными, и въ желаніи продлить войну, которою они пользовались для собственнаго честолюбія. «И такъ! возразили оба Великіе «Магистры, мы и наши рыцари, уже ли мы «покинули свои семейства, свое отечество, «уже ли мы проводимъ жизнь подъ чужимъ «небомъ, среди бранныхъ трудовъ и опасно- «стей для того, чтобы измѣнить Христіан- «ской Церквѣ!» Сказавъ слова эти, Великій Магистръ Храма, обратясь къ знаменоносцу своего Ордена, приказалъ распустить боевую хоругвь. Графъ Салисбурійскій, предводившій Англичанами, хотѣлъ говорить объ опасности, которой могла подвергнуться

1248 — 1250. Христіанская рать, опдѣленная опъ передоваго войска. Графъ Арпуа рѣзко прервалъ его; *робкіе совпты*, онъ сказалъ ему, *сдѣланы не для насъ*. Тогда возобновились ссоры, многократно уже обнаруживавшіяся, и жаркій споръ заглушилъ голосъ благоразумія. Между пѣмъ, какъ продолжали горячиппься, престарѣлый наспавникъ Графа Арпуа, Фуко де Нель, копорый былъ глухъ, и копорый думалъ, чпо пригоповлялись къ сраженію, не переспавалъ кричапь: *Ора на врага, ора!* (ores à eux, ores (1) à eux). Эпи слова обращаюпся въ роковой сигналъ для воиновъ, раздражаемыхъ досадою и неперпѣливымъ желаніемъ побѣды. Тампліеры, Англичане, Французы, всѣ разомъ пускаюпся въ пупь, леппяпъ къ Мансурагу, и проникаюпъ въ городъ, покинупый непріяпелемъ; одни оспанавливаюпся для грабежа, другіе преслѣдуюпъ Саррацинъ по дорогѣ къ Каиру.

Если бы всѣ Христіанскія войска находились по пу спорону канала въ пу минупу,

(1) Это слово *ores*, которое употребляли для возбужденія храбросши сражавшихся, и которое еще и шеперь въ обыкновеніи во многихъ областяхъ Франціи, не происходишъ ли опъ слова *ура*, употребляемаго Русскими? Не занесено ли оно Франками и другими варварскими народами, завоевавшими Галлію?

когда Графъ Артуа вступилъ въ Мансурагъ, 1248 — 1250.
то пораженіе непріятеля было бы совершенное. Но переправа производилась съ большими запрудженіями и замѣшательствомъ; когда Французская рать переходила чрезъ Ашмоумъ, то передовое войско отдѣлялось отъ нее пространствомъ двухъ миль.

Мусульмане, прогнанные изъ своего стана, сперва думали, что имѣютъ дѣло со всѣми силами крестоносцевъ, подъ начальствомъ Французскаго Короля; но вскорѣ они узнаютъ малочисленность своихъ непріятелей, и дивятся своему бѣгству. Изъ нѣдръ самой опасности и безпорядка возникъ между ними искусный вождь, котораго присутствіе духа вдругъ оживило ихъ мужество. *Бибаръ Бондокдаръ* (1), котораго Мамелюки избрали начальникомъ, замѣтя неосторожность Христіанъ, собираетъ Саррацинъ, посылаетъ часть своего войска между каналомъ и Мансурагомъ, занимаетъ городскія ворота, и устремляется съ от-

(1) Тотъ самый, который въ послѣдствіи сдѣлался такъ страшенъ Христіанамъ, когда соединилъ Египетъ и Сирію подъ своею властью; имя Бондокдаръ сохранилъ онъ отъ имени прежняго своего повелителя, называвшагося такимъ образомъ, потому что былъ *Бондокдаромъ* или начальникомъ арбалетчиковъ (луконосцевъ), въ царствованіе Малекъ-Салега.

1248 — 1250. борными воинами на крестоносцевъ, грабившихъ дворецъ Сулпана. *Мамелюки, львы битвъ*, такъ выражается Арабскій Историкъ, *ринулись на Франковъ подобно яростной бури; ихъ грозныя палицы сыплятъ повсюду раны и смерть.* Христіане, разсѣянные по городу, едва имѣли время собраться; стѣсненные въ узкихъ улицахъ, они не могли ни сражаться на коняхъ, ни дѣйствовать мечемъ. Съ кровель и изъ оконъ метали на нихъ камни, сыпали раскаленный песокъ и лили кипячую воду. Городскія ворота были заперты; толпы Мусульманъ занимали всѣ дороги; не оставалось никакой надежды на спасеніе воинамъ, обратившимъ въ бѣгство цѣлое войско.

Это первое несчастіе повлекло за собою многія другія; скоро Христіанское войско, перешедшее каналъ, увидѣло себя въ величайшей опасности; по мѣрѣ того, какъ крестоносцы переправлялись на ту сторону Ашмоума, одни изъ нихъ получали извѣстія, что Графъ Артуа преслѣдуетъ непріятеля, другіе, что онъ запертъ въ Мансурагѣ; большая часть Бароновъ и рыцарей горятъ желаніемъ раздѣлить его славу или его опасности, и не дожидаясь идущихъ за ними,

лепяпъ къ спану Саррацинскому, оппуда же къ городу. 1248—1250.

Графъ Бретанскій двинулся одинъ изъ первыхъ; за нимъ вскорѣ слѣдуютъ Гюи де Мальвуазинъ, Сиръ де Жуанвилль и храбрѣйшіе изъ рыцарей. Они поропливо и безъ предосторожности неслись по полю, покрытому непріятелями; вскорѣ разлучились они между собою; нѣкоторые возвратились назадъ; большая часть были окружены Саррацинами. Множество биптъ завязалось вдругъ въ разныхъ пункпахъ; здѣсь Христіане были побѣдителями, далѣе побѣжденными; повсюду зрѣлись они, по пѣснимые, по нападающіе, по обращающіе непріятеля въ бѣгспво, по сами бѣгущіе.

Вдругъ замѣпили со спороны Апмоума облако пыли; раздался звукъ прубъ и роговъ, смѣшанный съ ржаніемъ коней и рапными кликами; по приближалось Христіанское войско. Свяпый Людовикъ, ѣхавшій впереди конницы, осповился на высопѣ, куда обрапились на него всѣ взоры. Рыцари, разсѣянные у подошвы холма, и копорые не могли болѣе пропивипься Саррацинамъ, мнили видѣпь Ангела брани, пришедшаго къ нимъ на помощь; особенно Жуанвилль, копораго сильно пѣснили Мусульмане, не

1248 — 1250. могъ довольно налюбоваться величественною осанкою Монарха. Людовикъ имѣлъ на главѣ позолоченный шлемъ: въ рукѣ держалъ Нѣмецкій мечь; лапы на немъ блистали; его гордый видъ одушевлялъ всѣхъ воиновъ; наконецъ, говоритъ простодушный Сенешаль, въ которомъ чувство опасности усугубляло чувство удивленія: *увѣряю васъ, что никогда не видалъ красивѣе мужа въ оружіи.* (Je vous prommets que oncques plus bel homme armé ne vis).

Многіе рыцари, сопутствовавшіе Людовику, видя повсюду Французскихъ воиновъ въ схваткѣ съ Сарацинами, выходятъ изъ рядовъ и летятъ въ сѣчу; тогда безпорядокъ еще болѣе возрастаетъ; всякій стремится, не зная гдѣ находится непріятельское войско; вскорѣ не знаютъ уже, гдѣ Христіанская рать, гдѣ Король; никто болѣе не раздаетъ повелѣній; единственнымъ сигналомъ служитъ опасность. Посреди сего ужаснаго смятенія, благоразуміе и искусство безполезны; сила и проворство однѣ торжествуютъ; палица и бердышъ раздробляютъ шлемы и щиты; одни падаютъ покрытые ранами; другіе умираютъ подъ копытами коней; крики Французовъ *Монжуа, Сенъ-Дени!* крики Мусульманъ *Исламъ, Исламъ!* оглашаютъ воздухъ и сливаются съ стонами изнемогаю-

щихъ, съ грозными воплями поржеспвую- 1248—
щихъ, съ оглушающимъ прескомъ спалки- 1250.
вающихся лапъ, копій и обнаженныхъ мечей;
опъ самаго канала до Мансурага, и опъ
Нила до берега, гдѣ приспали крестоносцы,
равнина предспавляетъ лишь обширное поле
убійспва, гдѣ бѣшенспво, опчаяніе, попере-
мѣнно одушевляюпъ сражающихся, гдѣ поки
крови льюпся со всѣхъ споронъ, не упвер-
ждая побѣды ни за Мусульманами, ни за Хри-
спіанами.

Крестоносцы одержали нѣкоторый верхъ во всѣхъ этихъ спычкахъ; но войско ихъ боль-шею частію было разсѣяно: въ эпу минупу Бибаръ оспавилъ въ Мансурагѣ довольно сильный опрядъ для воспоржеспвованія надъ сопропивленіемъ Графа Арпуа и его рыцарей. Онъ выспупилъ со всѣми своими силами, и направился къ каналу для подкрѣпленія Мусульманъ уже обращавшихся въ бѣгспво, или, чпобы дапь рѣшипельное сраженіе. Людовикъ и сопровождавшіе его полководцы замѣчаюпъ движеніе и намѣренія непріяпеля: немедленно рѣшено, чпобы Христіанская рапь приблизилась къ каналу, дабы не быпь окруженною, и сохранипь нѣкопорое сообщеніе съ Герцогомъ Бургундскимъ, оспавшимся на другомъ берегу. Уже *орифлама*, несомая

1248 — 1250. предъ полками, означала имъ путь, какъ вдругъ Графы Пуатье и Фландрскій, занесшіеся далеко въ поле, увѣдомили Короля, что они погибнутъ, если не поспѣшатъ подкрѣпить ихъ; съ другой стороны, Имберъ де Боже донесъ, что Робертъ на краю гибели въ Мансурагѣ. Людовикъ на минуту остановился; полны рыцарей, не дожидаясь его повелѣній, бросаются, одни на помощь Пуатевинцамъ и Фламандцамъ, другіе на помощь Графу Артуа; Саррацины покрывали поле; Французскіе воины, отдѣлившіеся отъ Короля, не могутъ пробиться сквозь толпѣ непріятелей, и опрокидываются на Христіанскую рать, въ которой распространяютъ безпорядокъ и ужасъ.

Среди всеобщаго смятенія вдругъ разносится слухъ, что Мусульмане вездѣ одерживаютъ верхъ, и что Король приказалъ отступать. Многіе полки разстраиваются и устремляются къ каналу. Въ одно мгновеніе вода покрылась утопающими конями и всадниками. Тщетно, въ этой крайней опасности, Людовикъ старается собрать свои войска. Голосъ его едва слышенъ; онъ отдаетъ приказанія, коихъ не исполняютъ; тогда бросается онъ въ средину опасности, и увлекается мужествомъ своимъ такъ далеко, что оруженосцы его едва могутъ за нимъ

слѣдовать: наконецъ Саррацины окружили его со всѣхъ сторонъ. Оставшись одинъ, онъ защищается противъ шести Мусульманскихъ наѣздниковъ, кои хотѣли взять его въ плѣнъ. Людовикъ имъ противится, вырывается изъ ихъ рукъ, и обращаетъ ихъ въ бѣгство. Эта блистательная храбрость одушевляетъ бѣгущихъ крестоносцевъ; Французскіе воины устремляются по слѣдамъ Короля, возобновляютъ бой и разсѣваютъ въ свою очередь полки Мусульманъ. 1248—1250.

Между тѣмъ, какъ вся Христіанская рать сражалась, чтобы поправить ошибку и спасти жизнь Графа Артуа, этотъ несчастный Принцъ защищался съ геройскою храбростію; но такое множество битвъ внѣ и внутри стѣнъ Мансурага, не могли укрыть его отъ толпы Саррацинъ, которыхъ презрѣла его безразсудная пылкость. Робертъ съ своими рыцарями, Тампліерами и Англичанами, забывъ свои пагубныя распри, помышляли только о томъ, чтобы вмѣстѣ умереть. Сраженіе продолжалось съ десяти часовъ утра до трехъ часовъ вечера; храбрѣйшіе, покрытые ранами, въ пыли и въ крови, являя лишь слабый остатокъ жизни, угрожали еще врагамъ своимъ. Они пали почти всѣ въ одно время; Салисбури убитъ на челѣ предводи-

1248—1250. мой имъ дружины. Робертъ де Веръ, носившій Англійскую хоругвь, упадая, обвилъ ее около себя. Рауль де Куси испустилъ духъ на грудѣ мертвыхъ; Графъ Артуа, укрѣпившійся въ одномъ домѣ, защищался долго, и погибъ наконецъ среди убійства и разрушенія. Христіанскіе воины вступили въ Мансурагъ въ числѣ полупоры тысячи человѣкъ; почти всѣ тамъ обрѣли смерть. Великій Магистръ Страннопріимцевъ остался одинъ на полѣ сраженія и взятъ въ плѣнъ; Великій Магистръ Тамплiеровъ спасся какимъ-то чудомъ, и возвратился вечеромъ въ Христіанское войско, раненный въ лице, съ изорванною одеждою и избитыми лапами. Онъ былъ свидѣтелемъ смерти двухъ сотъ восьмидесяти своихъ рыцарей, павшихъ вокругъ него.

Большая часть изъ покушавшихся пройти въ Мансурагъ для подкрѣпленія Графа Артуа, погибли жертвами своей неустрашимой ревности. Храбрый Гюи де Мальвуазинъ пробился до самыхъ стѣнъ, и не могъ проникнуть въ крѣпость. Герцогъ Бретанскій сдѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы достигнуть до мѣста битвы; онъ слышалъ угрозы, крики, шумъ раздававшійся въ улицахъ, но не могъ ни разбить воротъ, ни перелѣзть чрезъ стѣны. Герцогъ возвратился при наступле-

нїи ночи; кровь лилась изъ его рпа; лошадь его изъязвленная спрѣлами, не имѣла ни узды, ни збруи; находившіеся при немъ всадники были всѣ изранены. Въ такомъ положеніи онъ еще устрашалъ враговъ, убивая или разгоняя сильными ударами копья пѣхъ, кои дерзали преслѣдовать его, *и издѣваясь надъ ними словами* (et leur disant paroles en signe de mocquerie). 1248—1250.

Когда ночь разлучила сражающихся, Пріоръ больницы Роснайской, посѣтилъ Короля, поцѣловалъ его въ руку, и спросилъ, не имѣетъ ли онъ извѣстій о Графѣ Артуа: «Я знаю лишь то, отвѣчалъ благочестивый «Монархъ, что теперь онъ въ раю.» Добрый рыцарь, чтобы отвратить отъ него столь прискорбную мысль, хотѣлъ распространиться объ одержанныхъ выгодахъ. Тогда Людовикъ поднялъ къ небу глаза свои, омоченные слезами. Пріоръ Роснайскій замолчалъ; Бароны и Вельможи, собравшіеся у Короля, сохраняли угрюмое безмолвіе, *и всѣ подавлены были скорбію, состраданіемъ и жалостію, видя его проливающаго слезы* (et tous furent moult oppressés d'angoisse, de compassion et de pitié de le voir ainsi plorer).

Воинство, хотя имѣло достаточную причину упрекать Графа Артуа въ несчастіяхъ

1248 — 1250. эпой битвы, однако раздѣляло печаль Людовика. Таково было между Французскими воинами превосходство храбрости, что и самыя большія ошибки искупались у нихъ славною смертію. Сверхъ того извѣстно уже, что во всѣхъ Крестовыхъ походахъ, умиравшіе съ оружіемъ въ рукахъ, пріобщались къ числу мучениковъ. Христіанскіе рапники видѣли въ Графѣ Артуа воина Христова, коего Богъ призвалъ въ жилище блаженныхъ; такъ благочестіе сливалось со славою, и такъ чествли какъ Святыхъ тѣхъ, коимъ удивлялись какъ героямъ. Матвѣй Парисъ разсказываетъ въ своей Исторіи, что мать Графа Салисбурійскаго видѣла сына своего всходящаго на небо въ самый день сраженія при Мансурагѣ: такія же понятія существовали и между Саррацинами; умиравшіе на полѣ битвы въ войнахъ противъ Христіанъ, слыли мучениками *Исламизма*. «Франки, «говоритъ Продолжатель Табари, препрово«дили Факреддина на берега небесной рѣки, «и кончина его была кончина прекрасная.»

Исторія не сохранила именъ всѣхъ воиновъ, ознаменовавшихъ мужество свое въ сраженіи при Мансурагѣ; Сенешаль де Шампань не менѣе другихъ подвергался опасностямъ, и не менѣе оказалъ храбрости; онъ шестой

защищалъ мостъ противъ толпы Саррацинъ, и былъ двукратно сбитъ съ лошади. Находясь въ столь крайней опасности, набожный рыцарь вспомнилъ о Святомъ Іаковѣ: *Великій угодникъ Божій, Св. Іаковъ*, сказалъ онъ, *умоляю тебя, подкрѣпи меня и помоги мнѣ въ этой крайности!* 1248—1250.

Жуанвилль сражался цѣлый день; конь его получилъ пятнадцать ранъ, и самъ онъ пораженъ пятью стрѣлами.

Сенешаль повѣствуетъ, что въ пылу этого сраженія, онъ видѣлъ нѣкоторыхъ особъ происхожденія знатнаго, бѣжавшихъ при всеобщемъ смятеніи: онъ никого изъ нихъ не именуетъ, потому что въ то время, какъ онъ писалъ, лица эти уже померли, и что ему казалось неприличнымъ *поносить покойниковъ*. Осторожность, съ которою выражается здѣсь Историкъ, объясняетъ довольно, каковъ былъ всеобщій духъ Французской рати, гдѣ почитали неизгладимымъ пятномъ и величайшимъ изъ всѣхъ несчастій, познать хотя минутный страхъ.

Большая часть Французскихъ воиновъ, въ виду опасностей, никогда не теряли этого чувства чести, составлявшаго духъ и характеръ рыцарства. Эррардъ де Северей, подвизаясь храбро съ малымъ числомъ паладиновъ,

1248 — 1250. раненъ былъ саблею въ лице; онъ испекалъ кровію и, казалось, не могъ пережить своей раны; вдругъ обратясь къ рыцарямъ, сражавшимся подлѣ него, сказалъ имъ: «Если «вы даете мнѣ слово, что ни я, ни дѣти «мои не подвергнемся никакому порицанію, «то я поѣду просить помощи у Герцога «Анжуйскаго, котораго вижу тамъ на равни«нѣ.» Всѣ превознесли похвалами его рѣшимость; немедленно садится онъ на коня, пробивается сквозь непріятельскія дружины, достигаетъ Герцога Анжуйскаго и возвращается съ нимъ выручать погибавшихъ сотрапниковъ своихъ. Эррардъ де Северей испустилъ духъ вскорѣ послѣ этого геройскаго подвига; онъ умеръ, унося съ собою, не чувство суетной славы, но утѣшительную увѣренность, что никакое порицаніе, по желанію его, не очернитъ ни его имени, ни дѣтей его.

Читая разсказъ древнихъ лѣтописей о битвѣ при Мансурагѣ, мы удивляемся, а вмѣстѣ и восхищаемся, встрѣчая среди кровопролитія слѣды Французской веселости, этой веселости, которая презираетъ смерть и издѣвается надъ опасностями: мы уже говорили о шести рыцаряхъ, которые защищали мостъ противъ великаго числа Сарранинъ; между тѣмъ,

какъ эти храбрые витязи, окруженные непрія- 1248 —
телями, охраняли столь опасный постъ, Графъ 1250.
Суассонскій, обратясь къ Жуанвиллю, вскричалъ: «Сенешаль! пусть кричатъ и ревутъ «эти негодяи, а дѣло въ томъ, доведетъ ли «Богъ васъ и меня разсказывать объ этомъ «сраженіи въ комнатѣ передъ Дамами?»

Когда Мусульмане опступили, Христіанская рать заняла ихъ станъ, которымъ овладѣло упромъ передовое войско, и который разграбили Арабы Бедуины въ продолженіе сраженія. Лагерь непріятельскій и оставленныя тамъ военныя махины, были единственнымъ плодомъ подвиговъ этой битвы. Крестоносцы оказали въ этотъ день чудеса храбрости; торжество ихъ было бы совершенное, если бъ они могли соединиться и сражаться вмѣстѣ. Вожди ихъ не имѣли довольно искусства или довольно власти, чтобы исправить ошибку Графа Артуа; вожди Мусульманъ, показали напротивъ болѣе искусства, и имъ лучше способствовало устройство и повиновеніе Мамелюковъ.

Увидѣвъ свои потери, Христіане не думали радоваться о своей побѣдѣ. Чтобы оцѣнить слѣдствія столь кровопролитныхъ сраженій, довольно замѣтить разность въ чувствованіяхъ, одушевлявшихъ тогда оба

1248 — 1250. воинства. Мрачная печаль царствовала между побѣдителями; Саррацины, напротивъ, хотя изгнанные изъ своего стана и опраженные къ Мансурагу, считали торжествомъ замедленіе шествія враговъ своихъ, и не сомнѣваясь уже въ благополучномъ окончаніи войны, они тѣмъ болѣе предавались радости, чѣмъ сильнѣе были опасенія ихъ передъ сраженіемъ.

И подлинно, ничто не можетъ изобразить смятенія, произведеннаго между зловѣрными первымъ нападеніемъ Графа Артуа. Въ началѣ сраженія, голубь, пущенный въ Каиръ, принесъ туда извѣстіе, заключавшееся въ сихъ выраженіяхъ: «Въ ту минуту, «какъ отправляемъ птицу, непріятель на- «падаетъ на Мансурагъ; жестокое сраженіе «дано Христіанами Мусульманамъ.» При этомъ извѣстіи жители Каирскіе пришли въ ужасъ. Вскорѣ неблагопріятные слухи умножили ихъ безпокойства. Городскія ворота были отперты всю ночь для принятія бѣглецовъ; всѣ увеличивали опасность для извиненія своего побѣга. Думали, что настала послѣдній день *Исламизма;* многіе уже покидали столицу въ намѣреніи искать убѣжища въ Верхнемъ Египтѣ: на другой день все приняло иной оборотъ; другой голубь принесъ вѣсти успокоившія Мусульманъ. Новое по-

сланіе возвѣщало, что Богъ Магомегповъ объ- 1218 —
явилъ себя противъ Христіанъ; тогда всѣ 1250.
опасенія разсѣялись, и успѣхъ Мансурагской
битвы, говоритъ одинъ Арабскій Историкъ,
сдѣлался источникомъ радости для
всѣхъ правовѣрныхъ.

Въ ту самую ночь, которая послѣдовала за сраженіемъ, Мусульманская рать многократно покушалась взять обратно свой станъ и военныя махины, оставшіяся во власти Французовъ. Христіанскіе воины, изнуренные трудами, безпрестанно слышали крики, *къ оружію;* безпрерывныя нападенія непріятеля не позволяли имъ подкрѣпить силъ своихъ сномъ; многіе изъ нихъ были ослаблены ранами, и едва могли надѣть лапы: однако же они защищались съ свойственною имъ храбростію.

На другой день, въ первую Великопостную Среду, Священнослужители свершили обряды установленные Церковію для открытія поста. Христіанская рать провела одну часть дня въ молитвахъ, остатокъ въ приготовленіяхъ къ оборонѣ. Между тѣмъ, какъ воины Креста повергались у подножія алтарей, и готовились отразить зловѣрныхъ, печальные образы сливались въ сердцахъ ихъ съ чувствами храбрости и благочестія. При-

1248 — 1250. водя себѣ на памятъ минувшія побѣды, они не могли однако безъ спраха помышлять о будущемъ, и символъ бренности человѣческой, представляемый Церковію каждому изъ своихъ чадъ въ эпотъ торжественный день (1), долженствовалъ питать ихъ горестныя предчувствія. Въ тотъ же день занялись наведеніемъ моста на Ашмоумѣ, для сообщенія съ станомъ Герцога Бургундскаго. Вожди и воины приняли участіе въ этомъ прудѣ, и въ нѣсколько часовъ все было кончено. Пѣхота, по другой сторонѣ канала, подкрѣпила войско, которое скоро долженствовало выдержать новыя сраженія.

Бибаръ, принявшій начальство надъ Мамелюками, помышлялъ только объ извлеченіи пользы изъ первыхъ своихъ выгодъ. Когда нашли тѣло Графа Артуа, Мамелюки показывали его лапы, усѣянныя лиліями, говоря, что это броня Короля Французскаго. Съ торжествомъ носили головы многихъ рыцарей, и воинскіе глашатаи повторяли громогласно: *Христіанская рать есть одно лишь туловище безъ жизни, подобно головамъ, которыя вы видите на остріѣ сихъ копій.*

(1) День очень важный у Католиковъ, въ которой Священникъ посыпаетъ пепломъ главу кающагося, примолвя: *помни часъ смертный. Прим. Рус. Перев.*

Зрѣлище это въ высшей степени воспла- 1248 —
менило рвеніе Мусульманъ. Вожди и воины 1250.
неотступно требовали произвесть нападеніе на крестоносцевъ. Мусульманская рать получила повелѣніе держать себя въ готовности вступить въ бой на третій день, въ первую Пятницу поста.

Людовикъ IX узналъ о намѣреніи Сарацинъ; онъ приказалъ главнымъ военачальникамъ укрѣпить станъ и приготовить войска свои къ сраженію. Въ Пятницу, съ восходомъ солнца, Христіане стояли уже подъ оружіемъ; въ то же время предводитель Мусульманъ показался на равнинѣ, устраивая войска свои въ боевой порядокъ. Онъ поставилъ конницу въ первыхъ рядахъ, пѣхоту сзади, а нѣсколько далѣе запасный отрядъ. Онъ распягивалъ или усиливалъ свои линіи, сообразуясь съ распоряженіями непріятеля. Войско его занимало поле отъ канала до рѣки. Въ полдень приказалъ онъ развернуть знамена и ударить тревогу.

Герцогъ Анжуйскій находился впереди стана со стороны Нила; онъ первый подвергнулся написку непріятельскому. Пѣхота Сарацинская съ самаго начала вступила въ дѣло, бросая греческій огонь. Этотъ огонь прилипавалъ къ платью воиновъ, къ чепракамъ

1248 — 1250. коней. Рапники, охваченные пламенемъ, кого нараго не могли попушипь, бѣгали во всѣ спороны, испуская ужасные крики; лошади приходили въ бѣшенспво и распространяли смяпеніе въ рядахъ. Пользуясь эпимъ безпорядкомъ, непріяпельская конница опкрывала себѣ дорогу, разгоняла пѣхъ, кои еще сражались, и проникла въ укрѣпленія. Герцогъ Анжуйскій не могъ успоять противъ спремипельныхъ нападеній Саррацинъ; поперявъ коня, онъ дрался пѣшій, и уже подавляемый многочисленноспію врага, послалъ къ Людовику пребовапь помощи.

Король, сражавшійся погда самъ съ Мусульманами, удвоиваепъ рвеніе и усилія, прогоняепъ непріяпеля въ поле, и лепипъ пуда, куда призываюпъ его новыя опасноспи. Сопупспвовавшіе ему рыцари, успремляюпся на полки Мусульманскіе, пѣснивніе Герцога Анжуйскаго; Людовикъ не удерживаепся ни спрѣлами его осыпавшими, ни огнемъ, копорый покрывалъ его оружіе и збрую его коня. Повѣспвуя объ эпомъ сраженіи, Жуанвилль удивляепся, какъ Король избѣгнулъ смерпи, и приписываепъ чудо сіе могущеспву Божію. «Тогда, можно было «повѣрипь» (мы предосправимъ говорипь самому Сенешалю Шампанскому), «чпо Свя-

«тый Король твердо уповалъ на своего Бога: 1248 —
«ибо, по истинѣ, Господь въ этомъ слу- 1250.
«чаѣ былъ большимъ ему другомъ, и помогъ
«ему такъ много, что симъ нападеніемъ онъ
«освободилъ брата своего Герцога Анжуй-
«скаго, и прогналъ еще Турковъ съ поля
«брани (Alors était bon à croire que bien avait le saint roi son Dieu en souvenance et desir: car à la vérité lui fut notre Seigneur à ce besoing grant ami, et tellement lui aida, que par celle pointe qu'il fit, fut délivré son frère le duc d'Anjou, et chassèrent encore les Turcs de leur host et bataille).»

По лѣвую сторону Герцога Анжуйскаго стояли крестоносцы Кипрскіе и Палестинскіе, предводимые Гюи Ибелиномъ и Бодуиномъ братомъ его. Эти крестоносцы не участвовали въ послѣднемъ дѣлѣ, и не потеряли ни коней своихъ, ни оружія. Подлѣ нихъ сражался храбрый Готье Шатильонскій съ отборною дружиною. Эти неустрашимые воины выдержали всѣ напески, и непоколебимо защищая поспъ, порученный ихъ мужеству, содѣйствовали много къ спасенію лагеря и войска.

Тампліеры, потерявъ большую часть рыцарей своихъ въ Мансурагѣ, оградили себя деревяннымъ укрѣпленіемъ, составленнымъ изъ взятыхъ у Саррацинъ военныхъ машинъ;

1248 — 1250. эта слабая защита не могла противиться дѣйствію греческаго огня: непріятель сквозь пламя врывается въ станъ; Тампліеры изъ тѣлъ своихъ образуютъ непроницаемый оплотъ, и выдерживаютъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, напискъ нападающихъ: сраженіе было столь жаркое на этомъ пунктѣ, что позади мѣста занимаемаго дружиною Храма, едва проглядывала земля, покрытая стрѣлами и дротиками. Великій Магистръ Тампліеровъ лишился жизни на мѣстѣ битвы; множество рыцарей защищавшіе его, или желавшіе за него отмстить, легли тамъ же; чудеса ихъ храбрости остановили наконецъ усилія непріятеля, и послѣдніе изъ погибшихъ въ этомъ упорномъ побоищѣ, умирая, съ утѣшеніемъ видѣли бѣгущихъ Саррацинъ.

Гюи де Мальвуазинъ стоялъ возлѣ поста, который защищали рыцари Храма; предводимая имъ дружина, почти вся состояла изъ его родственниковъ, и представляла въ бою семейство воиновъ, всегда согласныхъ и всегда непобѣдимыхъ: Гюи подвергался величайшимъ опасностямъ; онъ получилъ нѣсколько ранъ, не подумавъ оставить сраженіе. Примѣръ и видъ его ранъ удвоилъ мужество его сорапниковъ, которые отразили нако-

нецъ Мусульманъ. Неподалеку отъ Гюи де Мальвуазина, ниже къ каналу, стояли крестоносцы Фламандскіе. Графъ ихъ Вильгельмъ предводительствовалъ ими; онъ твердо выдержалъ яростный напоръ Мамелюковъ: налѣво отъ него раненалъ Жуанвилль съ нѣсколькими рыцарями; Сенешаль обязанъ, въ этомъ случаѣ, своимъ спасеніемъ воинамъ Фландрскимъ; потому-то онъ приписываетъ имъ величайшія похвалы. Фламандцы, присоединясь къ Шампанцамъ, обратили въ бѣгство пѣхоту и конницу Мусульманъ, преслѣдовали ихъ внѣ стана, и возвратились обремененные щитами и латами, отнятыми у непріятеля. 1218—1250.

Графъ Пуатье занималъ лѣвое крыло Христіанской рати; отрядъ его состоялъ изъ одной пѣхоты, и не могъ противиться Сарацинской конницѣ. Причиной тому свойство воиновъ сихъ отдаленныхъ временъ, которые если не были на конѣ, то казались безоружными, и не умѣли сражаться, даже для защиты укрѣпленій. Часть лагеря, ввѣренная охраненію Пуатевинцевъ, скоро была занята Мусульманами; Мамелюки разграбили шатры Христіанъ; братъ Короля увлеченъ былъ изъ стана Сарацинскими всадниками, взявшими его въ плѣнъ. Въ этой крайней

1218 — 1250. опасности, Графъ Пуатье не могъ ожидать никакого пособія отъ Людовика IX, устремившагося на защиту Графа Анжуйскаго, ни отъ другихъ полководцевъ Христіанской рати, равно тѣснимыхъ непріятелемъ. Но этотъ Принцъ былъ обожаемъ народомъ за свое доброе сердце; онъ получилъ при этомъ случаѣ награду за свои добродѣтели, и обязанъ освобожденіемъ любви, которую внушалъ всѣмъ крестоносцамъ: когда увидѣли его плѣнникомъ, маперовые, маркитанты, женщины, слѣдовавшія за войскомъ, собрались толпою, и вооружась топорами, кольями и всѣмъ что случайно попалось имъ въ руки, бросились въ погоню за Мусульманами. Графъ Пуатье такимъ образомъ былъ освобожденъ и съ торжествомъ возвращенъ въ лагерь.

На краю стана, подлѣ Пуатевинцевъ, сражался Жоссеранъ де Брансонъ съ своимъ сыномъ и рыцарями. Соратники Жосссерана вышли изъ Европы на хорошихъ коняхъ и великолѣпно вооруженные; теперь дрались они пѣшіе и сохранили одни лишь копья и мечи. Вождь ихъ одинъ только показывался на конѣ, пробѣгающій ряды, ободряющій воиновъ, быстро переносящійся всюду, куда призывала его опасность. Эта слабая дружина погибла бы вся, если бы Генрикъ Брієн-

нскій, оставшійся за каналомъ въ лагерѣ Гер- 1248 —
цога Бургундскаго, не приказалъ спрѣлять 1250.
своимъ арбалетчикамъ чрезъ рукавъ рѣки,
всякой разъ, когда непріятель возобновлялъ
свои нападенія. Изъ двадцати рыцарей, со-
провождавшихъ Жоссерана, двѣнадцать легли
на мѣстѣ битвы. Этотъ престарѣлый воинъ
участвовалъ въ тридцати шести сраженіяхъ,
на коихъ одержалъ побѣду. Жуанвилль, опи-
сывая подвиги сего дня, припоминаетъ, что
онъ нѣкогда видѣлъ Жоссерана по окончаніи
сраженія протпивъ Нѣмцевъ, грабившихъ цер-
ковь города Макона; онъ лежалъ просперпый
у подножія алтаря, усердно прося у Бога
милости умереть, сражаясь протпивъ враговъ
Іисуса Христа. Молитва Жоссерана была
услышана; спустя нѣсколько дней послѣ
битвы, онъ умеръ отъ своихъ ранъ,

Таково было сраженіе, о которомъ, Людо-
викъ IX, въ извѣщеніи посланномъ имъ во Фран-
цію, говоритъ съ этою удивительною просто-
тою (1). « Въ первую Пятницу Поста, Сарра-
« цины напали на нашъ станъ, со всѣми силами,
« но Богъ принялъ сторону Французовъ, и зло-
« вѣрные были прогнаны съ большимъ уро-
« номъ. »

---

(1) Смотри *Оправдательныя статьи.*

1248 — 1250. Въ дѣлѣ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, Христіане имѣли на своей сторонѣ всю славу, Саррацины всю выгоду. Христіанская рать лишилась многихъ воиновъ, почти всѣхъ своихъ коней. Непріятель усиливался съ каждымъ днемъ; уже нельзя было помышлять о походѣ противъ Каира, и благоразуміе, казалось, пребовало возвратиться въ Даміетту. Отступленіе, еще непрудное, представляло средство спасти войско для благопріятнѣйшаго времени: но эту мѣру могло внушить одно лишь отчаяніе, а отчаяніе съ прудомъ входитъ въ сердца храбрыхъ. Французамъ всего постыднѣе казалось бѣжать или показывать видъ бѣгства предъ побѣжденнымъ непріятелемъ: и такъ рѣшились оспаться.

Въ исходѣ Февраля, Альмоадамъ, копораго Шегжеръ Эддуръ и главные вожди Мамелюковъ, призвали на пресполъ отца его, прибылъ въ Египетъ; онъ былъ принятъ среди радостныхъ криковъ народа, всегда алчущаго перемѣнъ, и всегда восхищающагося новымъ правленіемъ. Эмиры и вельможи также изъявляли свою радость; но ихъ изъявленія были не столь искренни; они ожидали преемника Негмеддинова болѣе съ безпокойствомъ, нежели съ нетерпѣніемъ; цѣня высоко услуги ими оказанныя, они уже напередъ спрашились

его неблагодарности: съ другой стороны, 1248 —
юный Государь ревновалъ къ своей власти, 1250.
и могущество Эмировъ, самый родъ услугъ
ихъ, возбуждали въ немъ опасенія, для
сокрытія коихъ, онъ не имѣлъ довольно бла-
горазумія. Альмоадамъ и вожди Мусульман-
ской рати, не замедлили внушить взаимную
недовѣрчивость и скрытность; сіи, раска-
ваясь, что возвели, на престолъ Государя,
который хотѣлъ царствовать одинъ; тотъ,
рѣшась защищать свою власть проливъ пѣхъ
самихъ, кои ему вручили ее. Подобныя об-
стоятельства, подобное расположеніе умовъ,
видимо предвѣщали Египту новые перевороты; къ несчастію эти переворопы вспых-
нули слишкомъ поздно для Христіанъ, ко-
торые не могли ими воспользоваться.

Сверхъ того, крестоносцы должны были подвергнуться бѣдствіямъ гораздо опаснѣй-
шимъ для нихъ, нежели сила и оружіе Мусуль-
манъ: въ войскѣ Христіанскомъ открылась заразительная болѣзнь. Послѣ двухъ послѣд-
нихъ сраженій вовсе не старались о погре-
беніи мертвыхъ; тѣла, кучами брошенныя въ Ашмоумъ и плававшія по поверхности, остановились передъ мостомъ, построеннымъ крестоносцами изъ судовъ, и покрывали воду отъ одного берега канала до другаго. Изъ

1248 — 1250. эпой громады прудовъ выходили заразительныя испаренія. Людовикъ IX приказалъ хоронить тѣла Христіанъ въ ямахъ, нарочно вырытыхъ по берегу: переворочeнные пруды и безъ всякой осторожности переносимые, только усилили заразу. Зрѣлище представлявшееся тогда взорамъ крестоносцевъ, распространяло въ станѣ ихъ глубокую печаль, и расправляло горестное чувство потерь, ими понесенныхъ. Въ этомъ множествѣ убитыхъ, обезображенныхъ ранами, смертною блѣдностію, вліяніемъ солнца и воздуха, рылись Христіанскіе воины, отыскивая плачевные остатки своихъ друзей и ближнихъ. Многіе изъ тѣхъ, коихъ дружба возлагала эту богоугодную обязанность, заболѣли и умерли почти скоропостижно. Особенно замѣтили преданность и печаль одного изъ рыцарей Роберта, Графа Артуа. Этотъ неутѣшный рыцарь проводилъ дни и ночи на берегу канала, не спуская глазъ съ прудовъ, вынимаемыхъ изъ воды, и презирая заразу и смерть, въ надеждѣ найти и погребсти тѣло юнаго Принца, потерю котораго оплакивало все Французское воинство.

Военные труды не препятствовали однако набожнѣйшимъ ратникамъ соблюдать всѣ строгости поста; излишнее воздержаніе и

суровостіи покаянія совершенно испощили их силы. Зараза поспигала людей самаго крѣпкаго сложенія, какъ и самаго слабаго (1); тѣло ихъ сохло, ихъ посинѣвшая кожа покрывалась черными пятнами; десны пухли и закрывали проходъ для пищи: кровотеченіе носомъ предвѣщало близкую кончину. Большая часпь больныхъ взирали на смерпь безъ ужаса, какъ на желанный предѣлъ ихъ спраданій. 1248—1250.

Къ этой болѣзни присоединились кровавый поносъ и опаснѣйшія лихорадки; въ станѣ

(1) Эта болѣзнь была *цынга;* вотъ какъ ее описываетъ Жуанвилль: «Мясо на ногахъ нашихъ сохло до самыхъ костей, кожа грубѣла чернѣя отъ нечистоты и грязи, на подобіе спараго сапога, долго валявшагося за-сундуками; и сверхъ того насъ одержимыхъ симъ недугомъ, постигала другая болѣзнь, открывавшаяся во рпу отъ употребленія рыбы; мясо гнило промежъ десенъ, отъ чего каждый изъ насъ смердѣлъ ужасно ртомъ (la char des jambes nous déséchoit jusqu'à l'os, et le cuir nous devenoit tanné de noir et de terre, à ressemblance d'une vieille houze qui a été long-temps nancée derrière les coffres; et oultre à nous autres, qui avions cette maladie, nous venoit une autre persécution de maladie de la bouche, de ce que avions mengié de ces poissons, et nous pourrissoit la char d'entre les gencives, dont chascun étois orriblement puans de la bouche).» Жуанвилль говоритъ здѣсь о Нильской рыбѣ, называемой *Мени* (Barbotte), которая *рыба прожорлива, всегда*

1248 — 1250. Христіанскомъ слышались одни только моленія за умирающихъ или за упокой мертвыхъ; встрѣчались только блѣдныя, и испомлененныя лица несчастливцевъ, провождавшихъ товарищей своихъ въ могилу, и которыхъ смерть вскорѣ долженствовала похитить въ свою очередь. Воины, еще державшіеся на ногахъ, недостаточны были для сохраненія стана. Представилось зрѣлище невиданное въ Французскихъ войскахъ: слуги рыцарей облекались въ броню господъ своихъ

падка къ мертвымъ тѣламъ и питается ими (poisson glout, et se rendent toujours aux corps morts et les mengeoient); Сенешаль прибавляетъ въ другомъ мѣстѣ своихъ записокъ: «Когда болѣзнь *усилилась въ войскѣ*, цырюльники должны были вырывать и вырѣзывать у больныхъ большіе куски мяса, которые наросшали на деснахъ и мѣшали ѣсть. Жалобно раздавались по всему стану крики и вопли страдальцевъ, которымъ рѣзали это дикое мясо. Мнѣ казалось, что слышу бѣдныхъ женщинъ, мучимыхъ родами, и я не могу выразить жалости, которую тогда чувствовалъ. (Que la maladis *s'etant renfoncée en l'ost*, il fallait que les barbiers arrachassent et coupassent aux malades de cette maladie de grosse char qui surmontoit sur les gencives, en manière qu'on ne povoit mengier. Grand pitié étoit là de oyr crier et braire par tous les lieux en l'ost ceulx à qui on coupoit cette char morte. Il me ressembloit pauvres femmes qui travaillent de leurs enfants quant ils viennent sur terre: et ne sauroit dire la pitié que c'étoit).»

и занимали ихъ мѣста въ опасностяхъ боя. 1248—1250.
Духовенство, пріобщавшее больныхъ и погребавшее мертвыхъ, потерпѣло много отъ заразы: вскорѣ оказался недоспапокъ въ Священникахъ, для отправленія богослуженія и Христіанскихъ обрядовъ. Однажды Жуанвилль, будучи самъ болѣнъ, и слушая обѣдню лежа на постели, принужденъ былъ вспать и поддерживать своего духовника, который едва не обмеръ на ступеняхъ алтаря. *Такимъ образомъ поддерживаемый*, присовокупляетъ просподушный Историкъ, *онъ совершилъ обрядъ, отслужилъ всю обѣдню, и никогда болѣе не служилъ* (Ainsi soutenu il acheva son sacrement, parchanta la messe tout entièrement, ne oncques plus ne chanta).

Въ первыя священныя брани, мы видѣли крестоносцевъ, преданныхъ жесточайшимъ бѣдствіямъ: часто погда храбрѣйшіе изъ воиновъ отчаевались въ дѣлѣ поклонниковъ и измѣняли крестовымъ знаменамъ; нерѣдко даже чрезмѣрное злополучіе исторгало у нихъ проклятія и богохульства. Здѣсь должно замѣтить, что воины и сорапники Людовика IX переносили бѣдствія свои съ большимъ терпѣніемъ и самоотверженіемъ. Ни одинъ рыцарь не помыслилъ оставить хоругвей крестовыхъ; въ войскѣ не слышно было ни

1248 — 1250. одной возмущающей или богопротивной жалобы; примѣръ благочестиваго Короля, безъ сомнѣнія подкрѣплялъ мужество крестоносцевъ, и предохранялъ ихъ отъ чрезмѣрнаго отчаянія. Людовикъ IX, сильно опечаленный бѣдствіями, гнетущими его войска, употреблялъ всѣ свои усилія для облегченія или прекращенія ихъ. Если что-либо утѣшало крестоносцевъ въ ихъ горестномъ положеніи, то это видъ Короля, лично заботившагося о больныхъ, распочавшаго имъ всевозможныя пособія, приготовлявшаго ихъ къ смерти. Тщетно умоляли его не подвергать себя опасностямъ, превосходившимъ опасности брани; ничто не могло поколебать его твердости, ни охладить порывовъ его сострадательности; онъ почиталъ своимъ долгомъ (собственныя слова Короля): *не щадить дней своихъ для тѣхъ, кои безпрестанно жертвуютъ собою для него.* Одинъ изъ его служителей Гангельмъ, человѣкъ честный, принимая на одрѣ смерти послѣднія увѣщанія Священника, сказалъ ему: *Я не умру, пока не увижу Короля.* Король исполнилъ его желаніе, и больной испустилъ духъ, утѣшенный присутствіемъ и словами столь добраго Государя. Наконецъ тотъ, который утѣшалъ всѣхъ, занемогъ

самъ. Король болѣе не выходилъ изъ своей спавки; отчаяніе сдѣлалось сильнѣе и повсемѣстнѣе; спрадавшіе потеряли всякую надежду; имъ казалось, что Провидѣніе оспавило ихъ, и что небо не покровительспвуепъ болѣе воинамъ Креспа. 1248—1250.

Саррацины оспавались въ своемъ спанѣ, не дѣлая никакого движенія, и предоспавляя дѣйспвовапь болѣзнямъ, спрашнымъ своимъ союзникамъ: однако Альмоадамъ, желая присовокупипь голодъ ко всѣмъ бѣдспвіямъ, преперпѣваемымъ его врагами, рѣшился пресѣчь всякое сообщеніе Христіанъ съ Даміепною, опкуда получали они Ниломъ всѣ жизненные припасы. Собравъ множесптво судовъ, Сулпанъ приказалъ ихъ разобрапь и перенеспи сухимъ пупемъ къ успью Мегалескаго канала (1). Французская флопилія, нагруженная съѣспными припасами, подымалась по рѣкѣ безъ всякаго опасенія; она приближалась къ оспрову, позади коего Сулпановы галеры спояли въ засадѣ. Вдругъ непріяпель показываепся, нападаепъ на Христіанъ съ яросптю, испребляепъ у нихъ до пысячи воиновъ и захвапываепъ пяпьде-

(1) Смопри *Арабскую сыписку Табари* въ Bibliographie des Croisades, tome VI.

1248 — 1250. сяпъ судовъ съ хлѣбомъ. Послѣ того, чрезъ нѣсколько дней, другая флотилія, шедшая къ Мансурагу, испытала ту же участь. Никто не проникалъ въ станъ; изъ Даміетты не получали никакихъ извѣстій; Христіанская рать предавалась самымъ горестнымъ предчувствіямъ, какъ одинъ корабль, Графа Фландрскаго, избѣгшій какимъ-то чудомъ отъ преслѣдованія непріятеля, донесъ, что всѣ суда крестоносцевъ были взяты, и что по всей рѣкѣ господствуетъ флагъ Мусульманскій.

Вскорѣ скудость произвела въ войскѣ ужасныя опустошенія; тѣ, кои пощажены были болѣзнію, умирали отъ нищеты и голода. Уныніе овладѣло вождями и воинами. Тогда Король началъ помышлять о перемиріи съ Мусульманами. Филиппъ Монфорпскій отправленъ былъ къ Египетскому Султану: съ обѣихъ сторонъ назначили повѣренныхъ для заключенія договора. Повѣренные Королевскіе сперва предложили возвратить Султану городъ Даміетту, съ условіемъ, чтобы Христіанамъ отданы были Іерусалимъ и всѣ Палестинскія крѣпости, доставшіяся Мусульманамъ въ послѣднія войны. Султанъ, который боялся мужества и отчаянія крестоносцевъ, который кромѣ того, могъ опасаться

доставленія подкрѣпленій своему непріятелю, и долговременнаго сопротивленія Даміетты оружію своему, принялъ предложенныя условія. Когда коснулись спашпи о заложникахъ, то Король предложилъ обоихъ брашьевъ своихъ; но Султанъ, или недовѣряя честно-спи своихъ противниковъ, или питая самъ намѣреніе противное чести, пребовалъ, чтобы Французскій Король отдался въ его руки для обезпеченія договора. Сержинъ, одинъ изъ повѣренныхъ, не могъ выслушашь этого предложенія безъ гнѣва: «Вы должны довольно «знашь Французовъ, вскричалъ онъ, чтобы «считашь ихъ способными видѣшь Короля «своего въ плѣну у Мусульманъ.» Въ Христіанскомъ войскѣ держали совѣшъ: Король соглашался на все; но Вельможи и Бароны съ жаромъ возспали противъ подобнаго самоотверженія своего Государя. Съ одной стороны Монархъ хошѣлъ искупишь жизнь подданныхъ своихъ собственными опасносшями; съ другой, толпы воиновъ, единогласно повторяли, что не могушъ стерпѣшь такого поношенія, и что скорѣе всѣхъ ихъ убьюшъ, *нежели они отдадутъ въ залогъ Короля своего.* Чѣмъ болѣе Людовикъ былъ любимъ своими воинами, шѣмъ менѣе имѣлъ онъ надъ собою власши въ этомъ слу- 1248 — 1250.

*

1248 — 1250. чаѣ; всѣ вмѣняли себѣ въ славу и почти въ обязанность не повиноваться ему, и потому отказались отъ всякихъ переговоровъ.

Для изображенія ужасной скудости, опустошавшей Христіанскій станъ, современныя Лѣтописи разсказываютъ, какъ необычайную вещь, что баранъ стоилъ около десяти ефимковъ, быкъ продавался по осьми десяти Ливровъ, яйцо по двѣнадцати денаріевъ. Такая чрезмѣрная цѣна превосходила способы большей части поклонниковъ, которые питались, одни, нѣкоторымъ количествомъ рыбы, ловимой въ Нилѣ, другіе, травами и кореньями.

Людовикъ IX, сохраняя мужество и спокойствіе духа посреди печали и всеобщаго унынія, помышлялъ о спасеніи жалкихъ остатковъ своего воинства, и рѣшился снова перейти на противоположный берегъ Ашмоума. Между тѣмъ, какъ Христіанская рать проходила чрезъ деревянный мостъ, построенный на каналѣ, она претерпѣла сильное нападеніе отъ Мусульманъ. Гоше Шатильонскій, начальствовавшій аріергардомъ, сперва отразилъ ихъ напискъ; но Мусульмане нѣсколько разъ возобновляли свои нападенія, и превосходствомъ числа своего едва не преклонили побѣды на свою сторону. Блиста-

шельное мужество Графа Анжуйскаго остано- 1248 —
вило стремленіе непріятеля. Эрардъ и Иванъ 1250.
де Валери оказали чудеса храбрости: Жеффруа Гуссенбургскій отличилъ себя геройскими подвигами и заслужилъ вѣнецъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ всегда нѣкоторая слава сливалась съ злоключеніями Французскихъ крестоносцевъ: но побѣда не приносила имъ никакой выгоды, и не избавляла ихъ ни отъ бѣдствій, ни отъ опасностей всегда имъ угрожавшихъ. Участь ихъ ни мало не облегчилась, когда они находились по сю сторону Ашмоума, и пробывъ нѣсколько дней въ прежнемъ станѣ своемъ, они увидѣли себя въ горестной необходимости возвратиться обратно въ Даміетту.

Альмоадамъ, какъ только узналъ о послѣднихъ распоряженіяхъ Христіанъ, самъ произнесъ рѣчь къ своимъ войскамъ, приказалъ раздать имъ съѣстные припасы и деньги, и подкрѣпилъ ихъ множествомъ Арабовъ, привлеченныхъ алчностію грабежа. По его повелѣнію, суда, нагруженныя воинами, отправились внизъ по Нилу и присоединились къ Мусульманскому флоту, который перехватилъ подвозы крестоносцевъ. Легкіе конные отряды разосланы были по всѣмъ направленіямъ дорогъ, по коимъ долженствовало отступать Французское войско.

1248 — 1250. Пятаго Апрѣля (1), во Вторникъ послѣ Святыя Пасхи, Людовикъ IX приказалъ все приготовить къ отступленію своего войска: на суда, стоявшія на Нилѣ, посадили женщинъ, дѣтей и больныхъ; эти печальныя приготовленія оставлены были до позднихъ сумерекъ, чтобы удобнѣе скрыть ихъ отъ непріятеля. Берегъ Нила представлялъ раздирающее зрѣлище; повсюду видны были крестоносцы, изнуренные страданіями, со слезами разстающіеся съ своими друзьями, коихъ они не долженствовали болѣе увидѣть. Среди сихъ печальныхъ явленій, Арабы, воспользовавшись темнотою ночи, вторгаются въ станъ, грабятъ обозы, умерщвляютъ всѣхъ на пути своемъ. Испуганная толпа разбѣгается во всѣ стороны, и крики смятенія раздаются по берегамъ рѣки. Судовщики замѣчаютъ отъ ужасный безпорядокъ при свѣтѣ зажженныхъ огней; и видя, что Христіанъ убиваютъ, спрашась за самихъ себя, рѣшаются удалиться. Король,

(1) Бернардъ Тезорарій, сочинитель продолженія Исторіи Вильгельма Тирскаго, опредѣлилъ надлежащее время каждому происшествію. Въ Bibliographie des Croisades, tome VI (L'analyse des Annales ecclésiastiques aux années 1249 — 50 — 51), мы сдѣлали подробный разборъ сочиненіямъ этого Историка.

который, не смотря на свою слабость, при- 1248—
сутствовалъ вездѣ и за всѣмъ наблюдалъ, про- 1250.
гоняетъ зловѣрныхъ изъ стана, возвращаетъ
бодрость крестоносцамъ, и приказываетъ
удалившимся судовщикамъ, причалить къ бе-
регу и забрать остатки больныхъ.

Папскій Легатъ и многіе Французскіе Вельможи сѣли на большой корабль. Убѣждали и Короля послѣдовать этому примѣру; но онъ не могъ рѣшиться оставить свое войско: тщетно представляли ему, что болѣзненное и слабое положеніе его не дозволяетъ ему сражаться, и подвергаетъ его опасности попасть въ руки Сарацинъ; тщетно напоминали ему, что подвергая такимъ образомъ жизнь свою, онъ грозитъ бѣдствіемъ всему воинству; сіи и многія другія представленія, внушаемыя искренною привязанностію къ его особѣ, не могли перемѣнить его намѣренія. Онъ отвѣчалъ, что никакая опасность не можетъ его разлучить съ его вѣрными воинами; что онъ привелъ ихъ съ собою, что хочетъ возвратиться съ ними, и умретъ, если то необходимо, посреди ихъ. Эта геройская рѣшимость, коей предвидѣли неизбѣжныя слѣдствія, повергла всѣхъ рыцарей въ уныніе и горесть. Солдаты, раздѣляя чувствованія ры-

1248 – 1250. царей, бѣгали вдоль берега, и обращаясь къ плывшимъ внизъ по Нилу, кричали изо всей силы: *подождите Короля, подождите Короля!* Спрѣлы и дротики осыпали удалявшіяся суда. Многія изъ нихъ оспановились; но Людовикъ приказалъ имъ продолжать свой путь (1).

Почти всѣ Французскіе воины были ослаблены болѣзнію, измучены голодомъ. Труды и предспоявшія имъ новыя опасности не устрашали ихъ мужества; но имъ несносна была мысль, что они оспавляютъ мѣста, еще наполненныя воспоминаніями объ ихъ побѣдахъ. Герцогъ Бургундскій выспу-

(1) Эта великодушная черта Св. Людовика, который отказался оставить свое войско, засвидѣтельствована Историками Французскими и Восточными лѣтописями; Жуанвилль выражается такъ: «Et voyant le «roi qui avoit la maladie de l'ost et la menoison comme «les autres, que nous le laissions; et si se fust bien «garanty, s'il eût voulu ès grans gallées; mais il disoit «*qu'il aymoit mieux mourir que laisser son peuple.*» Жоффруа де Больё, равномѣрно очевидецъ сего, говоритъ тоже; къ свидѣтельству этихъ двухъ Историковъ, можно присовокупить еще свидѣтельство Историка Арабскаго *Абулъ-Магассана.* «Французскій Король, говоритъ онъ, могъ бы избѣгнуть «отъ рукъ Египтянъ на конѣ или въ лодкѣ; но «этотъ великодушный Государь никакъ не согла- «сился оставить свои войска.»

пилъ въ походъ съ вечера; спустя нѣсколько времени покинули станъ остальныя войска, взявъ съ собою шапры и обозы. Людовикъ, желавшій отправиться съ аріергардомъ, удержалъ при себѣ изъ своихъ жандармовъ лишь храбраго Сержина и нѣсколько рыцарей и Бароновъ, сохранившихъ еще своихъ лошадей. Король, съ прудомъ сидѣвшій на Арабскомъ конѣ, явился посреди ихъ; на немъ не было ни шлема, ни лапъ, и кромѣ своего меча, онъ не имѣлъ при себѣ другаго оружія. Находившіеся при немъ воины, слѣдовали за нимъ въ молчаніи; и не смотря на горькое свое состояніе, они еще изъявляли нѣкоторую радость, потому что были избраны для защиты Короля и могли умереть въ его присутствіи. 1248—1250.

Уже Саррацины узнали объ отступленіи Французской рати. Король приказалъ разломать мостъ на Ашмоумѣ; но приказанія его не были исполнены, и Мусульмане весьма удобно перешли каналъ. Въ одну минуту вся равнина, которая простиралась къ Даміеттѣ, покрылась непріятелями. Аріергардъ Христіанскій на каждомъ шагу задерживался или переходомъ чрезъ рѣчку, или нападеніемъ Мусульманской конницы. Ночью крестоносцы не знали куда направлять свои удары, и когда

1248 — 1250. брали они нѣкоторую поверхность, но не смѣли вдаваться въ погоню: они подвигались и сражались въ безпорядкѣ; опасаясь сбиться съ дороги, пѣ, кои были отдѣлены другъ отъ друга, перекликались по имени; находившіеся же подъ знаменами, сталкивались между собою и запруднялись въ своемъ шествіи: въ полѣ раздавались только ржаніе коней, трескъ оружія, крики бѣшенства и отчаянія. Въ этомъ отступленіи всего плачевнѣе былъ видъ раненныхъ, поверженныхъ на землѣ и простиравшихъ руки къ товарищамъ, со слезами умоляя не покидать ихъ на жертву лютости Сарранинъ. Ожидали дня съ нетерпѣніемъ; но день усугубилъ только смѣлость зловѣрныхъ, открывъ имъ малочисленность Христіанъ: онъ наполнилъ сихъ послѣднихъ новымъ ужасомъ, показавъ имъ многочисленность непріятеля.

Угрожаемые и преслѣдуемые повсюду, рыцари, избравшіе сухій путь, завидовали пѣмъ, кои отправились водою; но эти послѣдніе претерпѣвали столько же опасностей, какъ и несчастные ихъ товарищи. Вскорѣ, послѣ ихъ отъѣзда, поднялся сильный вѣтеръ, который гналъ ихъ обратно къ Мансурагу: нѣсколько судовъ разбилось у берега; многія, устремленныя порывами бури другъ на друга,

гоповы были попонупть. Къ разсвѣпу флопи- 1248 —
лія ихъ подошла къ Мегалегу, мѣспу пагубно- 1250.
му для Христіанъ; шамъ ожидалъ ихъ Мусуль-
манскій флопъ. Спрѣльцы, коимъ поручено
было провожапть ихъ берегомъ, обрапились
въ бѣгспво: вмѣспо ихъ показалась толпа
Мусульманскихъ всадниковъ, бросая въ па-
комъ множеспвѣ спрѣлы, зажженныя грече-
скимъ огнемъ, чпо можно было подумапть,
говорипъ Жуанвилль, *что всѣ звѣзды упа-
ли съ неба.*

Вѣперъ препяпспвовалъ правипть судами.
Крепоносцы въ безпорядкѣ нагруженные
на корабли, едва могли споять на ногахъ:
большая часпь ихъ не имѣла оружія. Обра-
щая взоры свои, по къ берегу, гдѣ замѣчали
вдали вихри пыли, по къ небу, у копораго
просили защипы, они думали епце, чпо не-
ожиданное происшесптвіе освободипъ ихъ,
или чпо воинспво, шедшее къ Даміепптѣ,
прійдепъ къ нимъ на помощь; пакъ полагали
они послѣднюю надежду на чудеса Провидѣнія
и на чудеса храброспи. Обманчивыя мечпа-
нія! одна часпь Христіанскихъ войскъ была
разсѣяна; аріергардъ, ободряемый присупс-
пвіемъ Короля, оказывалъ неимовѣрныя и
безполезныя усилія для опраженія полпы
Сарранинъ, копорая росла съ минупы на

1248 — 1250. минупу; опчаяніе Французскихъ воиновъ произвело множество славныхъ подвиговъ: но весь эпопъ героизмъ позволилъ имъ только спяжапь вѣнецъ мученическій. Гюи дю Шапель, Епископъ Суассонскій, опчаясь уже доспичь Даміепппы и увидѣпь Францію, рѣшился искапь смерпи, и послѣдуемый нѣсколькими рыцарями, успремился въ ряды Саррацинъ, копорые, по выраженію Жуанвилля, *умертвили его и отправили бесѣдовапь съ Богомъ* (L'occirent et l'envoyèrent en la compagnie de Dieu). Гоше Шапильонскій и Сержинъ сражались еще за жизнь Свяпаго Людовика. Сержинъ, споя подлѣ Короля, опгонялъ непріяпелей сильными ударами меча; опасноспь, казалось, удвоила его силы. Современная Исторія, копорая изображаепъ его разсѣваюпдаго вокругъ Людовика безчисленную полпу Саррацинъ, сравниваепъ его *съ неусыпнымъ слугою, пщательно отгоняющимъ мухъ отъ чаши своего господина.*

Между пѣмъ надежда побѣды воспламенила изспупленіе и фанапизмъ Мусульманъ; они были убѣждены, чпо подвизались за своего пророка; Дервиши и Иманы ихъ, проповѣдывавшіе войну въ мечепяхъ, слѣдовали за ними на поле брани, пробѣгали ряды воиновъ

и порывали ихъ къ убійству. Одинъ Араб- 1248—
скій Историкъ (1), присовокупляя чудесное 1250.
къ своему повѣствованію, говоритъ, что Шеикъ Эззеддинъ, видя что побѣда перешла на минуту на сторону Христіанъ, потому что вихри пыли, вздуваемые бурею, покрывали Мусульманскую рать и мѣшали ей сражаться, обратился къ вѣтру, говоря ему: *о вѣтеръ! устреми дуновеніе твое противъ нашихъ враговъ!* Буря, прибавляетъ тотъ же Историкъ, покорилась гласу святаго мужа, и побѣда перешла на сторону воиновъ *исламизма*. Мы приводимъ обстоятельство это для того, чтобы показать, каковъ былъ духъ, подвизавшій Мусульманъ въ ихъ войнахъ съ Христіанами. Саррацины не нуждались въ чудѣ для восторжествованія надъ войскомъ разсѣяннымъ и столь малочисленнымъ. Аріергардъ Христіанскій, безпрестанно преслѣдуемый, безпрестанно тѣснимый, достигъ наконецъ съ большимъ трудомъ мѣстечка Минега (2). Король, сопровождаемый нѣсколькими рыцарями, упредилъ прибытіе войска въ городъ, гдѣ

(1) Смотр. извлеченіе *Союти* (Soyouti), въ tome VI, Blbliographie des Croisades.

(2) Этотъ *Минеетъ* (Minieh) Абулъ-Абдалы. См. выписку изъ Абулъ-Магассана, *Bibliographie des Croisades.*

1218—1250. *онъ остановился*, говоритъ Жуанвилль, *въ домъ одной Парижской гражданки.* Усталость, болѣзнь, печаль, причиняемыя ему столь великимъ несчастіемъ, такъ изнурили его, *что всѣ думали* (мы приводимъ слова того же Писателя), *что онъ переступитъ порогъ смерти* (que tous cuidèrent qu'il allait passer le pas de la mort).

Неустрашимый Гоше Шатильонскій заботился о его безопасности; одинъ онъ долго защищалъ входъ въ узкую улицу, ведущую къ дому, въ которомъ усердные слуги старались возвратить къ жизни Государя. Шатильонъ во все это время, то какъ молнія устремлялся на злодѣевъ, разсѣвалъ ихъ, опрокидывалъ ихъ; то отступалъ, чтобы вырвать изъ своего панцыря, и даже изъ своего тѣла стрѣлы и дротики, въ немъ торчавшіе. Потомъ онъ возвращаясь опять въ сраженіе, и по временамъ подымаясь на стременахъ, громко кричалъ: *къ Шатильону, рыцари, къ Шатильону! гдѣ вы, мои храбрые!* (A Châtillon, chevaliers, à Chatillon! où sont mes prud'hommes!). Остатокъ аріергарда находился еще въ нѣкоторомъ разстояніи; никто не показывался; Саррацины напротивъ, вторгались толпою: наконецъ подавленный многочисленностію, весь покрытый стрѣлами,

пронзенный ударами, онъ палъ; никто изъ крестоносцевъ не могъ помочь ему, ни быть свидѣтелемъ геройской его кончины; залитый кровію конь его, достался зловѣрнымъ, и послѣдніе его подвиги разсказаны были однимъ Мусульманскимъ ратникомъ, который, показывая его мечь, хвалился, что убилъ храбрѣйшаго изъ Христіанъ. 1218—1250.

Аріергардъ, отступившій на одинъ холмъ, защищался еще съ выгодою. Начальствовавшій имъ Филиппъ Монфортскій, пришелъ сказать Королю, что онъ видѣлъ того Эмира, съ которымъ договаривались о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Мансурагскомъ станѣ, и что, *если ему угодно, онъ снова возобновитъ съ нимъ переговоры* (si c'était son bon plaisir, derechef il lui en irait parler). Монархъ согласился, обѣщая покориться условіямъ, которыя Султанъ требовалъ сначала. Крестоносцы, въ несчастномъ своемъ положеніи, еще внушали нѣкоторый страхъ непріятелямъ. Въ рядахъ осталось пятьсотъ рыцарей; многіе изъ тѣхъ, кои миновали Минегъ, возвращались назадъ, оспоривать побѣду у Сарацинъ. Эмиръ принялъ предложеніе о перемиріи. Филиппъ Монфортскій, въ залогъ своего слова, отдалъ ему перстень съ руки своей. Уже руки ихъ взаимно ка-

1248 — 1250. сались, вдругъ, одинъ *измѣнникъ, гнусный швейцаръ*, по имени Марсель, началъ кричать: *Господа рыцари Французскіе! сдайтесь всѣ, Король проситъ васъ о томъ чрезъ меня, не подвергайте его смерти.* При сихъ послѣднихъ словахъ смущеніе овладѣваетъ всѣми; думаютъ, что жизнь Короля въ величайшей опасности: вожди, офицеры, рапники, всѣ безъ изъятія кладутъ оружіе.

Эмиръ, начавшій условливаться о мирѣ, замѣшилъ эту перемѣну; онъ тотчасъ прервалъ переговоры, сказавъ: *Съ побѣжденными не заключаютъ мира.* Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ главныхъ Эмировъ, Джемаль-Эддинъ, вступилъ въ Минетъ. Нашедъ Короля, окруженнаго своими печальными слугами, онъ овладѣлъ имъ, и безъ всякаго вниманія къ Царскому величію, безъ уваженія къ величайшему изъ несчастій, приказалъ надѣть ему желѣза на ноги и на руки; съ того времени не оставалось болѣе никакого спасенія для крестоносцевъ. Оба брата Короля достались въ руки злов'ѣрныхъ; дошедшіе до Фаресскура, были настигнуты и лишились всѣ жизни или свободы. Многіе изъ нихъ могли бы достичь Даміетты; но узнавъ о плѣнѣ Короля, упали

духомъ, и не могли уже ни продолжать пупи, ни защищаться. Эти рыцари, недавно еще сполъ безстрашные, спояли недвижимы на дорогахъ и позволяли себя убивать или заковывать безъ всякой жалобы, безъ малѣйшаго сопротивленія. *Орифлама*, знамена, обозы, все содѣлалось добычею Саррацинъ. Посреди убійствъ и кровопролитія, Мусульманскіе воины изрыгали ужасныя проклятія противъ Іисуса Христа и его защитниковъ: они попирали ногами, оскверняли своими поруганіями кресты, святые образа, послѣдній предметъ досады и отчаянія для крестоносцевъ, взиравшихъ на своего Короля, обремененнаго цѣпьями, и видѣвшихъ самаго Господа своего, преданнаго посмѣянію побѣдителей. 1248 — 1250.

Крестоносцы, отправившіеся по Нилу, имѣли не лучшую участь; всѣ Христіанскія суда, исключая того, гдѣ находился Легатъ, были потоплены бурею, сожжены греческимъ огнемъ или взяты Мусульманами. Толпы Саррацинъ, собравшіяся на берегу, или сидѣвшія на лодкахъ, умерщвляли все, что представлялось ихъ ударамъ. Они не щадили ни женщинъ, ни больныхъ. Жадность, заимѣніемъ состраданія, спасла тѣхъ, отъ коихъ надѣялись выкупа. Жуанвилль, все еще

1248—1250. спрадая опъ своихъ ранъ и недуга, свирѣпствовавшаго въ Мансурагскомъ станѣ, оправился на одномъ суднѣ съ двумя при немъ оспальными рыцарями и нѣкоторыми изъ своихъ служителей. Четыре Мусульманскія галеры приблизились къ его судну, ставшему на якорь посреди рѣки. Ему грозили смертію, если онъ тотчасъ же не сдастся. Сенешаль совѣтовался со своею свитою, что дѣлать ему въ столь чрезвычайной опасности: всѣ согласно рѣшили сдаться, *исключая одного изъ его писарей, который хотѣлъ, чтобы подвергнулись смерти, дабы прямо пойти въ рай; однако его не послушали.* Жуанвилль взялъ тогда маленькій ящикъ, вынулъ изъ него свои драгоцѣнности и мощи, кои бросилъ въ воду, и сдался на волю побѣдителя. Вопреки воинскимъ законамъ, Сенешаль былъ бы убитъ, если бъ одинъ ренегатъ, узнавшій его, не заслонилъ его собою, вскричавъ: *Это двоюродный братъ Короля!* Жуанвилль, едва державшійся на ногахъ, былъ повлеченъ на Мусульманскую галеру, и оттуда перенесенъ въ одинъ домъ, стоящій у берега. Лишенный своего панцыря, онъ оставался почти безъ одежды; Саррацины дали ему *колпакъ, который онъ надѣлъ на голову*, и набро-

сили ему на плеча *его одѣяло краснаго цвѣта, подбитое тонкою зеленою тафтою, которое получилъ онъ въ подарокъ отъ своей матери;* онъ весь дрожалъ *отъ своей болѣзни и отъ страха имъ овладѣвшаго.* Будучи не въ силахъ выпить поданный ему спаканъ воды, онъ счелъ себя мертвымъ и попребовалъ къ себѣ своихъ служипелей, копорые всѣ начали плакапь. Въ числѣ рыдавшихъ былъ одинъ юноша, побочный сынъ знапнаго владѣльца Монфокона: эпо дипя было свидѣпелемъ смерпи людей, къ нему приспавленныхъ, и въ испугѣ, бросилось въ объяпія и подъ защипу Жуанвилля. Зрѣлище безпомощнаго младенчеспва, и опчаяніе добраго Сенешаля, возбудили сопраданіе присупспвовавшихъ Эмировъ; одинъ изъ нихъ, копораго Жуанвилль называепъ по *добрымъ*, по *бѣднымъ Саррациномъ*, обласкалъ дипя, и разспаваясь съ Сенешалемъ, сказалъ ему: *держи всегда этого мальчика за руку, а не то, я увѣренъ, что Сарранины убьютъ его.* 1248—1250.

Убійспво не прекращалось долгое время послѣ сраженія; оно продолжалось нѣсколько дней: плѣнные, уцѣлѣвшіе опъ перваго бѣшенспва Мусульманскихъ воиновъ, были высажены на землю: горе пѣмъ, кои были

1248 — 1250. ослаблены болѣзнію и носили на себѣ признаки убожеспва! Чѣмъ болѣе жерпвы доспойны были сожалѣнія, пѣмъ сильнѣе раздражали они варварспво побѣдипелей. Солдапы, вооруженные мечами и палицами, исполнипели спрашныхъ приговоровъ побѣды, дожидались плѣнныхъ на берегу. Священникъ Іоаннъ де Весси, и нѣкопорые изъ служипелей Жуанвилля, вышли умирающіе изъ своихъ кораблей; ихъ изрубили предъ глазами господина ихъ, говоря, чпо эпи несчаспные ни къ чему уже негодились, и чпо они не могли выкупишь ни своей свободы, ни жизни.

Въ эпи дни бѣдспвій и злоключеній погибло болѣе придцапи пысячъ Христіанъ; одни легли на мѣспѣ бипвы, другіе попонули въ Нилѣ или умерщвлены послѣ сраженія. Извѣспіе о побѣдѣ Мусульманъ скоро распроспранилось по всему Египпу. Сулпанъ Каирскій писалъ къ Дамасскому градоправипелю, извѣщая его о послѣднемъ поржеспвѣ *Исламизма:* «Да воздаспся благодареніе Всемогу-
«щему, говорилъ онъ въ письмѣ своемъ,
«перемѣнившему нашу печаль въ радоспь;
«Ему единому обязаны мы славою нашего
«оружія; милоспи, копорыми Онъ насъ осы-
«палъ, безчисленны, послѣдняя же изъ нихъ
«еспь драгоцѣннѣйшая. Объявипе жипелямъ

«Дамаска или лучше всѣмъ Мусульманамъ, 1248—
«что Богъ помогъ намъ одержать совершен- 1250.
«ную побѣду надъ Христіанами въ ту ми-
«нуту, когда они замышляли нашу гибель.»

На другой день, послѣ сдачи Христіанскаго войска, Французскій Король отправленъ былъ въ Мансурагъ на военномъ суднѣ, въ сопровожденіи большаго числа Египетскихъ лодокъ. Звуки барабановъ и литавръ слышны были издалека. Египетская рать расположилась въ боевомъ порядкѣ на восточномъ берегу Нила, и подвигалась по мѣрѣ шествія флота. Всѣ плѣнные, кои попажены неисповѣдствомъ врага, слѣдовали за Мусульманскимъ войскомъ, съ связанными на спинѣ руками. Арабы стояли подъ оружіемъ на противоположномъ берегу, и народъ стекался отвсюду толпами, привлекаемый этимъ чуднымъ зрѣлищемъ. Людовикъ IX, по прибытіи въ Мансурагъ, былъ заключенъ въ домѣ Факреддина Бенъ-Локмана, Секретаря Султанова, и порученъ стражѣ евнуха Сабига. Пространное мѣсто, окруженное земляным валомъ и охраняемое самыми свирѣпыми изъ Мусульманскихъ воиновъ, отведено было для прочихъ военноплѣнныхъ.

Извѣстіе объ этихъ бѣдствіяхъ распространило смятеніе и отчаяніе въ Даміеттѣ,

1248 — 1250. гдѣ развѣвалось еще знамя Французовъ. Сначала носились темные слухи; вскорѣ нѣкоторые крестоносцы, спасшіеся отъ кровопролитія, объявили, что все Христіанское войско погибло. Беременность Королевы Маргариты приближалась къ концу: устрашенное воображеніе представляло ей, что супруга умерщвляемаго Саррацинами, что непріятеля у городскихъ воротъ. Волненіе ея такъ усилилось, что сочли ее близкою къ смерти. Одинъ осьмидесятилѣтній рыцарь исполнялъ при ней должность Шпалмейстера и не оставлялъ ее ни днемъ, ни ночью. Эта несчастная Государыня, когда горесть усыпляла ее на минуту, пробуждалась въ просонкахъ, воображая, что *вся комната ея наполнена Саррацинами, чтобы ее умертвить.* Старый рыцарь, который во время ея сна держалъ ее за руку, сжималъ иногда руку Королевы и говорилъ ей: *Государыня, я съ вами, не бойтесь.* Чрезъ минуту, сомкнувъ глаза, она пробудилась снова и испускала ужасные крики; важный Шпалмейстеръ опять ее успокоивалъ: наконецъ, чтобы избавиться отъ жестокаго душевнаго смятенія, Королева приказала выйти всѣмъ изъ комнаты, кромѣ ея рыцаря; потомъ бросясь предъ нимъ

на колѣни, она сказала ему: «Господинъ 1248—
«рыцарь! обѣщайте, что окажете мнѣ ми- 1250.
«лость, которой прошу васъ.» Онъ обѣ-
щалъ ей клятвенно; Маргарита продолжала
такъ: «Умоляю васъ клятвою, которую вы
«мнѣ дали, если Саррацины возмутъ этотъ
«городъ, отсѣчь мнѣ голову прежде, нежели
«имъ можно будетъ меня взять.» *Очень охо-*
тно исполню это, прервалъ старый ры-
царь, *и даже я думалъ такъ поступить,*
если случай тому представится.

На другой день Королева разрѣшилась
сыномъ, которому дали имя *Іоаннъ Три-*
станъ (Иванъ Горе), по причинѣ печаль-
ныхъ обстоятельствъ, среди коихъ онъ ро-
дился. Въ тотъ же день донесли ей, что Ге-
нуэзцы, Пизане и многіе крестоносцы примор-
скихъ Европейскихъ городовъ, хотѣли оста-
вить Даміетту и бѣжать. Маргарита потре-
бовала къ себѣ главнѣйшихъ изъ нихъ, и подо-
звавъ къ своей кровати, сказала имъ: «Госпо-
«да! ради любви къ Богу, не оставляйте это-
«го города; потеря его повлечетъ за собою
«погибель Короля и всей Христіанской рати.
«Сжальтесь надъ моими слезами, сжальтесь
«и надъ этимъ слабымъ младенцемъ, кото-
«раго вы видите возлѣ меня.»

1248— 1250. Купцы Генуэзскіе и Пизанскіе сначала мало были пронупы сими словами. Жуанвилль съ прискорбіемъ упрекаетъ ихъ за холодноспь ихъ къ дѣлу Іисуса Христа и къ несчастію. Они отвѣчали Королевѣ, что не имѣютъ болѣе съѣстныхъ припасовъ; Государыня приказала попчасъ искупить весь хлѣбъ въ городѣ, и объявить Генуэзцамъ и Пизанамъ, что впредь будупъ они содержимы на иждивеніи Короля. Такимъ средспвомъ Даміепта сохранила гарнизонъ и защипниковъ, которыхъ присупспвіе болѣе, нежели самое мужество, успрашило Саррацинъ. Увѣряюпъ даже, что Мусульмане, послѣ побѣды при Минегѣ, хопѣли обманупь крѣпоспь, и подошли къ спѣнамъ съ хоругвями и оружіемъ побѣжденныхъ; ихъ узнали по чужому языку, по длиннымъ бородамъ, по смуглымъ лицамъ; и когда Христіане показались въ большомъ числѣ на спѣнахъ, по непріятель поспѣшно удалился опъ города, который считалъ готовымъ къ защипѣ, и въ которомъ господспвовали уныніе и спрахъ.

Въ это время Людовикъ IX пребывалъ покойнѣе въ Мансурагѣ, нежели находившіеся въ Даміепшѣ. Все что бѣдноспь и несчасніе заключаюпъ въ себѣ самаго горькаго

для знатныхъ міра сего, служило въ немъ лишь къ обнаруженію добродѣтели Христіанскаго героя и характера великаго Государя. Ночью, для прикрытія себя, имѣлъ онъ только грубую епанчу, полученную имъ отъ сострадательности одного плѣннаго. Изъ слугъ его, одинъ только находился при немъ и прислуживалъ ему въ болѣзни. Въ такомъ положеніи онъ не произнесъ никакой жалобы предъ своими врагами, и гордость его не унизилась до покорныхъ и боязливыхъ рѣчей. Одинъ изъ его Священниковъ засвидѣтельствовалъ въ послѣдствіи клятвою, что Людовикъ не изъявилъ ни малѣйшаго знака отчаянія или нетерпѣнія. Мусульмане удивлялись такому самоотверженію, и говорили между собою, что если бъ когда-либо пророкъ подвергнулъ ихъ столь великимъ бѣдствіямъ, то они перестали бы ему покланяться и вѣровать въ него. Изъ всѣхъ своихъ богатствъ, Людовикъ спасъ только *псалтырь*, добыча безплодная для Саррацинъ; когда онъ былъ покинутъ всѣми, эта книга одна утѣшала его въ несчастіи. Ежедневно повторялъ онъ тѣ Псалмы Пророковъ, гдѣ самъ Богъ вѣщаетъ о своемъ правосудіи и милосердіи, ободряетъ добродѣтель страждущую во имя Его, грозитъ своимъ гнѣвомъ

1248—1250.

1248 — 1250. людямъ, упоеннымъ счастіемъ и упопребляющимъ во зло свои пріумфы.

Такъ набожныя чувствованія и воспоминанія подкрѣпляли въ оковахъ мужество Людовика, и благочестивый Государь, окружаемый ежедневно новыми опасностями, среди Мусульманскаго войска, раздраженнаго его побѣдами, могъ еще восклицать вмѣстѣ съ Царемъ Пророкомъ: *Опираясь на Бога Живаго, который есть мой щитъ и моя слава, я не устрашусь толпы враговъ, окрестъ меня стоящей.*

Между тѣмъ Каирскій Султанъ, повидимому смягчившій жестокости своей политики, послалъ къ Людовику IX пятьдесятъ великолѣпныхъ одеждъ для него и вельможъ его свиты. Людовикъ не принялъ ихъ, сказавъ, что онъ повелитель царства несравненно болѣе Египта, и что онъ никогда не надѣнетъ платья иноземнаго Государя. Альмоадамъ приказалъ приготовить великое пиршество, къ которому приглашенъ былъ Король. Людовикъ отказался отъ приглашенія, убѣжденный, что хотятъ представить его предъ глаза Мусульманской рати. Наконецъ Султанъ послалъ къ нему искуснѣйшихъ своихъ врачей, не щадя ничего для сохраненія Государя, котораго предназначалъ для

украшенія своего пріумфа, и опъ копораго надѣялся получишь выгоды, сопряженныя съ послѣднею его побѣдою. Вскорѣ предложили Королю свободу, съ условіемъ, чпобы онъ возвранилъ Даміепшу и Палеспинскіе города, находившіеся еще во власпи Франковъ. Людовикъ оппвѣчалъ, чпо Хриспіанскіе города въ Палеспинѣ ему не принадлежали; чпо Богъ недавно опдалъ Даміепшу въ руки Хриспіанъ, и чпо никакая власпь человѣческая не можепъ располагапь ею. Сулпанъ, раздраженный эпимъ опказомъ, рѣшился упопребишь насиліе. То онъ угрожалъ Людовику опослапь его къ Багдадскому Калифу, копорый уморишъ его въ шемницѣ; по объявлялъ о намѣренiи своемъ водишь знаменипаго плѣнника по Воспоку, и показывапь всей Азіи Хриспіанскаго Короля, унижennаго до рабспва. Наконецъ, онъ дошелъ до пого, чпо спращалъ Короля предапь его ужаснымъ мученіямъ, назначеннымъ для величайшихъ злодѣевъ. Людовикъ оспавался непоколебимымъ, и на всѣ эпи угрозы оппвѣчалъ полько: *Я плѣнникъ Сулпана, онъ можетъ дѣлать со мною, что хочетъ.* 1248—1250.

Французскій Король продолжалъ спрадапь не сѣпуя, онъ не боялся ничего за себя; но когда помышлялъ о своемъ вѣрномъ воин-

1248 — 1250. спвѣ, объ участіи другихъ плѣнниковъ, душа его поражалась глубокою горестію. Христіанскіе плѣнники, безъ всякаго различія заключены были на одномъ дворѣ, одни больные, другіе раненные, большая часть почти нагіе, всѣ преданные на жертву голоду, непогодѣ и поруганіямъ безжалостныхъ своихъ стражей. Одинъ Мусульманинъ назначенъ былъ переписать имена всѣхъ сихъ несчастныхъ плѣнныхъ, коихъ число простиралось за десять тысячъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые могли выкупить свою свободу, перевели въ огромную палатку; прочіе остались тамъ, гдѣ ихъ бросили, подобно стаду безсловесныхъ, обреченному на убой. Ежедневно одинъ изъ Эмировъ, по повелѣнію Султана, приходилъ въ это убѣжище отчаянія и увлекалъ оттуда по двѣсти или по триста плѣнниковъ. Ихъ спрашивали, хотятъ ли они отступиться отъ Вѣры Іисуса Христа; тѣ, которыхъ страхъ смерти заставлялъ отказаться отъ своего исповѣданія, получали свободу; другіе гибли отъ меча, и тѣла ихъ были брошены въ Нилъ. Ихъ умерщвляли ночью; тишина и мракъ увеличивали ужасъ казни. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, сѣкира палачей истребляла злополучныхъ плѣнниковъ. Взятые однажды изъ заключенія, уже не воз-

вращались туда. Печальные товарищи ихъ, прощаясь съ ними, уже напередъ оплакивали ихъ несчастную кончину, и жили въ ожиданіи подобной участи. Наконецъ упомянная кровожадность пощадила оставшихся. Толпа плѣнныхъ была повлечена въ Каиръ, и столица Египетская, въ которую они льстились вступить съ тріумфомъ, узрѣла ихъ покрытыхъ лахмотьями и обремененныхъ цѣпями. Ихъ заключили въ темницы, гдѣ многіе умерли отъ голода и печали; другіе, осужденные на рабство въ чужой землѣ, лишенные всякой помощи, всякаго сообщенія съ своими вождями, ничего не зная объ участи своего Короля, не надѣялись болѣе ни возвратить свою свободу, ни увидѣть Западъ. 1248—1250.

Восточные Историки съ равнодушіемъ повѣствуютъ явленія нами описанныя; многіе даже, повидимому, почитаютъ второю побѣдою душегубство военноплѣнныхъ; и какъ будто несчастіе и убійство обезоруженнаго противника можетъ возвысить славу побѣдителя, они увеличиваютъ въ своихъ повѣствованіяхъ бѣдствія побѣжденныхъ, особенно же число жертвъ, закланныхъ во имя *исламизма*.

1248— 1250. Бароны и рыцари, заключенные въ одной палапкѣ, хорошо знали участь своихъ сорапниковъ; они проводили дни и ночи въ безпрестанныхъ опасеніяхъ. Сулпанъ хопѣлъ вынудипь опъ нихъ по, къ чему не могъ принудипь Людовика IX. Онъ послалъ къ нимъ Эмира, объявипь имъ, чпо ихъ выпуспяпъ на волю, если Даміепта и Христіанскіе города въ Палестинѣ будупъ сданы Мусульманамъ. Графъ Бретанскій опвѣчалъ опъ имени другихъ плѣнныхъ, чпо они невласпны исполнипь пребуемаго опъ нихъ, и чпо Французскіе воины не имѣюпъ иной воли, кромѣ воли своего Короля. «Ясно вижу, «сказалъ посланный Альмоадама, чпо вы не «дорожипе ни свободою, ни жизнію. *Вы скоро «увидите людей привыкшихъ владѣть «мечемъ.*» Эмиръ удалился, оспавивъ плѣнныхъ въ ожиданіи близкой смерпи. Орудія казни разложены были предъ ихъ глазами. Мечь висѣлъ надъ главами ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней; но Альмоадамъ не могъ поколебапь ихъ пвердости. Такъ плѣненіе цѣлой рапи, мученія, смерпь великаго числа воиновъ не могли испоргнупь у Христіанъ ни одного изъ ихъ завоеваній, и одинъ изъ оплоповъ Египпа находился еще въ ихъ рукахъ. Побѣдипели просили, грозили попеременно;

побѣжденные пропивились всему и казались всегда повелителями. 1248—1250.

Однако нѣкоторые изъ Французскихъ вельможъ предложили за себя выкупъ. Людовикъ о томъ узналъ; и опасаясь за многихъ, которые не въ состояніи себя выкупить, и должны остаться въ оковахъ, онъ запретилъ всякіе частные переговоры. Графы и Бароны, предъ тѣмъ столь непослушные, не могли болѣе противиться велѣніямъ злополучнаго Государя. Они отказались тотчасъ отъ всякаго отдѣльнаго сношенія. Король сказалъ, что хочетъ заплатить за всѣхъ, и что о собственной свободѣ своей займется не прежде, какъ обезпечивъ свободу всѣхъ другихъ.

Пока Каирскій Султанъ дѣлалъ тщетныя покушенія укротить гордость или ослабить мужество Людовика IX и его рыцарей, любимцы, приведенные имъ изъ Месопотаміи, побуждали своего повелителя къ скорому заключенію мира. «Ты имѣешь, говорили они, «враговъ опаснѣе Христіанъ; это Эмиры, «которые хотятъ царствовать на твоемъ «мѣстѣ, и которые безпрестанно превоз- «носятъ свои побѣды, какъ будто не самъ «ты побѣдилъ Франковъ, какъ будто Богъ «Магометовъ не послалъ заразы и глада,

1248 — 1250. «дабы пособить тебѣ воспоржествовать «надъ защитниками Христа: спѣши же окон- «чить войну для утвержденія внутри своей «власти и для начатія своего царствованія.» Слова эти, льстившія гордости Альмоадама, побудили его сдѣлать своимъ противникамъ болѣе снисходительныя предложенія. Султанъ ограничился требованіемъ отъ Французскаго Короля одного милліона золотыхъ *безановъ* и сдачи Даміетты. Святый Людовикъ извѣстясь, что Даміетта не можетъ долѣе противиться, согласился на сдѣланныя ему предложенія, *если Королева одобритъ ихъ.* Когда Мусульмане изъявили нѣкоторое удивленіе, что Король прибавилъ: *Королева моя Дама, я ничего не могу сдѣлать безъ ея согласія.* Министры Султана вторично возвратились и сказали Французскому Монарху, что если Королева заплатитъ требуемую сумму, то онъ получитъ свободу. «Французскій Король, возразилъ онъ, не «выкупается деньгами; для моего освобожде- «нія дадутъ городъ Даміетту, а за свободу «моего воинства заплатятъ милліонъ золо- «тыхъ безановъ (1).» Султанъ согласился

(1) Жуанвилль упоминаетъ о суммѣ пятисотъ тысячъ ливровъ. Дюканжъ написалъ объ этомъ диссертацію, которая мало поясняетъ: надлежало бы прежде всего

на все; и попому ли, что былъ обрадованъ окончаніемъ переговоровъ, или пронулся великимъ характеромъ, показаннымъ плѣннымъ Государемъ, онъ уменьшилъ одною пятою долею сумму, назначенную на выкупъ Христіанскихъ рапниковъ. 1248 — 1250.

Рыцари и Бароны не знали еще о заключеніи договора, и предавались самымъ печальнымъ мыслямъ, какъ вдругъ увидѣли входящаго къ нимъ въ спавку преспарѣлаго Саррацина. Почтенная наружность его, важная поступь внушали уваженіе. Свита его, составленная изъ воиновъ, вселяла страхъ. Старецъ безъ всякихъ предваритпельныхъ рѣчей, спросилъ у плѣнныхъ чрезъ толмача: справедливо ли, что они вѣруютъ въ единаго Бога, рожденнаго отъ жены, распятаго для спасенія человѣческаго рода и воскресшаго на третій день. Когда всѣ единодушно отвѣчали, что исповѣдуютъ сію вѣру: «Въ «такомъ случаѣ, прибавилъ онъ, радуйтесь, «что страдаете за вашего Бога; страданія «ваши слишкомъ малы еще въ сравненіи съ «тѣми, кои претерпѣлъ Онъ за васъ. Воз- «ложите упованіе ваше на Него, и если «Онъ могъ воскреснуть изъ мертвыхъ, то

опредѣлишь, что стоили тогда на наши деньги пятьсотъ тысячъ ливровъ.

1248—1250. «конечно возможетъ также положить ко-
«нецъ бѣдствіямъ, васъ обременяющимъ
«нынѣ.»

При этихъ словахъ Мусульманскій спарецъ удалился, оставивъ крестоносцевъ колеблемыхъ удивленіемъ, страхомъ и надеждою. На другой день объявили имъ, что Король заключилъ перемиріе, и что онъ хочетъ совѣтоваться съ своими Баронами. Иванъ де Валлери, Филиппъ Монфортскій, Гюи и Бодуинъ Ибелинъ потребованы были къ Людовику. Крестоносцы скоро узнали, что неволя ихъ должна прекратиться, и что Король заплатилъ выкупъ какъ за бѣдныхъ, такъ и за богатыхъ. Эти храбрые рыцари, воспоминая о своихъ побѣдахъ, не постигали, какимъ образомъ попали они въ руки зловѣрныхъ; когда же помышляли о своихъ послѣднихъ несчастіяхъ, освобожденіе ихъ представлялось имъ чудомъ. Всѣ громко хвалили Бога и благословляли Французскаго Короля.

Въ договоръ включены были всѣ Палестинскіе города, принадлежавшіе Христіанамъ со дня прибытія крестоносцевъ на Востокъ. Съ той и другой стороны долженствовали возвратить военноплѣнныхъ, взятыхъ со дня перемирія, заключеннаго между Императо-

ромъ Фридерикомъ и Сулпаномъ Меликъ-Ка- 1248—
мелемъ. Положено также, чпобы военные 1250.
запасы и машины Христіанской рапи оспа-
лись временно въ Даміеппѣ подъ защипою
Египепскаго Сулпана.

Съ пой поры думали полько объ исполне-
ніи условій мирнаго договора. Четыре боль-
шія галеры были пригоповлены для перевезе-
нія важнѣйшихъ плѣнниковъ въ устье Нила.
Сулпанъ опправился сухимъ пупемъ изъ
Мансурага въ Фарескуръ.

Послѣ сраженія при Минегѣ, выспроенъ
былъ въ эпомъ городѣ изъ еловаго лѣса об-
ширный дворецъ, о копоромъ современныя
лѣпописи осппавили пышное описаніе. Въ
сихъ-по черпогахъ, Альмоадамъ принималъ
опъ Мусульманъ поздравленія въ счасплив-
момъ окончаніи войны пропивъ враговъ *ислa-
мизма*. Всѣ города, всѣ Сирійскія княже-
спва прислали своихъ посланниковъ для при-
вѣпспвія побѣдипеля Христіанъ. Дамаск-
скій градоначальникъ, къ копорому послалъ
онъ найденный на полѣ сраженія шлемъ
Французскаго Короля, оппвѣчалъ ему: «Богъ,
«безъ сомнѣнія, назначаепъ васъ для завое-
«ванія свѣпа, и вы шеспвуепе опъ побѣды
«къ побѣдѣ; никпо не можепъ въ эпомъ
«усомнишься, попому чпо сами рабы ваши

*

1248 — 1250. «осѣняюпся уже оружіемъ, опняпымъ вами «у Царей.» Такимъ образомъ юный Сулпанъ упивался похвалами, проводилъ время среди пирпшеспвъ и удовольспвій мира, забывая забопы государспвенныя, и не предвидя опасноспей, угрожавшихъ ему посреди его поржеспва.

Альмоадамъ подвергъ опалѣ и опсппавилъ опъ должноспей многихъ Миниспровъ и слугъ своего опца; большая часпь Эмировъ опасались подобной же немилосши, и эпо самое опасеніе побуждало ихъ презрѣпь все для сохраненія своего счаспія и своей жизни. Между недовольными опличались особенно Мамелюки и ихъ предводипель, войско, копораго начало восходило до Саладина, и копорое получило больпія преимущеспва въ предъидущемъ царспвованіи. Они упрекали Сулпана въ предпочтеніи молодыхъ любимцевъ спарымъ воинамъ, опорамъ преспола и спасипелямъ Египпа. Упрекали его въ заключеніи мира, не совѣпуясь съ пѣми, копорые несли пягоспь войны; въ раздачѣ опняпой добычи царедворцамъ, коихъ весь прудъ сосповлъ въ помъ полько, чпо припли съ береговъ Евфрапа на берега Нила. Чпобы оправдапь напередъ все, чпо можно было предприняпь пропивъ Государя, ему

самому приписывали самыя гнусныя намѣре- 1248—
нія, и возраждающійся мятежъ разгорался 1250.
при разсказѣ о будущихъ гоненіяхъ. Назы-
вали по именамъ Эмировъ, обреченныхъ на
смерть; орудія казни, день исполненія ея,
все было назначено, готово. Видѣли, какъ
Султанъ среди ночнаго пиршества, опсѣ-
кая саблею свѣчи въ своихъ покояхъ,
восклицая, что такъ прикажетъ отрубить
головы всѣмъ Мамелюкамъ. Одна женщина
оживляла духъ воиновъ своими рѣчами: по
была Султанша Шегжера-Эддуръ, которая
нѣсколько времени располагала Имперіею, и
не могла терпѣливо сносить пренебреженій
новаго Султана. Отъ жалобъ скоро перешли
къ открытому бунту; ибо гораздо менѣе
предстояло опасности напасть на Государя
съ мечемъ въ рукахъ, нежели долго воору-
жаться противъ него словами. Составился
заговоръ, въ который вступили Мамелюки
и всѣ Эмиры, иные изъ страха, другіе,
чтобъ отмстить нанесенныя имъ обиды.
Заговорщики пылали нетерпѣніемъ исполнить
свое намѣреніе, и опасаясь, чтобы Султанъ,
по прибытіи въ Даміетту, не избѣгнулъ уда-
ровъ ихъ, рѣшились убить его въ Фарескурѣ.

Галеры съ Христіанскими плѣнниками при-
были предъ этотъ городъ. Король вышелъ

1248 — 1250. на берегъ съ Принцами, братьями своими, и былъ принятъ въ одной спавкѣ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Сулпаномъ. Исторія ничего не говоритъ объ этой бесѣдѣ двухъ Государей, обращавшихъ на себя равное вниманіе, и которыхъ положеніе было столь различно; одинъ былъ упоенъ своими побѣдами, ослѣпленъ своимъ счастіемъ; другой, побѣдивъ злой жребій, съ вящшимъ величіемъ выходилъ изъ школы злополучія.

Оба Государя назначили для сдачи Дамієпты Суббопу, сочельникъ Вознесенія Господня. Сообразно съ этимъ условіемъ, крестоносцамъ, болѣе мѣсяца томившимся въ оковахъ, оставалось страдать въ неволѣ только три дня; но ихъ ожидали новыя несчастія, и долженствовали еще испытать ихъ мужество и твердость. На другой день прибытія ихъ предъ Фарескуръ, Каирскій Султанъ, въ честь заключеннаго мира, хотѣлъ дать праздникъ главнымъ начальникамъ Мусульманскаго войска. Заговорщики воспользовались этимъ случаемъ; подъ конецъ пиршества, они бросились на него съ обнаженными мечами. Бондокдаръ нанесъ ему первый ударъ. Альмоадамъ, раненный только въ руку, вспаетъ въ ужасѣ, скрывается сквозь неподвижную свою стражу, удаляется въ ба-

шню, запираетъ ворота, и потомъ показы- 1248—
вается въ окнѣ, по прося помощи, по спра- 1250.
шивая заговорщиковъ, чего они отъ него
пребуютъ. Посланникъ Калифа Багдадскаго
находился тогда въ Фарескурѣ. Онъ садился
уже на лошадь, когда Мамелюки начали гро-
зить ему смертію, если онъ не возвратится
въ свою ставку. Въ то же время нѣсколько
барабанщиковъ ударили тревогу и подали
знакъ къ сбору войска; но начальники бун-
та говорятъ солдатамъ, что Даміетта взя-
та и все войско устремляется къ этому
городу; Султанъ остается одинъ съ своими
убійцами. Мамелюки обвиняютъ его и угро-
жаютъ ему. Онъ хочетъ оправдаться; слова
его теряются въ шумѣ. Тысяча голосовъ
кричатъ ему, чтобы онъ сошелъ внизъ; онъ
колеблется, вздыхаетъ, плачетъ; стрѣлы
осыпаютъ башню; греческій огонь, брошен-
ный со всѣхъ сторонъ, воспламеняетъ по-
жаръ. Альмоадамъ, угрожаемый огнемъ, бро-
сается въ окно; епанча его задѣваетъ за
гвоздь, и онъ съ минуту виситъ въ воздухѣ.
Наконецъ онъ падаетъ на землю; сабли, об-
наженные мечи подняты надъ нимъ; онъ бро-
сается на колѣна предъ Октаемъ, однимъ
изъ главныхъ начальниковъ своей стражи,
который съ гнѣвомъ отталкиваетъ его.

1248 — 1250. Несчастный Государь встаетъ, протягивая руку ко всѣмъ, говоря, что оставляетъ Египетскій престолъ, и хочетъ возвратиться въ Месопотамію. Эти просьбы, недостойныя Государя, внушали болѣе презрѣнія, нежели жалости; между тѣмъ скопище злоумышленниковъ было въ нерѣшимости; но начальники заговора очень хорошо знали, что единственное спасеніе заключалось въ довершеніи начатаго преступленія. Бондокдаръ, нанесшій первый ударъ Султану, поражаетъ его вторично своею саблею; Альмоадамъ бѣжитъ весь окровавленный, бросается въ Нилъ, и старается добраться до нѣкоторыхъ судовъ, кои, казалось, приближались къ берегу, чтобы его принять; девять Мамелюковъ устремляются за нимъ въ воду и умерщвляютъ его въ виду галеры, на которой находился Жуанвилль (1).

Таковъ былъ конецъ Альмоадама, который не умѣлъ ни царствовать, ни умереть. Арабскіе Писатели замѣчаютъ, какъ чрезвычайное событіе, что онъ погибъ въ одно

(1) См. объ этомъ происшествіи *выписку изъ Продолжателя Табари* (Bibliographie des Croisades tome VI), и Исторію Святаго Людовика, писанную Жуанвилемъ. Подробности, сообщаемыя сими обоими писателями, совершенно между собою сходны.

время опъ желѣза, огня и воды. Тѣ же Писа- 1248 —
пели единодушно говоряпъ, чпо онъ самъ 1250.
довелъ себя до погибели своимъ неблагора-
зумiемъ и своею несправедливоспiю. Впро-
чемъ, восточная Исторiя, привыкшая пре-
возносипь успѣхи и порицапь всѣхъ погиб-
шихъ, упоминаепъ о жалобахъ Мамелюковъ
безъ всякаго ихъ изслѣдованiя; и коснувшись
слегка эпого переворопа, довольспвуепся
словами: *Когда Богъ хощетъ какого-либо
событiя, то сперва готовитъ причины
онаго.*

Нилъ и берегъ его предспавляли погда
два зрѣлища соверпенно различныя: съ одной
спороны видѣли Государя, посреди всего
земнаго величiя, во всемъ великолѣпiи побѣды,
умерщвляемаго собспвенною своею спражею;
съ другой, Государя несчаспнаго, окружен-
наго своими рыцарями несчаспными подобно
ему, внушающаго имъ болѣе уваженiя въ
своемъ злополучiи, нежели когда былъ окру-
женъ всѣмъ блескомъ счаспiя и могущеспва.
Французскiе рыцари и Бароны, хопя были
жерпвами варварспва Сулпанова, ощупили
однако, при видѣ прагической его смерпи,
болѣе удивленiя, нежели радоспи; они не
могли изъяснипь себѣ преспупленiя Маме-
люковъ, и эпи перевороты воинскаго деспо-

1248 — 1250. тизма въ борьбѣ съ самимъ собою, наполняли ихъ ужасомъ.

Послѣ этого кроваваго зрѣлища, придцать Саррацинскихъ офицеровъ, съ обнаженными мечами въ рукахъ, и неся на плечахъ бердыши, взошли на галеру, гдѣ находились Графы Бретанскій, Монфорпскій, Бодуинъ и Гюи д'Ибелинъ, и Сиръ де Жуанвилль. Эпи неисповые люди, изрыгая проклятія и грозя голосомъ и жестами, заставили думать плѣнныхъ, что *наступилъ ихъ послѣдній часъ.* Уже Христіанскіе воины готовились къ смерти, и бросясь на колѣна предъ однимъ инокомъ Святой Троицы, просили у него отпущенія своихъ прегрѣшеній; но Священникъ не могъ ихъ выслушать всѣхъ разомъ, и они исповѣдывались другъ другу; Гюи д'Ибелинъ, Коннетабль Кипрскій, *исповѣдался* Жуанвиллю, который далъ ему *такое разрѣшеніе, какое было дано Богомъ въ его власть.* Такъ въ послѣдствіи Исторія представляетъ рыцаря Баярда, смертельно раненнаго и при послѣднемъ издыханіи, исповѣдующаго грѣхи свои подъ дубомъ одному изъ своихъ вѣрныхъ сорапгниковъ.

Впрочемъ, эпи угрозы, эпи насилія Эмировъ могли имѣть цѣль политическую. Послѣ

заговора, копорый долженспвовалъ раздѣлипь умы, пробудипь новыя спрасши, нужно было начальникамъ возжечь изувѣрспво полпы народной и направипь всю яроспь его противъ Христіанъ. Имъ надлежало внушипь, и сами они могли полагапь, чпо Альмоадамъ, убипый передъ Христіанскими галерами, искалъ убѣжища между врагами *ислализма*. 1218 — 1250.

Вельможи и Бароны не испыпали участи, копорой они спрашились; впрочемъ, какъ бы опасаясь ихъ предпріяпій, ихъ бросили въ прюмъ, гдѣ они провели ночь, имѣя всегда предъ глазами ужасный видъ смерпи.

Людовикъ, заключенный въ спавкѣ съ своими брапьями, слышалъ шумъ. Не зная ничего, онъ думалъ, чпо убивали Французскихъ плѣнныхъ, или чпо Мусульмане взяли Дамиеппу. Онъ былъ въ спрашномъ безпокойспвѣ, какъ увидѣлъ вошедшаго къ нему начальника Мамелюковъ Окпая. Эпопъ Эмиръ приказалъ выйпи Королевской спражѣ, и показывая окровавленный мечь, сказалъ: «Альмоадамъ уже не сущесшвуепъ; чпо дашь «мнѣ за по, чпо освободилъ тебя опъ «врага, помышлявшаго о пвоей и нашей «гибели?» Людовикъ молчалъ. Тогда, показавъ осшріе своего меча: «Развѣ не знаешь, при«бавилъ яросшный Эмиръ, чпо пы въ моей

1248 — 1250. «власти? Сдѣлай меня рыцаремъ, или ты «погибъ. — Сдѣлайся Христіаниномъ, отвѣ- «чалъ Монархъ, и я сдѣлаю тебя рыцаремъ.» Окпай, не говоря ни слова болѣе, удалился, и чрезъ коротkое время, ставка Короля наполнена была Саррацинскими воинами, вооруженными саблями и мечами. Ихъ поступь, ихъ крики, бѣшенство, начертанное на лицахъ, довольно показывали, что они совершили великое преступленіе, и что готовы совершить еще и другія; но по нѣкоему чуду, перемѣнивъ вдругъ свое обращеніе и рѣчи при видѣ Монарха, они подошли къ нему съ благоговѣніемъ; потомъ, какъ бы почувствовавъ въ присутствіи Людовика необходимость оправдать себя, они сказали ему, что были принуждены убить тирана, который хотѣлъ погубить ихъ, хотѣлъ погубить Христіанъ; надобно, прибавили они, забыть прошедшее: въ будущемъ они требовали одного лишь вѣрнаго исполненія договора, заключеннаго съ Альмоадамомъ. Потомъ, приложивъ руки къ чалмамъ, поклонясь до земли, они удалились въ молчаніи, и оставили Государя въ удивленіи, при видѣ сего внезапнаго перехода отъ порывовъ своеволія къ чувствамъ почтенія.

Это странное явленіе подало поводъ нѣкоторымъ Историкамъ утверждать, что Мамелюки предлагали Египетскій престолъ Святому Людовику. Мнѣніе это получило болѣе довѣренности въ наше время: такъ легко вѣримъ мы всему, что кажется благопріятствуетъ славѣ Французскаго имени (1). Жуанвилль, котораго приводятъ для подкрѣпленія этого показанія, упоминаетъ только о бывшемъ у него съ Людовикомъ разговорѣ. Король спрашиваетъ его, какъ должно поступить въ такомъ случаѣ, если бы Эмиры предложили ему верховную власть? Добрый Сенешаль никакъ не понималъ, что можно принять корону изъ рукъ *сихъ мятежныхъ Эмировъ, которые изгубили своего повелителя;* но Людовикъ, не раздѣляя этого мнѣнія, сказалъ, что по истинѣ, если бы предложили ему наслѣдовать Султану, то *онъ отъ того бы не отказался* (il ne l'eût mie refusé). Одни эти слова (2) 1248—1250.

(1) *Прим. Рус: Перев.* Французскій Авторъ говоритъ здѣсь объ однихъ только своихъ соотечественникахъ.

(2) Мы справлялись сперва съ изданіемъ *Дюканжа;* съ удивленіемъ нашли мы описаніе и выраженія совершенно различныя въ изданіи *Капероньe*, иначе называемомъ *Луврскимъ:* во всякомъ случаѣ, ни изъ того, ни изъ другаго толкованія нельзя заключить, чтобы дѣлали какое-либо предложеніе Людовику IX.

1248 — 1250. достаточно доказываютъ, что ничего не было предлагаемо плѣнному Государю. Жуанвилль, правда, присовокупляетъ къ своему повѣствованію, по слухамъ разнесшимся въ Христіанской рати, что Эмиры велѣли бить въ барабаны и играть на трубахъ предъ ставкою Французскаго Короля, и что въ то же время они разсуждали между собою о томъ, дать ли свободу своему плѣннику и сдѣлать ли его своимъ повелителемъ. Жуанвилль говоритъ объ этомъ, не подтверждая того; и такъ какъ восточная Исторія хранитъ даже о семъ происшествіи глубочайшее молчаніе, то Историкъ не можетъ нынѣ принять его за истину, не навлекши на себя упрека въ невѣроятности. Безъ сомнѣнія Эмиры могли изъявить желаніе найти между собою Государя, который бы имѣлъ твердость, мужество и добродѣтели Людовика IX; но какъ повѣрить тому, что Мусульмане, одушевляемые сугубымъ изступленіемъ вѣры и войны, могли поколебаться хотя на минуту мыслею, избрать повелителя между Христіанами, съ которыми только что обращались съ безпримѣрнымъ безчеловѣчіемъ, и вручить такимъ образомъ свои имущества, свободу и жизнь въ руки непримиримѣйшихъ враговъ

своей земли, своихъ законовъ и своего вѣро- 1248—
исповѣданія. 1250.

Впрочемъ, верховная власть, къ которой Эмиры показали столько зависти, и которую исторгли съ такою жестокостію изъ рукъ Альмоадама, сначала, казалось, устрашила ихъ честолюбіе, когда они могли располагать ею по произволу. Въ Совѣтѣ, созванномъ для назначенія Султана, умнѣйшіе опказались отъ опасной чести царствовать надъ страною, раздираемою междоусобіями, и начальствовать воинствомъ, исполненнымъ мятежнаго духа. Послѣ ихъ отказа возложили корону на Шегжеру-Эддуръ, которая принимала столько участія въ возвышеніи, а потомъ въ паденіи Альмоадама. Для управленія съ нею въ качествѣ *Атабека* (Дядьки), избрали *Эзз-Эддина Аибека*, который приведенъ былъ изъ Египта, какъ невольникъ, и котораго варварское происхожденіе заставило именовать *Туркоманомъ*.

Новая Султанша прибыла вскорѣ въ Фарескуръ, и была провозглашена подъ именемъ *Мостассемиги Салегиги, Царицы Мусульманъ, матери Малекъ-Алманзора Калиля*. Алманзоръ Калиль, юный Князь, сынъ Негмеддина, умеръ прежде

1248 — 1250. смерти отца своего. Такъ прекратилась могущественная династія Айубитовъ, династія основанная побѣдою и низпровергнутая воинствомъ, которое, возгордясь одержанными успѣхами, содѣлалось мятежнымъ. Между тѣмъ, какъ занимались образованіемъ новаго правленія, трупъ Альмоадама брошенъ былъ на берегу Нила, гдѣ оставался два дня безъ погребенія. Посланникъ Калифа Багдадскаго получилъ наконецъ позволеніе погребсти его, и предалъ землѣ въ уединенномъ мѣстѣ печальные остатки послѣдняго изъ преемниковъ Саладина.

Возведеніе на престолъ Шегжеры-Эддуръ изумило Мусульманъ; еще никогда имя женщины и невольницы не вырѣзывалось на монетахъ и не произносилось во всенародныхъ молитвахъ. Калифъ Багдадскій возсталъ противъ соблазна этого нововведенія; и когда въ послѣдствіи писалъ къ Эмирамъ, то спрашивалъ ихъ, уже ли не нашли они во всемъ Египтѣ ни одного мужа, для управленія собою. Верховная власть, отданная въ руки женщины, не могла обуздать страстей волновавшихъ имперію, ни заставить уважать договоры, что содѣлалось весьма пагубнымъ для Христіанъ, осужденныхъ страдать по-

перемѣнно опъ мяпежей и покорноспи, опъ 1248 —
согласія и раздора своихъ непріяпелей. 1250.

Между Эмирами, одни хопѣли исполненія перемирія на условіяхъ положенныхъ съ Сулпаномъ; другіе, пребовали заключенія новаго договора; нѣкопорые же негодовали на по, чпо производили договоры съ невѣрными. Наконецъ, послѣ продолжипельныхъ споровъ, обрапились къ прежнему рѣшенію, присовокупивъ къ пому условіе, чпобы Французскій Король сдалъ Даміеппу до полученія своей свободы, и прежде, нежели оспавипъ берега Нила, заплапилъ бы половину суммы, назначенной за выкупъ его и его войска. Сіи послѣднія условія обнаруживали недовѣрчивоспь Эмировъ, и вселяли опасеніе, чпо день освобожденія не наспупилъ еще для Христіанскихъ плѣнниковъ.

Когда дошло дѣло до кляпвы въ соблюденіи договора, по съ пой и другой спороны были предложены формулы. Эмиры клялись, чпо если не исполняпъ своихъ обѣщаній, «по соглашаюпся быпь осмѣяны, какъ по-
«клонникъ, идущій въ Мекку съ обнаженною
«головою, или быпь презираемы, какъ попъ,
«кпо берепъ обрапно своихъ женъ, имъ бро-
«шенныхъ.» Мусульмане, по своимъ нравамъ и обычаямъ, не имѣли поржественнѣйшихъ

1248 — 1250. выраженій для обезпеченія своей кляпвы. Людовику IX предложили формулу кляпвы оскорбипельную для Бога и его самаго. Онъ опказался произнесши ее. Тщепно Эмиры грозили ему своимъ гнѣвомъ, онъ презрѣлъ ихъ угрозы. Эпо упорспво Свяпаго Людовика, прославляемое современниками, не получипъ, можепъ быпь, подобныхъ похвалъ въ вѣкѣ, въ копоромъ мы живемъ. Впрочемъ, должно помнипь, чпо Король въ эпомъ случаѣ удерживался не одною только разборчивоспію излишней набожноспи, но пакже чувспвованіемъ Царскаго доспоинспва. Въ Трепьемъ Кресповомъ походѣ, Ричардъ и Саладинъ почипали недоспойнымъ величія Царей порабощапь слова свои кляпвенному обряду; для упвержденія мира, они удовольспвовались взаимнаго рукопожапія. Мяпежные Эмиры, еще обагренные кровію своего повелипеля, конечно не поспигали доспоинспва верховнаго сана; но Людовикъ никогда не забывалъ въ важныхъ случаяхъ, чпо онъ былъ великій Монархъ; и подозрѣніе въ кляпвопреспупленіи, единая мысль богохуленія, не могли согласипься въ умѣ его съ харакперомъ Хриспіанскаго Государя и Французскаго Короля.

Мусульмане, раздраженные видомъ Короля въ оковахъ, предписывающаго имъ законы и

пропивящагося ихъ пребованіямъ, уже по- 1248—
мышляли объ умерщвленіи Людовика IX по- 1250.
среди мученій: «Вы властелины моего пѣла,
«сказалъ онъ, но не можете располагать
«моею волею.» Принцы, его братья, умоляли
его произнести пребуемую клятву; онъ не
преклонился просьбами дружбы точно такъ,
какъ пропивился угрозамъ своихъ непріятелей. Увѣщанія Прелатовъ не имѣли болѣе успѣха. Наконецъ, Мамелюки приписывая столь упорное сопротивленіе Патріарху Іерусалимскому, схватили этого восьмидесятилѣтняго Прелата, привязали его къ столбу и стянули его руки такъ крѣпко, что кровь брызнула изъ нихъ. Патріархъ опъ же спокой боли кричалъ: *Государь, Государь, клянись, я беру грѣхъ на себя.* Людовикъ, убѣжденный, что наносятъ обиду его честности, что пребуютъ отъ него поступка несправедливаго и безчестнаго, остался непоколебимъ. Наконецъ Эмиры, побѣжденные толикою твердостію, удовольствовались простымъ словомъ Людовика, и удалились, говоря, что *этотъ Франкскій Государь былъ горделивѣйшій Христіанинъ, какого когда-либо видѣли на Востокѣ.*

Съ того времени занимались однимъ только исполненіемъ договора. Галеры, везшія плѣн-

1248 — 1250. ныхъ, снялись съ якоря и поплыли внизъ къ успью Нила, между тѣмъ, какъ Мусульманская рапь подвигалась впередъ сухимъ путемъ. Христіане долженствовали сдать Даміетту на другой день по утру. Не возможно описать смятенія, унынія, отчаянія, царствовавшихъ въ городѣ въ продолженіе всей ночи. Несчастные жители бѣгали по улицамъ, вопрошали другъ друга съ безпокойствомъ. Повсюду разносились самыя грустныя вѣсти; говорили, что все Христіанское войско избито Мусульманами, что Король Французскій отправленъ. Когда получено повелѣніе очистить крѣпость, большая часть воиновъ громогласно объявили, что не хотятъ повиноваться, и что лучше желаютъ умереть на спѣнахъ, нежели пролить кровь свою въ плѣну.

Въ то же время воспламенялись умы и въ Мусульманской рати. Повторяли, что Французскій Король не хочетъ исполнить договора, и что онъ приказалъ защищаться Даміеттской спражѣ. Воины и вожди ихъ раскаевались, что заключили перемиріе съ Франками и, казалось, намѣрены были воспользоваться малѣйшимъ предлогомъ, чтобы прервать его.

Между тѣмъ повѣренные Людовика IX убѣдили Христіанъ запертыхъ въ Даміеттѣ

очистить городъ. Королева Маргарита, едва оправившаяся отъ родовъ, велѣла перевезти себя на Генуэзскій корабль. Ей сопутствовали Герцогиня Анжуйская, Графиня Пуатье и злополучная вдова Графа Артуа, которая посреди настоящихъ бѣдствій, оплакивала еще первое несчастіе этой войны. Передъ разсвѣтомъ, начальникъ гарнизона, Оливье де Термъ, Герцогъ Бургундскій, Легатъ Папскій и всѣ Франки, за исключеніемъ больныхъ оставшихся въ городѣ, сѣли на суда на рѣкѣ Нилѣ. 1248—1250.

Жоффруа де Сержинъ, вошедъ въ крѣпость, вручилъ ключи ея Эмирамъ, и первые лучи солнца озарили развѣвающіяся Мусульманскія знамена на башняхъ и на стѣнахъ. При видѣ сего все Египетское войско съ шумомъ устремилось въ городъ. Распространившіеся ночью слухи, возбудили ярость солдатъ; они вступили въ Даміетту, какъ будто кровопролитное сраженіе отворило имъ врата ея; умертвили больныхъ, которыхъ нашли тамъ, разграбили домы и сожгли военныя машины, оружіе и всѣ запасы, принадлежавшіе Христіанамъ.

Это первое нарушеніе договоровъ, исступленіе душегубства, безнаказанность своевольія воспламенили еще болѣе умы Мусульманъ,

1248 — 1250. и побудили ихъ къ величайшимъ неистовствамъ. Эмиры, раздѣляя бѣшенство воиновъ, возъимѣли мысль погубить всѣхъ Христіанскихъ плѣнниковъ. Уже галеры, на коихъ находились Бароны и Французскіе рыцари, получили приказаніе возвратиться къ Фаескуру, *что причинило между нами великую печаль*, говоритъ Жуанвилль, *и много слезъ пролилось изъ нашихъ глазъ, ибо мы всѣ думали, что насъ умертвятъ.*

Пока галеры подымались по Нилу, вожди Мусульманской рати разсуждали въ Совѣтѣ объ участи Французскаго Короля и всѣхъ Французскихъ воиновъ. «Мы, повелители «Даміетты, говорилъ одинъ изъ Эмировъ; «могущественный Государь Франковъ и его «храбрѣйшіе воины могутъ получить отъ «насъ смерть или свободу. Судьба пред- «ставляетъ намъ случай обезпечить навсе- «гда спокойствіе Египта и торжество *ислa-* «*тизма;* мы проливали съ равнодушіемъ «кровь Государей Мусульманскихъ; уже ли «станемъ уважать кровь Христіанскихъ Го- «сударей, пришедшихъ на Востокъ испепе- «лить наши грады и поработить наши обла- «сти?» Это мнѣніе раздѣляемо было народомъ и воинствомъ, и большая часть Эмировъ,

увлекаемые всеобщимъ духомъ, говорили тоже самое. Мавританскій Эмиръ, имя котораго сохранено Жуанвиллемъ, возсталъ почти одинъ противъ этого нарушенія законовъ войны и мира. «Вы умертвили, сказалъ «онъ, вашего Государя, котораго Коранъ «повелѣвалъ вамъ *беречь, какъ зѣницу ва-* «*шего ока.* Эта смерть была безъ сомнѣ- «нія необходима для вашей безопасности; «но чего можете вы ожидать отъ поступка «вамъ предлагаемаго, кромѣ гнѣва Божія и «проклятія людей?» Слова эти были пре- рваны ропотомъ; языкъ разсудка только раз- дражалъ ненависть и изувѣрство. Такъ какъ буйныя страсти всегда находятъ причины оправдать въ своихъ глазахъ свои собствен- ныя неисповѣдства, то крестоносцевъ обви- нили въ вѣроломствѣ, въ измѣнѣ и во всѣхъ умышляемыхъ противъ нихъ преступленіяхъ. Не было ни одного обвиненія, которое не казалось бы правдоподобнымъ, ни одного на- силія, которое не казалось бы справедли- вымъ. «Если Коранъ повелѣваетъ Мусуль- «манамъ печись о жизни своихъ Государей, «то онъ также повелѣваетъ имъ печись о «сохраненіи Мусульманской вѣры; смерть «должна быть наградою тѣхъ, которые при- «несли смерть, и кости ихъ должны побѣ-

1218 — 1250.

1248 — 1250. «лѣпь на пѣхъ самыхъ равнинахъ, кои они «опуспошили. Того пребовали благосостоя- «ніе Египпа и законы Пророка.»

Въ слѣдъ за совѣщаніемъ весьма бурнымъ, уже готовы были произнести роковой приговоръ надъ плѣнными; но корысполюбіе поспѣшило наконецъ на помощь человѣчеспву и правосудію; Эмиръ, подавшій голосъ въ пользу плѣнныхъ Христіанъ, повпорилъ нѣсколько разъ, *что мертвые не платятъ выкупа:* наконецъ сознались, чпо мечь, умерпвивъ крепоносцевъ, умалипъ только побѣду, и лишипъ побѣдителей плода ихъ трудовъ. Это замѣчаніе успокоило умы и перемѣнило мнѣнія. Спрахъ поперяпь восемьсопъ пысячъ золопыхъ безановъ, внушилъ уваженіе къ договору, и спасъ жизнь Короля Французскаго и соповарищей его несчаспія.

Эмиры опдали приказъ возвращипься галерамъ обрапно къ Даміепипѣ. Мамелюки возъимѣли вдругъ чувспвованія миролюбивѣе; и по еспесспвенному побужденію полпы переходипь изъ одной крайноспи въ другую, начали изъявляпь всевозможные знаки госпепріимспва пѣмъ, копорыхъ за нѣсколько часовъ предъ симъ, хопѣли предапь смерпи. Когда плѣнные доспигли города, имъ роздали

лепешки, печеныя на солнцѣ, и яицы, *кои* 1248—
изъ отличнаго уваженія къ нашимъ 1250.
особамъ, говоритъ Жуанвилль, *расписаны были различными красками.*

Рыцари и Бароны получили наконецъ позволеніе оставить суда, служившія имъ темницами, и присоединиться къ Королю, котораго многіе изъ нихъ не видѣли со дня злоключенія при Минетѣ. Когда они выходили изъ своихъ кораблей, Людовикъ шелъ къ устью Нила, сопровождаемый Мусульманскими воинами; безчисленная толпа народа слѣдовала за нимъ, и въ молчаніи разсматривала оружіе, черты и поступь Христіанскаго Государя. Генуэзская галера ожидала его; едва лишь онъ взошелъ на нее, какъ восемьдесятъ спрѣлковъ, съ напянутыми луками, показались вдругъ на палубѣ: толпа Египтянъ немедленно разсѣялась, и галера удалилась отъ берега. Людовикъ имѣлъ при себѣ Графа Анжуйскаго, Графа Суассонскаго, Жоффруа де Сержина, Филиппа Немурскаго и Сенешаля Жуанвилля. Графъ Пуатье оставался въ Даміеттѣ, какъ заложникъ до совершенной уплаты четырехъ сотъ тысячъ золотыхъ безановъ, которые Король долженствовалъ представить Эмирамъ прежде своего отплытія въ море. У Людовика IX

1248 — 1250. не доставало придцати тысячъ ливровъ: для полученія ихъ обратились къ Тампліерамъ; сіи, къ великому негодованію рыцарей и Бароновъ, сначала отказали, и повиновались не прежде, какъ послѣ угрозъ, что употребятъ силу. Требуемая сумма по договору была выплачена Саррацинамъ. Графъ Пуатье оставилъ Даміетту и все уже готово было къ отъѣзду, когда Филиппъ Монфортскій, на коего возложена была уплата денегъ, явился къ Королю съ отчетомъ и донесъ, что Эмиры были обмануты на десять тысячъ ливровъ; Людовикъ принялъ это съ неудовольствіемъ и отослалъ обратно Филиппа Монфортскаго въ Даміетту отдать эту сумму: урокъ справедливости, который онъ хотѣлъ дать въ одно время своимъ врагамъ и своимъ подданнымъ! Объ этомъ послѣднемъ порученіи упоминаетъ одинъ Арабскій Писатель, который приписываетъ ему весьма странную и смѣшную причину. Онъ говоритъ, что Филиппъ Монфортскій былъ посланъ къ Эмирамъ сказать имъ, что они не имѣли ни вѣры, ни разсудка; вѣры, потому что умертвили своего повелителя; разсудка, потому что выпустили за малую сумму сильнаго Государя, который далъ бы имъ половину своего царства, для

искупленія своей свободы. Это маловѣроятное переполкованіе, по крайней мѣрѣ открываетъ намъ мнѣніе, господствовавшее тогда на Востокѣ, гдѣ Египетскихъ Эмировъ упрекали въ умерщвленіи своего Султана, и въ дарованіи пощады своему непріятелю. 1218—1250.

Скоро Людовикъ IX, съ бѣдными оспаками своей рати, оставилъ устье Нила, и въ короткое время прибылъ въ Птолемаиду, гдѣ народъ и духовенство еще молились объ его освобожденіи. 1250—1255.

Египетъ праздновалъ сдачу Даміетты всенародными увеселеніями. Мусульманское войско выступило изъ своего стана и возвратилось въ столицу: Султанша Шегжера-Эддуръ приказала раздать вождямъ золотые и серебряные камзолы; щедроты ея простерлись и на простыхъ воиновъ. Одинъ Арабскій Поэтъ сочинилъ на сей случай стихи, сохраненные Исторіею, и въ которыхъ замѣчательно слѣдующее мѣсто:

«*Когда увидишь этого Француза* «(Французскаго Короля), *скажи ему эти* «*слова одного искренняго друга:*

«*Ты прибылъ въ Египетъ; ты пожи-* «*ралъ глазами его богатства; ты ду-* «*малъ, что силы его испарятся какъ* «*дымъ.*

1250—1255. *«Взгляни теперь на рать свою; смо-*
«три, какъ ты своимъ неблагоразум-
«нымъ поведеніемъ ввергнулъ ее въ нѣдра
«смерти.

«Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ! и
«нѣтъ ни одного, который не былъ бы
«убитъ, взятъ въ плѣнъ, или изъязвленъ
«ранами!

«Но если онъ покусится притти
«отмщать свое пораженіе; если ка-
«кая-либо причина снова приведетъ
«его въ эти мѣста;

«Скажи ему, что для него готовъ
«домъ сына Локманова; и что тамъ
«найдетъ онъ опять и свои цѣпи и
«евнуха Сабига (1). »

Въ то время, какъ Людовикъ IX выходилъ на берега Палестинскіе, всеобщее уныніе господствовало на Западѣ; какъ по обыкновенно случается въ отдаленныхъ войнахъ, молва сначала распространила въ народѣ вѣсти самыя необычайныя о походѣ крестоносцевъ. Уже всѣмъ казалось, что знамена Христіанъ развѣваются на стѣнахъ Каира

(1) Эти Арабскіе стихи переведены на Французскій языкъ Г. Аббатомъ Рено (Reinaud). Смот. извлеченіе изъ Абульфеды, tome VI, *Bibliographie des Croisades.*

и Александріи; но скоро за этими новостями послѣдовали другіе слухи, возвѣщавшіе великія бѣдствія. Самые чудесные разсказы принимаемы были во Франціи съ чрезвычайнымъ легковѣріемъ; несчастіямъ не хотѣли вѣрить, и первые, говорившіе объ нихъ, преданы были въ руки правосудія, какъ враги вѣры и отечества. Между тѣмъ зловѣщіе слухи не замедлили подтвердиться; отъ чрезмѣрной радости перешли къ чрезмѣрной печали; въ государствѣ не было семейства, которое не оплакивало бы потери, нанесенной злоключеніями, въ горестной истинѣ коихъ наконецъ удостовѣрились. Но для всѣхъ Французовъ самое жестокое несчастіе, уничтожившее всякую надежду на исправленіе бѣдствій, и несчастіе неутѣшное для каждаго, было плѣнъ Короля; танцы, празднества, зрѣлища (1), все что отзывалось радостію, было запрещено: Государство, погруженное въ печаль и уныніе, уподоблялось тѣмъ городамъ, которые, по словамъ Священнаго Писанія, угрожаемые небеснымъ гнѣвомъ, 1250—1255.

(1) Матвѣй Парисъ представляетъ любопытныя подробности о дѣйствіи, которое произведено было извѣстіемъ о плѣнѣ Короля (См. разборъ Матвѣя Париса въ V части).

1230—1255. предавались горести и покрывались печальными одеждами покаянія.

Церковь повсемѣстно оплакала горькими слезами сполъ великое несчастіе; Отецъ вѣрныхъ едва не отчаялся въ спасеніи Христіанства. Онъ отправилъ письма, исполненныя горести ко всѣмъ Государямъ, ко всѣмъ Прелатамъ на Западѣ. Предписалъ Духовенству чинить всенародныя молебствія; увѣщевалъ вѣрныхъ поднять оружіе. Иннокентій писалъ къ Королевѣ Бланкѣ, чтобы ее утѣшить, къ Людовику IX, чтобы поддержать его среди злополучія. Обращаясь къ Французскому Королю, онъ съ удивленіемъ видѣлъ столько несчастій и столько добродѣтелей, соединившихся въ одномъ человѣкѣ, и вопрошалъ Бога, за что Его правосудіе подвергло благочестивѣйшаго изъ Государей столь великимъ злоключеніямъ.

Англія была также огорчена плѣненіемъ Францускаго Монарха; Бароны и рыцари вознегодовали на своего Короля, воспретившаго имъ итти на Востокъ раздѣлять опасности крестоносцевъ. Король Кастильскій, воевавшій тогда съ Саррацинами, помышлялъ только объ однихъ бѣдствіяхъ Христіанъ за-моремъ, и поклялся итти сражаться съ зловѣрными побѣдителями на бе-

регахъ Нила или Іордана: ни одинъ изъ Западныхъ Государей не обнаружилъ столько печали, какъ Фридерикъ II, Императоръ Германскій; въ письмахъ своихъ, онъ говорилъ о Французскомъ Королѣ, какъ о лучшемъ своемъ другѣ, горестно оплакивалъ бѣдствія Крестоваго похода. Императоръ, все еще раздраженный противъ Римскаго Престола, не пропустилъ этого случая обвинить Иннокентія, котораго упрекалъ въ погибели Христіанъ. Фридерикъ отправился въ Сицилію для вооруженія флота, который могъ бы доставить скорое пособіе крестоносцамъ; во ожиданіи, пока корабли его будутъ готовы къ отплытію, онъ отправилъ на Востокъ посольство, просить Египетскаго Султана объ освобожденіи Людовика IX и его воинства. 1250—1255.

Посреди всеобщаго унынія, одинъ только Христіанскій городъ обнаружилъ нѣкоторую радость; Флоренція (1), по свидѣтельству Виллани, праздновала торжествами неудачи Французскихъ крестоносцевъ. Нѣсколько пиратовъ Генуэзскихъ, Пизанскихъ, Венеціянскихъ воспользовались несчастіемъ Людовика IX, и разъѣзжая на корабляхъ своихъ, гра-

(1) См. выписку *Виллани* (Villani) въ пятой части.

1250 — 1255. били возвращавшихся въ Европу крестоносцевъ. Радость Флорентинцевъ и разбои Итальянскихъ пиратовъ сильно возбудили негодованіе всего Христіанства.

Людовикъ IX, по прибытіи въ Птолемаиду, имѣлъ при себѣ лишь небольшое число вѣрныхъ рыцарей; многіе изъ Французскихъ владѣльцевъ, сотоварищи его плѣна, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за нимъ въ Палестину, возвратились на Западъ. Въ числѣ оставившихъ знамена Крестоваго похода, должно замѣтить Герцога Бургундскаго и храбраго Графа Бретанскаго: сей послѣдній, изнуренный болѣзнями и покрытый ранами, умеръ во время проѣзда; смертные остатки его, сохраненные его рыцарями, перенесены въ Аббатство Вилльневское, недалеко отъ Нанта, гдѣ по истеченіи многихъ вѣковъ еще видѣли его гробницу.

Жалкіе остатки Христіанскаго войска, долженствовали поколебать сострадательность жителей Птолемаиды. Рыцари и воины были почти нагіе; Сенешаль Шампанскій, чтобы показаться за столомъ у Короля, принужденъ былъ сдѣлать себѣ платье изъ лоскутьевъ одного покрывала. Заразительная болѣзнь, плодъ долговременной нищеты и всякаго рода недостатковъ, обнаружилась

между крестоносцами и распространила опу- 1250—
стошенія свои въ городѣ. Жуанвилль, жив- 1255.
шій въ домѣ Священника Птолемаидскаго,
говоритъ, что онъ видѣлъ ежедневно двадцать
погребальныхъ шествій, проходившихъ мимо
его оконъ; каждый разъ, когда погребальныя
слова, *Libera me*, *Domine*, поражали слухъ его,
онъ начиналъ плакать, и обращался къ Богу,
восклицая: *mercy* (помилуй).

Между тѣмъ Французскій Король заботил-
ся объ освобожденіи плѣнныхъ, оставшихся
въ Египтѣ. Ихъ было двѣнадцать тысячъ;
многіе изъ нихъ могли снова вооружиться
и служить подъ знаменами Крестоваго по-
хода. Людовикъ отправилъ посланниковъ для
уплаты Сарацинамъ еще неоплаченныхъ четы-
рехъ сотъ тысячъ франковъ, и для ускоренія
исполненія послѣднихъ договоровъ. Эти по-
сланники нашли Египетъ обуреваемый мятежа-
ми; Эмировъ, раздѣленныхъ на многія партіи, и
спорящихся о власти; фанатизмъ одушевлялъ
раздоры ихъ; они обвиняли другъ друга въ
благопріятствованіи и пощадѣ, оказанной
Христіанамъ. Посреди сихъ распрей, многіе
плѣнники были умерщвлены, другіе, прину-
ждены оставить вѣру Іисуса Христа: по-
сланниковъ Людовика IX едва выслушали;
на требованія ихъ отвѣчали, что Француз-

1250 — 1255. скій Король долженъ почитать себя счастливымъ, возвративши себѣ свободу, и что Мамелюки вскорѣ осадятъ его въ Птолемаидѣ. Наконецъ Христіанскіе посланники принуждены были оставить Египетъ безъ всякаго успѣха, и привели въ Палестину не болѣе четырехъ сотъ плѣнныхъ, изъ коихъ большая часть сами заплатили свой выкупъ.

По возвращеніи ихъ, Людовикъ IX впалъ въ глубокую горесть; онъ получилъ отъ Королевы Бланки письмо, въ коемъ она убѣждала его оставить Востокъ: тогда подумалъ онъ о возвращеніи во Францію; но какъ рѣшиться покинуть двѣнадцать тысячъ Христіанъ въ рабствѣ, и оставить Святую Землю угрожаемую нашествіемъ! Три военные Ордена, Бароны и Вельможи Палестинскіе, умоляли Людовика не оставлять ихъ, повторяя съ отчаяніемъ, что для Христіанъ Сирійскихъ, лишенныхъ его подпоры, не останется инаго средства спасти себя, какъ послѣдовать за нимъ на Западъ.

Просьбы ихъ тронули Людовика; но еще ни на что не рѣшившись, онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ своими двумя братьями, и съ оставшимися при немъ главнѣйшими Вельможами. Онъ изложилъ предъ ними причины, призывавшія его во Францію, и тѣ, кои

могли удержать его въ Палестинѣ: съ одной 1250 —
стороны, государство его, угрожаемое Ан- 1255.
глійскимъ Королемъ, невозможность пред-
принять что-либо противъ зловѣрныхъ,
долженствовали преклонить его оставить
Востокъ; съ другой, вѣроломство Эмировъ,
нарушившихъ первыя условія договоровъ,
опасности, коимъ подвергнетъ Святую
Землю его отъѣздъ, надежда наконецъ полу-
чить нѣкоторыя пособія и воспользоваться
ими для сокрушенія оковъ плѣнныхъ Хри-
стіанъ, для освобожденія Іерусалима, нала-
гали на него нѣкотораго рода обязанность
отложить свое возвращеніе.

Изъяснивъ такимъ образомъ положеніе дѣлъ, и несказавъ ничего открывавшаго его мнѣніе, онъ пригласилъ рыцарей и Бароновъ обдумать на что должно ему рѣшиться; въ слѣдующее Воскресенье, онъ снова созвалъ ихъ, и желалъ знать ихъ мнѣніе. Гюи де Мальвуазинъ, удивлявшій крестоносцевъ мужествомъ своимъ въ битвахъ и мудростію въ совѣтахъ, началъ говорить первый. «Государь! сказалъ онъ, обратясь къ Людо-«вику IX, принявъ въ разсужденіе честь «вашего имени и славу вашего царствова-«нія, я не думаю, чтобы вы могли остаться «въ этой странѣ; вспомните о той цѣ-

1250— «пущей рапи, отплывшей изъ приспаней
1255. «Кипрскихъ, и посмотрите, сколько оспа-
«лось у васъ воиновъ: тогда въ Христіан-
«скомъ войскѣ считалось двѣ тысячи восемь-
«сотъ рыцарей со знаменами; нынѣ сто
«рыцарей составляютъ всѣ ваши силы;
«большая часть изъ нихъ больны; не имѣ-
«ютъ ни оружія, ни коней и никакого сред-
«ства къ пріобрѣтенію ихъ; они не мо-
«гутъ болѣе служить вамъ съ честію и
«пользою. Вы не владѣете ни одною крѣпо-
«стію на Востокѣ; та, въ которой вы на-
«ходитесь, принадлежитъ многимъ различ-
«нымъ народамъ; пребывая здѣсь, вы нимало
«не устрашите зловѣрныхъ, и только уве-
«личите дерзость враговъ вашихъ въ Европѣ;
«въ одно время вамъ угрожаетъ потеря го-
«сударства Французскаго, гдѣ ваше от-
«сутствіе можетъ ободрить чесполюби-
«выхъ сосѣдей, и царства Іерусалимскаго,
«куда ваше присутствіе привлечетъ удары
«Мусульманъ. Мы всѣ убѣждены, что надобно
«наказать гордость Саррацинъ; однако не
«въ отдаленномъ краѣ можно кончить при-
«готовленія достославной и рѣшительной
«войны. Итакъ, мы вамъ совѣтуемъ, возвра-
«титься на Западъ, гдѣ вы позаботитесь
«о безопасности вашихъ владѣній, гдѣ по-

«лучшіе среди мира, который будетъ ва- 1250 —
«шимъ произведеніемъ, нужныя пособія для опп- 1255.
«миценія нашихъ пораженій, и для исправленія,
«нѣкогда претерпѣнныхъ нами неудачъ.»

Герцогъ Анжуйскій, Герцогъ Пуапье и большая часть Французскихъ владѣльцевъ, говорившихъ послѣ Гюи де Мальвуазина, выразили одинакое мнѣніе; но когда дошло до Графа Яффскаго, онъ отказался подать голосъ, говоря, что обладаетъ многими замками въ Палестинѣ, и что могли бы обвинить его въ защитѣ личныхъ своихъ выгодъ: Когда же Король просилъ его подать свое мнѣніе, подобно всѣмъ другимъ, то онъ удовольствовался словами, что слава Христіанскаго оружія, безопасность земли Іисусъ-Христовой, требовали, чтобы крестоносцы не возвращались въ Европу. Когда настала очередь Жуанвилля, просподушный Сенешаль вспомнилъ совѣтъ, данный ему Сеньоромъ Болленкуромъ, его двоюроднымъ братомъ, при выступленіи его въ Крестовый походъ. «Ты идешь за-море», такъ выражался Сеньоръ Болленкуръ, «но берегись «твоего возвращенія; ни одинъ рыцарь, ни «бѣдный, ни богатый, не можетъ возвра- «титься безъ стыда, если оставитъ въ «рукахъ Сарацинъ, сопутствовавшихъ ему

«простыхъ сорапниковъ.» Жуанвилль, весь преданный эпому воспоминанію, предспавилъ, 1250–1255
что не возможно покинупь безъ спыда пакое множеспво Христіанскихъ плѣнниковъ. «Эпи несчаспные, прибавилъ онъ, служили «Государю какъ и Богу, *и никогда уже «не возвратятся, если Король оста-«витъ ихъ* (et jamais ils ne s'en iront, si le «roi s'en va). Не было ни одного рыцаря, ни одного Барона, копорый не имѣлъ бы родспвенниковъ или друзей между плѣнными. По сему-по многіе не могли удержапь слезъ своихъ, слушая Жуанвилля; но пакое сильное впечаплѣніе было недоспапочно попушшипь въ сердцахъ ихъ чрезмѣрное желаніе увидѣпь свое опечесшво. Тщепно Сенешаль присовокуплялъ, что Король имѣлъ еще нѣкопорую часпь своихъ сокровищъ, что онъ могъ набрапь войска въ Морећ и въ другихъ обласпяхъ, что съ пособіями, коихъ ожидали изъ Европы, вскорѣ можно было бы возобновипь войну: причины эпи и многія другія не могли убѣдипь большую часпь Велможъ, копорые не иначе смопрѣли на Кресповый походъ, какъ на долговременное изгнаніе. Сиръ Шапене (Chastenai) и Бомонъ, Маршалъ Французскій, одни полько раздѣляли мнѣніе Жуанвилля. «Какой оппѣпъ дадимъ мы, говорили

«они, пѣмъ, которые, по нашемъ возвра- 1250—
«щеніи, спросятъ у насъ, что сдѣлали мы 1255.
«съ наслѣдіемъ и ратниками Іисуса Христа.
«Послушайте несчастныхъ жителей Пале-
«стинскихъ, они обвиняютъ насъ въ прине-
«сеніи къ нимъ войны, и уже упрекаютъ,
«что нашимъ отъѣздомъ мы приготовляемъ
«имъ гибель. Если мы не получимъ пособій,
«то для возвращенія нашего всегда будемъ
«имѣть время; но почто ускорять дни отча-
«янія! Крестоносцы, правда, немногочи-
«сленны, но не уже ли забыли, что вождь
«ихъ въ оковахъ возбуждалъ уваженіе въ
«Сарацинахъ. Сверхъ того дошли до насъ
«слухи, что раздоръ поселился между нашими
«врагами, и что Султанъ Дамасскій объ-
«явилъ войну Мамелюкамъ Египетскимъ. . . .»
Оба рыцаря говорили посреди ропота; чѣмъ справедливѣе казались причины ими предста-вляемыя, тѣмъ нетерпѣливѣе ихъ слушали. Сеньоръ де Бомонъ хотѣлъ продолжать, но дя-дя его Иванъ де Бомонъ съ живостью его пре-рвалъ, осыпая его жесточайшими укоризнами: напрасно Король желалъ, чтобы каждый имѣлъ право изъявлять свое мнѣніе, власть семей-ственная превозмогла власть Государя; суро-вый старикъ продолжалъ возвышать голосъ, и принудилъ племянника своего къ молчанію.

1250— По отобраніи мнѣній отъ всего собранія,
1255. Король распустилъ Бароновъ и созвалъ ихъ снова въ слѣдующее Воскресенье. По выходѣ изъ Совѣта, Жуанвилль подвергся насмѣшкамъ и оскорбленіямъ рыцарей за то, что подалъ голосъ, противный общему мнѣнію. Къ довершенію горести, онъ страшился подпасть немилости Короля; въ отчаяніи, онъ намѣревался удалиться къ Князю Антіохійскому, своему родственнику. Въ то время, какъ эти грустныя мысли смѣнялись въ умѣ его, Монархъ отвелъ его въ сторону, и открывъ ему свое сердце, объявилъ, что намѣренъ остаться еще нѣсколько времени въ Палестинѣ; тогда Жуанвилль забылъ обиды Бароновъ и рыцарей; онъ столько былъ обрадованъ тѣмъ, что сказалъ ему Король, *что никакая непріятность не тяготила его болѣе* (que nul mal ne le grévait plus). Въ слѣдующее Воскресенье, Бароны собрались въ третій разъ. Король Французскій, призвавъ на помощь свѣтъ Духа Святаго знаменіемъ креста, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Господа, равно благо-
«дарю тѣхъ, которые совѣтовали мнѣ остать-
«ся въ Азіи, и тѣхъ, которые совѣтовали
«возвратиться на Западъ. Тѣ и другіе, ни-
«сколько не сомнѣваюсь, имѣютъ въ виду

«лишь пользу моего королевства и славу 1250—
«Іисуса Христа. Послѣ долгаго размышленія, 1255.
«я нашелъ, что могу безъ вреда и опасно-
«сти для моихъ владѣній, продлить еще
«пребываніе мое въ этой странѣ. Королева,
«мать моя, защищала честь моей короны
«во дни злополучные; она покажетъ нынѣ
«такую же твердость и встрѣтитъ менѣе
«препятствій: нѣтъ, королевство мое ни-
«сколько не потерпитъ отъ моего отсут-
«ствія; но если покину я эту землю, для
«которой Европа сдѣлала столько пожертво-
«ваній, тогда, кто ее защититъ противъ
«ея враговъ? кто дерзнетъ оспаться въ
«ней послѣ меня? Не уже ли хотятъ, чтобы
«я, который, пришедъ сюда для защиты
«царства Іерусалимскаго, навлекъ на себя
«упрекъ въ его погибели? Итакъ, я рѣ-
«шился еще помедлить здѣсь для спасенія
«того, что осталось, для освобожденія на-
«шихъ плѣнныхъ, и чтобы воспользоваться,
«если возможно, раздорами Саррацинъ. Впро-
«чемъ, я не намѣренъ никого принуждать;
«желающіе покинуть Востокъ могутъ от-
«правиться; остающимся же подъ знаменами
«Креста, объявляю, что они ни въ чемъ
«не будутъ нуждаться, и что я всегда буду
«раздѣлять съ ними удачи и неудачи.»

1250—1255. Послѣ этихъ словъ, говоритъ Жуанвилль, *многіе приведены были въ изумленіе, и стали плакать горячими слезами* (plusieurs y en eut d'esbahis, et commencèrent à pleurer à chaudes larmes). Съ той поры Герцоги Анжуйскій и Пуапье со многими владѣльцами начали готовиться къ отъѣзду. Король поручилъ имъ доставить письмо, писанное къ Духовенству, Дворянству и народу Французскаго Государства. Въ этомъ письмѣ, Людовикъ увѣдомлялъ съ благородною простотою о побѣдахъ Христіанскихъ рыцарей, объ ихъ пораженіяхъ, ихъ плѣнѣ, и умолялъ своихъ подданныхъ всѣхъ сословій, вооружиться для вспомоществованія Святой Землѣ.

По отъѣздѣ обоихъ братьевъ Короля, тотчасъ занялись наборомъ рекрутъ, и приведеніемъ Палестины въ оборонительное положеніе. Несогласія, господствовавшія между Саррацинами, особенно благопріятствовали крестоносцамъ, и обезпечивали нѣсколько Христіанскія поселенія. По умерщвленіи Альмоадама, Сирійскіе Мусульмане не захотѣли признать власти Мамелюковъ. Княжество Дамасское и городъ Дамаскъ отданы были Нассеру, Султану Алепскому, который готовился итти съ войскомъ противъ Каира;

величайшее безпокойство овладѣло Египет- 1250—
скими Мамелюками, которыхъ въ одно время, 1255.
казалось, посѣщали и страхъ и раскаяніе. Султанша, Шегжера-Эддуръ, принуждена была сойти съ престола, и уступить верховную власть Туркоману, Эззъ-Эддину, за котораго вышла замужъ. Эта перемѣна успокоила на минуту умы; но въ порядкѣ вещей, одинъ переворотъ всегда влечетъ за собою другой. Наглая и безпокойная милиція Мамелюковъ, низпровергшая Имперію Айюбитовъ, не могла терпѣливо сносить ни спараго, ни новаго положенія дѣлъ; для оправданія мятежей, военачальники сперва показали толпѣ дитя изъ семейства, свергнутаго ими, и украсили его пустымъ титломъ Султана. Они объявили потомъ, что Египетъ принадлежитъ Калифу Багдадскому, и что управляютъ имъ его именемъ.

Въ это самое время Султанъ Алепскій и Дамасскій отправилъ къ Людовику IX посланниковъ, съ предложеніемъ Французскому Государю присоединиться къ нему для наказанія гордости и мятежнаго духа Каирской милиціи. Онъ обѣщалъ Христіанамъ раздѣлить съ ними добычу побѣжденныхъ, и возвратить имъ царство Іерусалимское. Эти блестящія обѣщанія долженствовали

1250—1255. соблазнить Французскаго Короля и заслуживали по крайней мѣрѣ все его вниманіе. Египетскіе Эмиры равнымъ образомъ желали союза съ Христіанами и предлагали выгодныя условія; Людовикъ IX могъ выбирать, и сильныя причины говорили ему въ пользу Султана Дамасскаго: съ одной стороны предстояли переговоры съ Эмирами, которыхъ воля была сомнительна, счастіе перемѣнчиво, власть всегда угрожаемая и шаткая; съ другой, съ Государемъ могущественнымъ, и котораго власть лучше утвержденная, представляла ручательство болѣе надежное своимъ союзникамъ. Другая причина, къ которой не могъ оставаться равнодушенъ добродѣтельный Государь, заключалась въ томъ, что вся политика Мамелюковъ клонилась единственно къ обезпеченію своей безнаказанности въ великомъ преступленіи, и что владѣтель Дамасскій вооружался отмстить за дѣло Государей. Всѣ эти причины были безъ сомнѣнія объявлены въ Совѣтѣ Людовика IX, и конечно поставили Монарха въ недоумѣніе о томъ, на что ему рѣшиться. Однако онъ не забылъ, что подписалъ договоръ съ Эмирами, и что его ничто не могло освободить отъ данной клятвы; онъ помнилъ

въ особенности, что Мамелюки держали еще 1250 —
въ рукахъ своихъ участь двѣнадцати тысячъ 1255.
плѣнныхъ Христіанъ, и что поссорясь съ ними, онъ лишится надежды освободить несчастныхъ сотоварищей своего плѣна. Людовикъ отвѣчалъ Сирійскимъ посланникамъ, что охотно присоединитъ оружіе свое къ оружію Султана Дамасскаго, если Мамелюки не исполнятъ договоровъ. Въ то же время, онъ отправилъ въ Каиръ Ивана Валанскаго, съ порученіемъ предложить Эмирамъ миръ или войну; Эмиры обѣщали исполнить наконецъ всѣ условія договора, если Людовикъ IX согласится быть ихъ союзникомъ и вспомогателемъ: болѣе двухъ сотъ рыцарей были тотчасъ освобождены.

Эти злополучныя жертвы Крестоваго похода прибыли въ Птолемаиду около Октября (1251): народъ устремился толпами на берегъ быть зрителемъ ихъ высадки; всѣ носили еще знаки своей неволи; воспоминаніе объ ихъ прошедшихъ бѣдствіяхъ, настоящая нищета ихъ, исторгали у всѣхъ зрителей слезы состраданія: среди сихъ плѣнныхъ, которыхъ оковы сокрушены были Людовикомъ, съ торжествомъ несли въ гробѣ кости Готье Бріеннскаго, взятаго въ плѣнъ зловѣрными въ сраженіи при Газѣ, и уби-

1250 — 1255. паго въ Каирѣ неистовою чернію. Священство проводило остатки Христіанскаго героя въ церковь Спраннопріимцевъ; сорапники Гопье напоминали его подвиги и славную смерпь, преперпѣнную имъ за дѣло Іисуса Христа: Церковь упопребила все свое великолѣпіе и прославила въ пѣснопѣніяхъ своихъ славу мученика и преданность, копорую она, казалось, единственно внушала. Человѣколюбіе вѣрныхъ призрѣло и упѣшило нищепу плѣнниковъ, и Людовикъ принялъ къ себѣ въ службу всѣхъ, копорые дряхлостію лѣпъ или недугами своими, не лишены были возможности носить оружіе.

Король съ прискорбіемъ узналъ, что множество плѣнныхъ крестоносцевъ еще оспавались въ Египтѣ. Египетскіе посланники прибыли погда въ Пполемаиду, и Людовикъ IX объявилъ имъ, что желаемый ими союзъ никогда не состоится, если Эмиры не поспѣшатъ прислать всѣхъ плѣнныхъ, всѣхъ Христіанскихъ дѣтей, воспитанныхъ въ Мусульманскомъ законѣ, и даже Христіанскія головы, выставленныя на стѣнахъ Каирскихъ.

Такимъ образомъ положеніе Христіанъ улучшалось ежедневно посреди раздоровъ ихъ непріятелей. Король Французскій предписывалъ условія Эмирамъ, и если бы онъ имѣлъ

нѣсколько войска, но могъ бы загладить всѣ несчастія, понесенныя имъ въ Египтѣ; но Востокъ доставлялъ ему лишь малое число воиновъ, а Западъ вовсе не расположенъ былъ присылать къ нему пособій. 1250—1255.

Кастильскій Король, принявшій крестъ, умеръ въ ту самую минуту, когда готовился отъѣхать. Въ Англіи, Генрикъ III, надѣвшій крестъ, получилъ отъ Папы и Парламента позволеніе собрать десятую долю съ доходовъ народа и духовенства; онъ наложилъ огромныя пошлины на Жидовъ. Проповѣдникамъ Крестоваго похода приказано было возвѣстить о близкомъ отъѣздѣ его на Востокъ; онъ самъ, въ присутствіи собравшагося народа и Бароновъ, клялся надъ Евангеліемъ, что скоро отправится съ воинствомъ во Святую Землю; но получивъ требуемое имъ, забылъ всѣ свои обѣщанія.

Фридерикъ II, въ то время, какъ занимался доставленіемъ вспомоществованія Людовику IX, умеръ въ королевствѣ Неаполитанскомъ; смерть его была новымъ источникомъ смятеній и волненія для Христіанства. Не смотря на то, что онъ завѣщалъ умирая сто тысячъ унцій золота на пособія Святой Землѣ, и приказалъ въ своей духовной возвратить Церквѣ все что при-

1250 — 1255. надлежало Церкви, Иннокентій узналъ о его смерти съ радостію, которой не старался скрывать: *да возрадуются небеса*, писалъ онъ къ Духовенству и народу Сицилійскому, *да возвеселится земля;* преслѣдовалъ прокляпіями своими память Государя, носившаго въ теченіе тридцати восьми лѣтъ титло Короля Іерусалимскаго; отлучилъ отъ Церкви Конрада, котораго Фридерикъ назначилъ по себѣ преемникомъ имперіи: посланы были нарочные въ Неаполь для совращенія вѣрности народовъ; проповѣдникамъ поручено провозгласить въ Германіи Крестовый походъ противъ всѣхъ Принцевъ Дома Швабскаго.

Франція была не менѣе волнуема; по возвращеніи Герцоговъ Анжуйскаго и Пуатье, въ церквахъ читали посланіе Людовика къ своимъ подданнымъ. Это письмо расправило всю горесть, возникшую въ то время, какъ молва возвѣстила о плѣненіи Короля и его воинства; увѣщанія, обращаемыя Людовикомъ къ Французамъ для полученія пособій, и извѣстія, приходившія ежедневно съ Востока, сильно поколебали всѣ сердца; и такъ какъ народъ не знаетъ умѣренности ни въ печали, ни въ радости своей, то нѣкій мятежный духъ, присоединясь къ изступленію Кресто-

ваго похода, привелъ въ движеніе города, 1250—
распространился по всѣмъ областямъ, и по- 1255.
ставилъ на нѣкоторое время государство въ опасность.

Народъ видя, что Князья и Вельможи не успѣли въ своемъ предпріятіи, вообразили, что Іисусъ Христосъ отвергнулъ услуги знатныхъ земли, и что онъ желалъ имѣть своими защитниками людей простыхъ, пастуховъ и хлѣбопашцевъ. Явился человѣкъ, который, помощію этого мнѣнія, предпринялъ воспламенить умы и увлечь ихъ во всеобщее движеніе. Этотъ человѣкъ, по имени Іаковъ, родомъ изъ Венгріи и весьма пожилыхъ лѣтъ, слылъ проповѣдникомъ того *Крестоваго похода отроковъ*, о которомъ упоминали мы въ двѣнадцатой книгѣ этой Исторіи. Длинная борода, висѣвшая у него до пояса, лице блѣдное, таинственныя рѣчи, придавали ему видъ пророка. Онъ ходилъ изъ города въ городъ, и называлъ себя посланникомъ Божіимъ, назначеннымъ для освобожденія града Господня и для отмщенія Французскаго Короля. Пастухи оставляли стада свои, хлѣбопашцы бросали свой плугъ и шли по стопамъ его. Іаковъ, котораго называли *Господиномъ Венгріи* (Maitre de Hongrie), приказывалъ нести предъ собою знамя, на

коемъ изображенъ былъ агнецъ, символъ Спа-
сителя міра; со всѣхъ сторонъ приносили
ему съѣстные припасы, и послѣдователи его
говорили, что онъ подобно Іисусу Христу
имѣлъ даръ умножать хлѣбы.

Этимъ сельскимъ крестоносцамъ дали на-
званіе *Пастушиковъ* (pastoureaux); первыя сбо-
рища ихъ, на которыя сперва обращали мало
вниманія, составились въ провинціяхъ Флан-
дріи и Пикардіи; они направились къ Аміену,
потомъ къ столицѣ, усиливаясь по дорогѣ
шайками бродягъ, удалыхъ головъ и тол-
пою непотребныхъ женщинъ. Не смотря
на причиненные ими нѣкоторые безпорядки,
Королева Бланка изъявляла имъ снисхожденіе,
надѣясь, что извлечетъ отъ нихъ нѣкото-
рыя пособія для Короля. Покровительство
Правительницы зажгло ихъ гордость, без-
наказанность увеличила ихъ своеволіе, и
удвоила ихъ дерзость; самозванецъ Іаковъ и
другіе начальники, присоединенные къ нему
случаемъ или развращенностію, сильно вопили
пропивъ богатствъ и власти Духовенства,
что весьма было лестно для черни, увле-
каемой ими по своимъ слѣдамъ; къ великому
оскорбленію благочестивыхъ людей, они сами
отправляли Священническія должности, и за-
мѣщали въ церковныхъ проповѣдалищахъ духо-

вныхъ випій, упопребляя насиліе пропивъ Священнослужипелей, и спараясь всколебать всѣ спраспи между народомъ. Наконецъ собравшись числомъ до спа пысячъ, эпи опасные поклонники вышли изъ Парижа и, раздѣлясь на многія часпи, обрапились къ морскимъ берегамъ, опкуда они должны были опправиться моремъ на Воспокъ. Городъ Орлеанъ, находившійся на пупи ихъ, содѣлался позорищемъ величайшихъ безпорядковъ. Усилившееся своеволіе внушило наконецъ Правипельспву и градоначальникамъ справедливыя опасенія; повелѣно было во всѣхъ областяхъ прѣслѣдовать и разгонять эпи безчинспвующія и мяпежныя шайки. Самое многочисленное скопище *пастушковъ* опправилось въ Буржъ, гдѣ *Господинъ Венгріи* долженспвовалъ произвесть нѣкопорыя чудеса и опкрыпь въ словахъ своихъ волю Божію. Прибыпіе ихъ въ эпопъ городъ, ознаменовано было убійспвомъ, пожаромъ и грабипельспвомъ. Раздраженный народъ принялся за оружіе и пошелъ пропивъ сихъ возмупипелей; ихъ наспигли между Морпемеромъ и Вилльневомъ-на-Шерѣ, гдѣ, не смотря на ихъ многочисленноспь, они были разбипы и подверглись наказанію за свои разбои. Іакову опсѣкли голову топоромъ; многіе изъ его

1250 — 1255.

1250 — 1255. послѣдователей и сотоварищей обрѣли смерть на полѣ битвы, или были казнены; остальные обратились въ бѣгство (1).

Такъ эта буря, внезапно образовавшаяся, внезапно и разсѣялась; другое скопище, шедшее на Бордо, было разбито; нѣкоторые изъ *пастушиковъ*, достигшіе Англіи, испытали ту же самую участь. Распространился слухъ, что у начальниковъ найдена переписка съ Саррацинами; ихъ обвинили въ намѣреніи предать Христіанскій народъ мечу злов ѣрныхъ; такое обвиненіе, хотя невѣроятное, вполнѣ воздвигло ненависть народную. Правительство, сначала не имѣвшее силы противиться имъ, вооружило противъ нихъ справедливаго народа, и спокойствіе было наконецъ возстановлено въ государствѣ.

Между тѣмъ проповѣдывали Крестовый походъ за-море въ большей части Европейскихъ странъ: присовокупили новыя *индульгенціи* къ тѣмъ, кои были еще до того предоставлены воинамъ Креста; Епископъ

---

(1) Въ числѣ многихъ Историковъ, писавшихъ объ этомъ движеніи *Пастушиковъ* (pastoureaux), особенно можно читать Бернарда де Гюи, Матвѣя Париса, Вильгельма де Нанжи, лѣтописи Ваверлея, и пр... См. *Разборъ сихъ Писателей* въ *Bibliographie des Croisades* t. VI.

Авиньонскій получилъ право прощать пѣхъ, которые нанесли удары церковнослужителямъ, сожгли церкви; попъ же Епископъ имѣлъ власть превращать въ обѣты Крестоваго похода всѣ другіе обѣты, исключая только относящихся къ вѣрѣ; подобныя же права были даны и Пріору Парижскихъ Якобинцевъ. Эти новыя поощренія могли бы пробудить на время ревность вѣрующихъ, если бы Римскій Дворъ не былъ безпрестанно отвлекаемъ отъ попеченій о Восточномъ Крестовомъ походѣ войною, которую объявилъ онъ семейству Фридерика. Папскій Престолъ давалъ охотно отпущенія крестоносцамъ, принимавшимъ его сторону или платившимъ ему дань; посему-то добродѣтельный Епископъ Линкольнскій обвинялъ Иннокентія въ томъ, что онъ мѣнялъ небесныя сокровища на земныя, и продавалъ крестоносцевъ, какъ продавали нѣкогда въ храмѣ *телицъ* и *овновъ* для принесенія въ жертву. Наконецъ, не скрывая болѣе ни властолюбія своего, ни своей ненависти, Первосвященникъ Римскій поручилъ Францисканскимъ монахамъ проповѣдывать Крестовый походъ противъ наслѣдника и преемника Фридерикова; отпущеніе грѣховъ для тѣхъ, которые надѣвали крестъ, простиралось на отца 1250—1255.

1250 — 1255. и мать крестоносца, чему не было примѣра ни въ одномъ Крестовомъ походѣ. Въ то время, когда Людовикъ IX просилъ пособій для себя самаго, проповѣданіе этого нечестиваго Кресповаго похода, возбудило сильное негодованіе во всемъ Французскомъ Дворянствѣ; съ новыми крестоносцами спали поступать, какъ съ возмутителями; Королева Бланка приказала отобрать отъ нихъ земли; владѣльцы, въ помѣстьяхъ своихъ, послѣдовали примѣру Королевы. Проповѣдники Францисканскіе получили строгій выговоръ, и поученія ихъ остались безъ дѣйствія.

Тогда какъ останавливали такимъ образомъ обнародованіе Кресповаго похода противъ Конрада, тѣмъ не менѣе не показывали усердія къ Восточной войнѣ. Наиболѣе приверженные къ Людовику IX, не посылали къ нему пособій, изъ опасенія, продлить его отсутствіе; такимъ образомъ, не смотря на частыя просьбы Людовика, Франція, пролившая столько слезъ во время его плѣна, не могла рѣшиться поднять оружіе для вспомоществованія ему, и удовольствовалась только одними моленіями о его возвращеніи.

Все что могла сдѣлать Королева Бланка для своего сына, состояло въ отправленіи къ нему корабля, нагруженнаго деньгами,

который погибъ около береговъ Сиріи. Не- 1250 —
многіе изъ взявшихъ крестъ на Западѣ, рѣ- 1255.
шились пуститься за-море; молодой Графъ Де (d'Eu), Раймондъ, Виконтъ де Тюреннъ, котораго Правительница осудила на отъѣздъ въ Палестину, были почти одни изъ Вельможъ Французскихъ, кои отправились тогда на Востокъ. Большая часть рыцарей и Бароновъ, оставшихся съ Королемъ въ Палестинѣ, лишенные всего, совершенно разоренные, такъ высоко цѣнили службу свою, и по выраженію повѣренныхъ Людовика IX, *ставили себя такъ дорого* (se faisaient si chiers), что сокровище Государя недостаточно было для принятія ихъ подъ свои знамена. Набирали войска въ Греціи, въ Кипрѣ и въ городахъ принадлежащихъ Христіанамъ въ Сиріи; но эти наборы привели подъ знамена Крестоваго похода однихъ только искателей приключеній, мало способныхъ раздѣлять труды и опасности великаго предпріятія.

Между воинами, посѣтившими тогда Святую Землю изъ любви къ опасностямъ и отдаленнымъ приключеніямъ, Исторія замѣчаетъ Алемара де Селингана. Этотъ Рыцарь прибылъ изъ одной Западной страны (1),

(1) *Норвегія.*

1250 — 1255. гдѣ лѣтомъ, по словамъ его, почти не бываетъ ночей; Селинганъ и его спутники повсюду искали случая ознаменовать свою ловкость и романическую смѣлость. Во ожиданіи счастливой минуты сразиться съ Саррацинами, они вели войну со львами, за коими гонялись въ пустыняхъ на конѣ, и которыхъ убивали изъ луковъ, что весьма удивляло и восхищало Французскихъ воиновъ.

Также прибылъ, говоритъ Жуанвилль, и другой *очень знатный рыцарь, по прозванію Туси.* Рыцарь Туси былъ Правителемъ Лапино-Константинопольской имперіи въ отсутствіе Бодуина, и славился тѣмъ, что принадлежалъ къ Дому Королей Французскихъ. Онъ покидалъ съ девятью другими рыцарями разрушавшуюся имперію, чтобы защищать печальные остатки царства Іерусалимскаго. Туси разсказывалъ несчастія Бодуина и плачевныя обстоятельства, принудившія Христіанскаго Императора заключить союзъ съ предводителемъ Комановъ. Сообразно съ обычаемъ варваровъ, глава Комановъ и Императоръ Константинопольскій выпустили каждый нѣсколько своей крови, и смѣшавъ въ чашѣ, пили ее оба, въ знакъ союза и братства. Рыцари, сопутствовавшіе Сеньору Туси, заимствовали

эпопъ обычай у варваровъ; Французскіе воины сперва смопрѣли на то съ опвращеніемъ; но скоро увлеченные приманкою новоспи, сами смѣшали кровь свою съ кровію новыхъ своихъ поварищей, и орошая ее виномъ, упивались вмѣспѣ съ ними, говоря, чпо они брапья. 1250—1255.

Нравы и обычаи Восточныхъ народовъ сильно поражали вниманіе крестоносцевъ. Когда Миссіонеры, посланные Людовикомъ IX въ Тапарію, возвращились въ Пполемаиду, Французскіе воины распрашивали ихъ и слушали съ жадностію. *Андрей де Лонжюмо*, начальникъ миссіи, опправился изъ Анпіохіи, и совершая по десяпи миль на день, провелъ въ пупи цѣлый годъ, пока прибылъ въ мѣспопребываніе великаго Хана Тапарскаго. Миссіонеры проходили чрезъ пустыни, гдѣ видѣли они огромныя груды человѣческихъ костей, печальные памяпники побѣдъ варварскаго народа; они разсказывали дивныя вещи о Дворѣ Имперапора Монголовъ, о нравахъ и обычаяхъ странъ ими проходимыхъ, о завоеваніяхъ и законодапельспвѣ Чингисъ-Хана, о чудесахъ, пригоповившихъ могущеспво и величіе завоевапеля Азіи. Изъ ихъ сверхъесспественныхъ повѣспвованій, наполненныхъ баснословными сказаніями, кре-

1250 — 1255. споносцы замѣтили съ радостію, что Вѣра Христова распространяла свое владычество у самыхъ отдаленныхъ народовъ; Миссіонеры утверждали, что видѣли въ одной ордѣ Татарской болѣе восьмисотъ часовень, гдѣ прославляли истиннаго Бога. Людовикъ IX надѣялся, что Монголы будутъ нѣкогда поборниками Христіанъ противъ зловѣрныхъ; эта надежда побудила его послать новыхъ Миссіонеровъ въ Татарію.

Впрочемъ, если крестоносцы удивлялись до такой степени всему, что разсказывали имъ объ отдаленнѣйшихъ странахъ Азіи, то по сосѣдству отъ нихъ находилось одно варварское племя, долженствовавшее еще болѣе возбуждать ихъ удивленіе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи своемъ, Людовикъ IX получилъ посольство отъ *Старца Горы*, который, какъ мы упоминали, царствовалъ надъ придцатью деревнями или мѣстечками, расположенными по полуденной покатости Ливана. Посланники главы *Ассасиновъ*, представленные Французскому Королю, спросили его, знаетъ ли онъ ихъ повелителя. «Я слыхалъ о немъ, отвѣчалъ Государь. — Почему же, присовокупилъ одинъ «изъ посланниковъ, ты не старался о сни«сканіи его дружества, присылая ему дары,

«какъ по дѣлали Германскій Императоръ, 1250—
«Венгерскій Король, Каирскій Сулпанъ и 1255.
«многіе другіе великіе Государи?» Король
безъ гнѣва выслушалъ эпи спранныя рѣчи
и оппуспилъ посланниковъ до другой аудіен-
ціи, при копорой присупствовали Великіе
Магиспры Тампліеровъ и Спраннопріимцевъ.
Одно имя обоихъ воинскихъ Орденовъ, до
коихъ не могъ проникнупь кинжалъ Ассас-
синовъ, внушалъ нѣкопорый спрахъ *Старцу
Горы*, копорый принужденъ былъ плапишь
имъ дань. Во впорой аудіенціи, оба Великіе
Магиспра сильно укоряли посланниковъ, и
говорили имъ, чпо если повелипель Горы
не пришлепъ подарковъ Королю Француз-
скому, по наглоспью своею скоро навлечепъ
на себя справедливое наказаніе. Посланники
пересказали эпи грозныя слова своему вла-
спипелю; онъ самъ почувспвовалъ спрахъ,
копорый хопѣлъ навеспи, и впорично оп-
правилъ ихъ къ Людовику съ изъявленіемъ
расположеній и чувспвованій болѣе миролюби-
выхъ. Между подарками, назначенными Фран-
цузскому Королю, замѣчапельны были многія
вазы, шахмапная игра и слонъ изъ горнаго
хруспаля; *Старецъ Горы* прибавилъ къ
эпимъ дарамъ одну сорочку и кольцо, какъ
знаки союза, по коимъ, говорили посланники

1250 — 1255. его Французскому Государю: «Ты и нашъ «повелитель, вы должны быть соединены, «какъ пальцы руки, и какъ рубаха съ пѣ- «ломъ.»

Людовикъ IX принялъ съ отличнымъ вниманіемъ это новое посольство, и поручилъ посланникамъ повелителя Ассассиновъ отвезти своему Владыкѣ золотыя и серебряныя вазы, кармазинныя и шелковыя ткани; онъ велѣлъ сопровождать ихъ монаху Ивесу (Yves), знавшему Арабскій языкъ. Ивесъ, проведя нѣкоторое время при Дворѣ *Старца Горы*, разсказалъ, по возвращеніи своемъ, многія любопытныя подробности, не пренебреженныя Исторіею. Владѣтель Ассассиновъ принадлежалъ къ сектѣ Аліевой, и оказывалъ нѣкоторое уваженіе къ Евангелію. Онъ являлъ особенное благоговѣніе къ Святому Апостолу Петру, который, по мнѣнію его, находился еще въ живыхъ, и котораго душа, говорилъ онъ, была поочередно душею Авеля, Ноя и Авраама. Ивесъ наиболѣе говорилъ объ ужасѣ, внушаемомъ *Старцемъ Горы* своимъ подданнымъ. Грозное безмолвіе царствовало вокругъ его дворца, и когда показывался онъ въ народѣ, ему предшествовалъ герольдъ, возглашавшій: «Кто бы вы ни были, спра- «шиваешь предстать предъ тѣмъ, который

«держитъ въ рукахъ своихъ жизнь и смерть 1250—
«Царей.» 1255.

Между тѣмъ, какъ эти чудесные разсказы занимали праздность крестоносцевъ, война объявлена была между Султанами Дамаскскимъ и Каирскимъ. Христіанскіе воины, нетерпѣливо желавшіе сражаться, сокрушались, что были такимъ образомъ осуждены влачить дни въ скучномъ бездѣйствіи. Считали подъ знаменами Креста едва семьсотъ рыцарей, и малочисленность ихъ не дозволяла Людовику покуситься на важное предпріятіе.

Во ожиданіи опасностей и случайностей войны, Святый Монархъ помышлялъ безпрестанно о томъ, чтобы смягчить участь и разорвать оковы плѣнныхъ, оставшихся еще въ рукахъ Мусульманъ. Но кромѣ плѣненія Христіанскихъ воиновъ, сердце его удручалось еще другими бѣдствіями: наиболѣе огорчался онъ тѣмъ, что многіе изъ его сотоварищиковъ приняли Магометанскую вѣру. Къ удивленію замѣчено, что Крестовые походы, коихъ цѣлію всегда было торжество Христіанства, представляютъ частые примѣры вѣроотступничества, и Исторія смѣло можетъ утверждать, что въ продолженіе священныхъ браней было болѣе Христіанъ, принявшихъ законъ Мусульманскій, нежели Му-

1250 — 1255. сульманъ, кои предпочли быть Христіанами. Жуанвилль упоминаетъ въ *запискахъ* своихъ, что большая часть Христіанскихъ матросовъ, находившихся на судахъ при отступленіи къ Мансурагу, отказались отъ вѣры своей для спасенія своей жизни: въ эти злополучные дни, многіе воины не могли устоять пропивъ угрозъ Саррацинъ, и страхъ смерти побудилъ ихъ забыть вѣру, для которой они вооружались. Мы уже видѣли, какимъ бѣдствіямъ подвергались крестоносцы въ походахъ на Востокъ; въ толпѣ поклонниковъ всегда находились люди не имѣвшіе довольно твердости выдержать испытаніе великихъ злоключеній: по прибытіи Людовика IX въ Египетъ, эта страна уже заключала много сихъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ Христіанъ, кои среди золъ и опасностей предшествовавшихъ войнъ, отреклись отъ Бога отцевъ своихъ. Всѣ эти отступники презираемы были Саррацинами. Восточные Писатели по поводу сего, приводятъ изрѣченіе Салади-на, выражающее обще принятое мнѣніе и сохранившееся до послѣднихъ временъ Крестовыхъ походовъ: онъ говоритъ, *что никогда не можетъ сдѣлаться добрый Христіанинъ изъ худаго Мусульманина, ни хорошій Мусульманинъ изъ дур-*

нас Христіанина. Исторія представляетъ 1250—
мало подробностей о жизни этихъ совратив- 1255.
шихся Франковъ, отказавшихся отъ своей вѣ-
ры и своего отечества; многіе изъ нихъ преда-
лись земледѣлію, рукодѣльнымъ искусствамъ;
большое число вступило въ войска Мусуль-
манскія; нѣкоторые получили должности и
успѣли пріобрѣсть великія богатства. Впро-
чемъ, надобно полагать, что мученія совѣсти
отравляли всѣ минуты ихъ жизни, и не по-
зволяли имъ наслаждаться добромъ, нажитымъ
ими у враговъ своей Церкви (1): вѣра, ко-
торую они оставили, внушала имъ еще уваже-
ніе; присутствіе и языкъ Франковъ, нѣкогда
бывшихъ ихъ братьями, приводили имъ на па-
мять печальныя воспоминанія; но удержива-
мые, какимъ-то ложнымъ стыдомъ, и какъ буд-
то опринутые Богомъ на вѣки, они оставa-
лись прикованы къ своему заблужденію какою-
то неодолимою цѣпью, и хотя чувствовали не-
счастіе жить на чужой землѣ, однако не смѣли
питать надежды увидѣть свое отечество.

Одинъ изъ этихъ вѣроотступниковъ, ро-
домъ изъ Провена (Provins), и который сра-
жался подъ знаменами Іоанна Бріеннскаго,

(1) Г. Анселю (Ancelot), въ трагедіи своей, *Людовикъ* IX, изобразилъ съ великою истиною характеръ вѣроотступника.

1250—1255. пришелъ поклониться Людовику IX и принесъ ему подарки въ ту самую минуту, когда Государь стоялъ на рѣкѣ Нилѣ въ готовности къ отплытію въ Палестину: когда Жуанвилль сказалъ ему, что если онъ не оставитъ законъ Магометовъ, *то пойдетъ прямо въ адъ* по смерти своей, ренегатъ отвѣчалъ, что считаетъ Вѣру Христову предпочтительнѣе вѣры пророка Мекскаго; но, прибавилъ, что если онъ возвратится къ закону своихъ предковъ, то впадетъ въ убожество, и *всю жизнь его будутъ осыпать позорными упреками, называя, вѣроотступникъ, вѣроотступникъ!* Такимъ образомъ страхъ нищеты, страхъ суждений свѣта, удерживалъ измѣнившихъ Христіанскому исповѣданію, и препятствовалъ имъ возвратиться къ вѣрованію, ими покинутому. Людовикъ IX ничего не щадилъ для ихъ обращенія; щедроты его предупреждали всѣхъ возвращавшихся къ Христіанству, и чтобы избавить ихъ даже отъ презрѣнія людей, онъ запретилъ указомъ припоминать имъ стыдъ ихъ отступничества.

Французскій Король употребилъ значительныя суммы денегъ для приведенія многихъ Христіанскихъ городовъ въ оборонительное положеніе; въ Кесаріи, какъ и въ Птолемаидѣ,

воздвигнуты и разширены стѣны и башни; Людовикъ исправилъ также укрѣпленія городовъ Яффы и Каифы, приходившія въ развалины. Посреди сихъ трудовъ, производимыхъ въ мирѣ, воины проводили время въ праздности, и многіе начали забывать строгость воинскаго порядка и правила Евангельскаго ученія. Предосторожность Жуанвилля поставить кровать свою такъ, *чтобы устранить всякій намекъ относительно женщинъ* (à oster toutes mécréances de femmes), доказываетъ, что нравы крестоносныхъ рыцарей не совсѣмъ были изъяты отъ подозрѣнія; Людовикъ показалъ гораздо большую строгость пропивъ развращенности нравовъ, нежели во время пребыванія своего въ Даміеттѣ. Исторія приводитъ многіе примѣры этой строгости; и такова была странность уголовныхъ законовъ, охранявшихъ общественныя приличія и нравственность, что самое распутство показалось бы нынѣ не столь соблазнительнымъ, какъ наказаніе, коему тогда подвергали виновныхъ. 1250—1255.

Между тѣмъ Духовенство не переставало напоминать крестоносцамъ правила Христіанской Вѣры, и его проповѣди не совсѣмъ были безплодны. Въ Палестинѣ не было ни одного города, ни одного мѣста, которое

1250—1255. не напоминало бы Христовымъ рапникамъ преданія Священнаго Писанія, милосердіе и правосудіе Божіе. Многіе владѣтели и Бароны Французскіе, бывшіе образцами мужества, подавали примѣръ набожности и благонравія; нѣкоторые рыцари, отложивъ оружіе, съ поклонническою котомкою и посохомъ, отправлялись въ мѣста, освященныя чудесами и присутствіемъ Спасителя и Святыхъ Угодниковъ, коихъ память сохранялась Церковію. Людовикъ IX многократно посѣщалъ гору Ѳаворъ, деревню Кану, и ходилъ на поклоненіе въ Назаретъ. Дамасскій Султанъ, продолжавшій искать его союза, приглашалъ его въ самый Іерусалимъ: это богомольное странствіе увѣнчало бы желаніе благочестиваго Государя; но Бароны, особенно же Епископы представили ему, что для него неприлично вступать въ Іерусалимъ въ видѣ простаго поклонника, и что онъ прибылъ на Востокъ не для посѣщенія, но для освобожденія Святаго Гроба. Они прибавили, что Западные Государи, которые впредь возьмутъ крестъ, подумаютъ, по примѣру его, что исполнили обѣтъ свой, посѣтивъ Градъ Божій, и что такимъ образомъ набожность Крестовыхъ походовъ уже не будетъ имѣть въ предметѣ освобожденіе Гроба Господня. Людовикъ IX усту-

нилъ убѣжденіямъ Прелатовъ, и согласился оставить посѣщеніе Іерусалима, въ надеждѣ, что нѣкогда вступитъ въ него съ оружіемъ въ рукахъ. Но эта надежда долженствовала скоро исчезнуть, и Богъ не благоволилъ болѣе, чтобы Святый Градъ исторгнутъ былъ изъ подъ ига злов҃рныхъ. 1250 — 1253.

Султаны Каирскій и Дамасскій продолжали вести переговоры съ Государемъ Франковъ. Каждый изъ этихъ Мусульманскихъ властителей надѣялся имѣть Христіанъ союзниками и страшился особенно имѣть ихъ врагами. Всякій разъ, когда Эмиры Египетскіе начинали опасаться разбитія, то возобновляли свои предложенія; наконецъ они согласились на всѣ условія имъ предписанныя: договоръ былъ заключенъ, по которому Мамелюки обѣщали отдать всѣхъ плѣнныхъ, оставшихся въ Египтѣ, всѣхъ Христіанскихъ дѣтей, воспитанныхъ въ Магометанскомъ законѣ, и то, чего Людовикъ многократно требовалъ, головы мучениковъ Креста, выставленныя на стѣнахъ Каира. Іерусалимъ и всѣ Палестинскіе города, кромѣ Газы, Дарума и двухъ другихъ крѣпостей, должен-ствовали быть сданы въ руки Франковъ: Сверхъ того, въ договорѣ сказано было, что въ теченіе пятнадцати лѣтъ, царство

1250—1255. Іерусалимское не будетъ имѣть войны съ Египтомъ, что обѣ державы соединятъ свои силы, и что всѣ завоеванія будутъ раздѣлены между Христіанами и Мамелюками. Нѣкоторые Прелаты изъявили свое сомнѣніе и свою разборчивость на щетъ союза со врагами Іисуса Христа: благочестивый Государь пренебрегъ ихъ представленія; никогда договоръ не обѣщалъ болѣе выгодъ Христіанамъ, если бы честность руководствовала при исполненіи его; но великодушная правота Людовика IX не позволяла ему подозрѣвать обманъ и вѣроломство въ своихъ союзникахъ, ни даже въ своихъ непріятеляхъ.

Вожди Мамелюковъ долженствовали отправиться въ Газу и оттуда въ Яффу для подтвержденія заключеннаго союза и для совѣщанія съ Людовикомъ IX о мѣрахъ къ продолженію войны. Султанъ Дамасскій, свѣдавъ о заключенномъ союзѣ, выставилъ двадцатипысячное войско между Газою и Дарумомъ, чтобы не допустить Египтянъ соединиться съ Франками. Потому ли, что Мамелюки удержаны были своими внутренними раздорами, или потому что боялись войскъ Дамасскихъ, они не прибыли въ Яффу въ назначенное время. Между тѣмъ, они исполнили всѣ другія условія договора; вмѣстѣ съ плѣн-

ными и погребальными останками Христіан- 1250—
скихъ воиновъ, они прислали еще въ пода- 1255.
рокъ слона, котораго Людовикъ отправилъ
къ Англійскому Королю. Такъ какъ они ча-
сто возобновляли обѣщаніе свое пріѣхати въ
Яппею, Людовикъ ждалъ ихъ въ теченіе цѣ-
лаго года. Французскій Государь, обману-
тый такимъ образомъ въ своемъ чаяніи, могъ
по всей справедливости отказаться отъ
неисполненнаго договора; онъ могъ еще при-
соединиться къ Дамасскому Султану, пред-
лагавшему тѣ же самыя выгоды, и кото-
раго обѣщанія заслуживали болѣе довѣрія.
Египетскіе Эмиры искали союза съ кресто-
носцами въ такое время, когда положеніе
ихъ казалось отчаяннымъ, и когда они на-
дѣялись, что Французскій Король получитъ
пособія съ Запада; видя наконецъ, что Лю-
довикъ не имѣлъ войска, и что всѣ силы,
которыя онъ могъ собрать, ограничивались
только семью стами рыцарей, они не смѣли
вдаваться далѣе въ сношенія, подвергавшія
ихъ ненависти Мусульманъ, и непредста-
влявшія имъ никакой прочной опоры противъ
ихъ противниковъ. Къ тому жъ всѣ эти
Эмиры сражались, желая единственно обез-
печить безнаказанность своего преступле-
нія, и сохранить плоды мятежа. Они готовы

1250 — 1255. были во всякое время положить оружіе, если пропалось имъ прошедшее и Египетъ оспаривался въ ихъ власти. Калифъ Багдадскій спарался тогда возстановить спокойствіе между Мусульманскими державами; онъ убѣдилъ Султана Дамасскаго и Алепскаго забыть свои оскорбленія, уговорилъ Эмировъ изъявить свое раскаяніе и свою готовность къ миру. Дано было нѣсколько битвъ, изъ коихъ ни одна не имѣла рѣшительнаго слѣдствія; въ одномъ изъ таковыхъ сраженій, часть Сирійскихъ войскъ была смята Мамелюками, и обратилась въ бѣгство по дорогѣ къ Дамаску, между тѣмъ, какъ многіе отряды Мамелюковъ были разбиты и преслѣдуемы Сирійцами до самыхъ вратъ Каирскихъ. Война, въ которой побѣда оставалась всегда нерѣшительною, долженствовала истощить терпѣніе и мужество обѣихъ сторонъ; тѣ и другіе избрали посредникомъ духовнаго Отца Мусульманъ: Султаны Сирійскій и Египетскій заключили наконецъ миръ и рѣшились соединить оружіе свое противъ Христіанъ. Тогда исчезли всѣ надежды крестоносцевъ; Французскій Король, промедливъ слишкомъ долго, и упустивъ благопріятный случай, вдругъ увидѣлъ противъ себя двухъ непріятелей. Должно постигнуть совершенно положеніе и поли-

пику Мусульманскихъ державъ, чтобы знать, до какой степени Исторія можетъ порицать нерѣшимость и медленность Людовика IX; Опецъ Мембургъ торжественно осуждаетъ его, и говоритъ просподушно, *что святость не вовсе избавляетъ отъ прегрѣшеній, особенно въ дѣлахъ политическихъ и преимущественно въ военныхъ.* 1250—1255.

Договоръ, заключенный между Мамелюками и Сирійцами, былъ сигналомъ къ войнѣ; Дамасскій Султанъ подступилъ съ войскомъ подъ самыя стѣны Птолемаиды, и грозилъ опустошить сады и поля, доставлявшія продовольствіе городу, если не заплатятъ ему пятидесяти тысячъ золотыхъ безановъ: Христіане не могли бы пропитаться врагамъ своимъ, если бы послѣдніе намѣревались рѣшительно напасть на нихъ; но Сирійцы, изнуренные трудами, чувствуя недостатокъ въ продовольствіи, возвратились въ Дамаскъ, тогда какъ Мамелюки пошли обратно къ Каиру; и тѣ и другіе удалялись, замышляя возвратиться снова, и воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для занятія или опустошенія Палестины.

Угрозы Мусульманъ долженствовали побудить Людовика IX удвоить ревность и уси-

1250 — 1255. лія для приведенія Христіанскихъ городовъ въ оборонительное положеніе; онъ предпринялъ возобновить укрѣпленія Сидона, срытыя Дамасскими Саррацинами въ то время, когда крестоносцы вышли на берегъ въ Египтѣ. Онъ отправилъ въ эпотъ городъ множество мастеровъ; работы уже подвигались успѣшно, вдругъ были прерваны самымъ плачевнымъ приключеніемъ: крѣпость, охраняемая слабымъ гарнизономъ, была внезапно окружена, и всѣ находившіеся тамъ Христіане вырѣзаны Туркоманами, кочевымъ и свирѣпымъ племенемъ, привыкшимъ снискивать себѣ жизнь убійствомъ и грабежемъ. Людовикъ узналъ объ этомъ несчастіи въ городѣ Тирѣ, при отъѣздѣ своемъ въ Сидонъ. Нѣкоторые изъ спасшихся отъ смерти, разсказывали ему неслыханныя жестокости варваровъ; ярость Туркманъ не пощадила ни возраста, ни пола; и во время отступленія своего, они умертвили, двѣ тысячи плѣнныхъ. Людовикъ, сильно огорченный этими извѣстіями, рѣшился немедленно итти пропивъ Туркманъ въ Белину, куда они отступили. По первому знаку, всѣ сопутствовавшіе ему воины, облекаются въ доспѣхи; Король хотѣлъ принять надъ ними начальство, но Бароны его тому вос-

противились, говоря, что онъ не можетъ 1250—
въ подобномъ походѣ подвергать опасности 1255.
жизнь свою, столь необходимую для блага Святой Земли. Христіанскіе воины выступили въ походъ. Белина или Кесарія Филиппова была построена на покатостяхъ Ливанскихъ горъ, у истоковъ Іордана; пройти туда нельзя было иначе, какъ по узкимъ тропинкамъ и чрезъ крутые утесы; ничто не останавливаетъ Французскихъ крестоносцевъ, пылающихъ отмстить смерть братьевъ своихъ, закланныхъ Туркоманами; подступаютъ къ Белинѣ, непріятель вездѣ обращается въ бѣгство; городъ взятъ. Эта побѣда была бы совершенна, если бы Христіанскіе ратники соблюли воинскій порядокъ и послѣдовали приказаніямъ своихъ начальниковъ. Между тѣмъ, какъ Французскіе крестоносцы занимали Белину, рыцари Тевтонскаго Ордена напали на Мусульманскій замокъ, построенный на сосѣднихъ высотахъ, и котораго башни возвышались между острыми вершинами Ливана. Сарацины, собравшіеся въ этомъ мѣстѣ и начинавшіе уже ободряться, отразили осаждающихъ и погнались за ними чрезъ скалы и пропасти. Внезапное отступленіе Тевтонскихъ рыцарей произвело замѣшательство и между

1250— 1255. другими Христіанскими воинами, расположенными на гористомъ мѣстѣ, гдѣ они не могли ни сражаться на конѣ, ни стать въ боевой порядокъ: Сиръ де Жуанвилль, начальствовавшій надъ Королевскими жандармами, нѣсколько разъ былъ близокъ къ смерти, и едва не попался въ руки Туркомановъ. Наконецъ, Французскіе воины, своею храбростію, исправили ошибку Нѣмцевъ; Оливье де Термъ и предводимые имъ рапники, успѣли опразить Мусульманъ. Крестоносцы оставили Белину, послѣ разграбленія ея, и пошли обратно въ Сидонъ.

Людовикъ IX прежде ихъ прибылъ туда; приближаясь къ городу, какую честь долженствовалъ ощущать этотъ Государь (1), видя на пути своемъ землю, устлан-

(1) Здѣсь разсказъ Жуанвилля очень запутанъ и почти непонятенъ. Онъ говоритъ сперва, что Король находился въ Сидонѣ, и что онъ удалился въ замокъ, по прибытіи Сарацинъ. Двѣ страницы ниже, онъ говоритъ: »Когда Король покончилъ укрѣплять и «окружать Яффу, ему пришла охота сдѣлать съ «*Сайдетомъ* (Сидономъ) тоже, что сдѣлалъ съ «Яффою.» Здѣсь нельзя не замѣтить противорѣчія Можно бы подумать, что Людовикъ IX, побывавъ въ Сидонѣ, уѣхалъ оттуда, и опять туда возвратился: но одно обстоятельство доказываетъ противное. Исторія повѣствуетъ, что двѣ тысячи Христіанъ были убиты въ Сидонѣ или въ окрестностяхъ этого

ную обнаженными и окровавленными пру- 1250 —
пами; это были печальные останки Хри- 1255.
стіанъ, умерщвленныхъ Туркоманами. Они
уже приходили въ гнилость и никто не ду-
малъ о ихъ погребеніи. При такомъ зрѣлищѣ,
Людовикъ останавливается, приглашаетъ
Легата освятить кладбище, потомъ пове-
лѣваетъ похоронить тѣла, покрывавшія до-
роги: вмѣсто повиновенія, всякій отвора-
чиваетъ глаза и отступаетъ въ ужасѣ;
тогда Людовикъ всталъ съ коня, и поднявъ
одинъ изъ труповъ, испускавшихъ смрадный
запахъ, сказалъ: *удѣлимъ, друзья мои,*
удѣлимъ немного земли мученикамъ
Іисуса Христа. Примѣръ Короля вну-
шаетъ твердость и сострадание его спут-
никамъ; всѣ спѣшатъ подражать ему, и
Христіане, побитые варварами, получили
такимъ образомъ надлежащее погребеніе.
Эта благочестивая преданность Людовика IX
къ памяти своихъ сотрапниковъ, превоз-

города: если бъ Людовикъ IX находился тогда въ этихъ мѣстахъ, то вѣроятно онъ велѣлъ бы похоронить мертвыхъ до своего отбытія, и не отложилъ бы до возвращенія своего исполненіе сего набожнаго долга. Все доказываетъ, что *Сказаніе* Жуанвилля было искажено въ томъ отрывкѣ: къ несчастію, не одно это искаженіе испытало этотъ драгоцѣнный Историческій памятникъ.

1250 — 1255. носима была всѣми Историками; она представляетъ странную противоположность съ жестокосердіемъ героя новѣйшихъ временъ, который почти въ подобномъ же обстоятельствѣ и въ той же самой странѣ, приказалъ оправить всѣхъ раненныхъ, оставшихся на полѣ сраженія (1).

Король провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Сидонѣ, занимаясь укрѣпленіемъ города. Между тѣмъ Королева Бланка часто писала къ нему и убѣждала его возвратиться во Францію, безпрестанно страшась не увидѣть болѣе своего сына.

Эти предчувствія къ несчастію оправдались. Людовикъ находился еще въ Сидонѣ, когда прибыло въ Палестину посольство съ извѣстіемъ, что Правительница уже не существуетъ. Папскій Легатъ первый узналъ эту печальную новость; онъ пришелъ къ Королю, въ сопровожденіи Архіепископа Тирскаго и Жоффруа де Болье, духовника Людовика. Когда Прелатъ объявилъ, что хочетъ сказать нѣчто важное, показывая на лицѣ своемъ великую горесть, Монархъ провелъ его въ свою молельню, которая, по выраже-

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Авторъ намѣкаетъ на поведеніе Наполеона въ Египтѣ.

нію одного древняго Писателя, *была его арсеналомъ противъ всѣхъ скорбей житейскихъ*. Легатъ вопервыхъ напомнилъ Королю, что все любимое человѣкомъ на земли, подвержено разрушенію; «возблагодарите Бо- «га, прибавилъ онъ, за то, что Онъ даровалъ «вамъ мать, которая съ такою заботливо- «стью и такимъ искусствомъ пеклась о ва- «шемъ семействѣ и вашемъ государствѣ. . . .» Легатъ остановился, и послѣ минутнаго молчанія тяжело вздохнувъ, продолжалъ: «Эта «нѣжная мать, эта добродѣтельная Государыня, теперь въ небесахъ.» При сихъ словахъ Людовикъ громко возопилъ и залился слезами; успокоясь нѣсколько, онъ упалъ на колѣна предъ алтаремъ, и сжавъ руки воскликнулъ: «Благодарю Тебя, о Господи мой! «что даровалъ мнѣ столь добрую матерь; «то былъ даръ Твоего милосердія; Ты бе- «решь его обратно, какъ свое добро; Ты «вѣдаешь, что я любилъ ее превыше всѣхъ «твореній; но если прежде всего должны «совершиться Твои предопредѣленія, Гос- «поди! да благословится имя Твое во вѣки «вѣковъ.» Людовикъ отпустилъ Легата и Архіепископа Тирскаго, и оставшись одинъ съ духовникомъ своимъ, служилъ поминки по усопшимъ: два дня провелъ онъ, не до- 1250—1255.

пуская къ себѣ никого. Тогда попребовалъ онъ Жуанвилля, и увидѣвъ его, сказалъ ему: «Ахъ! Сенешаль, я лишился матери. — Го- «сударь, отвѣчалъ Жуанвилль, я нѣ уди- «вляюсь этому, вы знаете, что она должна «была умереть однажды; но меня удивляетъ «великое и постыдное отчаяніе, въ кото- «рое это васъ ввергло, васъ такого мудраго «Государя.» Когда Жуанвилль оставилъ Людовика, Сестра Короля *Marie de bonnes vertus*, *добродѣтельная Марія*, пришла просить Сенешаля посѣтить Государыню, чтобы ее утѣшить. Просвѣщенный Сенешаль нашелъ Маргариту въ слезахъ, и не могши скрыть своего удивленія, сказалъ, «не должно вѣрить «слезамъ женщины, и тѣмъ менѣе, что отча- «киваетъ ту, которую болѣе всего нена- «видѣла въ свѣтѣ (qu'on ne devait mie croire femme à son plorer, car le deuil qu'elle menait était pour la femme qu'elle haissoit plus en ce monde).» Маргарита отвѣчала, что дѣйствительно она совсѣмъ не смерть Бланки оплакиваетъ, «но великое разстройство, въ коемъ нахо- «дился Король, и также дочь свою, оста- «шуюся подъ присмотромъ мущинъ.»

Людовикъ IX присутствовалъ ежедневно при служеніи панихиды по усопшей своей матери. Онъ послалъ во Францію множество

драгоцѣнностей и рѣдкихъ каменьевъ для раздачи главнымъ церквамъ; въ то же время увѣщевалъ онъ Духовенство молиться за него и за упокой Королевы Бланки. По мѣрѣ того, какъ Людовикъ возсылалъ къ Богу молитвы за мапть свою, горесть его уступала мѣсто надеждѣ снова увидѣться съ нею на небѣ; и его успокоившаяся душа почерпала сладчайшія упѣшенія въ этомъ таинственномъ узлѣ, совокупляющемъ насъ съ тѣми, коихъ мы лишились, въ этомъ благочестивомъ чувствѣ, которое очищаетъ наши нѣжнѣйшія склонности и облегчаетъ наши скорби. 1236—1255.

Смерть Королевы Бланки, казалось, налагала на Людовика IX обязанность возвратиться въ свои владѣнія: извѣстія, получаемыя имъ съ Запада, убѣждали, что присутствіе его становилось со дня на день необходимѣе. Война за наслѣдство Фландрское снова воспламенилась; перемиріе съ Англіею кончилось; въ народѣ распространился ропотъ; съ другой стороны Людовику IX нѣчего было дѣлать въ Палестинѣ. Съ той поры возвращеніе его въ свое государство занимало всѣ его мысли; и какъ бы недовѣряя въ этомъ случаѣ своимъ собственнымъ знаніямъ, онъ хотѣлъ еще ни начто не рѣшившись, вопросить сперва волю Божію.

1250—1255. Въ Христіанскихъ городахъ, въ Палестинѣ, чинили крестные ходы и молебствія, дабы Всевышній удостоилъ вразумить тѣхъ, которыхъ избралъ вождями брани, предпринятой во имя Его. Духовенство и Бароны царства Іерусалимскаго, убѣжденные, что присутствіе Людовика для нихъ болѣе не нужно, и что возвращеніе его на Западъ можетъ пробудить энтузіазмъ Французскихъ воиновъ для новаго Крестоваго похода, совѣтовали ему отправиться въ Европу, и изъявили свою живѣйшую благодарность за всѣ услуги, оказанныя имъ въ теченіе пяти лѣтъ дѣлу Іисуса Христа. Людовикъ, готовясь къ отъѣзду, оставилъ во Святой Землѣ сто рыцарей подъ начальствомъ Жоффруа де Сержина, который пятнадцать лѣтъ сражался съ Сарацинами, и въ старости своей сдѣлался Вице-Королемъ царства Іерусалимскаго. Людовикъ покинулъ Сидонъ, и отправился весною 1254 года въ Птолемаиду съ Королевою и тремя дѣтьми, прижитыми имъ на Востокѣ. Флотъ, состоящій изъ четырнадцати кораблей, готовъ былъ для него и для остальныхъ воиновъ Крестоваго похода. Въ день отъѣзда (24 Апрѣля), Король, въ сопровожденіи Легата, Іерусалимскаго Патріарха и всѣхъ владѣтелей и рыцарей Але-

стинскихъ, опправился пѣшкомъ къ приспани посреди многочисленнаго народа, спекшагося на пути его. Тогда вспомнили добродѣтели, коихъ показалъ онъ примѣръ, особенно же его человѣколюбіе къ Палестинскимъ жителямъ, съ которыми онъ обращался, какъ съ своими собственными подданными. Одни изъявляли благодарность свою шумными восклицаніями, другіе угрюмымъ молчаніемъ; весь народъ, опечаленный его опъѣздомъ, провозглашалъ его *Отцемъ Христіанъ*, и молилъ Бога, чтобы излилъ свои благословенія на семейство добродѣтельнаго Государя и на королевство Францію. Людовикъ являлъ на лицѣ своемъ участіе въ скорби Палестинскихъ Христіанъ; онъ старался утѣшить ихъ, давалъ имъ полезные совѣты, укорялъ себя въ томъ, что мало содѣйствовалъ ихъ пользѣ, и обнаруживалъ живѣйшее желаніе довершить съ помощію Божію подвигъ ихъ избавленія. 1250 — 1255.

Наконецъ флотъ вступилъ подъ паруса; Людовикъ IX получилъ опъ Легата позволеніе взять съ собою на корабль *Святые Дары*, для пригоповленія къ кончинѣ умирающихъ и больныхъ. Такъ, видя алтари, воздвигнутые на судахъ, видя Священниковъ въ святительскомъ облаченіи, отправляющихъ

1250—1255. божественное служеніе и ежечасно призывающихъ покровительство Всевышняго, можно было узнать благочестивые остатки Крестоваго похода и послѣдніе трофеи брани Христовой. Когда флотъ приближался къ острову Кипру, корабль, на которомъ находился Король, сильно толкнулся въ отмѣль; весь экипажъ былъ объятъ ужасомъ; Королева и дѣти ея испускали жалобные вопли, но Людовикъ повергся предъ алтаремъ и обратился къ Тому, Кто повелѣваетъ морями. Когда осмотрѣли корабль, то нашли, что онъ поврежденъ; кормчіе уговаривали Короля сойти съ него; но онъ видя, что сами они считаютъ для себя неприличнымъ покинуть корабль, рѣшился остаться. «Нѣтъ никого здѣсь, сказалъ онъ, кто не любилъ бы своего тѣла «такъ, какъ я люблю мое; если я сойду, то «они сойдутъ также, и долго не увидятъ «своего отечества. Лучше хочу предать «себя, Королеву и дѣтей моихъ Десницѣ Божіей, нежели подвергнуть такой бѣдѣ «столь великое число народа.» Слова эти, внушенныя геройскимъ человѣколюбіемъ, оживили мужество матросовъ и поклонниковъ, и снова пустились въ море. Флотъ, удаляясь отъ Сициліи, старшился приблизиться къ берегамъ Тунискимъ, какъ бы нѣкое тайное

предчувствіе предвѣщало Французскимъ кре- 1250 —
споносцамъ бѣдствія, ожидавшія ихъ на этомъ 1255
берегу во время другаго похода, еще злополучнѣйшаго. Поднявшаяся буря угрожала флоту погибелью; Королева Маргарита обѣщала тогда серебряный корабль Святому Николаю Лотарингскому, и просила Жуанвилля *быть ея порукою предъ покровителемъ застигнутыхъ бурею.* Въ то время, какъ всѣ предавались отчаянію, Людовикъ обрѣталъ спокойствіе въ набожной философіи, и когда опасность миновала, онъ сказалъ своимъ спутникамъ: «Смотрите, не «явилъ ли намъ Богъ своего великаго могу- «щества, когда однимъ изъ четырехъ вѣ- «тровъ морскихъ, могли быть потоплены «Король Французскій, Королева, дѣти его «и сколько другихъ особъ?» Плаваніе продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ; и въ это время съ поклонниками случилось много чудесныхъ приключеній, которыя сохранены Исторіею, и достойны занять мѣсто въ какой нибудь Христіанской Одиссеи.

Флотъ присталъ наконецъ къ островамъ *Іерскимъ.* Людовикъ IX отправился черезъ Провансъ, и проѣхавъ Овернъ, прибылъ въ Винсенны 5 Сентября 1254 года; толпа отвсюду спекалась на пути его; чѣмъ болѣе

1250 — забывали его несчастія, тѣмъ болѣе Людовикъ
1255. вспоминалъ объ участи своихъ сорапниковъ; и печаль, омрачавшая чело его, сосшавляла горестную пропшвоположносшь съ общесшвенною радосшію. По пріѣздѣ своемъ, онъ шошчасъ пошелъ въ обишель Свяшаго Діонисія повергнушься предъ Апосшолами Франціи. На другой день вступилъ онъ въ сполицу, предшесшвуемый Духовенсшвомъ и народомъ. Онъ все еще носилъ кресшъ на плечѣ своемъ, и эпошъ видъ, напоминая причины его продолжишельнаго опсушсшвія, заспавлялъ опасашься, чшо онъ не совсѣмъ оспавилъ предпріяшіе Кресповаго похода. Большая часшь Бароновъ и рыцарей, опправившихся съ Людовикомъ IX, погибли въ Сиріи или въ Египпѣ. Пережившіе сполько злоключеній, возвращились въ свои опусшѣлые замки, пришедшіе въ совершенное разрушеніе. Добрый Сенешаль, посѣшивъ свое жилище, пошелъ босой въ церковь Св. Николая Лошарингскаго для исполненія обѣша Королевы Маргариты. Послѣ шого онъ занимался только исправленіемъ бѣдсшвій, копорыя причинилъ своимъ вассаламъ долговременнымъ опсушсшвіемъ, и поклялся никогда не покидашь для похода въ Азію замка Жуанвилльскаго.

Такъ прекратилась эта священная брань, которой начало наполнило радостію народы Христіанскіе, и которая потомъ повергла въ печаль весь Западъ. Въ происшествіяхъ мною описанныхъ, руководствовалъ меня Сенешаль де Жуанвилль, и я не могу окончить моего повѣствованія, не заплативъ ему справедливой дани моей благодарности. Простота его разсказа, непринужденность его слога, веселость его нрава были для меня счастливымъ развлеченіемъ посреди труда всегда сухаго и часто скучнаго. Мнѣ пріятно видѣть его неустрашимаго на полѣ брани, сохраняющаго свою веселость посреди несчастій войны, исполненнаго преданности воли Божіей во время своего плѣна, и во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ напоминающаго настоящій духъ рыцарства: подобно своему соотечественнику Виллегардуину, онъ часто заставляетъ плакать своихъ героевъ, и часто самъ проливаетъ слезы. Онъ презираетъ опасность, когда опасность передъ нимъ; но благодаритъ Бога отъ всего сердца, когда ему нечего болѣе страшиться. 1250—1255.

Читая его *Записки*, я переселяюсь въ XIII-й вѣкъ; мнѣ кажется, что слышу рыцаря, возвратившагося изъ Крестоваго похода, и который разсказываетъ мнѣ, что дѣлалъ

1250—1255. и видѣлъ. У него нѣтъ ни порядка, ни правила, онъ бросаетъ и снова продолжаетъ, распространяетъ или сокращаетъ свое повѣствованіе, смотря потому болѣе или менѣе поражено воображеніе его тѣмъ, что онъ описываетъ. При чтеніи Жуанвилля, нимало не удивляешься, что Святый Людовикъ до такой степени плѣненъ былъ его бесѣдою; каждый изъ его читателей не можетъ отказать ему въ дружбѣ и довѣріи, кои оказывалъ ему добродѣтельный Монархъ, и Исторія безъ пруда признаетъ все, что онъ утверждаетъ *своего честію*, увѣренная, что тотъ, кто говорилъ правду при Дворѣ Царей, не можетъ обманывать потомство.

Крестовый походъ Святаго Людовика былъ того же характера, какъ и походъ непосредственно ему предшествовавшій. Энтузіазмъ, внушаемый сими отдаленными предпріятіями, утрачивалъ съ каждымъ днемъ свою живость и силу: Крестовый походъ въ глазахъ рыцарей обратился въ обыкновенную войну, въ которой духъ рыцарства былъ несравненно сильнѣйшимъ двигателемъ, нежели Вѣра. Его считалъ благочестивымъ подвигомъ одинъ только Людовикъ IX.

Образъ проповѣдыванія этого Крестоваго похода въ Европѣ, смятенія, среди коихъ раз-

давался голосъ проповѣдниковъ, особенно къ 1250—
средства, употребленныя для собранія на- 1255.
логовъ во всемъ Западѣ, все соединилось,
чтобы отвратить умы отъ цѣли, къ кото-
рой должно стремиться въ священной войнѣ.

Впрочемъ Людовикъ IX принялъ предосто-
рожности, коими пренебрегли въ войнахъ
предшествовавшихъ. Три года употреблены
были на приготовленіе этого великаго пред-
пріятія; рыцари, прибывшіе на островъ
Кипръ, не могли довольно надивиться, видя
бочки съ виномъ, уставленныя ярусами такъ
высоко, *что казались домами*, и вороха
пшеницы, ячменю и другаго хлѣба, столь
огромные, что *можно бы счесть ихъ го-
рами.* Нѣтъ сомнѣнія, что Князья и вла-
дѣтели, сопутствовавшіе Святому Людо-
вику, послѣдовали его примѣру: счастливы бъ
были крестоносцы, если бы вожди ихъ явили
въ войнѣ такую же осторожность и такое
же благоразуміе, какъ и въ приготовленіяхъ
къ своему походу!

Французскіе воины оказали повсюду обыкно-
венное свое мужество; но во весь Кресто-
вый походъ никто изъ вождей не открылъ
въ себѣ генія великихъ полководцевъ, и самъ
Людовикъ IX среди опасностей, могъ только
подать войскамъ примѣръ мужества и не-

1250—1255. успрацимости. Мы описали чудеса храбрости Французовъ на полѣ брани, чудеса ихъ геройской твердости въ несчастіяхъ; крестоносцы и вожди ихъ заслужили среди своихъ злоключеній и неимовѣрныхъ бѣдствій уваженіе и удивленіе своихъ враговъ, и здѣсь Исторія представляетъ намъ прекраснѣйшее зрѣлище, какое только можетъ быть представлено людямъ: *Славу, неизмѣнную спутницу несчастія.*

Въ продолженіе нашего повѣствованія, мы имѣли случай замѣтить, что веселонравіе Французское никогда не оставляло крестоносныхъ рыцарей въ ихъ отдаленныхъ походахъ. Эта веселость часто примѣшивалась къ самымъ печальнымъ явленіямъ, и даже не всегда соблюдала строгое приличіе. Да будетъ намъ позволено передать объ этомъ предметѣ одну странную подробность, упоминаемую Жуанвиллемъ: наканунѣ Мансурагскаго сраженія умеръ одинъ изъ рыцарей Сенешаля Шампанскаго, по имени Ландрикуръ; въ то время, какъ воздавали ему погребальныя почести, шестеро изъ его сорапниковъ разговаривали между собою такъ громко, что крикомъ своимъ прервали Священника, отправлявшаго богослуженіе. Жуанвилль съ жаромъ укорялъ ихъ; тогда они со

смѣхомъ оправѣчали ему, что совѣщуются между собою о томъ, какъ бы выдать замужъ вдову *Мессира Гюга Ландрикура, лежащаго въ гробѣ.* Жуанвилль весьма огорчился такими словами и приказалъ имъ молчать. Говоря объ этой нескромной веселости своихъ рыцарей, просподушный Сенешаль присовокупляетъ, что Богъ наказалъ ихъ въ день сраженія; *изъ всѣхъ шести,* говоритъ онъ, *ни одинъ не избѣгнулъ смерти, и ни одинъ не былъ погребенъ, и подконецъ жены ихъ, всѣ шесть, должны были выйти замужъ* (car de tous les six n'en eschappa pas ung qu'ils ne fussent tués et non pas enterrés, et à la fin a convenu à leurs femmes de se remarier toutes six). 1250—1255.

Нравы рыцарей составляли чрезвычайную противоположность съ нравами Мусульманъ, всегда важными и степенными, даже посреди пиршествъ, коими праздновали они освобожденіе своего отечества и пораженія Христіанъ.

Мы неоднократно упоминали о недостаткѣ дисциплины у крестоносцевъ; устройство Саррацинъ было не лучше; но кромѣ той выгоды, что они вели войну на своей землѣ, счастіе даровало имъ, посреди величайшихъ опасностей, вождей искусныхъ и опытныхъ,

1250 — 1255. которые умѣли воспользоваться всѣми ошибками Христіанъ и преклонять побѣду подъ свои знамена.

При первомъ появленіи крестоносцевъ, Исторія представляетъ намъ весь Египетскій народъ пораженный ужасомъ; но Мусульмане, ободренные своими вождями, скоро почувствовали въ себѣ столько же спокойствія и довѣренности, сколько прежде возъимѣли опасеній; и такъ какъ вообще люди забываютъ легче всего опасность, по спустя годъ, по взятіи Даміетты, Саррацины не могли постигнуть родъ безумія, которое привело Франкскаго Государя на берега Нила. Продолжатель Табари приводитъ на счетъ сего черту, изображающую однимъ разомъ мнѣніе и характеръ Мусульманъ; Эмиръ Госсамъ-Эддинъ, разсуждая о дѣлахъ съ плѣннымъ Государемъ, сказалъ ему: «Какъ могло «притти на мысль Королю при умѣ его и «всѣхъ прекрасныхъ качествахъ, какъ могло «притти ему на мысль, ввѣрить себя уплой «ладіи, пренебречь опасности моря, отва«житься на завоеваніе страны, наполненной «разбойниками, нетерпѣливо желающими сра«жаться за вѣру Магомегову; какъ могъ «онъ думать, что овладѣетъ Египтомъ и «ступитъ на эту землю, не подвергнувъ

«себя и своихъ воиновъ величайшимъ опасно- 1250 —
«спямъ?» Французскій Король засмѣялся и не 1255.
оппвѣчалъ ничего. Эмиръ продолжалъ пакъ:
«Нѣкопорые изъ нашихъ законовѣдцевъ рѣ-
«шили, чпо попъ, кпо пускаепся въ эпо
«море два раза сряду, подвергая опасности
«счасптіе и жизнь свою, не можепъ быпь
«приняпъ свидѣпелемъ въ судѣ, попому
«чпо сполъ великая безразсудность доспа-
«почно доказываепъ слабость его ума и по-
«мѣшапельспво его разсудка.» Людовикъ IX
опять спалъ смѣяпься и оппвѣчалъ Эмиру:
«Топъ кпо сказалъ эпо, не обманулся, и
«эпо заключеніе благоразумно (1).»

Мы списали повѣспвованіе Историка Араб-
скаго, полагаясь на досповѣрность его, сколь-
ко онъ пого заслуживаепъ; Писапели Хри-
спіанскіе показали не менѣе спрогоспи про-
пивъ Свяпаго Людовика, и не прощаюпъ
ему его похода за-море. Не спараясь оправ-
дывапь эпопъ Кресповый походъ, мы ска-
жемъ однако, чпо Людовикъ IX имѣлъ въ виду

(1) Продолженіе разговора Свяпаго Людовика съ Эми-
ромъ касаепся пого, какимъ образомъ Мусульман-
скіе законоучипели полкуюпъ наспавленіе ходипь
на поклоненіе въ Мекку. Мы оппесли продолженіе въ
VI пом, *Bibliographie des Croisades*, къ опрывку
изъ продолженія Табари, взяпому *Г-мъ Рено*.

1250—1255. не одну только защиту Христіанскихъ владѣній въ Сиріи и попраніе враговъ Вѣры; но также основаніе поселенія, которое соединяло бы Востокъ съ Западомъ счастливымъ размѣномъ произведеній и свѣдѣній. Въ XIII-й книгѣ этой Исторіи мы помѣстили письмо Султана Каирскаго, изъ котораго не трудно замѣтить, что замыслы Французскаго Короля были совершенно отличны отъ замысловъ завоевателя. Историкъ Мезере рѣшительно говоритъ, что намѣреніе Короля Французскаго было, основать поселеніе въ Египтѣ, намѣреніе, которое покушались привести въ дѣйство и въ новѣйшія времена. «Для этого,» присовокупляетъ Мезере, «онъ повелъ съ «собою въ походъ множество хлѣбопашцевъ «и мастеровъ, способныхъ впрочемъ носить «оружіе и сражаться въ случаѣ нужды.» Для подтвержденія нашего мнѣнія, мы можемъ прибавить къ свидѣтельству Мезере свидѣтельство Лейбница, который въ одномъ посланіи своемъ къ Людовику XIV, не боится утверждать, что причины, побудившія Святаго Людовика предпринять завоеваніе Египта, внушены были глубокою мудростію, и заслуживали вниманіе опытнѣйшихъ государственныхъ мужей и просвѣщеннѣйшихъ политиковъ.

Впрочемъ кажется, что Людовикъ IX не 1250—
видѣлъ всей великости выгодъ, кои можно было 1255.
извлечь изъ его похода, и которыя замѣчены
въ нашемъ вѣкѣ. Вся политика сихъ отда-
ленныхъ временъ заключалась въ понятіяхъ
Вѣры, кои внѣдрялись въ дѣла смертныхъ, и
часто направляли ихъ къ цѣли, вовсе неза-
мѣчаемой умомъ человѣческимъ. Что дѣлаютъ
нынѣ для пользы торговли и образованности,
то прежде дѣлали для пользы Христіанства,
и слѣдствія часто были одни и тѣже. Вѣра, въ
эти времена варварства и невѣжества была
дана людямъ, какъ нѣкая таинственная му-
дрость, какъ нѣкій высокій инстинктъ, что-
бы помочь имъ открыть все, что долженство-
вало быть для нихъ хорошо и полезно. Не
надобно забывать, что Вѣра Христіанская
всегда руководила Людовика IX въ его поведе-
ніи, и что однимъ лишь благочестивымъ вну-
шеніямъ своего Государя, Франція была тогда
обязана этими договорами, въ коихъ господ-
ствовали искренность и честность, этими
постановленіями, освятившими правила спра-
ведливости, всѣми этими памятниками мудрой
политики, которымъ новѣйшая философія не
могла отказать въ своемъ удивленіи.

Походъ Людовика IX имѣлъ для Египта
два слѣдствія, коихъ нельзя было ожидать.

1250—1255. Чрезъ два года по освобожденіи Святаго Людовика, когда этотъ Государь былъ еще въ Палестинѣ, Мамелюки, спрашась новаго нашествія Франковъ, и чтобы враги ихъ не могли овладѣть Даміеттою и укрѣпиться въ этомъ городѣ, разрушили крѣпость до основанія. Спустя нѣсколько лѣтъ, когда опасенія еще не совсѣмъ прошли, и второй Крестовый походъ Людовика распространялъ новыя безпокойства на Востокѣ, завалили огромными глыбами камней устье Нила, чтобы Христіанскіе флоты не могли подняться по рѣкѣ. Съ того времени новая Даміетта была построена недалеко отъ первой; но входъ въ Нилъ еще понынѣ запертъ для всѣхъ кораблей: горестное и плачевное доказательство ужаса, который нѣкогда внушало оружіе Франковъ!

Исторія гораздо болѣе сокрушается о второмъ слѣдствіи этого Крестоваго похода. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ много содѣйствовалъ измѣненію образа правленія въ Египтѣ, и наполненію этой несчастной страны всѣми бѣдствіями, которыя влечетъ за собою воинскій деспотизмъ. Намъ представляется зрѣлище въ одно время достойное и всего нашего вниманія и нашей жалости, когда видимъ, послѣ кровопролитнаго

переворопа, богапную и обширную спрану, вдругъ преданную невольникамъ, купленнымъ въ самыхъ варварскихъ земляхъ Азіи. Деспотизмъ, никогда недовѣряющій всему его окружающему, успрашился природныхъ защипниковъ Египпа, и поручилъ оборону -его людямъ неимѣющимъ ни опечества, ни семейства, эпимъ людямъ, копорые, по выраженію Тацита, когда онъ говоритъ о спражѣ Арпабановой, чужды всякаго понятія о добродѣтели, неспособны къ раскаянію, и зная лишь руку, копорая имъ плапитъ, представляютъ всегда готовое орудіе преступленію. Большая часть династій Сирійскихъ уже погибли жертвою безразсуднаго довѣрія своего къ чужеземнымъ воинамъ. Династія Саладина имѣла такую же участь и была испровергнута, какъ и всѣ прочія, варварами, на коихъ возложила свою защиту. Династія Мамелюковъ Багаритскихъ, наслѣдовавшая Айубитамъ, также не могла долго продолжаться, и невольники, купленные въ Черкесіи, овладѣли въ свою очередь властію, ихъ вооружившею. Чрезъ два вѣка имперія Оттоманская низвергла вторую династію Мамелюковъ; но ихъ воинственное правленіе, среди безчеловѣчій тиранства и неистовствъ своеволія, презирало долгое время могуще-

1250—1255.

1250 — 1255. ство побѣдителя, и существовало до конца XVIII столѣтія, пока присутствіе Французскаго войска не уничтожило ихъ окончательно. Такимъ образомъ два похода Французовъ въ Египетъ ознаменовалися, первый — возмущеніемъ и возвышеніемъ Мамелюковъ, второй — ихъ истребленіемъ.

Впрочемъ философія и человѣчество извлекли изъ похода Святаго Людовика нѣкоторую пользу, коей Исторія не оспориваетъ. Французскій Государь неоднократно слышалъ въ Сиріи, что одинъ могущественный Эмиръ собиралъ множество книгъ и составлялъ изъ нихъ библіотеку, открытую для всѣхъ ученыхъ. Онъ пожелалъ послѣдовать этому благородному примѣру, и приказалъ списать всѣ рукописи, хранившіяся въ монастыряхъ. Это литературное сокровище, ввѣренное Викентію де Бове (Vincent de Beauvais), перенесено было въ залу, смежную съ придворною церковію и содѣлалось первымъ примѣромъ этихъ библіографическихъ заведеній, этихъ драгоцѣнныхъ хранилищъ Наукъ и Словесности, коими гордится нынѣ столица Франціи.

Часто говорено было, что больница *des Quinze-Vingts*, основана Святымъ Людовикомъ для трехъ сотъ человѣкъ благороднаго происхожденія, которые возвратились изъ свя-

щенной брани, поперявъ зрѣніе. Но въ указѣ, коимъ Людовикъ IX основалъ эпу больницу, ничего не сказано такого, чпо могло бы подпвердипь мнѣніе, распроспраненное сперва нѣкопорыми Писапелями, и обрапившееся нынѣ въ народное преданіе. Жуанвилль упоминаепъ объ учрежденіи эпой больницы; но ничего не говорипъ о причинахъ, побудившихъ Государя къ основанію эпого заведенія. Сверхъ пого мы должны присовокупипь, чпо больница *des Quinze-Vingts* являепся нѣсколькими годами позже возвращенія изъ Кресповаго похода. Мезере говорипъ въ своей Исторіи, чпо въ половинѣ XII сполѣпія учреждена была въ Руанѣ богадѣльня для слѣпыхъ, и чпо эпопъ древній памяпникъ человѣколюбія, могъ побудипь Людовика IX основапь подобное же заведеніе въ своей сполицѣ. 1250—1255.

До эпого Кресповаго похода, Тапарія извѣспна была только спрашными переселеніями Монголовъ; эпа обширная спрана была нѣкопорымъ образомъ опкрыпа Западу Мисіонерами, копорыхъ посылалъ пуда Французскій Король. Вильгельмъ де Лонгжюмо, опправившійся изъ оспрова Кипра, собралъ въ пупешесптвіи своемъ много баснословныхъ преданій, но онъ доспавилъ пакже любопып-

1250 — 1255. ныя свѣдѣнія и вѣрныя наблюденія. Рубрукъ-висъ (1), предпринявшій путь во время пребыванія Короля въ Палесшинѣ, и возвратившійся по окончаніи крестоносцевъ, не успѣлъ въ порученіи своемъ предъ могущественнымъ Императоромъ Монголовъ; но какъ путешественникъ, описалъ онъ съ большимъ остроуміемъ страну, нравы, законы Тапаръ, и повѣствованіе его осталось нынѣ драгоцѣннымъ памятникомъ, который никакъ не могли предать забвенію новѣйшія путешествія.

Современные Лѣтописатели, и самъ Жуанвилль, обращавшіе вниманіе на одни только военныя происшествія, и вовсе незамѣчавшіе успѣховъ образованности, ничего почти не сказали о свѣдѣніяхъ, кои могъ пріобрѣсти Святый Людовикъ о восточномъ законодательствѣ. Сколько занимательности имѣли бы для насъ древнія лѣтописи, если бы въ нихъ были переданы намъ бесѣды Монарха законодателя съ Восточными Христіанами, свѣдущими въ законахъ и обычаяхъ, коими управлялись поселенія Франковъ! Во время пребыванія Короля въ Сиріи, Канцлеръ королевства Кипрскаго собралъ всѣ законы,

(1) Его же называютъ *Рюйсбруком*ъ.

составлявшіе *Судопроизводство Іерусалимское* (Les assises de Jérusalem); и уже ли несправедливо было бы сказать, что симъ драгоцѣннымъ собраніемъ обязаны мы совѣтамъ, особенно же поощреніямъ Людовика IX? Впрочемъ достовѣрно, что благочестивый Монархъ не пренебрегъ ничѣмъ, чтобъ узнать повѣрья и обычаи посѣщаемыхъ имъ земель, и что Іерусалимское судопроизводство служило ему образцемъ для памятника законодательства, составившаго въ послѣдствіи лучшую славу его царствованія. 1250—1255.

Одна изъ выгодъ принесенныхъ этимъ Крестовымъ походомъ, и безъ сомнѣнія величайшая, состоитъ въ томъ, что Людовикъ IX возвратился еще болѣе добродѣтеленъ, нежели былъ до своего отъѣзда; злополучіе раскрыло и усовершенствовало въ немъ всѣ качества, отъ которыхъ подданные его могли ожидать свое будущее благоденствіе. Одинъ Протестантскій Историкъ говоритъ при этомъ случаѣ слѣдующія достопамятныя слова: «Плодомъ его странствія и его бѣдствій «было то, что онъ возвратился еще съ прекраснѣйшею душею, возросши въ усердіи, «скромности, благоразуміи, дѣятельности, «и что онъ былъ любимъ и уважаемъ Фран«цузами болѣе, нежели когда-либо до своего

1250 — 1255. «опъѣзда, и вся вселенная взирала съ чрезвычайнымъ удивленіемъ на праведную жизнь «и твердость его, среди величайшихъ опасностей, какъ бы на нѣкое чудо между «Государями (1).

Ни мало не стараясь забыть свои несчастія, Людовикъ безпрестанно напоминалъ объ нихъ, какъ о великомъ примѣрѣ, который Богъ хотѣлъ явить свѣту. Онъ приписывалъ ихъ особенно своимъ ошибкамъ; и *суровости*, которымъ онъ обрекъ остатокъ дней своихъ, были, говоритъ Отецъ Даніилъ, какъ бы нѣкій трауръ, всегда носимый имъ въ памяти такого множества храбрыхъ, погибшихъ въ Крестовомъ походѣ. По возвращеніи своемъ, онъ приказалъ передѣлать монету, и по его повелѣнію стали чеканить серебряныя Парижскія деньги и Турскіе ливры, на коихъ выбиты были цѣпи, для сохраненія въ памяти его плѣна. Эти воспоминанія дѣлали его болѣе любезнымъ для своего народа, болѣе великимъ въ глазахъ Христіанъ. Счастливы Государи, для которыхъ уроки бѣдствія не потеряны! Счастливъ также вѣкъ, въ которомъ не судятъ о людяхъ по благосклонности фортуны, въ которомъ злополучіе

(1) Verit. invent. de l'histoire de France, par Jean de Serres, pag. 152.

великихъ земли, имѣетъ въ себѣ нѣчто поч- 1250—
тенное и святое! 1255.

Бѣдствія того времени, какъ мы уже упомянули, разорили большое число знатнѣйшихъ семействъ въ государствѣ. Извѣстно, что многіе владѣльцы продали свои земли, чтобы приготовиться къ Крестовому походу. Исторія сохранила нѣкоторые акты, совершенные въ самомъ станѣ Мансурагскомъ, по коимъ многіе Дворяне продавали свои имѣнія казнѣ. Людовикъ не хотѣлъ, чтобы сорапники его были осуждены на убожество, за то, что сопутствовали ему на Востокъ, и дѣлили съ нимъ опасности и труды священной брани; онъ приказалъ составить перепись неимущаго Дворянства, и нашелъ въ своихъ собственныхъ доходахъ средства помочь ему: съ благосклоннымъ участіемъ принималъ онъ вдовъ и дѣтей храбрыхъ рыцарей, погибшихъ передъ его глазами; попеченія его простирались также на бѣдныхъ земледѣльцевъ, потерпѣвшихъ, или отъ войны съ *пастушками* (pastoureaux), или отъ его отсутствія, или же по причинѣ молчанія законовъ. «Рабы, говорилъ онъ, принадлежатъ такъ же «Іисусу Христу, какъ и мы, и въ Христіан- «скомъ государствѣ мы не должны забывать «что они наши братья.»

1250—1255. Со времени войны своей съ Мусульманами, онъ не переносилъ болѣе, чтобы проливали въ сраженіяхъ кровь Христіанъ. Указы его возбраняли всякія частныя войны во всѣхъ коронныхъ владѣніяхъ, и могущество его примѣра споспѣшествовало къ утвержденію порядка и спокойствія во всѣхъ областяхъ.

До отъѣзда своего Людовикъ отправилъ нарочныхъ для заглажденія несправедливостей, сдѣланныхъ въ управленіи его государствомъ. Возвратясь, онъ захотѣлъ все видѣть своими глазами, и объѣздилъ области въ томъ увѣреніи, что Богъ не прощаетъ властителямъ пренебреженіе случаевъ и средствъ къ узнанію истины. Какое трогательное зрѣлище представляетъ Государь, который заботится о несправедливостяхъ, причиненныхъ его именемъ, такъ точно, какъ другіе люди безпокоятся несправедливостями, собственно имъ нанесенными! Наконецъ, отеческою попечительностію своею, онъ успѣлъ истребить всѣ злоупотребленія, исправить всѣ ошибки; « и напослѣдокъ, » говоритъ благородный повѣренный его мыслей, « Французское « королевство столько укрѣпилось правосу- « діемъ и честностію тамъ царствовавши- « ми, что поземельныя подати, оброки, про- « центы и доходы съ владѣній возрастали съ

«году на годъ цѣлою половиною, и много по- 1250—
«правили сосгоянiе Французскаго королев- 1255.
«ства.»

Мы не кончимъ повѣствованiя этого Крестоваго похода, не упомянувъ объ Императорѣ Фридерикѣ II и Иннокентiи IV, которые имѣли столь великое вліяніе на происшествія нами описанныя. О Фридерикѣ можно сказать, что слава его испытала такія же превратности, какъ и его счастіе. Современныя лѣтописи, то выхваляютъ его съ преувеличенiемъ, то порицаютъ безъ всякой мѣры. Такова участь Государей, жившихъ посреди неисповѣдимыхъ партій. Духъ пристрастія, оцѣнявшій достоинства ихъ при жизни, оставляетъ Исторіи одни сомнѣнія, и кажется не перестаетъ жить для нихъ и въ самомъ потомствѣ. Ни одинъ Историкъ не оспориваетъ искусства и генія Фридерика; онъ былъ одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего времени, и поставленъ между Государями, ободрявшими своимъ примѣромъ и своими благодѣяніями возрожденіе Наукъ въ среднихъ вѣкахъ. Онъ показалъ на престолѣ, великія качества; но онъ не умѣлъ согласить себя съ духомъ своихъ современниковъ (1); онъ не имѣлъ ни

(1) Достойно особеннаго замѣчанія то, что Императоръ Фридерикъ совершенно походилъ характеромъ

1250 — недостатковъ, ни добродѣтелей своего вѣка,
1255. и посему-то изнемогъ въ своей упорной борьбѣ противъ Папъ. Если бы эта борьба не привела въ замѣшательство и не раздѣлила Европы, и если бы Фридерикъ одушевлялся тѣми же чувствованіями, какъ Святый Людовикъ, то нѣтъ сомнѣнія, что Христіанство восторжествовало бы надъ зловѣрными, и крестовыя ополченія покорили бы большую часть Востока.

Память Иннокентія IV была судима различно, какъ и память опаснаго его противника. По его обнародованіямъ, его воинственнымъ предпріятіямъ, его свѣтскимъ и духовнымъ побѣдамъ, можно бы полагать, что самый искусный и самый честолюбивый изъ завоевателей сидѣлъ на Престолѣ Святаго Петра. Происшествія, къ коимъ присоединилъ онъ свое имя, и которыя направлялъ своею политикою, достаточно свидѣтельствуютъ о его геніи и характерѣ. Этотъ Первосвященникъ, по смерти Фридерика, возвратился въ Италію, которую проѣхалъ съ тріумфомъ; но по странной противоположности, тотъ, который по-

и политикою на Фридриха II, Короля Прусскаго. Этотъ послѣдній согласовался съ своимъ вѣкомъ, и вѣкъ его прозвалъ *Фридрихомъ Великимъ*.

нрясъ могущество Императоровъ, не могъ безъ препепа вступить въ Римъ. Римляне послали къ нему нарочныхъ, чтобы изъявить ему свое удивленіе на то, что онъ ведетъ скитальческую жизнь, далеко отъ своей столицы и паствы, въ которой онъ долженъ отдать отчетъ Верховному Судіи. 1250—1255.

Повинуясь воли Римскаго народа, Иннокентій не оставлялъ ни на минуту намѣреній своихъ противъ остатковъ Императорскаго семейства, и смерть постигла его въ Неаполитанскомъ королевствѣ, коимъ онъ хотѣлъ завладѣть именемъ Церкви, не занимаясь болѣе участію Христіанскихъ колоній на Востокѣ. Папа, ему наслѣдовавшій, хотя не имѣлъ ни его честолюбія, ни дѣятельности, ни генія, однако ни мало не отступилъ отъ предначертаннаго ему плана. Онъ рѣшился исполнить всѣ угрозы Папскаго Престола, и громы Рима не болѣе успокоились въ рукахъ Александра IV, какъ и въ рукахъ его предшественниковъ.

Въ оправданіе жестокаго упорства, съ которымъ Папы преслѣдовали потомство Фридериково, служитъ то, что они тѣмъ освободили Италію отъ власти Германскихъ Императоровъ, и что эта богатая страна

1250 — 1255. шестьдесятъ лѣтъ сряду не видѣла войскъ Нѣмецкой имперіи. Но съ другой стороны, выгода эта куплена была такими жестокостями, такими бѣдствіями, что народы никогда не могли ни наслаждаться ею, ни познать настоящую ея цѣну. Папы, не всегда имѣвшіе довольно силы для поддержанія дѣла своей политики, часто принуждены были призывать на помощь чужеземныхъ Государей, которые принесли въ Италію новые предлоги къ раздорамъ. Война безпрестанно призывала войну; завоеватели были изгоняемы другими завоевателями; этотъ переворотъ продолжался многіе вѣки, и содѣлался пагубенъ не только для Италіи, но для Германіи, Франціи, Испаніи, и для всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли раздѣлить между собою остатки Дома Швабскаго.

Намъ не нужно описывать этихъ печальныхъ явленій; чтобы войти въ кругъ наиболѣе свойственный нашему предмету, мы кончимъ эти всеобщія разсужденія, сказавъ нѣсколько словъ о Крестовомъ походѣ, который тогда проповѣдывали во всѣхъ Италіянскихъ городахъ противъ Экселино де Романо, коего, голосъ народа и голосъ Церкви, объявили врагомъ Бога и людей.

Эпопъ Ипаліянскій владѣпель, восполь- 1250—
зовался безпорядками междоусобныхъ браней, 1255.
чпобы захвапипь деспопическую власпь надъ многими городами въ Ломбардіи и въ Маршѣ Тревизаннской (La Marche Trevisanne). Все чпо повѣспвуепся о пиранахъ баснословной древноспи, еще весьма далеко опъ жеспокоспей Экселино. Современная Испорія уподобляепъ безчеловѣчное его царспвованіе моровому повѣпрію, наводненіямъ, пожарамъ, самымъ ужаснымъ казнямъ природы. Папа сначала оплучилъ опъ церкви Экселино, въ копоромъ видѣлъ *только лютаго звѣря въ образѣ человѣка;* но спустя нѣсколько времени, онъ обнародовалъ Кресповый походъ пропивъ эпого бича Божія и человѣчеспва. Іоаннъ Виченскій, за двадцапь лѣпъ предъ пѣмъ проповѣдывавшій всеобщій миръ, былъ одинъ изъ проповѣдниковъ эпой священной брани. Христіанамъ, кои вооружапся пропивъ Экселино, обѣщаны были пѣ же прощенія, какъ и опправлявшимся въ Палеспину. Эпопъ Кресповый походъ, предприняпый за свободу и человѣчеспво, провозглашенъ былъ во всѣхъ Ипаліянскихъ республикахъ: краснорѣчіе священныхъ випій безъ пруда увлекло полпу; но наиболѣе всего воспламенялось рвеніе народа видомъ

несчастныхъ, которыхъ Экселино велѣлъ изувѣчить посреди мученій, рыданіями и жалобами семействъ, среди коихъ тиранъ избралъ свои жертвы. Во многихъ областяхъ Италіи, жители городовъ и селъ взялись за оружіе для защиты Вѣры и отечества, горя нетерпѣніемъ обрѣсть вѣнецъ гражданскій, если восторжествуютъ надъ тиранствомъ, вѣнецъ мученическій, если погибнутъ.

Знамя Креста было развернуто передъ воинствомъ; и толпа крестоносцевъ выступила противъ Экселино, воспѣвая Церковный гимнъ:

Vexilla regis prodeunt,
Fulget crucis mysterium.
(Являются знамена Царя,
Сіяетъ таинство Креста.)

Войско вѣрныхъ оказало сначала быстрые успѣхи; но такъ какъ начальствовавшій имъ Архіепископъ Равенскій, не имѣлъ довольно искусства, и крестоносцы каждаго города предводимы были одними монахами и духовными, то они не могли воспользоваться своими первыми выгодами. Пронырства политики, духъ соперничества ослабили ревность рапниковъ; побѣда нерѣдко колебалась неудачами: четырехлѣтніе труды и опасности едва доставочны были для низложенія

владычества нечестиваго, и отмщенія чело- 1250—
вѣчества разбитіемъ и смертію Экселино. 1255.

Сожалѣю, что планъ этого сочиненія не позволяетъ мнѣ говорить подробно объ этой войнѣ, въ которой Вѣра столь удачно поддержала свободу, и которая составляетъ столь великую противоположность съ большею частію современныхъ происшествій. Въ эту эпоху проповѣдывали такое множество Крестовыхъ походовъ, что Исторія едва можетъ за ними слѣдовать; и удивительно, какъ народонаселеніе Запада могло выдержать столько несчастныхъ браней! Тогда, какъ Людовикъ IX возвращался съ Востока, гдѣ оставилъ свое войско, и священный союзъ составлялся въ Италіи противъ тирана Экселино, шестьдесятъ тысячъ крестоносцевъ, подъ начальствомъ одного Богемскаго Короля, шли противъ Литвы, еще погруженной въ идолослуженіи; другая рать крестоносцевъ отправлялась съ береговъ Одера и Вислы воевать съ язычниками Пруссіи, уже не разъ испытавшими пораженіе отъ рыцарей Тевтонскихъ. Исторія съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что въ этотъ послѣдній походъ основаны города Брунсбадъ и Кенигсбергъ; но заложеніе двухъ цвѣтущихъ городовъ не можетъ предать забвенію опусто-

1250 — 1255. шеніе многихъ областей. Если какія-либо выгоды были слѣдствіемъ сихъ кровопролитныхъ браней, то ихъ, безъ сомнѣнія, должно приписать успѣхамъ Христіанства, сблизившаго многіе народы, дотолѣ раздѣленные различіемъ нравовъ и вѣроисповѣданій; то были уроки несчастія и плоды опытности, которые наконецъ долженствовали просвѣтить Европу, и дать умамъ новый оборотъ, болѣе сообразный съ законами правосудія и разсудка, болѣе благопріятный пользамъ человѣчества. — Такъ Провидѣніе, мѣшая всегда добро со зломъ, возобновляетъ человѣческія общества, и бросаетъ плодотворныя сѣмена образованности въ самое нѣдро безпорядковъ варварства.

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ВОСЬМЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ.

КНИГА XV.

Людовикъ IX, во время пребыванія своего въ Палестинѣ, занимался не однимъ только укрѣпленіемъ Христіанскихъ городовъ, онъ употребилъ всевозможныя усилія для возстановленія между Христіанами согласія и порядка, средство еще надежнѣйшее для отраженія нападеній Мусульманъ: къ несчастію этого народа, который спасти желалъ бы онъ съ опасностью своей жизни, совѣты его скоро были забыты, и духъ раздора не умедлилъ замѣстить великодушныя чувство- 1255 — 1270.

1255 — 1270. ванія, порожденныя его рѣчами и примѣромъ его добродѣтелей.

Въ продолженіе этой Исторіи могли видѣть, что многіе приморскіе народы имѣли конторы и значительныя заведенія въ Птолемаидѣ, сдѣлавшейся столицею Палестины. Между сими народами Генуэзцы и Венеціяне занимали первое мѣсто: каждая изъ этихъ двухъ колоній жила въ отдѣльной части города, имѣла различные законы и выгоды, безпрестанно ихъ раздѣлявшіе; общимъ достояніемъ ихъ (1) была одна только церковь Св. Саввы, въ которой Венеціяне и Генуэзцы присутствовали вмѣстѣ при отправленіи богослуженія.

Это совокупное обладаніе части было поводомъ къ ссорѣ между двумя народами; спустя нѣсколько времени послѣ отъѣзда Святаго Людовика, раздоръ снова вспыхнулъ и запылалъ всею злобою, какую могъ внушить духъ соперничества и зависти двумъ народамъ, съ давняго времени спорившимъ о владычествѣ на морѣ и о выгодахъ Восточной торговли. Среди этой борьбы, въ которой самъ предметъ распри долженствовалъ бы пробудить въ сердцахъ чувствованія мира и

(1) У Сануши находится много подробностей объ этихъ спорахъ и ихъ началѣ. Мы почли за лучшее сократить ихъ.

братолюбія, Генуэзцы и Венеціяне не разъ брались за оружіе въ Птолемаидѣ, и не рѣдко свящилище, укрѣпленное обѣими партіями на подобіе военнаго замка, оглашалось шумомъ ихъ нечестивыхъ сраженій. Вскорѣ раздоръ перенесся за-море и посѣялъ новыя смятенія на Западѣ. Генуа привлекла Пизанъ на свою сторону и искала союза и помощи даже у Грековъ, неперпѣливо желавшихъ погда возвратить себѣ Константинополь. Венеція, для отмщенія своихъ обидъ, старалась соединиться съ Манфредомъ, отлученнымъ отъ Церкви Папою. Набрали войска, вооружили флоты, начали сражаться на морѣ и на сушѣ. Эта война, которой не могъ укротить Римскій Первосвященникъ, продолжалась болѣе двадцати лѣтъ, благопріятная то Венеціянамъ, то Генуэзцамъ, но всегда пагубная для Христіанскихъ поселеній на Востокѣ. 1255—1270.

Этотъ духъ раздора овладѣлъ также сопричестствующими Орденами Св. Іоанна и Тампліеровъ; кровь храбрыхъ защитниковъ Святой Земли текла ручьями въ тѣхъ самыхъ городахъ, которыхъ оборона была на нихъ возложена; Странноприимцы и Тампліеры преслѣдовали другъ друга, бились съ яростію, которой ничто не могло ни укротить, ни

1255—1270. развлечь, и каждое изъ обоихъ сословій призывало на помощь рыцарей, оставшихся на Западѣ. Такимъ образомъ знатнѣйшія Христіанскія семейства вовлечены были въ эти кровавыя распри, и въ Европѣ уже не спрашивали болѣе, побѣдили ли Франки Саррациновъ, но побѣда осталась ли на сторонѣ рыцарей Храма или рыцарей Св. Іоанна.

Храбрый Сержинъ, котораго Людовикъ IX, отправляясь, оставилъ въ Птолемаидѣ, и благоразумнѣйшіе изъ другихъ вождей Святой Земли, не имѣли ни довольно власти для возстановленія спокойствія, ни довольно войскъ, чтобы противиться нападеніямъ Мусульманъ. Единственная надежда на спасеніе, которая, казалось, еще оставалась Палестинскимъ Христіанамъ, заключалась въ несогласіяхъ, волновавшихъ равнымъ образомъ имперію Сарацинъ; ежедневно переворопы вспыхивали между Мамелюками; но по какой-то странной противоположности, раздоры, ослаблявшіе могущество Франковъ, часто еще болѣе увеличивали силу ихъ непріятелей. Если изъ слабаго царства Іерусалимскаго мы переселимся въ Египетъ, то съ удивленіемъ увидимъ тамъ правленіе, основанное мятежемъ и укрѣпляющееся среди политическихъ бурь. Христіанскія поселенія,

со времени взятія Іерусалима Саладиномъ, не имѣли никакого общаго средоточія, никакой связи между собою; Цари Іерусалимскіе, поперявъ свою столицу, поперяли свою власть, служившую по крайней мѣрѣ для одинакаго направленія умовъ. Опъ Царскаго досгоинства сохранили одно лишь имя, опъ республики заняли только своеволіе. Мамелюки же походили не столько на народъ, какъ на воинство, гдѣ сначала раздѣляются для какого-либо вождя, гдѣ потомъ повинуются слѣпо. Изъ нѣдра каждаго переворота у нихъ возникалъ военный деспотизмъ, вооруженный всѣми страстями его породившими; и къ усугубленію опасеній Христіанъ, этотъ деспотизмъ дышалъ только браною и завоеваніями. 1255 — 1270.

Мы сказали въ предъидущей книгѣ, что Аибекъ (Aibek), сочетавшись бракомъ съ Султаншей Шегжерою-Эддуръ, вступилъ на престолъ Саладина; царствованіе его скоро возмущено было соперничествомъ Эмировъ. Смерть Фареса-Эддина Окпая, одного изъ вождей наиболѣе недоброжелательствовавшихъ новому Султану, разсѣяла замыслы заговорщиковъ; но ревность женщины сдѣлала то, чего не въ силахъ были произвесть раздоръ и своеволіе. Шег-

1255 — 1270. жера-Эддуръ не могла проспишь Аибеку шого, чшо онъ просилъ руки одной дочери Князя Моссульскаго, и невѣрный супругъ умерщвленъ былъ въ банѣ невольниками. Сулшанша, насышивъ мщеніе женщины, призвала къ себѣ на помощь чесполюбіе Эмировъ и преспупленія полишики (1). Она попребовала къ себѣ Эмира Саифъ-Эддина, чшобы воспользоваться его совѣшами и предложишь ему свою руку и имперію. Саифъ-Эддинъ, введенный въ черпоги, нашелъ Сулшаншу сидящую, и у ногъ ея окровавленное шѣло ея супруга: при шакомъ зрѣлищѣ Эмиръ пришелъ въ ужасъ; наружное спокойспвіе Сулшанши, и видъ прессола обагреннаго кровію, копорый она предлагала ему раздѣлишь съ нею, еще болѣе увеличили его спрахъ. Шегжера-Эддуръ призвала двухъ другихъ Эмировъ, кои не могли перенесши ея присупспвія, и убѣжали успрашенные шѣмъ, чшо видѣли и слышали. Все эшо происходило ночью. Съ разсвѣшомъ молва о шомъ распросшранилась по всему Каиру; негодованіе было всеобщее въ народѣ и въ войскѣ: машь Аибека опмспила жесшокимъ

(1) Мы послѣдовали здѣсь шолкованію Г. Дегиня (Deguignes), какъ самому правдоподобному. (Voy. L'Hist. des Huns, IV vol. pag. 126 et 127).

образомъ смерпь сына своего; Шежгера-Эд- 1255 —
дуръ погибла въ свою очередь опъ рукъ 1270.
невольниковъ, и пѣло ея, брошенное безъ всякой одежды въ крѣпостной ровъ, могло вразумишь всякаго честолюбца, домогающагося власпи, чпо переворопы имѣюпъ пакже свое правосудіе,

Въ пылу мяпежа, пятнадцапилѣпній сынъ Аибека, провозглашенъ Сулпаномъ; но приближеніе войны долженспвовало вскорѣ возжечь новый мяпежъ и низвергнупь дипя съ преспола: въ Азіи пригоповлялись великія собыпія, и со спороны Персіи (1) скопялась буря, гоповая разразиться надъ Сиріей и Египпомъ.

Монголы, подъ предводипельспвомъ Улагу, приспупили къ осадѣ Багдада; городъ раздѣлялся на многія секпы, помышлявшія болѣе

(1) Одна изъ величайшихъ шрудносшей для Исшорика ашой эпохи, сосшоишъ въ соблюденіи связи въ его повѣсшвованіяхъ, когда въ одно время должно говоришь о Западѣ, Восшокѣ, Хрисшіанахъ, Мамелюкахъ, Ташарахъ: здѣсь народъ выходишъ на сцену, шамъ падаешъ имперія; всѣ происшесшвія шолпяшся, смѣшиваюшся, и Исшорія съ шрудомъ подвигаешся посреди шакого множесшва развалинъ. Мы желаемъ, чшобы Чишашель замѣшилъ, сколько спаралисъ мы сохранишь ясносшь и порядокъ въ сосшавленіи каршинъ изъ маперіяловъ, разбросанныхъ по разнымъ восшочнымъ и западнымъ Лѣшописямъ.

1253 — 1270. о взаимныхъ спорахъ, нежели объ опраженіи опаснаго непріятеля. Калифъ, подобно своему народу, упоналъ въ нѣгѣ, и гордость, внушенная ему суетными почестями Мусульманъ, заставила его пренебречь настоящими средствами защиты. Татары взяли городъ приступомъ и предали его всѣмъ бѣдствіямъ войны. Послѣдній и 37-й изъ преемниковъ Аббаса, влачимый, какъ низкій плѣнникъ, лишился жизни посреди смятенія и безпорядка, такъ что Исторія (1) не можетъ утвердительно сказать, умеръ ли онъ отъ отчаянія, или погибъ отъ меча своихъ непріятелей.

Такое насиліе противъ главы вѣры Мусульманской, и шествіе Монголовъ по направленію къ Сиріи, распространили ужасъ между Мамелюками. Тогда-то замѣстили они сына Аибекова вождемъ, способнымъ защитить ихъ въ столь великой опасности, и выборъ ихъ палъ на *Кутуза*, храбрѣйшаго и искуснѣйшаго изъ Эмировъ.

Между тѣмъ, какъ все приготовлялось въ Египтѣ для отраженія Монголовъ, Христіане,

---

(1) Многія лѣтописи гласятъ, что Улагу заключилъ Калифа посреди его сокровищъ и уморилъ его голодною смертію: это обстоятельство весьма сомнительно, и не было помѣщено Г. Дегинемъ.

казалось, ожидали освобожденія своего отъ 1255 —
этой войны, объявленной Мусульманамъ; Та- 1270.
парскій Ханъ обѣщалъ Царю Армянскому
простерть свои завоеванія до береговъ Нила,
и Восточныя лѣтописи (1) повѣствуютъ,
что Армянскія войска присоединились къ пол-
чищамъ Монголовъ. Орды послѣднихъ, перейдя
Евфратъ, овладѣли Алепомъ, Дамаскомъ и
главнѣйшими городами въ Сиріи. Повсюду
Мусульмане бѣжали предъ Тапарами, а по-
слѣдователи Христа пользовались покрови-
тельствомъ побѣдоносныхъ ордъ; съ того
времени Христіане смотрѣли на сихъ спраш-
ныхъ завоевателей не иначе, какъ на сво-
ихъ избавителей. Въ церквахъ и надъ самимъ
Гробомъ Іисуса Христа, молились Богу о
низпосланіи побѣды Монголамъ, и упоенные
радостію, Христіане Палестинскіе не ду-
мали уже объ испрошеніи пособій въ Европѣ.

---

(1) Большая часть Историковъ говорили объ этой войнѣ Монголовъ, сообразно съ однимъ сочиненіемъ, достойнымъ уваженія, подъ заглавіемъ: *Fragmentum de statu Sarracænorum;* оно заключаетъ однако много ошибокъ, и можетъ во многихъ мѣстахъ быть исправлено изученіемъ Восточныхъ Писателей. Находимъ также нѣкоторыя драгоцѣнныя свѣдѣнія объ этой войнѣ Тапаръ у Армянина *Гайтона* (Hayton) и Санути; но Писателей этихъ должно читать осторожно и съ недовѣрчивостью.

1255 — 1270. Въ то же время Европа представляла другое зрѣлище; побѣды Монголовъ наполняли всѣ народы ужасомъ: спрашились оружія ихъ не за одни Восточныя поселенія Христіанъ (1), Западъ трепеталъ за самаго себя; между тѣмъ, какъ орды Улáгу громили Сирію, другія ополченія того же народа опустошали берега Днѣстра и Дуная. Папа Александръ обратился къ Государямъ, Прелатамъ, ко всѣмъ вѣрнымъ, убѣждая ихъ соединиться противъ Варваровъ. Созвали Соборы во Франціи, въ Англіи, въ Италіи и въ Германіи для совѣщанія объ опасностяхъ Христіанства; глава Церквы предписалъ чинить молебствія и крестные ходы, нака-

(1) Венгерскій Король, Бела IV, писалъ къ Папѣ, что если не получитъ онъ пособія, то вступитъ въ союзъ съ Татарами. Папа дѣлалъ ему сильные упреки. Александръ IV писалъ ко всѣмъ Христіанскимъ Государямъ, къ Прелатамъ и городскимъ общинамъ, чтобы подумали о средствахъ сдѣлать отпоръ Варварамъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Въ письмѣ его, которое можно видѣть у Рейнальди 1262 года, No 29 и 30-й, онъ входитъ въ большія подробности о наборѣ солдатъ и взиманіи налоговъ. Это письмо было сохранено Матвѣемъ Парисомъ, упоминающимъ о Соборахъ, бывшихъ по этому предмету; находятъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о вторженіи Татаръ у Вильгельма де Нанжи и Матвѣя Вестминстерскаго, а также и въ собраніи Соборовъ (dans le recueil des Concils).

зывать богохуленія, ограничить роскошь 1255—
спола и одежды, мѣры, кои безъ сомнѣнія 1270.
могли смягчить гнѣвъ Божій, но которыя надлежало почитать недостаточными, чтобы остановить нашествіе Монголовъ.

Между тѣмъ орды, разорявшія Венгрію и Польшу, были разбиты, и страхъ вскорѣ перешелъ къ Восточнымъ Христіанамъ, долѣ исполненнымъ надеждъ. Улагу, призванный обратно въ Персію междоусобіями, оставилъ въ Сиріи своего намѣстника Кетбогу, возложивъ на него продолженіе своихъ завоеваній. Христіане еще радовались побѣдамъ Монголовъ, вдругъ ссора, произведенная Нѣмецкими крестоносцами, дала другой оборотъ дѣламъ, и открыла враговъ въ тѣхъ, которыхъ считали союзниками. Нѣсколько Мусульманскихъ деревень, платившихъ дань Татарамъ, были разграблены, и Кетбога послалъ требовать отъ Христіанъ вознагражденія, въ которомъ они отказали. Во время спора, возникшаго по этому случаю, убитъ племянникъ Монгольскаго начальника. Съ той поры, этотъ вождь Татаръ объявилъ войну Христіанамъ, разорилъ область Сидонскую, и угрожалъ Птолемаидской. При видѣ своихъ опустошенныхъ полей, всѣ пріятныя мечты Христіанъ исчезли; они не знали мѣры въ

1255 — 1270. своихъ надеждахъ и въ своей радости, не умѣли также сохранить ее въ своей печали и въ своемъ страхѣ. Ужасъ, который внушалъ имъ варварскій народъ, заставилъ ихъ забыть, что всѣ ихъ бѣдствія проистекали изъ Египта, и не ожидая болѣе никакихъ пособій съ Запада, многіе изъ нихъ поставили надежду свою въ оружіи Мамелюковъ.

Уже большая часть Палестины была занята Монголами, когда Султанъ Каирскій выступилъ на встрѣчу къ нимъ съ своими силами; три дня провелъ онъ въ окрестностяхъ Птолемаиды, гдѣ возобновилъ перемиріе съ Христіанами. Вскорѣ дана была битва на равнинѣ Тиверіадской; Кетбога лишился жизни въ пылу сраженія, и войско Татаръ, разбитое и разсѣянное, очистило Сирію.

На какую бы сторону ни склонилась побѣда, Христіанамъ нечего было ожидать отъ побѣдителя; Мусульмане не могли простить имъ того, что они искали защиты побѣдоносныхъ Монголовъ, и воспользовались опустошеніемъ Сиріи, чтобы поругаться надъ послѣдователями Магомета. Въ Дамаскѣ разрушили церкви (1); Христіане подверг-

(1) См. Арабскую выписку Абульфеды въ Bibliographie des Croisades t. VI.

лись гоненіямъ во всѣхъ Мусульманскихъ го- 1255—
родахъ, и эпи гоненія предвѣщали войну, въ 1270.
коей фанатизмъ долженствовалъ участвовать
со всѣми своими ужасами. Со всѣхъ сторонъ
возставали жалобы и угрозы противъ Па-
лестинскихъ Франковъ; крикъ, *война съ Христіанами*, раздавался во всѣхъ обла-
стяхъ, подвластныхъ Мамелюкамъ; ненависть
была такъ сильна, что Султанъ Каирскій,
воспоржествовавшій надъ Тапарами, сдѣлал-
ся жертвою своей вѣрности въ соблюденіи
послѣдняго перемирія, заключеннаго съ Фран-
ками. Бибаръ, умертвившій послѣдняго Сул-
тана изъ дому Саладинова, воспользовался
этимъ распаленіемъ умовъ, и употребилъ
всѣ усилія, чтобы составить партію про-
тивъ Кутуза, выказывая величайшую не-
нависть къ Христіанамъ, и упрекая Султана
въ преступной терпимости враговъ *ислa-
тизма*.

Когда разгорячение умовъ достигло своей
высшей степени, Бибаръ, собравъ своихъ со-
умышленниковъ, застигнулъ Султана на охо-
тѣ, нанесъ ему нѣсколько смертельныхъ
ударовъ, и обагренный кровію своего пове-
лителя, поспѣшилъ въ войско Мамелюковъ,
собравшееся тогда въ Салегіѣ (Salehié); онъ
предстalъ предъ Атабекомъ или намѣстни-

1255 — 1270. комъ Государя, и объявилъ ему о смерти Кушуза. На вопросъ, «кто убилъ Султана? — «Бибаръ отвѣчалъ, *я*! — Въ такомъ случаѣ, «прервалъ Атабекъ (1), *царствуй же ты «на его мѣстѣ.*» Странныя слова, изображающія одною чертою духъ Мамелюковъ и духъ основаннаго ими правленія! Войска провозгласили Бибара Султаномъ Египетскимъ, и торжества, приготовленныя въ Каирѣ для принятія побѣдителя Татаръ, послужили къ коронованію его убійцы,

Эта перемѣна дала Мусульманамъ повелителя самаго опаснаго для Христіанъ. Бибаръ былъ прозванъ *столпомъ Мусульманской вѣры и отцемъ побѣдъ.* Онъ долженствовалъ заслужить оба эти имени, довершивъ паденіе Франковъ. Едва взошелъ онъ на престолъ, какъ подалъ знакъ къ войнѣ.

Палестинскіе Христіане, не имѣя средствъ противиться силамъ Мамелюковъ, отправили пословъ на Западъ просить немедленныхъ пособій. Папа, казалось, тронулся опасностями Святой Земли; онъ убѣждалъ вѣрныхъ взять крестъ; но тонъ его увѣщаній,

(1) Эта удивительная черта упоминается Арабскимъ Историкомъ Абульфедою, и приводится Г. Дегинемъ, ч. IV. стр. 133. (Смот. VI томъ Bibliographie des Croisades).

и причины, изложенныя имъ въ своихъ обна- 1255 —
родованіяхъ, слишкомъ явно показывали же- 1270.
ланіе его вооружить Европу противъ иныхъ враговъ, а не Мусульманъ. «Саррацины, го-«ворилъ онъ, знаютъ, что никому изъ Хри-«стіанскихъ Государей нельзя долго оспа-«ваться на Востокѣ (1), и что Святая «Земля можетъ получать пособія только «временно и издалека.»

Александръ IV былъ гораздо искреннѣе и краснорѣчивѣе въ манифестахъ своихъ противъ Дому Швабскаго; война, которую продолжалъ онъ въ царствѣ Неаполитанскомъ, не могла соединиться въ мысляхъ его съ предпріятіемъ священной брани. Климентъ IV, наслѣдовавшій ему, явилъ нѣкоторыя доказательства ревности, чтобы побудить народы поднять оружіе противъ Мусульманъ; но политика его предшественниковъ посѣяла въ Италіи слишкомъ много раздоровъ и несогласій, чтобы онъ могъ обратить все свое вниманіе на Востокъ. Съ другой стороны, Германія, все еще безъ Императора,

(1) Это циркулярное письмо Александра, помѣщено у Рейнальди, No 68 и 69-й. Причины, приводимыя Папою въ письмѣ своемъ, удивляютъ умнаго Флери, который замѣчаетъ въ нихъ духъ противорѣчія, нами порицаемый.

1255 — 1270. имѣла троихъ искапелей, домогавшихся Императорской короны, и не могла послапь своихъ воиновъ въ Святую Землю. Англія обуреваема была междоусобіемъ, въ которомъ Бароны, надѣвъ *бѣлый крестъ*, объявили войну своему Королю; Священники возбуждали ихъ къ бою, и указывали имъ небеса какъ награду за ихъ храброспь и возмущеніе. Эпопъ безпримѣрный Кресповый походъ вовсе не позволялъ заниматься Кресповымъ походомъ за-море. Одна только Франція не совсѣмъ опвергала просьбы Палесппинскихъ Христіанъ. Нѣкопорые Французскіе рыцари взяли крестъ и избрали вождемъ своимъ Эвда (Eudes), Графа Неверскаго, сына Герцога Бургундскаго. Вопъ всѣ пособія, какія Европа могла опправипь на Востокъ.

Въ по же время, какъ изъ Святой Земли получали печальныя извѣстія, распространилась молва о событіи, которое погрузило бы въ горесть весь Западъ, если бы продолжали брать такое же участіе въ завоеваніяхъ крестоносцевъ, какъ и въ предшествовавшіе вѣки. Мы неоднократно имѣли случай оплакивапь быспрый упадокъ имперіи Лапино-Константппнопольской; давно Бодуинъ, для поддержанія досгоинспва Императорскаго и выдачи жалованья неболь-

шому числу своихъ воиновъ, имѣлъ одни 1235 —
только подаянія Христіанъ и нѣсколько зай- 1270.
мовъ у Венеціи, подъ залогъ своего собственнаго сына. Въ крайнихъ нуждахъ продавали мощи Святыхъ, оздирали свинецъ съ куполовъ церквей; дерево изъ общественныхъ зданій, употребляли для топки Императорскихъ кухней. Полуразрушенныя башни, стѣны лишенныя защитниковъ, пустые и закоптѣлые дворцы, брошенные домы и цѣлыя улицы, вотъ зрѣлище, которое представлялъ тогда Царь городовъ Востока.

Бодуинъ заключилъ однако перемиріе съ Михаиломъ Палеологомъ; легкость, съ которою согласились на такое перемиріе, долженствовала внушить Латинамъ нѣкоторыя опасенія; но плачевное состояніе Франковъ, не мѣшало имъ презирать своихъ враговъ и помышлять о новыхъ завоеваніяхъ. Въ надеждѣ на грабежъ, и забывъ вѣроломство Грековъ, всѣ оставшіеся защитники Византіи отправились на Венеціянскомъ флотѣ пропивъ Дафнузіи, находившейся при входѣ въ Черное море. Никейскіе Греки, увѣдомленные о томъ нѣкоторыми поселянами Босфорскихъ береговъ, ни мало не усомнились воспользоваться случаемъ, который предлагало имъ счастіе. Эти поселяне опи-

1255 — 1270. сали полководцу Михаила Палеолога, шедшему воевапть въ Эпиръ, одно опверспіе, сдѣланное подъ спѣнами Константинополя подлѣ Золопыхъ воропъ, и чрезъ копорое можно было ввести въ городъ болѣе войска, нежели сколько нужно для взяпія его. Бодуинъ имѣлъ шогда вокругъ себя однихъ полько дѣпей, спарцевъ, женщинъ и купцевъ, въ числѣ коихъ находились Генуэзцы, новые союзники Грековъ. Когда воины Михаиловы проникнули въ городъ, они конечно удивились, не вспрѣпивъ никакихъ враговъ; между пѣмъ, какъ они спроились въ боевой порядокъ и подавались впередъ съ осторожноспію, опрядъ Комановъ, копорыхъ содержалъ на жалованьи Греческій Имперапоръ, устремился по городу съ огнемъ и мечемъ въ рукахъ: опчаянная полпа Лапиновъ бросилась къ гавани, а обывапели Греческіе спекались на встрѣчу побѣдипелю, и наполняли воздухъ криками: *да здравствуетъ Михаилъ Палеологъ, Императоръ Римлянъ!* Бодуинъ, пробужденный сими криками и шумомъ, доходившимъ до его дворца, поспѣшилъ оспавипь городъ, копорый уже не принадлежалъ ему. Венеціянскій флопъ, возвращаясь изъ Дафнузіи, прибылъ довольно въ пору, чпобы спаспи бѣжавшаго Имперапора и оспапки владыче-

сила Франковъ на Босфоръ. Такъ описываетъ 1255—
у Ланинянъ эпопъ городъ, котораго завое- 1270.
ваніе стоило неимовѣрной храбрости, и въ
который вступили Греки безъ сраженія,
помощію измѣны нѣсколькихъ мужиковъ, по-
среди мрака и безмолвія ночи. Бодуинъ II,
послѣ тридцати семилѣтняго царствованія
въ Византіи, пустился по Европѣ, какъ въ
молодости своей, умоляя Христіанъ подать
ему помощь. Папа, Урбанъ IV, принялъ его
съ смѣшаннымъ выраженіемъ презрѣнія и со-
жалѣнія. Въ одномъ письмѣ къ Людовику IX,
Первосвященникъ оплакивалъ потерю Кон-
стантинополя, и горько сѣтовалъ на помра-
ченіе славы Римской Церкви. Урбанъ изъ-
явилъ желаніе предпринять Крестовый по-
ходъ для обратнаго завоеванія Византіи;
но нашелъ мало расположенія въ умахъ для
этого предпріятія. Духовенство Англіи и
Франціи отказало въ пособіяхъ для похода,
который считало безполезнымъ. Папа' при-
нужденъ былъ удовольствоваться покорно-
стію и подарками Михаила Палеолога, ко-
торый, устрашенный среди своего новаго
завоеванія, обѣщалъ, для успокоенія Папскаго
Престола, признать Римскую Церковь и
вспомоществовать Святымъ Мѣстамъ.

1255—1270. Между тѣмъ положеніе Христіанъ въ Палестинѣ становилось съ каждымъ днемъ опаснѣе, и достойнѣе сожалѣнія народовъ и Государей Запада. Новый Каирскій Султанъ, опустошивъ страны Франковъ, вторично пришелъ въ ихъ землю съ войскомъ страшнѣе перваго. Франки, встревоженные его успѣхами, послали къ нему просить мира. Вмѣсто отвѣта, Султанъ предалъ пламени церковь Назаретскую; Мусульмане разорили потомъ всю область, лежащую между Наиномъ и Горою Ѳаворомъ, и расположились станомъ въ виду Птолемаиды.

Отборнѣйшіе Христіанскіе воины предприняли походъ къ Тиверіадѣ; это войско, послѣдняя надежда Франковъ, было разбито и разсѣяно зловѣрными; пятьдесятъ рыцарей прибыли въ Палестину съ Герцогомъ Невер-скимъ: но что могло сдѣлать такое слабое подкрѣпленіе противъ побѣдоноснаго врага?

Всѣ поля были опустошены, жители городовъ не выходили изъ своихъ укрѣпленій; каждый городъ безпрестанно думалъ, что непріятель уже подъ его стѣнами. Напугавъ Птолемаиду, Бибаръ вдругъ поворотилъ на Кесарію; Христіане, послѣ упорнаго сопротивленія, оставили крѣпость и отступили въ замокъ, окруженный морскими водами.

Эпа крѣпость, казавшаяся неприступною, продержалась только нѣсколько дней противъ нападенія Мусульманъ (1). Вскорѣ городъ Арсуфъ увидѣлъ Мамелюковъ подъ своими стѣнами: жители защищались съ безпримѣрною храбростію; многократно машины осаждавшихъ и груды лѣса, взгроможденныя ими наравнѣ съ стѣнами, были пожираемы пламенемъ. Послѣ нѣсколькихъ сраженій подъ самыми укрѣпленіями, осаждавшіе и осажденные спали подрывашься подъ основаніе ихъ; спали искашь другъ друга и бишься въ подкопахъ и подземельяхъ; ничто не могло охладишь ревнія Христіанъ, ни неперпѣливой дѣятельности Бибара. Вѣроизступленіе оживляло бодрость Мамелюковъ; Иманы и законоучители спекались къ осадѣ Арсуфа, чтобы присутствовашь при торжествѣ *исламизма:* наконецъ Султанъ водрузилъ знамя Пророка на городскихъ башняхъ, и Мусуль- 1255—1270.

(1) Всѣ эти походы Бибара описаны весьма подробно въ лѣтописи Ибнъ-Ферата и у Макризія (См. выписки изъ этихъ Писателей въ VI томѣ *Bibliographie des Croisades*). Хотя мы много сократили ихъ повѣствованія, однако боимся, чтобы не упрекнули насъ въ нѣкоторой плодовитости: мы уступили желанію пополнить пропуски, находящіеся для этой эпохи во всѣхъ Западныхъ лѣтописяхъ. Жизнеописаніе Бибара принесло намъ также большую пользу.

1255 — 1270. мане призваны были къ молитвѣ въ церквахъ, превращенныхъ въ мечепи. Мамелюки изрубили большую часть жипелей: остапокъ обреченъ былъ неволѣ; Бибаръ раздѣлилъ плѣнныхъ между вождями своего войска: послѣ чего приказалъ разрушипть Арсуфъ; плѣнные Христіане принуждены были сами срывапь свои собспвенныя жилища. Завоеванная область была раздроблена на частпи и раздѣлена между главными Эмирами, по повелѣнію Сулпана, копорое Арабскія лѣтописи сохранили для насъ, какъ Испорическій памятникъ. Эпа щедроспь къ побѣдипелямъ Христіанъ, казалась Мусульманамъ доспойною величайшихъ похвалъ, и одинъ изъ Дѣписапелей Бибара восклицаепъ въ воспоргѣ: «Чпо пакой прекрасный подвигъ былъ вне-«сенъ въ книгу Божію прежде, нежели впи-«сался въ книгу жизни Сулпана.»

Споль великія поощренія, сдѣланныя Эмирамъ, показывали, чпо Бибаръ еще нуждался въ ихъ мужеспвѣ для довершенія другихъ намѣреній. Сулпанъ возвращился въ Египепъ для новыхъ пригоповленій, и для пополненія своего войска. Во время своего пребыванія въ Каирѣ, онъ получилъ посольспва опъ многихъ Франкскихъ Государей, опъ Альфонса Короля Аррагонскаго, опъ Царя

Армянскаго и нѣкоторыхъ Палестинскихъ Принцевъ: всѣ эти посланники просили его заключить миръ съ Христіанами; но ихъ убѣжденія только укрѣпляли Султана въ его намѣреніи продолжать войну; чѣмъ болѣе прибѣгали къ просьбамъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался онъ, что ничего другаго не могутъ ему противопоставить. Онъ отвѣчалъ посланцамъ Князя Яффскаго: «Настало время, «когда мы не стерпимъ болѣе обидъ; когда «у насъ отнимутъ хижину, мы отнимемъ «замокъ; если вы похитите у насъ одного «земледѣльца, мы ввергнемъ въ оковы пы«сячу вашихъ воиновъ.» 1255—1270.

Бибаръ не замедлилъ привести въ дѣйствіе свои угрозы; онъ возвратился въ Палестину и ходилъ на поклоненіе въ Іерусалимъ, гдѣ умолялъ Магомета покровительствовать его оружію. Вскорѣ войско его получило повелѣніе выступить въ походъ, и разорило область Триполійскую: если вѣрить нѣкоторымъ Восточнымъ лѣтописямъ, Бибаръ намѣревался тогда напасть на Птолемаиду, и въ столь великомъ предпріятіи, онъ не презрѣлъ пособія измѣны. Князь Тирскій, говоритъ Ибнъ-Ферапъ, соединясь съ Генуэзцами, съ многочисленнымъ флотомъ долженствовалъ напасть на Птолемаиду съ

1255 — 1270 моря, между тѣмъ, какъ Мамелюки сдѣлаютъ приступъ съ сухаго пути; Бибаръ дѣйствительно показался предъ Птолемаидою; но его новые союзники, безъ сомнѣнія раскаялись въ данныхъ ему обѣщаніяхъ; и не явились для вспомоществованія его намѣреніямъ. Сулпанъ удалился исполненный ярости, и угрожалъ мщеніемъ всѣмъ Христіанамъ, которые жребіемъ войны достанутся въ его руки.

Онъ немедленно пошелъ излить гнѣвъ свой на крѣпость Сафетъ; эта крѣпость построена была въ Нижней Галилеи, въ пятнадцати миляхъ отъ Птолемаиды. Ей надлежало обороняться противъ всѣхъ силъ, собранныхъ Сулпаномъ для гораздо важнѣйшаго предпріятія. Когда началась осада, Бибаръ употреблялъ всѣ средства, чтобы принудить гарнизонъ къ сдачѣ; онъ безпрестанно находился впереди своихъ рапниковъ, и въ одной стычкѣ все его войско испустило великій крикъ, чтобы предостеречь его отъ опасности, которой онъ подвергался. Для воспламененія ревности Мамелюковъ, онъ приказывалъ раздавать на полѣ сраженія почетныя одежды и кошельки съ серебромъ; Великій Кади Дамаскскій прибылъ къ осадѣ Сафета, для одушевленія сражав-

шихся своимъ присутствіемъ, и обѣщанія, 1255 —
кои онъ дѣлалъ во имя Пророка всѣмъ Мусуль- 1270.
манскимъ ратникамъ, долженствовали еще
усугубить ихъ воинственное изступленіе.

Однако Христіане защищались мужествен-
но; это упорство сначала изумило ихъ не-
пріятелей; вскорѣ оно охладило ихъ бодрость;
тщетно Султанъ старался пробудить хра-
брость своихъ воиновъ, тщетно приказы-
валъ поражать палицами бѣгущихъ, и заклю-
чилъ въ оковы многихъ Эмировъ, оставив-
шихъ свои мѣста; ни страхъ казни, ни при-
манка награды, не могли оживить мужества
Мусульманъ. Бибаръ уже почти принужденъ
былъ снять осаду, если бы раздоръ не при-
шелъ къ нему на помощь. Онъ самъ старался
породить его между Христіанами; во время
частныхъ переговоровъ съ ними, вѣроломныя
обѣщанія и искусныя угрозы посѣяли подозрѣ-
нія и недовѣрчивость: наконецъ несогласіе
вспыхнуло; одни хотѣли сдаться, другіе за-
щищать до послѣдней крайности: съ той
поры Мусульмане находили въ осажденныхъ
менѣе упорства въ сопротивленіи и ока-
зывали болѣе одушевленія въ своихъ нападе-
ніяхъ; въ то время, какъ Христіане обви-
няли и упрекали другъ друга въ измѣнахъ,
военныя машины попрясали стѣны; Мамелю-

1255—1270. ки, послѣ многократныхъ приступовъ, уже готовы были проложить себѣ дорогу въ крѣпость. Наконецъ, въ Пятницу (мы приводимъ Арабскую лѣтопись), Кади Дамасскій молился за раповавшихъ, вдругъ съ высоты полуразрушенныхъ башенъ раздались вопли Франковъ: *О Мусульмане, пощадите насъ, пощадите насъ!* Осажденные положили оружіе, сраженіе прекратилось; вскорѣ отворяются ворота, и знамя Мусульманъ развѣвается на стѣнахъ Сафета.

По сдѣланному договору, Христіанамъ дозволялось удалиться куда пожелаютъ, съ условіемъ не брать съ собою ничего, кромѣ своего платья. Бибаръ, видя Христіанъ проходящихъ мимо его, ищетъ предлога задержать ихъ въ своей власти. По его приказанію многихъ останавливаютъ и обвиняютъ въ томъ, что они уносятъ сокровища и оружіе; отдано повелѣніе остановить всѣхъ. Ихъ упрекаютъ въ нарушеніи договора, и угрожаютъ смертію, если не примутъ *исламизма*. Они обременены цѣпями; потомъ, всѣ безъ разбора собраны на холмѣ, гдѣ ожидаютъ одной только смерти (1). Командоръ

(1) Арабскія лѣтописи говорятъ объ этомъ происшествіи весьма темно и двузначительно; онѣ едва

Ордена Тампліеровъ и два Францисканскихъ монаха увѣщевали поварищей своего злоключенія умерепь, какъ Христіанскіе герои. Всѣ эти воины, раздѣленные несогласіемъ и соединенные теперь несчастіемъ, питаюпъ всѣ одно полько чувспво, одну полько мысль; они обнимаюпся со слезами, пригоповляюпъ другъ друга къ смерпи; ночь проводяпъ въ исповѣданіи проспупковъ своихъ предъ Богомъ, въ оплакиваніи своихъ заблужденій и раздоровъ; на другой день полько двое изъ эпихъ плѣнныхъ получили свободу; одинъ изъ брапьевъ Спраннопріимнаго Ордена, копораго Бибаръ послалъ въ Пполемаиду для увѣдомленія Христіанъ о взяпіи Сафепа; другой Тампліеръ, опрекшійся опъ вѣры Іисуса Христа и вспупившій въ службу Сулпана; всѣ прочіе, числомъ до шесписопъ, пали подъ мечемъ Мамелюковъ. Такой безчеловѣчный посупокъ, произведенный во имя Мусульманской вѣры, кажепся пѣмъ болѣе возмупипельнымъ, чпо Франки не подали пому примѣра, и посреди неисповспивъ войны, никогда не пребовали съ мечемъ въ рукахъ обращенія зловѣрныхъ.

1253—1270.

упоминаюпъ о душегубспвѣ плѣнныхъ, и очень мало распроспраняюпся о переговорахъ; онѣ обвиняюпъ Франковъ въ намѣреніи увести съ собою плѣнныхъ Мусульманъ, чпо вовсе невѣроятно.

1255—1270. Нельзя изобразить отчаяніе и смятеніе Палестинскихъ Христіанъ, когда они узнали трагическую кончину защитниковъ Сафета. Суевѣрная горесть ихъ выдумала или приняла за досповѣрное чудесныя повѣствованія, коими не пренебрегли Западныя лѣтописи; разсказывали, что небесное сіяніе озаряло ночью трупы Христіанскихъ воиновъ (1), оставшіеся безъ погребенія. Присовокупляли, что Султанъ, превожимый симъ чудомъ, ежедневно возобновлявшимся предъ его глазами, приказалъ погребсти мучениковъ Христіанской Вѣры, и окружить кладбище ихъ высокими стѣнами, чтобы никто не былъ свидѣтелемъ чудесъ, творившихся надъ жертвами, принесенными его мести.

По взятіи Сафета, Бибаръ возвратился въ Египетъ: Франки надѣялись имѣть нѣсколько дней спокойствія и безопасности; но неутомимый Султанъ никогда не давалъ врагамъ своимъ времени радоваться его отсутствію. Онъ оставался въ Египтѣ только необходимое время для собранія новыхъ войскъ, и вскорѣ снова началъ опустошать

(1) Санути почти одинъ изъ Христіанскихъ Писателей, оставилъ нѣкоторыя подробности о взятіи Сафета, объ участи гарнизона и чудесныхъ слухахъ, носившихся между Франками.

земли Христіанскія. Въ этомъ походѣ Арме- 1255—
нія привлекла на себя его гнѣвъ и побѣдо- 1270.
носное оружіе; Бибаръ укорялъ Армянскаго Царя въ томъ, что онъ возбранялъ Египетскимъ купцамъ въѣздъ въ свои владѣнія, и такъ же не прощалъ ему того, что запретилъ своимъ подданнымъ покупать Египетскіе товары. Эти жалобы скоро рѣшены были на полѣ сраженія; одинъ изъ сыновей Царя Армянскаго лишился свободы, другой жизни; рать Бибарова возвратилась обремененная добычею, влача за собою несмѣтное множество плѣнныхъ.

Послѣ каждой своей побѣды, Султанъ являлся предъ Птолемаидой, столицею Христіанскихъ владѣній; онъ не преминулъ, на обратномъ пути своемъ, показать этому городу сокровища народовъ Армянскихъ, и военныя машины были разставлены передъ стѣнами; но минута еще не наступила къ предпріятію столь великаго завоеванія. Распространивъ ужасъ между жителями, онъ вдругъ удалился, чтобы неожиданно напасть на Яффу. Городъ Яффа, коего укрѣпленія стоили (1)

(1) «О большихъ деньгахъ, говоритъ Жуанвиль, употребленныхъ Королемъ на укрѣпленіе Яффы, весьма правильно можно сказать, что онѣ несмѣтны; онъ опоясалъ городъ стѣнами, отъ одного моря до

1255—1270. Людовику IX значительныхъ издержекъ, доспался, по нѣкоторомъ сопротивленіи Бибару, который велѣлъ срыть его стѣны. Въ этомъ набѣгѣ, Каирскій Султанъ овладѣлъ замкомъ *Кракъ* и многими другими крѣпостями; потомъ двинулся къ Триполи. Богемондъ выслалъ къ нему нарочныхъ, спросить о его намѣреніи: «Я пришелъ, отвѣчалъ онъ, разгромить ваши земли; въ слѣ-

---

другаго; имъ построено двадцать четыре башни и вырыть ровъ внутри и снаружи. Продѣлано трое воротъ, изъ коихъ Легатъ построилъ одни и часть стѣны; и чтобы дать понятіе о томъ чего это стоило Королю, скажу вамъ, какъ однажды я спросилъ у Легата, во сколько стали ему эти ворота и эта часть стѣны; и я оцѣнилъ ихъ, ворота въ пять-сотъ ливровъ, а часть стѣны въ триста ливровъ; но онъ отвѣчалъ мнѣ, помоги ему Господи, что ворота и часть стѣны конечно стоили ему тридцать тысячъ ливровъ (Les grans deniers que le roi mist à fermer Jaffe, ne convient-il pas parler que c'est sans nombre, car il ferma le bourc dès l'une des mers jusques à l'autre; là il ot bien vingt-quatre tours; et furent les fossés curés de l'un dehors et dedans. Trois portes y avoient, dont le légat en fist l'une et un pan de mur; et pour vous montrer le coustage que le roi y mist, vous fais-je à sçavoir que je demandai au légat combien cette porte et ce pan de mur li avoient cousté: et je esmai que il avoit fet faire li avoit bien cousté cinq cents livres, et le pan de mur trois cents livres; et il me dit que, si Dieu le aidast, que la porte, que le pan li avoient bien cousté trente mille livres)."

«дующій походъ обложу вашу сполицу.» Однако посреди сихъ непріязненныхъ дѣйствій, онъ заключилъ перемиріе съ Триполи, предвидя, что мирный договоръ еще лучше прикроетъ намѣреніе другой войны, и что вскорѣ представится ему случай нарушить перемиріе съ выгодою. 1255—1270.

Жизнеписатель Бибара, который былъ посланъ къ Богемонду, Графу Триполійскому и Князю Антіохійскому (1), повѣствуетъ, что Султанъ находился посреди посольства въ одеждѣ Герольда. Онъ намѣревался разсмотрѣть укрѣпленія и средства къ оборонѣ города Триполи. При составленіи договора, Мусульманскіе представители, называли Богемонда просто Графомъ; этотъ послѣдній требовалъ Княжескаго титула; споръ увеличился; посланники Бибаровы взглянули на своего повелителя, который подалъ имъ знакъ уступить. Султанъ, возвратясь въ свое войско, смѣялся надъ этимъ происшествіемъ съ своими Эмирами, и говорилъ имъ: *Пристала минута, когда Богъ проклянетъ и Князя и Графа.*

Бибаръ намѣкалъ такимъ образомъ на свое намѣреніе завоевать и разрушить княжество

(1) См. Жизнь Бибара въ Арабскихъ выпискахъ, томъ VI, *Bibliographie des Croisades.*

1255 — 1270. Антіохійское. Египетская рать получила повелѣніе идти къ берегамъ Оронта; прошло нѣсколько дней, и это войско уже стояло лагеремъ передъ Антіохіей, худо защищаемою своимъ Патріархомъ, и которую покинула большая часть ея жителей. Историки мало говорятъ объ этой осадѣ, въ коей Христіане оказали лишь слабое сопротивленіе, и явились менѣе воинами, нежели просителями; ихъ покорность, ихъ слезы, ихъ просьбы ни мало не тронули завоевателя, котораго вся политика состояла въ истребленіи Христіанскихъ городовъ.

Мусульмане, вступивъ въ Антіохію безъ всякихъ переговоровъ, предались тамъ всѣмъ неистовствамъ своеволія и побѣды. Въ одномъ письмѣ Бибара къ Графу Триполійскому, безчеловѣчный побѣдитель съ наслажденіемъ описываетъ опустошеніе завоеваннаго города и всѣ бѣдствія, нанесенныя его ярости Христіанамъ (1). «Смерть, восклицаетъ онъ,

(1) Въ этомъ письмѣ Бибара, писанномъ Секретаремъ его, сочинителемъ жизни этого Султана, говорится не только о взятіи и разрушеніи Антіохіи, но о всѣхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ Мамелюками въ землѣ Триполійской. Это письмо очень пространно, но заключаетъ въ себѣ не столько происшествій, сколько напыщенныхъ изрѣченій и восточныхъ фигуръ.

«впорглась къ осажденнымъ со всѣхъ сто- 1255 —
«ронъ и всѣми пупями; мы умерпвили 1270.
«всѣхъ, копорыхъ избралъ пы для охране-
«нія города и защипы его окреспносшей.
«Если бъ пы видѣлъ рыцарей пвоихъ, по-
«пранныхъ конскими копыпами, пвои обла-
«спи, покинупыя на разграбленіе, пвои
«богапспва, разбираемыя на вѣсъ, женъ
«пвоихъ подданныхъ, продаваемыхъ съ молоп-
«ка; если бъ пы видѣлъ опрокинупые ка-
«ѳедры и кресты, спраницы Евангелія раз-
«сѣянныя и размепанныя вѣпромъ, гробницы
«Папріарховъ преданныя поруганію; если бъ
«пы видѣлъ враговъ пвоихъ Мусульманъ,
«впоргающихся въ алпари и умерщвляющихъ
«въ свяпилищѣ Моваховъ, Священниковъ,
«Дьяконовъ; если бъ пы видѣлъ наконецъ
«черпоги пвои объяпые пламенемъ, мерп-
«выхъ, пожираемыхъ огнемъ сего міра, цер-
«ковь Св. Павла, храмъ Св. Петра разрушен-
«ные до основанія, тогда конечно пы возо-
«пилъ бы: Боже милосердый, обрапи меня
«въ прахъ!»

Бибаръ роздалъ добычу своимъ воинамъ; Мамелюки раздѣлили между собою женъ, дѣвъ и дѣпей; тогда, говорипъ одна Арабская лѣпопись, *каждый рабъ раба имѣлъ своего раба.* Мальчикъ продавался по двѣнад-

1255 — цапи *диремовъ* (dirhems), дѣвочка по пяпи.
1270. Въ одинъ день городъ Анпіохія поперяла всѣхъ своихъ жипелей; пожаръ, произведенный по приказанію Бибара, увѣнчалъ подвигъ варваровъ; большая часпь Историковъ единогласно упверждаюпъ, чпо семнадцапь пысячъ Христіанъ были преданы смерпи, спо пысячъ уведены въ неволю.

Вспоминая объ осадѣ эпого города первыми крестоносцами, о прудахъ и подвигахъ Богемонда, Годфреда, Танкреда, основавшихъ княжеспво Анпіохійское, съ прискорбіемъ видимъ предѣлъ, у копораго уничпожаепся обыкновенно все, произведенное славою завоевапелей. Съ другой спороны, взирая на многочисленное народонаселеніе, огражденное спѣнами, копорое, не оказавъ никакого сопротивленія врагу, позволяепъ умерпвипь себя беззащипно, невольно вопрошаемъ себя, чпо спало съ попомспвомъ пакого множеспва храбрыхъ воиновъ, защищавшихъ Анпіохію въ печеніе двухъ сполѣпій пропивъ всѣхъ Мусульманскихъ державъ.

Между Христіанами возникли жалобы пропивъ Папріарха Вильгельма, копораго обвиняли въ помъ, чпо благопріяпспвовалъ по крайней мѣрѣ низкою прусоспію нашеспвію и завоеванію Мусульманъ. Не разбирая эпого

обвиненія, мы скажемъ только, что робкій Прелатъ не долго наслаждался плодомъ своего малодушнаго поведенія; Мамелюки, позволивъ ему удалиться въ Коссеиръ со всѣми его сокровищами, исторгли его попомъ оттуда насильно; и вѣроломный пастырь, лишенный всѣхъ своихъ богатствъ, погруженный въ безславіе, пріялъ наконецъ смерть, гораздо ужаснѣе той, которая могла ожидать его посреди его паствы и на стѣнахъ Христіанскаго города. 1255 — 1270.

По взятіи Антіохіи, Христіанамъ оставались для удержанія успѣховъ непріятелей ихъ только города Триполи и Птолемаида. Бибаръ горѣлъ нетерпѣніемъ напасть на эти послѣдніе оплоты Франковъ; но онъ не смѣлъ довѣрить своему счастію и нанести роковый ударъ державѣ, предъ которою нѣкогда трепетали Мусульманскіе народы. Каирскій Султанъ не могъ забыть, что опасности Христіанъ часто вооружали весь Западъ, и одна эта мысль удерживала его въ бездѣйствіи и страхѣ. Такимъ образомъ, жалкіе остатки Христіанскихъ поселеній на Востокѣ, еще охранялись воинскою славою Европейскихъ народовъ, и воспоминаніемъ о первыхъ Крестовыхъ походахъ.

1255—1270. Молва перенесла за-море вѣсть о такомъ множествѣ злоключеній. Архіепископъ Тирскій, Великіе Магистры Тампліеровъ и Спранноприимцевъ прибыли на Западъ и огласили его плачемъ Христіанскихъ городовъ Сиріи; но Европа въ это время, казалось, мало расположена была внимать ихъ жалобамъ. Напрасно проповѣдывали Крестовый походъ въ Германіи, въ Польшѣ, и въ самыхъ дальнихъ странахъ Сѣвера; жители сѣверной Европы показали совершенное равнодушіе къ столь отдаленнымъ отъ нихъ происшествіямъ. Король Богемскій, Маркграфъ Бранденбургскій и нѣкоторые владѣтели, взявшіе крестъ, ни сколько не спѣшили исполнить обѣтъ свой. Ни одно войско не выступало въ походъ; все ограничивалось проповѣдями и пустыми приготовленіями.

Во Франціи сильно сокрушались о бѣдствіяхъ Святой Земли; въ одной старинной Сатирѣ (Sirvente), сочиненной по этому случаю, одинъ изъ современныхъ Трубадуровъ, казалось, упрекалъ Провидѣніе въ пораженіяхъ Палестинскихъ Христіанъ, и предавался въ своемъ поэтическомъ изступленіи безбожному отчаянію (1).

(1) Это Сатирическое стихотвореніе, которое приписываютъ одному рыцарю Храма, переведено Абба-

Нелѣпыя восклицанія, безъ сомнѣнія, не выражали истинныхъ чувствованій вѣрныхъ; но въ такое время, когда Поэты говорили такимъ образомъ, должно полагать, что умы мало расположены были къ Крестовому походу. Упоминаемый нами Трубадуръ не совѣтуетъ начинать войну съ Сарранцинами и сильно возстаетъ противъ Папы, который продавалъ *индульгенціи* для вооруженія Французовъ противъ дома Швабскаго. Действительно, споры, возникшіе за наслѣдіе царства Неаполитанскаго и Сицилійскаго, занимали тогда все вниманіе Римскаго Престола, и Франція также принимала въ нихъ участіе. 1235—1270.

Безъ сомнѣнія не забыли отлученій отъ Церкви и духовныхъ проклятій, которыми столь часто Папы поражали Фридерика и его семейство; Римскіе Первосвященники предприняли присовокупить силу оружія къ своей церковной власти, и право завоевателей ко всѣмъ тѣмъ правамъ, кои они себѣ

шомъ Милошомъ, который, кажется, измѣнилъ его смыслъ. Оно напечатано въ IV шомѣ, страница 131 *Избранныхъ Стихотвореній Трубадуровъ*, Г-мъ Ренуаромъ, безсмѣннымъ Секретаремъ Французской Академіи. (Русскій Переводчикъ счелъ не нужнымъ приводить его здѣсь.)

*

1255— присвоили надъ государствомъ, столь близ-
1270. кимъ къ ихъ столицѣ. Войска ихъ, не имѣя воинской опытности, и чувствуя недостаткъ въ искусныхъ и храбрыхъ полководцахъ, вскорѣ претерпѣли пораженіе. Римскій Дворъ, побѣжденный такимъ образомъ на полѣ сраженія, былъ принужденъ признать власть побѣды, и въ этой свѣтской борьбѣ онъ даже упрапилъ нѣсколько свое духовное могущество, которое дѣлало его столь страшнымъ.

Отъ семейства Швабскаго оставались только Манфредъ, побочный сынъ Фридерика, и малолѣтный Конрадинъ, его внукъ. Манфредъ, надѣленный искусствомъ и храбростью своего отца, возобновилъ Германское могущество въ Италіи, и пренебрегалъ властію и оружіемъ Папъ. Тогда Римскій Дворъ, видя, что не можетъ удержать за собою королевство Сицилійское, обѣщалъ его тому, кто предприметъ завоевать его. Корона Манфреда сначала была предложена Ричарду Корнваллійскому, послѣ того Принцу Эдмонду, сыну Англійскаго Короля, которому Англійскій Парламентъ отказалъ въ денежныхъ пособіяхъ для столь великаго предпріятія; потомъ предложили ее Людовику IX для брата его Карла Анжуйскаго;

разборчивость Святаго Монарха, остано- 1255—
вила на время намѣреніе Папы Урбана. Но 1270.
Климентъ IV сдѣлалъ новое покушеніе; Людовикъ IX уступилъ наконецъ просьбамъ Карла, особенно же надеждѣ, что покореніе Сициліи нѣкогда принесетъ пользу и Святой Землѣ.

Карлъ, принявъ корону изъ рукъ Папы въ церкви Св. Іоанна Лапранскаго, вступилъ въ королевство Неаполитанское, сопровождаемый значительными силами, и предшествуемый прокляніями Римскаго Двора противъ Манфреда. Воины Карловы носили крестъ и сражались во имя Церкви; Священники одушевляли раповавшихъ и обѣщали имъ покровительство небесъ. Манфредъ не устоялъ въ этой войнѣ, которую называли священною бранею, и лишился короны и жизни въ битвѣ при Козанціи (Cozence).

Между тѣмъ Папа, избавясь отъ заботъ сего Крестоваго похода, занялся предпріятіемъ священной войны за-море. Легаты его убѣждали Государей, однихъ взять крестъ, другихъ исполнить свои клятвы. Климентъ принуждалъ Михаила Палеолога показать наконецъ искренность своихъ обѣщаній. Карлъ, объявившій себя вассаломъ Папы и обязанный ему своимъ королевствомъ, получилъ нѣ-

1255 — 1270. сколько посланій, въ коихъ ему представляли опасности Святой Земли, и то, чѣмъ онъ одолженъ Іисусу Христу, оскорбленному побѣдами Мусульманъ. Новый Сицилійскій Король удовольствовался тѣмъ, что отправилъ посольство къ Каирскому Султану (1), и ходатайствовалъ предъ Бибаромъ за несчастныхъ Палестинскихъ жителей. Султанъ отвѣчалъ Карлу, что онъ не отвергаетъ его посредничества, но что Христіане сами истребляютъ другъ друга; что никто изъ нихъ не имѣетъ довольно власти заставить уважать договоры, и *что малѣйшій между ними безпрестанно разрушаетъ то, что сдѣлалъ сильнѣйшій.* Бибаръ отправилъ въ свою очередь пословъ къ Карлу, не столько для продолженія переговоровъ, сколько для узнанія намѣреній и положенія Христіанъ.

Юный Конрадинъ приготовлялся оспоривать у Карла Анжуйскаго Сицилійскую корону; чтобы не утерять ни одной помощи, онъ отправилъ, какъ Іерусалимскій Король, посланниковъ къ Египетскому Султану съ

(1) Подробности эти, какъ и большая часть предъидущихъ, относительно Мусульманъ, извлечены изъ драгоцѣнной лѣтописи Ибнъ-Ферата. (См. Extraits arabes t. VI, Bibliographie des Croisades).

просьбою защитить права его противъ его соперника. Бибаръ въ отвѣтѣ своемъ старался утѣшить Конрадина, и конечно съ радостію видѣлъ несогласіе между Западными Государями. 1255—1270.

Среди этого положенія Европы, одинъ только Государь съ истиннымъ участіемъ занимался судьбою Христіанскихъ колоній въ Азіи. Воспоминаніе о землѣ, въ которой онъ жилъ (1), и надежда отмстить за честь Французскихъ войскъ въ Египтѣ, направляли всѣ помышленія Людовика IX къ новому Крестовому походу. Но онъ еще скрывалъ свое намѣреніе, и это великое предпріятіе, говоритъ одинъ изъ Историковъ (2), созрѣвало, такъ сказать, между Богомъ и нимъ. Людовикъ просилъ совѣта Папы, который колебался въ отвѣтѣ своемъ, размышляя объ опасностяхъ его отсутствія для Франціи и даже для цѣлой Европы. Первое письмо Климента (3) имѣло

(1) «Онъ думалъ, говоритъ Вильгельмъ де Нанжи, что «въ первомъ его странствіи на Востокъ заключался «великій стыдъ и великій позоръ для королевства «Французскаго.» Отецъ Мембургъ выражается такъ на счетъ рѣшимости Короля: «Святый Людовикъ, «не могъ заглушить въ себѣ огорченія, причиняемаго «воспоминаніемъ дурныхъ успѣховъ въ Египтѣ.»

(2) Hist. de St. Louis par Filleau de la Chaise.

(3) Смотри Письма Климента у Дюшена, Epist. 269.

1255—1270. цѣлію опклонишь Французскаго Государя опъ сиоль опаснаго предпріяшія; вопрошенный вшорично, Папа опложилъ свою разборчивосшь, и счелъ своею обязанносшію поддержашь Людовика въ его намѣреніи, убѣдясь, говорилъ онъ, чшо эшо намѣреніе внушено Богомъ.

Между шѣмъ цѣль эшого переговора сохранялась въ глубокой шайнѣ. Людовикъ IX не обнаруживалъ впередъ своихъ намѣреній, конечно опасаясь, чшобы размышленіе не повредило эншузіазму, опъ кошираго зависѣлъ успѣхъ дѣла, и чшобы при Дворѣ и въ государспвѣ его не возникла сильная оппозиція пропивъ предпріяшія Кресшоваго похода; онъ полагалъ, чшо объявивъ свое намѣреніе въ минушу самаго исполненія, онъ сильнѣе поразишъ умы, и скорѣе увлечешъ ихъ своимъ примѣромъ. Собраніе Бароновъ, Вельможъ и Прелашовъ королевспва созвано было шоржесшвеннымъ образомъ въ Парижѣ около полови ны поспа: не забыли шакже пригласишь шуда вѣрнаго Жуанвилля; Сенешаль предчувспвовалъ, говоришъ онъ въ своихъ Запискахъ, чшо Людовикъ возложишъ на себя кресшъ, и эшо предчувспвіе возъимѣлъ онъ, увидѣвъ во снѣ Французскаго Короля *въ красной ризѣ изъ Реймской ткани, означавшей*

знаменіе Креста (une chasuble vermeille de sarge de Rheims, ce qui signifiait la croix). Духовникъ его, изъясняя ему этотъ сонъ, прибавилъ, что риза изъ *Реймской матеріи* предвѣщала *не великую славу будущаго Крестоваго похода.* 1255—1270

Когда 23-го Марта большой Парламентъ Королевства собрали въ залѣ Луврскаго дворца и Король вошелъ, неся въ рукѣ терновый вѣнецъ Іисуса Христа, при этомъ видѣ все собраніе могло судить о намѣреніяхъ Монарха. Людовикъ, въ рѣчи, произнесенной съ набожностью, изобразивъ несчастія Святой Земли, объявилъ, что онъ рѣшился итти къ ней на помощь; потомъ онъ увѣщевалъ всѣхъ его слушавшихъ взять крестъ. Когда онъ кончилъ рѣчь свою, угрюмое и глубокое молчаніе выражало удивленіе, горестпь Прелатовъ и Бароновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣніе ихъ къ волѣ Святаго Монарха.

Папскій Легатъ, Кардиналъ Св. Цециліи, говорилъ послѣ Людовика IX, и въ одномъ прогапельномъ увѣщаніи, убѣждалъ Французскихъ воиновъ вооружиться пропивъ зловѣрныхъ. Людовикъ принялъ крестъ изъ рукъ Кардинала; примѣру его послѣдовали прое изъ его сыновей. Между этими молодыми

1255 — 1270. Принцами съ умиленіемъ замѣчали Ивана Графа Неверскаго, родившагося въ Даміеттѣ посреди бѣдствій предшествовавшаго Крестоваго похода; въ томъ же собраніи, Папскій Легатъ принялъ кляпву отъ Ивана Графа Бретанскаго, Альфонса Бріеннскаго, Графа Эвскаго, отъ Маргариты, прежней Графини Фландрской, и отъ множества Прелатовъ, Вельможъ и рыцарей.

Рѣшимость Святаго Людовика, которую уже съ горестью предчувствовали, распространила печаль по всему государству; не могли взирать безъ живѣйшаго прискорбія на отъѣздъ Государя, котораго одно присутствіе сохраняло миръ и соблюдало повсюду порядокъ и правосудіе. Здоровье Короля было весьма слабое, и все заставляло бояться, что онъ не въ силахъ перенести опасностей и трудовъ Крестоваго похода; онъ уѣзжалъ съ своими дѣтьми, и это обстоятельство еще болѣе усугубляло народную скорбь; бѣдствія перваго похода въ Египетъ возобновлялись въ памяти. Припоминали плѣнъ всего Королевскаго семейства, и спрашивались еще бо́льшихъ несчастій въ будущемъ. Жуанвилль смѣло говоритъ, что *тѣ, кои совѣтовали Королю итти заморе, тяжко согрѣшили.*

Однако нигдѣ не слышно было ни жалобъ, ни роптаній на Людовика IX; духъ самоотреченія, бывшій одною изъ добродѣтелей Государя, казалось, перешелъ въ сердца всѣхъ его подданныхъ, и говоря собственными выраженіями Папской *буллы*, Французы видѣли въ самопожертвованіи Короля только благородную и горестную жертву, приносимую пользѣ Христіанъ, этой пользѣ, *для коей Богъ не пощадилъ Своего единороднаго Сына.* 1255—1270.

Чѣмъ болѣе чувствовали любви къ Королю, тѣмъ болѣе предавались печали, но также тѣмъ болѣе являли рвенія раздѣлять его опасности (1). Людовикъ одинъ только помышлялъ объ освобожденіи гроба Іисуса Христа и Христіанскихъ колоній; воинственное дворянство Французское думало только о послѣдованіи за Королемъ въ походъ, который уже почитали несчастнымъ.

(1) Жуанвилль, слушая обѣдню въ дворцовой церкви, слышалъ слѣдующій разговоръ между двумя рыцарями его Совѣта; одинъ говорилъ, что если Король возьметъ крестъ, то это будетъ *одинъ изъ горестнѣйшихъ дней для Франціи; подлинно, если мы не возьмемъ креста*, прибавилъ онъ, *то потеряемъ Короля; если же возьмемъ крестъ, то потеряемъ Бога, ибо сдѣлаемся крестоносцами не для Него.*

1255 — 1270. Исторія именуетъ между тѣми, кои взяли крестъ послѣ Луврскаго собранія, Тибо, Короля Наваррскаго, Генрика, Графа Шампанскаго, брата его Графа Артуа, сына Роберта, убитаго въ Мансурагѣ, Графовъ Фландрскаго, де Сенъ-Поля, де Ламарша, Суассонскаго, Сеньоровъ Монморанси, Немура, Піенна, и пр. . . Сиръ де Жуанвилль, сильно убѣждаемый, отказался однако взять крестъ, представивъ въ извиненіе великія бѣдствія, постигшія его вассаловъ во время перваго похода. Добрый Сенешаль помнилъ также предсказанія своего духовника; онъ желалъ бы сопутствовать Королю, котораго искренно любилъ; но онъ еще не опомнился отъ ужасовъ, испытанныхъ имъ въ Египтѣ, и ничто въ свѣтѣ не могло заставить его воротиться въ страну Саррациновъ.

Рѣшимость Французскаго Короля произвела въ Европѣ сильное впечатлѣніе, и воскресила въ умахъ остатки спараго энтузіазма къ Крестовымъ походамъ; а какъ онъ былъ главою предпріятія, большая часть воиновъ съ гордостью шли сражаться подъ его знаменами; довѣренность, которую имѣли къ его благоразумію и добродѣтелямъ, успокоила нѣсколько умы на счетъ опасностей дальняго похода, и возвратила Христіанскимъ

народамъ надежду, которую, казалось, они 1255 —
упрашили. Самое воспоминаніе о бѣдствіяхъ 1270.
перваго похода, умножило надежду на буду-
щее, и заставляло многихъ думать, что тор-
жество Христіанскихъ войскъ будетъ на-
конецъ наградою минувшихъ трудовъ и зло-
ключеній, и плодомъ спасительной опытно-
сти.

Климентъ IV писалъ къ Армянскому Ко-
ролю, утѣшая его въ претерпѣнныхъ имъ
несчастіяхъ при набѣгѣ Мамелюковъ, и из-
вѣщая, что Восточные Христіане получатъ
сильное пособіе. Татарскій Ханъ, Абага, вое-
вавшій когда прошивъ Мало-Азійскихъ Тур-
ковъ, отправилъ нарочныхъ къ Римскому Дво-
ру и ко многимъ Западнымъ Государямъ; онъ
предлагалъ напасть на Мамелюковъ въ одно
время съ Франками, и выгнать ихъ изъ Сиріи
и Египта; Папа торжественно принялъ Мон-
гольскихъ посланниковъ; онъ сказалъ имъ,
что многочисленная рать, предводимая вели-
кимъ Государемъ, готова отправиться на
Востокъ, что наступилъ роковый часъ для
Мусульманъ, и что Богъ благословитъ свой
народъ и всѣхъ союзниковъ своего народа.

Людовикъ, безпрестанно занятый своимъ
походомъ, назначилъ время отъѣзда своего
въ 1270 году. Почти три года долженство-

1255 — 1270. вали пройти, пока объявленный Первосвященникомъ пособія прибудутъ на Востокъ. Для перевоза крестоносцевъ требовали кораблей отъ республикъ Генуэзской и Венеціянской; сначала Венеціяне отказали, но увидя потомъ, что хотятъ заключить договоръ съ Генуэзцами, послали нарочныхъ, чтобы предложить флотъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, въ коихъ Венеція показала болѣе зависти противъ Генуи, нежели рвенія къ Крестовому походу, она снова отказалась содѣйствовать отправленію Христіанскихъ войскъ, не столько спрашась гнѣва Людовика IX, сколько Султана Каирскаго, который могъ разрушить коммерцію на Востокѣ. Наконецъ Генуэзцы взялись доставить корабли для экспедиціи.

Всего труднѣе было, найти деньги, потребныя для военныхъ приготовленій. До того времени, десятая доля, взимаемая съ доходовъ духовенства, покрывала издержки Крестовыхъ походовъ; повсюду распространилось мнѣніе, что священная война должна производиться на счетъ людей, принадлежащихъ Церквѣ, и посвятившихъ себя служенію алтарей Іисуса Христа. Уже Урбанъ IV, предшественникъ Климента, предписалъ по всему Западу взиманіе сотой части съ до-

ходовъ церковныхъ, и что къ удивленію могло походить на торгъ святынею, Римскій Дворъ дозволилъ раздавать *индульгенціи*, жалуя ихъ по мѣрѣ того, какъ давали болѣе пребуемой подати. Французское духовенство многократно обращалось къ Папѣ съ просьбами, но онѣ оставались безъ всякаго дѣйствія. 1255—1270.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ послѣднее рѣшеніе Людовика IX, Римскій Престолъ обратился къ обыкновеннымъ средствамъ, и не смотря на жалобы, кои были не безъ основательности, предписалъ взимать снова десятую часть съ доходовъ, въ теченіе трехъ лѣтъ. Тогда духовенство начало сопротивляться сильнѣе, и помышлять болѣе о защитѣ своихъ доходовъ, нежели о защитѣ Святой Земли. Оно жаловалось Королю, отправило въ Римъ депутатовъ съ порученіемъ объяснить крайнюю бѣдность, до которой Французская Церковь доведена тягостными для нее налогами (1); эти депутаты пред-

(1) Всѣ эти подробности о взиманіи десятины, весьма важны для Исторіи Крестовыхъ походовъ; о переговорахъ сихъ можно читать: Raynaldi, No 59; le Spicilége, t. 13, pag. 211; le supplément de Raynaldi, Liv. LXIX, No 42; *L'Histoire ecclésiastique de Fleuri* et *les Actes de Rymer*.

1255 — 1270. спавили Первосвященнику, что поборы послѣднихъ временъ со дня на день спановяпся несперпимѣе, и что имущеспва церковныя уже недоспаточны для содержанія алпарей и прокормленія нищихъ Іисуса Христа. Они присовокупили, что несправедливоспь и насиліе опдѣлили прежде Церковь Греческую опъ Римской, давъ почувспвовапь, что новыя жеспокоспи не преминупъ произвеспи новые расколы. Говорили еще, что большая часпь Кресповыхъ походовъ, особенно же экспедиція Св. Людовика въ Египепъ, были злополучны, безъ сомнѣнія, попому что обобрали свяпилище и разорили церкви; въ заключеніе, они объявили, что предспоящія бѣдспвія будупъ несравненно хуже прежнихъ.

Подобная рѣчь долженспвовала сильно раздражипь Первосвященника. Клименпъ въ своемъ опвѣпѣ, упрекалъ депупаповъ и пѣхъ, опъ кого они присланы, въ ихъ равнодушіи къ дѣлу Христіанъ, и въ скупоспи, побуждавшей ихъ опказывапь въ своихъ излишкахъ для войны, въ копорой сполько Государей и знамениныхъ воиновъ жерпвовали своею жизнію. Онъ показалъ имъ оплученіе опъ Церкви, гоповое паспь на нихъ, и что всего болѣе могло успрашипь ихъ, онъ грозилъ опнящь ихъ имущеспва и доходы.

Таково было тогда могущество Рима, что никто безъ его воли не могъ имѣть ничего; духовенство принуждено было повиноваться, и осуждено платить десятину въ теченіе четырехъ лѣтъ. Сверхъ того, Папа дозволилъ Королю располагать всѣми денежными суммами, отказанными въ завѣщаніяхъ на пособіе Святой Землѣ; равнымъ образомъ, онъ предоставилъ ему деньги, собираемыя отъ тѣхъ, кои включили себя въ число крестоносцевъ, и хотѣли откупиться отъ клятвъ ими данныхъ; что долженствовало составить значительную сумму, ибо крестъ давали всякому, и никому не отказывали въ увольненіи. 1255 — 1270.

Людовикъ IX не пренебрегъ средствами, кои имѣлъ онъ какъ Король Франціи; въ это время еще не знали постояннаго налога, и Короли поддерживали блескъ престола только доходами съ своихъ вотчинныхъ помѣстьевъ. Чтобы удовлетворить всѣмъ издержкамъ, неизбѣжнымъ въ этомъ случаѣ, Король прибѣгнулъ къ налогу, который называли *поголовною податью* (capitation), и который, по феодальнымъ обычаямъ, аллодіальные помѣщики взыскивали съ каждаго изъ своихъ вассаловъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Обычай только не позволялъ ему

1255 — взимать этой подати для Крестоваго похода;
1270 но онъ также имѣлъ на то право, по слу-
чаю обряда весьма важнаго въ тѣ времена,
въ которомъ старшій сынъ его, Филиппъ,
долженствовалъ вступить въ званіе рыцаря.
Такимъ образомъ подать требовали именемъ
рыцарства и вѣры; ее взнесли безъ ропота,
потому что сборъ ея Людовикъ ввѣрилъ
людямъ, извѣстнымъ по своей честности.

Когда Филиппъ получилъ рыцарскій мечь, Французы, особенно жъ Парижане, изъявили любовь свою къ Людовику IX и семейству его народными увеселеніями; все дворянство съѣхалось изъ областей, чтобы присутствовать при зрѣлищахъ и празднествахъ, происходившихъ тогда въ столицѣ. Посреди турнировъ, ристаній и игръ, на коихъ выказывали свое проворство рыцари и паладины, не забывали Крестоваго похода. Папскій Легатъ произнесъ на островѣ Св. Людовика рѣчь о бѣдствіяхъ Святой Земли; увѣщанія Прелата произвели на весь народъ сильное впечатлѣніе; множество рыцарей и воиновъ всякаго состоянія взяли крестъ; такимъ образомъ Людовикъ IX, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы собрать въ одно время и деньги для содержанія войска, и рапниковъ для священной войны.

Между тѣмъ, какъ вся Франція занима- 1255—
лась экспедиціею за-море, Кресповый по- 1270.
ходъ проповѣдывали въ другихъ спранахъ Европы; въ Нортамптонѣ въ Англіи, созванъ былъ Соборъ, на которомъ Папскій Легатъ Оттобонъ, увѣщевалъ вѣрныхъ поднять оружіе для спасенія осптапковъ царспва Іерусалимскаго; Принцъ Эдуардъ взялъ крестъ, чтобы исполнить обѣтъ отца своего Генрика III, данный имъ въ то время, какъ узнали въ Европѣ о плѣненіи Людовика IX въ Египтѣ. По примѣру Эдуарда, Принцъ Эдмондъ, Графы Варвикъ и Пемброкъ, многіе Бароны и рыцари поклялись сражаться съ зловѣрными. Такое же рвеніе для освобожденія Свяпыхъ Мѣстъ обнаружилось въ Шотландіи, гдѣ Иванъ де Беллель (de Bailleul) и многіе владѣльцы вступили подъ знамена Кресповаго похода.

Каталонія и Кастилія доставили великое множество крестоносцевъ. Португальскій Король и Іаковъ Король Аррагонскій, надѣли крестъ. Уже одна изъ дочерей Государя Аррагонскаго, Дона Санха, отправившись на поклоненіе въ Іерусалимъ, умерла въ больницѣ Св. Іоанна, посвятивъ себя въ теченіе многихъ лѣтъ, на служеніе больнымъ и поклонникамъ. Іаковъ, при многократныхъ

1255 — 1270. случаяхъ, разбилъ Мавровъ; но подвиги его пропивъ зловѣрныхъ, и воспоминаніе о дочери, пострадавшей за свою Христіанскую благотворительность, не подкрѣпили его благочестія пропивъ свѣтскихъ страстей, и постыдныя связи его съ Беренжерою возбуждали негодованіе Христіанства.

Папа, которому Іаковъ сообщилъ намѣреніе свое итти въ Святую Землю, отвѣчалъ ему, что Іисусъ Христосъ не можетъ благосклонно принять услугъ Государя, *который ежедневно распинаетъ его своими прегрѣшеніями.* Аррагонскій Король, по странному сочетанію противоположныхъ чувствованій, не хотѣлъ ни отказаться отъ Беренжеры, ни оставить своего намѣренія воевать съ зловѣрными на Востокѣ. Онъ повторилъ клятву свою въ Толедѣ при многочисленномъ собраніи, въ которомъ присутствовали посланники Тапарскаго Хана и Короля Армянскаго. Мы читаемъ въ одномъ Испанскомъ разсужденіи (1) о Кре-

(1) Это разсужденіе, которое доставилъ намъ Сочинитель, имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Историческое разсужденіе объ участіи, которое принимали Испанцы въ войнахъ за-моремъ, и о вліяніи сихъ походовъ, начиная съ XI и до XV столѣтія*, Дона Фернандеса де Креварешна. Въ этомъ

сповыхъ походахъ, чпо Альфонсъ *Мудрый*, 1255—
копорый самъ не могъ опправиппься на Во- 1270.
спокъ, доспавилъ Аррагонскому Королю по-
собіе изъ спа человѣкъ и спа пысячъ Испан-
скихъ золопыхъ *мараведисовъ;* Орденъ Св.
Іакова и другіе рыцарскіе Ордена, часпо со-
провождавшіе побѣдипеля Мавровъ въ его
бипвахъ, пакже прислали ему денегъ и лю-
дей. Городъ Барселона предложилъ ему 80,000
Барселонскихъ *су*, Маіорка 50,000 *су* сере-
бромъ и два вооруженныя судна. Флопъ, со-
споящій изъ придцапи большихъ кораблей
и великаго числа судовъ, на кои сѣло 800
конныхъ и 20,000 пѣшихъ воиновъ, оппра-
вился изъ Барселоны 4 Сенпября 1268 года.
Поровнявшись съ Маіоркою, онъ былъ раз-
сѣянъ бурею; часпь кораблей прибыла въ
Азію, а другая вошла въ Сардинскія приспани;
корабль, на коемъ находился Король Арра-
гонскій, выброшенъ былъ на берегъ Ланге-
дока.

Прибыпіе въ Пполемаиду Аррагонскихъ кресспоносцевъ, предводимыхъ побочнымъ сы-
номъ Іакова, возвраппило нѣкопорую надежду

сочиненіи, гдѣ царспвуепъ благоразумная крипика, здравая ученоспь, заключаепся много драгоцѣнныхъ опрывковъ и докумепповъ; мы будемъ имѣпь случай часпо приводипь его.

1255 — 1270. Палеспинскимъ Франкамъ. Одинъ посланникъ Аррагонскаго Короля, по свидѣтельспву Восточныхъ лѣтописей, отправился къ Татарскому Хану съ объявленіемъ, что Испанскій Государь скоро прибудетъ съ своимъ войскомъ; но Іаковъ не прибылъ, потому ли что былъ удержанъ прелестями Беренжеры, или потому что буря, разсѣявшая его флотъ, внушила ему мысль, что небо противится его спранспвованію. Сначала порицали отъѣздъ Іакова, въ которомъ онъ, казалось, презиралъ совѣты Св. Престола; его возвращеніе спали приписывать постыднымъ склонностямъ. Ропотъ возникалъ также противъ Короля Португальскаго, который собралъ десятину, и не покидалъ своего королевспва.

Въ Европѣ взоры всѣхъ, принимавшихъ участіе въ успѣхахъ Крестоваго похода, обращены были на Неаполитанское королевспво, гдѣ Карлъ Анжуйскій дѣлалъ большія приготовленія, для сопровожденія брата своего на Востокъ; но это королевство, давно завоеванное, долженспвовало еще быть позорищемъ войны, возженной местію и честолюбіемъ. Въ королевспвѣ Неаполитанскомъ и Сицилійскомъ, гдѣ такъ часто смѣнялись повелители, произошло то, что почти всегда случается послѣ переворота:

обманутыя надежды превратились въ нена- 1255 —
висть: безпорядки, неразлучные съ завое- 1270.
ваніемъ, присутствіе войска, возгордившаго-
ся своими побѣдами, слишкомъ жестокое пра-
вленіе Карла, раздражили народъ пропивъ
новаго Государя. Климентъ IV почелъ за
необходимое сдѣлать ему спасительное пред-
остереженіе. «Ваше государство, писалъ онъ
«къ нему, сначала испощенное агентами, ко-
«имъ вы довѣрили вашу власть, нынѣ раз-
«дираемся вашими врагами; такимъ образомъ
«гусеница истребляетъ то, что пощажено
«саранчею. Неаполитанское и Сицилійское
«королевство не имѣло недостатка въ опу-
«стошителяхъ: гдѣ же теперь находятся
«его защитники?» Это письмо Папы пред-
вѣщало близкую бурю; многіе изъ тѣхъ, кои
призывали Карла, начали сожалѣть о Домѣ
Швабскомъ, и обратили новыя надежды свои
къ Конрадину, наслѣднику Фридерика и Кон-
рада. Этотъ юный Государь вышелъ изъ
Германіи съ войскомъ, и вступилъ въ Ита-
лію, усиливаясь въ шествіи своемъ партіею
Гибелиновъ и тѣми, которыхъ раздражило
правленіе Карла. Вся Италія была въ пла-
мени, и Папа, покровитель Карла, удали-
вшійся въ Витербу, имѣлъ для защиты своей
одно лишь оружіе — церковныя прокляtія.

1255—1270. Между тѣмъ Карлъ Анжуйскій собралъ войско и двинулся противъ своего соперника; обѣ рати встрѣтились на равнинѣ Св. Валентина близъ Аквилеи; войско Конрадина было разбито на голову, и юный Государь досталося во власть побѣдителя. Карлъ навлекъ на себя негодованіе потомства тѣмъ, что, употребивъ во зло свою побѣду (1), онъ предалъ суду, а потомъ велѣлъ отрубить голову своему побѣжденному и безоружному непріятелю. Послѣ этой казни, Сицилія и Неаполитанская область преданы были всѣмъ неистовствамъ завистливаго и недовѣрчиваго тиранства; насиліе всегда влечетъ за собою насиліе, и великія политическія преступленія никогда не появляются одни. Такъ приготовлялся Карлъ къ Крестовому походу; но съ другой стороны, Провидѣніе готовило ему ужаснѣйшій конецъ: «Столь справедливо «то, говоритъ одинъ Историкъ, что Богъ

(1) Мезере объясняетъ такимъ образомъ умерщвленіе Конрадина: «Такъ какъ Карлъ рѣшился отправиться въ Африку съ Королемъ Святымъ Людовикомъ, то не зналъ что дѣлать съ Конрадиномъ и Фридерикомъ, которыхъ очень опасно было держать въ заключеніи, и еще опаснѣе освободить въ королевствѣ, наполненномъ партіями и мятежниками, а потому онъ и предалъ ихъ суду Синдиковъ городовъ королевства.»

«такъ же часто даетъ царства, чтобы на- 1255 —
«казать того, кого Онъ возвышаетъ, какъ и 1270.
«для покаранія тѣхъ, коихъ порабощаетъ.»

Между тѣмъ, какъ эти кровавыя явленія происходили въ Италіи, Людовикъ IX неутомимо старался объ утвержденіи народнаго спокойствія и о предпріятіи Крестоваго похода. Святый Государь не забывалъ, что вѣрнѣйшій способъ облегчить бѣдствія войны и невыгоды его отсутствія, заключается въ изданіи полезныхъ законовъ; онъ обнародовалъ тогда многіе указы, и каждый изъ нихъ былъ памятникомъ его правосудія. Славнѣйшій изъ нихъ есть *Прагматическая санкція* (Уставъ Св. Людовика), которую Боссюэтъ называлъ твердѣйшею опорою свободы Французской. Онъ прудился также надъ сооруженіемъ сего памятника законодательства, который прославилъ его царствованіе, и сдѣлался свѣтильникомъ для послѣдующихъ вѣковъ.

Графъ Пуатье, который долженствовалъ сопутствовать своему брату, старался въ то же время водворить тишину въ областяхъ своихъ, и сдѣлалъ много постановленій для сохраненія общественнаго порядка. Онъ особенно заботился объ уничтоженіи рабства, руководствуясь правиломъ, говорилъ онъ, *что*

1255 — 1270. *люди родятся свободными*, и *что всегда благоразумно обращать вещи къ ихъ началу*. Этотъ добрый Принцъ снискалъ благословенія народа, и любовь его вассаловъ утвердила прочность законовъ имъ изданныхъ.

Мы упомянули, что Принцъ Эдуардъ, старшій сынъ Генрика III, далъ клятву сражаться съ зловѣрными. Онъ оказалъ отличное мужество въ междоусобіи, опустошавшемъ долгое время Англію; и освобожденіе его отца, возстановленіе тишины въ государствѣ были наградою его подвиговъ. Уваженіе Эдуарда къ характеру Людовика IX, еще болѣе, жели духъ набожности, побуждало его ѣхать на Востокъ. Французскій Король, лично убѣждавшій его взять крестъ, далъ ему въ займы семьдесятъ тысячъ Турскихъ ливровъ для приготовленій къ походу (1). Эдуардъ долженствовалъ слѣдовать за Св. Людовикомъ, какъ вассалъ его, и вести подъ его знаменами крестоносцевъ Англійскихъ вмѣстѣ съ Гвіскими. Гастонъ Бернскій, которому Французскій Государь доставилъ 25,000 ливровъ,

(1) Подлинныя слова договора, заключеннаго между Людовикомъ IX и Принцемъ Эдуардомъ, смотри въ отрывкѣ изъ *Actes de Rymer* (Le VII vol. de Bibliographie des Croisades).

готовился слѣдовать во Святую Землю за Эдуардомъ. 1255—1270.

Приближались ко времени, назначенному для отъѣзда экспедиціи. По повелѣнію Легата, Священники, въ каждомъ приходѣ, получили именные списки крестоносцевъ, чтобы заставить ихъ носить всенародно крестъ, и всѣмъ было приказано приготовиться къ отплытію въ Маѣ мѣсяцѣ 1270 года. Людовикъ ввѣрилъ управленіе государствомъ, на время своего отсутствія, Матвѣю, Аббату Св. Діонисія и Симону де Нель; онъ совѣтовалъ письменно всѣмъ владѣльцамъ, долженствовавшимъ сопутствовать ему на Востокъ, собрать своихъ рыцарей и воиновъ. Такъ какъ благочестивый энтузіазмъ не довольно былъ силенъ, чтобы заставить забыть земныя корысти, то многіе владѣльцы, принявшіе крестъ, боялись разориться въ священной войнѣ; большая часть изъ нихъ не охотно собирались ѣхать. Людовикъ обязался снабдить ихъ путевыми издержками, и содержать ихъ на свой счетъ во время войны, чего не было въ Крестовыхъ походахъ Людовика VII и Филиппа-Августа; рвеніе крестоносцевъ не дозволяло имъ тогда думать о своей пользѣ и съ такою осторожностью предусматривать будущее. До насъ дошелъ драгоцѣн-

1255—1270. ный памятникъ той эпохи—это *Хартія* (1), въ которой Король Французскій распредѣлялъ выдачу жалованья большому числу Бароновъ и рыцарей во все продолженіе войны за-моремъ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ Людовикъ поѣхалъ въ церковь Св. Діонисія, гдѣ принялъ знаки своего странствованія и поручилъ государство покровительству Апостоловъ Франціи (2). На другой день, послѣ сего торжественнаго обряда, отслужили обѣдню для Крестоваго похода въ церкви Парижской Богоматери. Государь отправился туда въ сопровожденіи сыновей и главныхъ вельможъ своего Двора; онъ вышелъ изъ дворца босой, неся котомку и посохъ. Слѣдующую ночь Король провелъ въ Винценнѣ, и въ послѣдній разъ видѣлъ мѣста, гдѣ любилъ оказывать правосудіе своему народу; тамъ Людовикъ разстался съ Королевою Маргаритою, съ которою никогда до того не разлучался, разлука ихъ горестнѣйшая, что приводила на память

(1) Мы приведемъ тексты этой Хартіи въ *Оправдательныхъ Статьяхъ* No IV, въ концѣ этой части.

(2) Касательно приготовленій и странствія Людовика IX, можно читать Вильгельма де Нанжи, Жоффруа де Болье, Дѣянія Св. Людовика, Продолженіе Матвѣя Париса, и Жуанвилля.

жеспокія воспоминанія, и эпи воспоминанія присоединялись къ самымъ печальнымъ пред- 1255 — 1270.
чувспвіямъ.

Народъ и Дворъ погружены были въ скорбь; всеобщая печаль еще болѣе усугублялась пѣмъ, чпо не знали, куда Людовикъ направипъ походъ свой: носились слухи, чпо на берега Аѳрики. Сицилійскій Король взялъ крепъ, не желая иппи въ Азію; и когда въ Совѣпахъ разсуждали о предпріяпіи, онъ намѣкнулъ, чпо надлежало напасть на Тунисъ; царспво Туниское наполняло море пиратами и прегражда́ло всякій пупь въ Палесппину; Тунисъ находился въ союзѣ съ Египпомъ и могъ опкрыпь пуда дорогу. Вопъ причины, коими хопѣли подпвердипь эпопъ совѣпъ; наспоящая жъ причина заключалась въ помъ, чпо для Сицилійскаго Короля было весьма важно завоевапь Аѳриканскіе берега, и не слишкомъ удаляпься опъ Ипаліи. Наспоящая же причина для Св. Людовика, безъ сомнѣнія побудившая его къ пому, соспояла въ надеждѣ его обрапипь въ испинную Вѣру Бея Тунискаго и прiобрѣспи обширную область Христіанспву. Мусульманскій Государь, многокрапно присылавшій во Францію пословъ своихъ, самъ породилъ эпу мысль, говоря, чпо гоповъ приняпь Вѣру Іисуса Хри-

1255 — 1270. спа (1): и то, что онъ говорилъ единственно для опвращенія нашествія, то самое навлекло ему войну. Людовикъ IX часто повторялъ, что согласенъ провести всю жизнь въ мрачной тюрмѣ, если за эту цѣну Бей Тунискій обратится въ Вѣру Христову со всѣмъ своимъ народомъ; выраженіе чрезмѣрнаго *прозелитизма*, которое порицали съ

(1) On donnoit entendre au roy Loys, que li roy de Thunes avoit bonne volonté d'être chrétien, et que de légier il le pourroit, se il avoit honourable occasion, et que ce peut être sauve la sone honneur, et sauve la per de ces Sarrasins.... Il pensoit le très bon roy chrétien, si ses grands os et si renommés comme étoient les siens, venoient à Thunes soudainement, à peine pourroit-il li roy de Thunes refuser ni excuser si raisonnable occasion de recevoir le saint baptême, etc...

(Annales de regne de St. Louis, par Guillaume de Nangis).

(Королю Людовику внушили, что Бей Тунискій имѣетъ благое желаніе содѣлаться Христіаниномъ, и что онъ можетъ обратить его, если представится ему благопріятный случай, который не повредитъ его чести, и уничтожитъ въ немъ страхъ этихъ Саррациновъ.... Добродѣтельнѣйшій Король Христіанскій думалъ, что если большое и знаменитое войско его внезапно придетъ въ Тунисъ, то едва ли возможно будетъ ему, Бею Тунискому, отказаться или отклониться отъ столь удобнаго случая принять святое крещеніе, и проч...)

Лѣтописи царствованія Св. Людовика, писанныя Вильгельмомъ де Нанжи.

горечью; но которое въ сущности показы- 1255 —
вало только сильное желаніе видѣть Африку, 1270.
исторгнутую изъ варварства, и идущую на ряду съ Европою къ образованности, благодѣянію Христіанства. *Прозелитизмъ* (чрезмѣрная ревность къ обращенію въ вѣру) есть одинъ изъ характеровъ человѣческой природы и принадлежитъ къ духу общежительности. Въ настоящемъ вѣкѣ, который славится тѣмъ, что свободенъ отъ всѣхъ предразсудковъ, развѣ мы не видѣли философовъ, мудрецовъ, оплакивающихъ участь свѣта, если онъ не будетъ управляться по правиламъ ихъ, и извиняющихъ войну со всѣми ужасами, если только она можетъ служить къ распространенію ихъ познаній и мнѣній?

Между тѣмъ, какъ Людовикъ ѣхалъ чрезъ свое государство въ Эгъ-Мортъ, гдѣ должествовала сѣсть на суда рать крестоносцевъ, повсюду молили небо о низпосланіи благословеній на его оружіе; духовенство и вѣрные, собираясь въ церквахъ, молились за Короля и дѣтей его, и за всѣхъ ему сопутствовавшихъ. Молились также за Государей и иностранныхъ Вельможъ, кои надѣли крестъ, и обѣщались итти на Востокъ, какъ будто тѣмъ хотѣли побудить ихъ ускорить свое отбытіе.

1255 — 1270. Большая часть не отвѣтствовала сему благочестивому призыву. Король Кастильскій, вступившій въ крестовый союзъ, имѣлъ притязанія на Императорскую корону, и сверхъ того не могъ забыть смерти брата своего Фридерика, казненнаго Карломъ Анжуйскимъ. Не одни полько имперскія дѣла удерживали Принцевъ и владѣльцевъ Нѣмецкихъ; но смерть юнаго Конрадина такъ возмутила умы въ Германіи, что никто тамъ не хотѣлъ сражаться подъ одними знаменами съ Королемъ Сицилійскимъ. Споль черное злодѣяніе, свершенное посреди приготовленій къ священной войнѣ, казалось, предвѣщало величайшія бѣдствія. Чрезмѣрная скорбь или чрезмѣрное негодованіе могли заставить опасаться, чтобы небо не раздражилось противъ Христіанъ, и чтобы проклятіе его вторично не пало на войска крестоносцевъ.

Когда Людовикъ прибылъ въ Эгъ-Мортъ, онъ не нашелъ тамъ ни Генуэзскаго флота, ни главныхъ владѣльцевъ, кои долженствовали съ нимъ отправиться: посланники Палеолога одни только не заставили себя ждать; въ Константинополѣ всегда боялись Крестоваго похода, и этотъ страхъ былъ гораздо дѣятельнѣе энтузіазма крестоносцевъ.

Людовикъ могъ бы спросить Греческаго Им- 1255 —
перапора, почему онъ, обѣщавъ прислать 1270.
войско, присылалъ только депутатовъ; но
этотъ Король, поставлявшій великую ва-
жность въ обращеніи Грековъ, удовольство-
вался однимъ успокоеніемъ посланниковъ; и
по случаю смерти Климента IV, онъ ве-
лѣлъ имъ ѣхать на Конклавъ Кардиналовъ,
для окончанія соединенія обѣихъ Церквей.

Между тѣмъ крестоносцы, увлеченные без-
престанными увѣщаніями и примѣромъ Лю-
довика, выступали изъ всѣхъ областей и
направлялись къ гаванямъ Марсель и Эгъ-
Мортъ. Скоро Людовикъ увидѣлъ прибыв-
шаго со множествомъ своихъ вассаловъ Графа
Пуатье; главные владѣльцы вели за собою
цвѣтъ своихъ рыцарей и своихъ воиновъ; мно-
гіе города также прислали своихъ ратниковъ.
Каждый отрядъ имѣлъ свое знамя, и состав-
лялъ отдѣльную дружину, подъ названіемъ го-
рода или области: въ Христіанскомъ ополченіи
отличались баталіоны Бокерскій, Каркасон-
скій, Шалонскій, Перигорскій, и другіе. Эти
имена возбуждали живѣйшее соревнованіе, но
также подали поводъ къ распрямъ, кои съ
трудомъ были укрощены благоразуміемъ и
твердостію Людовика. Явились крестоносцы
Каталонскіе, Кастильскіе и изъ многихъ

1255 — 1270. другихъ областей Испаніи; пятьсотъ воиновъ Фрисландскихъ прибыли исполненные довѣренности такому вождю, каковъ былъ Людовикъ IX, говоря, что народъ ихъ всегда гордится своею зависимостью отъ Королей Французскихъ.

Король предъ отъѣздомъ писалъ еще разъ къ Регентамъ королевства, поручая имъ блюсти за народными нравами, очищать Францію отъ дурныхъ Судей, оказывать всякому, особенно бѣднымъ, справедливость скорую и совершенную, дабы Тотъ, Кто судитъ людскія сужденія, ни въ чемъ не могъ его упрекнуть.

Таковы были послѣднія прощанія Людовика съ Франціею. Флотъ пустился въ море 4 Іюля, и чрезъ нѣсколько дней прибылъ на рейду *Кальіари*. Тамъ Совѣтъ Графовъ и Бароновъ собрался на кораблѣ Короля, чтобы разсуждать о предпріятіи Крестоваго похода. Тѣ, кои предлагали завоеваніе Туниса, говорили, что этимъ откроютъ пути Средиземнаго моря, и ослабятъ могущество Мамелюковъ; что послѣ сего завоеванія, рать съ торжествомъ пойдетъ въ Египетъ или въ Палестину. Многіе изъ Бароновъ не раздѣляли этого мнѣнія. Если Святая Земля требуетъ, говорили они, скорыхъ пособій, то надлежитъ ихъ доста-

вить туда безъ замедленія; пока будутъ задержаны на берегахъ Африканскихъ, въ землѣ незнакомой, Христіанскіе города на берегахъ Сиріи, могутъ достаться во власть Саррациновъ: величайшій врагъ Христіанъ есть Бибаръ, этотъ страшный Султанъ Каирскій; на него должно напасть; въ его владѣнія, въ нѣдра его столицы, а не за двѣсти миль отъ Египта должно внести войну. Къ этому прибавляли воспоминанія о пораженіяхъ Французскаго войска на берегахъ Нила, о пораженіяхъ, которыя надлежало опять на самомъ мѣстѣ поликихъ злоключеній. 1255 — 1270.

Современная Исторія умалчиваетъ, до какой степени эти совѣты подѣйствовали на Людовика IX своею основательностію; но нападеніе на Тунисъ льстило самымъ пріятнымъ его надеждамъ. Его присовѣтовалъ Король Сицилійскій, котораго содѣйствіе было необходимо для успѣха Крестоваго похода. И такъ рѣшено, чтобы Генуэзскій флотъ направился къ Африкѣ; чрезъ два дня, 20 Іюля, онъ былъ уже въ виду Туниса и Карѳагена.

На Западномъ берегу Африки, насупротивъ Сициліи, находится полуостровъ, описанный Страбономъ, имѣющій въ окружности 340 стадій или 42 мили. Полуостровъ этотъ выдается въ море между двумя зали-

1255 — 1270. вами, изъ коихъ западный представляетъ удобную пристань; другой, между Востокомъ и Югомъ, сообщается посредствомъ канала съ озеромъ, которое простирается внутрь земли на три мили, и называется новѣйшими Географами *Гулетта*. Здѣсь былъ построенъ соперникъ Рима, коего окружность обнимала оба морскіе берега. Завоеванія Римлянъ, громленія Вандаловъ не могли разорить совершенно этого цвѣтущаго города; но въ VII вѣкѣ, взятый и опустошенный Сарацинами, онъ представлялъ одну громаду развалинъ; городокъ подлѣ самой гавани, называемый *Марса*, башня на оконечности мыса, довольно крѣпкій замокъ на холмѣ *Бирса*, вотъ все, что осталось отъ этого города, котораго могущество господствовало столь долгое время на Средиземномъ морѣ и на берегахъ Африки и Азіи.

Въ пяти миляхъ отсюда, къ Востоку и Югу, не много подалѣе залива и озера *Гулетта*, возвышался городъ, называемый въ древности *Тунисъ* или *Туниса*, а нынѣ Тунисъ, которымъ Сципіонъ овладѣлъ предъ нападеніемъ на Карѳагенъ. Тунисъ возросъ съ паденіемъ другихъ городовъ, и въ XIII вѣкѣ спорилъ въ богатствѣ и народонаселеніи съ самыми цвѣтущими городами Африки. Въ немъ

счипалось десять тысячъ домовъ и три боль- 1255 —
шихъ предмѣстья; грабежи и выгоды обшир- 1270.
ной торговли обогатили его; все что Наука *укрѣпленій* можетъ изобрѣсть, употреблено было для защиты его окрестностей.

Берегъ, на которомъ возвышался Тунисъ, былъ позорищемъ многочисленныхъ перемѣнъ, описаніе коихъ передали намъ древніе Историки; но новѣйшая Исторія не сохранила подобно тому переворотовъ Саррацинъ. Едва можно слѣдовать за ходомъ этихъ варваровъ, водрузившихъ на развалинахъ такого множества городовъ знамя *Исламизма*. Извѣстно за подлинно только то, что Тунисъ, долгое время присоединенный къ царству Марокскому, отдѣлился отъ него подъ управленіемъ воинственнаго Государя, коего третій преемникъ царствовалъ во времена Св. Людовика.

При видѣ Христіанскаго флота, жители Африканскаго берега пришли въ ужасъ; все что было на Карѳагенскомъ берегу обратилось въ бѣгство къ горамъ или къ Тунису. Нѣсколько кораблей, находившихся въ гавани, были покинуты; Король приказалъ Флорану де Варенну, исправлявшему должность Адмирала, отправиться въ шлюбкѣ для осмотра берега. Варенъ никого не нашелъ ни въ

1255 — 1270. гавани, ни на берегу; онъ донесъ Королю, что нечего терять времени и должно воспользоваться смятеніемъ непріятеля. Помнили, что въ прежнюю экспедицію, слишкомъ поспѣшно сдѣлали высадку на берега Египта; теперь не хотѣли предпринимать ничего на удачу. Тогда управляла войною молодость; теперь, напротивъ, старость и зрѣлый возрастъ. Положено ждать до слѣдующаго утра.

На другой день съ разсвѣтомъ, берегъ былъ покрытъ Сарацинами, въ числѣ коихъ видѣли много конныхъ людей. Крестоносцы, не смотря на то, рѣшились приступать къ берегу; по приближеніи Христіанъ, толпа зловѣрныхъ скрылась, и это большая милость Божія, ибо, по свидѣтельству одного очевидца, безпорядокъ былъ такъ великъ, что достаточно было ста человѣкъ, чтобы остановить все войско.

Христіанская рать, по выходѣ изъ судовъ, построилась на берегу въ боевый порядокъ, и по законамъ войны, Петръ Конде, Королевскій духовникъ, прочелъ громкимъ голосомъ объявленіе, по которому побѣдители вступали во владѣніе областію. Это объявленіе, написанное самимъ Людовикомъ IX, начиналось сими словами: «*Возвыщаю вамъ суд*ъ

«*Господа нашего Іисуса Христа и Лю-* 1255—
«*довика, Короля Французскаго, Его* 1270.
«*побо рителя* (Je vous dis le ban de notre seigneur Jésus-Christ et de Louis, roi de France, son sergent).»

Свезли на берегъ обозъ, съѣстные и военные припасы. Очерпили обширное пространство, и разбили на немъ палатки Христіанскихъ солдатъ. Пока копали рвы и дѣлали насыпи для защиты войска отъ нечаяннаго нападенія, овладѣли башнею, построенною на краю мыса. На слѣдующее утро, пять-сотъ матросовъ водрузили знамя лилій на Карѳагенскомъ зàмкѣ. Городокъ *Марса*, смежный съ зàмкомъ, также достался во власть крестоносцевъ; тамъ помѣстили женщинъ и больныхъ, а войско осталось подъ шатрами.

Людовикъ IX еще надѣялся на обращеніе въ истинную вѣру Тунисскаго Бея; но это благочестивое обольщеніе скоро исчезло. Мусульманскій Государь прислалъ къ Королю депутатовъ съ объявленіемъ, что онъ явится къ нему съ войскомъ во сто тысячъ человѣкъ, и приметъ отъ него крещеніе на полѣ сраженія; повелитель Мавровъ присовокупилъ, что приказалъ схватить всѣхъ Христіанъ, находящихся въ его владѣніяхъ, и что они всѣ будутъ преданы смерти, если Христіан-

1255 — 1270. ская рать предприметъ нападеніе на его сполицу.

Угрозы и пустыя похвальбы Бея Тунискаго не могли перемѣнить намѣренія Франковъ. Сверхъ того Мавры не внушали спраха и не таили ужаса, который причинялъ имъ одинъ видъ крестоносцевъ. Не смѣя никогда нападать откры то на непріятеля, шайки ихъ, по разсѣянныя, бродили вокругъ Христіанской рати и старались захватить удалявшихся отъ стана: но соединясь, бросались на передовыя войска, метали стрѣлы, грозили обнаженными саблями, и быстрота ихъ коней укрывала ихъ отъ преслѣдованія Христіанъ. Часто прибѣгали они къ коварству: трое изъ нихъ пришли въ станъ крестоносцевъ, и объявили, что желаютъ принять Христіанскую вѣру (1); сто другихъ послѣдовали за ними, изъявляя подобное же намѣреніе. Ихъ приняли съ отверстыми объятіями; они ударили на Французовъ съ мечемъ въ рукахъ; но скоро, подавленные числомъ, одни изъ нихъ были убиты, другіе обратились въ бѣгство. Трое первыхъ, упавъ на колѣни, умоляли вождей помиловать ихъ.

(1) Вильгельмъ де Нанжи говоритъ по этому случаю: «Здѣсь видны великое коварство Сарацинъ, и велика простота Христіанъ.»

Презрѣніе къ подобнымъ врагамъ, обрѣло имъ пощаду; ихъ выбросили изъ спана. 1255 — 1270.

Наконецъ Мусульманская рапь, ободренная бездѣйствіемъ Христіанъ, уже нѣсколько разъ появлялась на равнинѣ. Весьма легко было напасть на нее и одержать побѣду; но Людовикъ рѣшился оставаться въ оборонительномъ положеніи до прибытія Короля Сицилійскаго; пагубное намѣреніе, которое все потеряло: Сицилійскій Король, присовѣтовавшій эту злополучную экспедицію, долженствовалъ довершить своею медлительностію зло, которое причинилъ уже своими совѣтами.

Мусульмане спекались со всѣхъ частей Африки для защиты *ислámизма* пропивъ Христіанъ. Въ Египтѣ готовились предупредить нашествіе Франковъ, и еще въ Августѣ мѣсяцѣ, Бибаръ возвѣщалъ своими посольствами, что пойдетъ на помощь къ Тунису. Войска, содержимыя Каирскимъ Султаномъ въ области Барка, получили повелѣніе выступить въ походъ. Такимъ образомъ рать Мавританская начинала дѣлаться страшною; но не этой толпы Саррацинъ надлежало болѣе всего страшиться крестоносцамъ. Другія опасности и другія бѣдствія угрожали имъ: Христіанское войско нуждалось

1255—1270. въ водѣ; жизненные припасы были только соленые; солдаты не могли переносить Аѳриканскаго климата; со стороны жаркаго пояса дули вѣтры, походившіе на пожирающее пламя. Саррацины, на прилегающихъ горахъ, взрывали какими-то орудіями песокъ, и вздымавшаяся пыль палящими облаками неслась на равнину, гдѣ стояли Христіане. Наконецъ кровавый поносъ, болѣзнь опасная въ жаркихъ странахъ, производила великое опустошеніе между войсками. Чума, которая, кажется, сама собою раждается на этихъ раскаленныхъ и горячихъ пескахъ, также распространила свою заразу въ Христіанской рати.

День и ночь стояли подъ оружіемъ, не для того, чтобы сражаться съ непріятелемъ, который всегда бѣгалъ, но чтобы защищаться отъ всякаго нечаяннаго нападенія. Большая часть крестоносцевъ изнемогали отъ трудовъ, скудости и болѣзней. Сначала Французы оплакали Бушара, Графа Вандомскаго, Графа де Ламарша, Гоше Немурскаго, владѣльцевъ Монморанси, Піенна, Бриссака, Гюи д'Аспремона, Рауля, брата Графа Суассонскаго. Не доставало рукъ для погребенія мертвыхъ: окопы лагеря были завалены трупами, набросанными безъ раз-

бору, кои еще болѣе заражали воздухъ и умножали видъ всеобщаго опчаянія. 1255—1270.

Между шѣмъ, Оливье де Термъ, Лангедокскій дворянинъ, пріѣхавшій изъ Сициліи, объявилъ, чшо Король Карлъ уже гоповъ опплыпь съ войскомъ. Это извѣспіе получено съ радоспію, но не облегчало ни одного изъ бѣдспвій, кои препершѣвали крестоносцы. Жары спановились чрезмѣрны; недоспапокъ воды, дурная пища, болѣзнь, продолжавшая свои опуспошенія, гореспь, копорую всѣ ощущали, видя себя заключенными въ спанѣ и лишенными возможносши сражашься, довершали уныніе солдапъ и начальниковъ. Людовикъ спарался одушевишь ихъ словами и примѣромъ своимъ; но самъ занемогъ кровавымъ поносомъ. Принцъ Филиппъ, Герцогъ Неверскій, Король Наваррскій, Легапъ испыпали шакже дѣйспвія заразы. Герцогъ Неверскій, прозванный *Тристаномъ*, родился въ Даміешшѣ, во время плѣна Короля. Людовикъ нѣжно любилъ его: юнаго Принца осшавили въ спавкѣ своего опца; но когда болѣзнь оказалась неизлѣчимою, его перевезли на корабль. Государь безпресшанно освѣдомлялся о своемъ сынѣ; окружавшіе хранили молчаніе. Наконецъ ему донесли, чшо Герцогъ Неверскій скончался; Людовикъ не могъ удержашься

1255 — 1270. опъ слезъ. Спуспя нѣсколько времени, умеръ Папскій Легапъ, копораго много оплакивали духовенспво и воины Креспа, почипавшіе его своимъ духовнымъ опцемъ.

Не смопря на свои спраданія, не смопря на свою гореспь, Людовикъ IX не переспавалъ забопишься о своемъ войскѣ. Онъ оппдавалъ приказанія, пока оспавалось у него нѣсколько силъ, раздѣляя время между обязанноспями Христіанина и Государя. Наконецъ горячка усилилась; не въ соспояніи болѣе ни занимапься спараніями о своемъ войскѣ, ни подвигами благочеспія, онъ велѣлъ поспавипь предъ собою креспъ, и проспирая руки, молился въ молчаніи Тому, Кпо преперпѣлъ за весь родъ человѣческій.

Все войско было въ гореспи; солдапы рыдали, и просили небо о сохраненіи спольдобраго Государя. Посреди всеобщей скорби, Людовикъ помышлялъ объ исполненіи законовъ Божіихъ и объ учаспи Французскаго государспва. Филиппъ, долженспвовавшій быпь его преемникомъ на пресполѣ, находился въ его спавкѣ; онъ подозвалъ его къ своему одру, и попухшимъ голосомъ дѣлалъ ему наспавленія, какъ управляпь государспвомъ его предковъ. Эпи наспавленія заключали въ себѣ благороднѣйшія правила Вѣры и народопра-

вленія. Наиболѣе заслуживаютъ они уваженіе 1255 —
попомства, потому что подкрѣплялись его 1270
примѣромъ, и напоминали всѣ добродѣтели
его жизни. Завѣщавъ Филиппу почитать и
соблюдать всегда въ уваженіи Вѣру и ея
Служителей, болѣе всего и во всякое время
стращиться оскорблять Бога, онъ присово-
купилъ (1): «Любезный сынъ! будь бла-
«гоговорителенъ къ бѣднымъ и соболѣзнуй
«ко всѣмъ спраждущимъ. Если взойдешь на
«престолъ, докажи своимъ поведеніемъ, что
«ты достоинъ святаго помазанія, которымъ
«посвящаются Французскіе Короли... Когда
«сдѣлаешься Королемъ, являй справедливость
«во всемъ, да ничто не совратитъ тебя
«съ пути истины и праводушія..... Если

(1) Жоффруа де Болье передалъ эти наставленія на Латинскомъ языкѣ. Они находятся на старинномъ Французскомъ нарѣчіи у Жуанвилля и въ *Лѣтописяхъ царствованія Св. Людовика*. Эти три Писателя передаютъ ихъ съ довольно значительными разницами. Моро, въ двадцатомъ томѣ своихъ *Рѣчей объ Исторіи Франціи*, предлагаетъ новое толкованіе ихъ, которое, по словамъ его, списано съ одного отчета Счетной Палаты (Chambre des comptes), гдѣ дѣйствительно Филиппъ-*Смѣлый* хотѣлъ, чтобы сохранился этотъ памятникъ. Сему-то толкованію мы наиболѣе слѣдовали въ отрывкѣ, нами здѣсь предлагаемомъ. Все это завѣщаніе помѣщено у насъ въ *Оправдательныхъ Статьяхъ*, No V.

1255 — 1270. «вдовица и сирота борятся предъ тобою съ «человѣкомъ сильнымъ, вступись за слабаго «противъ сильнаго, пока не узнаешь испи- «ну... Въ дѣлахъ, въ коихъ будетъ уча- «ствовать твоя собственная польза, поддер- «живай сначала противную сторону; ибо, «если будешь дѣйствовать иначе, то Со- «вѣтники твои не рѣшатся говорить про- «тивъ тебя, чего не долженъ ты желать... «Любезный сынъ! наиболѣе совѣтую избѣ- «гать войны со всякимъ Христіанскимъ на- «родомъ; если жъ будешь къ тому принужденъ «необходимостію, поступи, по крайней мѣрѣ «такъ, чтобы бѣдный народъ, который ни- «чѣмъ не виноватъ, не подвергся никакому «несчастію... Употреби всѣ твои усилія «для укрощенія раздоровъ, могущихъ возник- «нуть въ государствѣ; ничто столько не «любезно Богу какъ зрѣлище мира и согла- «сія..... Не пренебрегай ничѣмъ, чтобъ «имѣть въ областяхъ хорошихъ Судей и хо- «рошихъ Исправниковъ... Вѣряй съ охотою «власть людямъ, умѣющимъ употреблять «ее съ пользою, и наказывай тѣхъ, кои «обращаютъ ее во зло: ибо, если ты обязанъ «ненавидѣть порокъ въ другихъ, то тѣмъ «болѣе въ людяхъ, получившихъ отъ тебя «власть... Будь справедливъ при взиманіи

«народныхъ податей, опороженъ и умѣренъ 1255 —
«въ употребленіи ихъ; остерегайся без- 1270.
«разсудныхъ издержекъ, кои ведутъ къ на-
«логамъ беззаконнымъ; исправляй благоразум-
«но погрѣшности, кои найдешь въ законахъ
«Государства. Соблюдай честнымъ образомъ
«права и преимущества, дарованныя твоими
«предшественниками; чѣмъ счастливѣе бу-
«дутъ твои подданные, тѣмъ будешь ты
«доспославнѣе; чѣмъ справедливѣе будетъ
«твое правленіе, тѣмъ болѣе будутъ спра-
«шиться враги напасть на него.»

Людовикъ далъ еще много другихъ совѣтовъ Филиппу, касательно любви къ Богу, къ его народу и семейству; потомъ, изливъ все свое сердце, онъ обратился къ нему какъ отецъ, готовый разлучиться съ сыномъ нѣжно любимымъ. «Даю тебѣ, сказалъ «онъ, всѣ благословенія, какія только можетъ «отецъ дать своему возлюбленному сыну. «Облегчай душу мою панихидами и молитвами, «и да буду я участвовать во всѣхъ твоихъ «добрыхъ дѣлахъ. Прошу нашего Господа «Іисуса Христа, да Его великое милосердіе «сохранитъ тебя отъ всѣхъ золъ, и не до-«пуститъ тебя сдѣлать что-либо вопреки «Его воли; и послѣ сей смертной жизни,

1255—1270. щенники чипали предъ нимъ церковныя молипвы, на кои онъ опвѣчалъ. Попомъ онъ принялъ Свяпое Причастіе и былъ Соборованъ Масломъ. «Съ Воскресенья, съ церков-«наго *Девятаго Часа* (съ вечера), гово-«рипъ очевидецъ, до Понедѣльника, при «*Третьемъ церковномъ часѣ* (въ 9-мъ «часу упра) успа его не переспавали день «и ночь славословипъ Господа, и молипъ «его за народъ, копорый онъ привелъ съ «собою.» Слышали, какъ онъ повпорялъ слова Царя Пророка: «Дай Господи, чпобъ «мы могли презирапъ блага міра сего и пе-«реносипъ его бѣдспвія.» Онъ произносилъ пакже громкимъ голосомъ эпопъ спихъ изъ другаго Псалма: «Боже благоволи освяпипъ «народъ Твой и храни его!» (1) Иногда взывалъ онъ къ Св. Діонисію, коего часпо при-

должно сожалѣпь, чпо добрый Сенешаль не присупствовалъ при послѣднихъ минупахъ Свяпаго Людовика: какъ прогапеленъ былъ бы разсказъ его, и сколь предпочпипельнѣе пѣмъ, кои оспались намъ опъ очевидцевъ, писавшихъ о помъ слишкомъ сухо и слишкомъ кратко!

(1) Спаси люди Твоя, и благослови достояніе Твое (Спаси народъ Твой, благослови наслѣдіе Твое.) Псаломъ XXVII, сп. 9.

зывалъ въ бояхъ, и просилъ его небесной помощи для воинспва, копорое оспавлялъ безъ начальника. Въ ночь съ Воскресенья на Понедѣльникъ двукрапно произнесъ онъ слово *Іерусалимъ*, попомъ присовокупилъ: *мы пойдемъ въ Іерусалимъ*. Умъ его всегда былъ пораженъ мыслію о священной войнѣ. Быпь можепъ пакже, онъ видѣлъ погда одинъ полько небесный Іерусалимъ, послѣднее опечеспво праведника. 1255—1270

Въ 9-пь часовъ упра, въ Понедѣльникъ 25-го Авгуспа, Людовикъ лишился употребленія языка; но онъ еще смопрѣлъ на людей *умильно*. Лице его было покойно, и на немъ выражалось, чпо душа его раздѣляется между предметами чиспѣйшихъ земныхъ склонноспей и мыслями вѣчноспи. Почувспвовавъ приближеніе смерпи, онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чпобы его подъ власяницею положили *на одръ пепла* (sur un lit de cendres). «Между «часами *церковнымъ Третьимъ* (9-го упра) «и Полуднемъ, онъ показался спящимъ и ле- «жалъ съ закрыпыми глазами съ полчаса и «болѣе.» Попомъ, пришедъ повидимому въ чувспво, онъ опкрылъ глаза, и взглянувъ на небо, сказалъ: «*Господи, вниду въ* «*домъ Твой, и въ Твоей святой Ски-*

1253 — 1270. *«ніи буду чтить Тебя!»* (1) Онъ испустилъ духъ въ три часа вечера (2).

Мы говорили о глубокой гореспи, господствовавшей между крестоносцами, когда заболѣлъ Людовикъ. Не было ни одного на-

---

(1) Господи вниду въ домъ Твой, поклонюся ко Храму Святому Твоему, въ сирасѣ Твоемъ (вхожу въ домъ Твой, покланяюсь во святомъ Храмѣ Твоемъ съ благоговѣніемъ къ Тебѣ). Псаломъ V, ст. 8.

(2) *Прим. Рус. Переводчика.* У Евреевъ, Грековъ и Римлянъ обыкновенный ихъ *двънадцати часовой* день раздѣлялся на четыре равныя части. Первая начиналась восходомъ солнца и оцвѣчала тремъ часамъ нашего утра: второй половинѣ шестаго, седьмому, осьмому и первой половинѣ девятаго часа; эта часть дня называлась *Первымъ Часомъ.* Вторая часть, къ которой можно отнесть вторую половину девятаго часа, десятый, одинадцатый и первую половину двѣнадцатаго, имѣла названіе *Третьяго часа;* подъ *Шестымъ часомъ* разумѣлась слѣдующая за нѣмъ часть дня, именно полдень, второй часъ и первая половина третьяго; а въ послѣднемъ или четвертой части дня, называвшейся *Девятымъ часомъ*, заключались вторая половина третьяго часа, четвертый, пятый и первая половина шестаго часа, когда въ Палестинѣ и другихъ восточныхъ странахъ, близкихъ къ экватору, солнце заходитъ за горизонтъ.

Отъ этого раздѣленія дня въ мѣстахъ, гдѣ началась Христіанская Церковь, получили названіе четыре части дневнаго Богослуженія между Утренею и Вечернею, называемыя Церковными часами: *Первымъ, Третьимъ, Шестымъ* и *Девятымъ.*

чальника, ни одного солдата, который не забывалъ бы собственныхъ бѣдствій, при мысли о болѣзни Короля. Ежечасно днемъ и ночью эти вѣрные воины собирались вокругъ спавки Государя, и когда замѣчали печаль и смущеніе на лицахъ людей оттуда выхо- 1255—1270.

Въ Восточной Греко-Россійской Церкви каждый церковный часъ составленъ изъ трехъ псалмовъ, нѣсколькихъ молитвъ, тропарей и кондаковъ, соображенныхъ съ началомъ каждой изъ означенныхъ четверпей дня. — Сверхъ благоговѣйнаго возношенія мыслей къ Богу, Творцу вѣковъ, церковные часы воспоминаютъ Христіанамъ о важнѣйшихъ для нихъ событіяхъ: *Первый часъ* (по нашему шестой утра), о времени ведентя Христа отъ Каіафы къ Пилату въ Преторъ и осужденіи тамъ Спасителя на смерть; *Третій* (или нашъ девятый часъ утра), о времени Сошествія Св. Духа на Апостоловъ; *Шестый* (по нашему полуденный или первой часъ) о распятіи Іисуса Христа на крестѣ; наконецъ *Девятый* (по есть третій по полудни), о совершеніи въ оный нашего искупленія Крестною смертію Спасителя, и преданіи Имъ души Своей въ руки Бога Отца.

Западная или Римская Церковь, подражая означенному древнему раздѣленію дневнаго Богослуженія, удержала тоже самое названіе Церковныхъ или Каноническихъ часовъ: *Перваго, Третьяго, Шестаго* и *Девятаго.* Французскій Король, Людовикъ IX, какъ извѣстно, былъ Римскокаѳолическаго исповѣданія, наблюдалъ уставы Западной Церкви, и причтенъ къ Лику ея Святыхъ Папою Бонифаціемъ VIII, въ 1297 году.

1255—1270. дившихъ, возвращались съ поникшими взорами, съ душею, наполненною скорбными мыслями. Въ станѣ едва осмѣливались спрашивать другъ друга, потому что ожидали только непріятныхъ извѣстій. Наконецъ, когда возвѣстили войску несчастіе всѣхъ устрашившее, Французскіе рапники предались отчаянію; они смотрѣли на смерть Людовика какъ на знакъ ко всѣмъ злоключеніямъ, и вопрошали другъ друга, какой вождь отведетъ ихъ въ отечество. Посреди рыданій и плача раздавались сильныя жалобы противъ совѣтовавшихъ эту экспедицію, и въ особенности противъ Сицилійскаго Короля, котораго обвиняли во всѣхъ бѣдствіяхъ войны.

Въ самый день смерти Короля, Карлъ Анжуйскій вышелъ съ войскомъ на берегъ близъ Карѳагена: звуки трубъ и рожковъ огласили берегъ: но въ станѣ крестоносцевъ царствовало мрачное молчаніе, и никто не шелъ на встрѣчу Сицилійцамъ, коихъ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ. Гористыя предчувствія овладѣли Карломъ; онъ упреждаетъ свое войско и летитъ къ ставкѣ Короля, котораго находитъ простертымъ на пеплѣ. Черты Людовика почти не измѣнились, такъ покойна была его смерть. Карлъ повергается къ его ногамъ, орошаетъ ихъ слезами, на-

зывая его по своимъ брапомъ, по сво- 1255—
имъ повелипелемъ. Онъ долго оспавался въ 1270.
пакомъ положенiи, не замѣчая никого изъ окружавшихъ, безпрестанно обращаясь къ Людовику, какъ будпо онъ былъ еще въ живыхъ, и упрекая себя съ видомъ опчаянiя въ помъ, чпо его не послушалъ, чпо не слышалъ послѣднихъ словъ нѣжнѣйшаго изъ брапьевъ и лучшаго изъ Королей.

Смерпные осппки Людовика были положены въ двѣ погребальныя урны. Внупренноспи Свяпаго Короля доспались на часпь Карлу Анжуйскому, копорый опослалъ ихъ въ Монреальскую обипель, гдѣ эпи драгоцѣнные осппки долгое время привлекали почипаніе и набожность вѣрныхъ. Коспи и сердце Людовика доспались Филиппу. Эпопъ юный Государь желалъ опослапь ихъ во Францiю, но начальники и солдапы не согласились разспапься съ сими послѣдними осппками споль добраго Короля. Присупспвіе сего священнаго залога посреди крespоносцевъ, казалось имъ защипою пропивъ новыхъ бѣдспвій и вѣрнѣйшимъ средспвомъ прiобрѣспь Хриспiанскому воинспву покровипельспво неба.

Филиппъ все еще не выздоравливалъ, и его болѣзнь причиняла безпокойспва. Воин-

1255 — 1270. спво чпило его, какъ доспойнаго преемника Людовика, и любовь, копорую пипали къ опцу, обрапилась на сына; среди народной печали, онъ получилъ присягу въ вѣрноспи опъ вождей, бароновъ и владѣльцевъ. Первымъ попеченіемъ Филиппа было подпвердинь регенспво, и все, чпо опецъ его учредилъ во Франціи до своего опъѣзда. Жоффруа де Болье, Вильгельмъ Шарпрскій и Иванъ Монскій, Духовники и Священники покойнаго Короля, были опправлены съ повелѣніями Филиппа на Западъ. Изъ числа писемъ, принесенныхъ эпими монахами во Францію, Исторія сохранила по, копорое обращено было (1) къ Духовенспву и *ко всѣмъ честнымъ людямъ въ Государствѣ.* Разсказавъ пруды, опасноспи и смерпь Людовика IX, юный Монархъ просилъ Бога помочь ему ипти по спопамъ споль добраго опца, исполнить его священныя приказанія и осуществить на дѣлѣ его совѣпы. «Филиппъ оканчивалъ письмо свое, копорое чипали вслухъ во всѣхъ церквахъ, умоляя духовенспво и вѣрныхъ, «возносить къ Царю Царей

(1) Письмо это, копорое переведено на Лапинскій языкъ, находится въ Collection de Martenne. Мы приводимъ опрывокъ его въ *Библіографіи Крестовыхъ походовъ*, пом. VI.

«свои молитвы и свои подаянія за сего Го- 1255—
«сударя, коего знали они ревность къ вѣрѣ 1270.
«и нѣжныя попеченія о Франціи, которую
«любилъ онъ, *какъ зѣницу своего ока.*

Смерть Людовика ободрила Саррацинъ. Печаль, которую замѣтили въ Христіанскомъ войскѣ, они приняли за уныніе, и льстили себя надеждою, что воспоржествуютъ надъ непріятелями; но надежды ихъ скоро исчезли. Сицилійскій Король, принявъ начальство надъ Христіанскимъ воинствомъ, во время болѣзни Филиппа, возобновилъ военныя дѣйствія. Войска, которыя привелъ онъ, нетерпѣливо желали драться. Французы охотно искали развлеченія своей скорби на полѣ битвы. Болѣзнь, испреблявшая ихъ воинство, казалось, остановила свои опустошенія, и солдаты, такъ долго заключенные въ лагерѣ, почувствовали болѣе силы при видѣ опасностей войны. Дали нѣсколько сраженій около озера *Гулетта*, которымъ хотѣли овладѣть, чтобы приблизиться къ Тунису. Маври, за нѣсколько дней передъ тѣмъ грозившіе Христіанамъ истребить ихъ или поработить, не могли долго выдерживать напора своихъ непріятелей. Нерѣдко довольно было однихъ луконосцевъ для разсѣянія ихъ безчисленной толпы. Страшные крики, звуки

1255 — 1270. липавръ и другихъ инспруменповъ возвѣщали ихъ приближеніе; облака пыли, вздымавшіяся на ближайшихъ высопахъ, означали ихъ опспупленіе и скрывали ихъ бѣгспво. Они были наспигнупы при двухъ вспрѣчахъ, и оспавили на полѣ большое число убипыхъ. При другомъ случаѣ, спанъ ихъ былъ взяпъ и разграбленъ. Повелипель Туниса уже не могъ ожидапь опъ войска своего защипы своихъ владѣній; самъ онъ не подавалъ примѣра мужесспва своимъ рапникамъ; онъ безпресспанно заключалъ себя въ подземныхъ пещерахъ, укрываясь въ одно время опъ зноя и опасноспей войны. Преслѣдуемый спрахомъ, онъ видѣлъ наконецъ спасеніе свое въ одномъ мирѣ (1); онъ рѣшился купипь его цѣною всѣхъ своихъ сокровищъ. Посланники его неоднокрапно приходили въ спанъ Христіанскій съ предложеніями, и спаралисъ особен-

(1) Въ жизни Бибара и лѣтописи Ибнъ-Фераша сказано, что Султанъ Каирскій былъ очень недоволенъ поведеніемъ Бея Туниссkаго. Миръ, заключенный симъ послѣднимъ, давалъ крестоносцамъ возможность обратить свои силы въ Египетъ. Бибару хотѣлось, чтобы Христіанская армія была задержана на берегахъ Африканскихъ. Онъ грозилъ своему союзнику лишить его престола, и сказалъ посланникамъ Туниссkаго Бея, что такой Государь недостоинъ управлять Мусульманами.

но склонишь Сицилійскаго Короля богатыми обѣщаніями. 1255—1270.

Слухи объ этихъ переговорахъ, распространившіеся въ станѣ крестоносцевъ, породили различныя мнѣнія. Солдаты, коимъ обѣщали отдать Тунисъ на разграбленіе, желали продолженія войны; нѣкоторые изъ вождей, которыхъ манили другими надеждами, не оказывали подобнаго рвенія. Смерть Людовика IX и Апостольскаго Легата лишила Крестовый походъ главной его пружины и той нравственной силы, которая одушевляетъ все. Духъ крестоносцевъ, коимъ никто не управлялъ, побуждаемый множествомъ различныхъ страстей, колебался неизвѣстностію, и эта неизвѣстность долженствовала наконецъ удержать армію въ бездѣйствіи и заставить отказаться отъ войны. Филиппъ желалъ возвратиться во Францію, куда призывали его Государственныя дѣла. Большая часть владѣтелей и бароновъ Французскихъ начали скучать объ отечествѣ. Наконецъ согласились разсмотрѣть мирныя предложенія Бея Тунисскаго.

Въ Совѣтѣ, тѣ, которымъ ничего не было обѣщано, и кои не изъявляли подобно другимъ нетерпѣнія оставить Африканскіе берега, подали мнѣніе, чтобы продолжать

1255 — 1270. войну. «Для завоеванія Туниса, Людовикъ IX «вышелъ на берегъ въ Карѳагенѣ, и Хри- «стіанская рать претерпѣла столько бѣд- «ствій. Чѣмъ же лучше можно почтить па- «мять Людовика и такого множества Фран- «цузовъ, пострадавшихъ подобно ему за свое «усердіе и вѣру, какъ не продолженіемъ и до- «вершеніемъ ихъ дѣла? Все Христіанство зна- «ло, что крестоносцы угрожали Тунису, что «Мавры бѣжали при видѣ ихъ, и городъ готовил- «ся отворить имъ ворота. Что скажетъ Хри- «стіанство, узнавъ, что крестоносцы обра- «тились въ бѣгство предъ побѣжденными и «скрылись отъ собственныхъ своихъ побѣдъ?»

Желавшіе заключить миръ, отвѣчали, что недостаточно одного овладѣнія Тунисомъ; но что потребно покорить всю страну, а этого нельзя сдѣлать, не истребивъ всего населенія. «Сверхъ того, медленность осады «слишкомъ ослабила бы Христіанское воин- «ство. Приближалось зимнее время, когда «нельзя запасаться жизненными припасами, «когда безпрерывные дожди причинятъ, мо- «жетъ быть, болѣе болѣзней, нежели не- «помѣрные жары. Взятіе Туниса не было «главнымъ предметомъ Крестоваго похода; «надлежало заключить миръ на выгодныхъ «условіяхъ, чтобы имѣть средства перене-

«сіи попомъ войну, куда попребуютъ об- 1255—
«стоятельства.» 1270.

Вожди, говорившіе такимъ образомъ, были тѣ самые, которые совѣтовали Тунисскую экспедицію: въ числѣ ихъ былъ первый Король Сицилійскій; они уже не усматривали необходимости очистить Средиземное море отъ морскихъ разбоевъ, загражданихъ путь поклонникамъ, и болѣе не говорили объ опасности у Султана Египетскаго его могущественнѣйшаго союзника; они, казалось, забыли всѣ доводы, коими прежде желали заставить перенести войну на берега Африки.

Однако мнѣніе ихъ превозмогло, не потому чтобы имъ всѣ были убѣждены; но какъ часто случается въ совѣщаніяхъ самыхъ важныхъ, большая часть скорѣе убѣдились причинами, которыхъ сами не признавали, нежели тѣми, кои старались заставить принять.

31-го Октября заключено перемиріе на десять лѣтъ между повелителемъ Туниса и вождями Христіанскаго войска. Рѣшено возвратить всѣхъ плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, а Христіане, находившіеся въ оковахъ, должествовали получить свободу. Властитель Туниса обязался не требовать отъ Франковъ никакихъ пошлинъ, установленныхъ

1255 — 1270. въ его Государствѣ для иноземной торговли. Договоромъ даровано было всѣмъ Христіанамъ право жить во владѣніяхъ Тунисскихъ, строить тамъ церкви и даже проповѣдывать свою Вѣру. Мусульманскій Государь ежегодно долженствовалъ посылать дань сорокъ тысячъ золотыхъ ефимковъ Сицилійскому Королю, и заплатить двѣсти десять тысячъ унцій золота за издержки войны предводителямъ Христіанской рати.

Безъ сомнѣнія одно лишь это послѣднее условіе рѣшительно склонило всѣхъ къ миру: двѣсти десять тысячъ унцій золота превышали сумму, которую Людовикъ IX далъ въ Египтѣ за выкупъ своей арміи; но сперва получили только часть этой суммы. Кто же могъ ручаться, что остатокъ суммы будетъ выплаченъ, когда Христіанское воинство покинетъ Африканскіе берега? Одинъ Сицилійскій Король могъ извлечь нѣкоторую выгоду изъ этого договора, постыднаго для Французскаго оружія; онъ не только нашелъ средство заставить Мусульманскаго Государя платить дань сорока тысячъ золотыхъ ефимковъ, которую онъ долженъ былъ Папѣ какъ вассалъ Св. Престола; но миръ, который былъ заключенъ, предоставлялъ нѣкоторымъ образомъ его распоряже-

нію войско, способное предприняпь гораздо 1255 —
большія завоеванія, нежели покореніе Туниса. 1270.
Почему и возникли съ того времени жалобы
пропивъ Короля Сицилійскаго, коего упре-
кали въ помъ, чпо онъ самопроизвольно пе-
ремѣнилъ цѣль Крестоваго похода, чпобъ
воспользоваться Христіанскими войсками для
видовъ своего честолюбія.

Чрезъ нѣсколько дней, послѣ подписанія договора, Принцъ Эдуардъ вышелъ на берега Карѳагена съ крестоносцами Шопландскими и Англійскими. Опправясь изъ Эгъ-Морпа, онъ ѣхалъ въ Палестину, и присталъ для полученія приказаній опъ Французскаго Короля. Французы и Сицилійцы оказали Англичанамъ всѣ возможныя изъявленія искренней дружбы: Эдуарда приняли съ большими почестями; но когда онъ узналъ, чпо миръ заключенъ, по удалился въ свою спавку, и не хопѣлъ присупспвовапь ни на одномъ изъ военныхъ совѣповъ Христіанской рапи.

Между пѣмъ крестоносцы неперпѣливо желали оспавипь землю безплодную и убійспвенную, напоминавшую имъ одни несчастія безъ всякой славы. Христіанская армія опплыла въ Сицилію 18-го Ноября; и какъ будпо небо судило, чпобы эпа экспедиція была цѣпью несчастій, ужасная буря заспигла

1255 — 1270. флотъ у самаго входа въ гавань *Трапани*. Восемнадцать большихъ кораблей и четыре тысячи крестоносцевъ были потоплены и погибли въ волнахъ. Большая часть вождей и солдатъ потеряли свое оружіе, свои снаряды, своихъ лошадей. Если вѣрить одному Историку, тутъ потеряны также всѣ деньги, полученныя отъ Бея Туниссkаго.

Послѣ столь великаго бѣдствія, Король Сицилійскій старался всячески помочь крестоносцамъ въ ихъ несчастіи. Нельзя не вѣрить великодушнымъ чувствамъ, кои показалъ онъ въ этомъ случаѣ; но къ симъ чувствамъ примѣшивалась безъ сомнѣнія нѣкоторая надежда, извлечь выгоду для своихъ намѣреній изъ столь плачевнаго обстоятельства. Когда всѣ вожди собрались, начали совѣщаться о предстоящихъ мѣрахъ. Такъ какъ всякій оплакивалъ свои злоключенія, Карлъ предложилъ вѣрное средство загладить ихъ; средство это состояло въ завоеваніи Греціи. Вотъ планъ, который онъ начертилъ: сперва вся армія проведетъ зиму въ Сициліи; весною, Графъ Пуатье, отправится въ Палестину съ частію войска; остальная часть послѣдуетъ за Карломъ въ Эпиръ, и отпуда направится къ Византіи. Это намѣреніе имѣло нѣчто отважное и рыцарское, которое могло

обольспить Бароновъ и владѣльцевъ Фран- 1255—
цузскихъ; но изъ Франціи получены письма, 1270.
въ коихъ Регенпы предспавляли юному Ко-
ролю печаль и безпокойспво его подданныхъ.
Филиппъ объявилъ, чпо не можепъ медлипь
въ Сициліи, и чпо возвращипися въ свои
владѣнія. Эпа рѣшимоспь разрушила всѣ на-
дежды Карла; Французскіе владѣльцы не хо-
пѣли покинупь своего юнаго Государя; Прин-
цы и всѣ военачальники Христіанской рапи
оспавили крespъ. Одна Италіянская лѣпо-
пись упоминаепъ, чпо Карлъ, съ досады,
приказалъ конфисковапь въ свою пользу все
имущеспво преперпѣвшихъ кораблекруше-
ніе, и всѣ корабли, выброшенные послѣднею
бурею на берега Сициліи. Онъ воспользовался
бѣдспвіями войска предъ Тунисомъ, и обо-
гапилъ себя добычею своихъ сорапниковъ.
Эпопъ несправедливый и своевольный по-
спупокъ рѣшипельно вооружилъ пропивъ
него большую часпь крespоносцевъ, осо-
бенно Генуэзцевъ, владѣпелей флопа, на
копоромъ была посажена Христіанская рапь.

Однако рѣшили, чпо возобновяпъ Кре-
сповый походъ, по испеченіи чепырехъ лѣпъ.
Оба Короля, Принцы и главные вожди обя-
зались кляпвенно оппправипься въ Сирію съ
своими войсками въ Іюлѣ мѣсяцѣ чепверпаго

1255 — 1270. года: пустыя обѣщанія, которыхъ никто изъ нихъ не исполнилъ, и кои дали они, какъ бы для извиненія въ собственныхъ глазахъ своего безразсуднаго поведенія въ этой войнѣ. Эдуардъ, изъявившій намѣреніе провести зиму въ Сициліи, и потомъ отправиться въ Палестину, одинъ только не измѣнилъ своему слову.

Французскіе воины болѣе не помышляли о Крестовомъ походѣ; но не могли предвидѣть еще, когда закроется бездна золъ, которую разверзло это предпріятіе подъ ихъ стопами. Король Наваррскій вскорѣ умеръ, по высадкѣ на берегъ въ Трапани; супруга его Изабела не могла пережить его, и умерла съ печали. Филиппъ отправился во Францію въ Генварѣ мѣсяцѣ; сопутствовавшая ему юная Королева, была новою жертвою Крестоваго похода. Во время проѣзда чрезъ Калабрію, когда она переправлялась въ бродъ чрезъ рѣку близъ Козанціи, лошадь ея споткнулась: она была беременна, и это паденіе причинило ей смерть. Филиппъ продолжалъ свой путь, везя за собою тѣло своего отца, своего брата и своей жены. Онъ узналъ на дорогѣ, что Графъ и Графиня Пуатье, на возвратномъ пути въ Лангедокъ, умерли въ Герцогствѣ Тосканскомъ

опъ послѣдствій заразы. Спустя нѣсколько времени, Филиппъ, проходя чрезъ Витербу, былъ зрителемъ трагической смерти одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ сорапниковъ; на Генрика Германскаго (d'Allemagne) напали сыновья Графа Лейчестерскаго, преслѣдовали его до самой церкви, и умертвили у подножія алтарей. Такимъ образомъ величайшія преступленія присоединялись къ величайшимъ бѣдствіямъ, чтобы умножить жестокія воспоминанія, кои долженъ былъ оставить этотъ Крестовый походъ. 1255—1270.

Филиппъ, по переходѣ чрезъ гору Ценисъ, возвратился въ Парижъ чрезъ Бургундію и Шампанію. Какіе печальные дни для Франціи! При отъѣздѣ Людовика IX на Востокъ, весь народъ предчувствовалъ событія самыя злополучныя, и всѣ эти предчувствія сбылись. Не знамя побѣды, но смертный покровъ предшествовалъ Французскимъ воинамъ. Погребальныя урны, останки нѣкогда цвѣтущаго войска, молодой Король, больной, и лишь по нѣкоему чуду избѣгшій смерти, которая похитила его семейство, вотъ все, что возвращалось изъ Крестоваго похода. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ; онъ окружалъ юнаго Короля, тѣснился около смертныхъ останковъ Людовика IX, и по

1255 — 1270. его благочестивой задумчивости, его благоговѣйной скорби, видно было, что его привлекли не тѣ чувства, кои устремляютъ обыкновенно толпу по слѣдамъ повелителей земли.

По прибытіи Филиппа въ столицу, кости и сердце Людовика отнесены были въ церковь *Св. Богородицы* (Notre-Dame), гдѣ Священники во всю ночь пѣли погребальные гимны. На другой день, въ церкви *Св. Діонисія* (St. Denis), отпѣвали Короля-мученика. При выносѣ, посреди многочисленнаго стеченія всѣхъ народныхъ сословій, съ умиленіемъ видѣли юнаго Государя, несущаго на плечахъ смертные останки отца своего: онъ нѣсколько разъ останавливался на дорогѣ, и кресты, поставленные при каждомъ его отдыхѣ, напоминали еще въ послѣднемъ вѣкѣ этотъ прекрасный образецъ сыновней любви.

Людовикъ IX погребенъ подлѣ своего дѣда Филиппа Августа, и своего отца Людовика VIII. Хотя онъ запретилъ всякое украшеніе надъ своимъ гробомъ, однако его оковали серебряными листами, кои въ послѣдствіи были сорваны Англичанами. Еще позже, ужасная революція разбила гробъ его и развѣяла его прахъ; но эта революція не могла истребить его памяти.

Нѣтъ! попомство никогда не переста- 1255—
нетъ хвалить эту любовь къ правосудію, 1270.
коею исполнена вся жизнь Людовика IX,
это жаркое желаніе познать истину, столь
рѣдкое даже у великихъ Государей, эту
привязанность къ миру, для коей онъ жер-
твовалъ даже славою, пріобрѣтенною имъ
въ бояхъ, это попеченіе о народномъ сча-
стіи, это нѣжное предпочтеніе бѣдности,
это глубокое уваженіе къ правамъ несча-
стія и къ человѣческой жизни; добродѣтели,
возбуждавшія удивленіе въ средніе вѣки, и
которыя еще наше столѣтіе находитъ въ
потомкахъ столь добраго Государя.

Превосходство, которое давали ему его набожность и его добродѣтель, онъ упо-требляль только для защиты своего народа, пропивъ всякой несправедливости. Это пре-восходство, которое онъ сохранилъ надъ своимъ вѣкомъ, давало законамъ его силу, которую законы, какого бы свойства ни были, пріобрѣтаютъ только опытъ времени. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его царство-ванія, цѣлыя области желали присоединиться къ Французскому престолу, съ одною на-деждою и единственнымъ условіемъ, *поль-зоваться мудрыми обычаями Короля правосудца* (d'avoir Les sages coutumes du roi

1255 — justicier). Таковы были завоеванія Св. Людовика.
1270. Извѣстно, что послѣ побѣдъ своихъ надъ Англичанами, онъ возвратилъ имъ Гвіену, не смотря на мнѣніе своихъ Бароновъ, кои полагали, что этотъ великодушный поступокъ несовмѣстенъ съ пользами государства. Можетъ быть однѣ только возвышенныя души, подобно ему, понимаютъ всю мудрость совѣтовъ умѣренности! Одинъ знаменитый Писатель послѣдняго вѣка, говоря о Людовикѣ IX, сказалъ, что *умѣренные великіе мужи рѣдки*, и поэтому-то, безъ сомнѣнія, свѣтъ не понимаетъ ихъ.

Въ положеніи, въ которомъ находилась Франція, обыкновенный умъ раздулъ бы раздоры. Людовикъ старался только укротить ихъ, и этотъ духъ примиренія, сдѣлавшій его посредникомъ между Государями и народами, далъ ему болѣе силы и могущества, нежели соображенія утонченной политики. Между современниками Св. Людовика многіе порицали его умѣренность, и тѣ, которые выдаютъ себя за людей искусныхъ, порицаютъ ее еще нынѣ: странное искусство, которое старается доказать, что нравственность не нужна для счастія народовъ, и которое не можетъ допустить въ Госу-

даряхъ добродѣтелей, кои Провидѣніе дало людямъ, для сохраненія общества. 1255—1270.

Чѣмъ болѣе удивляемся царствованію Людовика IX, тѣмъ непонятнѣе кажется намъ, что онъ двукратно прерывалъ ходъ своихъ благодѣяній, и оставлялъ народъ, который присутствіе его дѣлало счастливымъ. Но разсматривая страсти, колеблющія настоящее поколѣніе, кто осмѣлится возвысить голосъ для обвиненія минувшихъ вѣковъ! Если въ то самое время, какъ излагаю эту Исторію (1822), во всей Европѣ обнаруживается волненіе при одномъ слухѣ возстанія противъ Мусульманъ, повелителей Византіи! Если самые жаркіе ученики новѣйшей философіи молятъ о торжествѣ Евангелія надъ Кораномъ, объ освобожденіи Грековъ и возрожденіи Аѳинъ и Лакедемона, то какъ могли Государи и народы среднихъ вѣковъ не пронуться при видѣ ужаснаго рабства, въ которомъ стенали Іерусалимъ и всѣ Святыя Мѣста, откуда истекъ свѣтъ Христіанства? Съ характеромъ, который показалъ Людовикъ IX во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, какъ могъ онъ оставаться равнодушенъ къ бѣдствіямъ Христіанскихъ колоній, кои были населены одними Французами, и почитались тогда, какъ бы другою Франціею,

1270 — 1291. какъ *Восточною Франціею?* Сверхъ того не должно забывать, что политика его имѣла цѣлью соединить народы Востока и Запада узами Христіанства, и что эта цѣль, если бъ была достигнута, обратилась бы въ пользу человѣчества. Часто извиняли само честолюбіе въ намѣреніяхъ еще болѣе химерическихъ и еще несчастнѣйшихъ войнахъ (1).

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что плѣнъ и смерть Св. Людовика въ странахъ отдаленныхъ, ни мало не охладили въ Европѣ уваженія къ его имени и къ его добродѣтелямъ. Можетъ быть даже, столь великія злоключенія, претерпѣнныя во имя Вѣры и всего, что было когда чтимо, умножили еще блескъ монархіи; — еще далеки были отъ нашихъ временъ, въ кои несчастія Государей послужили только къ умаленію Царскаго достоинства всего, чѣмъ оно пріобрѣтаетъ уваженіе людей. Смерть Людовика IX была, безъ сомнѣнія, причиною великой скорби Французовъ; но къ сѣто-

(1) Изъ многочисленныхъ Похвальныхъ Словъ Людовику IX, весьма не многія успокоили пронявъ испытанія времени. Вольтеръ написалъ прекрасное изображеніе Святаго Короля. Г. Дамиартенъ, въ своемъ сочиненіи о *Французскихъ Королях*, говоритъ объ этомъ Государѣ съ знаніемъ и истиною.

ваніямъ о его попери, примѣшивалась для всего народа мысль о счастливой будущности, которую уготовилъ Людовикъ, а для душъ благочестивыхъ, надежда обрѣсти хожданая въ небѣ. Вскорѣ стали праздновать смерть Короля Французскаго, какъ новое торжество для Вѣры, какъ новую славу для отечества; и день, въ который онъ умеръ, сдѣлался въ послѣдствіи однимъ изъ торжественныхъ праздниковъ Христіанской Церкви и Французскаго государства. 1270—1291.

Прекрасно было зрѣлище пого духовнаго освѣдомленія, въ которомъ Папа вопрошалъ современниковъ Св. Людовика о добродѣтеляхъ его жизни и благодѣяніяхъ его царствованія. Французы всѣхъ сословій приняли засвидѣтельствовать надъ Евангеліемъ, что Государь, котораго смерть они оплакивали, достоинъ всякихъ небесныхъ наградъ. Въ числѣ ихъ опличались старые сорапники Людовика, раздѣлявшіе плѣнъ его въ Египтѣ, и видѣвшіе, какъ онъ умиралъ на пеплѣ передъ Тунисомъ. Европа вся подтвердила ихъ справедливыя показанія, и повторила эти слова Главы Римской Церкви: *Царствующій Домъ Французскій, радуйся, что даровалъ свѣту столь великаго Государя;*

1270—1291. *радуйся народъ Французскій, что имѣлъ столь добраго Короля* (1)!

Смерть Людовика IX, какъ мы уже сказали, вдругъ остановила всѣ предпріятія за-море. Одинъ Эдуардъ отправился въ Сирію съ Графомъ Бретанскимъ, братомъ своимъ Эдмондомъ, тремя сотнями рыцарей и пятью сотнями крестоносцевъ, пришедшихъ изъ Фрисландіи. Всѣ эти крестоносцы вмѣстѣ составили едва одинъ корпусъ изъ тысячи или тысячи двухъ сотъ человѣкъ, и вотъ все, что прибыло въ Азію отъ этихъ безчисленныхъ ополченій, набранныхъ на Западѣ для освобожденія Святой Земли. Такое слабое подкрѣпленіе не могло ободрить и обезопасить Палестинскихъ Христіанъ, крайне испуганныхъ отступленіемъ крестоносцевъ отъ Туниса и возвращеніемъ ихъ въ Европу.

Большая часть Князей и Христіанскихъ владѣній въ Сиріи, опасаясь нашествія, заключили договоры съ Султаномъ Каирскимъ; многіе не рѣшались принять участія въ войнѣ, въ которой слабыя пособія, пришедшія изъ Европы, не позволяли имъ надѣяться на большія выгоды; къ тому же они боя-

(1) Слова Буллы, *о сопричтеніи Людовика IX къ Лику Святыхъ.*

лись, чтобы крестоносцы, всегда готовые возвратиться на Западъ, не покинули ихъ. 1270—1291.
Однако рыцари Странноприимнаго Ордена и Тамплiеры, никогда не упускавшiе случая сражаться съ Саррацинами, присоединились къ Принцу Эдуарду, коего слава упредила на Востокъ. Бибаръ, опустошавшiй тогда область Птолемаидскую, удалился опъ города, копорый наполнилъ ужасомъ, и казалось, оставилъ на время исполненiе своихъ намѣренiй.

Небольшая Христiанская рапь, опъ шести до семи пысячъ человѣкъ, двинулась въ землю Мусульманъ; сперва обратилась она на Финикiю, чтобы возстановить сообщенiе, прерванное между Христiанскими городами. Въ этомъ походѣ крестоносцы очень много потерпѣли опъ чрезвычайныхъ жаровъ; многiе умерли опъ излишняго употребленiя плодовъ и меду, коими изобилуетъ страна эта. Потомъ, они пошли къ Назарету, и на стѣнахъ его водрузили знамя Iисуса Христа. Воины Христiанскiе не могли вспомнить безъ негодованiя, что Бибаръ приказалъ разрушить до основанiя церковь Богородицы, построенную въ этомъ городѣ; Назаретъ отданъ былъ на разграбленiе, и всѣ Мусульмане, найденные въ завоеванномъ городѣ, заплатили смертiю за пожаръ и разрушенiе

1270— 1291. одного изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ, сооруженныхъ Христіанами въ Сиріи.

Послѣ этой побѣды, которая не приносить чести крестоносцамъ, Христіане должны были сразиться съ войсками Мусульманскими, пылавшими отмстить за неисповѣдства, произведенныя въ Назаретѣ. Однако, потому ли что позналъ превосходство своихъ враговъ, или былъ недоволенъ Палестинскими воинами, Эдуардъ возвратился въ Птолемаиду, и болѣе не искалъ новыхъ битвъ. Частые набѣги Саррациновъ не могли побудить его опять взяться за оружіе; но когда, какъ онъ оправался въ удаленіи отъ опасностей войны, онъ едва не погибъ отъ удара одного Мусульманина, котораго взялъ къ себѣ въ услуженіе. Современныя лѣтописи говорятъ, однѣ, что рука убійцы вооружена была Эмиромъ Яффскимъ, другія, что ударъ направленъ былъ секирою Измаэлитовъ, которые еще существовали, не смотря на войну, объявленную имъ Тапарами и Мамелюками.

Эдуардъ, подвергшій такимъ образомъ опасности жизнь свою, излечившись отъ ранъ, помышлялъ только о заключеніи перемирія съ Бибаромъ, и призываемый въ Англію просьбами Генрика III, которому долженъ былъ

наслѣдовать, оставилъ Востокъ, не сдѣлавъ 1270—
ничего важнаго въ пользу Креста, который 1291.
поклялся защищать. Такимъ образомъ всѣ
послѣдствія этого Крестоваго похода, дол-
женствовавшаго причинить столько безпо-
койствъ между Мусульманами, ограничились,
съ одной стороны избіеніемъ безоружныхъ
Назаретскихъ жителей, съ другой безполез-
нымъ завоеваніемъ развалинъ Карѳагена. Дру-
гое слѣдствіе этой войны, единственное
для Европы, состояло въ совершенномъ упад-
кѣ духа Христіанскихъ воиновъ и забвенія
Востока. Послѣ Эдуарда, ни одинъ Запад-
ный Государь не переѣзжалъ моря, чтобы
раповать съ зловѣрными въ Азіи, и Кре-
стовый походъ, въ которомъ онъ принялъ
участіе, принесшее ему мало славы, былъ
послѣднимъ изъ тѣхъ, кои клонились къ осво-
божденію или возвращенію Святой Земли.

Въ числѣ обстоятельствъ, причинившихъ неудачу этого Крестоваго похода, Исторія не должна забыть продолжительной праздно-сти Папскаго Престола, во время коей ни одинъ голосъ не возвысился для одушевле-нія крестоносцевъ, ни одна власть не была довольно сильна, особенно по смерти Св. Людовика, чтобы управлять ихъ предпрія-тіемъ. Однако, черезъ два года, Конклавъ

1270 — 1291. избралъ преемника Св. Петра; и по счастливому случаю для Восточныхъ Христіанъ, голоса Кардиналовъ пали на сторону Тибо, Архидіакона Липпихскаго, который сопутствовалъ Фрисландцамъ въ Азію, и котораго вѣсть о его возвышеніи застала въ Палестинѣ. Сирійскіе Христіане конечно возъимѣли надежду, что новый Папа, бывшій долгое время свидѣтелемъ опасностей и бѣдствій ихъ, не преминетъ употребить все свое могущество для поданія имъ помощи. Тибо утверждалъ ихъ въ этомъ мнѣніи, оставляя Птолемаиду, и въ одной рѣчи, обращенной имъ къ собравшемуся народу, онъ принялъ за текстъ слѣдующій стихъ изъ псалма 136: *Аще забуду тебе Іерусалиме, забвена буди десница моя.*

Патріархъ Іерусалимскій, Великіе Магистры Храма и Странноприимнаго Ордена, сопутствовали Григорію X на Западъ. По возвращеніи своемъ, Первосвященникъ прежде всего старался возстановить миръ въ Италіи и въ Германіи. Онъ побуждалъ Государей, особенно Французскаго Короля соединить свои усилія для пособія Святой Землѣ. Филиппъ удовольствовался тѣмъ, что послалъ на Востокъ нѣсколько войска и выдалъ

Папѣ придцать шесть пысячъ марокъ (1) серебра, за что были заложены всѣ помѣстья Тампліеровъ въ королевствѣ Французскомъ. Пиза, Венеція, Генуа и Марсель дали нѣсколько галеръ; и пятьсотъ воиновъ, на жалованьи Первосвященника Римскаго, отправились въ Птолемаиду. 1270—1291

Эти пособія весьма мало соотвѣтствовали надеждамъ и нуждѣ Христіанскихъ колоній. Григорій рѣшился вовлечь въ свое предпріятіе все Христіанство, и для успѣха въ томъ, созвалъ Соборъ въ 1274 году. Этотъ Соборъ, пребывавшій въ Ліонѣ, былъ многочисленнѣе и торжественнѣе созваннаго Иннокентіемъ IV за придцать лѣтъ предъ тѣмъ въ томъ же городѣ. На немъ присутствовали Патріархи Іерусалимскій и Константинопольскій, болѣе тысячи Епископовъ и Архіепископовъ, Посланники Императоровъ Восточнаго и Западнаго, Короля Французскаго, Короля Кипрскаго и всѣхъ Государей, царствовавшихъ въ Европѣ и за-моремъ. Но въ этомъ многочисленномъ собраніи, вниманіе вѣрныхъ особенно обращено было на Пословъ и Князей Татарскихъ, присланныхъ повели-

(1) Марка имѣетъ полфунта вѣсу и содержитъ восемь унцій.

1270 — 1291. телемъ Монголовъ для заключенія союза съ Христіанами пропивъ Мусульманъ; многіе изъ эпихъ Тапарскихъ Князей приняли крещеніе изъ рукъ Папы, и Христіане, бывшіе свидѣпелями эпого обряда, видѣли въ немъ вѣрный залогъ Божескихъ обѣщаній.

Удивлялись могущеспву Божію, избравшему орудіе своихъ намѣреній въ спранахъ невѣдомыхъ; полпа вѣрныхъ взирала на предводипеля Тапарскихъ ордъ, какъ на новаго Кира, копорому Провидѣніе предосправило разрупшипь Вавилонъ и освободипь Іерусалимъ. Соборъ Ліонскій, въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, опредѣлилъ предпринятъ новый Кресповый походъ и взимапь, въ печеніе десяпи лѣпъ, десяпую часпь со всѣхъ доходовъ церковныхъ помѣспьевъ. Палеологъ, копорый покорился наконецъ Церкви Лапинской, обѣщалъ прислапь войска для освобожденія наслѣдія Іисуса Христа; Папа призналъ Рудольфа Гапсбургскаго Западнымъ Имперапоромъ, съ условіемъ, чпобы онъ пошелъ съ войскомъ въ Палесппину.

Однако зрѣлище Собора, рѣшенія и увѣщанія Папы и Прелаповъ не могли пробудипь восторга Христіанъ, копорый, говоря выраженіемъ Священнаго Писанія, былъ не болѣе, *какъ дымящійся останокъ сгорѣв-*

шаго полотна. Григорій X успѣлъ воз- 1270—
становить миръ между Итальянскими рес- 1291.
публиками, кончить всѣ несогласія, возник-
шія въ Германіи за наслѣдіе имперіи: ника-
кая война не могла препятствовать Кре-
стовому походу; но духъ Государей и на-
родовъ принималъ новое направленіе. Отъ
этого времени осталось намъ сочиненіе, ко-
торое безъ сомнѣнія было одобрено Папою,
и, можетъ быть, получило поощреніе отъ
него, и которое, кажется, весьма хорошо
объясняетъ однимъ разомъ вкусъ вѣка и мнѣ-
ніе, повсюду распространившееся тогда о
походахъ на Востокъ. Въ этомъ сочиненіи,
которое найдутъ страннымъ, по крайней
мѣрѣ по его формѣ, сочинитель Гумбертъ
де Романи, старается воспламенить ревность
Христіанъ къ священной войнѣ, и оплакивая
холодность современниковъ, сперва находитъ
восемь препятствій для успѣшнаго дѣйствія
своихъ проповѣданій: 1) *Навыкъ грѣха*,
2) *боязнь трудовъ*, 3) *нехотѣніе раз-
статься съ своею родиною*, 4) *чрезмѣр-
ная привязанность къ семейству*, 5) *ху-
дые толки людей*, 6) *дурные примѣры*,
7) *слабость духа, заставляющая счи-
тать все невозможнымъ*, 8) *вѣра безъ
жаркаго усердія.* Ко всѣмъ этимъ причи-

1270—1291. намъ равнодушія, Сочинитель могъ бы прибавить еще другія, взятыя изъ политики и новыхъ выгодъ Европы; но не останавливаясь такимъ множествомъ запрудненій, неустрашимый защитникъ Крестовыхъ походовъ, доказывая все исчисленіями и категоріями, съ точностію изложитъ семь убѣдительнѣйшихъ причинъ, кои, по его мнѣнію, должны были доставить торжество приверженцамъ священной брани. Причины эти были: 1) *Ревность къ славѣ Божіей*, 2) *ревность къ Христіанской Вѣрѣ*, 3) *братское Христолюбіе*, 4) *набожность къ Святымъ Мѣстамъ*, 5) *война начатая Мусульманами*, 6) *примѣръ первыхъ крестоносцевъ*, 7) *милости Церкви* (1). Послѣ этихъ исчисленій, Гумбертъ де Романи, повторяетъ возраженія, дѣланныя въ его время противъ предпріятія Крестоваго похода. Одни говорили, что войны, каковы бы онѣ ни были, служатъ только къ пролитію крови, и что уже довольно и тѣхъ, коихъ нельзя избѣгнуть, и въ коихъ по необходимости должно защищаться; другіе

(1) Мы помѣстили въ *Оправдательныхъ Статьяхъ* No VI, гораздо пространнѣйшую выписку изъ этого чуднаго произведенія. Оно сохранено Донъ-Маршенномъ.

упверждали, чпо мы испыпываемъ Бога, по- 1270—
кидая пу землю, гдѣ по соизволенію Его мы 1291.
родились и надѣлены благами Его милосердія,
чпобы ппипи въ спрану, копорую Провидѣ-
ніе опдало другимъ народамъ, и въ коей будемъ
оспавлены Имъ посреди всѣхъ бѣдспвій изгна-
нія. Говорили еще, чпо несправедливо оппни-
мапь земли у Саррациновъ, чпо не должно
пакже преслѣдовапь Мусульманъ, какъ и
Евреевъ, чпо война никогда не обрапипъ
ихъ къ испинной Вѣрѣ, наконецъ, чпо эпа
война, повидимому, не угодна Богу, попому
чпо Онъ позволяепъ пакому множеспву бѣд-
спвій подавляпь крестоносцевъ.

Гумберпъ де Романи опвѣчаепъ въ своей
книгѣ на эпи возраженія и на многія другія;
но эпи самыя возраженія были основаны на
духѣ вѣка, копораго не могли перемѣнипь
никакія умспвованія. Напрасно убѣждаепъ
онъ, чпо Свяпая Земля принадлежала сперва
Христіанамъ, и чпо они имѣюпъ право обра-
пно завоевапь ее; чпо виноградъ Господень
надлежипъ защищапь мечемъ пропивъ пѣхъ,
кои хопяпъ его вырвапь; чпо ежели испор-
гаюпъ перніе изъ земли безплодной, по пѣмъ
болѣе подобаепъ изгнапь изъ Свяпой Земли
народъ грубый и варварскій. Напрасно по-
вппорялъ онъ уже неоднократно сказанное

1270 — 1291. прежде него, что несчастія Крестовыхъ походовъ произошли не отъ того, что они неугодны Богу, но отъ того, что Богъ хотѣлъ наказать прегрѣшенія крестоносцевъ и испытать твердость ихъ и вѣру. Вся эта выставка учености и схоластическихъ доводовъ никого не убѣждала, не потому что были просвѣщеннѣе, нежели въ прочіе годы, но потому что имѣли другія мысли: подобныя рѣчи, обращенныя къ господствующимъ страстямъ, имѣли бы успѣхъ въ предъидущемъ вѣкѣ; но обращенныя къ равнодушію, онѣ не произвели никакого дѣйствія.

Эта холодность Европы была пагубна для Христіанскихъ колоній на Востокѣ; она предавала ихъ беззащитно на произволъ врага, который становился съ каждымъ днемъ сильнѣе, и коего фанатизмъ воспламенялся побѣдою. Съ другой стороны, ежедневно замѣчали въ союзѣ Сирійскихъ Франковъ, новые признаки упадка и новыя примѣты близкаго разрушенія. Всѣ эти небольшія княжества, всѣ эти города, разбросанные по берегамъ Сиріи, были въ несогласіи; и всѣ страсти, порождаемыя духомъ соперничества, сдѣлались вспомогателями Сарацинъ. Каждое изъ этихъ небольшихъ владѣній, находясь во всегданнемъ страхѣ, старалось купить нѣсколько дней

мира, или нѣсколько мѣсяцевъ существованія, посредствомъ договоровъ съ Бибаромъ, въ коихъ почти всегда жертвовали честью и общими выгодами Христіанъ. Каирскіе Султаны не стыдились заключать союзный договоръ съ городомъ, съ мѣстечкомъ; и весьма любопытно видѣть въ этихъ актахъ Политики, съ одной стороны Повелителя Египта, Сиріи, Месопотаміи и двадцати другихъ областей; съ другой, небольшой городъ (1), какъ Сидонъ или Тортоза со своими полями, виноградниками и мельницами: жалкая пропивоположность, показывавшая Христіанамъ ихъ уничиженіе, и все чего надлежало имъ страшиться! Во всѣхъ этихъ договорахъ, Мусульманская политика старалась ссорить Франковъ между собою и держать ихъ въ зависимости (2), поступая съ ними, не какъ съ

1270—1291.

(1) Арабскія лѣтописи сохранили многіе изъ этихъ договоровъ: въ извлеченіяхъ изъ Восточныхъ рукописей можно видѣть *Трактатъ* между Султаномъ Каирскимъ и небольшимъ городомъ Тортозою. Когда читаешь права и зависимости владѣльцевъ и жителей Тортозы, можно подумать, что читаешь договоръ объ оброкѣ или арендѣ, заключенный у Нотаріуса.

(2) Можно читать въ Лѣтописи Ибнъ-Ферата письмо Каирскаго Султана на счетъ Принцессы Бейрутской, которая удалилась безъ согласія Султана изъ

1270—1291. союзниками, но какъ съ вассалами, опкупщиками и данниками.

Таковъ былъ миръ, которымъ пользовались Христіанскія владѣнія въ Сиріи; къ сугубой гореспи, въ то же время домогались царспва Іерусалимскаго прое искателей: Король Кипрскій, Король Сицилійскій и Марія Антіохійская, происходившая опъ чепверпой дочери Изабеллы, жены Аморія. Парпіи волновались, дрались за царспво до половины разрушенное, или лучше оспоривали спыдъ вовсе поперянь его, и предапь исперзанное несогласіями во власпь Саррацинъ.

Между пѣмъ Бибаръ продолжалъ свои завоеванія; каждый день слава вѣщала о новыхъ его побѣдахъ; то вспупалъ онъ въ Каиръ, влача за собою побѣжденнаго Нубійскаго Царя; или возвращался изъ Арменіи съ добычею придцапи пысячъ лопадей и десяпи пысячъ дѣпей обоего пола. Такія вѣспи распространяли ужасъ въ Христіанскихъ городахъ, коихъ не успокоивали договоры съ Сулпаномъ Египепскимъ; не знали, какое новое завоеваніе предприметъ Бибаръ, и каждый городъ спрашился быпь предметомъ

своего небольшаго княжесшва. (См. извлеченія изъ Арабскихъ рукописей).

его чесполюбія или его яроспи, какъ вдругъ смерпь эпого свирѣпаго завоевапеля доспавила Христіанамъ нѣсколько минупъ спокойспвія и радоспи. 1270 — 1291.

Смерпь Бибара описываюпъ различнымъ образомъ; мы послѣдуемъ повѣспвованію Арабскаго Испорика Ибнъ-Ферапа, опъ копораго иногда будемъ заимспвовапь самыя выраженія. Бибаръ гоповился къ опъѣзду изъ Дамаска пропивъ Тапаръ, жившихъ около Евфрапа: предъ опъѣздомъ своимъ, онъ попребовалъ чрезвычайной подапи; Имамъ Могіэддинъ Алмори сдѣлалъ ему нѣкопорыя возраженія; Сулпанъ опвѣчалъ: «О повелипель «мой, я уничпожу эпу подапь, когда со- «крушу непріяпелей.» Когда Бибаръ воспоржеспвовалъ надъ Тапарами, онъ писалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ къ Главѣ Дамаскаго Дивана: «Мы не сойдемъ съ коня, пока «пы не соберешь подапи въ двѣспи пысячъ «диремовъ съ Дамаска, прехъ сопъ пысячъ «съ его земли, прехъ сопъ пысячъ съ его «мѣспечекъ, и милліона диремовъ съ полу- «денной обласпи.» Такимъ образомъ радоспь, произведенная побѣдою Бибара, обрапилась въ печаль; народъ желаепъ смерпи Сулпану. Подали жалобу Шеику Могіэддину, мужу на-

1270 — 1291. божному и уважаемому (1); едва начали собирать подать, какъ Бибаръ былъ вычеркнутъ изъ списка живыхъ. Его оправили.

Арабскіе Историки спавятъ Бибара на ряду съ великими Государями династіи Багритскихъ Мамелюковъ. Сперва онъ былъ проданъ какъ невольникъ, и хотя жилъ только посреди воиновъ, великій природный умъ замѣнялъ въ немъ воспитаніе. Въ послѣдствіи, когда производилъ онъ войну, и принялъ участіе въ крамолахъ войска, онъ уже зналъ все, что было необходимо для управленія Мамелюками. Неимовѣрная дѣятельность всего болѣе способствовала ему на поприщѣ его честолюбія; въ теченіе семнадцати лѣтъ своего царствованія, Бибаръ не зналъ ни одного спокойнаго дня; почти въ одно и то же время видѣли его въ Сиріи, въ Египтѣ, на берегахъ Евфрата: Лѣтописи говорятъ, что онъ часто пробѣгалъ улицы Алепа или

(1) Это повѣствованіе гораздо пространнѣе у Ибнъ-Фераша; мы сочли необходимымъ сократить его, удержавъ тонъ и восточный образъ изъясненія. Впрочемъ, Лѣтопись Ибнъ-Фераша, составленная изъ многихъ другихъ лѣтописей, приводитъ многія различныя толкованія; помѣщенное здѣсь нашли мы самымъ вѣроятнымъ, и наиболѣе способнымъ показать, какія были у Азіятскихъ народовъ средства противъ насилій деспотизма.

Дамаска въ то время, какъ царедворцы еще ожидали пробужденія его у дверей Каирскаго дворца. Такъ какъ два Султана Египетскихъ погибли подъ его ударами, и онъ взошелъ на престолъ помощію сильныхъ переворотовъ, то страшился болѣе всего вліянія собственнаго своего примѣра; всѣ, кои пробуждали въ немъ подозрѣніе своимъ честолюбіемъ или своимъ вѣроломствомъ, не могли сохранить жизни. Самыя обыкновенныя сношенія между людьми, превожили его нравъ недовѣрчивый и свирѣпый; если вѣрить словамъ восточныхъ Историковъ, во все царствованіе Бибара, друзья боялись встрѣтиться на улицахъ, и никто не смѣлъ войти въ домъ другаго. Когда ему надобно было сокрыть свои намѣренія, свои поступки, или утаить отъ глазъ свое присутствіе, горе тому, кто угадывалъ его мысли, кто произносилъ его имя или кланялся ему на дорогѣ. Онъ былъ строгъ съ солдатами, ласкателенъ съ Эмирами, не гнушался лукавствомъ, предпочиталъ всему силу, смѣялся надъ договорами и клятвами, притворствовалъ до непроницаемости, былъ неумолимой алчности при взиманіи подати; онъ никогда не отступалъ предъ непріятелемъ, и никакія препятствія или преступленія не останавливали 1270—1291.

1270 — 1291 его: словомъ, геній и характеръ этого человѣка, казалось, были созданы для сего правленія, которое нѣкоторымъ образомъ онъ самъ основалъ, правленія чудовищнаго, которое поддерживалось пороками, крайностями, и не могло существовать при умѣренности и добродѣтели.

Бибара боялись и враги и подданные его; еще трепетали вокругъ носилокъ, на коихъ несли его тѣло изъ Дамаска въ Каиръ. Но сколько жестокостей, насилій и побѣдъ, удовлетворявшихъ одному личному его честолюбію, не могли утвердить короны въ его семействѣ; оба сына его, едва взошли на царство, и были тотчасъ свергнуты. Келаунъ, мужественнѣйшій изъ Эмировъ, вскорѣ похитилъ державу; единообразный ходъ въ преемственности, не могъ нравиться воинству, всегда склонному къ мятежамъ. Всѣ Мамелюки почитали себя рожденными для владычества, и въ этой республикѣ рабовъ, казалось, позволено было всякому мечтать о деспотической власти. Удивительно! это буйное ополченіе, спаслось именно тѣмъ, отъ чего должно было погибнуть; слабость или неспособность никогда не могли держаться долго на тронѣ, и въ пылу мятежей, почти всегда искуснѣйшій и

храбрѣйшій избирался для распоряженія пра- 1270 —
вленіемъ и войною. 1291.

Паденіе Христіанъ начато Бибаромъ; Келаунъ долженствовалъ довершить его. Григорій тщетно продолжалъ на Западѣ приготовленія, или, лучше сказать, проповѣданія Крестоваго похода; онъ неоднократно принимался убѣждать Рудольфа Гапсбургскаго, но Рудольфу предстояло сохранить собственное государство; напрасно Папа угрожалъ лишить его короны; новый Императоръ видѣлъ менѣе опасности въ гнѣвѣ Первосвященника, нежели въ походѣ, который удалилъ бы его отъ его владѣній. Наконецъ Григорій умеръ, не успѣвъ исполнить обѣщаній, кои дѣлалъ Восточнымъ Христіанамъ. Палестина получала по временамъ нѣкоторыя пособія изъ Европы; но эти пособія, приходя почти всегда не во время, казалось, не столько могли защитить ее, сколько подвергнуть новой опасности. Король Сицилійскій, провозглашенный Іерусалимскимъ Царемъ, послалъ нѣсколько войска и Губернатора въ Птолемаиду (1); онъ го-

(1) Многіе Историки думаютъ, что приготовленія Карла были направлены противъ Константинополя. Не опровергая этого мнѣнія, можно полагать, что Сицилійскій Король занимался также царствомъ Іеру-

1270 — 1291. повился предпринять грозную экспедицію въ Сирію, и, можетъ быть, честолюбіе его въ этомъ случаѣ, принесло бы пользу Христіанамъ, если бы внезапный переворотъ не остановилъ его намѣреній.

Неудовольствіе народовъ въ новыхъ его владѣніяхъ, особенно въ Сициліи, безпрестанно возрастало. Ихъ обременили податями для послѣдняго Крестоваго похода; обнародованіе новой крестовой войны раздражило умы; враги Карла видѣли въ Крестѣ поклонниковъ только знакъ насилія и грабительства: подъ симъ-то священнымъ знаменемъ, говорили они, онъ привыкъ проливать невинную кровь; вспоминали, что завоеваніе Неаполя произведено подъ знаменемъ Креста; наконецъ былъ данъ знакъ къ возмущенію, восемь тысячъ Французовъ умерщвлены для успокоенія тѣни Конрадина, и *Сицилійскія вечерни* довершили уничтоженіе всѣхъ видовъ Карла на Востокъ.

Келаунъ могъ бы тогда уже напасть на Христіанъ; но озабоченный утвержденіемъ собственной власти между Мамелюками, и

салимскимъ. Карлъ всегда скрывалъ виды своей политики; а весьма часто притворство Государей причиняетъ столько же затрудненія Историкамъ, сколько бы могло причинить зла странамъ, кои должны были опасаться его вліянія.

заняпый опраженіемъ Тапаръ, приблизивших- 1270—
ся къ Евфрапу, онъ согласился заключить 1291.
перемиріе съ Пполемаидскими Франками. Изъ
эпого договора, дошедшаго до насъ опъ Араб-
скихъ Писапелей, видно, какія были намѣре-
нія Каирскихъ Султановъ, и какую власпь
имѣли они надъ своими слабыми непріяпелями.
Христіане (1) принимали на себя обязапель-
спво, въ случаѣ, если какой-либо Франкскій
Государь предприметъ экспедицію въ Азію,
увѣдомипь зловѣрныхъ о прибыпіи съ Запада
Христіанскихъ армій. Эпо значило, однимъ
почеркомъ подписапь безчеспное условіе, и
опказапься опъ надежды на Кресповый по-
ходъ.

Впрочемъ войска Запада сражались вовсе не для выгодъ Свяпой Земли; и ничпо не подавало надежды увидѣпь ихъ скоро въ Азіи. Большая часпь Европейскихъ Государей не помышляли погда о Мусульманахъ, ни о ихъ побѣдахъ; Государи же или державы, имѣвшіе какіе-либо виды на Воспокъ (2), не полько

(1) Договоръ эпопъ можно чипапь въ жизнеописаніи Келауна. Мы помѣспили его въ опрывкахъ изъ Арабскихъ Испориковъ въ VI помѣ (Bibliographie des Croisades).

(2) Г. де Саси (de Sacy) перевелъ договоръ, заключенный между Султаномъ Египепскимъ и Королями Сицилійскимъ и Аррагонскимъ. Вопъ одно изъ условій эпого

1270—1291. не запрудянялись вступать въ союзъ съ Султаномъ Египетскимъ, но обязывались договорами и клялись надъ Евангеліемъ объявить себя врагами всѣхъ Христіанскихъ державъ, которыя будутъ нападать на владѣнія ихъ Мусульманскаго союзника.

Трактата: «Если случится, что Римскій Папа, Короли Франкскій, Греческій, Татарскій или другіе будутъ просить у Аррагонскаго Короля и брать-ева его, или въ подвластныхъ имъ владѣніяхъ вспомогательныхъ войскъ или какихъ-либо пособій, какъ-то: конницы, пѣхоты, денегъ, кораблей, судовъ или оружія, что помянутые Государи не дадутъ на то своего согласія ни явно, ни вайнѣ; они не дадутъ имъ никакой помощи, и ни на что подобное не согласятся. Если жъ Король Аррагонскій узнаетъ, что кто-либо изъ поименованныхъ Государей намѣревается вести войну во владѣнія Султана, или причинитъ ему какой-либо вредъ, то онъ долженъ извѣстить о томъ Султана, и увѣдомить его, съ какой стороны непріятель хочетъ на него напасть; все это онъ долженъ сдѣлать безъ малѣйшаго отлагательства прежде, нежели непріятель выступитъ въ походъ, и ничего не скрывать о томъ отъ Султана.»

Этотъ договоръ очень пространенъ и предупреждаетъ всѣ запрудненія. Можно замѣтить здѣсь, что большая часть *Трактатовъ*, заключенныхъ между жителями Востока и Христіанами, превосходятъ нѣкоторымъ образомъ проницательность новѣйшей дипломатіи: сколько осторожности внушала взаимная недовѣрчивость Парламентерамъ и договаривающимся Державамъ!

Такимъ образомъ всѣ эти договоры, вну- 1270—
шаемые то страхомъ, то честолюбіемъ или 1291.
алчностію, ежедневно поставляли новую пре-
граду между Христіанами Востока и Хри-
стіанами Запада. Къ тому жъ они не оста-
навливали Каирскаго Султана, всегда нахо-
дившаго предлогъ къ нарушенію ихъ, когда
война представляла ему болѣе выгодъ, нежели
миръ. Что и случилось съ крѣпостью *Мар-*
гатъ (Margat), лежащею на рѣкѣ Элькперѣ,
неподалеку отъ Триполи. Страннопріимцевъ,
охранявшихъ этотъ замокъ, обвинили въ
набѣгахъ на земли Мусульманскія; за этимъ
обвиненіемъ, бывшимъ, можетъ быть, не
безъ основанія, вскорѣ послѣдовала осада
крѣпости. Башни и стѣны Маргата долгое
время противились ударамъ военныхъ машинъ;
гарнизонъ отражалъ всѣ нападенія; но пока
дрались на стѣнахъ и подъ стѣнами, минеры
подрывались подъ укрѣпленія. Наконецъ крѣ-
пость, подкопанная по всѣмъ направленіямъ,
готова была обрушиться по первому знаку.
Страннопріимцы получили позволеніе выйти
съ почестію, и Маргатъ отворилъ ворота
Мусульманской рати.

На берегу моря, между Маргатомъ и Тор-
тозою, возвышался другой замокъ, куда уда-
лился одинъ Франкскій владѣлецъ, котораго

1270 — 1291. Арабскія лѣтописи называютъ, однѣ, *Сиромъ Телима*, другія, *Сиромъ Варѳоломееемъ*. Эпотъ владѣлецъ не переставалъ опустошать сосѣднія земли, и каждый день возвращался въ крѣпость обремененный добычею, отнятою у Сарранинъ. Келаунъ хотѣлъ осадить замокъ Варѳоломея; но сочтя его неприступнымъ, написалъ Графу Триполійскому: «Ты выстроилъ или позволилъ «выстроить этотъ замокъ; горе тебѣ, горе «твоей столицѣ, горе твоему народу, если «не сроешь его немедленно (1)!» Графъ Триполійскій тѣмъ болѣе былъ устрашенъ этими угрозами, что когда онъ получилъ письмо отъ Султана, то на землѣ его уже появились Мусульманскія войска; онъ предложилъ въ замѣнъ Варѳоломею значительныя земли: самыя блестящія предложенія, обѣщанія, просьбы, все было безполезно. Наконецъ сынъ Варѳоломеевъ принялъ участіе въ переговорахъ, и отправился просить пощады у Каирскаго Султана. Раздраженный отецъ летитъ по слѣдамъ своего сына, настигаетъ въ Птолемаидѣ, и поражаетъ его

(1) О всемъ что здѣсь сказано, мы не нашли никакого памятника въ Западныхъ лѣтописяхъ, и руководствовались одною лѣтописью Ибнъ-Ферата.

кинжаломъ предъ собравшимся народомъ. Это 1270 —
убійство раздражило всѣхъ Христіанъ; Вар- 1291.
ѳоломея наконецъ покинули его собствен-
ные солдаты, которыхъ ужасало это пре-
ступленіе. Опустѣлый замокъ былъ срытъ.
Съ той поры Варѳоломей сдѣлался жесто-
чайшимъ врагомъ Франковъ, и удалился къ
зловѣрнымъ, безпрестанно стараясь завле-
кать ихъ въ свое мщеніе и побуждать къ
истребленію Христіанскихъ городовъ.

Его неумолимая ненависть слишкомъ часто находила случай къ своему удовлетворенію. Султанъ Каирскій продолжалъ войну пропивъ Христіанъ, и казалось все благопріятствовало его предпріятіямъ. Уже съ давняго времени онъ намѣревался овладѣть Лаодикеею, которой пристань соперничала съ Александріей; но цитадель этого города, омываемая моремъ, была неприступна; землетрясеніе, обрушившее башни этой крѣпости, облегчило для него покореніе ея. Замокъ Кракъ и другія крѣпости, построенныя на Финикійскомъ берегу, достались также во власть Мусульманъ. Открывъ такимъ образомъ всѣ пути къ Триполи, Каирскій Султанъ только и помышлялъ объ осадѣ его. Ни святость договоровъ, ни новое униженіе Богемонда, не могли отдалить на время паденіе цвѣтущаго

1270 — 1291. города: ни одинъ Христіанскій городъ, ни одинъ Палестинскій Князь не пришелъ на помощь къ Триполи. Духъ раздора, всегда господствовавшій между Франками, былъ сполъ великъ, что Тампліеры, соединясь съ владѣльцемъ Жиблетскимъ (1), имѣли намѣреніе ввести воиновъ въ городъ Богемонда и овладѣть имъ внезапно. Правда, они не могли исполнить своего замысла; но сколько золъ эта гнусная зависть, эти черныя измѣны долженствовали навлечь на слабые остатки Христіанскихъ колоній!

Сильная рать явилась предъ стѣнами Триполи; большое число машинъ приближены къ его укрѣпленіямъ: послѣ тридцати пяти дневной осады, Мусульмане ворвались въ городъ съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ. Семь тысячъ Христіанъ пали подъ ударами побѣдителя; женщины и дѣти уведены въ неволю; устрашенная толпа тщетно искала на островѣ Св. Николая убѣжища спрятавъ Мамелюковъ, возбуждаемыхъ къ кровопролитію. Абульфеда повѣствуетъ, что чрезъ нѣсколько дней, по взятіи Триполи, онъ самъ ходилъ на этотъ островъ, и нашелъ его весь по-

(1) См. объ этой измѣнѣ любопытный разсказъ этого владѣльца, въ *Оправдательныхъ Статьяхъ*, No VII.

крытый мертвыми тѣлами. Многіе жители удалились на корабли и хотѣли бѣжать изъ своего разореннаго отечества; море прибило ихъ къ берегу, гдѣ они были изрублены Саррацинами. Не только погибло почти все народонаселеніе Триполи; но Султанъ приказалъ сжечь и срыть городъ. Гавань Триполійская привлекала большую часть торговли Средиземнаго моря; въ городѣ находилось болѣе четырехъ тысячъ становъ для выдѣлыванія шелковыхъ матерій; удивлялись его дворцамъ, его башнямъ и укрѣпленіямъ. Столько средствъ къ благоденствію, все что могло украсить миръ и служить защитою въ войнѣ, все погибло подъ сѣкирою и молотомъ. Главная цѣль Мусульманской политики въ этой войнѣ состояла въ томъ, чтобы истребить все сдѣланное Христіанами, не оставить на Сирійскомъ берегу ни малѣйшаго слѣда ихъ могущества, и ничего такого, что могло бы привлечь туда на будущее время Западныхъ Государей и воиновъ, что могло бы способствовать ихъ поселенію, если бы когда-либо они вздумали снова водрузить тамъ свои знамена. 1270 — 1291.

Птолемаида, не принимавшая участія въ столь жестокой войнѣ, узнала о паденіи и разрушеніи Христіанскаго города чрезъ немно-

1270 — 1291. гихъ бѣглецовъ, спасшихся отъ меча Мусульманъ и пришедшихъ просить у нее убѣжища. При этой печальной вѣсти, она должна-спвовала предчувствовать угрожавшія бѣдствія ей самой.

Птолемаида была тогда столицею Христіанскихъ колоній и значительнѣйшимъ городомъ въ Сиріи. Большая часть Франковъ, изгнанныхъ изъ другихъ Палестинскихъ городовъ, сокрылась тамъ съ своими богатствами; здѣсь пристава-ли всѣ флоты, приходившіе съ Запада; тамъ жили богатѣйшіе купцы изъ всѣхъ частей свѣта. Городъ сколько же увеличился въ пространствѣ, какъ и въ народонаселеніи; онъ былъ выстроенъ изъ дикаго камня, тесаннаго квадратно; всѣ стѣны домовъ имѣли одинакую высоту (1); большая часть зданій покрыта была площадками или террасами. Живопись украшала внутренность главнѣйшихъ жилищъ, и въ жилища эти свѣтъ проходилъ сквозь стеклянныя окна, что составляло въ то время чрезвычайную роскошь. На площадяхъ обои изъ

(1) Всѣ эти любопытныя подробности о Птолемаидѣ, о нравахъ и образѣ жизни ея жителей, сообщены намъ Германомъ Корнаріемъ (Собраніе Экарда). Объ этомъ помѣщена выписка гораздо пространнѣйшая въ разборѣ Нѣмецкихъ Историковъ, который мы сдѣлали въ VI томѣ *Bibliographie des Croisades*.

шелковыхъ или прозрачныхъ матерій защи- 1270—
щали жипелей опъ солнечнаго зноя. Между 1291.
двумя рядами укрѣпленій, окружавшихъ городъ
съ воспока, возвышались зàмки и дворцы,
обипаемые Принцами и Вельможами; купцы
и ремесленники жили внупри города. Въ чи-
слѣ Государей и знапныхъ, имѣвшихъ свои
жилища въ Пполемаидѣ, были Царь Іерусa-
лимскій, его брапья и его семейспво, Князья
Галилейскій и Анпіохійскій, Намѣспники Ко-
ролей Французскаго и Сицилійскаго, Гер-
цогъ Кесарійскій, Графы Трипольйскій и Ял-
пейскій, владѣпели Бейрупскій, Тирскій,
Тиверіадскій, Сидонскій, Ибелинскій, Арсуф-
скій, и пр... Одна древняя лѣпопись упо-
минаепъ, чпо всѣ эпи Князья и Вельможи
прогуливались по народнымъ площадямъ съ
золопыми коронами на головѣ, какъ Государи;
одежда многочисленной свипы ихъ сіяла зо-
лопомъ и драгоцѣнными каменьями. Каждый
день проходилъ въ празднеспвахъ, въ зрѣ-
лищахъ, въ пурнирахъ, между пѣмъ, какъ
въ гавани, сокровища Азіи мѣнялись на со-
кровища Запада, и безпреспанно предспа-
влялось оживленное зрѣлище торговли и
промышленноспи.

Современная Испорія съ гореспію опла-
киваепъ развращеніе нравовъ, господспво-

1270 — 1291. вавшее въ Пполемаидѣ; толпа иноземцевъ приносила туда пороки всѣхъ народовъ; нѣга и роскошь распространились во всѣхъ сословіяхъ, самое духовенспво не могло избѣжапь заразы; изъ всѣхъ народовъ, населявшихъ Сирію, самые разслабленные, самые развращные были жипели Пполемаиды.

Пполемаида была не только однимъ изъ богапѣйшихъ городовъ Сиріи, но еще считалась мѣспомъ наилучше укрѣпленнымъ. Св. Людовикъ, во время пребыванія своего въ Палеспинѣ, ничего не щадилъ для исправленія и умноженія ея укрѣпленій; со спороны сухаго пупи, городъ опоясанъ былъ двойною спѣною, на коей мѣспами возвышались зубчапыя башни. Широкій и глубокій ровъ защищалъ доспупъ къ укрѣпленіямъ; со спороны моря городъ ограждался крѣпосшію, поспроенною при входѣ въ гавань, замкомъ рыцарей Храма на югѣ, а на востокѣ башнею, которую называли *Башнею Короля*.

Городъ Пполемаида имѣлъ погда гораздо болѣе средспвъ къ защипѣ, нежели въ по время, когда онъ выдерживалъ въ печеніе прехъ лѣпъ нападеніе всѣхъ силъ Европы. Никакая держава не могла бы покорипь его, если бъ онъ былъ обипаемъ природными гра-

жданами, а не иностранцами, поклонниками, купцами, всегда готовыми переселяпься со своими богатствами изъ одного мѣста въ другое. Представители Короля Неаполитанскаго, Намѣстники Короля Кипрскаго, Французы, Англичане, Папскій Легатъ, Іерусалимскій Патріархъ, Князь Антіохійскій, при военныхъ Ордена, Венеціяне, Генуэзцы, Пизане, Армяне, Тапары имѣли каждый свою часпь, свою расправу, своихъ Судей и Чиновниковъ, независимо другъ опъ друга, съ правомъ самовластія. Всѣ эпи кварталы сосплавляли, какъ бы опдѣльные города, различные по своимъ обычаямъ, нарѣчію, нравамъ, особенно же раздѣляемые соперничествомъ и зависпію. Невозможно было учредипь порядка въ городѣ, гдѣ сполько властелиновъ давали законы, копорый не имѣлъ единообразнаго правленія, гдѣ не рѣдко преступленіе преслѣдовалось съ одной спороны и защищалось съ другой. Такимъ образомъ, всѣ спрасти осплавались необузданы, и часто служили поводомъ къ кровавымъ явленіямъ: кромѣ распрей, раждавшихся въ самой спранѣ, каждая ссора, происходившая въ Европѣ, особенно въ Ипаліи, ощущалась въ Пполемаидѣ. Тамъ волновали умы раздоры Гвельфовъ и Гибелиновъ, а соперничество Венеціи и Генуи

1270—1291.

1270—1291. пролило потоки крови. Каждый народъ въ занимаемой имъ части города, имѣлъ свои окопы; все было укрѣплено, даже церкви. При входѣ въ каждое изъ такихъ мѣстъ, зрѣніе поражалось видомъ крѣпости, воротъ и желѣзныхъ цѣпей; не трудно было замѣтить, что всѣ эти оборонительныя средства были употреблены не столько для удержанія непріятеля, сколько для учрежденія преграды противъ сосѣдей и соперниковъ.

Начальники всѣхъ частей, старѣйшины города собирались иногда; но они рѣдко соглашались и безпрестанно недовѣряли другъ другу; подобныя собранія дѣйствовали безъ всякаго плана, не имѣли никакого постояннаго правила, особенно же никакой предусмотрительности. Городъ въ одно и тоже время просилъ пособій у Запада, и старался заключить перемиріе съ Саррацинами. Когда былъ заключенъ договоръ, никто не имѣлъ довольно силы, чтобы заставить уважать его; всякій, напротивъ, могъ его нарушать и тѣмъ навлечь на городъ всѣ бѣдствія, какія могли произойти отъ подобнаго нарушенія.

По взятіи Триполи, Каирскій Султанъ угрожалъ Птолемаидѣ; однако, опасаясь ли отчаянія Христіанъ, или полагая, что еще

не наспало удобное время, онъ подался на нѣкоторыя убѣжденія, и возобновилъ съ жипелями перемиріе на *два года, два мѣсяца, двѣ недѣли, два дня и два часа.* По свидѣтельству одной лѣтописи, Папскій Легапъ не одобрилъ договора, и нанесъ оскорбленіе Мусульманскимъ купцамъ, пріѣхавшимъ въ Птолемаиду. Тампліеры и другіе военные Ордена хотѣли сдѣлать удовлетвореніе Египетскому Султану; Легатъ тому воспротивился, и грозилъ отлучить отъ Церкви (1) того, кто будетъ имѣть малѣйшее сношеніе съ зловѣрными. 1270 — 1291.

Одинъ Арабскій Историкъ приписываетъ другой причинѣ обиду, сдѣланную Мусульманамъ. Онъ разсказываетъ, что жена одного богатаго Птолемаидскаго жипеля, влюбившись въ молодаго Мусульманина, назначила ему свиданіе въ одномъ изъ загородныхъ садовъ; мужъ, узнавъ о такомъ оскорбленіи супружеской вѣрности, собираетъ нѣсколько

(1) Мы находимъ это обстоятельство въ двухъ Австрійскихъ лѣтописяхъ, изъ коихъ одна подъ заглавіемъ: *Chronicon anonymi Leobensis;* другая, *Thomæ Ebendorferri de Haselbach Chronicon.* Первая говоритъ, что Легатъ собралъ народъ Птолемаидскій, предалъ его проклятію, и отплылъ потомъ въ Римъ. Это послѣднее обстоятельство показалось намъ невѣроятнымъ, и мы умолчали объ немъ.

1270—1291 друзей, выходитъ съ ними изъ Птолемаиды (1), застаетъ жену свою съ ея соблазнителемъ, и приноситъ ихъ обоихъ въ жертву своему мщенію. Нѣсколько Мусульманъ сбѣгаются изъ сосѣднихъ мѣстъ; Христіанъ собирается гораздо болѣе; ссора воспламеняется и дѣлается общею; всѣ находившіеся при томъ Мусульмане изрублены.

Эти насилія, еще болѣе увеличенныя молвою, могли подать Египетскому Султану предлогъ для возобновленія войны; Христіане, предвидѣвшіе свои новыя бѣдствія, просили пособій у Первосвященника. Папа убѣдилъ Венецію дать ему двадцать пять галеръ, и этотъ флотъ перевезъ въ Птолемаиду войско въ тысячу шестьсотъ человѣкъ, набранное наскоро въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи. Это подкрѣпленіе, отправленное для защиты жителей Палестины, обратилось имъ въ погибель; Папскіе солдаты, набранные изъ авантуристовъ и бродягъ предались всякимъ неистовствамъ. Служа безъ жалованья, они грабили Мусульманъ и Христіанъ; наконецъ, это неустроенное войско вышло изъ города и впорглось въ

(1) Это обстоятельство помѣщено въ жизнеописаніи Султана Келауна. (См. выписки изъ Арабскихъ лѣтописей въ концѣ VII тома, Bibliographie des Croisades).

земли Саррациновъ; все на пути его пре- 1270—
дано опустошенію; города и деревни были 1291.
разграблены, жители биты, многіе убиты; Каирскій Султанъ отправилъ пословъ къ Христіанамъ, жалуясь на подобныя насильства во время мира. По прибытіи Мусульманскихъ посланниковъ, въ Птолемаидѣ нѣсколько разъ собирали Совѣтъ: сначала мнѣнія были раздѣлены; одни хотѣли защищать нарушителей перемирія, другіе сдѣлать удовлетвореніе Султану и просить о продолженіи договора. Наконецъ рѣшились отправить въ Каиръ посольство для принесенія извиненій и предложенія подарковъ. Посольство, принятое Келауномъ, объявило, что зло произошло отъ воиновъ, прибывшихъ съ Запада, а не отъ жителей Птолемаидскихъ. Посланники предлагали отъ имени своего города наказать виновниковъ безпорядка; ихъ покорность, ихъ просьбы не могли тронуть Султана, который съ горечью упрекалъ ихъ въ нарушеніи святости договоровъ, и въ томъ, что они даютъ пристанище разбойникамъ, врагамъ мира и народныхъ правъ. Султанъ показалъ себя тѣмъ неумолимѣе, что находилъ этотъ случай удобнымъ для исполненія своихъ намѣреній; онъ зналъ, что никакой Крестовый походъ не готовился въ

1270—1291. Европѣ, и что всѣ пособія Запада ограничивались этими авантюристами, нарушившими перемиріе. Келаунъ отпустилъ посланниковъ, грозя Птолемаидѣ всѣмъ своимъ гнѣвомъ; уже онъ отдалъ приказаніе, заготовлять военные запасы во всѣхъ областяхъ.

По возвращеніи посланниковъ (1), собрали въ Птолемаидѣ большой Совѣтъ, на которомъ присутствовали Іерусалимскій Патріархъ, Намѣстникъ Короля Французскаго, Иванъ де Гресли, Намѣстникъ Англійскаго Короля, Мессиръ Оттъ де Грансонъ, Великіе Магистры Тампліеровъ и Спраннопріимнаго Ордена, Старѣйшины города, множество

(1) При описаніи осады Птолемаиды, мы руководствовались *Записками* Сануши, Германа и однимъ рукописнымъ повѣствованіемъ. Послѣднее, писанное на Французскомъ языкѣ того времени, вѣроятно составлено по частному письму Ивана де Виль, Смотрителя больницы Св. Іоанна, которое писалъ онъ къ брату своему Вильгельму де Виль, Настоятелю Сенжильскаго монастыря въ Провансѣ. Иванъ де Виль проживалъ въ Птолемаидѣ, или писалъ по свидѣтельству нѣкоторыхъ Спраннопріимцевъ, избѣгшихъ отъ меча Мусульманъ и удалившихся на островъ Кипръ. Эта рукописная лѣтопись, на которую часто мы ссылаемся, раздѣлена на двадцать двѣ главы. Она находится въ Королевской Библіотекѣ подъ No 1290. Въ *Оправдательныхъ Статьяхъ* No VIII, мы помѣстили изъ нее выписку.

мѣщанъ и поклонниковъ. Когда Депутаты 1270—
отдали отчетъ въ своемъ порученіи, и до- 1291.
несли о угрозахъ Египетскаго Султана, Патріархъ возвысилъ голосъ: его добродѣтели, его сѣдины, его усердіе къ пользѣ Христіанъ внушали довѣренность и уваженіе. Этотъ почтенный Прелатъ увѣщевалъ всѣхъ его слушавшихъ, вооружиться для защиты города, напоминалъ имъ, что они Христіане, и что должны умереть за дѣло Іисуса Христа; онъ умолялъ ихъ забыть свои несогласія, не имѣть другихъ враговъ кромѣ Мусульманъ, и явить себя достойными святаго дѣла, за которое готовы сразиться. Его краснорѣчіе пробудило въ слушателяхъ благородныя чувства; всѣ клялись послѣдовать убѣжденіямъ Патріарха: счастлива была бы Птолемаида, если бъ ея жители и защитники всегда сохраняли подобное расположеніе духа и подобный восторгъ среди опасностей и бѣдствій войны!

Вездѣ просили помощи; нѣсколько богомольцевъ прибыли съ Запада, нѣсколько воиновъ съ острововъ Средиземнаго моря: Король Кипрскій вышелъ на берегъ съ пятью стами рапниковъ. Эти новые вспомогатели и всѣ вооружившіеся въ городѣ, простирались числомъ до девятисотъ человѣкъ кон-

1270—1291. ныхъ и восемнадцати тысячъ пѣшихъ. Ихъ раздѣлили на четыре отряда, поручивъ каждому защиту башенъ и укрѣпленій. Первый изъ этихъ отрядовъ былъ подъ начальствомъ Ивана де Гресли и Отъ де Грансона, одинъ предводительствовалъ Французами, другой Англичанами и Пикардцами; второй отрядъ состоялъ подъ начальствомъ Короля Кипрскаго и Великаго Магистра Тевтонскаго Ордена; третьимъ предводительствовали Великіе Магистры Іоанниттовъ и Каторберійскихъ рыцарей; четвертымъ, Великіе Магистры Тампліеровъ и рыцарей Св. Лазаря; Совѣтъ, составленный изъ восьми полководцевъ, долженствовалъ управлять городомъ во время осады.

Мусульмане повсюду приготовлялись къ войнѣ; все было въ движеніи отъ береговъ Нила до береговъ Евфрата. Султанъ Келаунъ, занемогши при выступленіи изъ Каира, послалъ впередъ семь главныхъ Эмировъ, каждаго съ четырьмя тысячами всадниковъ и двадцатью тысячами пѣхоты. По прибытіи ихъ въ область Птолемаидскую, сады, увеселительные домы, виноградники, покрывавшіе холмы, все было опустошено. Видъ пожаровъ, повсюду возникавшихъ, устрашенная толпа сосѣднихъ жителей, бѣжавшихъ со своимъ иму-

ществомъ, своими стадами и семействами, извѣстили Птолемаиду объ угрозахъ и жестокихъ намѣреніяхъ Сарацинъ: дали нѣсколько сраженій на равнинѣ; но ничего не произошло замѣчательнаго и рѣшительнаго; Мусульмане ожидали пріѣзда Султана для начатія осадныхъ работъ. 1270—1291.

Между тѣмъ Келаунъ оставался въ Египтѣ одержимый болѣзнію, и чувствуя приближеніе смерти, потребовалъ къ себѣ своего сына и своихъ Эмировъ; онъ завѣщалъ послѣднимъ, признать его сына и служить ему такъ, какъ служили ему самому; а сыну, неослабно продолжать войну противъ Христіанъ, заклиная, чтобы онъ не погребалъ его, пока не покоритъ Птолемаиды. Халиль клялся исполнить послѣднюю волю отца, и когда Келаунъ закрылъ глаза, Улемы и Иманы, собравшись въ мечети, въ которой были поставлены смертные остатки Султана Египетскаго, читали во всю ночь стихи Алкорана, и не переставали призывать пророка противъ послѣдователей Христа. Халиль не замедлилъ выступить въ походъ съ своимъ войскомъ; Франки надѣялись, что смерть Келауна породитъ нѣкоторыя несогласія между Мамелюками; но ненависть къ Христіанамъ достаточна была для соедине-

1270—1291. нія Мусульманскихъ воиновъ; самая осада Пполемаиды, надежда уничпожить Христіанскій городъ, подавила всѣ сѣмена раздоровъ и упвердила могущество Халиля, копораго напередъ провозглашали побѣдипелемъ Франковъ и *хранителемъ Мусульманской вѣры.*

Сулпанъ явился передъ спѣнами Пполемаиды; воинспво его покрывало пространспво на нѣсколько миль опъ моря до горъ. Болѣе прехъ сопъ военныхъ машинъ гопповы были громипь городскія спѣны. Историкъ Абульфеда, находившійся при осадѣ эпого города, говоритъ объ одной изъ эпихъ машинъ, копорую съ прудомъ могли перевозипь спо телѣгъ.

Эпопъ грозный видъ повергъ въ уныніе жипелей Пполемаидскихъ; Великій Магиспръ Тампліеровъ, опчаясь въ защипѣ и спасеніи города, собралъ другихъ начальниковъ, чпобы узнапь, не осталось ли какихъ средспвъ для возобновленія перемирія и для избѣжанія пакимъ образомъ неминуемой гибели (1). Оправясь въ спавку Сулпана, онъ просилъ у него мира, и спараясь поколебапь его умъ, преувеличилъ силы Пполемаиды; Сулпанъ,

(1) Это обспоящельспво упоминаепся въ Нѣмецкой лѣпописи, о копорой мы говорили выше.

успрашенный, безъ сомнѣнія, прудноспями осады, и думая найпи другой случай овладѣпь городомъ, согласился на перемиріе, съ условіемъ, чпобы каждый жипель заплапилъ ему по Венеціянскому *скрупулу*. Великій Магиспръ, возвращясь въ крѣпоспь, созвалъ народъ въ церкви Св. Креспа, и изложилъ ему условія, полагаемыя Сулпаномъ для заключенія новаго перемирія. Онъ совѣповалъ подписапь эпи условія, попому чпо не имѣли инаго средспва спаспи Пполемаиду. Едва лишь онъ выразилъ свое мнѣніе, какъ народъ прищелъ въ яроспь; опвсюду кричапъ — измѣна! Великій Магиспръ Тамплiеровъ чупь на мѣспѣ не заплапилъ жизнію за свою мудрую предусмоприпельноспь и свое усердіе къ спасенію города. Съ пой поры эпопъ великодушный воинъ помышлялъ полько о помъ, чпобы умерепь съ оружіемъ въ рукахъ за неблагодарный и безразсудный народъ, неспособный опражапь войну войною, и не позволяющій спаспи себя посредспвомъ мира. 1270 — 1291.

Присупспвіе Сулпана удвоило рвеніе Мусульманскихъ войскъ. Съ первыхъ дней его прибышія, осада спала производишься съ невѣрояпною живоспію. Рапь осаждающихъ счипала шеспьдесяпъ пысячъ человѣкъ конницы и спо сорокъ пысячъ пѣхопы, копорые

1270—1291. безпрестанно смѣнялись и не давали покою осажденнымъ. Машины бросали камни и огромныя бревна, коихъ паденіе потрясало городскіе зàмки и домы. Туча спрѣлъ, копій, огненныхъ горшковъ, свинцовыхъ шаровъ осыпала день и ночь укрѣпленія и башни. При первыхъ нападеніяхъ, Христіане истребили ударами стрѣлъ и камней большое число зловѣрныхъ, приближавшихся къ стѣнамъ: они сдѣлали нѣсколько вылазокъ, и въ одну изъ нихъ проникли даже до лагеря Саррацинъ. Ошибшые наконецъ, нѣкоторые изъ Христіанскихъ рапниковъ доспались во власть Мусульманъ, и Сирійскіе всадники, привязавъ къ шеи лошадей своихъ головы побѣжденныхъ, выставляли предъ Каирскимъ Султаномъ варварскіе трофеи побѣды, дорого купленной.

Опасность сначала соединила всѣхъ Птолемаидскихъ жителей и одушевляла ихъ одинакими чувствованіями. Въ первыхъ ограженіяхъ ничто не равнялось ихъ рвенію: ихъ поддерживала надежда на полученіе пособій съ Запада; они надѣялись также, что нѣсколько преимуществъ, одержанныхъ надъ Саррацинами, принудятъ осаждающихъ къ отступленію; но по мѣрѣ того, какъ эти надежды исчезали, ревность ихъ охлаждалась; большая часть не могла перенесть продолжительныхъ

прудовъ; видъ опасности, безпрестанно воз- 1270 —
раждавшейся, упомлялъ ихъ мужество; число 1291.
защищавшихъ стѣны, ежедневно уменьша-
лось; гавань покрыта была Христіанами,
которые бѣжали, унося свои богатства. При-
мѣръ удалявшихся такимъ образомъ, довер-
шалъ уныніе оставшихся; въ городѣ, въ коемъ
считали сто тысячъ жителей, и который
въ первые дни осады выставилъ около двад-
цати тысячъ воиновъ, подъ конецъ оставва-
лось подъ оружіемъ только двѣнадцать ты-
сячъ человѣкъ.

Къ побѣгамъ вскорѣ присоединилось новое бѣдствіе — раздоръ между вождями; многіе не одобряли мѣръ, принятыхъ для обороны, и потому что мнѣніе ихъ не превозмогло въ Совѣтѣ, оставались въ бездѣйствіи, забывъ объ опасностяхъ и бѣдствіяхъ грозившихъ городу, грозившихъ имъ самимъ.

Въ четвертый день Мая (осада продолжа-
лась уже съ мѣсяцъ), Султанъ Каирскій по-
далъ знакъ къ приступу. Съ восходомъ солнца
барабанщики со всего войска, посаженные
на трехъ стахъ верблюдахъ, потрясли воз-
духъ страшнымъ шумомъ. Огромнѣйшія воен-
ныя машины употреблены были для разру-
шенія стѣнъ около воротъ и башни Св. Анто-
нія на восточной сторонѣ города. Это мѣсто

1270—1291. было охраняемо рапниками Кипрскаго Короля; Мусульмане приспавили къ спѣнамъ лѣстницы; оборона производилась съ такою же живостью, какъ и нападеніе; сраженіе длилось весь день, одна ночь принудила Сарацинъ къ опступленію. Король Кипрскій, болѣе заботясь тогда о своей безопасности, нежели о своей славѣ, помышлялъ только объ удаленіи изъ города, котораго уже не надѣялся спасти. Онъ оспавилъ спѣны вечеромъ съ своимъ отрядомъ, подъ предлогомъ опдыха, и ввѣривъ опасный посптъ рыцарямъ Тевпонскимъ, обѣщалъ возвратиться утромъ; но съ разсвѣтомъ Кипрскій Король сѣлъ на суда со всѣми своими рыцарями и премя тысячами рапниковъ. При вѣсти о сполъ низкой измѣнѣ, каковы были удивленіе и негодованіе Христіанскихъ воиновъ. — «Дай Господи», восклицаетъ Сочинитель одного сказанія, которое лежитъ передъ нами (1), «дай Го-«споди, чтобы подулъ бурный вихрь, что-«бы онъ потопилъ этихъ бѣглецовъ, и чтобъ «они погрузились на дно моря, какъ сви-«нецъ!»

На другой день Мусульмане сдѣлали новый приступъ; они приблизились въ порядкѣ, при-

(1) Рукописное *сказáніе* объ осадѣ и взятіи Акры Сарацинами.

крываясь своими широкими щитами, подвигая машины и неся множество лѣстницъ. Христіане нѣкоторое время сопротивлялись ихъ написку; но когда осаждавшіе замѣтили, что башни, занимаемыя наканунѣ Киприотами, покинуты, смѣлость ихъ усугубилась; они начали заваливать ровъ, бросая туда каменья, землю, мертвыхъ лошадей. Современныя сказанія упоминаютъ здѣсь объ одномъ случаѣ, не совсѣмъ вѣроятномъ: толпа раскольниковъ, коихъ называютъ они *Хаги* (Chages) (1), слѣдовала за войскомъ Мамелюковъ; набожность этой секты состояла въ перенесеніи всякаго рода недостатковъ, въ жертвованіи собою пользѣ *исламизма*: Султанъ приказалъ имъ наполнить ровъ; они завалили его своими живыми тѣлами, и Мусульманская конница прошла черезъ нихъ, чтобы подойти къ стѣнамъ. 1270—1291.

Осаждавшіе сражались съ яростію; одни ставили лѣстницы и толпою устремлялись на стѣны; другіе били стѣны таранами и силились разрушить ихъ всякаго рода ору-

(1) Этотъ чрезвычайный случай упоминается въ одной рѣчи къ Папѣ Николаю IV, отъ брата Арсена, Греческаго Священника, ходившаго на поклоненіе въ Іерусалимъ, во время осады Птолемаиды. Рѣчь эта помѣщена въ *запискахъ* Муратори.

1270—1291. діями. Наконецъ, широкій проломъ опкрылъ путь въ городъ; этотъ проломъ скоро сдѣлался позорищемъ кровопролитнаго боя. Уже не мепали болѣе камней и стрѣлъ, бились копьемъ, мечемъ и палицею. Толпа Саррацинъ безпрестанно увеличивалась, между тѣмъ, какъ Христіане не получали никакого подкрѣпленія. Наконецъ, защищавшіе стѣну, истощенные усталостію, подавляемые числомъ, принуждены отступить въ городъ; Саррацины ринулись за ними, и чему съ трудомъ можно повѣрить, большая часть жителей оставалась спокойными зрителями, не потому что видъ опасности оледѣнилъ ихъ мужество; но духъ соперничества и зависти не былъ задушенъ чувствомъ народныхъ бѣдствій. «Когда вѣсть о вступле-«ніи Саррацинъ (мы заимствуемъ выраженія «у современной Лѣтописи) распространи-«лась въ городѣ, многіе мѣщане, по взаим-«ной другъ къ другу ненависти, не изъявили «должнаго сожалѣнія къ народу, и ни мало не «заботились объ его участи, равно какъ и «о своей, полагая внутренно, что Суданъ не «причинитъ имъ никакого зла, потому что «они не согласились на нарушеніе перемирія.» Питая свои безразсудныя надежды, они лучше желали получить спасеніе отъ милосердія

побѣдителя (1), нежели опъ храбросши Хри- 1270—
спіанскихъ воиновъ; вовсе не думая помо- 1291.
гапь сосѣдямъ своимъ, всякій напропивъ ра-
довался впайнѣ поперямъ ихъ; главные на-
чальники каждой часпи или каждой націи
боялись подвергапь своихъ солдапъ, не для
пого, чпобы сохранипь свои силы пропивъ
Саррацинъ, но чпобы имѣпь болѣе власпи
въ городѣ, сберечь на будущее время сред-
спва быпь сильнѣйшими и опаснѣйшими въ
народныхъ распряхъ.

Однако испинное мужесптво не могло увлечь-
ся сполъ низкими спрасптями; дружины Храма
и Спраннопріимнаго Ордена являлись вездѣ,
гдѣ предспояла опасноспь; Вильгельмъ Клер-
монпскій, Командоръ Спраннопріимцевъ, по-
спѣшилъ съ своими рыцарями на мѣспо без-
порядка и кровопролипія. Онъ вспрѣпилъ бѣ-
жавшую полпу Христіанъ; эпопъ храбрый
воинъ оживляепъ ихъ упавшее мужесптво,
и бросясь самъ въ ряды Саррацинъ, пора-
жаепъ и опрокидываепъ все, чпо попадаепся
ему на пупи; Мусульмане, говорипъ одна
спаринная Лѣпопись, *бѣжали при его*

(1) Это обспоятельспво шакже засвидѣтельспвовано Лѣтописью *Германа Комерія* (Herman Comérius), которую мы уже приводили.

1270— *приближеніи, какъ овцы предъ волкомъ.*
1291. Тогда большая часть бѣжавшихъ возвратилась къ сраженію; напискъ былъ ужасный, кровопролитіе спрашное: къ вечеру у Сарацинъ пропрубили съ поля; Мусульмане, избѣгшіе опъ меча Христіанъ, удалились въ безпорядкѣ чрезъ проломъ ими сдѣланный.

Этотъ неожиданный успѣхъ вдругъ далъ другой оборотъ умамъ. Непринимавшіе участія въ бояхъ, и спокойно оставшіеся въ своихъ жилищахъ, начали наконецъ опасаться, чтобы не обвинили ихъ въ измѣнѣ дѣлу Христіанъ. Они выступили съ распущенными знаменами и направились къ воротамъ Св. Антонія; видъ поля битвы, наполненнаго слѣдами кровопролитія, долженствовалъ пробудить въ нихъ нѣкоторыя благородныя чувствованія, и если они не оказали своей храбрости, то по крайней мѣрѣ видъ простертыхъ на землѣ воиновъ, умолявшихъ перевязать ихъ раны, доставилъ имъ случай изъявить свое состраданіе. Начали помогать раненнымъ, погребали мертвыхъ; потомъ занялись исправленіемъ стѣнъ, расположеніемъ машинъ; всю ночь провели въ приготовленіяхъ къ оборонѣ для наступающаго утра.

На другой день, до восхожденія солнца, созвали чрезвычайное собраніе въ домѣ Спран-

нопріимнаго Ордена. Печаль изображалась на всѣхъ лицахъ; наканунѣ лишились двухъ пысячъ Христіанскихъ рапниковъ; оспавалось въ городѣ только семь пысячъ воиновъ, коспорыхъ недоспаточно было для защиты спѣнъ и укрѣпленій; надежда побѣдипь враговъ уже не подкрѣпляла Христіанъ; будущее предспавляло имъ одинѣ опасносши и бѣдспвія. Когда всѣ собрались, Папріархъ Іерусалимскій возвысилъ голосъ. Почпенный Прелапъ не дѣлалъ упрековъ неучасшвовавшимъ въ сраженіи наканунѣ, надлежало забыпь прошедшее; онъ не восхвалялъ шакже опличившихся храбросшію, спрашась возбудипь зависпь; въ рѣчи своей, онъ не говорилъ объ опечесшвѣ, попому чпо для большей часши слушашелей опечесшво не было въ Пполемаидѣ. Карпина несчасшій, угрожавшихъ городу и всякому изъ его жишелей, была предспавлена въ самомъ мрачномъ видѣ; не оспавалось никакой надежды, никакого убѣжища для побѣжденныхъ; нечего было ожидапь опъ милосердія Саррацинъ, всегда исполнявшихъ свои угрозы и никогда свои обѣщанія. Слишкомъ явно было, чпо Европа не подаспъ никакихъ пособій; число кораблей не позволяло помышлянь о бѣгспвѣ моремъ; и шакъ Папріархъ менѣе спарался

1270—1291.

1270—1291 разсѣять опасенія своихъ слушателей, нежели воспламенитъ ихъ отчаяніемъ. Онъ заключилъ рѣчь свою, убѣждая ихъ, ввѣрить себя Богу и своему мечу, приготовиться къ битвѣ покаяніемъ, любить другъ друга, оказывать взаимную помощь, содѣлать жизнь и смерть свою славными для себя, полезными для Христіанства.

Рѣчь Патріарха произвела на собраніе живѣйшее впечатлѣніе; повсюду раздавались вздохи и стенанія; всѣ утопали въ слезахъ; благочестивыя чувствованія, почти всегда пробуждаемыя видомъ великой опасности, наполняли всѣ сердца невѣдомымъ рвеніемъ и энтузіазмомъ; многіе обнимались, побуждаясь взаимно къ презрѣнію всѣхъ опасностей; исповѣдывали другъ другу свои прегрѣшенія и просили вѣнца мученическаго; даже тѣ, кои наканунѣ помышляли о бѣгствѣ, клялись, что не покинутъ города, и умрутъ на стѣнахъ съ своими братьями и товарищами.

Военачальники и солдаты идутъ потомъ занять посты, ввѣренные ихъ мужеству. Тѣ, кои не употреблены для обороны укрѣпленій и башенъ, приготовляются сразиться съ непріятелемъ, если онъ проникнетъ въ городъ; запираютъ всѣ улицы рогатками,

на кровляхъ и у дверей домовъ собираютъ кучи камней, чтобы остановить и засыпать ими Мусульманъ въ ихъ шествіи. 1270 — 1291.

Едва успѣли кончить эти приготовленія, какъ воздухъ огласился звуками трубъ и барабановъ; страшный шумъ, раздающійся на равнинѣ, возвѣщаетъ приближеніе Сарацинъ; пустивъ множество стрѣлъ, они устремляются на стѣну, которую разрушили наканунѣ. Тамъ встрѣтили они сопротивленіе, коего не ожидали; многіе обрѣли смерть внизу укрѣпленій; но число ихъ безпрестанно увеличивавшееся, нападенія ихъ безпрестанно возобновляемыя, долженствовали наконецъ истощить силы Христіанъ, всегда въ маломъ числѣ и неполучавшихъ никакого подкрѣпленія. Подъ вечеръ Птолемаидскіе защитники едва могли метать стрѣлы и дѣйствовать копьемъ. Стѣна снова обрушилась подъ ударами таранов; тогда раздались слова Патріарха, всегда присутствовавшаго на мѣстѣ опасности; «О «Боже! воскликнулъ онъ жалобно, огради «насъ стѣною, которой люди не могутъ «сокрушить, и осѣни насъ щитомъ Твоего «могущества!» При этомъ голосѣ, солдаты, казалось, ободрились и сдѣлали послѣднее усиліе; они бросались на встрѣчу непріятелю,

1270 – 1291. громко призывая *милосердаго Господа Іисуса Христа* (le benoist Jésus-Christ). Саррацины, присовокупляетъ наша лѣтопись, *призывали имя своего Магомета*, и произносили жесточайшія угрозы пропивъ защипниковъ Вѣры Христіанской.

Между тѣмъ, какъ дрались на спѣнахъ, городъ въ спрахѣ ожидалъ окончанія дѣла; волненіе умовъ пораждало множество разныхъ слуховъ, попеременно принимаемыхъ и опвергаемыхъ. Въ частяхъ самыхъ опдаленныхъ разсказывали, что Христіане одержали побѣду, и что Мусульмане обратились въ бѣгство; прибавляли, что съ Запада плыветъ флотъ съ войскомъ. За этими новостями, приносившими минупную радость, слѣдовали страшныя вѣсти, и во всѣхъ этихъ толкахъ было справедливо лишь то, что въ нихъ было плачевнаго.

Скоро узнаютъ, что Мусульмане вступили въ городъ. Христіанскіе воины, защищавшіе ворота Св. Антонія, не могли успоять пропивъ написка непріятеля, и бѣжали по улицамъ, прося помощи у народа. Тогда жители вспомнили увѣщанія Патріарха, и подкрѣпленія спѣшатъ со всѣхъ частей города; снова появляются рыцари Страннопріимнаго Ордена, предводимые храбрымъ Вильгельмомъ.

Градъ камней сыпался изъ домовъ; желѣзныя цѣпи были пропянупы на пупи Мусульманской конницы; успавшіе рапники оживляюпся и снова устремляюпся въ пылъ сраженія; приспѣвшіе къ нимъ на помощь, лепяпъ по слѣдамъ ихъ, врѣзываюпся въ полпы Мусульманъ, разсѣваюпъ ихъ и преслѣдуюпъ за самые окопы. Во всѣхъ эпихъ бояхъ видно все чпо можепъ сдѣлапь храбрость, соединенная съ опчаяніемъ. Глядя съ одной спороны на неизбѣжную гибель большаго города, съ другой на усилія малаго числа защипниковъ, ежедневно опдаляющихъ минупу разрушенія и смерпи, нельзя не опцупипь состраданія и не возъимѣпь удивленія. Приступы возобновлялись безпреспанно, и всегда съ одинакимъ ожесточеніемъ. Съ окончаніемъ каждаго дня, злополучные Пполемаидскіе жипели поздравляли другъ друга съ поржесшвомъ своимъ надъ непріяпелемъ; но на другой день, когда солнце снова появлялось на горизонпѣ, каковы были ихъ мысли, когда съ высопы укрѣпленій, они опять видѣли Мусульманскую рапь попрежнему, покрывавшую равнину опъ самаго моря до подошвы горъ Карубы и Кармеля.

Саррацины съ своей спороны были удивлены упорспвомъ, съ копорымъ Христіане

1270—1291. сопротивлялись всѣмъ нападеніямъ ихъ; сколько биппъ, въ коихъ многочисленныя полчища ихъ не успѣли пріобрѣсть никакой рѣшительной выгоды, начинали приводить ихъ въ уныніе. Въ Мусульманской рати не могли иначе объяснить себѣ непобѣдимаго мужества Христіанскихъ воиновъ, какъ приписывая его сверхъестественнымъ причинамъ. Множество чудесныхъ разсказовъ переносились изъ устъ въ уста, и поражали воображеніе невѣжественной толпы Мусульманъ. Они полагали, что въ каждомъ Христіанскомъ ратникѣ заключалось два человѣка (1); въ чрезмѣрномъ удивленіи своемъ, они воображали, что всякій воинъ, павшій подъ ихъ ударами, возраждался самъ собою, и потомъ снова являлся на полѣ сраженія гораздо мужественнѣе и страшнѣе. Каирскій Султанъ, казалось, потерялъ надежду взять городъ приступомъ. Утверждаютъ, что вѣроотступники, желавшіе гибели Христіанству, старались тогда пробудить въ немъ мужество; *Сиръ Вар-*

(1) Нѣмецкая лѣтопись *Ѳомы Эбендорфа* упоминаетъ о чудесныхъ разсказахъ, ходившихъ между Сарацинами. По словамъ этой лѣтописи, когда Христіанинъ умиралъ, *изъ его рта*, ex ore... *выходилъ другой. Два человѣка были въ одномъ тѣлѣ;* in uno corpore duo fuerunt homines.

Фоломей, поклявшійся въ вѣчной ненависти пропивъ Франковъ, слѣдовалъ за Мусульманскимъ войскомъ (1); эпопъ неумолимый перемепчикъ упопреблялъ всѣ свои усилія, чпобы ободрипь вождей, возбудипь ихъ къ бою, и возжечь въ сердцахъ ихъ буйныя спрасти, безпрестанно его преслѣдовавшія. Съ другой спороны Иманы и Шеики, пришедшіе въ спанъ Мамелюковъ, пробѣгали ряды воинспва, воспламеняли фанапизмъ рапниковъ: Сулпанъ грозилъ казнію всякому, кпо обрапипъ пылъ предъ непріятелемъ; онъ обѣщалъ чрезвычайныя награды пому, кпо водрузипъ знамя пророка уже не на спѣнахъ Пполемаидскихъ, но въ срединѣ города. 1270—1291.

14-го Мая, въ день пагубный для Христіанъ, подали знакъ къ новому приступу. Съ самаго разсвѣпа рапь Мусульманская спояла подъ оружіемъ; Сулпанъ одушевлялъ воиновъ своимъ присупспвіемъ. Нападеніе и оборона

(1) Арабскія лѣпописи говорятъ о Сирѣ *Телима* или *Варфоломеѣ*, который не переспавалъ возбуждапь ожесточеніе Саррацинъ. Западныя лѣпописи не упоминаютъ о помъ ничего; одна изъ нихъ говорипъ полько, что какой-по Франкъ, изгнанный изъ Пполемаиды за смерпоубійспво, удалился къ Египепскому Сулпану, и указалъ ему средспва взяпь городъ.

1270 — 1291. были произведены гораздо съ большимъ ожесточеніемъ и упорствомъ, нежели въ предшествовавшіе дни. Въ числѣ павшихъ на полѣ ратномъ, считали семь Мусульманъ на одного Христіанина; но Мусульмане могли вознаградить свои потери; потери Христіанъ были невозвратны. Саррацины опять направляли всѣ свои усилія противъ башни и воротъ Св. Антонія.

Они были уже въ проломѣ, когда рыцари Храма приняли смѣлую рѣшимость выйти изъ города, и напасть на лагерь Мусульманъ. Они нашли непріятельское войско въ боевомъ порядкѣ; послѣ кровопролитнаго сраженія, Саррацины опрокинули Христіанъ, и преслѣдовали ихъ до самыхъ укрѣпленій. Великій Магистръ Тампліеровъ былъ пораженъ стрѣлою и палъ посреди своихъ рыцарей. Великій Магистръ Спраннопріимцевъ въ то же самое время получилъ рану, которая принудила его оставить сраженіе. Тогда бѣгство сдѣлалось общее; потеряли всякую надежду спасти городъ. Оставалось едва тысяча Христіанскихъ воиновъ для защиты воротъ Св. Антонія, противъ всей Мусульманской рати.

Христіане принуждены были уступить многолюдству своихъ непріятелей; они направились къ дому Тамплiеровъ, расположен-

ному на берегу моря. Тогда смерпный покровъ распросперся надъ всею Пполемандою: Сарацины подавались впередъ полные яроспи; каждая улица обратилась въ позорище кровопролитія; бились за каждое укрѣпленіе, за каждый замокъ, при входѣ каждой крѣпостпи, и во всѣхъ этихъ сраженіяхъ убитпо столько людей, чтпо по словамъ одного Испорика, *ходили по трупамъ, какъ по мосту*. 1270—1291.

Въ пто же время, какъ будто разгнѣванное небо желало подать знакъ къ испребленію, поднялась надъ городомъ жестокая буря съ градомъ и дождемъ; горизонтъ вдругъ покрылся такою тьмою, что съ трудомъ могли различать знамена сражавшихся и видѣть, какая хоругвь развѣвалась еще на башняхъ; всѣ бѣдствія соединялись для разоренія Пполемаиды; пожаръ вспыхнулъ во многихъ частяхъ, и никто не забопился тушить его; побѣдители помышляли только о разрушеніи города, побѣжденные думали объ одномъ бѣгствѣ.

Народъ толпою бѣжалъ наудачу, не зная гдѣ найти пристанище. Цѣлыя семейства укрывались въ церквахъ, гдѣ гибли задушенныя пламенемъ или зарѣзанныя у подножія алтарей; монахини, робкія дѣвы смѣшивались съ толпою, скитавшеюся по городу,

1270—1291. или обезображивали себѣ грудь и лице (1), чтобы избѣгнуть насилія побѣдителей. Но среди зрѣлища, которое представляла тогда Птолемаида, плачевнѣе всего было бѣгство вождей, покидавшихъ народъ въ крайнемъ отчаяніи. Иванъ де Гресли и Оспъ де Грансонъ, едва показывавшіеся на спѣнахъ во время осады, бѣжали еще при самомъ началѣ сраженія. Множество другихъ, которые клялись умереть, при видѣ всеобщаго разрушенія, думали только о спасеніи

(1) Вадингъ, сочинитель Лѣтописи, подъ заглавіемъ: *Annales minorum*, t. II, pag. 585, приводитъ черту, о которой Св. Антоній упоминаетъ въ 3-й части своей *Somme Historique*. Сказавъ, что большая часть Францисканскихъ монаховъ были умерщвлены Сарацинами, онъ присовокупляетъ эти слова: «Но изъ «дѣвъ Св. Клары не спаслась ни одна.» Игуменья этого Ордена, отличавшаяся необыкновенною твердостію духа, узнавъ, что непріятель вступилъ въ городъ, созываетъ по звону колокола всѣхъ своихъ сестеръ, и силою словъ своихъ, убѣждаетъ ихъ сдержать обѣтъ, который дали онѣ Жениху своему Іисусу Христу, хранить постоянно свое дѣвство. «Любезныя мои дочери, добрыя мои сестры, говорила она, мы должны при этой неминуемой опасности, угрожающей нашей жизни и нашему цѣломудрію, «поставить себя выше нашего пола. Они близко «насъ, враги эти, но не столько близки нашего «тѣла, сколько нашей души; эти варвары, насыщая «скотскую страсть свою надъ тѣми, коихъ встрѣ-

своей жизни, и бросали оружіе для облегче- 1270—
нія себя въ бѣгствѣ. Исторія можетъ одна- 1291.
ко противопоставить этимъ малодушнымъ побѣгамъ нѣкоторыя черты истиннаго геройства. Конечно не забыли блистательныхъ подвиговъ Вильгельма Клермонтскаго. Посреди развалинъ Птолемаиды, посреди всеобщаго опустошенія, онъ еще вызывалъ на бой непріятеля; стараясь собрать нѣсколько Христіанскихъ воиновъ, Вильгельмъ бросился къ воротамъ Св. Антонія, оставленнымъ

«щими, прозваюшъ ихъ мечемъ. Въ отчаянномъ «положеніи нашемъ, мы не можемъ укрыть себя «бѣгствомъ отъ ихъ лютости; но мы можемъ сдѣ- «лать по рѣшимости, конечно тяжкою, но вѣр- «ною. Большая часть мущинъ плѣняется красотою «женщинъ; лишимъ себя этой прелести, потщемъ «средства для сохраненія нашего цѣломудрія, въ «томъ что служитъ поводомъ къ насилованію его. «Истребимъ нашу красоту, чтобъ сохранить не- «прикосновенною нашу дѣвственность: я подамъ «вамъ примѣръ; желающія явиться чистыми предъ «безсѣменнымъ Женихомъ своимъ, да послѣдуютъ сво- «ей Наставницѣ.» — При этихъ словахъ она отрѣзаетъ себѣ носъ бритвою; другія сдѣлали тоже, и обезображивали себя мужественно, говоритъ Историкъ, чтобы предстать предъ І. Х., еще прекраснѣе. Этимъ средствомъ они сохранили свою невинность, потому что Сарранины, увидя окровавленныя ихъ лица, почувствовали къ нимъ отвращеніе и изрубили всѣхъ до одной.

1270—1291. Тампліерами; онъ одинъ хочетъ возобновить бой, многократно пробивается сквозь ряды Саррацинъ, и возвращается на прежнее мѣсто, безпрестанно сражаясь; когда онъ опять пришелъ на средину города, «*конь* «*его* (мы списываемъ слова современной лѣ- «тописи) *и онъ самъ весьма утомились;* «*конь не слушался шпоръ, и останови-* «*лся въ улицѣ какъ бы совершен-* «*но изнемогшій. Саррацины ударами* «*стрѣлъ, повергли брата Вильгельма* «*на землю:* такъ этотъ благородный побор- «никъ Іисуса Христа отдалъ душу Творцу «своему. (Son dextrier fut molt las et lui-même aussi; le dextrier résista en contre les espérons, et s'arresta dans la rue comme qui n'en peut plus. Les Sarrasins, à coups de flèches, ruèrent à terre frère Guillaume: ainsi ce loyal champion de Jésus-Christ rendit l'âme à son Créateur). »

Нельзя отказать въ похвалахъ преданности Іерусалимскаго Патріарха, который во все продолженіе осады раздѣлялъ опасности рапниковъ; когда его увлекали къ пристани, чтобы укрыть отъ преслѣдованія Мусульманъ, этотъ великодушный старецъ горько жаловался на то, что его разлучаютъ въ самомъ пылу опасности съ его паствою; его принудили наконецъ сѣсть на корабль;

но такъ какъ онъ принималъ туда всѣхъ приходившихъ, корабль потонулъ, и вѣрный Пастырь погибъ жертвою своего человѣколюбія. 1270—1291.

Море было чрезвычайно бурное, суда не могли приблизиться къ землѣ; берегъ представлялъ зрѣлище, раздирающее душу: мать призывала своего сына, сынъ своего отца; многіе отъ отчаянія бросались въ волны; толпа силилась достигнуть кораблей вплавь; одни тонули еще не добравшись до судовъ, другихъ отталкивали ударами веселъ. Въ гавань пришли многія женщины знатнѣйшихъ фамилій съ своими алмазами и самыми драгоцѣнными вещами; онѣ обѣщали корабельщикамъ выйти за нихъ замужъ, отдаться имъ со всѣми своими богатствами, если они избавятъ ихъ отъ опасности; онѣ были перевезены на островъ Кипръ; состраданіе оказывали лишь тѣмъ, которые предлагали сокровища; такъ, когда слезы уже не трогали сердецъ, корысть заступила мѣсто человѣколюбія, и спасла еще нѣсколько жертвъ. Наконецъ Мусульманскіе всадники показались въ гавани; они преслѣдовали Христіанъ посреди самыхъ волнъ морскихъ: съ той поры никто не могъ спастись отъ кровопролитія.

1270— 1291. Однако посреди города, преданнаго пламени, грабительству и неистовствамъ побѣдителя, многія крѣпости еще держались, защищаемыя небольшимъ числомъ Христіанскихъ солдатъ; эти злополучные воины пали съ оружіемъ въ рукахъ, не имѣя другихъ свидѣтелей славной смерти своей, кромѣ неумолимыхъ враговъ.

Замокъ Храма, гдѣ собрались всѣ рыцари, избѣгнувшіе меча Саррацинъ, вскорѣ сдѣлался однимъ мѣстомъ въ городѣ, гдѣ еще сражались. Султанъ, согласившійся на капитуляцію, послалъ триста Мусульманъ для исполненія договора. Едва эти послѣдніе вступили въ одну изъ главныхъ башенъ, башню *Великаго Магистра*, какъ нанесли оскорбленіе укрывшимся тамъ женщинамъ. Это нарушеніе права народовъ до того раздражило Христіанскихъ воиновъ, что всѣ вошедшіе въ башню Саррацины немедленно сдѣлались жертвою столь справедливаго мщенія. Разгнѣванный Султанъ велѣлъ осадить Христіанъ въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ и предать всѣхъ мечу. Тампліеры и сотрапники ихъ защищались въ теченіе нѣсколькихъ дней; наконецъ башня *Великаго Магистра* была подрыта: она обрушилась въ то самое время, какъ Мусульмане всходили на приступъ;

нападавшіе и оборонявшіеся равномѣрно были раздавлены въ ея паденіи; женщины, дѣти, Христіанскіе воины, все что пришло искать убѣжища въ домѣ Тампліеровъ, погибло подъ развалинами. Всѣ Птолемаидскія церкви были осквернены, расхищены, преданы пламени; Султанъ приказалъ, разрушить главнѣйшія зданія, башни и укрѣпленія. 1270—1291.

Мусульманскіе солдаты выражали радость свою неистовыми криками; и эта радость побѣдителей составляла страшную противоположность съ отчаяніемъ побѣжденныхъ. Среди шумныхъ явленій побѣды, слышны были съ одной стороны вопли женщинъ, которыхъ варвары подвергали насилію въ своемъ станѣ, съ другой плачь уводимыхъ дѣтей. Отчаянная толпа бѣглецовъ, гонимая изъ развалинъ въ развалину, и не имѣя никакого пристанища, направилась къ ставкѣ Султана, просить у него милосердія; Халиль раздѣлилъ этихъ умоляющихъ Христіанъ своимъ Эмирамъ, которые приказали всѣхъ изрубить. Макризи простираетъ число сихъ злополучныхъ жертвъ до десяти тысячъ.

По взятіи и разрушеніи Птолемаиды, Султанъ послалъ одного изъ своихъ Эмировъ съ отрядомъ войска для овладѣнія Тиромъ; этотъ городъ, пораженный страхомъ, отперъ во-

1270—1291. рота безъ сопротивленія; побѣдители овладѣли также Бейрутомъ, Сидономъ и всѣми приморскими городами Христіанъ. Города эти, неоказавшіе пособія Птолемаидѣ, и полагавшіеся на покровительство перемирія, увидѣли свое народонаселеніе истребленнымъ, разсѣяннымъ, увлеченнымъ въ неволю; ярость Мусульманъ просперлась на самые камни, взрыли даже землю, которую попирали Христіане; ихъ домы, храмы, памятники ихъ искусства, благочестія и доблести, все было обречено погибнуть вмѣстѣ съ ними опъ меча и пламени.

Большая часть современныхъ Лѣтописей приписываютъ всѣ эти великія злоключенія согрѣшеніямъ Палестинскихъ жителей, и въ этомъ зрѣлищѣ разрушенія видятъ лишь дѣйствіе Божескаго гнѣва, который опять опалилъ надъ Ниневіею и Вавилономъ. Исторія не отвергаетъ этихъ легкихъ объясненій; но ей, безъ сомнѣнія, позволительно проникать гораздо далѣе въ дѣла человѣческія, и признавая посредничество небесъ въ политической судьбѣ народовъ, она должна въ то же время по крайней мѣрѣ знать средства, кои Провидѣніе употребляло къ возвышенію, къ сохраненію на нѣкоторое время, и наконецъ, къ разрушенію государствъ.

Мы показали въ нашемъ повѣствованіи до 1270—
какой степени честолюбіе вождей, непови- 1291.
новеніе воиновъ, буйныя страсти народа, растлѣніе нравовъ, духъ раздора и разврата, наконецъ духъ эгоизма и своекорыстія содѣйствовали къ ускоренію паденія и гибели царства Іерусалимскаго. Мы сдѣлаемъ здѣсь одно только общее замѣчаніе, которое относится къ нашему предмету, и не можетъ быть пропущено въ Исторіи Крестовыхъ походовъ.

Эта держава Франковъ была брошена среди Азіи какъ бы бурею, и не могла держаться собственными силами. Настоящія опоры царства Іерусалимскаго основались на Западѣ, и начало его сохраненія, источникъ его могущества находились внѣ его предѣловъ; безопасность этого государства зависѣла отъ стеченія обстоятельствъ, коихъ не могли предвидѣть его правители, отъ множества событій, происходившихъ внѣ его; оно зависѣло преимущественно отъ чувствованій и мнѣній, господствовавшихъ между отдаленными народами. Пока энтузіазмъ, основавшій Христіанскія колоніи поддерживался въ Европѣ, эти колоніи не теряли надежды продлить свое существованіе; величайшимъ бѣдствіемъ

1270 — 1291. ихъ (1) было равнодушіе народовъ, обитавшихъ за-моремъ; царство Іерусалимское началось вмѣстѣ съ Крестовыми походами, съ ними же долженствовало и кончиться.

Одна Мусульманская лѣтопись, описавъ опустошеніе береговъ Сиріи и изгнаніе Христіанъ, оканчиваетъ свое повѣствованіе этою странною мыслію: «*Вещи, если угодно Богу, сохранятъ сей порядокъ до Страшнаго Суда.*» Желанія Арабскаго Историка доселѣ слишкомъ хорошо исполнялись; Мусульмане уже пятьсотъ лѣтъ владѣютъ всѣми землями Христіанъ, и съ ними царствуетъ геній истребленія, господствовавшій въ войнѣ, нами описанной. Философъ, обозрѣвая эти опустошенныя страны, эти невоздѣланныя степи, эти разоренныя села, эти города безъ промышленности, безъ за-

(1) Изъ числа многихъ чудесныхъ разсказовъ, къ коимъ подало поводъ разрушеніе Христіанскихъ колоній въ Сиріи, Исторія сохранила слѣдующее: «Въ семъ 1291 году, домъ Пресвятой Богородицы въ Назаретѣ, въ которомъ зачала Она Сына Божія, былъ перенесенъ Ангелами на небольшую гору въ Далмаціи, на берегу Адріатическаго моря: спустя три года, этотъ домъ былъ перенесенъ на другой берегъ того же моря, въ лѣсъ, принадлежавшій одной вдовѣ, по имени *Лорета*. Въ послѣдствіи тамъ построили небольшой городъ и великолѣпный храмъ, кои сохранили понынѣ имя этой вдовы.

коновъ, почти безъ жителей, и сравнивая 1270—
ихъ съ тѣмъ состояніемъ, въ какомъ они 1291.
были во времена Крестовыхъ походовъ, конечно ощущаетъ глубокое чувство горести и сожалѣнія. Не останавливаясь на причинахъ, побуждавшихъ крестоносцевъ, не одобряя всего, что внушалъ имъ энтузіазмъ, нерѣдко безразсудный, онъ долженъ по крайней мѣрѣ признаться, что эти отдаленные походы могли произвести нѣкоторое добро, и если иногда они причиняли опустошеніе на берегахъ Сиріи, то они также принесли туда начала благодѣтельнаго просвѣщенія и образованности.

ИСТОРІЯ
КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

КНИГА XVI.

Покушенія новыхъ Крестовыхъ походовъ. Крестовый походъ противъ Турковъ.

1291 — 1396. Мы достигли конца блистательной эпохи Крестовыхъ походовъ, но еще не довершили нашего труда; любопытство Читателей, полагая много важности въ познаніи причинъ событій, равно цѣнитъ и познаніе вліянія, какое событія эти имѣли на законы, нравы и судьбу народовъ. Видѣвъ, какъ возникли столько страстей, и какъ пламенѣли ими въ теченіе двухъ вѣковъ Европа и Азія, кто не пожелаетъ также видѣть, какъ эти страсти мало по малу охлаждались; какія соображенія политики ослабили этотъ повсемѣстный энтузіазмъ; какія пользы, мнѣ-

нія, привычки замѣнили духъ священныхъ бра- 1291 —
ней. Здѣсь философія Исторіи озаритъ насъ 1396.
своимъ свѣтильникомъ, и покажетъ намъ вѣч-
ный ходъ дѣлъ человѣческихъ. Конецъ вели-
каго переворота можно, въ нѣкоторомъ отно-
шеніи, сравнить съ угасаніемъ жизни чело-
вѣческой; тогда только пожинаютъ плоды
долговременной опытности, тогда только,
какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, отражается про-
шедшее со всѣми его воспоминаніями и его
Уроками.

И такъ будемъ съ бодростію продолжать
прудъ нами начатый; если на поприщѣ, ко-
торое оспается пройти намъ, мало предме-
товъ, коихъ описаніе могло бы пробудить
обыкновенное любопытство, то по крайней
мѣрѣ умы просвѣщенные, безъ сомнѣнія съ
нѣкоторымъ участіемъ, будутъ наблюдать
вмѣстѣ съ нами за продолжительными от-
голосками революціи, которая потрясала міръ,
и коей слѣдствія долженствовали ощущаться
даже въ потомствѣ.

Когда вѣсть о взятіи Птолемаиды дошла
до Запада, Папа Николай IV занялся одним
лишь проповѣданіемъ Крестоваго похода.
Булла, обращенная ко всѣмъ вѣрнымъ, опла-
кивала въ прогательнѣйшихъ выраженіяхъ
послѣднія несчастія Христіанъ; чѣмъ горе-

1291 — 1396. спѣе были эпи злоключенія, пѣмъ усердѣе Папа опкрывалъ новымъ крестоносцамъ сокровищницу небесныхъ прощеній и церковныхъ *индульгенцій*. Оппущеніе грѣховъ на сто дней обѣщано было тому, кто будетъ присупествовать при поученіяхъ проповѣдниковъ Крестоваго похода, и прійдетъ въ церковь внимать спенаніямъ града Божія. Священные випіи получили позволеніе проповѣдывать походъ на Востокъ, даже въ мѣстахъ запрещенныхъ, и чтобы и самые великіе грѣшники могли быть приняты въ число крестовыхъ воиновъ, проповѣдникамъ дано право дѣлать нѣкоторыя разрѣшенія, дополѣ предоставленныя исключительно верховной власти Папскаго Престола.

Во многихъ областяхъ духовенство собралось по приглашенію Папы для совѣщанія о средствахъ возвратить Палестину Христіанству. Прелаты ревностно занимались симъ благочестивымъ порученіемъ, и чтобы обезпечить успѣхъ этого предпріятія, всѣ совокупно умоляли Первосвященника приложить всевозможное стараніе для возстановленія мира между Христіанскими Государями.

Многіе Монархи уже взяли крестъ; Николай послалъ къ нимъ Легатовъ, понуждая ихъ исполнить обѣтъ, который, казалось,

они забыли. Англійскій Король Эдуардъ, хо- 1291 —
пя взялъ десятую часть съ доходовъ духо- 1396.
венства на издержки Крестоваго похода, показалъ мало готовности оставить свои владѣнія, для возвращенія въ Азію. Императоръ Рудольфъ, обѣщавшій Папѣ, на совѣщаніи въ Лозанѣ, отправиться за-море, умеръ въ это время, занятый болѣе дѣлами Германіи, нежели дѣлами Восточныхъ Христіанъ. Николай IV представилъ Филиппу, что на него устремлены глаза Запада, и что примѣръ его можетъ увлечь все Христіанство; Первосвященникъ въ то же время побуждалъ Прелатовъ Французской Церкви присоединиться къ нему, для убѣжденія Короля, вельможъ и народа вооружиться противъ злов'ѣрныхъ.

Святый Отецъ не ограничился одними усиліями для пробужденія ревности Государей и народовъ Запада. Греческій Императоръ Андроникъ Палеологъ, Императоръ Требизондскій, Цари Армянскій, Грузинскій и Кипрскій получили его Апостольскія посланія, въ коихъ онъ возвѣщалъ имъ о близкомъ освобожденіи Святыхъ Мѣстъ. Такъ какъ Христіане въ своей скорби обращали иногда взоры на Тапаръ, два миссіонера были посланы ко Двору Аргона, съ порученіемъ

1291 — 1396. поднести Императору Монголовъ благословенія Первосвященника, и просить его могущественныхъ пособій противъ Мусульманъ. Усилія и убѣжденія Папы не успѣли вооружить Европу противъ Сарацинъ; современныя Лѣтописи повѣствуютъ, что Николай IV не могъ перенести такого равнодушія Христіанъ, и съ отчаянія умеръ. По смерти его, Конклавъ, не могъ согласиться въ выборѣ Главы Церкви, и Св. Престолъ оставался праздным въ теченіе двадцати семи мѣсяцевъ. Во время этого длиннаго промежутка, проповѣдалища, гдѣ гремѣли жалобы Восточныхъ Христіанъ, оставались безмолвны, и Западъ забылъ послѣднія злоключенія Святой Земли.

На Востокѣ дѣла Христіанъ не принимали благопріятнѣйшаго оборота. Распря, возникшая между Принцами Гайтонова дома, опустошала Армению, и подвергала ее нашествію варваровъ. Царство Кипрское, послѣднее убѣжище Франковъ, поселившихся въ Азіи, было обязано тогда кратковременною безопасностію лишь кровавымъ раздорамъ Египетскихъ Мамелюковъ, и, казалось, занято было только собственными опасностями. Но между тѣмъ, какъ Христіанство не помышляло болѣе объ освобожденіи Іерусa-

лима, Персидскіе Тапары, къ которымъ Папа послалъ миссіонеровъ, вдругъ оживили надежды Христіанъ, и вознамѣрились испортнуть у Мусульманъ Сирію и Палесшину, предпріятіе, которому для того, чтобъ быть Кресповымъ походомъ, не доставало полько провозглашенія Главою Церкви. 1291 — 1398.

Уже съ давняго времени Тапары угрожали Мусульманскимъ державамъ, кои считались непримиримѣйшими врагами Христіанъ. Аргонъ умеръ посреди пригоповленій къ грозной войнѣ. Эти пригоповленія до того всепревожили его непріятелей, что послѣдователи Магомета включили смерть Монгольскаго полководца въ число чудесъ, произведенныхъ въ пользу *исламизма*.

Между преемниками Аргона, бывшими попеременно друзьями и непріятелями Мусульманъ, явился вождь искусный, храбрый и болѣе всѣхъ другихъ одушевленный жаждою къ завоеваніямъ. Греческій Историкъ Пахимеръ и Армянинъ Гайтонъ приписываютъ большія похвалы мужеству, добродѣтели, даже благочестію Казана; этотъ Монгольскій Государь считалъ Христіанъ своими вѣрнѣйшими союзниками, и въ ополченіяхъ его, гдѣ служили Грузины, знамя Креста развѣвалось подлѣ знамени Императорскаго.

1291 — 1396. Завоеваніе береговъ Нила и Іордана занимало всѣ его мысли. Когда новые города возникали въ его владѣніяхъ, онъ любилъ давать имъ названія Алепа, Дамаска, Александріи, и многихъ другихъ городовъ Египетскихъ и Сирійскихъ.

Казанъ выступилъ изъ Персіи, предводительствуя войскомъ; Цари Армянскій и Грузинскій, Король Кипрскій, Тампліеры и рыцари Св. Іоанна, узнавъ о его намѣреніяхъ, присоединились къ его знаменамъ. Большое сраженіе дано близъ Эмесса; побѣда измѣнила Египетскому Султану, который лишился лучшей части своего войска и былъ преслѣдованъ до самой степи Армянскими всадниками.

Алепъ и Дамаскъ открыли ворота побѣдителямъ. Если вѣрить словамъ Историка Гайтона, Христіане вступили тогда въ Іерусалимъ, и Императоръ Татарскій посѣщалъ вмѣстѣ съ ними Гробъ Іисуса Христа.

Отсюда Казанъ отправилъ посланниковъ къ Папѣ и къ Европейскимъ Государямъ, прося ихъ союза и предлагая имъ обладаніе Святой Земли. Посреди многихъ странностей этого времени, нельзя не изумиться, видя, какъ Монгольскій Императоръ старается воскресить духъ Крестовыхъ походовъ между Хри-

спіанскими Государями; и какъ варвары, при- 1291 —
шедшіе съ береговъ Ирпыша и Яксарта, 1396.
ожидаюпъ на Голгоѳѣ и Сіонской горѣ Фран-
цузскихъ, Нѣмецкихъ и Италіянскихъ воиновъ,
чтобы раповать съ ними пропивъ враговъ
Іисуса Христа. Первосвященникъ принялъ
посланниковъ Казана, но на ихъ предложенія
и просьбы могъ отвѣчать одними только
обѣщаніями, кои остались безъ исполненія.
Высокомѣріе, съ которымъ Бонифатій VIII,
преемникъ Николая, обращался къ Христіан-
скимъ Государямъ, и его увѣщанія похожія
на приказанія, вооружили пропивъ него умы
Государей, особенно Французскаго Короля.
Генуа, обремененная тогда Церковнымъ за-
прещеніемъ, была единственнымъ городомъ въ
Европѣ, гдѣ дѣйспвительно говорили о Кре-
сповомъ походѣ, и по странному спеченію
обспоятельспвъ, Генуэзскія Дамы подали
пому знакъ и примѣръ.

До насъ дошла Папская граммапа, въ коей Свяпый Опецъ похваляепъ Дамъ за по, что они взяли кресптъ и послѣдовали примѣру Казана, Императора Таіпарскаго, *который, хотя язычникъ, возъимѣлъ благородное намѣреніе освободить Святую Землю.* Исторія сохранила два другія письма Папы, одно къ Поршеппо, Генуэзскому Архіепи-

1291 — 1396. скопу, другое къ четыремъ Генуэзскимъ Но-блямъ, коимъ поручено было распоряжаться ополченіемъ. «О диво! о чудо! писалъ онъ къ «Поршетто: слабый и немощный полъ упре-«ждаетъ воиновъ въ этомъ великомъ предпрія-«тіи, въ этой войнѣ пропивъ враговъ Христа, «въ этой борьбѣ пропивъ виновниковъ нече-«стія. Цари и Князья міра сего, безъ малѣй-«шаго вниманія ко всѣмъ убѣжденіямъ, опи-«казываются послать пособія Христіанамъ, «изгнаннымъ изъ Святой Земли, и вопъ «являются женщины, никѣмъ непризываемыя! «Откуда же могла произойпи эта велико-«душная рѣшимость, какъ не отъ Бога, «источника всякой силы и добродѣтели!!!»

Папа заключилъ письмо свое, приказывая Архіепископу собрать духовенство и народъ, и провозгласить преданность благородныхъ Генуэзскихъ Дамъ, дабы примѣръ ихъ могъ заронить въ сердца народовъ сѣмена добрыхъ подвиговъ.

Впрочемъ этотъ Крестовый походъ не состоялся; безъ сомнѣнія его проповѣдывали только для возбужденія соревнованія рыцарей, и Папа обратилъ на него вниманіе единственно для того, чтобы дать Христіанскимъ Государямъ урокъ, которымъ они не воспользовались. Въ архивахъ Генуэзской республики

долго хранились письма, писанныя по этому случаю Папою Бонифатіемъ VIII. Въ послѣднемъ вѣкѣ, еще показывали въ арсеналѣ этого города шлемы и латы, въ кои долженствовали облечься Генуэзскія Дамы, отправляясь заморе. 1291 — 1396.

Однако Татары, не смотря на свои побѣды, не могли восторжествовать надъ устройствомъ и твердостію Мамелюковъ, вышедшихъ подобно имъ изъ пустыни Скиѳіи. Монголамъ приключилось иногда, тоже, что почти всегда случалось съ Франками въ жару Крестовыхъ походовъ; сначала они одерживали большіе успѣхи, но обстоятельства, непринадлежащія къ священной войнѣ, отзывали ихъ въ свое отечество, и заставляли покинуть свои завоеванія. Казанъ былъ принужденъ оставить Сирію и возвратиться въ Персію; онъ предпринялъ второй походъ, который также бросилъ; во время третьяго, онъ умеръ посреди своихъ побѣдъ, унося въ гробъ послѣднія надежды Христіанъ.

Армянскіе и Кипрскіе воины вышли изъ Святаго Града, коего укрѣпленія они начали исправлять, и который не долженствовалъ болѣе видѣть въ стѣнахъ своихъ Крестоносныхъ знаменъ. Это послѣднее злоключеніе Восточныхъ Христіанъ, едва навѣстно было

1291 — 1396. въ Европѣ, гдѣ имя Іерусалима еще гремѣло въ бесѣдахъ вѣрныхъ, но уже не пробуждало воинственнаго энтузіазма рыцарей. На Соборѣ Вьенскомъ, Папа Климентъ V, провозгласилъ Крестовый походъ; но въ этомъ собраніи, на которомъ опредѣлено было уничтожить Тампліеровъ, слабо убѣждали Христіанъ, взять оружіе противъ зловѣрныхъ.

Первосвященникъ болѣе занимался тогда взиманіемъ десятины, нежели приготовленіями похода на Востокъ. Достойно замѣчанія, что Климентъ V счелъ необходимымъ въ этомъ обстоятельствѣ, предписать собирателямъ десятины соблюденіе умѣренности, и запретилъ имъ брать *утварь, книги и украшенія церковныя.* Это запрещеніе показываетъ, что насиліе часто управляло сборами налога, назначаемаго на расходы священныхъ браней; такое насиліе конечно содѣйствовало къ охлажденію ревности и усердія народовъ къ отдаленнымъ предпріятіямъ, слѣдствіемъ коихъ было разореніе Христіанскихъ городовъ и ограбленіе алтарей Іисуса Христа.

Между тѣмъ Европа съ нетерпѣніемъ ожидала тогда окончанія экспедиціи, предпринятой рыцарями Св. Іоанна Іерусалимскаго. Множество воиновъ, воодушевляемыхъ раз-

сказами о приключеніяхъ рыцарства и спра- 1291 —
спію къ военной славѣ, приняли участіе въ 1396.
предпріятіи Спраннопріимцевъ; даже жен-
щины желали раздѣлить бремя этого похода,
и продали свои алмазы и свои драгоцѣнно-
сти для покрытія издержекъ войны.

Войско новыхъ крестоносцевъ сѣло на ко-
рабли въ Бриндской гавани, и скоро узнали
на Западѣ, что рыцари Спраннопріимнаго
Ордена овладѣли островомъ Родосомъ.

Слава повсюду провозглашала подвиги
Спраннопріимцевъ и ихъ сотрудниковъ; эти
подвиги и удивленіе, внушаемое ими всему
Христіанству, естественно обращали вни-
маніе и воспоминаніе вѣрныхъ на Тампліе-
ровъ, которыхъ упрекали въ постыдномъ
спокойствіи, среди коего они забывали Свя-
тую Землю и Гробъ Іисуса Христа.

Рыцари Храма, сперва принятые на островъ
Кипръ, удалились въ Сицилію, гдѣ Король
употребилъ ихъ въ одной экспедиціи пропивъ
Грековъ. Соединясь съ Каталанцами и от-
рядами Италіянцевъ, эта воинственная дру-
жина овладѣла Ѳессалоникою, взяла Аѳины,
двинулась къ Геллеспонту и опустошила
часть Ѳракіи. Послѣ этой экспедиціи, Там-
пліеры пренебрегли обладаніемъ городовъ,
павшихъ въ ихъ власть, и оставивъ завое-

1291— 1386. ванныя области своимъ сорапникамъ, удержали при себѣ одни богатства побѣжденныхъ народовъ. Тогда-по обремененные добычею Греціи, они поселились на Западѣ, и преимущественно во Франціи, гдѣ ихъ сокровища, ихъ роскошь, ихъ праздность оскорбили благочестіе вѣрныхъ, пробудили зависть, возбудили ненависть народа и вельможъ.

Въ планъ этого сочиненія не входитъ разсмотрѣніе процесса Тампліеровъ; но слѣдовавъ за этими благородными рыцарями во всѣхъ войнахъ ихъ противъ Мусульманъ, бывъ столь долгое время свидѣтелями ихъ подвиговъ, и какъ спутники ихъ трудовъ, мы конечно пріобрѣли право сказать наше мнѣніе о тѣхъ обвиненіяхъ, кои направлены противъ нихъ. Прежде всего мы должны объявить, что до самой эпохи ихъ процесса, мы не нашли ни въ Восточныхъ, ни въ Западныхъ лѣтописяхъ ничего, что могло бы сдѣлать вѣроятнымъ или родить мысль и сомнѣніе о приписываемыхъ имъ преступленіяхъ. И подлинно, какъ можно повѣрить, чтобы военный и монашескій Орденъ, изъ среды котораго, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ, пристало рыцарей рѣшились лучше пасть отъ меча Мусульманъ на

развалинахъ Сафета, нежели принять Маго- 1291 —
метанскую вѣру, чтобы этотъ Орденъ, по- 1396
чти весь погребшій себя подъ развалинами Птолемаиды, могъ заключить союзъ съ зловѣрными, оскорбить Христіанскую Вѣру ужасными богохуленіями, и предать Саррацинамъ Святую Землю, наполненную ихъ подвигами и ихъ военною славою.

И въ какое время обременяютъ Тампліеровъ сколь ненавистными упреками? въ то время, когда Христіанство, казалось, забыло о Іерусалимѣ, когда имя Іисуса Христа уже не возбуждало мужества Христіанскихъ воиновъ. Безъ сомнѣнія, Орденъ Тампліеровъ упрашилъ строгость нравовъ первыхъ временъ, и болѣе не былъ одушевляемъ духомъ смиренія и набожности, превознесеннымъ Св. Бернардомъ; безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ его рыцарей принесли съ собою ту развращенность, которою укоряли тогда всѣхъ Восточныхъ Христіанъ, и которой сама Европа представляла имъ многочисленные примѣры; безъ сомнѣнія наконецъ, что нѣкоторые изъ нихъ могли оскорбить нравственность своимъ поведеніемъ, осквернить Христіанскую Вѣру развратомъ; но мы смѣло можемъ сказать, что не людямъ принадлежало судить ихъ, и что въ этомъ случаѣ,

1291 — 1396. милосердый Богъ Христіанъ не предоставлялъ человѣческимъ законамъ своего мщенія.

Настоящая вина Тамплiеровъ состояла въ томъ, что они покинули Востокъ и отступили отъ постановленій своего учрежденія, кои повелѣвали укрывать и покровительствовать поклонниковъ, сражаться противъ враговъ Христіанской Вѣры. Этотъ Орденъ, превосходившій богатствомъ могущественнѣйшихъ Государей, и котораго рыцари были подобны регулярному войску, всегда готовому къ бою, сдѣлался опасенъ для Монарховъ, предложившихъ ему убѣжище. Тамплiеры не были совершенно изъяты отъ упрековъ во время пребыванія своего на островѣ Кипрѣ; пріобыкши господствовать въ Палестинѣ, имъ трудно было подчинить себя повиновенію. Примѣръ Тевтонскихъ рыцарей, кои, оставя Востокъ, основали въ Сѣверной Европѣ державу, страшную для сосѣдственныхъ владѣній, не могъ успокоить Государей на счетъ воинственнаго духа, дѣятельнаго и предпріимчиваго генія рыцарей Храма.

Таковы были вѣроятно причины, вооружившія противъ нихъ болѣе политику, нежели правосудіе Государей; ничто столько не доказываетъ страха ими внушаемаго, какъ на-

силіе съ которымъ ихъ преслѣдовали, и ста- 1291 —
раніе сдѣлать ихъ ненавистными. Когда на- 1396.
чали гнать Тампліеровъ, въ нихъ видѣли только враговъ, съ коими надлежало поступать какъ съ злодѣями. Такъ какъ безпримѣрныя жестокости предшествовали ихъ уничтоженію, то хотѣли оправдать эту мѣру новыми жестокостями. Мщеніе и ненависть довершили начатое политикою Государей, политикою, которая, можетъ быть, имѣла нѣкоторыя причины быть недовѣрчивою, но никакихъ, чтобы явить себя безчеловѣчною. Такъ должно толковать печальный конецъ этого процесса, въ коемъ весь судебный порядокъ былъ до того нарушенъ, что если бъ даже всѣ обвиненія были доказаны, то можно было бы еще считать Тампліеровъ жертвами, а судей ихъ палачами (1).

Филиппъ *Красивый* обѣщалъ на Вьенскомъ Соборѣ отправиться на Востокъ проливъ зловѣрныхъ, безъ сомнѣнія, чтобы загладить злобу, съ которою онъ преслѣдовалъ рыцарей Храма. Посредствъ, данныхъ по

(1) Нельзя ничего прибавить къ ученымъ розысканіямъ Г. Ренуара о приговорѣ надъ Тампліерами. Мы отсылаемъ Читателей къ его сочиненію и къ *Оправдательнымъ Статьямъ* въ концѣ этой части, No IX.

1291— 1396. случаю прибытія Эдуарда въ Парижъ, Французскій Король взялъ крестъ съ Принцами своего Дома. Большая часть вельможъ Двора его послѣдовали его примѣру; Дамы дали слово сопутствовать рыцарямъ въ священной войнѣ; однако никто не готовился къ отъѣзду. Тогда дѣлали обѣты ѣхать за-море, не думая рѣшительно оставить свои жилища. Клятва, сражаться противъ Саррацинъ, казалась пустымъ обрядомъ, который ни къ чему не обязывалъ. Ее давали съ равнодушною вѣтренностію; такимъ же образомъ и нарушали, *не считая ее священнѣе тѣхъ обѣщаній, кои рыцари дѣлали Дамамъ.*

Филиппъ *Красивый* умеръ, вовсе не думая объ исполненіи своего обѣта; Филиппъ *Долгій*, его преемникъ, возъимѣлъ на минуту намѣреніе итти на Востокъ. Эдуардъ, уже нѣсколько разъ дававшій клятву сражаться противъ Саррацинъ, возобновилъ тогда свое обѣщаніе. Но Первосвященникъ, потому ли что сомнѣвался въ ихъ чистосердечіи, или имѣлъ надобность въ содѣйствіи этихъ двухъ Государей для возстановленія спокойствія въ Европѣ, и для сопротивленія Германскому Императору, противъ котораго онъ вооружился церковными проклятіями, или наконецъ, онъ считалъ время это неблагопріятнымъ,

не одобрилъ предпамѣреваемаго ими похода въ Сирію. Прежде, нежели помышлять о путешествіи за-море, писалъ онъ къ Англійскому Королю, я желалъ бы, чтобы вы утвердили спокойствіе, сперва въ вашей совѣсти, а потомъ въ вашемъ государствѣ. Папа представлялъ Французскому Королю, что миръ, столь необходимый для предпринятія Крестоваго похода, былъ почти совершенно изгнанъ изъ Христіанства. Англія и Шотландія находились въ войнѣ между собою; Нѣмецкія владѣнія въ несогласіи; Короли Сицилійскій и Неаполитанскій заключили между собою перемиріе только на коротkое время; взаимная недовѣрчивость препятствовала Царямъ Кипрскому и Армянскому соединить свои силы противъ общаго врага; Короли Испанскіе защищали свои владѣнія противъ Мавровъ; Ломбардскія республики возставали одна противъ другой; всѣ Испанскіе города раздирались партіями, области были добычею тирановъ, морской путь былъ рѣшительно прегражденъ, сухой представлялъ множество опасностей. Начертавъ эту картину плачевнаго состоянія Христіанства, Папа убѣждалъ Филиппа разсмотрѣть внимательно, какъ пополнять расходы Крестоваго похода, не разоряя народовъ, и *не покушаясь*, присовокупилъ

1291 — 1296.

1291—1396. онъ, *на невозможное, какъ то дѣлали прежде.*

Опеческіе совѣты Первосвященника, и мятежи, возникшіе внутри государства, побудили Филиппа отложить исполненіе своего намѣренія. Толпа пастуховъ, удальцевъ и бродягъ, надѣвъ, какъ во время плѣна Св. Людовика, поклонническій крестъ, собралась во многихъ мѣстахъ, начала преслѣдовать Жидовъ, и предалась самымъ преступнымъ неистовствамъ. Принуждены были употребить силу оружія и всю строгость законовъ, чтобы остановить эти безпорядки, для коихъ предлогомъ служилъ Крестовый походъ. Въ то же время многія Французскія области опустошались заразительною болѣзнію; обвинили Жидовъ, что они отравляютъ колодцы, съ намѣреніемъ прервать приготовленія къ священной войнѣ. Имъ приписали всякаго рода заговоры противъ Христіанъ; броженіе умовъ тѣмъ болѣе усиливалось, что подозрѣнія были неосновательны, и большая часть обвиненій не могла быть доказана, ни опровергнута. Политика не нашла другаго средства прекратить безпокойства, какъ принять участіе въ страстяхъ черни и выслать всѣхъ Жидовъ изъ государства. Среди этихъ злополучныхъ обстоятельствъ, Фи-

липпъ занемогъ и умеръ, раскаеваясь, что не исполнилъ даннаго обѣта воевать съ Сарра- 1291 — 1396.
цинами.

Удивительно, что при всемъ забвеніи, въ которое впали Крестовые походы, духъ Французовъ иногда еще порывался къ освобожденію Святыхъ Мѣстъ. Этотъ остатокъ энтузіазма, сохраняемый нашими предками среди повсемѣстнаго равнодушія, происходилъ не отъ однихъ только чувствованій благочестія, но отъ любви къ отечеству и чувства народной славы. Франція, какъ уже многократно мы замѣтили, первая дала движеніе священнымъ войнамъ. Имя Палестины, имена Сенъ-Жанъ-д'Акры или Птолемаиды и Іерусалима столько же возбуждали патріотизмъ, какъ и набожность. Хотя оба похода Людовика IX были злополучны, примѣръ Святаго Государя сильно дѣйствовалъ на Принцевъ его Дома, и часто обращалъ мысли ихъ къ мѣстамъ, гдѣ онъ снискалъ славу мученика. Воспоминаніе о его подвигахъ, даже его злоключеніяхъ, воспоминаніе о стольких герояхъ, умершихъ на берегахъ Нила и Іордана, занимали всѣ семейства въ государствѣ; и городъ, въ которомъ покоился прахъ Бодуина и Годфреда Бульонскаго, эти отдаленныя страны, гдѣ

1291—1296. дано сполько знаменитыхъ битвъ, не могли быть забыты Французскими воинами.

Послѣ смерти Филиппа *Долгаго*, прибыли въ Европу посланники Армянскаго Царя; Армянскій Государь, покинутый Татарами и угрожаемый Египетскими Мамелюками, просилъ пособій отъ Запада. Папа писалъ къ Карлу *Красивому*, преемнику Филиппа, и умолялъ его взять оружіе противъ зловѣрныхъ. Карлъ съ покорностію принялъ совѣты и увѣщанія Первосвященника, и занялся приготовленіями Крестоваго похода, какъ вдругъ вспыхнула война въ Нидерландахъ за наслѣдіе графства Фландрскаго. Съ того времени Франція обращала вниманіе только на происшествія къ ней близкія, и кои имѣли вліяніе на ея независимость и благосостояніе. Передъ своею кончиною, и въ такое время, когда государству уже нечего было опасаться, Карлъ *Красивый* вспомнилъ о своей клятвѣ, и послѣднія мысли его устремились къ освобожденію Іерусалима. «Завѣщаю, «сказалъ онъ, въ своей духовной, заплатить «и отдать, пятьдесятъ тысячъ ливровъ «Святой Землѣ, когда крестоносцы отправятся за-море; намѣреніе же мое есть, «если этотъ походъ совершится при жизни «моей, отправиться туда самому лично. (Je

Lègue à la Terre-Sainte, cinquante mille livres à payer et délivrer quand le passage général se fera, et est en mon entente, que si le passage se faisoit de mon vivant, de y aller en ma personne) (1). 1291—1396.

Такъ обнаруживался еще въ это время духъ Крестовыхъ походовъ; большая часть завѣщаній (2), дѣлаемыхъ тогда Государями и *богатыми людьми* (эти слова означали знатныхъ), заключали въ себѣ нѣкоторыя распоряженія въ пользу Святой Земли; но должно сказать также, что удобность пріобрѣтать за деньги заслуги спранствованія, много уменьшила число поклонниковъ и крестоносцевъ.

Между тѣмъ, какъ давали щедрою рукою сокровища для священной войны, никто не брался за оружіе. Однако оставалось еще

(1) Эта духовная Карла *Краснаго* приводится Дюканжемъ. Замѣчено, что на ней выставлено число 24-го Октября 1324 года, а Карлъ умеръ въ 1327 году; должно полагать, что число это выставлено неправильно, или что Карлъ *Красивый* не исполнилъ своего обѣщанія.

(2) Мы видѣли одно завѣщаніе этого времени, въ которомъ одинъ дворянинъ, изъ фамиліи Кастильоновъ, уже прославившейся во времена Крестовыхъ походовъ, назначаетъ сумму на издержки священной войны. Жаль, что мы не можемъ обнародовать этого Акта, доставленнаго къ намъ потомками этой самой фамиліи.

1291 — 1396. нѣсколько людей, надѣленныхъ живымъ воображеніемъ и пылкою душею, кои дѣлали неимовѣрныя усилія для воспламененія энтузіазма, гоповаго попухнупь. Чѣмъ болѣе увеличивалось равнодушіе народовъ, тѣмъ болѣе эти люди являли усердія и ревности въ своихъ проповѣданіяхъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ Апосполовъ Крестовыхъ войнъ, Исторія должна упомянупь о славномъ Раймондѣ Лулліѣ, одномъ изъ свѣтилъ школы среднихъ временъ (1).

Луллій во всю свою жизнь имѣлъ одну только мысль, сражапься съ зловѣрными и обращапь ихъ въ истинную Вѣру (2). По предложенію этого ревностнаго миссіонера, Соборъ Вьенскій опредѣлилъ учредипь въ Университепахъ Римскомъ, Болонскомъ, Парижскомъ и Саламанкскомъ каѳедры для Восточныхъ языковъ. Онъ предспавилъ Папѣ многія записки о средспвахъ уничпожипь

(1) Въ запискѣ объ участіи, которое принимали Испанцы въ Крестовыхъ походахъ, и которая читана въ Мадритской Академіи, описаны труды, приключенія и поѣздки Раймонда Луллія. Объ этомъ можно также читать въ *Церковной Исторіи* Флери.

(2) Эти подробности о Раймондѣ Лулліѣ, извлекли мы изъ Испанской диссертаціи о Крестовыхъ походахъ, о которой уже упоминали въ предъидущей книгѣ.

богослуженіе Магомета и владычество его послѣдователей. Луллій, безпрестанно занятый своимъ намѣреніемъ, совершилъ странствіе въ Палестину, прошелъ Сирію, Армінію и Египетъ, и возвратился въ Европу разсказывать злоключенія, плѣнъ и поношеніе Христіанъ за-моремъ. По возвращеніи своемъ, онъ посѣтилъ всѣ Западные Дворы, стараясь сообщить Государямъ чувствованія его одушевлявшія. Послѣ тщетныхъ усилій, ревность его увлекла на берега Африки, гдѣ онъ силился обратить своимъ краснорѣчіемъ тѣхъ самыхъ Саррацинъ, противъ которыхъ призывалъ оружіе Христіанскихъ воиновъ. Отправясь обратно въ Европу, онъ прошелъ Италію, Францію и Испанію, проповѣдуя повсюду необходимость Крестоваго похода. Онъ снова отплылъ въ Палестину, и принесъ изъ странствія своего полезныя свѣдѣнія о томъ, какъ вести войну въ земляхъ иновѣрческихъ. Всѣ его труды, розысканія, просьбы не могли разогрѣть холодности Государей и народовъ. Луллій, отчаясь наконецъ въ исполненіи своихъ намѣреній, и оплакивая ослѣпленіе современниковъ, удалился на островъ Маіорку, свою родину. Изъ глубины своего уединенія, онъ издавалъ еще записки о походѣ на Востокъ; но вскорѣ 1291—1396.

1291 — 1396. одиночество упомило его пылкій и безпокойный умъ; онъ оспавилъ Маіорку, не для пого, чпобы говорипь Европейскимъ Государямъ, невнимавшимъ ему, но Мусульманамъ, копорыхъ онъ надѣялся обрапипь въ вспинную Вѣру своими убѣжденіями. Онъ впорично опправился въ Аѳрику, и преперпѣлъ наконецъ, за свои поученія, спражданія и смерпь мученика.

Между пѣмъ, какъ Луллій спарался обрапипь мысли вѣрныхъ къ освобожденію Свяпыхъ Мѣспъ, одинъ благородный Венеціянинъ посвяпцалъ пакже жизнь и дарованія свои на по, чпобы воскресипь духъ Кресповыхъ походовъ. Санупи описываепъ пакъ первое свиданіе свое съ Папою: «Меня не «посылали, сказалъ онъ Первосвященнику, «ни Государь, ни Принцъ, ни республика; «по собспвенному побужденію припелъ я «къ спопамъ Вашего Свяпѣйшества пред«ложипь легкое средспво для низложенія «враговъ вѣры, для искорененія секпы Ма«гомепа и возвращенія Свяпой Земли. Мои «спранспвія въ Кипръ, въ Арменію, въ Еги«непъ, долговременное пребываніе въ Руме«ліи, доспавили мнѣ познанія и опыпноспь, «кои можно упопребипь въ пользу Хриспі-

«анспва (1).» По окончаніи этихъ словъ, Сануди представилъ Папѣ двѣ книги, одну въ красной оберткѣ, другую въ желтой, съ четырьмя географическими картами, изображавшими: первая, Средиземное море, другая землю и море, третья Святую Землю, четвертая Египетъ. Обѣ книги благороднаго Венеціянина содержали Исторію поселенія Христіанъ на Востокѣ и мудрые совѣты о предпріятіи Крестоваго похода. Его ревность, просвѣщенная опытностію, не позволяла ему пренебречь ни малѣйшими подробностями о дорогѣ, по которой надлежало итти, о мѣстѣ, на которое слѣдовало напасть, о числѣ войскъ, о вооруженіи и снабженіи съѣстными припасами кораблей. Онъ совѣтовалъ выйти на берегъ въ Египтѣ, и начать съ ослабленія могущества Каирскихъ Султановъ. Вѣрнѣйшее средство достигнуть того состояло въ томъ, чтобы извлекать прямо изъ Багда- 1291—1396.

да Индѣйскіе товары, получаемые Европейскою торговлею изъ городовъ Александріи и Даміетты. Сануди въ то же время совѣ-

(1) Смотри, что повѣствуетъ самъ Сануди въ книгѣ своей, изъ которой мы помѣстили выписку въ Bibliographie des Croisades (Collection de Bongars), Tome VI, pag. 128.

1291—1396. новалъ Первосвященнику, усугубить спросить запрещенія пропивъ плѣхъ, кои будутъ доставлять въ Египетъ оружіе, металлы, строевый лѣсъ, и все, что можетъ служить къ вооруженію флота или Мамелюкскаго ополченія.

Папа осыпалъ похвалами Санупи, и былъ его посредникомъ предъ многими Европейскими Монархами; Христіанскіе Государи, особенно же Король Французскій, приняли Санупи милостиво, хвалили его благочестіе и его дарованія, и не послѣдовали его совѣтамъ. Санупи обратился также къ Константинопольскому Императору, чтобы склонить его къ походу противъ зловѣрныхъ; онъ повсюду искалъ враговъ Мусульманамъ, и провелъ всю жизнь въ проповѣдываніи Крестоваго похода, столь же безуспѣшно, какъ и Раймондъ Луллій.

Ревность, упоминаемыхъ нами двухъ мужей, можно сравнить только съ ревностію Петра Пустынника; и попъ и другой имѣли болѣе ума, нежели монахъ Петръ; но они не могли заставить себя слушать и тщетныя усилія ихъ достаточно показываютъ, сколько перемѣнились времена. Петръ проповѣдывалъ въ городахъ и на народныхъ площадяхъ; и толпа, воспламеняемая его словами,

увлекала за собою высшее сословіе. Во вре- 1291 —
мена Луллія и Санупи, можно было обращать- 1396.
ся только къ Государямъ, и Государи, за-
нимаясь собственною своею пользою, мало
показывали энтузіазма къ предпріятіямъ, ка-
савшимся до всего Христіанства. Въ пер-
выя времена Крестовыхъ походовъ, освобо-
жденіе Святыхъ Мѣстъ было важнѣйшимъ
дѣломъ; одно имя Іерусалима имѣло довольно
силы, чтобы прекратить распри между Го-
сударями; позже, малѣйшая выгода зависти,
самолюбія или высокомѣрія тотчасъ оста-
навливала или совсѣмъ уничтожала священное
предпріятіе. Часто въ XII вѣкѣ, Папы и
простые проповѣдники, вооружаясь властію
Іисуса Христа, повелѣвали Государямъ взять
крестъ и ѣхать на Востокъ; въ XIII, особен-
но жъ въ XIV вѣкѣ, надлежало просить, хода-
тайствовать; и нерѣдко самыя униженныя
просьбы оставались безъ дѣйствія.

Такимъ образомъ стенанія Сіона уже не
потрясали сердецъ, и Христіанское красно-
рѣчіе оставалось безъ силы пропивъ зло-
вѣрныхъ. Для пораженія вниманія, нѣчто изъ
величія мірскаго долженствовало примѣши-
ваться къ убѣдительности благочестивыхъ
увѣщаній; и потому Европа, едва внимав-
шая проповѣдникамъ Крестоваго похода, ка-

1291 — 1396. залось, вдругъ оживилась съ прибытіемъ Короля Кипрскаго, пріѣхавшаго лично просить пособій у Христіанскихъ Государей. Папа, удалившійся тогда въ Авиньонъ, поспѣшилъ возвѣстить вѣрнымъ, что ко Двору его прибылъ Восточный Царь, и заклиналъ Западныхъ воиновъ вооружиться противъ Саррацинъ. Царь Кипрскій и Іерусалимскій описывалъ вторженія Мамелюковъ, успѣхи Турковъ, опасности, коимъ подвергаются его королевство, царство Армянское, островъ Родосъ, и не забывалъ многочисленныя гоненія противъ Христіанъ, оставшихся въ Сиріи и въ Египтѣ. Эти сказанія, исходившія изъ устъ Царскихъ, пробудили въ умахъ нѣкоторыя благородныя чувствованія. Составился союзъ между Первосвященникомъ, Французскимъ Королемъ и Венеціянскою республикою. Папа обнародовалъ *буллу*, которою повелѣвалъ Епископамъ проповѣдывать Крестовый походъ.

Филиппъ де Валуа созвалъ въ Парижѣ, въ придворной церквѣ, собраніе, гдѣ присутствовали Іоаннъ, Король Богемскій, Король Наваррскій, Герцоги Бургундскій, Бретанскій, Лотарингскій, Брабантскій, Бурбонскій, большая часть Французскихъ Прелатовъ и Бароновъ. Петръ де ла Палю, на-

именованный Іерусалимскимъ Папріархомъ, и 1291—
который прошелъ Египетъ и Палестину, 1596.
говорилъ рѣчь собранію о не обходимости
напасти на зловѣрныхъ и остановить успѣхи
владычества ихъ на Востокѣ. Филиппъ, уже
прежде возложившій на себя крестъ, возоб-
новилъ кляпву имъ данную, и такъ какъ
онъ располагалъ оставить государство, по
Бароны дали присягу въ повиновеніи его сыну,
Принцу Іоанну, поднявъ руки къ терновому
вѣнцу Искупителя. Іоаннъ Богемскій, Ко-
роль Наваррскій, множество Принцевъ и вель-
можъ приняли крестъ изъ рукъ Архіепископа
Руанскаго. Крестовый походъ проповѣды-
вали по всему государству; «и всѣмъ вла-
«дѣльцамъ была большая радость, говоритъ
«Фруассаръ, особенно тѣмъ, которые же-
«лали проводить время подъ оружіемъ, и не
«умѣли употребить его лучшимъ образомъ
(et venoist à tous seigneurs, moult grande plaisance
et spécialement à ceux qui vouloient le temps di-
spenser en armes, et qui adonc ne le savoient mie
bien raisonnablement employer ailleurs).»

Король Французскій послалъ къ Папѣ Архі-
епископа Руанскаго, восшедшаго въ послѣд-
ствіи на престолъ Св. Петра, подъ именемъ
Климента VI. Архіепископъ произнесъ въ
полномъ собраніи рѣчь о Крестовомъ походѣ,

1291 — 1396. и предъ лицемъ Всевышняго, объявилъ Папѣ, Римской Церквѣ, всему Христіанству, что Филиппъ де Валуа отъѣдетъ на Востокъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1336 года. Папа поздравилъ Французскаго Государя съ его рѣшимостью, и предоставилъ ему сборъ десятины въ теченіе шести лѣтъ. Обстоятельства эти переданы Филиппомъ Виллани, находившимся тогда въ Авиньонѣ, и который, упомянувъ въ своей Исторіи обѣщаніе, сдѣланное отъ имени Французскаго Короля, восклицаетъ: *и я, Историкъ, слышалъ клятву, о которой здѣсь говорю.*

Филиппъ отдалъ приказаніе, чтобы флотъ, собранный въ Марсельской гавани, готовъ былъ къ принятію сорока тысячъ крестоносцевъ. Эдуардъ, которому Крестовый походъ представлялъ легкій способъ взимать налоги, обѣщалъ сопутствовать съ войскомъ Французскому Королю въ походъ за-море. Большая часть Италіянскихъ республикъ, Короли Арагонскій, Маіоркскій, Венгерскій, брались доставить для похода денегъ, солдатъ и кораблей. Среди этихъ приготовленій, крестоносцы лишились того, кто ими управлялъ, и который былъ душею предпріятія. Все пресѣклось смертію Папы Іоанна XXI, и здѣсь по надлежитъ показать одну изъ причинъ,

уничпоживших въ XIII и XIV вѣкахъ споль многочисленныя покушенія перенесши войну на Воспокъ. Преемники Св. Пепра, почши всегда доспигая Папскаго преспола уже въ преклонныхъ лѣпахъ, не имѣли необходимой силы и дѣяпельносши для приведенія въ движеніе Хриспіанскаго міра, для управленія опдаленными войнами и воспламененія энпузіазма, копорый нѣкогда съ прудомъ удерживали, а нынѣ еще съ бо́льшимъ прудомъ возбуждали. Каждый Кресповый походъ пребовалъ долговременныхъ пригоповленій, и жизнь Первосвященника едва доспапочна была для окончанія споль великихъ предпріяпій. Весьма часпо случалось, чпо попъ, копорый проповѣдывалъ священную войну, не могъ быпь свидѣпелемъ опбыпія крespоносцевъ, и видѣвшій опбыпіе Хриспіанскихъ войскъ, жилъ не довольно долго, чпобы слѣдовапь за ними въ ихъ походахъ, направляпь ихъ къ побѣдамъ, помогапь имъ въ злоключеніяхъ. Такимъ образомъ никогда въ предпріяпіяхъ, соспавленныхъ обспояпельспвами, не находили связи и единспва, кои могли бы обезпечипь ихъ исполненіе и успѣхъ. Прибавьпе къ пому, чпо съ пого времени, какъ Папы переселились въ Авиньонъ, и пребываніе ихъ уже не находилось болѣе въ срединѣ Хри- 1291 — 1596.

1291 — 1396. спіанства, вліяніе ихъ на отдаленныя области уменьшилось, и власть ихъ съ каждымъ днемъ утрачивала частицу очарованія, привязаннаго къ одному имени Рима, который въ теченіе стольких вѣковъ считался столицею міра.

Между тѣмъ извѣстіе о Крестовомъ походѣ распространилось на Востокѣ; Христіане, обитавшіе въ Египтѣ и въ Сиріи, поклонники и купцы, прибывшіе изъ Европы, подвергались всякаго рода гоненіямъ. Каирскій Султанъ и многіе Князья Мусульманскіе собрали войска, или для сопротивленія крестоносцамъ, или даже для нападенія на Христіанъ на Западѣ. Одинъ изъ потомковъ Абассидовъ, который жилъ въ Египтѣ и принялъ званіе Калифа, разослалъ повсюду письма и посланія, чтобы побудить правовѣрныхъ взяться за оружіе, обѣщая мученикамъ Мусульманскаго закона, что ихъ ожидаетъ въ раю Магометовомъ роскошный пиръ, и что всякій изъ нихъ получитъ въ супруги семь дѣвъ.

Цѣль этого похода, проповѣдуемаго во имя Меккскаго пророка, состояла въ томъ, чтобы проникнуть въ Европу чрезъ Гибралтарскій проливъ; Мусульманскіе воины клялись уничтожить Христіанство и обратить въ конюшни всѣ храмы Христіанъ. По мѣрѣ

пого, какъ Саррацины воспламенялись шакимъ образомъ для похода, копорый шакже называли священною войною, въ Европѣ, ревносшь Государей и воиновъ, давшихъ обѣшъ сражашься пропивъ враговъ Іисуса Христа, слабѣла и гасла. Когда Бенедикшъ XI наслѣдовалъ Іоанну XXI, онъ нашелъ всеобщую перемѣну въ расположеніи умовъ; ненависшь, недовѣрчивосшь, зависшь заспупили мѣсто энпузіазма крашковременнаго и неискреннаго; напрасно Христіане, прибывшіе съ Восшока, разсказывали гоненія, ими прешерпѣнныя, и пригоповленія зловѣрныхъ пропивъ народовъ Запада; напрасно Папа продолжалъ дѣлашь увѣщанія и просьбы; чѣмъ болѣе имѣли причинъ для предпринятія Крешоваго похода, шѣмъ болѣе умы являли равнодушія, и казалось, удалялись опъ мысли сражашься съ Саррацинами. Въ эпо время, инокъ Андрей Анпіохійскій, пришелъ въ Авиньонъ съ намѣреніемъ просишь помощи у Папы и Христіанскихъ Государей. Филишъ Валуа прибылъ ко Двору Первосвященника объявишь, что онъ опсрочилъ спранспвіе свое на Восшокъ; эшопъ Государь садился на лошадь, чшобы ѣхашь обрашно въ Парижъ, какъ инокъ Андрей предспалъ предъ нимъ и сказалъ ему: «Ты ли Филишъ, Король Фран- 1291 — 1396.

1291 — 1396. «цузскій, обѣщавшій Богу и Церкви освобо-
«дить Святую Землю?» Король отвѣчалъ:
«Да!» — Монахъ продолжалъ: «Если ты намѣ-
«ренъ исполнить твое обѣщаніе, молю Іисуса
«Христа направить стопы твои и даровать
«тебѣ побѣду; но если начатое тобою пред-
«пріятіе обратится лишь къ стыду и бѣд-
«ствію Христіанъ, если ты не рѣшился довер-
«шить его съ помощію Бога, если ты обма-
«нулъ святую Каѳолическую Церковь, Пра-
«восудіе Божіе отяготѣетъ надъ твоимъ до-
«момъ, надъ твоимъ государствомъ, и кровь,
«которую прольетъ вѣсть о твоемъ походѣ,
«возстанетъ на тебя.» Король, пораженный
столь странною рѣчью, отвѣчалъ: «Братъ
«Андрей, ступай съ нами;» и инокъ возразилъ
безъ малѣйшаго замѣшательства и вдохновен-
нымъ голосомъ: «Если бъ ты шелъ на Востокъ,
«я указалъ бы тебѣ путь; но ты идешь на
«Западъ, и я оставляю тебя. Я пойду обра-
«тно каяться во грѣхахъ моихъ въ ту землю,
«которую ты предаешь Сарранинамъ.»

Такова еще была власть витій, говорив-
шихъ именемъ Іерусалима, что послѣднія слова
инока Андрея породили смятеніе и сомни-
тельность въ умѣ могущественнаго Монарха;
но возникли новыя политическія бури. Эду-
ардъ III, объявилъ свои притязанія на пре-

сполъ Капетовъ; честолюбіе его подало 1291—
знакъ къ войнѣ, которая длилась болѣе вѣка 1396.
и пролила величайшія бѣдствія на Францію.
Филиппъ, тѣснимый опаснымъ непріятелемъ,
принужденъ былъ отказаться отъ похода
своего за-море, и употребить для защиты
собственнаго государства войска и флотъ,
собранныя имъ для освобожденія наслѣдія
Іисусъ-Христова.

Не смотря на то, Папа не оставилъ
намѣренія священной войны. Поэтъ Пет-
раркъ, находившійся тогда при Дворѣ Авиньон-
скомъ, явилъ себя однимъ изъ самыхъ жаркихъ
Апостоловъ Крестоваго похода; этотъ зна-
менитый Стихотворецъ, въ которомъ те-
перь мы видимъ только остроумнаго Пѣвца
прекрасной Лауры, и котораго почитали
тогда достойнѣйшимъ истолкователемъ му-
дрости древнихъ, свѣтильникомъ своего вѣка,
написалъ краснорѣчивое письмо къ Венеціян-
скому Дожу, убѣждая его вооружиться про-
тивъ Мусульманъ. Нѣкоторыя Италіянскія
владѣнія соединили свои силы для похода на
Востокъ. Одна лѣтопись Графовъ Азонскихъ
упоминаетъ, что изъ Милана вышло множе-
ство крестоносцевъ въ бѣлой одеждѣ съ
краснымъ крестомъ; флотъ, снаряженный Пер-
восвященникомъ, Венеціянскою республикою

1291 — 1396. и Королемъ Кипрскимъ, объѣздилъ Архипелагъ и взялъ нечаяннымъ нападеніемъ городъ Смирну, гдѣ крестоносцы скоро осаждены были въ свою очередь Турками. Папскій Легатъ и многіе рыцари погибли при одной вылазкѣ, что побудило Первосвященника упребить новыя усилія для возбужденія ревности Крестоваго похода. Въ это время Дофинъ провинціи Вьенуа, Гумбертъ II, рѣшился взять крестъ, и прибылъ ко Двору Авиньонскому умолять Папу, чтобы *назначилъ его предводителемъ священнаго похода противъ Турковъ, и противъ всѣхъ непокорныхъ Римской Церкви* (lui octroyer d'être capitaine du saint voyage contre les Turcs, et contre les non féaux de l'église de Rome). Гумбертъ легко обрѣлъ то, чего просилъ и возвратился въ свои владѣнія готовиться къ походу. *Онъ отчудилъ другимъ свои помѣстья, продалъ привилегіи дворянству, увольненіе городамъ;* собралъ значительныя суммы съ Жидовъ и съ Итальянскихъ купцевъ, поселившихся въ Вьенуа, попребовалъ дани опъ всѣхъ подданныхъ, которые не сопутствовали ему въ походѣ, и отплывъ со стами рапниковъ, пустился въ Азію искать счастія завоевателей или вѣнца мучениковъ. Онъ не нашелъ

ни того, ни другаго, и возвратился въ Европу безъ славы и обремененный долгами. 1291 — 1396.

Исторія представляетъ намъ Гумберта II, Принцемъ слабымъ, непостояннымъ и нерѣшительнымъ. Сперва онъ разорилъ себя расточительностію, потомъ издержками Крестоваго похода; соскучась свѣтомъ и дѣлами, онъ наконецъ отдалъ Французской коронѣ свое княжество, которое было въ залогѣ у Филиппа Валуа, и удалился въ Доминиканскій монастырь. Чтобы утѣшить его въ томъ, что онъ не завоевалъ Египта, или другой какой-либо страны у зловѣрныхъ, Папа далъ ему титло Александрійскаго Патріарха, а Французскій Король, чтобы заставить Гумберта забыть Дофинетъ, именовалъ его Архіепископомъ Реймскимъ.

Таковы были событія и послѣдствія этого Крестоваго похода, возникшаго, по случаю прибытія въ Европу Гуга Люзиньяна, Короля Кипрскаго. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, этотъ Государь вторично прибылъ просить Первосвященника; въ это время большая часть Государей были въ войнѣ между собою, и Папа, будучи не въ состояніи ничего сдѣлать для Короля Кипрскаго, возъимѣлъ странную мысль наименовать его Римскимъ Трибуномъ. Гугъ Люзиньянъ при-

1291 — 1396. нялъ эпу должность и умеръ въ Италіи, не успѣвъ послать никакого пособія на Востокъ.

Война была погда не единственнымъ бичемъ, опустошавшимъ свѣтъ; зараза присоединилась къ ужасамъ оружія; эта зараза, называемая *Черною немочью* (La peste noire), и которая зародилась на большой плоскости Татаріи, прошла всѣ страны Востока и Запада, и похитила въ немногіе годы принадцать милліоновъ человѣкъ (1). Историки замѣтили, что бичь этотъ держался въ гибельномъ шествіи своемъ пути, по которому купцы привозили въ Европу Индійскія произведенія, и поклонники возвращались изъ Палестины.

Когда зараза прекратила свои опустошенія, война возобновила всѣ свои ужасы. Плачевное состояніе, въ которое раздоръ погрузилъ погда Европу, особенно Францію, заставляло сожалѣть о временахъ, въ кои

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Подробное описаніе пути и проявленія этой жестокой язвы, въ шествіи своемъ коснувшейся всѣхъ странъ Европы, можно видѣть въ *Исторіи Государства Россійскаго* (Г. Карамзина), томъ 4, глава X. Нельзя не поразиться сходствомъ, которое представляетъ эта болѣзнь въ своемъ ходѣ и въ своихъ опустошеніяхъ съ современною намъ заразою, *Холерою*, похитившею такое множество жертвъ въ Европѣ съ 1830 года.

проповѣдываніе Крестоваго похода укрощало всѣ страсти и останавливало всѣ непріязненныя дѣйствія. Папа многократно покушался возстановить миръ: сначала онъ обратился съ просьбою къ Англійскому Королю; попомъ угрожалъ ему церковными проклятіями; но голосъ Отца вѣрныхъ былъ заглушенъ шумомъ оружія. 1291—1296.

Филиппъ Валуа умеръ среди страшной борьбы Франціи съ Англіею. Потеря сраженія при Пуатье и плѣнъ Короля Іоанна были предвѣстіемъ величайшихъ неустройствъ, какія когда-либо обуревали государство въ средніе вѣки. Заговоры Короля Наваррскаго, происки вельможъ, заблужденія народа, бѣшенство крамольныхъ партій, кровавыя явленія *Жаковъ* (Jacquerie) распространяли ужасъ и отчаяніе въ столицѣ и въ областяхъ. Когда Франція наконецъ истощила свои сокровища для выкупа свободы Короля Іоанна, присутствіе ея Государя не могло возвратить спокойствія, необходимаго для заглажденія ея несчастій. Солдаты обоихъ народовъ, оставленные безъ жалованья и неимѣвшіе пристанища, соединились въ вооруженныя шайки, и подъ именемъ *бѣлыхъ дружинъ* (compagnies blanches), рыскали по государству, не уважая ни приказаній Ко-

1291 — 1396. роля, ни Папскихъ прокляпій, и причиняя повсюду наглость, убійство и опустошеніе. Все что уцѣлѣло опъ меча Англичанъ, опъ жадносши собирателей налоговъ, спановилось добычею эпихъ разбойниковъ, коихъ число возраспало по мѣрѣ ихъ безнаказанносши и неисповсшвъ. Поля осшавались невоздѣланными; всѣ пупи порговли пресѣклись; ужасъ и нищепа царспвовали въ городахъ. Такимъ образомъ прекращеніе непріяпельскихъ дѣйспвій, не принесло никакого облегченія бѣдспвіямъ народа, и безпорядки, возникшіе въ мирное время, были гораздо несперпимѣе преперпѣнныхъ въ войнѣ.

Среди сихъ злополучныхъ обспояпельспвъ, Петръ, сынъ Гуга Люзиньяна, прибылъ, по примѣру своего опца, просипь пособій у Христіанскихъ Государей пропивъ зловѣрныхъ, и внушилъ Урбану V, намѣреніе возбудипь новый Крестовый походъ. Можепъ быпь онъ надѣялся, что разспроенное союзніе, въ копоромъ находилась Франція, предспавипъ ему средспво набрапь войска, и что онъ можепъ обрапипь пропивъ своихъ враговъ на Востокѣ всѣ эпи воинспвенные порывы, опустошавшіе государспво.

Петръ Люзиньянъ предлагалъ напасть на земли Каирскихъ Султановъ, которыхъ вла-

дычеспво проспиралось на самый Іеруса- 1291—
лимъ. Христіанспво имѣло погда между Му- 1396.
сульманскими племенами враговъ гораздо опас-
нѣйшихъ, нежели Египепскіе Мамелюки. Тур-
ки, повелипели Малой Азіи, перешли чрезъ
Геллеспонпъ, просперли свои завоеванія до
хребпа *Гемусъ* (Балкана), и упвердили
сполицу своего государспва въ Адріанополѣ;
безъ сомнѣнія, эпого-по врага наиболѣе над-
лежало спрашипься; но Турки причиняли
сильныя безпокойспва полько въ областяхъ
ими захваченныхъ или угрожаемыхъ. При Дво-
рѣ Авиньонскомъ, гдѣ съ Кипрскимъ Царемъ
находились Короли Французскій и Датскій,
вовсе не занимались ни впорженіемъ ихъ въ
Румелію, ни опасноспями Конспанпинополя;
но попереюю Христіанскихъ поселеній въ Си-
ріи, и порабощеніемъ, въ коемъ спенялъ
градъ Іисуса Христа.

Пепръ Люзиньянъ говорилъ съ жаромъ о вой-
нѣ пропивъ зловѣрныхъ и объ освобожденіи
Свяпыхъ Мѣспъ; Король Іоаннъ слушалъ его
съ учаспіемъ и кончилъ пѣмъ, чпо, забывъ
собспвенныя несчаспія, занялся бѣдспвіями
Христіанъ за-моремъ. Король Датскій Валь-
демаръ III, равномѣрно былъ пронупъ сло-
вами и разсказами Короля Кипрскаго. Папа
произнесъ проповѣдь о Кресповомъ походѣ

1291 — 1396. предъ прежде Государями; тогда была Спрасспиная недѣля; воспоминаніе о Спраданіяхъ Іисуса Христа, казалось, придавало еще болѣе силы словамъ Первосвященника, и когда онъ началъ оплакивать злоключенія Іерусалима, Государи, ему внимавшіе, не могли удержать слезъ, и поклялись итти сражаться противъ Саррацинъ.

Должно полагать конечно, что Французскій Король взялъ крестъ, увлеченный чувствомъ набожности и краснорѣчіемъ Папы; но вѣроятно и политика имѣла нѣкоторое дѣйствіе на его рѣшимость. Духъ священной войны, если бы успѣли возбудить его, долженствовалъ укротить или потушить раздоры и страсти, возженные переворотомъ и гражданскою бранею. Король Іоаннъ могъ надѣяться, что соединитъ подъ знаменами Крестоваго похода, и уведетъ за-море *бѣлыя дружины*, коихъ не могла покорить власть его; Первосвященникъ равномѣрно съ нетерпѣніемъ желалъ, чтобы удалились эти шайки разбойниковъ, которыя не уважали его духовнаго могущества и грозили взять его въ плѣнъ въ Авиньонѣ.

Многіе владѣтели, Иванъ Артуа, Графы Эвскій, и Даммартенъ, Графъ Танкарвильскій, Маршалъ Бусико, послѣдовали примѣру Короля

Іоанна. Кардиналъ Талейранъ де Перигоръ былъ наименованъ Папскимъ Легатомъ въ Крестовомъ походѣ. Король Датскій обѣщалъ присоединить свои силы къ Французамъ. Для ободренія его ревности, Первосвященникъ подарилъ ему часть Честнаго Креста и многія другія мощи, коихъ видъ долженствовалъ безпрестанно напоминать ему о священномъ дѣлѣ, которое поклялся онъ защищать. Вальдемаръ III, прибылъ ко Двору Авиньонскому отдать свою державу подъ покровительство Папскаго Престола; онъ произнесъ всѣ клятвы, какія отъ него потребовали: но *буллы*, полученныя имъ отъ Урбана за его покорность, не могли возстановить мира въ его владѣніяхъ, и безпокойства, возникшія по возвращеніи его, заставили его забыть свои обѣщанія. 1291—1396.

Кипрскій Король съ самыми убѣдительными одобреніями Папы, посѣтилъ всѣ Европейскіе Дворы; повсюду удивлялись ревности и рыцарскому краснорѣчію героя и проповѣдника Крестоваго похода; но онъ получилъ одни пустыя обѣщанія для своего предпріятія, и безполезныя привѣтствія его преданности, которая не нашла подражателей.

Французскій Король, одинъ изъ всѣхъ Христіанскихъ Государей, казалось, дѣйстви-

1291 — 1396. тельно занимался Кресповымъ походомъ. Урбанъ V, однако жъ, мало довѣрялъ пвердоспи его намѣренія: онъ грозилъ оплученіемъ опъ Церкви всякому, кпо будепъ спарапься опвраппипь его опъ священнаго предпріяпія. Всѣ эпи предоспорожноспи Первосвященника, примѣръ Короля и *индульгенціи* Кресповаго похода, не могли принудипь народъ вооружипься, ни побудипь бѣлыя дружины *оставить Палату;* пакъ называли дружины Государспво, опуспошаемое ихъ разбоями. Время сближалось къ сроку, назначенному для похода, и ничего не было гопово; не имѣли ни флопа, ни войска. Тогда Король Іоаннъ умеръ въ Лондонѣ, куда возвраппился онъ предспавипь себя заложникомъ на мѣспо Герцога Анжуйскаго, ушедшаго изъ пюрмы, и можепъ быпь пакже, чпобы избавипься опъ забопъ предпріяпія, для исполненія копораго онъ не имѣлъ никакого средспва, и копорому не могъ дапь успѣшнаго направленія.

Папа препепалъ въ Авиньонѣ, и занимался полько удаленіемъ эпихъ опасныхъ шаекъ, коихъ предводипели называли себя *друзьями Бога и врагами всего міра.* Исторія повѣспвуепъ, чпо онъ испрапилъ, дѣйспвуя пропивъ нихъ, небольшое количеспво денегъ,

собранное для Крестоваго похода, и этимъ возбудилъ сильный ропотъ. Тогда-то Германскій Императоръ, Карлъ IV, по согласію съ Венгерскимъ Королемъ, предложилъ взять *бѣлыя дружины* на свое жалованье и отправить ихъ противъ Турковъ. Если бы намѣреніе это сбылось, мы могли бы тогда присовокупить имя Бертрана Дюгесклена ко всѣмъ знаменитымъ именамъ, украшающимъ страницы этой Исторіи; герой Бретанскій, долженствовалъ быть начальникомъ войскъ, отправляемыхъ противъ Мусульманъ на берега Дуная. Первосвященникъ писалъ къ нему многія письма, чтобы склонить его принять участіе въ Крестовомъ походѣ; но намѣреніе Карла IV было наконецъ брошено, и Дюгесклень повелъ *бѣлыя дружины* въ Испанію. 1291 — 1396.

Однако Король Кипрскій успѣлъ набрать подъ свои знамена большое число удальцевъ изъ всѣхъ сосѣдствій, привыкшихъ жить посреди опасностей, и которыхъ влекла за нимъ надежда ограбить богатѣйшія страны Востока. Венеціянская республика не пренебрегла принять участіе въ походѣ, гдѣ торговля ея могла пріобрѣсть великія выгоды. Петръ Люзиньянъ получилъ также пособія отъ храбрыхъ Родоскихъ рыцарей, и по воз-

1291 — 1396. вращеніи на оспровъ Кипръ, опправился моремъ, предводительспвуя десяпью тысячами человѣкъ для исполненія своихъ бранныхъ намѣреній пропивъ зловѣрныхъ. Крепспоносцы, коимъ Папа послалъ Легапа, напали на Александрію, копорую заспигли почпи безъ всякой защипы. По заняпіи крѣпоспи, Кипрскій Король хопѣлъ памъ укрѣпиться и ожидапь Каирскихъ войскъ; воины его и союзники не могли успоять пропивъ желанія ограбить цвѣпущій городъ, и спрапась попомъ нечаяннаго нападенія со спороны Мамелюковъ, зажгли Александрію и оспавили ее въ четверпый день по завоеваніи. Не побѣдивъ Мусульманъ, ихъ полько ожесточили. Послѣ поспѣшнаго опбыпія крепспоносцевъ, Египепскій народъ, внимая лишь гласу мщенія и ненависпи, предался всякаго рода насиліямъ пропивъ Христіанъ, жившихъ въ Египпѣ. Захвапили, по повелѣнію Каирскаго Сулпана, все, что принадлежало Венеціянамъ; Мамелюки, пригоповивъ флопъ, угрожали сдѣлапь въ свою очередь высадку на оспрова Родосъ и Кипръ. Тогда снова обрапились съ просьбою къ Западнымъ народамъ; Папа приглашалъ всѣхъ Христіанскихъ Государей вооружиться пропивъ невѣрныхъ; но никпо изъ нихъ не согласился

надѣпь крестъ, и Кипрскій Король одинъ должент былъ выдерживапь войну, которую самъ возбудилъ. 1291—1396.

Между тѣмъ ревность къ Крестовымъ походамъ замѣнилась въ умѣ воиновъ спра-спію отличаться и обогапить себя рыцар-скими предпріяпіями и опважными походами, къ коимъ всегда примѣшивались нѣкоторыя воспоминанія о священныхъ войнахъ. Генуэз-цы, возъимѣвъ намѣреніе перенести войну на берега Варварійскіе, коихъ жители раз-бойничали на Средиземномъ морѣ, просили вождя и войскъ у Французскаго Короля. При первой молвѣ объ этомъ предпріяпіи, изъ всѣхъ областей устремились толпы во-иновъ, палимыхъ желаніемъ показапь свою храброспь: Графъ Овернскій, Сиръ де Куси, Гуи де ла Тримуйль, Мессиръ Иванъ Вьен-скій, Адмиралъ Франціи, добивались чести ипіти сражапься съ зловѣрными въ Аѳрикѣ; пысяча четыреспа рыцарей и владѣльцевъ, подъ начальствомъ Герцога Бурбонскаго, опправились въ Генуу, опкуда оппылыли на корабляхъ республики; Французы и Генуэз-цы, одни руководимые любовію къ добычѣ и славѣ, другіе болѣе существенною коры-спію торговли, шли на войну за-море какъ на пиръ. «Прекрасно и пріятно было видѣпь,

1291 — 1396. «говоритъ Фруассаръ, порядокъ выступленія «войскъ, эти знамена, значки и прапоры, «хорошо и богато изукрашенные гербами «владѣльцевъ, развѣваемые вѣтромъ и бле- «стящіе отъ лучей солнца, и слышать эти «гремящія трубы и рожки; прочіе Менестре- «ли играли на флейтахъ, свирѣляхъ и гуд- «кахъ, такъ что звуки эти и говоръ огла- «шали все море (Moult grande beauté et plaisance fut de voir l'ordonnance du partement, et comment ces bannières, pennons et ces estrammières, bien et richement armoyés des armes des seigneurs, ventelloient au vent et resplendissoient au soleil, et d'ouir ces trompettes et ces claronceaux retentir et bondir; austres ménestriers faisant leur métier, de pipes, de chalemelles et de macaires, tant que du son et de la voix qui en issoient, retentissoit toute la mer).» Проведя нѣсколько дней въ плаваніи, Христіанское войско прибыло на Варварійскій берегъ и осадило городъ *Африку* (Afrique). Жители противопоставили имъ нѣкоторое сопротивленіе, и не постигая, по какой причинѣ нападаетъ на нихъ непріятель, вовсе имъ неизвѣстный, и о которомъ они никогда не слыхали, они послали нарочныхъ въ станъ къ Христіанамъ спросить, что побудило ихъ явиться подъ ихъ стѣнами; Генуэзцы безъ сомнѣнія напомнили послан-

ными о разбойничествахъ, производимыхъ по Средиземному морю и даже до самыхъ береговъ Италіи; но рыцари не могли дать никакого предлога, и конечно запруднялись въ отвѣтѣ на вопросъ осажденныхъ. Фруассаръ, описавшій эту экспедицію, говоритъ, что Герцогъ Бурбонскій собралъ Совѣтъ изъ главнѣйшихъ вождей, и послѣ совѣщанія о вопросѣ, сдѣланномъ Саррацинами, послалъ къ нимъ отвѣтъ, который приводимъ здѣсь на старомъ языкѣ того времени: «Ceux qui «demandoient pourquoi on leur faisoit la guerre, «devoient savoir que leur lignée et génération avoi- «ent mis à mort et crucifié le fils de Dieu nom- «mé et appelé Jésus-Christ, et qu'on vouloit amender «sur eux ce fait et méfait. De plus ils ne croyoi- «ent point au saint baptême, ni à la Vierge Marie, «mère de Jésus-Christ; pourquoi toutes ces choses «considérées, on tenoit les Sarrasins et toute leur «secte pour des ennemis (Вопрошающіе, почему мы ведемъ съ ними войну, должны знать, что ихъ предки и ихъ племя умертвили и распяли Сына Божія, именуемаго и называемаго Іисусомъ Христомъ, и что ихъ хотятъ карать за это дѣло и преступленіе. Сверхъ того, они не вѣруютъ во Святое Крещеніе, ни въ Дѣву Марію, Матерь Іисуса Христа, почему взирая на все это, счи- 1291 — 1396.

1291 — 1396. шаемъ Саррацинъ (и всю ихъ секпу своими врагами).» Осажденные не могли быпь совершенно удовлепворены подобнымъ объясненіемъ; «и попому,» присовокупляепъ простосердечный Фруассаръ, «они полько ему «смѣялись, говоря, чпо оно несогласно съ «здравымъ смысломъ и съ испиною, и пѣмъ «болѣе, чпо Жиды распяли сего Іисуса «Христа, а не они.»

Французскіе рыцари имѣли болѣе мужеспва, нежели образованносши, и лучше знали сражапься, нежели разсуждапь. Они продолжали осаду и дали нѣсколько приспуповъ; но во всѣхъ своихъ нападеніяхъ вспрѣчали сильное сопропивленіе. Однако они были убѣждены, чпо небо имъ покровипельспвуепъ и должно произвесши чудеса для обезпеченія имъ побѣды. Въ спанѣ ихъ разсказывали,, чпо опрядъ женщинъ, въ бѣлой одеждѣ, явился посреди сражавшихся, и распространилъ ужасъ между зловѣрными. Говорили о какомъ-по чудномъ псѣ, копораго Богъ послалъ Христіанскимъ воинамъ, какъ неусыпнаго спража, и копорый многокрапно охранилъ ихъ опъ внезапнаго нападенія Мусульманъ. Мы повпоряемъ здѣсь эпи чудесные разсказы для пого, чпобы дапь поняпіе о духѣ рыцарей, кои видѣли однѣхъ Дамъ въ пакомъ обспоя-

пельствѣ, гдѣ первые крестоносцы видѣли бы только Свяпыхъ и Ангеловъ. Сказка о дивномъ псѣ служипъ доказапельствомъ пому, чпо Французскіе воины совсѣмъ не охраняли своего спана, и продолжали осаду съ большею храбростію, нежели благоразуміемъ. Дали нѣсколько сраженій, въ коихъ опважнѣйшіе лишились жизни. Жары климапа и времени года породили заразипельныя болѣзни. По мѣрѣ пого, какъ умножались вокругъ ихъ препяпспвія, рвеніе осаждающихъ съ каждымъ днемъ ослабѣвало. Раздоръ поселился въ Христіанскомъ войскѣ, гдѣ Французы и Генуэзцы взаимно укоряли другъ друга въ своихъ бѣдспвіяхъ: зима приближалась, перяли всякую надежду покорипь крѣпоспь; Герцогъ Бурбонскій рѣшился сняпь осаду, и возвраппипься въ Европу съ своими рыцарями и солдапами. 1291—1396.

Въ печеніе нѣсколькихъ мѣсяцевъ во Франціи не имѣли никакого извѣспія объ эпомъ походѣ; соверпали крестные ходы и чинили молебспвія во всѣхъ обласпяхъ, моля Бога о возвращеніи крестоносцевъ. Древнія лѣпописи упоминаюпъ, чпо «Г-жа де Куси, Г-жа «Сюлли, Дофина Оверпская, и всѣ Французскія Дамы, имѣвшія своихъ мужей въ эпомъ «походѣ, были въ сильной превогѣ во все

1291 — 1396. «время, пока онъ продолжался, и когда по-«лучили извѣстіе, что войска уже обратно «переправились чрезъ море, всѣ онѣ весьма «обрадовались.»

Этотъ походъ, который возбудили Генуэзцы, въ намѣреніи предохранить торговлю отъ грабительства морскихъ разбойниковъ, увеличилъ только зло, которому хотѣли помочь; мщеніе, негодованіе и страхъ вооружили повсюду злов ѣрныхъ противъ Христіанъ. Изъ всѣхъ Африканскихъ гаваней корабли вышли въ Средиземное море и прервали сообщенія съ Европою; перестали получать товары, обыкновенно привозимые изъ Дамаска, Каира, Александріи, и современные Историки оплакиваютъ, какъ великое бѣдствіе, *невозможность*, въ коей находились Франція и Германія, *добывать себѣ пряности.*

Война, возникшая между Египтомъ и царствомъ Кипрскимъ, продолжалась съ обѣихъ сторонъ съ одинакимъ ожесточеніемъ. Между тѣмъ, какъ Султанъ Каирскій угрожалъ послѣднимъ Христіанскимъ поселеніямъ на Востокѣ, Кипрскій Король и Родоскіе рыцари сѣяли ужасъ по всѣмъ берегамъ Сиріи; въ одномъ набѣгѣ они овладѣли городомъ Триполи и предали его пламени. Торпоза, Ла-

одикея, Белина преперпѣли такую же участь: 1291 —
эпоптъ образъ веспи войну въ спранѣ, ко- 1396.
порую желали завоевапть и освободипть, раз-
жегъ повсюду яросптъ Мусульманскихъ наро-
довъ, ни мало не ободривъ надеждъ и мужества
заморскихъ Христіанъ. Спранствія на покло-
неніе во Свяпую Землю пресѣклись, и въ
печеніе многихъ лѣпъ, никпо изъ Христіанъ
Европейскихъ не могъ посѣпипть Іерусалима.

Между пѣмъ Египепскій Сулпанъ, послѣ
пщепныхъ усилій опмспипть за Александрій-
скую экспедицію, заключилъ миръ съ Кипр-
скимъ Королемъ и Родоскими рыцарями. Усло-
вились, чпобы всѣ плѣнные возвращены были
съ обѣихъ спорон, и чпобы Король Кипр-
скій получалъ половину поплинъ, собираемыхъ
съ поваровъ, привозимыхъ въ Тиръ, Бейрупъ,
Сидонъ, Александрію, Іерусалимъ и Дамаскъ.
Въ договорѣ устаповили дань, коперую дол-
женспвовали плапипть богомольцы, призываe-
мые набожностію въ Свяпую Землю. Египеп-
скій Сулпанъ возвращилъ рыцарямъ Св. Іоанна
домъ, нѣкогда принадлежавшій имъ въ Іеру-
салимѣ, и Христіане получили дозволеніе
исправипть церкви Св. Гроба, Виѳлеемскую,
Назарепскую, и пр. и пр.

Европа опвела погда свои взоры опъ мѣспъ
возбуждавшихъ споль долгое время набож-

1291 — 1396. ность и энтузіазмъ ея, чтобы обратить ихъ на страны, занятыя или угрожаемыя Турками. Въ концѣ XI вѣка мы видѣли, какъ орды этого племени разсѣялись и утвердили владычество свое во всей Азіи. Конечно не забыли, что ихъ нашествіе на Палестину, ихъ жестокое господство во Святомъ Градѣ подвигнуло Христіанство и возбудило Первый Крестовый походъ. Держава ихъ, уже простиравшаяся до Никеи, и уже причинявшая безпокойства Грекамъ, была ниспровергнута побѣдоносными воинствами Запада. Турки, о коихъ мы говоримъ здѣсь, и коихъ начали страшиться Христіане въ концѣ XIV вѣка, происходили отъ Татаръ, какъ и предшествовавшіе имъ. Воинственныя племена ихъ, поселившіяся въ Хивѣ, были изгнаны оттуда преемниками Чингисъ-Хана; и остатки этого честолюбиваго народа, опустошивъ Сирію и Месопотамію, пришли за нѣсколько лѣтъ до перваго Крестоваго похода Св. Людовика, искать пристанища въ Малой Азіи.

Слабость Грековъ и несогласіе Мусульманскихъ владѣтелей, позволили имъ завоевать многія области и основать новое государство посреди развалинъ многихъ имперій. Ужасъ, внушаемый дикою и звѣрскою ихъ храбростію, способствовалъ ихъ успѣхамъ и

опкрылъ имъ путь въ Грецію. Скоро страны, 1291—
бывшія колыбелью просвѣщенія, искусствъ и 1396.
наукъ, покорились законамъ деспотизма Оттоманов.

Нѣтъ сомнѣнія, что деспотизмъ, извѣстный когда въ Азіи, и существующій еще въ наши времена, есть одно изъ самыхъ зыбкихъ постановленій человѣческихъ. Жестокія мѣры его, для своего сохраненія, ясно доказывали, что онъ самъ сознаетъ свою непрочность. Видя, какъ онъ приноситъ въ жертву всѣ законы природы своимъ собственнымъ законамъ, безпрестанно держитъ мечь подняпый надъ всѣмъ, что къ нему приближается, ощущаетъ въ себѣ болѣе страха, нежели самъ его внушаетъ, можно заключить, что онъ не имѣетъ настоящей опоры. Читая Восточную Исторію среднихъ вѣковъ, мы удивляемся, взирая на всѣ эти имперіи, воздвигнутыя геніемъ деспотизма въ Азіи, и которыя исчезаютъ внезапно съ поприща міра, и падаютъ почти безъ сопротивленія. Но, должно сказать, когда это чудовищное правленіе (1) опирается на понятія вѣры, на предразсудки и страсти

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Нынѣ правленіе Оттоманов во многомъ измѣнилось, благодаря просвѣщенной волѣ царствующаго Султана Махмуда II.

1291 — 1396. великаго народа, оно имѣетъ также свое сильное народное вліяніе; оно есть также, говоря принятымъ нынѣ образомъ изъясненія, выраженіе всѣхъ волей, и ничто не можетъ противиться его дѣйствію, ни остановить развитія его могущества.

Такъ возникла имперія Оттомановъ, движимая ненавистію противъ Христіанъ, желаніемъ завоевать Греческую имперію, и поддерживаемая сугубымъ фанатизмомъ вѣры и побѣды. Турки имѣли только два понятія, или лучше двѣ страсти, безпрестанно дѣйствующія, замѣнявшія у нихъ любовь къ отечеству: расширять свое владычество и распространять Мусульманскую вѣру. Честолюбіе, побуждавшее властителя покорять Христіанскія области, было честолюбіемъ всего народа, привыкшаго обогащаться всѣми насильствами войны, и который полагалъ, что исполняетъ самую священную заповѣдь Корана, истребляя родъ невѣрныхъ. Если Государь принужденъ былъ безпрестанно возжигать набожный энтузіазмъ и воинственный жаръ подданныхъ, то подданные въ свою очередь держали Государя въ непрерывной дѣятельности. Неограниченный повелитель Оттомановъ могъ безнаказанно дѣлать всякія злодѣянія; но онъ не могъ жить

долгое время мирно съ сосѣдями, не под- 1291—
вергая опасности власти и жизни своей. 1396.
Турки не терпѣли Государя миролюбиваго,
ни Государя несчастнаго въ войнѣ: столь
сильно были они убѣждены, что должны все-
гда сражаться и всегда побѣждать. Отто-
манскій народъ, наиболѣе плѣняемый завоева-
ніями, хотѣлъ повиноваться только завоева-
телю, и если соглашался быть рабомъ, трепе-
тать предъ властелиномъ, то съ единствен-
нымъ условіемъ, чтобы этотъ всесильный
властелинъ распространилъ внѣ ужасъ сво-
его оружія и наложилъ оковы на всѣ прочіе
народы.

Оттоманская династія, которая началась
съ Турецкимъ народомъ, и дала ему свое
имя, эта династія, всегдашній предметъ по-
читанія, и уважаемая самимъ мятежемъ, пред-
ставляла своимъ постоянствомъ зрѣлище но-
вое на Востокѣ. Она показала свѣту рядъ
великихъ Государей, которые почти всѣ
имѣютъ въ Исторіи одинакій характеръ, и
сходны между собою въ гордости, честолю-
біи и военныхъ дарованіяхъ: это доказываетъ,
что всѣ эти варварскіе герои образовались
народными нравами, и что у Турковъ не
было другаго способа быть великимъ. Мо-
жно судить, какую выгоду приносило это

1291 — 1396. созвучіе между подданными и Государемъ Оттоманскому народу въ его войнахъ противъ Христіанъ и даже противъ другихъ народовъ Мусульманскихъ.

Тогда, какъ Европа имѣла для своей защиты только войска ѳеодальныя, собиравшіяся въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, и которыхъ не возможно было удержать долгое время подъ знаменами, Оттоманы были единственнымъ народомъ, имѣвшимъ всегда подъ оружіемъ постоянную армію. Воины ихъ, всегда одушевляемые одинакимъ духомъ, имѣли сверхъ того преимущество *дисциплины* предъ неповинующимся рыцарствомъ Франковъ, безпрестанно волнуемымъ несогласіями, и обуреваемымъ множествомъ различныхъ страстей.

Такъ какъ народонаселеніе Турковъ не всегда достаточно было для войскъ ихъ, они принуждали каждое семейство завоеванныхъ областей отдавать пятаго изъ дѣтей мужескаго пола въ военную службу. Такимъ образомъ они брали подать съ Христіанскаго народонаселенія, и сыны изнѣженныхъ Грековъ, содѣлались ѣми непобѣдимыми Янычарами, которые въ послѣдствіи осадили Византію и разрушили до основанія Имперію Цесарей. Таковъ былъ новый народъ,

аго Короля Сигизмунда, были счастли- 1291 —
когда, прибывъ ко Двору Французскому, 1396.
прибѣгнули къ мужеству рыцарей и
ювъ. Карлъ VI еще не отказался, если
ь современнымъ Историкамъ, предпри-
какое-либо великое предпріятіе про-
враговъ Вѣры: «чтобы искупить, го-
итъ Фруассаръ, души своихъ предше-
енниковъ, Короля Филиппа, блаженной
ипи, и Короля Іоанна, своего дѣда.»
ерскіе посланцы съ особеннымъ искус-
мъ дали замѣтить въ словахъ своихъ,
Турецкій Султанъ презираетъ Христі-
ое рыцарство; этого достаточно было,
бы воспламенить рвеніе Французскихъ
овъ; и когда Король объявилъ, что
ѵпаетъ въ союзъ противъ злов҃рныхъ,
что дышало въ государствѣ рыцарскою
ростію, устремилось къ оружію. Боль-
часть Бароновъ и владѣльцевъ, участво-
ихъ въ несчастномъ Африканскомъ по-
, не хотѣли потерять сего новаго слу-
показать свое мужество. Начальникъ
й храброй дружины былъ Герцогъ Не-
кій, сынъ Герцога Бургундскаго, моло-
Принцъ, который неустрашимостью
о, заслужилъ въ послѣдствіи проимено-
Іоанна Безстрашнаго (Jean-sans-Peur).

1291 — созвучіе между подданными и Государ
1396. Оттоманскому народу въ его войнахъ і
пивъ Христіанъ и даже противъ дру
народовъ Мусульманскихъ.

Тогда, какъ Европа имѣла для своей
щины только войска феодальныя, соби
шіяся въ извѣстныхъ обстоятельства
и которыхъ не возможно было удерж
долгое время подъ знаменами, Оттома
были единственнымъ народомъ, имѣвш
всегда подъ оружіемъ постоянную ар
Воины ихъ, всегда одушевляемые одинак
духомъ, имѣли сверхъ того преимущест
дисциплины предъ неповинующимся
царствомъ Франковъ, безпрестанно воли
мымъ несогласіями, и обуреваемымъ мно
ствомъ различныхъ страстей.

Такъ какъ народонаселеніе Турковъ
всегда достаточно было для войскъ и
они принуждали каждое семейство завоев
ныхъ областей отдавать пятаго изъ дѣт
мужескаго пола въ военную службу. Таки
образомъ они брали подать съ Христіанска
народонаселенія, и сыны изнѣженныхъ Г
ковъ, содѣлались этими непобѣдимыми Ян
чарами, которые въ послѣдствіи осади
Византію и разрушили до основанія Им
рію Цесарей. Таковъ былъ новый народ

герскаго Короля Сигизмунда, были счастли- 1291 —
вѣе, когда, прибывъ ко Двору Французскому, 1396.
они прибѣгнули къ мужеспву рыцарей и
Бароновъ. Карлъ VI еще не отказался, если
вѣрить современнымъ Историкамъ, предпри-
нять какое-либо великое предпріятіе про-
тивъ враговъ Вѣры: «чтобы искупить, го-
«ворятъ Фруассаръ, души своихъ предше-
«ственниковъ, Короля Филиппа, блаженной
«памяти, и Короля Іоанна, своего дѣда.»
Венгерскіе посланцы съ особеннымъ искус-
ствомъ дали замѣтить въ словахъ своихъ,
что Турецкій Султанъ презираетъ Христі-
анское рыцарство; этого достаточно было,
чтобы воспламенить рвеніе Французскихъ
воиновъ; и когда Король объявилъ, что
вступаетъ въ союзъ противъ злов҃рныхъ,
все, что дышало въ государствѣ рыцарскою
храбростію, устремилось къ оружію. Боль-
шая часть Бароновъ и владѣльцевъ, участво-
вавшихъ въ несчастномъ Африканскомъ по-
ходѣ, не хотѣли потерять сего новаго слу-
чая показать свое мужество. Начальникъ
этой храброй дружины былъ Герцогъ Не-
верскій, сынъ Герцога Бургундскаго, моло-
дой Принцъ, который неустрашимостью
своею, заслужилъ въ послѣдствіи проимено-
ваніе *Іоанна Безстрашнаго* (Jean-sans-Peur).

1291 — 1396. Въ числѣ прочихъ вождей отличались Графъ де ла Маршъ, Генрикъ и Филиппъ де Баръ, родственники Французскаго Короля, Филиппъ Артуа, Конетабль королевства; Иванъ Вьенскій, Адмиралъ; Сиръ де Куси, Гуи де ла Тримуйль и Маршалъ Бусико, котораго имя встрѣчаемъ при описаніи всѣхъ современныхъ ему войнъ.

Всѣ понятія о славѣ, всѣ чувствованія вѣры и рыцарства прививались къ этому предпріятію. Военачальники разорились, чтобы приготовиться къ походу и изумить Востокъ своимъ великолѣпіемъ; народъ молилъ небо объ успѣхѣ ихъ оружія. Уже сравнивали походъ новыхъ крестоносцевъ съ походомъ Годфреда Бульонскаго, и современные Поэты прославляли близкое освобожденіе Святой Земли.

Французская рать, въ которой считали тысячу четыреста рыцарей и столько же оруженосцевъ, прошла Германію и увеличилась на пути множествомъ воиновъ, пришедшихъ изъ Австріи и Баваріи. По прибытіи ихъ на берега Дуная, они нашли все Венгерское и Богемское дворянство подъ оружіемъ. Сигизмундъ, осматривая многочисленныя войска, спѣшіяся сражаться противъ Турковъ, воскликнулъ въ порывѣ радости:

«Если бы небо упало, то копья Христіан- 1291—
«ской рати поддержали бъ его въ паденіи.» 1396.

Никогда война не начиналась подъ столь счастливыми предзнаменованіями. Не только духъ рыцарства собралъ великое число воиновъ подъ знамена Креста; но еще многіе приморскіе народы Италіи вооружились для защиты торговли своей на Востокѣ. Венеціянскій флотъ, предводимый Ноблемъ Мосениго, соединился съ кораблями Греческаго Императора и Родоскихъ рыцарей, недалеко отъ устья Дуная, и флагъ Франкскій долженъ былъ торжествовать въ Геллеспонтѣ, пока Христіанское войско пойдетъ противъ Константинополя.

Лишь только данъ былъ знакъ къ войнѣ, ничто не могло противостать стремительной храбрости крестоносцевъ; повсюду они били Турковъ, овладѣли многими Болгарскими и Сербскими городами, и обложили городъ Никополь: счастливы были бы они, если бы эти первые успѣхи не внушили имъ слѣпой увѣренности въ побѣдѣ!

Французскіе рыцари, всегда находившіеся впереди Христіанской рати, не могли повѣрить, чтобы Баязетъ осмѣлился напасть на нихъ, и когда ихъ увѣдомили, что Султанъ идетъ съ своимъ войскомъ, они наказали дерз-

1291 — 1396. каго, который принесъ первый этто извѣстіе. Между тѣмъ Оттоманская рать перешла чрезъ хребетъ Гемусъ и приближалась къ Никополю. Когда обѣ рати были въ виду одна другой, Сигизмундъ убѣждалъ своихъ союзниковъ, умѣрить воинственный жаръ свой и выждать благопріятный случай для нападенія на врага, котораго они не знали. Герцогъ Неверскій и юные владѣльцы, ему сопутствовавшіе, съ нетерпѣніемъ слушали совѣты Венгровъ, и подумали, что хотятъ оспорить у нихъ честь начать сраженіе. Едва лишь представилось взорамъ ихъ Турецкое знамя, они бросаются изъ стана и ударяютъ на непріятеля: Турки отступаютъ и показываютъ видъ бѣгства; Французы преслѣдуютъ ихъ въ безпорядкѣ, и скоро отдѣляются отъ Венгерской рати. Вдругъ толпы спаговъ и янычаръ устремились на нихъ изъ ближайшаго лѣса, гдѣ они были поставлены въ засадѣ. По всему полю воткнуты были колья, останавливавшіе конницу. Франкскіе воины, будучи не въ состояніи ни итти впередъ, ни отступить, окруженные безчисленнымъ войскомъ, бьются уже не для побѣды, но чтобы умереть со славою и дорого продать жизнь свою. Французы нѣсколько

часовъ разносили смерпь въ рядахъ непрія- 1291—
пельскихъ, пока наконецъ всѣ учаспвовав- 1596.
шіе въ эпомъ побоищѣ пали опъ меча Мусуль-
манъ или были взяпы въ плѣнъ.

Баязепъ, послѣ эпой первой побѣды, обра-
пилъ всѣ силы свои пропивъ Венгерскаго
войска, копорое, уже разспроенное спра-
хомъ, пришло въ замѣшапельспво и разсѣя-
лось при первомъ напискѣ. Сигизмундъ, еще
по упру счипавшій спо пысячъ человѣкъ
подъ своими знаменами, бросился въ рыбачью
лодку, и пробравшись вдоль береговъ Чер-
наго моря, убѣжалъ въ Конспанпинополь,
гдѣ одно лишь его присупспвіе возвѣспило
его пораженіе и распроспранило уныніе.

Таковы были плоды самонадѣянносши и
неповиновенія Французскихъ воиновъ. Испо-
рія болѣе сожалѣепъ о ихъ несчаспіи, не-
жели порицаепъ ихъ поведеніе; она сказала
полько, чпо для побѣжденія Турковъ, Венгры
должны были показапь храброспь Франщу-
зовъ, или Французы подражапь благоразу-
мію Венгровъ.

Баязепъ, получившій рану во время бипвы,
явилъ себя варваромъ послѣ побѣды. Нѣко-
порые Испорики говоряпъ, чпо Сулпанъ
долженъ былъ опмспиипь смерпь многихъ
плѣнныхъ Мусульманъ, убипыхъ въ Хри-

1291 — 1396. сціанскомъ войскѣ. Онъ велѣлъ привесціи къ себѣ всѣхъ военоплѣнныхъ раздѣпыхъ до нага, большею частію покрытыхъ ранами, и приказалъ янычарамъ умерпвить ихъ предъ своими глазами. Три тысячи Французскихъ воиновъ принесены были въ жертву его мщенію; пощажены полько Герцогъ Неверскій, Графъ де ла Маршъ, Сиръ де Куси, Филиппъ Артуа, Графъ де Баръ, Маршалъ Бусико, и нѣсколько другихъ начальниковъ, за которыхъ Оттоманскій Императоръ надѣялся получить выкупъ.

Молва принесла во Францію извѣстіе о споль великомъ злоключеніи; первыхъ говорившихъ о томъ грозили бросить въ Сену: многіе посажены были, по повелѣнію Короля, въ Парижскую тюрьму. Наконецъ самыя непріятныя вѣсти подтвердились разсказами Мессира Гели, котораго Баязетъ прислалъ во Францію увѣдомить о пораженіи Христіанъ и плѣнѣ ихъ вождей. Это извѣстіе распространило горесть при Дворѣ Карла VI и во всемъ государствѣ. Фруассаръ присовокупляетъ съ своимъ простосердечіемъ: «Что знатныя Французскія Дамы были очень «раздражены, и по справедливости, потому «что это было слишкомъ близко къ ихъ «сердцу.»

Чтобы смягчить гнѣвъ Турецкаго Импе- 1291—
ратора, Карлъ VI отправилъ къ нему ве- 1396.
ликолѣпные подарки. Посланцы, проходя чрезъ Венгрію и Константинопольскую землю, везли Султану бѣлыхъ Норвежскихъ соколовъ, *тонкія алыя матеріи, бѣлыя и яркія полотна* изъ Реймса, *сукна высокой цѣны или обои, сотканные въ Аррасѣ, въ Пикардіи*, представлявшіе Исторію Александра, *каковыя вещи*, присовокупляютъ современныя лѣтописи, *были весьма пріятной наружности для всѣхъ честныхъ и благовоспитанныхъ людей.* При Дворѣ Французскомъ не знали, какъ доставить въ Турцію деньги, потребныя для выкупа свободы Принцевъ и Вельможъ, содержимыхъ въ заключеніи Баязетомъ. Парижскій банкиръ сдѣлалъ тогда то, чего не могъ сдѣлать ни одинъ изъ Европейскихъ Государей; согласясь съ нѣкоторыми Генуэзскими купцами, онъ условился о выкупѣ плѣнныхъ, и обязался заплатить за этотъ выкупъ сумму въ двѣсти тысячъ червонцевъ.

Благородные плѣнные, которыхъ Султанъ повлекъ за собою въ Бруссу, получили наконецъ свободу возвратиться въ Европу. Двое только изъ нихъ не увидѣли своего отечества: Гуи де ла Тримуйль умеръ на

1291 — 1396. островѣ Родосѣ. Безутѣшная Г-жа де Куси послала къ Туркамъ преданнаго рыцаря узнать объ участи своего супруга, и рыцарь возвратился съ печальнымъ извѣстіемъ, что Сиръ де Куси скончался въ своемъ заключеніи.

Когда Герцогъ Неверскій съ своими товарищами несчастія оставилъ станъ Баязетовъ, Султанъ обратился къ нему съ слѣдующими словами, кои переданы Фруассаромъ: «Графъ «Неверскій, я хорошо знаю и увѣдомленъ, «что ты въ твоемъ отечествѣ великій вла«дѣлецъ и сынъ великаго владѣльца. Ты мо«лодъ и жизнь твоя впереди; нѣкогда, даже «теперь, можешь ты при случаѣ вмѣнить се«бѣ въ хулу и посрамленіе то, что приключи«лось съ тобою въ первомъ твоемъ рыцар«скомъ предпріятіи, и для возстановленія «своей чести, ты охотно соберешь силы, «чтобы пойти на меня и сразиться со мною; «если бы я опасался и хотѣлъ, то заставилъ «бы тебя поклясться твоею честію и за«кономъ Божіимъ, что ни ты, ни твои со«товарищи никогда не подымутъ пропивъ «меня оружія; но клятвы этой я не требую ни «отъ тебя, ни отъ нихъ; а хочу, чтобы ты, «когда возвратишься въ свое отечество, еже«ли когда-либо вздумаешь собрать свои войска

«и пойпи противъ меня, ты всегда нашелъ бы 1291—
«Баязепта готовымъ встрѣтить тебя и тво- 1396.
«ихъ сорапниковъ (Comte de Nevers, je sais assez et suis informé que tu es en ton pays un grand seigneur et fils d'un grand seigneur. Tu es jeune et à venir; tu pourras et peut par adventure prendre et recueillir en blasme et vergogne ce qui t'est ainsi advenu en ta première chevalerie, et volontiers pour recouvrer ton honneur, tu assembleras puissance pour venir sur moi et donner bataille; si je faisois doute et si je voulois, je te feroye jurer sur ta foi et sur la loi que jamais tu ne t'armeras contre moi, ni tous ceux qui sont en ta compagnie; mais nenni, ce serment ni à toi ni à eux ne ferai-je faire; mais je veux quand tu seras venu et retourné pardelà, que s'il te vient à plaisance que tu assembles ta puissance et vienne contre moi, tu me trouveras toujours prêt et appareillé à toi et à tes gens).»

Эпи слова, въ коихъ выражалась вся гордость Оттоманская, долженствовали быть, безъ сомнѣнія, урокомъ для юныхъ воиновъ, которыхъ безразсудное тщеславіе навлекло всѣ бѣдствія войны. Они презирали Баязепта до своего пораженія; высокомѣрное пренебреженіе Баязепта послѣ побѣды, не могло быть принято ими за пустую хвастливость. *И подлинно*, говоритъ Фруассаръ, *они о томъ помнили во все время, пока жили.*

1291 — 1596. По возвращеніи во Францію, благородные рыцари были приняты съ участіемъ, которое внушается злополучною храбростію. При Дворѣ Карла VI и при Дворѣ Бургундскомъ никто не соскучился слушать ихъ, когда говорили они о своихъ подвигахъ, своихъ трагическихъ приключеніяхъ, о бѣдствіяхъ своего плѣна; они разсказывали чудеса о великолѣпіи Баязета, и когда повторяли слова Султана, который любилъ говорить, *что будетъ повелителемъ всего свѣта, что еще побываетъ въ Римѣ и прикажетъ кормить овсомъ свою лошадь на алтарѣ Св. Петра*, когда они говорили о войскахъ, ежедневно набираемыхъ Турецкимъ Императоромъ для исполненія своихъ угрозъ, нѣкоторый страхъ, безъ сомнѣнія, долженствовалъ сливаться въ душѣ слушателей съ чувствомъ любопытства и удивленія.

Однако разсказы Герцога Неверскаго и его сотоварищей пробуждали соревнованіе воиновъ, и злоключенія ихъ въ Азіи внушали не столько сострадація, сколько желанія отмстить ихъ пораженіе. Скоро объявили въ государствѣ о новомъ походѣ противъ Турковъ. Толпа молодыхъ владѣльцевъ и рыцарей поспѣшили къ оружію. Герцогъ Орлеанскій, братъ Короля, былъ безупрѣченъ

опъ того, что не получилъ позволенія быть 1291 —
ихъ начальникомъ и сразиться съ ними про- 1396.
тивъ зловѣрныхъ. Маршалъ Бусико, едва возвратившійся изъ плѣна, повелъ новыхъ крестоносцевъ на Востокъ. Прибытіе ихъ на берега Босфора освободило Византію, осажденную Баязетомъ. Подвиги ихъ ободрили мужество Грековъ и привели въ славу между Турками западныя ополченія. Когда, проведя цѣлый годъ въ трудахъ и въ славныхъ битвахъ, они возвратились въ свое отечество, Греческій Императоръ Мануэль уже трепеталъ въ ожиданіи новыхъ бѣдствій, и рѣшился слѣдовать за Маршаломъ Бусико, просить другихъ пособій у Карла VI, полагая такимъ образомъ всю надежду своей имперіи на Французскихъ воиновъ. Императоръ Мануэль былъ принятъ съ большими почестями на пути своемъ чрезъ Италію; когда онъ пропелъ Альпы, блистательныя празднества ожидали его во всѣхъ большихъ городахъ. Въ двухъ миляхъ отъ Парижа, онъ нашелъ Карла VI и всѣхъ вельможъ, прибывшихъ къ нему на встрѣчу. Греческій Государь въѣхалъ въ столицу въ бѣлой шелковой одеждѣ, верхомъ на бѣломъ конѣ, отличительные знаки высокаго сана между Франками. Съ удовольствіемъ смотрѣли на

1291 — 1396. преемника Цесарей, призывавшаго на помощь оружіе рыцарей, и довѣренность его къ мужеству Французовъ, ласкала народную гордость; но въ состояніи, въ которомъ находилась тогда Франція, было гораздо легче предложить Мануэлю зрѣлище турнировъ и блестящихъ придворныхъ праздненствъ, нежели дать ему сокровища и войска, въ коихъ имѣлъ онъ надобность. Карлъ VI начиналъ ощущать эту несчастную болѣзнь, которая оставила свободное поле, для партій и повергла государство въ величайшія бѣдствія. Англія, у которой Константинопольскій Императоръ также просилъ пособій, была взволнована похищеніемъ престола Генрикомъ Ланкастерскимъ; и если Англійскій Король взялъ тогда крестъ, то не столько въ намѣреніи помочь Грекамъ, сколько желая предать забвенію свои несправедливости, и имѣть предлогъ собрать съ народа подати. Въ тоже время сверженіе Венцеслава приводило все въ движеніе въ имперіи Германской; и возникавшій расколъ Іоанна Гусса, уже подалъ знакъ къ безпорядкамъ, обуревавшимъ Богемію въ продолженіе XV вѣка. Посреди всѣхъ этихъ смятеній въ Христіанствѣ, единственная власть, которая могла бы возстановить согласіе, терзала сама себя,

и Каполическая Церковь, раздѣленная между соперническими припязаніями двухъ Первосвященниковъ, не могла забопишься ни о мирѣ между Христіанами, ни о войнѣ пропивъ Турковъ. 1291—1396.

Такое соспояніе Франціи и Европы совершенно разрушило всѣ надежды Грецескаго Имперапора. Проведя два года въ Парижѣ, безъ всякой пользы, онъ рѣшился оспавишь Западъ, и оппплывъ изъ Венеціи, осповился въ Пелопонезѣ, гдѣ перпѣливо ожидалъ пока Форпуна довершипъ разрушеніе или освобожденіе его имперіи.

Эпо освобожденіе, копорое уже не могло произойпи опъ Христіанскихъ Государей, вдругъ произведено народомъ, еще жеспокосердѣе самихъ Турковъ, и завоеванія копораго приводили въ препепъ весь Воспокъ. *Тамерланъ* или *Тимуръ*, изъ нѣдръ междоусобныхъ браней, былъ возведенъ на пресполъ Монго́ловъ и возспановилъ въ Сѣверной Азіи спрашную имперію Чи́нгисъ-Хана. Испорія едва можепъ слѣдовапь за эпимъ новымъ завоевапелемъ въ его исполинскихъ походахъ. Воображеніе ужасаепся быспропою, съ копорою, говоря выраженіемъ самаго Тимура, онъ пронесъ *губительный*

1291—1396. *внутрь опустошенія* отъ Джагатая до Инда, и отъ Инда до ледяныхъ степей Сибири. Таковъ былъ бичь, ниспосланный небомъ для смиренія грознаго тщеславія Баязета. Современные Историки не согласны въ причинахъ, побудившихъ вождя Монголовъ вооружиться противъ Оттоманскаго Императора; одни приписываютъ рѣшимость Тамерлана жалобамъ Мусульманскихъ Государей Малой Азіи, коихъ Турецкій Султанъ выгналъ изъ ихъ владѣній; другіе, не измѣняя духу своего времени, отыскивая причины великихъ событій въ небесныхъ знаменіяхъ, объясняютъ нашествіе Татаръ кометою, которая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ являлась устрашенной Азіи. Пренебрегая сверхъестественными истолкованіями, мы скажемъ только, что миръ не могъ долго существовать между двумя человѣками, движимыми одинакимъ честолюбіемъ, и которые конечно не прощали другъ другу того, что въ одно и тоже время возъимѣли мысль завоевать вселенную. Характеръ, равно какъ и политика ихъ, довольно обнаруживаются въ жестокихъ угрозахъ, кои взаимно посылали они другъ къ другу до начатія непріязненныхъ дѣйствій, и которыя сдѣлались знакомъ самыхъ кровавыхъ перемѣнъ.

Тамерланъ, выступивъ изъ Самарканда, покорилъ вопервыхъ городъ Себастъ, и какъ бы желая показать Баязету, еще до нападенія на него, зрѣлище опустошеній, повсюду сопутствовавшихъ его оружію, вдругъ направилъ свои Татарскія орды на Сирію и области, управляемыя Египетскими Мамелюками. Храбрость его воиновъ, несогласія его непріятелей, измѣна и вѣроломство, коихъ никогда не пренебрегалъ онъ призывать на помощь своему могуществу, опкрыли ему ворота Алепа, Дамаска, Триполи. Потоки крови и пирамиды человѣческихъ головъ означали путь Монгольскаго завоевателя. Вездѣ приближеніе его распространяло ужасъ между Христіанами, равно какъ и между Мусульманами; и хотя онъ называлъ себя въ своихъ рѣчахъ мстителемъ утѣсняемыхъ, Іерусалимъ, въ этомъ случаѣ, долженъ радоваться, что онъ не подумалъ о его освобожденіи. 1291—1396.

Наконецъ Татары направились въ Малую Азію. Тимуръ прошелъ Анаполію съ войскомъ изъ восьмисотъ тысячъ человѣкъ. Баязетъ, снявъ осаду съ Константинополя, пошелъ противъ своего грознаго противника, и встрѣтилъ его на равнинахъ Ансирскихъ. Въ слѣдствіе сраженія, продолжавшагося три дня, Оттоманскій Императоръ вдругъ потерялъ

1291 — 1396. имперію и свободу свою. Греки, коимъ молва скоро возвѣспила объ эпой побѣдѣ; съ пре-пепомъ благодарили своего свирѣпаго изба-випеля, и холодноспь, съ копорою принялъ онъ посольспво ихъ, доказываепъ, чпо онъ вовсе не имѣлъ намѣренія заслужипь ихъ благо-дарноспь. Прибывъ къ Босфору, побѣдипель Баязепа, успремилъ свои взоры и замыслы на Западъ; но повелипель обширнѣйшихъ царспвъ Азіи не имѣлъ даже лодки, копорая могла бы перевезпи его чрезъ каналъ. И пакъ Конспанпинополь, избѣгнувъ опъ ига Оп-помановъ, по счаспію избѣжалъ пакже при-супспвія Тапаръ, и эпа жеспокая буря разсѣялась далеко опъ Европы.

Побѣдипель излилъ свой гнѣвъ надъ горо-домъ Смирною, защищаемымъ Родоскими ры-царями. Эпопъ городъ былъ взяпъ приспу-помъ, преданъ на разграбленіе и превращенъ въ пепелъ; Монгольскій Имперапоръ съ пор-жеспвомъ возвращился въ Самаркандъ, влача за собою Сулпана Баязепа, и замышляя попе-ремѣнно завоеваніе Аѳрики, нашеспвіе на Западъ и войну пропивъ Кипая.

Послѣ Ансирскаго сраженія, многіе Приицы семейства Баязепова оспоривали опуспошен-ныя области Оппоманской имперіи. Если бъ Франки показались погда въ проливѣ Галли-

полійскомъ и во Фракіи, они могли бы воспользоваться пораженіями и раздоромъ Турковъ, и выпѣснить ихъ за Тавръ; но равнодушіе Христіанскихъ владѣній, вѣроломство и жадность нѣкоторыхъ приморскихъ Европейскихъ народовъ, дали Оттоманской династіи время и средства возстановить свое попранное могущество. 1291 — 1396.

Греки не болѣе воспользовались побѣдами Тамерлана какъ и Лапины. Чрезъ двадцать лѣтъ послѣ Ансирской битвы, Оттоманы снова забрали всѣ свои области; войска ихъ снова окружили Константинополь, и здѣсь-то можно примѣнить къ могуществу Турковъ восточное сравненіе этой степной змѣи, которую слонъ раздавилъ въ своемъ шествіи, и которая соединяетъ потомъ свои разсѣянныя кольцы, мало по малу подымаетъ сердитую голову, хватаетъ опять свою добычу, и сжимаетъ ее въ своихъ чудовищныхъ объятіяхъ.

Пока Греческіе Императоры не боялись за свою столицу, они не имѣли никакихъ сношеній съ Европейскими Христіанскими Государями; но при наступленіи опасности, Византійскій Дворъ возобновилъ свои просьбы и свои обѣщанія о повиновеніи Римской Церквѣ. Разговоръ Мануэля, переданный *Франт-*

1291 — 1396. *цого* (Phrantza), достаточно объясняетъ положеніе Грековъ и политику боязливыхъ преемниковъ Константина: «Намъ осталось, «сказалъ этотъ Государь сыну своему Іоанну «Палеологу, одно лишь средство прошивъ «Турковъ: это спрахъ ихъ нашего соедине- «нія съ Латинами, и ужасъ, внушаемый имъ «воинственными народами Запада. Какъ толь- «ко будешь ты тѣснимъ зловѣрными, по- «сылай къ Римскому Двору, и для переговоры, «никогда не изъявляя никакого рѣшительнаго «намѣренія.» Мануэль присовокупилъ, что тщеславіе Латиновъ и упорство Грековъ всегда будутъ препятствовать настоящему примиренію, и что всякое соединеніе съ Папою, пробуждая страсти обѣихъ сторонъ, предастъ только Византію на произволъ Варварамъ.

Эти совѣты, показывавшіе мало чистосердечія въ политикѣ Грековъ, не могли быть соблюдаемы долгое время съ успѣхомъ. Опасности сдѣлались настоятельнѣе, обстоятельства повелительнѣе; такъ какъ Христіанство отвѣчало на безполезные переговоры только пустыми обѣщаніями, преемникъ Мануэля былъ принужденъ представить залоги своей вѣрности и прямодушія. Одобрили наконецъ мысль о Соборѣ, на которомъ

обѣ Церкви долженствовали согласиться и сблизиться. Императоръ Іоаннъ Палеологъ и учители Греческой Церкви отправились въ Феррару, потомъ во Флоренцію. Послѣ продолжительныхъ споровъ, соединеніе утверждено было клятвою съ обѣихъ сторонъ, и торжественно объявлено. На Западѣ это событіе праздновали какъ побѣду; въ Константинополѣ вопили богохуленіе, отступничество, нечестіе. Такъ исполнилось предсказаніе Мануэля; всѣ усилія, употребленныя для соглашенія мнѣній, послужили только къ положенію новой преграды между Греками и Латинами. 1291—1396.

На Соборѣ Феррарскомъ и Флорентійскомъ, депутаты Армянскіе и Маронитскіе, Якобиты Египетскіе и Сирійскіе, Несторіанцы и Ефіопы покорились подобно Грекамъ власти Первосвященника, и безъ сомнѣнія, также въ надеждѣ получить отъ Латиновъ пособіе и освободиться отъ тиранства Мусульманъ. Въ этомъ торжественномъ поступкѣ менѣе видна покорность Папскому Престолу, нежели уваженіе къ мужеству Франковъ, которыхъ всѣ Азіятскіе и Африканскіе Христіане считали за своихъ избавителей.

Между тѣмъ Папа Евгеній, получивъ покорность Грековъ, обѣщалъ послать вспо-

1291 — 1396. магапельное войско въ Константинополь и къ Восточнымъ Христіанскимъ народамъ. Первосвященникъ надѣялся, что соединеніе двухъ Церквей и проповѣдываніе Крестоваго похода обратятъ на него взоры Христіанскаго міра и возвратятъ Папской власти довѣренность и силу, коихъ лишили ее Западный расколъ и возмутительныя постановленія Базельскаго Собора. Онъ писалъ ко всѣмъ Христіанскимъ Государямъ, увѣщевая ихъ соединить свои силы, чтобы остановить наконецъ нашествіе Мусульманъ. Евгеній напоминалъ въ своемъ письмѣ о всѣхъ бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ вѣрными въ странахъ, подвластныхъ владычеству варваровъ. «Турки водятъ за собою цѣлыя толпы мущинъ и женщинъ связанныхъ веревками. Всѣ Христіане, осужденные на рабство, были смѣшаны съ самою низкою добычею и проданы, какъ рабочій скотъ. Варварство ихъ разлучало отца съ сыномъ, брата съ сестрою, жену съ мужемъ. Тѣхъ, которымъ лѣта или дряхлость не позволяли ходить, они убивали на дорогахъ, посреди городовъ. Самое дѣтство не трогало ихъ жалости; они умерщвляли невинныя жертвы, едва вкусившія жизнь, и кои, не зная еще страха, улыбались палачамъ, получая смертельный

ударъ. Каждое Христіанское семейство осу- 1291—
ждено отдавать своихъ сыновей Оттоман- 1396.
скому Императору, подобно тому, какъ нѣкогда Аѳинскій народъ обрекалъ цвѣтъ своего юношества въ дань Критскому чудовищу. Вездѣ, куда проникли Турки, поля были поражены безплодіемъ, города сиротѣли безъ законовъ, безъ промышленности; Христіанская Вѣра не имѣла ни священниковъ, ни алтарей; человѣчество никакой опоры, никакого пристанища.» Словомъ, Отецъ вѣрныхъ не забылъ ни одной жестокости враговъ Іисуса Христа; онъ не могъ удержать горести, которую причинялъ ему столь плачевный видъ, и заклиналъ Государей и народы помочь царству Кипрскому, острову Родосу, особенно же Константинополю, послѣднимъ оплотамъ Запада.

Увѣщанія Первосвященника вспрѣтили только равнодушныя сердца посреди народовъ Англіи, Франціи и Испаніи. Чувство человѣчества и патріотизма не могло пробудить энтузіазма, порожденнаго прежде духомъ вѣры и рыцарства. На отдаленные Крестовые походы, какова бы ни была цѣль ихъ, смотрѣли уже какъ на ковы завистливой политики, дѣйствовавшей единственно для удаленія Государей и вельможъ, кото-

1291 — 1396. рыхъ желали лишить власти. Въ положеніи, въ коемъ находилась Европа, любившіе войну имѣли слишкомъ много случаевъ выказать свою храбрость, не покидая своего отечества. Нѣмцы, вооружившіе сорокъ тысячъ человѣкъ, для войны съ Богемскими еретиками, не сдѣлали никакого движенія, когда имъ указали на Турковъ, готовыхъ пронести знамя *ислamизма* до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Запада.

Однако Папа не удовольствовался одними увѣщаніями вѣрныхъ взять оружіе, и онъ хотѣлъ подать примѣръ; Первосвященникъ набралъ солдатъ, снарядилъ корабли для войны противъ Турковъ. Приморскіе города Фландрскіе, и республики Генуэзская и Венеціянская, имѣвшія великія выгоды на Востокѣ, сдѣлали нѣкоторыя приготовленія; флотъ ихъ соединился подъ знаменами Св. Петра и отправился къ Геллеспонту. Страхъ близкаго нашествія пробудилъ ревность народовъ, населявшихъ берега Днѣстра и Дуная. Проповѣдывали Крестовый походъ на сеймахъ въ Польшѣ и въ Венгріи. На границахъ, угрожаемыхъ варварами, народъ, духовенство и дворянство вняли гласу вѣры и отечества.

Первосвященникъ назначилъ Легапомъ, у 1291 —
крестоносцевъ, Кардинала Іуліана, Прела- 1398.
та, характера неуспрашимаго, ума пылкаго,
поперемѣнно вооружавшагося мечемъ бипвъ
и мечемъ слова, спрашнаго на полѣ сраже-
нія и въ ученыхъ преніяхъ схоластики. За-
служивъ довѣренность Собора Базельскаго,
Кардиналъ Іуліанъ отличился на Соборѣ Фло-
рентійскомъ, защищая догматы Латинской
Церкви. Краснорѣчіе его взволновало Герма-
нію пропивъ Гусситовъ; теперь онъ горѣлъ
ревеніемъ подвигнупь все Христіанство про-
тивъ Турковъ. Войско, собравшееся подъ
знаменами Креспа, имѣло вождями Гунніада
и Владислава; первый, воевода Трансильван-
скій, славился между Христіанскими воинами,
и применованіе *разбойника*, данное ему
Турками, показываетъ довольно сильно не-
навистпь и ужасъ, кои внушалъ онъ зловѣр-
нымъ. Владиславъ соединялъ на главѣ своей
двѣ короны Польскую и Венгерскую, и бле-
стящія качества его молодости достойны
были любви Поляковъ и Венгровъ. Кресто-
носцы собрались на Дунаѣ и скоро получили
знакъ къ войнѣ. Флопты Римскаго Первосвя-
щенника, Венеціянскій, Генуэзскій, Фландр-
скій разъѣзжали въ Геллеспонтѣ. Жители
Молдавіи, Сербіи и Греціи обѣщали присое-

1291 — 1396. диниться къ Христіанской рати; Сулпанъ Караманійскій, непримиримый врагъ Оттомановъ, долженствовалъ напасть на нихъ въ Азіи. Греческій Императоръ Іоаннъ Палеологъ, возвѣщалъ большія приготовленія, и располагалъ итти съ войскомъ на встрѣчу своимъ избавителямъ.

Гунніадъ и Владиславъ дошли до Софіи, столицы Болгаръ. Два сраженія открыли имъ пути чрезъ хребетъ Гемусъ и дорогу къ Византіи. Суровость зимы одна остановила побѣдоносное шествіе Христіанскихъ воиновъ; рать крестоносцевъ возвратилась въ Венгрію дожидаться благопріятнаго времени для возобновленія военныхъ дѣйствій. Она вступила съ торжествомъ въ Буду, среди восклицаній несмѣтнаго народа. Духовенство праздновало священными пѣснопѣніями и благодарственными молебствіями первыя побѣды Христіанъ, и Владиславъ отправился босой въ церковь Богородицы, гдѣ повѣсилъ на стѣнахъ святилища знамена, взятыя у зловѣрныхъ.

Предъ начатіемъ войны, Мусульманскіе воины убѣждены были, что истребленіе Христіанъ написано въ книгѣ судебъ. «Когда «всѣ враги пророка, говорили они между со- «бою, будутъ истреблены, тогда для каждаго

«изъ насъ останется ходить только за плу- 1291—
«гомъ и смотрѣть на своего боеваго коня 1396.
«въ спойлѣ.» Это мнѣніе, порожденное гордостію побѣды, было достаточно, чтобы ослабить рвеніе Оттоманскихъ воиновъ. Большая часть изъ нихъ осталась въ своихъ домахъ, между тѣмъ, какъ Христіане шли къ Адріанополю.

Когда слава возвѣстила имъ о побѣдахъ Франковъ на Дунаѣ, эта слѣпая безпечность вдругъ уступила мѣсто страху. Султанъ Амуратъ тотчасъ отправилъ посланниковъ просить мира. Исторія не говоритъ, какими средствами старались обольстить посланцы Оттоманскіе побѣдоносныхъ крестоносцевъ; но извѣстно, что предложенія ихъ имѣли успѣхъ. Въ Совѣтѣ вождей Христіанской рати рѣшено было заключить миръ. Десятилѣтнее перемиріе утверждено присягою съ одной стороны надъ Кораномъ, съ другой надъ Евангеліемъ. Сколь неожиданное окончаніе войны, раздражило гордость и усердіе Кардинала Іуліана, который долженъ былъ по своей обязанности возбуждать Христіанъ къ войнѣ. Когда всѣ вожди Крестоваго похода собрались для совѣщанія о мирѣ, онъ сохранялъ мрачное молчаніе, и отказался подписать договоръ, коего не могъ одобрить. Непре-

1291 — 1596. клонный Легапъ ожидалъ случая обнаружить свое неудовольствіе и принудить крестоносцевъ снова взяться за оружіе. Этотъ случай не замедлилъ представиться.

Амуратъ, обрадованный, что доставилъ владѣніямъ своимъ миръ, и упомясь земнымъ величіемъ, отказался отъ имперіи и удалился въ пустыню въ Магнезіи. Султанъ Караманійскій увѣдомилъ Христіанъ, что опаснѣйшій врагъ ихъ *лишился ума*, и промѣнялъ Императорскую корону на монашескій клобукъ. Онъ присовокупилъ, что Амуратъ оставилъ верховную власть ребенку, и въ своемъ посланіи сравнивалъ это дитя *съ молодымъ растеніемъ, которое малѣйшій вѣтеръ можетъ вырвать съ корнемъ.* Тотъ же самый Султанъ до того былъ убѣжденъ, что Оттоманская имперія близка къ паденію, что гоповъ былъ вступить съ войскомъ въ Анатолію. Въ это же время разнесся слухъ, что Константинопольскій Императоръ подвигается къ предѣламъ Ѳракіи, что Пелопонезскіе Греки взялись за оружіе; что союзничіе флоты ожидаютъ въ Геллеспонтѣ новаго знака къ войнѣ. Другое, не менѣе важное обстоятельство, казалось, способно было пробудить воинственный жаръ крестоносцевъ; побѣда, одержанная близъ Софіи, доставила

имъ въ Греціи могущественнаго союзника. 1291 —
Въ этой битвѣ третій изъ сыновей Ивана 1396.
Каспріота, начальствовавшій передовымъ войскомъ Оттоманской рати, вдругъ оставилъ вѣру и знамена Турковъ для защиты въ Албаніи богослуженія и наслѣдія своихъ предковъ. Посланцы Скандербега возвѣщали вождямъ Христіанскаго войска, что онъ готовъ присоединиться къ нимъ съ двадцатью тысячами Албанцевъ, собравшихся подъ знаменемъ Креста.

Всѣ эти извѣстія получены разомъ и перемѣнили вдругъ направленіе дѣлъ и расположеніе умовъ. Тогда собирается новый Совѣтъ; Кардиналъ Іуліанъ говоритъ рѣчь посреди вождей, и укоряетъ ихъ въ томъ, что они измѣнили своему счастію и своей славѣ; осыпаетъ ихъ жестокими упреками, за то, что они подписали миръ постыдный, богопротивный, пагубный для Европы, пагубный для Церкви. «Вы поклялись, сказалъ онъ имъ, сражаться съ вѣчными врагами Христіанства, и теперь клянетесь надъ Евангеліемъ положить оружіе. Которой изъ этихъ двухъ клятвъ пребудете вѣрны? Вы заключили договоръ съ Мусульманами; но развѣ вы не заключали договоровъ съ вашими союзниками? Не уже ли вы оставите этихъ великодушныхъ союзниковъ въ

1291 — 1396. по самое время, какъ они отвсюду летятъ на помощь къ вамъ и спѣшатъ раздѣлить опасности войны, въ которой Богъ столь видимо покровительствовалъ ваши первыя усилія?

«Но что говорю я? вы не только оставляете вашихъ союзниковъ, вы покидаете также безъ опоры и безъ надежды эту толпу Христіанъ, которыхъ вы обѣщали освободить отъ нестерпимаго ига, и коихъ подвергаете всей ярости Мусульманъ, раздраженныхъ вашими побѣдами. Стенанія такого множества жертвъ станутъ преслѣдовать васъ въ вашемъ отступленіи, и обвинятъ васъ предъ Богомъ и людьми.

«Вы затворяете навсегда Христіанскимъ фалангамъ врата Азіи, и возвращаете Мусульманамъ потерянную ими надежду овладѣть странами Христіанства. Для какихъ выгодъ, отвѣтствуйте мнѣ, жертвуете вы вашею славою и спасеніемъ Христіанскаго міра? То что вамъ обѣщаетъ Султанъ Амуратъ, война развѣ не доставила вамъ того? Развѣ она не принесла бы вамъ еще болѣе выгодъ; и залоги, пріобрѣтенные побѣдою, не внушаютъ ли болѣе довѣренности, нежели обѣщанія зловѣрныхъ?

«Что скажу я Первосвященнику, который послалъ меня къ вамъ не для перегово-

ровъ съ Мусульманами, но чтобы выпѣс- 1291—
нить ихъ за-море? Что возвѣщу всѣмъ 1396.
Пастырямъ православной Церкви, всѣмъ Западнымъ Христіанамъ, которые молятъ теперь небо о успѣхѣ вашего оружія?

«Безъ сомнѣнія, варвары, двукратно нами побѣжденные, никогда не согласились бы на миръ, если бы имѣли средство продолжать войну. Думаете ли, что они не нарушатъ условій договора, когда счастіе имъ поблагопріятствуетъ? Нѣтъ, Христіанскіе воины не могутъ быть связаны нечестивымъ договоромъ, предающимъ Церковь и Европу послѣдователямъ Магомета. Знайте, что нѣтъ мира между Богомъ и его врагами, между истиною и ложью, между небомъ и адомъ. Я не имѣю надобности разрѣшать васъ отъ клятвы, явно противной вѣрѣ и нравственности, противной всему, что составляетъ между людьми святость и неизмѣнность обѣщаній. Итакъ убѣждаю васъ именемъ Бога, именемъ Евангелія, возьмите снова оружіе и послѣдуйте за мною на пути спасенія и славы.»

Заносчивость этой рѣчи безъ сомнѣнія извинялась тогда защитою Христіанства; но безпристрастная Исторія, каковы бы ни были предлагаемыя причины, не можетъ

1291 — 1396. одобрить этого явнаго забвенія святости клятвъ. Вожди Крестоваго похода заслуживали упреки Папскаго Легата, который обвинялъ ихъ въ томъ, что они подписали миръ постыдный и пагубный для Христіанской Европы; но они заслужили также упреки потомства, за нарушеніе договоровъ, едва лишь ими заключенныхъ. Когда Кардиналъ Іуліанъ началъ говорить, умы уже колебались; когда онъ кончилъ рѣчь свою, воинственный жаръ его одушевлявшій, овладѣлъ всѣми его слушателями и обнаружился шумными знаками всеобщаго одобренія. Всѣ единогласно поклялись возобновить войну въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ клялись соблюдать миръ.

Изступленіе большей части вождей дошло до высочайшей степени; оно едва позволяло имъ замѣтить, что они лишились половины своего войска. Великое множество крестоносцевъ оставили знамена, одни, нетерпѣливо желая возвратиться въ свое отечество, большая же часть недовольные договоромъ, содѣлавшимъ ихъ мужество и подвиги безполезными. Князь Сербскій, сосѣдъ Турковъ, боясь ихъ мщенія, не осмѣлился подвергнуть себя опасностямъ новой войны, и не послалъ своихъ войскъ въ армію Гунніада

и Владислава. Тщетно ожидали подкрѣпле- 1396 —
ній, обѣщанныхъ Скандербегомъ, который 1453.
принужденъ былъ защищать Албанію. Оста-
валось только двадцать тысячъ человѣкъ
подъ знаменемъ Креста. Одинъ Валахскій
военачальникъ, присоединясь къ крестонос-
цамъ со своею конницею, не могъ не изъ-
явить удивленія Венгерскому Королю, ска-
завъ, что Султанъ, съ которымъ шли они
сражаться, часто бралъ съ собою на охоту
болѣе невольниковъ, нежели Христіанская
армія имѣла солдатъ.

Главнымъ вождямъ совѣтовали дождаться для начатія войны, пока прибудутъ новые крестоносцы или возвратятся тѣ, которые удалились; но Владиславъ, Гуніадъ, особенно Кардиналъ Іуліанъ были убѣждены, что Богъ покровительствуетъ защитникамъ Креста, и что ничто не можетъ имъ противиться. Они выступили въ походъ, и пройдя Болгарскія степи, раскинули лагерь у *Варны*, на берегу Чернаго моря.

Здѣсь-то крестоносцы, не найдя флота, который долженствовалъ вспомоществовать имъ, узнали, что Амуратъ, вышедъ въ Магнезіи изъ своего затворничества, поспѣшаетъ съ войскомъ изъ шестидесяти тысячъ ратниковъ. При этомъ извѣстіи исчезла

1396 — 1453. безразсудная самонадѣянность, внушенная имъ Кардиналомъ Іуліаномъ, и въ своемъ отчаяніи они укоряли Грековъ, за то, что они измѣнили имъ или оставили ихъ; они обвиняли Генуэзцевъ и племянника Папы, начальника Христіанскаго флота, въ томъ, что они предали Туркамъ проходъ Галлиполійскій. Это обвиненіе повторяется во всѣхъ Западныхъ лѣтописяхъ; но Турецкіе Историки ничего о томъ не упоминаютъ; они говорятъ напротивъ, что Амуратъ переправился чрезъ Геллеспонтъ далеко отъ мѣстъ, занимаемыхъ Христіанскимъ флотомъ, и что Великій Визиръ, ожидавшій его на Европейскомъ берегу, защищалъ баттареями переправу Оттоманской арміи. Войска Амуратовы, присовокупляетъ Турецкій Историкъ, Когжіа-Эффенди, вышедъ на землю, немедленно начали благодарить Бога Магометова, и *зефиръ побѣды повѣялъ на Мусульманскія знамена.* Султанъ продолжалъ свое шествіе, клянясь пророками *исламизма* наказать своихъ враговъ за нарушеніе договора. Если вѣрить нѣкоторымъ Писателямъ, Турецкій Императоръ умолялъ даже Іисуса Христа отмстить оскорбленіе, нанесенное Его Имени кляпвопреступными воинами. По приближеніи Оттомановъ, Гун-

ніадъ и Папскій Легапъ предложили описпу- 1596—
пипь; но опспупленіе сдѣлалось невозмож- 1453.
нымъ; Владиславъ рѣшился умерепь или по-
бѣдипь. Дали сраженіе: «Тогда-по,» говорипъ Оппоманскій Историкъ, «совершилось спрашное душегубспво, *и несмѣтныя толпы храбрыхъ людей устремились чрезъ потоки крови въ долину ничтожества.*» При самомъ началѣ сраженія, правое и лѣвое крыло Турецкаго войска были смяпы. Нѣкопорые Писапели говоряпъ, чпо Амурапъ уже думалъ погда о бѣгспвѣ, и чпо онъ былъ оспановленъ янычаромъ, копорый удержалъ за узду его лопадь; другіе превозносяпъ непоколебимое мужество Султана, и уподобляюпъ его скалѣ, копорая пропивипся всѣмъ ударамъ бури. Когжіа-Эѣѣенди, о копоромъ мы уже упоминали, присовокупляепъ, чпо Оппоманскій Императоръ обрапилъ на полѣ сраженія молипву къ Богу Магомепову, и слезно просилъ его, устранипь опъ Мусульманъ чашу поруганія и скорби.

Счасптіе, казалось, благопріяпспвовало оружію крепоносцевъ. Большая часпь Оппоманскаго войска обрапилась въ бѣгспво предъ двадцапью чепырьмя пысячами Христіанскихъ рапниковъ; ничпо не могло пропивипься

1396 — 1453. пылкому мужеспву Венгерскаго Короля. Толпа Прелатовъ и Епископовъ, покрытыхъ бронею, вооруженныхъ мечемъ, сопутспвовали Владиславу и убѣждали его направить удары туда, гдѣ еще сражался Амуратъ, защищаемый отборными янычарами. Эти безразсудные совѣты слишкомъ сильно подѣйспвовали на Владислава; бросясь въ средину непріятельскихъ полчищъ, онъ былъ пораженъ множеспвомъ копій, и палъ со всѣми, которые могли за нимъ слѣдовать. Голова его, вонзенная на дротикъ и показанная Венграмъ, распространяетъ ужасъ въ рядахъ ихъ. Тщетно Гуніадъ и Епископы стараются оживить мужество крестоносцевъ, говоря, что они сражаются не за Царя земнаго, но за Іисуса Христа; вся Христіанская рать разстроивается и бѣжитъ въ безпорядкѣ. Самъ Гуніадъ увлеченъ толпою: десять тысячъ крестоносцевъ лишились жизни (1). Тур-

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Имя *Варны* пробуждаетъ много славныхъ воспоминаній въ умѣ Русскаго. Эта гордая твердыня Оттоманскаго могущества смирилась предъ нашимъ оружіемъ; побѣдоносный Орелъ Россіи водруженъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько вѣковъ предъ этимъ (1448), мечъ Мусульманскій низвергъ знамя Креста, и НИКОЛАЙ омылъ стыдъ, нанесенный Христіанству пораженіемъ Владислава. Кампанія 1828 и 1829 годовъ до-

ки захватили великое число плѣнныхъ. Кар- 1396 —
диналъ Іуліанъ погибъ въ сраженіи или въ 1453.
бѣгствѣ.

Послѣ своей побѣды, Амуратъ объѣхалъ поле сраженія; между мертвыми не нашелъ онъ ни одного Христіанина съ сѣдою бородою, и Визиръ сказалъ ему, что люди дожившіе до здраваго разсудка, никогда не рѣшились бы на сполъ дерзкое предпріятіе.

вершаетъ цѣпь достославныхъ войнъ Россіи съ Турціею, въ коихъ буйный фанатизмъ Оттомановъ не могъ устоять противъ генія нашихъ полководцевъ и непоколебимой храбрости нашихъ солдатъ, воодушевляемыхъ преданностію къ Вѣрѣ, Государю и Отечеству; эти-то войны остановили всепоглощающее стремленіе *Исламизма* на Востокѣ, и спасли Европу отъ нашествія Турковъ. Екатерина, Александръ, НИКОЛАЙ, вотъ Вѣнценосцы, достойные вѣчной признательности народовъ; Герои Задунайскій, Рымникскій, Смоленскій, Эриванскій, Забалканскій, незабвенныя имена ваши всегда будутъ предметомъ народной гордости Россіянъ!

Неприступная Варна взята Русскими въ присутствіи своего возлюбленнаго Государя 29-го Сентября, въ 1828 году. Императоръ НИКОЛАЙ, въ воспоминаніе этого достославнаго подвига, повелѣлъ, изъ взятыхъ въ Варнѣ у Турковъ бронзовыхъ орудій, соорудить въ Варшавѣ памятникъ Королю Владиславу. Варна, по заключеніи выгоднаго для Россіи мира, отдана обратно Туркамъ, какъ уже невнушающая никакого страха.

1396—1453. Слова эти были одна только лесть, сказанная Султану; не смотря на то, они могутъ служить къ показанію главной черты войны, въ которой вожди Христіанскихъ ратей повиновались болѣе безразсуднымъ страстямъ юности, нежели опытности зрѣлаго возраста.

Походы Христіанъ противъ Турковъ почти всегда начинались, подобно этому, блестящими успѣхами, и оканчивались величайшими злоключеніями. Весьма часто Крестовый походъ прекращался первою или второю битвою, потому что крестоносцы, обладая одною лишь храбростью, не имѣли ничего такого, что могло бы упрочить побѣду или исправить неудачи. Оставшись побѣдителями, они спорили между собою о славѣ побѣды и о добычѣ, захваченной у непріятеля; будучи побѣждены, они вдругъ приходили въ уныніе и возвращались въ свои домы, взаимно обвиняя другъ друга въ своихъ пораженіяхъ.

Сраженіе при Варнѣ еще болѣе укрѣпило владычество Турковъ надъ областями, занятыми ими въ Европѣ, и дозволило имъ дѣлать новыя завоеванія. Амуратъ, побѣдивъ враговъ своихъ, снова отказался отъ Императорской короны, и пустыня Магнезіи

опять увидѣла побѣдителя Венгровъ обла- 1396 —
ченнаго въ скромную рясу отшельниковъ; 1453.
но янычары, которыхъ онъ такъ часто во-
дилъ къ побѣдѣ, не позволили ему отка-
заться отъ свѣта и насладиться желан-
нымъ спокойствіемъ. Принужденный вторич-
но принять начальство надъ войсками и бра-
зды правленія, онъ направилъ силы свои про-
тивъ Албаніи; потомъ онъ возвратился сра-
жаться съ Гуніадомъ на берега Дуная. Онъ
провелъ остатокъ дней своихъ въ войнѣ съ
Христіанами, и умирая, завѣщалъ своему
преемнику обратить оружіе противъ Кон-
стантинополя.

Магометъ II, которому Амуратъ завѣщалъ завоеваніе Византіи, наслѣдовалъ своему отцу, уже спустя шесть лѣтъ послѣ сраженія при Варнѣ. Тогда начались для Грековъ дни печали и злоключеній. Здѣсь-то на поприщѣ Исторіи видимъ въ смертельной и ужасной борьбѣ, съ одной стороны, древнюю имперію, коей слава наполнила вселенную, и которая всѣ средства къ защитѣ и предѣлы свои заключала въ стѣнахъ своей столицы; съ другой, имперію новую, коей едва знали имя, и которая уже угрожала овладѣть цѣлымъ міромъ.

1396— 1453. *Константинъ* и *Магометъ*, вступившіе почти въ одно время, одинъ на престолъ Оттмана, другой на престолъ Цесарей, столько же отличались между собою своимъ характеромъ, какъ и своею участію. Умѣренность и благочестіе Конспантина внушали глубокое почтеніе; Историки прославили его покойное и благоразумное мужество на полѣ брани, его геройскую терпѣливость въ злоключеніяхъ. Магометъ взошелъ на престолъ съ духомъ пылкимъ и предпріимчивымъ, съ политикою честолюбивою и горячею, съ гордостію необузданною. Увѣряютъ, что онъ любилъ Искусства и Науки; но сіи мирныя занятія не могли смягчить его дикой свирѣпости. Въ войнѣ, онъ не щадилъ ни жизни своихъ непріятелей, ни жизни своихъ солдатъ; и буйный нравъ его, часто обращалъ миръ въ кровавое зрѣлище. Между тѣмъ, какъ въ Конспантинѣ всякій видѣлъ Государя, воспитаннаго въ школѣ Христіанства, въ Магометѣ легко узнавали повелителя, образовавшагося воинственными и фанатическими правилами Корана. Послѣдній изъ Цесарей имѣлъ всѣ добродѣтели, кои могутъ облагородить и заставить перенести великое несчастіе. Сынъ Амурата являлъ пагубныя свойства завоевателя и всѣ

стрaсти, которыя въ день побѣды, должен- 1396 —
ствовали довершить отчаяніе побѣжден- 1453.
ныхъ.

Когда Магометъ достигъ престола, его первою мыслью было завоеваніе Византіи. Въ переговорахъ, предшествовавшихъ разрыву, Константинъ не скрывалъ слабости Греческой имперіи, и явилъ всю твердость души Христіанина. «Я уповаю на Бога, говорилъ онъ Оттоманскому Государю; если «угодно Ему смягчить твое сердце, я буду «радоваться этой счастливой перемѣнѣ; если «же Онъ предастъ тебѣ Константинополь, «безропотно покорюсь Его волѣ.»

Осада Византіи отложена была до весны 1453 года. Греки и Турки провели зиму въ приготовленіяхъ къ нападенію и оборонѣ. Магометъ съ жаромъ занимался предпріятіемъ, къ которому напрaвляемы были съ давняго времени всѣ желанія Турецкаго народа и всѣ усилія Оттоманской политики. Однажды въ ночь, потребовавъ своего Визиря: «Ты видишь, сказалъ ему Магометъ, «безпорядокъ моего ложа. И здѣсь я не избавился отъ безпокойства, которое меня волнуетъ и пожираетъ; отнынѣ нѣтъ болѣе «для меня ни покоя, ни сна, какъ только «въ столицѣ Грековъ.»

1396—1453. Пока Магомепъ собиралъ всѣ свои силы для начапія войны, Конспантинъ Палеологъ просилъ пособій у Европейскихъ народовъ. Вопли спраха, споль часпо раздавались изъ Конспанпинополя, чпо одни взирали на опасноспи Греческой имперіи, какъ на мнимыя, другіе счипали паденіе ея неизбѣжнымъ. Тщепно Конспанпинъ обѣщалъ, подобно всѣмъ его предшеспвенникамъ, соединипь Грече-скую Церковь съ Римскою; воспоминаніе о споль часпомъ повпореніи обѣщаній въ минупы бѣдспвія, забываемыхъ во дни безопасноспи, увеличили полько опвращеніе Лапиновъ къ народамъ Греческимъ. Папа слабо убѣждалъ Западныхъ воиновъ взяпь оружіе, и удовольспвовался лишь пѣмъ, чпо послалъ къ Греческому Имперапору Легапа и Священниковъ, искусныхъ въ словесномъ соспязаніи и въ Богословскихъ наукахъ. Хопя Кардиналъ Исидоръ увезъ съ собою значипельное сокровище, и имѣлъ при себѣ нѣсколько Ипаліянскихъ солдапъ, однако прибыпіе его въ Конспанпинополь, долженспвовало распроспранипь уныніе между Греками, копорые ожидали иныхъ пособій, и повидимому, дороже цѣнили покорноспь свою Римской Церквѣ.

Государи Мореи и Архипелага, Венгерскій и Болгарскій, одни спрашась сами нападенія,

другіе, удерживаемые равнодушіемъ или духомъ зависти, опказались принять участіе въ войнѣ, въ которой побѣда рѣшала ихъ участь. Такъ какъ Генуа и Венеція имѣли конторы и торговыя заведенія въ Константинополѣ, двѣ тысячи Генуэзскихъ воиновъ и пятьсотъ или шестьсотъ Венеціянъ явились для защиты города. Прибылъ также отрядъ неустрашимыхъ Каталанцевъ, попеременно бывшихъ бичемъ и надеждою Грековъ, и которыхъ одна страсть къ войнѣ и опасностямъ привела въ Императорскій городъ. Вотъ единственные представители воинственной Европы, находившіеся при осадѣ Византійской. 1596—1453.

Въ это время многія Христіанскія государства воевали между собою: Продолжатель Баронія замѣчаетъ при этомъ случаѣ, что число воиновъ, погибшихъ иногда въ сраженіяхъ, данныхъ въ нѣдрѣ Христіанства, было бы достаточно разсѣять Турковъ и отпѣснить ихъ въ самую глубину Азіи. Впрочемъ, если Исторія въ этомъ случаѣ обвиняетъ холодность Западныхъ народовъ, то что должна она сказать о народахъ Греческихъ, нерадѣвшихъ о собственной своей защитѣ? Усилія Константина соединить обѣ Церкви, ослабили довѣренность и усердіе его подданныхъ, которые присвоили себѣ наименованіе

1396 — 1455. *православныхъ* (orthodoxes). Между Грéками, одни, не желая спѣснить себя никакимъ одолженіемъ со стороны Латинянъ, объявили, что Богъ самъ принялъ на себя спасеніе своего народа, и полагаясь на нѣкоторыя выдуманныя ими пророчества, ожидали въ бездѣйствіи чудеснаго освобожденія. Другіе, болѣе мрачные въ своихъ схоластическихъ бредняхъ, не хотѣли, чтобы Константинополь былъ спасенъ, потому что предсказали погибель Имперіи, для искупленія грѣха соединенія Церквей. Всякая надежда на побѣду имѣла въ глазахъ ихъ нѣчто нечестивое и пропивное небесной воли. Когда Императоръ говорилъ о средствахъ, еще оставшихся къ спасенію, и о необходимости взять оружіе, эти черножелчные учители удалялись съ нѣкоторымъ родомъ ужаса, и чернь, обманутая ими, стекалась къ иноку Геннадію, который изъ глубины своей кельи, безпрестанно вопіялъ къ народу, что нечего болѣе дѣлать, и что все потеряно.

Изучая странности человѣческаго ума, просвѣщенный наблюдатель особенно огорчается при видѣ людей, пристрастившихся къ словамъ, кои самолюбіе привязало къ пустымъ тонкостямъ, людей, для коихъ погибель вселенной, было бы зрѣлище менѣе пе-

чальное, нежели торжество опровергаемаго 1396—
ими мнѣнія. Наканунѣ величайшихъ бѣдствій, 1453.
Конспантинополь наполненъ былъ людьми,
которыхъ ненависть къ Лапинамъ заспавила
забыть о приближеніи и угрозахъ Турковъ.
Великій Герцогъ Нопара сказалъ даже, что
онъ скорѣе согласится видѣть въ Византіи
чалму Магомета, нежели тіару Римскаго Пер-
восвященника.

Не безполезно упомянуть здѣсь, что во
всѣхъ этихъ преніяхъ совсѣмъ не думали объ
истинахъ Христіанства, спорили только о
нѣкоторыхъ положеніяхъ церковной дисципли-
ны: отправлять обѣдню на Лапинскомъ язы-
кѣ, освящать опрѣсноки, примѣшивать холо-
дную воду въ чашу Святыхъ Тайнъ, сооб-
щаться съ Каполиками, вотъ что пробужда-
ло болѣе ненависти и болѣе страха, нежели
исламизмъ. Таковы были причины, заста-
влявшія Грековъ удаляться отъ Франковъ,
своихъ природныхъ союзниковъ, предавать
другъ друга проклятіямъ, призывать кару
небесную на свой собственный городъ.

Посреди сихъ плачевныхъ споровъ, заглу-
шался голосъ патріотизма, и равнодушіе,
эгоизмъ, прусость могли удобно скрываться
подъ почтенною наружностію вѣры и пра-
вославія. Большая часть Конспантинополь-

1396 — 1453. скаго народонаселенія покинула городъ; между оставшимися, богатѣйшіе зарыли въ землю свои сокровища, которыя они могли бы употребить для обороны, и коихъ вскорѣ лишились вмѣстѣ съ свободою и жизнью. Императорскій городъ нашелъ въ нѣдрахъ своихъ только четыре тысячи девятьсотъ семьдесятъ защитниковъ, и Императоръ принужденъ былъ обнажить храмы, чтобы снабдить ихъ продовольствіемъ. Такимъ образомъ, отъ осьми до девяти тысячъ воиновъ составляли весь гарнизонъ Византіи и послѣднюю надежду Восточной Имперіи.

Магометъ кончилъ свои огромныя приготовленія. Завоеваніе Византіи и расхищеніе Константинополя составляли самую богатую награду, какую можно было предложить храбрости Оттомановъ, и потому всѣ воины нѣкоторымъ образомъ раздѣляли честолюбіе своего вождя. Тогда возобновились между Мусульманами ревность и воинственный фанатизмъ сотрапниковъ Омара и первыхъ поборниковъ *исламизма*. Изъ всѣхъ странъ, простиравшихся отъ цѣпи горъ Таврскихъ до рѣкъ Эбра и Дуная, спешили толпами воины, привлеченные въ войско Султана прелестью добычи или желаніемъ отличиться въ войнѣ священной и

народной. Чтобы однимъ разомъ дать поня- 1396 —
тіе объ упадкѣ и слабости Грековъ, силѣ 1453.
и могуществѣ Оттомановъ, довольно ска-
зать, что Константинополь, и все, что
оставалось отъ земли Имперской, заклю-
чало когда менѣе жителей, нежели Маго-
метъ считалъ воиновъ подъ своими знаме-
нами.

Оттоманская рать выступила изъ Адріанополя въ началѣ Марта. Шестаго Апрѣля, Магометъ водрузилъ свое знамя предъ воротами Св. Романа. Вскорѣ подали съ той и другой стороны знакъ къ битвамъ. Въ первые дни осады, Греки и Турки употребили все, что военное искусство изобрѣло или усовершенствовало у древнихъ и новѣйшихъ народовъ. Посреди своихъ страшныхъ приготовленій, Магометъ не забылъ артиллеріи, которой употребленіе начинало распространяться на Западѣ. Одно изъ орудій, вылитое при немъ въ Адріанополѣ, было столь огромной величины, что съ трудомъ возили его триста быковъ, и оно метало ядра въ семьсотъ центнеровъ (1), на разстояніи болѣе шестисотъ туазовъ (2). Всѣ современные Историки упоминаютъ объ этомъ

(1) Центнеръ заключаетъ въ себѣ 100 фунтовъ.

(2) Туазъ, мѣра шестифутовая.

1396—1453. ужасномъ воинскомъ снарядѣ; но почти ничего не говорятъ о дѣйствіи, которое оно произвело на полѣ сраженія. Разсматривая тщательно повѣствованіе современниковъ, особенно же описаніе, оставленное ими объ этихъ огромныхъ бронзовыхъ орудіяхъ, съ такимъ трудомъ приводимыхъ въ движеніе, можно сдѣлать достовѣрное заключеніе, что при осадѣ Византіи, Оттоманская артиллерія внушала болѣе удивленія и страха, нежели причиняла опустошеній. Турки показали мало искусства и мало усердія, содѣйствуя Франкскимъ инженерамъ и артиллеристамъ, которыхъ Магометъ принялъ къ себѣ въ службу; и по счастію для Христіанства, столь гибельное открытіе не усовершенствовалось такъ рано въ рукахъ варваровъ, противъ коихъ Европа не могла бы устоять, если бъ они присоединили эту новую силу къ выгодамъ, кои уже имѣли въ войнѣ. Турки употребили съ большимъ успѣхомъ другое оружіе и другія наступательныя средства; какъ то, подкопы, подвижныя башни, тараны потрясавшія стѣны, каменометницы бросавшія бревна и камни, наконецъ стрѣлы, копья и даже *греческій огонь*, который еще соперничествовалъ съ порохомъ, но который вскорѣ долженствовалъ ему уступить.

Всѣ эти разрушительныя средства были употреблены въ одно время, и нападенія возобновлялись безпрестанно. У осажденныхъ недоставало рукъ для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ военныхъ машинъ; и если подумать о маломъ числѣ защитниковъ Константинополя, то нельзя не удивиться тому, что они могли сопротивляться въ теченіе пятидесяти дней несмѣтному множеству Оттомановъ. Эта великодушная дружина была выгнана на пространствѣ болѣе мили, отражая день и ночь приступы непріятеля, исправляя проломы въ стѣнахъ, дѣлая вылазки; она показывалась вездѣ въ одно и тоже время, и успѣвала всюду, одушевляемая присутствіемъ своихъ вождей, особенно же примѣромъ Константина. Многократно счастіе благопріятствовало усиліямъ этой горсти героевъ, и нѣкоторыя искры надежды присоединились къ чувству печали и ужаса, царствовавшимъ въ Константинополѣ. Осажденнымъ оставалось одно преимущество: городъ былъ неприступенъ со стороны Пропонтиды и пристани. Магометъ собралъ въ каналѣ Чернаго моря множество кораблей; но эти суда служили только къ перевозкѣ жизненныхъ и военныхъ припасовъ. Оттоманскій флотъ не могъ спорить съ

1396—1453.

1396 — 1453. Греческимъ, особенно же съ флотами Франковъ; и Турки сами соглашались, что принуждены уступить владычество на моряхъ народамъ Христіанскимъ.

Въ половинѣ осады вошли въ каналъ пять кораблей, прибывшіе съ береговъ Италіи и Греціи. Немедленно весь Оттоманскій флотъ снимается съ якоря и идетъ имъ на встрѣчу; онъ окружаетъ ихъ, дѣлаетъ многократныя нападенія, чтобы овладѣть ими или остановить ихъ шествіе. Магометъ съ берега ободряетъ сражающихся жестами и голосомъ. Видя, что Оттоманы начинаютъ ослабѣвать, онъ не можетъ удержать своего гнѣва; направивъ коня своего въ море, онъ, кажется, угрожаетъ стихіямъ, и подобно варварскому Царю древности, обвиняетъ волны въ постановленіи препятствій его завоеваніямъ. Съ другой стороны Греки, собравшіеся на стѣнахъ города, ожидали съ безпокойствомъ окончанія битвы. Наконецъ, послѣ упорной и кровопролитной сшибки, всѣ Турецкія суда были разсѣяны и прибиты къ берегу; и Христіанскій флотъ, нагруженный съѣстными запасами и воинами, вошелъ съ торжествомъ въ гавань Константинопольскую.

Султанъ горѣлъ нетерпѣніемъ отмстить оскорбленіе, сдѣланное его оружію; онъ рѣ-

шился испытать послѣднее усиліе, чтобы овладѣть гаванью Константинополя. Входъ былъ охраняемъ многими большими кораблями и запертъ желѣзною цѣпью, которой нельзя было ни разорвать, ни перейти; но Оттоманскій Государь употребилъ чрезвычайное средство, коего не могли предвидѣть осажденные, и котораго успѣхъ показываетъ силу его воли и великость его власти. Въ теченіе одной ночи, семьдесятъ или восемьдесятъ кораблей, стоявшихъ на якорѣ въ каналѣ Чернаго моря, были перенесены сухимъ путемъ до залива Цераскаго. Дорогу усплали досками, облитыми саломъ, по которымъ толпа рабочихъ и солдатъ тянули корабли. Турецкій флотъ съ лоцманами своими, стоящими на палубахъ, съ распущенными парусами, снаряженный, какъ бы для морской экспедиціи, подавался впередъ чрезъ мѣста гористыя, и прошелъ разстояніе двухъ миль при свѣтѣ пылающихъ факеловъ, при звукахъ трубъ и рожковъ, и Генуэзцы, населявшіе Галату, не осмѣлились препятствовать проходу его. Греки, совершенно занятые охраненіемъ стѣнъ, ни мало не подозрѣвали намѣреній непріятеля. Они узнали причину и предметъ шума, который цѣлую ночь раздавался вдоль морскаго берега, уже на разсвѣтѣ, когда увидѣли флагъ

1396—1453.

1396 — 1453. Оттоманскій, развѣвающійся въ ихъ пристани.

Спрашивается здѣсь, какое сопротивленіе оказали корабли, охранявшіе желѣзную цѣпь, и тѣ, которые вошли въ пристань, по разсѣяніи Оттоманскаго флота. Должно полагать, что всѣ воины, находившіеся на Христіанскихъ судахъ, дрались тогда на стѣнахъ города. Вѣроятно также то, что часть залива, гдѣ были спущены Турецкіе корабли, по мелководію своему, была недоступна для большихъ кораблей. Какъ бы то ни было, Мусульмане поспѣшили воспользоваться своею выгодою. Едва лишь Турецкія суда были спущены на воду, какъ множество работниковъ занялись построеніемъ плавучихъ батарей на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Венеціяне произвели послѣдній свой приступъ въ Пятомъ Крестовомъ походѣ.

Это отважное предпріятіе, продолжаемое съ такою дерзостію и съ такимъ успѣхомъ, долженствовало посѣять смятеніе и ужасъ между осажденными. Они многократно пытались сжечь флотъ и разрушить работы, начатыя непріятелемъ; но напрасно прибѣгали они къ помощи греческаго огня, который не разъ уже спасалъ Константинополь отъ нападенія варваровъ. Сорокъ самыхъ неустрашимыхъ

воиновъ, преданные во власть Турковъ сво- 1396 —
имъ неосторожнымъ мужествомъ, а можетъ 1453.
быть и измѣною Генуэзцевъ, пріяли смерть посреди мученій, какъ единственную награду за свое великодушное самоотверженіе.

Константинъ употребилъ право равнаго воздаянія, и приказалъ выставить на стѣнахъ города головы семидесяти военноплѣнныхъ. Этотъ образъ веденія войны показывалъ, что сражавшіеся повиновались однимъ внушеніямъ своего отчаянія или неистовствамъ мщенія. Мусульмане, ежедневно получавшіе подкрѣпленія, продолжали осаду неутомимо. Увѣренность въ побѣдѣ удвояла ихъ рвеніе; Константинополь претерпѣвалъ нападенія со многихъ сторонъ въ одно и то же время, и гарнизонъ, уже ослабленный битвами и трудами продолжительной осады, принужденъ былъ раздѣлить свои силы для обороны всѣхъ угрожаемыхъ пунктовъ.

Укрѣпленія города со стороны приспани, по небрежности, осыпались неисправлены. На Западѣ, многія башни, особенно башня Св. Романа, приходили въ разрушеніе. Въ такомъ положеніи, почти отчаянномъ, всего благоразумнѣе было то, что Византійскій гарнизонъ предался несогласіямъ. Сильные споры возникли между Великимъ Герцогомъ Нота-

1396 — 1453. рою и Джустиніани, начальствовавшимъ Генуэзскими воинами. Венеціяне и Генуэзцы уже не разъ готовы были поддержать оружіемъ взаимный раздоръ; Исторія едва можетъ опредѣлить предметъ этихъ бѣдственныхъ распрей. Ослѣпленіе, произведенное духомъ зависти или скорѣе отчаяніемъ, было такъ велико, что даже между этими избранными воинами, ежедневно жертвовавшими жизнію для столь благородной защиты, нашлись многіе, кои обвиняли другъ друга въ трусости и въ измѣнѣ.

Константинъ старался примирить ихъ, и всегда спокойный духомъ посреди раздоровъ, казалось, не имѣлъ иной страсти кромѣ любви къ отечеству и славѣ. Характеръ, раскрытый имъ въ пылу опасностей, долженствовалъ бы возвратить ему довѣренность и любовь народа; но непостоянный мятежный духъ Грековъ и суетность ихъ споровъ не позволили имъ цѣнить настоящее величіе. Они укоряли Палеолога въ злоключеніяхъ, которыхъ онъ не былъ виновникомъ, и кои добродѣтель его одна лишь могла загладить. Его обвиняли въ довершеніи разрушенія Имперіи, оставленной цѣлымъ міромъ, и которую онъ одинъ хотѣлъ защитить. Не только уже не уважали власти

и намѣреній Государя; но даже все, что возвышалось по званію или по достоинству, было предметомъ омерзѣнія или недовѣрчивости. Въ слѣдствіе этого безпокойнаго духа, который въ общественныхъ безпорядкахъ побуждаетъ чернь искать невѣдомыхъ опоръ, нѣкоторыя предсказанія, распространившіяся между народомъ, предвѣщали, что городъ Цесарей можетъ быть спасенъ только убогимъ нищимъ, которому Богъ вручитъ мечь своего гнѣва. 1396—1453.

По мѣрѣ того, какъ день великихъ бѣдствій приближался, народъ и духовенство спремились въ храмы. Съ торжествомъ выставили образъ Св. Дѣвы, заступницы Константинополя; духовенство носило ее по улицамъ. Эти благочестивые обряды, безъ сомнѣнія, представляли нѣчто поучительное, но нисколько не внушали необходимаго мужества для защиты угрожаемаго отечества и вѣры; и небо, посреди великихъ опасностей войны, не внимало моленіямъ безоружнаго и трепещущаго народа.

Въ продолженіе осады, часто предлагали заключить перемиріе. Магометъ требовалъ, чтобы предали ему столицу имперіи, всѣ области коей уже принадлежали ему, и позволялъ Грекамъ выѣхать со своими богат-

1396 — 1453. спвами. Палеологъ соглашался плапипь дань, но хопѣлъ оспаться повелипелемъ Константинополя. Наконецъ, въ послѣднемъ посланіи, Сулпанъ грозилъ Греческому Императору, умертвипь его со всѣмъ семействомъ и разсѣяпь порабощенный народъ его по лицу земли, если спанетъ онъ упорспвовапь въ защищеніи города. Магометъ предлагалъ своему пропивнику княжеспво въ Пелопонезѣ; Конспаннинъ опвергъ эпо предложеніе и предпочелъ славную смерпь. Съ сей поры не говорили болѣе о мирѣ, и Византія осталась на жертву случайностямъ непримиримой войны.

Сулпанъ повелѣлъ объявипь въ своемъ войскѣ о близкомъ и всеобщемъ приспупѣ: сокровища Константинополя, плѣнники, Греческія женщины долженспвовали быпь наградою храброспи его воиновъ; онъ оспавлялъ для себя только городъ и его зданія. Чпобы присоединипь набожный воспоргъ къ воинскому изспупленію, дервиши пробѣгали ряды Оппоманской рапи, увѣщевая воиновъ, очиспипь пѣло омовеніями, душу молипвою, и обѣщавая наслажденія рая защипникамъ Мусульманской вѣры. Къ концу дня, большіе огни, зажженные по повелѣнію Сулпана, освѣпили весь морскій берегъ,

начиная отъ Галаты до Златыхъ воротъ. 1396 —
Оттоманскій Императоръ появился тогда 1453.
посреди своего воинства, снова обѣщалъ
солдатамъ расхищеніе Византіи, и чтобы
дать своему слову болѣе торжественности,
поклялся душею Амурата, четырьмя
тысячами Пророковъ, своими дѣтьми
и наконецъ своимъ мечемъ. Все войско
огласило воздухъ радостными криками, и нѣ-
сколько разъ повторило восклицаніе: *Богъ*
есть Богъ, и Магометъ пророкъ Божій!
Когда кончился эпотъ воинственный обрядъ,
Султанъ приказалъ, подъ смертною казнію,
сохранять во всемъ станѣ глубокое молча-
ніе. Съ той поры слышанъ былъ вокругъ
Константинополя только безпорядочный
шумъ войска, въ которомъ все было въ дви-
женіи для приготовленія къ ужасной и рѣ-
шительной битвѣ.

Въ городѣ гарнизонъ стоялъ на стѣнахъ,
и съ безпокойствомъ наблюдалъ за движені-
ями Оттоманскаго войска. Съ содроганіемъ
слышали тамъ шумныя восклицанія Турковъ;
безмолвіе вдругъ за ними послѣдовавшее,
удвоило страхъ. Отблески непріятельскихъ
огней отражались на вершинахъ башенъ, на
куполахъ церквей, и придавали еще болѣе
ужаса темнотѣ, покрывавшей городъ. Кон-

1396 — 1453. стантинополь, гдѣ всѣ работы промышленности, всѣ обыкновенныя заботы жизни пресѣклись, былъ погруженъ въ глубокую тишину; никто не вкушалъ тамъ спокойствія и сна; онъ представлялъ печальный видъ города, который великое бѣдствіе превратило въ пустыню. Только слышались вокругъ храмовъ нѣкоторые жалобные звуки и голосъ молитвы, взывавшей къ милосердію неба. Тогда можно было уже примѣнить къ этому несчастному городу слова Персидскаго Поэта, сказанныя на другой день побѣдителемъ посреди своего торжества: *паукъ молчаливо прядетъ паутину подъ сводами чертоговъ, а ночная птица испускаетъ зловѣщіе крики на башняхъ Ефразіаба.*

Константинъ собралъ главнѣйшихъ вождей гарнизона для совѣщанія объ опасностяхъ, угрожавшихъ имперіи. Въ прогательной рѣчи, онъ старался ободрить мужество и надежду своихъ сотрудниковъ; говоря Грекамъ объ отечествѣ, союзнымъ Латинамъ о человѣчествѣ и вѣрѣ, онъ убѣждалъ ихъ къ терпѣнію, наиболѣе же къ согласію. Воины, присутствовавшіе при этомъ послѣднемъ Совѣтѣ, слушали Императора съ мрачнымъ молчаніемъ; они не смѣли спрашивать другъ друга о средствахъ къ защитѣ, которую

всѣ считали безполезною. Они обнялись, 1396—
проливая слезы, и возвратились на спѣны, 1453.
исполненные самыхъ горестныхъ предчувствій.

Императоръ вошелъ въ церковь Св. Софіи, гдѣ пріобщился Святыхъ Тайнъ; печаль, выражавшаяся на лицѣ его, благочестивая покорность, съ которою просилъ онъ забыть его несправедливости и простить его прегрѣшенія, прогапельныя слова, обращенныя имъ къ народу, кои походили на вѣчныя прощанія, конечно усугубили всеобщее уныніе. Наконецъ наспалъ послѣдній день Римской Имперіи: это было 29-го Мая; знакъ къ нападенію данъ въ Турецкомъ войскѣ еще до разсвѣта: толпы Мусульманскихъ воиновъ устремляются къ спѣнамъ города. Приступъ производится въ одно время со стороны пристани и у воротъ Св. Романа. При первомъ напискѣ осаждающіе встрѣчаютъ повсюду сильное сопротивленіе; Капаланцы, Генуэзцы показали все, что можетъ произвести мужество Франковъ. Палеологъ сражался впереди Грековъ, и одинъ видъ Императорскаго знамени ужасалъ Оттоманскихъ воиновъ. Триста стрѣлковъ, пришедшіе изъ острова Критскаго, съ честію поддержали славу Критянъ своимъ мужествомъ

1396 — 1455. и искуснымъ метаніемъ стрѣлъ. Въ этой храброй дружинѣ, по справедливости надлежитъ отличить Кардинала *Исидора* (1), ко-

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Для Читателей нашихъ любопытно замѣтить, что этотъ Кардиналъ былъ въ княженіе Великаго Князя, Василія Васильевича *Темнаго*, Митрополитомъ Московскимъ и Кіевскимъ. Онъ извѣстенъ предательствомъ Греко-Россійской Церкви на Папскомъ Ферраро-Флоренційскомъ Соборѣ, созванномъ въ 1439 году, для соединенія Восточной Церкви съ Западною. Но скажемъ, что этотъ предатель, былъ по крайней мѣрѣ, не нашъ соотечественникъ. Онъ Грекъ, родомъ изъ Солуня, или, по мнѣнію другихъ, Далматъ или Болгаръ, воспитанъ и обученъ въ Папскихъ училищахъ, и до пріѣзда въ Россію, былъ сперва въ Константинополѣ Архимандритомъ монастыря Св. Димитрія, потомъ Епископомъ въ Иллирикѣ. Когда послѣ Фотія, Митрополита Всероссійскаго, упразднилось Митрополитское мѣсто въ Москвѣ: то *Исидоръ*, наученный Папою Евгеніемъ IV, предполагавшимъ уже созвать у себя Соборъ, и надѣявшимся на единомысліе Исидора, ускорилъ испросить себѣ отъ Константинопольскаго Патріарха, Іосифа, санъ Всероссійскаго Митрополита, и былъ отправленъ въ Россію (вмѣсто выбраннаго здѣсь единодушно на Россійскую Митрополію знаменитаго Святителя Рязанскаго Іоны). Исидоръ, прибывши въ 1437 году въ Москву, жилъ здѣсь не болѣе четырехъ мѣсяцевъ, и поѣхалъ на Папскій Соборъ, сперва въ Феррару, а потомъ въ Флоренцію. Искавши не духовнаго блага Православной Церкви, а Кардинальскихъ почестей для себя, онъ тамъ не подражалъ особенному ревнителю *Православія*, истинному повѣренному Гре-

порый исправилъ на свой счетъ ввѣренныя 1396—
защитѣ его укрѣпленія, и сражался до конца 1453.
осады, предводя солдатами, приведенными имъ

ческой Церкви *Марку*, Митрополиту Ефесскому, но раболѣпно призналъ Папу Главою Церкви, и согласился на нѣкоторыя другія Папскія нововведенія. Возвратясь въ Москву въ 1440 году, съ даннымъ ему отъ Папы титломъ его *Легата* и съ граматою Флорентійскаго Собора, названнаго Латинами несправедливо *Осьмымъ Вселенскимъ*, онъ дерзнулъ въ священнослуженіи воспоминать имя Римскаго Папы Евгенія, вмѣсто Вселенскихъ Патріарховъ, и объявить принятое имъ въ нашу Церковь новое ученіе, которое было несогласно съ древнимъ. Великій Князь, нестерпѣвъ такого предательства, созвалъ Россійскій Соборъ, и осудилъ Исидора на заключеніе въ Чудовѣ монастырѣ. Но хитрый Исидоръ, съ нѣкоторыми единомышленниками, изъ подъ стражи бѣжалъ 15-го Сентября 1443 года въ Римъ, и принятъ Папою, который въ 1452 году отправилъ его отъ имени своего Посломъ на Востокъ. Въ бытность его въ Константинополѣ 1453 года, Турки взяли этотъ городъ и искали было убить его; но онъ спасшись и отъ нихъ бѣгствомъ, опять ушелъ въ Италію. Тамъ Папа Николай наградилъ постоянную приверженность Исидора къ Латинскимъ Первосвященникамъ титломъ Константинопольскаго Патріарха и Декана Кардинальской Коллегіи, поручивъ ему три епархіи Сабинскую, Корфенскую и Никозинскую. Исидоръ кончилъ жизнь свою въ Римѣ 1765 года, Апрѣля 27-го, и погребенъ въ Ватиканской церкви Св. Петра. Нельзя не пожалѣть, что этотъ человѣкъ, весьма искусный въ Наукахъ и языкахъ, обра-

1396 — 1453. изъ Ипаліи. Исторія должна также почтить похвалою монаховъ Св. Василія, кои, безъ сомнѣнія, держались стороны соединенія

шилъ свои способности ко вреду *Православія*. Изъ сочиненій его помѣщены въ нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописяхъ вышіеватыя *Рѣчи* и *Окружныя посланія*. Будучи самовидцемъ разоренія Константинополя отъ Турокъ, Исидоръ описалъ его обстоятельно въ двухъ письмахъ, присланныхъ имъ въ Римъ, одномъ изъ Неры, а другомъ подробнѣйшемъ изъ Кандіи отъ 7-го Іюля 1453 года. Подробное описаніе Исидорова путешествія на Флоренціійскій Соборъ, напечатано въ XI части *Древней Россійской Вивліовики* (2-го изданія), и въ V части *Никоновой Лѣтописи*.

Помѣщенныя въ этомъ Примѣчаніи свѣдѣнія, мы заимствовали большею частію изъ второго изданія *Словаря историческаго о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви*. Но любопытствующимъ знать болѣе дѣла мнимаго Осьмаго Вселенскаго Собора и вѣроломныя дѣйствія на немъ Исидора, мы можемъ указать еще на V томъ *Исторіи Государства Россійскаго*, Н. М. Карамзина, на *Исторію объ Уніи*, Н. Н. Банты-ша-Каменскаго, и на второе отдѣленіе *Начертанія Церковной Исторіи отъ Библейскихъ временъ до XVIII вѣка*. Въ послѣдней книгѣ покушеніе Исидорово на преобразованіе Россійской Церкви въ Латинскую, заключено любопытнымъ замѣчаніемъ, что этотъ предатель положилъ новую преграду къ вторженію *Уніи* въ нашу Церковь, а Епископовъ заставилъ быть внимательнѣе ко всякому новому ученію.

Церквей: храбрость и славная смерть ихъ искупили неодолимое упорство Византійскаго Духовенства. 1396 — 1453.

Историкъ Франціи уподобляетъ тѣсные ряды Мусульманъ плотно свитой веревкѣ, протянутой вокругъ города. Башни защищавшія ворота Св. Романа, обрушились подъ ударами таранов и отъ выстрѣловъ Оттоманской артиллеріи. Внѣшнія стѣны были взяты приступомъ; убитые и раненные, перемѣшанные съ развалинами, наполняли рвы. На этомъ ужасномъ полѣ битвы, защитники Византіи продолжали сражаться; ничто не могло ослабить ихъ твердости, ни поколебать ихъ мужества.

Послѣ двухчасоваго страшнаго напряженія, Магометъ идетъ впередъ съ своими отборными войсками и десятью тысячами янычаръ. Онъ являлся посреди ихъ вооруженный палицею, подобно ангелу истребителю; грозные взоры его одушевляли мужество ратниковъ; движеніемъ руки, онъ указывалъ имъ мѣста для приступа. Позади предводимыхъ имъ дружинъ, отрядъ людей, коимъ деспотизмъ поручаетъ исполненіе своего мщенія, наказывалъ или удерживалъ бѣгущихъ и принуждалъ ихъ итти въ средину сѣчи. Пыль, вздымавшаяся подъ ногами ратниковъ и дымъ отъ пушечной пальбы,

1396 — 1453. покрывали войска и городъ. Звуки трубъ, трескъ развалинъ, пушечные выстрѣлы и стукъ оружія заглушали голосъ вождей; янычары дрались въ безпорядкѣ, и Константинъ, замѣтивъ то, побуждалъ своихъ солдатъ сдѣлать послѣднее усиліе; но вдругъ сраженіе приняло другой оборотъ. Джустиніани, пораженный стрѣлою, по причинѣ несперпимой боли, оставилъ поле битвы. Генуэзцы и большая часть союзныхъ Латинянъ послѣдовали его примѣру. Греки, оставшись одни, вскорѣ подавлены превосходствомъ числа; Турки перелѣзаютъ чрезъ стѣны, берутъ башни, ломаютъ воротца. Константинъ еще сражался, но вскорѣ, пронзенный копьями, онъ падаетъ среди кучи мертвыхъ тѣлъ, и Константинополь остается безъ вождя и защитниковъ.

Какое зрѣлище представляетъ Имперія, для существованія которой остается одна лишь минута, и которая должна кончиться среди ужасовъ войны и подъ сѣкирою варваровъ! Вдругъ разрываются всѣ связи общества; Вѣра, отечество, природа, уже не имѣютъ законовъ, къ которымъ бы можно обратиться; благоразуміе и опытность подаютъ одни лишь безполезные совѣты. Превосходство и весь блескъ добродѣтели, ума и самой храбрости не служатъ болѣе ни къ отличію,

ии къ охраненію гражданъ. Эти великолѣпные дворцы, составлявшіе гордость Государей, никому уже не принадлежатъ. Между многочисленными зданіями великой столицы, уже никто не находитъ пристанища, ни жилища. Въ городѣ нѣтъ болѣе воиновъ, ни градоначальниковъ; ни дворянъ, ни просвѣщенныхъ людей; ни бѣдныхъ, ни богатыхъ: все народонаселеніе есть не что иное, какъ стадо рабовъ, съ трепетомъ ожидающихъ присутствія раздраженнаго повелителя. Таковъ былъ Константинополь въ ту минуту, какъ побѣдители готовились вступить въ него! 1396 — 1453.

Когда нѣкоторые изъ защищавшихъ стѣны вошли въ городъ и извѣстили о приближеніи Турковъ, имъ не хотѣли вѣрить; но когда показались Мусульманскіе полки, народъ, говоритъ Греческій Историкъ Дука, *помертвѣлъ отъ страха и не могъ болѣе дышать.* Толпа бѣгала по улицамъ безъ всякой цѣли и испуская раздирающіе вопли. Жены, дѣти, старцы стремились въ храмы, какъ будто алтари Христовы могли укрыть ихъ отъ свирѣпыхъ поклонниковъ Магомета.

Мы не станемъ описывать бѣдствій, послѣдовавшихъ за взятіемъ Константинополя. Избіеніе безоружныхъ жителей, городъ отданный на расхищеніе, святыя мѣста

1396 — 1453. осквернения, поруганіе дѣвъ и знатныхъ Дамъ, цѣлое народонаселеніе обремененное цѣпями — вопъ ужасныя картины, кои находимъ въ одно время въ лѣтописяхъ Турковъ, Грековъ и Латинянъ. Такова была участь этого города, который частые переворопы покрыли развалинами, и который наконецъ сдѣлался игралищемъ и добычею народа, долго имъ презираемаго. Посреди столь многихъ раздирающихъ явленій, единственнымъ утѣшеніемъ служитъ добродѣтель Константина (1), который не хотѣлъ пережить своего отечества, и коего смерть была послѣдпею славою Восточной Имперіи (2).

При взглядѣ на слабость Греческой имперіи и могущество ея непріятелей, невольно удивляешься ея долговременному сопротивленію. Оттоманы имѣли всѣ страсти благопріятствующія завоеваніямъ; въ Грекахъ, напротивъ, не видимъ ни одного качества

(1) Характеръ Константина достоинъ быть воспѣтъ Эпическою музою. Одинъ изъ нашихъ знаменитѣйшихъ Государственныхъ мужей взялъ на себя эпопъ славный трудъ. Смотри Поэму послѣдняго Константина, сочиненіе Г-на *де Воблана*.

(2) Объ этой осадѣ Константинополя можно читать весьма подробное повѣствованіе *Гиббона*, и быстрый, но полный очеркъ Г-на *Салаберри*, въ его Исторіи *Оттоманской Имперіи*.

попребнаго для защиты: чтобы въ томъ убѣдиться, довольно обратить вниманіе на дѣйствія обоихъ народовъ. Когда Магометъ объявилъ о своемъ предпріятіи, Оттоманы спекались къ его воинству со всѣхъ частей имперіи; при первомъ же извѣстіи объ осадѣ, большая часть Константинопольскаго народонаселенія оставила городъ. Мы видѣли, какъ дервиши ободряли Мусульманскихъ солдатъ и представляли имъ войну противъ Грековъ, войною священною. Духовенство Греческое, напротивъ, приводило въ уныніе защитниковъ Византіи, и на сопротивленіе Константина смотрѣло почти, какъ на святотатство. Во время приступовъ, данныхъ для взятія Императорскаго города, Турецкіе солдаты, чтобы наполнить рвы, бросали въ нихъ свои шапры и пожитки, предпочитая побѣду всему, что имѣли. Извѣстно, что въ то же время, богатѣйшіе Греки занимались зарываніемъ своихъ сокровищъ, предпочитая богатство свое отечеству. Мы могли бы присовокупить еще другія замѣчательныя черты; но эти уже достаточно показываютъ, на чьей сторонѣ была сила. Наиболѣе предвѣщала разрушеніе Византіи слабая увѣренность Грековъ въ дальнѣйшемъ существованіи ихъ Имперіи. 1396—1453.

1396—1453. Древніе Римляне показали болѣе всего могущество и превосходство своего патріотизма, называя городъ свой, *градомъ вѣчнымъ*. Конспантинополь видѣлъ постепенное уменьшеніе числа своихъ защипниковъ и ослабленіе ихъ мужества, по мѣрѣ легкости, съ которою вкоренялись въ народѣ печальныя предсказанія о близкомъ его паденіи.

Когда Византія, въ началѣ XIII столѣтія, пала подъ ударами Латиновъ, Имперія еще имѣла большія средства къ защитѣ, однако жъ двадцать тысячъ крестоносцевъ завоевали ее; это показываетъ, что мужество Франковъ гораздо выше мужества Турковъ (1). Здѣсь, можетъ быть, настоящее мѣсто разсмотрѣть вліяніе Крестовыхъ

---

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Нельзя сравнивать качествъ двухъ совершенно различныхъ народовъ столь неопредѣленнымъ образомъ: полу-дикій Турокъ носитъ столько же мужества въ груди, какъ и образованный Франкъ; если жъ въ массѣ первые должны уступить послѣднимъ, то это должно приписать успѣхамъ просвѣщенія, доставляющимъ столь великое преимущество Европейцамъ. Еще не худо припомнить, что Франки, осаждая Конспантинополь, не встрѣтили такого отчаяннаго сопротивленія въ Грекахъ какъ Турки; и сверхъ того, внутрй города находились партіи, имъ благопріятствовавшія.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

№ I.

ПИСЬМО ГРАФА АРТУА О ВЗЯТІИ ДАМІЕТТЫ.

Своей прекраснѣйшей и дражайшей Матери
ланкѣ, преславной Королевѣ Французской,
ожіею милостію, Робертъ, Графъ Артуа, ея
реданный сынъ, желаетъ всякаго счастія и
ъявляетъ свою сыновнюю любовь и всегдаш-
ою покорность ея волѣ. Такъ какъ вы прини-
епе много участія въ нашемъ благополучіи,
благополучіи нашего войска и въ добрыхъ
спѣхахъ народа Христіанскаго, когда полу-
епе о нихъ вѣрныя свѣдѣнія, то безъ со-
нія добродѣтель ваша возрадуется, узнавъ,
по Его Величество, братъ и Король нашъ,
ролева и сестра ея, и мы также, благодаря
га, пользуемся совершеннымъ здравіемъ.
пъ всего сердца желаемъ вамъ пользоваться
акимъ же. Нашъ любезный братъ, Графъ

1396 — 1453. Древніе Римляне показали болѣе всего м гущество и превосходство своего патріо тизма, называя городъ свой, *градомъ вѣ ными*. Конспантинополь видѣлъ постепе ное уменьшеніе числа своихъ защитниковъ и ослабленіе ихъ мужества, по мѣрѣ легк сти, съ которою вкоренялись въ народ печальныя предсказанія о близкомъ его па деніи.

Когда Византія, въ началѣ XIII столѣ тія, пала подъ ударами Латиновъ, Импері еще имѣла большія средства къ защитѣ однако жъ двадцать тысячъ крестоносцев завоевали ее; это показываетъ, что муже ство Франковъ гораздо выше мужества Тур ковъ (1). Здѣсь, можетъ быть, настоящее мѣсто разсмотрѣть вліяніе Крестовых

---

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Нельзя сравнивать качеств двухъ совершенно различныхъ народовъ столь неопр дѣленнымъ образомъ: полу-дикій Турокъ носитъ столь же мужества въ груди, какъ и образованный Франк если жъ въ массѣ первые должны уступить послѣ нимъ, то это должно приписать успѣхамъ просвѣще нія, доставляющимъ столь великое преимущество Евр пейцамъ. Еще не худо припомнить, что Франки, ос ждая Конспантинополь, не встрѣтили такого отчая наго сопротивленія въ Грекахъ какъ Турки; и сверх того, внутрй города находились партіи, имъ благо-пріятствовавшія.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

№ I.

ПИСЬМО ГРАФА АРТУА О ВЗЯТІИ ДАМІЕТТЫ.

Своей прекраснѣйшей и дражайшей Матери Бланкѣ, преславной Королевѣ Французской, Божіею милостію, Робертъ, Графъ Артуа, ея преданный сынъ, желаетъ всякаго счастія и изъявляетъ свою сыновнюю любовь и всегдашнюю покорность ея волѣ. Такъ какъ вы принимаете много участія въ нашемъ благополучіи, въ благополучіи нашего войска и въ добрыхъ успѣхахъ народа Христіанскаго, когда получаете о нихъ вѣрныя свѣдѣнія, то безъ сомнѣнія добродѣтель ваша возрадуется, узнавъ, что Его Величество, братъ и Король нашъ, Королева и сестра ея, и мы также, благодаря Бога, пользуемся совершеннымъ здравіемъ. Отъ всего сердца желаемъ вамъ пользоваться такимъ же. Нашъ любезный братъ, Графъ

Анжуйскій, еще не избавился отъ своей четыредневной лихорадки, но ему гораздо легче. Державный братъ нашъ, Бароны и поклонники, проведшіе зиму на островѣ Кипрѣ, собрались на корабляхъ своихъ въ вечеръ Вознесенія, въ гавани *Лимиссо*, чтобы отправиться противъ враговъ Вѣры Христіанской. Послѣ многихъ трудовъ и препятствій со стороны вѣтровъ, они прибыли, съ помощію Божіею, въ первую Пятницу, послѣ Святой Троицы, около полудня къ берегу, гдѣ бросивъ якорь, собрались всѣ на кораблѣ Короля для совѣщанія о томъ, что должно дѣлать. Увидѣвъ предъ собою Даміетту и гавань, охраняемыя великимъ множествомъ варваровъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ, и устье рѣки покрытое большимъ числомъ военныхъ судовъ, рѣшили, чтобы завтра всѣ вышли на берегъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ.

На другой день войско Христіанское, оставивъ свои большіе корабли, сѣло на галеры и другія маленькія суда. Въ полной вѣрѣ въ милосердіе Бога и въ помощь Креста, который Легатъ несъ подлѣ Короля, оно поплыло къ землѣ противъ враговъ, мешавшихъ въ него множество стрѣлъ. Но такъ какъ суда, по причинѣ мелководія, не могли приблизиться къ берегу, то рать Христіанская, оставивъ ихъ на волю Божію, бросилась въ волны и вышла на землю въ полномъ вооруженіи. Хотя толпа Турковъ защищала берегъ противъ Христіанъ, однако, благодаря Господа нашего

Іисуса Христа, послѣдніе овладѣли имъ безъ всякаго урона, и убили множество всадниковъ и пѣшихъ, и между ними, говорятъ, нѣсколько важныхъ лицъ. Саррацины отступили въ городъ, который былъ очень хорошо укрѣпленъ рѣкою, стѣнами и крѣпкими башнями; но Господь Всемогущій предалъ его на другой день, въ осьмой послѣ Св. Троицы, войску Христіанскому; Саррацины, покинувъ его, убѣжали. Это свершилось одною только милостію Божіею. Да будетъ вамъ извѣстно, что эти Саррацины бросили городъ, наполненный всякаго рода запасами и военными машинами. Войско Христіанское, снабдивъ себя ими вдоволь, еще оставило половину изъ того для продовольствія города. Король, повелитель нашъ, расположился въ немъ съ своимъ войскомъ, и во время своего пребыванія велѣлъ перевезти съ кораблей все необходимое. Мы думали, что простоимъ тамъ, пока сбудутъ Нильскія воды, кои, какъ говорятъ, должны наводнить страну, и тѣмъ причинили бы ущербъ Христіанской рати.

Графиня Анжуйская разрѣшилась на островѣ Кипрѣ прекраснымъ мальчикомъ, хорошаго сложенія, котораго она оставила тамъ у кормилицы. Послано, изъ лагеря *Джалы*, отъ Рождества Христова 1249 года, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, наканунѣ дня Іоанна Крестителя.

№ II.

ДРУГОЕ ПИСЬМО О ВЗЯТІИ ДАМІЕТТЫ.

Гюи, членъ дома Виконта Мелюнскаго, своему любезному единоутробному брату и другу *Б. де Карн.*, Студенту въ Парижѣ, здравія желаетъ. Зная, что вы безпокоитесь о состояніи Святой Земли и Короля Французскаго, сколько за всеобщее благоденствіе Церкви, столько и по причинѣ большаго числа родственниковъ и друзей, которые сражаются за Іисуса Христа, подъ предводительствомъ Короля, я счелъ долгомъ своимъ доставить вамъ свѣдѣнія о происшествіяхъ, уже безъ сомнѣнія принесенныхъ къ вамъ молвою. Послѣ совѣщанія нарочно для того собраннаго, мы отправились изъ Кипра на Востокъ. Мы намѣревались напасть на Александрію; но по прошествіи нѣсколькихъ дней, поднялась внезапная буря и носила насъ по обширному пространству моря. Многіе изъ нашихъ кораблей были отбиты и разсѣяны. Суданъ Каирскій и другіе Князья Саррацинскіе узнали черезъ лазутчиковъ, что мы хотѣли напасть на Александрію; они собрали безчисленную толпу вооруженныхъ людей изъ Каира, а равно изъ Даміетты и Александріи, и ждали насъ, намѣреваясь всѣхъ предать мечу. Цѣлую ночь порывистый вѣтеръ бросалъ насъ по волнамъ, но къ утру небо смягчилось, вѣтеръ

спихъ, и разсѣянные корабли наши благополучно соединились. Мы поставили на верху мачты опытнаго лоцмана, который зналъ всѣ берега и многія пуземныя нарѣчія, и котораго мы считали надежнымъ путеуказателемъ.

Обозрѣвъ внимательно всѣ окружныя мѣста, онъ вскричалъ: «Помоги намъ Богъ! «помоги намъ Богъ! мы въ виду Даміетты.» Уже мы всѣ могли различить землю. Другіе лоцмана объявили тоже самое на другихъ корабляхъ. Король, увѣрясь въ нашемъ положеніи, старался оживить и утѣшить своихъ спутниковъ, и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Мои вѣрные друзья, «мы непобѣдимы, если пребудемъ неразлучны «въ нашемъ братолюбіи. Не безъ Божескаго «позволенія перенесены мы сюда, чтобы «приступить къ землѣ, столь сильно защи«щаемой. Я не Король Французскій, я не «Святая Церковь: вы и то и другое. Я не «болѣе, какъ человѣкъ, коего жизнь погас«нетъ, какъ и всякаго другаго, когда Богъ «захочетъ. Все для насъ выгодно, что ни «случилось бы съ нами. Если насъ побѣдятъ, «то мы мученики; если мы восторжествуем, то превознесется отъ того слава «Всевышняго; слава же Франціи и даже Хри«стіанства увеличится. Конечно безумно «думаютъ тѣ, кои полагаютъ, что Богъ «напрасно возбудилъ меня, Онъ, Который «все предвидитъ. Здѣсь Его дѣло; мы побѣ«димъ за Іисуса Христа, и Онъ восторже-

«спвуепъ въ насъ. Онъ дасптъ славу, чесптъ «и благословеніе не намъ, а Имени Своему.»

Между пѣмъ собранные корабли наши приближались къ берегу. Жипели Даміеппы и сосѣднихъ береговъ могли видѣпь напъ флопъ, копорый сосповлъ изъ полупоры пысячи судовъ, кромѣ пѣхъ, кои были разсѣяны, числомъ до спа пяпидесяпи. Въ наши времена еще никогда не видали сполъ многочисленнаго соединенія кораблей. Жипели Даміеппы, удивленные и испуганные, превыше всякаго выраженія, послали чепыре хорошія галеры съ пирапами, весьма искусными, чпобы разсмопрѣпь и узнапь, кпо мы пакіе и чего мы пребуемъ. Подойдя къ намъ на довольно близкое разспояніе, чпобы различипь наши корабли, они спали колебапься и убавили ходу, и какъ будпо удосповѣрясь въ помъ, чпо должны были донеспи, располагали возвращипься назадъ; но наши галеры уже пѣснили ихъ очень близко и принудили спуспипь паруса. Солдапы, видя пвердоспь Короля и его непоколебимую рѣшимоспь, пригоповились, по его приказаніямъ, къ морскому сраженію. Король повелѣлъ схвапипь эпихъ пираповъ и всѣхъ; копорые за ними послѣдуюпъ, и приспапь къ берегу, чпобы памъ высадипься силою. И пакъ мы начали бросапь въ нихъ зажженныя спрѣлы, а изъ капапульпъ камни, послѣднія были расположены пакъ чпо мепали далеко и разомъ по пяпи и шеспи камней и по нѣскольку горшковъ, наполнен-

ныхъ извѣстью. Стрѣлы пронзали пиратовъ и ихъ суда, камни поражали ихъ, извѣсть сожигала все къ чему прикасалась. И дѣйствительно, при непріятельскія галеры вдругъ потонули. Однако мы спасли нѣсколько пиратовъ. Четвертая галера удалилась сильно поврежденная. Пытками мы добились правды отъ пиратовъ, попавшихся живыми въ наши руки. Узнали, что граждане Даміетты покинули этотъ городъ, и что насъ ожидали въ Александріи. Пираты, коимъ удалось спастись, иные смертельно раненные, съ жалобными криками поспѣшили увѣдомить толпу Сарацинъ, ожидавшую ихъ на берегу, что море покрыто приближающимся флотомъ; что Король Французскій наступаетъ какъ врагъ съ несмѣтнымъ числомъ рыцарей. Они увѣряли, что Христіанъ приходилось десять тысячъ на каждаго изъ нихъ, и что они сыплятъ огонь, камни и облака пыли. Во всякомъ случаѣ, прибавили разбойники, пока они еще утомлены трудностями морскаго пути, если вамъ дороги ваша жизнь и ваши жилища, спѣшите истребить ихъ или по крайней мѣрѣ отражайте ихъ мужественно, доколѣ не извѣстятъ о томъ нашихъ войскъ. Мы спаслись только одни и то съ большимъ трудомъ, чтобы увѣдомить васъ. Мы узнали знамена непріятелей; вотъ они съ яростью устремляются на насъ, готовые сразиться на сушѣ и на морѣ.

Испакъ страхъ и недовѣрчивость овладѣли врагами. Всѣ наши, увѣрясь въ истинѣ, возъ-

имѣли прекраснѣйшія надежды. Наперерывъ другъ передъ другомъ соскакивали они съ кораблей своихъ въ лодки, потому что море было неглубоко у береговъ. По неудобству причалить къ землѣ, многіе ратники бросились въ море, по особенному приказанію Короля, и воды было имъ по поясъ. Немедленно завязалась самая жаркая схватка; за этими первыми крестоносцами послѣдовали другіе, и вся сила зловѣрныхъ была разсѣяна. Мы потеряли только одного изъ нашихъ отъ меча непріятельскаго; двое или трое другихъ, нетерпѣливо желая сразиться, бросились слишкомъ рано въ воду и тамъ погибли. Саррацины обратили тылъ и со спыдомъ спремглавъ бѣжали въ свой городъ, потерявъ много народу и унося съ собою множество смертельно раненныхъ или изувѣченныхъ.

Мы преслѣдовали ихъ по пятамъ; но начальники, опасаясь засады, насъ удерживали. Пока мы сражались, невольники и заключенные освободились отъ своихъ цѣпей, потому что тюремные стражи вышли также противъ насъ; въ городѣ осставались только женщины, дѣти и больные. Эти невольники и заключенные выбѣжали внѣ себя отъ радости къ намъ на встрѣчу, съ криками: *benedictus qui venit in nomine Dei* (благословенъ грядый во имя Господне). Все это произошло въ Пятницу, день Спраданій нашего Господа, и изъ этого заключили благопріятное предзнаменованіе. Король вышелъ на

берегъ съ чувствомъ безопасности и радости, равно какъ и вся рать Христіанская. Отдыхали до утра, и на другой день овладѣли всѣмъ остальнымъ прибрежіемъ, еще незаняпымъ; въ этомъ случаѣ намъ помогали и указывали невольники, знавшіе хорошо страну и дороги; но во время ночи, Саррацины, свѣдавъ, что нѣсколько рабовъ и плѣнниковъ скрылись, умертвили оставшихся, и сдѣлали изъ нихъ доспославныхъ мучениковъ Христовыхъ, себѣ жъ на погибель. Въ слѣдующую ночь на Воскресенье, Сарранины, видя многочисленность приходившихъ Христіанъ, ихъ мужество, твердость и внезапное опустошеніе города, какъ будто по недостатку силъ и оружія, вышли съ своими вождями, уводя своихъ женъ и дѣтей, и взявъ съ собою все, что можно было унести. Они убѣжали сквозь маленькія ворота, уже съ давняго времени ими продѣланныя съ другой стороны города. Одни спаслись сухимъ путемъ, другіе моремъ, покинувъ городъ, наполненный множествомъ снадобья. Въ тотъ же день, въ три часа, два плѣнника, случаемъ ускользнувшіе изъ рукъ Сарранинъ, пришли увѣдомить насъ о происшедшемъ. Король не страшась болѣе засады, вступилъ въ девять часовъ въ городъ безъ пролитія крови и безъ всякаго препятствія. Изъ всѣхъ вступившихъ туда, былъ опасно раненъ одинъ только Гуго, Брюнъ, Графъ де ла Маршъ, который умеръ, потерявъ слишкомъ много крови изъ своихъ ранъ. Дол-

жно прибавить, что Саррацины, рѣшившись бѣжать, пускали въ насъ много греческаго огня, причинявшаго намъ великій вредъ, потому что его наносилъ вѣтеръ, дувшій со стороны города; но вѣтеръ, вдругъ перемѣнясь, понесъ этотъ огонъ на Даміетту, гдѣ сжегъ нѣсколько человѣкъ, и гдѣ гораздо болѣе причинилъ бы опустошеній, если бы оставшіеся рабы не поспѣшили потушить его знакомымъ имъ способомъ и также по волѣ Божіей. Король, вступивъ такимъ образомъ посреди радости въ городъ, пошелъ немедленно въ храмъ Саррациновъ молиться и благодарить Бога, котораго онъ считалъ виновникомъ всего происшедшаго. Тамъ воспѣли *Тебе Бога хвалимъ*, и по очищеніи и освященіи храма, отслужили обѣдню.

Мы нашли въ городѣ несмѣтное количество съѣстныхъ припасовъ, оружія, машинъ, драгоцѣнной одежды, золотой, серебряной утвари и многихъ другихъ предметовъ. Кромѣ того мы перевезли съ кораблей наши запасы и прочія необходимыя намъ вещи. По вліянію небесной щедрости, рать Христіанская, подобно водоему, который значительно увеличивается потоками въ него впекающими, съ каждымъ днемъ умножалась милиціею Тевтоническихъ витязей, также Храмовыми и Спраннопріимными рыцарями, не говоря о поклонникахъ, ежеминутно прибывающихъ. Тампліеры и Спраннопріимцы сначала не хотѣли вѣрить подобной побѣдѣ; и подлинно, тутъ нѣтъ ничего вѣроятнаго; ибо все

это походитъ на чудо, особенно же этотъ греческій огонь, опрокинутый вѣтромъ на голову тѣхъ, кои его пускали въ насъ. Такое чудо случилось нѣкогда въ Антіохіи. Нѣкоторые изъ зловѣрныхъ обратились въ Вѣру Христову, и доселѣ еще не измѣнили намъ. Что же касается до насъ, то наученные прошедшимъ, мы въ нашихъ послѣдующихъ поступкахъ будемъ очень благоразумны и осторожны. Мы имѣемъ при себѣ вѣрныхъ Азіятцевъ, на коихъ можемъ надѣяться; они знаютъ всю страну и всѣ опасности ею представляемыя. Крещеніе приняли они съ истиннымъ благочестіемъ. Пока я пишу это, вожди разсуждаютъ о томъ, что должно дѣлать. Вопросъ предложенъ, итти ли на Александрію или на Каиръ. Еще не знаю на что рѣшились, а что случится васъ увѣдомлю. Суданъ Каирскій, узнавъ это, объявилъ намъ общее сраженіе въ день Св. Іоанна Крестителя, и на томъ мѣстѣ, сказалъ онъ, которое изберутъ обѣ рати, пусть рѣшитъ счастье между жителями Востока и жителями Запада, и пусть тотъ, кому рокъ даруетъ побѣду, ею превознесется, а побѣжденный униженно ему покорится. Король отвѣчалъ: что онъ не вызываетъ врага Христова въ тотъ или другой день предпочтительнѣе, и совсѣмъ не назначаетъ срока для отдыха; но что онъ вызываетъ его завтра и во всѣ дни своей жизни, доколѣ онъ самъ не сжалится надъ своею душею и не обратится къ Господу, Который

желаетъ спасти всѣхъ, и открываетъ нѣдро Своего милосердія всѣмъ къ Нему обращающимся.

Мы ничего не узнали достовѣрнаго или заслуживающаго быть вамъ переданнымъ, касательно Тапаръ. Мы не можемъ надѣяться на честность отъ людей коварныхъ, на человѣколюбіе отъ людей безчеловѣчныхъ, на Христолюбіе отъ *псовъ* (caninis), развѣ одинъ Богъ, Кому все возможно, произведетъ эту перемѣну. Онъ очистилъ Святую Землю отъ преступныхъ Харазцевъ (Хивинцевъ); Онъ истребилъ ихъ и совершенно стеръ съ лица земли. Когда узнаю что-нибудь вѣрнаго или замѣчательнаго о Тапарахъ или другихъ народахъ, увѣдомлю васъ письменно или чрезъ Рожера де Монѣагона, который весною долженъ ѣхать во Францію къ знаменитому нашему Виконту, чтобы доспать намъ денегъ.

№ III.

ПИСЬМО Св. ЛЮДОВИКА О СВОЕМЪ ПЛѢНѢ И СВОЕМЪ ОСВОБОЖДЕНИИ.

Людовикъ, милостію Божіею, Король Французовъ, своимъ любезнымъ и вѣрнымъ Прелатамъ, Баронамъ, воинамъ, гражданамъ, мѣща-

намъ и всѣмъ прочимъ жипелямъ своего королевспва, коимъ придупъ сіи письма, здравія желаепъ:

Для чеспи и славы Имени Божія, желая всею душею продолжапь предпріяпіе Крепповаго похода, мы сочли себя обязаннымъ увѣдомипь всѣхъ васъ, чпо послѣ взяпія Даміепппы, копорую Господь намъ Іисусъ Христосъ по неизреченной Своей благоспи, предалъ, какъ бы нѣкимъ чудомъ во власпь Христіанъ, чпо вамъ безъ сомнѣнія уже извѣспно изъ увѣдомипельнаго письма нашего Совѣпа, мы опправились изъ эпого города 20-го числа, послѣдняго Ноября мѣсяца. Когда собрались наши сухопупныя и морскія силы, мы пошли пропивъ войска Саррацинъ, копорое было собрано и расположено лагеремъ въ одномъ мѣспѣ, обыкновенно называемомъ *Массуръ*. Во время пупи, мы выдержали нападенія непріяпелей, кои поспоянно преперпѣвали довольно значипельный уронъ. Однажды, между прочимъ, многіе солдапы изъ войска Египепскаго, прибывшіе сразипься съ нашими, были всѣ убипы. На дорогѣ узнали мы, чпо Суданъ Каирскій кончилъ свою несчаспную жизнь; умирая, онъ послалъ за своимъ сыномъ, копорый оспавался въ восточныхъ провинціяхъ, и взялъ кляпву въ вѣрноспи эпому Принцу со всѣхъ главныхъ начальниковъ своей рапи, и поручилъ предводипельспво всѣми своими силами одному изъ Эмировъ, по имени Факардину. Прибывъ въ вышеупомянупое мѣспо, мы нашли, чпо всѣ эпи вѣспи справедливы.

Пришли мы туда во Вторникъ, на недѣли предшествующей празднику Рождества; но мы не могли приблизиться къ Саррацинамъ, по причинѣ потока, протекавшаго между обѣими ратями, который называется рѣкою *Танисомъ*, и есть рукавъ, отдѣлившійся отъ большой рѣки Нила. Мы раскинули станъ нашъ между этими двумя рѣками, простираясь отъ большой до малой. Здѣсь мы имѣли нѣсколько стычекъ съ Саррацинами, которые потеряли многихъ солдатъ отъ нашего меча, но изъ коихъ большее число потонуло въ рѣкахъ. Видя, что рѣка Танисъ неспособна къ броду, по причинѣ глубины своихъ водъ и крутизны береговъ, мы начали дѣлать на ней насыпь для отврытія пути Христіанскому войску; мы трудились надъ нею нѣсколько дней, вопреки безконечныхъ препятствій, опасностей и издержекъ. Саррацины всѣми силами противились нашимъ работамъ: поставили махины противъ нашихъ махинъ; разбили камнями и сожгли своимъ греческимъ огнемъ деревянныя башни, построенныя нами на плотинѣ. Мы почти теряли уже всякую надежду переправиться чрезъ эту насыпь, какъ Саррацинскій перемѣтчикъ указалъ намъ бродъ, гдѣ Христіанская рать можетъ перейти чрезъ рѣку. Созвавъ нашихъ Бароновъ и Старшинъ нашего войска въ Понедѣльникъ, передъ совершеніемъ обряда *посыпанія пепломъ* (le lundi d'avant les *cendres*) (1)

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* При совершеніи въ Римско-Каѳолической Церкви обряда *посыпанія пепломъ*, Священникъ произноситъ слова, сказанныя Богомъ падшему

мы рѣшили съ ними на другой день, то есть, передъ самымъ *наступленіемъ поста* (le Jour de carême *prenant*), рано по утру итти въ указанное мѣсто для перехода чрезъ рѣку, и оставить небольшую часть войска для охраненія стана. На разсвѣтѣ, построивъ полки въ боевой порядокъ, мы пришли на то мѣсто, и переправились на другую сторону, подвергаясь большимъ неудобствамъ, ибо бродъ былъ глубже и опаснѣе, нежели какъ увѣряли. Лошади принуждены были плыть, и не легко было выйти изъ рѣки, по причинѣ высокаго иловатаго берега. Перейдя за рѣку, мы устремились на топъ пунктъ, гдѣ стояли машины Саррацинъ, насупротивъ нашей насыпи. Наше передовое войско, напавъ на непріятеля, умертвило много народа и не пощадило ни пола, ни возраста. Саррацины въ томъ числѣ потеряли одного начальника и нѣсколько Эмировъ. Наши войска потомъ разсѣялись, и нѣкоторые изъ нашихъ солдатъ, пройдя черезъ станъ непріятельскій, проникнули въ село, по имени *Массуръ*, убивая все на пути своемъ: но Саррацины, замѣтивъ неосторожность нашихъ, ободрились и бросились на нихъ; они окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и подавили числомъ своимъ. Тогда произошло великое избіеніе нашихъ Бароновъ и нашихъ воиновъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, потерю коихъ мы справедливо оплакивали, и еще

Адаму: *Земля еси, и въ землю отыдеши* (*Pulvis es et in pulverem reverteris*). Бытія главы III, ст. 19.

нынѣ оплакиваемъ. Здѣсь потеряли мы также нашего храбраго и знаменитаго брата, Графа Артуа, достойнаго вѣчной памяти. Съ душевною скорбію вспоминаемъ мы объ этой горестной утратѣ, хотя скорѣе должны мы ей радоваться, ибо мы думаемъ и надѣемся, что получивъ вѣнецъ мученическій, онъ переселился въ небесное отечество, и тамъ наслаждается наградою, предоставленною Святымъ Мученикамъ. Въ этотъ день Саррацины нападали на насъ со всѣхъ сторонъ и осыпали насъ градомъ стрѣлъ; мы выдерживали ихъ упорные написки до девятаго часа, пока совершенно не лишились помощи нашихъ каменометницъ. Наконецъ, потерявъ большое число ратниковъ и лошадей убитыми и раненными, съ помощію Господа нашего мы удержали нашу позицію, и собравшись тамъ, въ тотъ же день раскинули лагерь нашъ подлѣ машинъ Саррацинскихъ. Мы остались тамъ съ небольшимъ числомъ нашихъ, и сдѣлали барочный мостъ, чтобы находившіеся по ту сторону рѣки могли присоединиться къ намъ. На другой день многіе изъ нихъ переправились и расположились станомъ подлѣ насъ. Тогда, по истребленіи Саррацинскихъ махинъ, солдаты наши могли свободно и безопасно ходить и возвращаться изъ одной арміи въ другую черезъ барочный мостъ. Въ слѣдующую Пятницу, *дѣти погибельныя* (Les enfants de perdition), собравъ со всѣхъ сторонъ свои силы, намѣревались истребить рать Христіанскую, напали на наши окопы

съ чрезвычайною дерзостью и въ несмѣшномъ числѣ: напискъ былъ такъ ужасенъ съ той и другой стороны, что не видали, говорятъ, никогда подобнаго въ этихъ краяхъ. Съ помощію Бога мы успояли вездѣ; опразили враговъ, и повалили большое число подъ нашими ударами. Спустя нѣсколько дней, сынъ Судана прибылъ въ *Массуръ* изъ восточныхъ областей. Египтяне приняли его какъ своего повелителя и съ восторгами радости. Его прибытіе удвоило ихъ мужество: но съ этой минуты, не знаемъ по какому Суду Божескому, все пошло у насъ вопреки нашимъ желаніямъ. Заразительная болѣзнь поселилась у насъ въ войскѣ и похитила людей и животныхъ, такъ что почти всѣ или оплакивали своихъ товарищей, или ухаживали за больными. Рать Христіанская въ короткое время очень убавилась. Сдѣлалась столь великая скудость, что многіе гибли отъ нужды и голода; суда Даміеттскія не могли снабжать продовольствіемъ войско, потому что корабли и пираты непріятельскіе преграждали имъ путь. Они захватили даже многія изъ нашихъ судовъ, а потомъ овладѣли однимъ за другимъ двумя караванами, кои везли къ намъ снаряды и съѣстные припасы, и умертвили большое число матросовъ и другихъ пасажировъ. Крайній недостатокъ въ продовольствіи людей и коней распространилъ въ войскѣ опустошенія и ужасъ, и присоединясь къ потерямъ нами претерпѣннымъ, принудилъ насъ оста-

вить нашу позицію и возвратиться въ Даміетту, если такова будетъ воля Божія: но *какъ пути человѣка не въ немъ самомъ находятся, но въ Томъ, Кто направляетъ стопы его и все располагаетъ по волѣ своей*, то во время нашего перехода, т. е. 5-го Апрѣля, Саррацины, собравъ всѣ свои силы, напали на рать Христіанскую, и попущеніемъ Божіимъ, и по причинѣ нашихъ прегрѣшеній, мы пали во власть непріятеля. Мы и наши любезные братья Графы Пуатье и Анжуйскій, и другіе возвращавшіеся съ нами сухимъ путемъ, всѣ взяты были въ плѣнъ, не безъ великаго убійства и великаго пролитія крови Христіанской. Также большая часть возвращавшихся рѣкою были равномѣрно взяты въ плѣнъ или убиты. Суда, на коихъ они ѣхали, были большею частію сожжены вмѣстѣ съ больными на нихъ находившимися. Спустя нѣсколько дней, послѣ нашего плѣна, Суданъ предложилъ намъ перемиріе; онъ просилъ убѣдительно, но также съ угрозами, сдачи Даміетты и всего что мы въ ней нашли, и требовалъ вознагражденія всѣхъ убытковъ и всѣхъ издержекъ, понесенныхъ имъ до сего дня съ той самой минуты, какъ Христіане вступили въ Даміетту. Послѣ многихъ совѣщаній, мы заключили перемиріе на десять лѣтъ на слѣдующихъ условіяхъ:

«Суданъ освободитъ изъ плѣна и позволитъ итти, куда угодно, намъ и всѣмъ тѣмъ, коихъ Саррацины взяли въ плѣнъ со

времени нашего прибытія въ Египетъ, и всѣмъ другимъ Христіанамъ, изъ какой бы земли они ни были, кои подвергнуты были неволѣ съ тѣхъ поръ, какъ Суданъ Камель, дѣдъ нынѣ царствующаго Судана, заключилъ перемиріе съ Императоромъ. Христіане будутъ мирно владѣть всѣми землями, кои принадлежали имъ въ царствѣ Іерусалимскомъ во время нашего прибытія. Что до насъ, мы обязались возвратить Даміетту и заплатить восемь сотъ тысячъ Саррацинскихъ безановъ за освобожденіе плѣнныхъ и за упомянутые убытки и издержки (мы заплатили уже 400 т.), и отдать всѣхъ Саррацинъ, взятыхъ въ плѣнъ Христіанами въ Египтѣ равно какъ и въ царствѣ Іерусалимскомъ, со времени перемирія заключеннаго между тѣмъ же Императоромъ и тѣмъ же Суданомъ. Всѣ наши пожитки, также и находившихся въ Даміеттѣ, останутся, послѣ нашего отъѣзда, подъ охраненіемъ и защитою Судана, и будутъ перевезены въ отечество Христіанъ, когда случай тому представится. Всѣ больные Христіане, и тѣ, кои останутся въ Даміеттѣ для продажи своей собственности, будутъ пользоваться равною безопасностью, и удалятся оттуда сухимъ путемъ или моремъ, когда захотятъ, безъ всякаго препятствія или запрещенія. Суданъ взялъ на себя дать *пропускной листъ* до самаго отечества Христіанъ тѣмъ, кои пожелали бы возвратиться сухимъ путемъ. »

Это перемиріе, заключенное съ Суданомъ, подтверждено было клятвою съ обѣихъ сторонъ, и уже Суданъ выступилъ въ походъ для занятія Даміетты и исполненія установленныхъ условій, когда, по нѣкоему Суду Божескому, нѣкоторые воины Саррацинскіе, безъ сомнѣнія въ соумышленіи съ большею частію войска, бросились на Судана въ ту минуту, какъ онъ вставалъ изъ за стола, и нанесли ему жестокія раны. Суданъ, не смотря на это, вышелъ изъ своего шатра, надѣясь спастись бѣгствомъ; но онъ былъ убитъ ударами меча въ присутствіи почти всѣхъ Эмировъ и множества другихъ Саррацинъ. Послѣ сего многіе Саррацины, въ первую минуту своей ярости, съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ нашу ставку, какъ бы въ намѣреніи, и какъ многіе изъ насъ того опасались, умертвить насъ и другихъ Христіанъ: но когда бѣшенство ихъ укротилось милосердіемъ Божіимъ, они стали насъ убѣждать выполнить условія перемирія. Впрочемъ слова и настоянія ихъ были соединены съ страшными угрозами: наконецъ волею Божіею, Который есть Отецъ милосердія, утѣшитель скорбящихъ, и Который внимаетъ стенаніямъ рабовъ Своихъ, мы подтвердили новою клятвою перемиріе, уже заключенное нами съ Суданомъ. Мы получили отъ нихъ всѣхъ и порознь отъ каждаго такую же клятву, сообразно съ ихъ закономъ, соблюдать условія перемирія. Назначили срокъ для выдачи плѣнныхъ и го-

рода Даміетты. Не безъ запрудненій согласились мы съ Суданомъ о сдачи этой крѣпости; не безъ запрудненій также мы опять условились о ней съ Эмирами. Не имѣя никакой надежды удержать ее, по словамъ возвратившихся изъ Даміетты и знавшихъ настоящее положеніе вещей, съ согласія Бароновъ Французскихъ и многихъ другихъ, мы разсудили, что для Христіанства лучше, чтобы освободиться намъ и другимъ плѣннымъ посредствомъ перемирія, нежели городу этому защищаться съ остальными Христіанами, а намъ и другимъ плѣннымъ оставаться въ неволѣ, подвергаясь всѣмъ опасностямъ подобнаго плѣна: поэтому въ назначенный день Эмирамъ возвращенъ городъ Даміетта, послѣ чего они освободили насъ и нашихъ братьевъ и Графовъ Фландрскаго, Бретанскаго и Суассонскаго, и многихъ другихъ Бароновъ королевствъ Французскаго, Іерусалимскаго и Кипрскаго. Тогда мы были въ полной надеждѣ, что они выдадутъ и освободятъ всѣхъ прочихъ Христіанъ, и что, сообразно съ содержаніемъ договора, они сдержатъ свою клятву.

Сдѣлавъ это, мы покинули Египетъ, оставивъ тамъ нѣкоторыхъ особъ съ порученіемъ принять плѣнныхъ изъ рукъ Саррацинъ, и охранять вещи, коихъ мы не могли взять съ собою, по недостатку судовъ для перевозки. Прибывъ сюда, мы послали въ Египетъ корабли и повѣренныхъ для привезенія оттуда плѣнныхъ (ибо освобожденіе сихъ

плѣнныхъ сосплавляетъ всѣ наши забопы), также и прочихъ вещей, нами оспавленныхъ тамъ, какъ по: машинъ, оружія, палапокъ; нѣкопораго количеспва лошадей и многихъ другихъ предметовъ; но Эмиры, продержавъ долго эпихъ повѣренныхъ въ Каирѣ, вручили имъ только четыреспа плѣнныхъ изъ двѣнадцапи тысячъ, находящихся въ Египптѣ. Нѣкопорые даже вышли изъ заключенія не иначе, какъ заплапивъ за себя деньги. Изъ прочихъ же вещей Эмиры ничего не хопѣли опдапь; но всего ненависпнѣе по, чпо по заключеніи и подпвержденіи клятвою перемирія, какъ говорили о помъ возвращившіеся изъ спраны эпой нашп повѣренные и плѣнные, заслуживаюпіе довѣріе, они выбрали изъ числа плѣнниковъ молодыхъ людей, копорыхъ принуждали, поднявъ мечь надъ головою ихъ, опринупь вѣру Каполическую и принять законъ Магомепов, чпо многіе и сдѣлали по своей слабоспи; но другіе, какъ мужеспвенные бойцы, укоренившіеся въ вѣрѣ, и непресланно укрѣплявшіеся въ своемъ пвердомъ намѣреніи, не могли быпь попрясены ни угрозами, ни ударами непріятелей, и спяжали вѣнецъ мученическій. Ихъ кровь, мы въ пом увѣрены, взываепъ къ Господу за народъ Хриспіанскій; они будупъ во дворѣ небесномъ нашими ходапаями предъ Верховнымъ Судіею, и принесупъ намъ болѣе пользы въ семъ опечеспвѣ, нежели если бы мы сохранили ихъ на землѣ. Мусульмане пакже умерпвили многихъ больныхъ Хриспіанъ, оспававшихся въ Даміепшѣ. Хопя мы

соблюли условія договора, заключеннаго съ ними, и всегда готовы были впередъ соблюдать ихъ, однако мы вовсе не были увѣрены, что они освободятъ Христіанскихъ плѣнныхъ и возвратятъ намъ нашу собственность. Послѣ заключенія перемирія и послѣ нашего освобожденія, находясь въ полной увѣренности, что Христіанскія страны за-моремъ пребудутъ въ мирѣ до окончанія перемирія, мы пожелали и намѣревались воротиться во Францію. Уже мы располагали приступить къ приготовленіямъ къ отъѣзду; но когда ясно увидѣли изъ описаннаго нами, что Эмиры явно нарушаютъ перемиріе, и, презирая всѣ клятвы, не стращатся обманывать насъ и все Христіанство, мы собрали Бароновъ Французскихъ, Прелатовъ, рыцарей Храма, рыцарей Страннопріимнаго и Тевтоническаго Орденовъ, и Бароновъ царства Іерусалимскаго, и просили совѣта ихъ о томъ, что должно дѣлать. Большая часть изъ нихъ были мнѣнія, что если мы удалимся въ это время и покинемъ страну, которую ежеминутно можемъ потерять, значитъ совершенно предадимъ ее Саррацинамъ, особенно, по причинѣ ея оскудѣвшаго и слабаго положенія, и въ такомъ случаѣ, мы можемъ считать потерянными и безъ всякой надежды на освобожденіе плѣнныхъ Христіанъ, оставшихся во власти непріятеля. Напротивъ же, если мы останемся, говорили они, то еще не исчезла надежда со временемъ пріобрѣсти нѣкоторыя выгоды, какъ то: освобожденіе плѣнныхъ, сохраненіе замковъ и крѣпостей

царства Іерусалимскаго, и другія преимущества для Христіанства, особенно съ нѣхъ поръ, какъ возникъ раздоръ между Суданомъ Алепскимъ и правителями Каира. Уже этотъ Суданъ, собравъ войска свои, овладѣлъ Дамаскомъ и нѣкоторыми замками, принадлежавшими повелителю Каира. Говорятъ, что онъ намѣренъ вступить въ Египетъ, отмстить смерть Судана, убитаго Эмирами, и если возможно, завладѣть всею страною. Принявъ все это въ разсужденіе, и соболѣзнуя о Святой Землѣ въ ея бѣдствіяхъ и страданіяхъ, мы, пришедшіе къ ней на помощь, скорбя о горькой участи и неволѣ нашихъ плѣнныхъ, не смотря на то, что многіе увѣщевали насъ не оставаться долѣе за-моремъ, мы рѣшились лучше отсрочить нашъ отъѣздъ и пробыть еще нѣсколько времени въ Сиріи, нежели бросить совершенно дѣло Іисуса Христа и покинуть нашихъ плѣнныхъ посреди такихъ великихъ опасностей. Но мы рѣшились отправить обратно во Францію нашихъ любезныхъ братьевъ, Графовъ Пуатье и Анжуйскаго, для утѣшенія нашей дражайшей Государыни и Матери, и всего королевства. Такъ какъ всѣ носящіе имя Христіанина должны являть большое усердіе къ предпріятію, нами составленному, а въ особенности вы, происходящіе отъ крови народа, коего Господь предпочтительно избралъ для завоеванія Святой Земли, на которую вы должны смотрѣть, какъ на собственность, то мы приглашаемъ всѣхъ васъ служить Тому, Кто послужилъ вамъ

на крестѣ, проливъ свою кровь для вашего спасенія; ибо этотъ преступный народъ, не довольствуясь хулою, которую изрыгалъ въ присутствіи Христіанскаго народа противъ Творца, билъ розгами крестъ, плевалъ на него и топталъ его ногами изъ ненависти къ Вѣрѣ Христіанской. Итакъ мужайтесь воины Христовы! облекитесь въ броню и будьте готовы отмстить эти обиды и эти поруганія. Берите примѣръ съ вашихъ предковъ, которые отличились между другими народами своею набожностью, искренностью своей вѣры, и наполнили свѣтъ славою своихъ подвиговъ. Мы предупредили васъ въ служеніи Богу. Спѣшите присоединиться къ намъ. Хотя вы придете позже, однако получите отъ Всевышняго награду, которую хозяинъ въ Евангеліи далъ безъ различія работникамъ, пришедшимъ на виноградникъ его въ концѣ дня, какъ и работникамъ, пришедшимъ въ началѣ. Тѣ, кои придутъ или пришлютъ къ намъ пособія, пока мы здѣсь будемъ, кромѣ *индульгенцій* обѣщанныхъ крестоносцамъ, пріобрѣтутъ благоволеніе Бога и человѣковъ. Итакъ, дѣлайте ваши приготовленія, и тѣ, коимъ благость Всевышняго внушитъ притти или прислать пособія, да будутъ готовы къ будущему Апрѣлю или Маю мѣсяцу. Если жъ кто не успѣетъ приготовиться къ этому первому отъѣзду, то по крайней мѣрѣ пусть будетъ готовъ ко дню Святаго Іоанна. Предпріятіе сіе требуетъ скорости, и всякое

замедленіе пагубно. Вы же, Прелаты и другіе служители Христовы, предстательствуйте о насъ предъ Богомъ вашими теплыми молитвами; повелите свершать ихъ во всѣхъ мѣстахъ вамъ подвластныхъ, дабы внявъ имъ милосердіе Божіе, ниспослало намъ блага, коихъ недостойны наши прегрѣшенія.

Писано въ Акрѣ, лѣта Господня 1250-го, въ Августѣ мѣсяцѣ.

№ IV.

Роспись главныхъ начальниковъ или рыцарей, послѣдовавшихъ за Святымъ Людовикомъ въ Тунисъ, по заключеннымъ условіямъ съ Королемъ, года M. CC. LXIX, какъ сказано въ рукописѣ, откуда извлечена эта роспись; рукопись же эта досталась въ наслѣдство Г. Мале де Гравиллю, бывшему Адмиралу, и напечатана вслѣдъ за предисловіемъ къ Исторіи Святаго Людовика, сочиненной Жуанвиллемъ, изданіе Луврское.

Монсеньоръ де Валери отправится съ своими рыцарями самъ придцатый, и Король дастъ ему восемь тысячъ Турнайскихъ ливровъ и возьметъ на себя содержаніе лошадей

его и издержки проѣзда; но продовольствіе это не на коропкое время и они будупъ пользоваться имъ, онъ и его люди, въ продолженіе одного года, копорый начнепся какъ полько выдупъ они изъ кораблей на маперую землю; если жъ случипся, чпо по общему согласію или по причинѣ морскаго волненія, принуждены будупъ приспапь вмѣспѣ съ кораблемъ къ оспрову, и памъ провесши нѣкопорое время, имѣя море позади себя, по годъ начнепся съ перваго дня пребыванія ихъ на оспровѣ; пакже положено, чпо изъ жалованья его рыцарямъ, онъ заплапипъ имъ половину въ началѣ года, а другую половину по прошествіи чепверпи года; пакже положено, чпо каждому знаменному рыцарю онъ долженъ доспавипь двѣ лошади, каждому незнаменному рыцарю одну лошадь, и съ лошадьми слѣдуепъ служипель для ихъ присмопра. Коннепабль опправипся со своими рыцарями самъ пяпнадцапый, на пѣхъ же условіяхъ, какъ и Сиръ де Валери, но будепъ получапь опъ Короля полько чепыре пысячи Турнайскихъ ливровъ.

Монсеньоръ Флоранъ де Варанинъ, Адмиралъ, опправипся пакже съ рыцарями на пакихъ условіяхъ, самъ двѣнадцапый, и получипъ опъ Короля при пысячи двѣспи ливровъ Турнайскихъ.

Монсеньоръ Рауль д'Естре, Маршалъ, опправипся съ рыцарями на пѣхъ же условіяхъ, самъ шеспой, и получипъ пысячу шеспьсопъ ливровъ Турнайскихъ.

Монсеньоръ Лансело де Сен-Маркъ, Маршалъ, опправившся съ рыцарями на пѣхъ же условіяхъ, самъ пятый, и получитъ тысячу четыреста ливровъ Турнайскихъ.

Монсеньоръ Петръ де Молейнъ, опправившся съ рыцарями самъ пятый на такихъ же условіяхъ, кромѣ только что онъ и его товарищъ будутъ допущены къ придворному столу и онъ получитъ отъ Короля тысячу четыреста ливровъ въ подарокъ.

Колларъ де Молейнъ, братъ его, пойдетъ на пѣхъ же условіяхъ и такимъ же образомъ, какъ и Сиръ Петръ Молейнъ, его братъ.

Жилль де ла Турнелль пойдетъ съ рыцарями самъ четверпый на пѣхъ же условіяхъ, и получитъ тысячу двѣсти ливровъ и будетъ имѣть столъ при Дворѣ.

Мальри де Руа пойдетъ самъ осьмой на такихъ же условіяхъ, и будетъ съ своими рыцарями имѣть столъ при Дворѣ, и получитъ сверхъ двухъ тысячъ ливровъ, двѣсти ливровъ частнаго подарка.

Жираръ де Морбуа пойдетъ самъ десятый, получитъ три тысячи ливровъ Турнайскихъ.

Рауль де Неель, самъ пятнадцатый, четыре тысячи ливровъ Турнайскихъ, на своемъ иждивеніи.

Монсеньоръ Альмори де Меланъ, самъ пятнадцатый, четыре тысячи ливровъ, на собственномъ продовольствіи.

Озу д'Оффемонъ, самъ десятый, двѣ тысячи шестьсотъ ливровъ Турнайскихъ, и столъ отъ Короля.

Рауль Фламандецъ, самъ шестый, полпоры тысячи ливровъ, на Королевскомъ содержаніи.

Бодуинъ де Лонгеваль, самъ четверпый, тысяча сто ливровъ.

Людовикъ де Божанъ, самъ десятый, двѣ тысячи шестьсотъ ливровъ и Королевскій столъ.

Иванъ де Вилль, самъ четверпый, тысяча двѣсти ливровъ, и продовольствіе отъ Короля.

Мальри де ла Турнелль, самъ четверпый, тысяча двѣсти ливровъ, на Королевскомъ продовольствіи.

Архіепископъ Реймскій, 1111 ливровъ.

Епископъ Лангрскій, 1111 ливровъ, и возьметъ съ собою шестьдесятъ рыцарей.

Вильгельмъ Курпенайскій, самъ десятый, двѣ тысячи двѣсти ливровъ, и на иждивеніи Короля.

Вильгельмъ де Папей съ братомъ своимъ получатъ четыреста ливровъ, и королевское продовольствіе.

Петръ де Занцъ, одинъ, сто шестьдесятъ ливровъ и Королевское продовольствіе.

Робертъ де Буа Жанселинъ, одинъ, сто шестьдесятъ ливровъ, и столъ на счетъ Короля.

Стефанъ Гранпъ, одинъ, сто шестьдесятъ ливровъ, и Королевское продовольствіе.

Масей Делонъ, одинъ, сто шестьдесятъ ливровъ и Королевскій столъ.

Жилль де Майльи, самъ десятый, три тысячи ливровъ, проѣздъ, обратная доставка лошадей, и столъ отъ Двора.

Ипье де Муньякъ, самъ пяпый, пысяча двѣспи ливровъ, проѣздъ, возвращеніе лошадей, и сполъ опъ Двора.

Сиръ де Вернель, самъ чепверпый, пысяча двѣспи ливровъ, и Королевское продоволь-спвіе.

Монсеньоръ Вильгельмъ де Френъ, самъ десяпый, двѣ пысячи шеспьсопъ ливровъ, и сполъ опъ Короля.

Графъ Гвинь, самъ десяпый, Королевское продовольствіе, и двѣ пысячи шеспь сопъ ливровъ.

Графъ Сенъ-Поль, самъ придцапый, получипъ для проѣзда, для провода обрапно лошадей, для спола и прочихъ предмепювъ, двѣнадцапь пысячъ ливровъ и двѣ пысячи ливровъ особо въ подарокъ.

Ламберпъ де Лимонъ, самъ десяпый, всѣ на жалованьи Короля, по еспь, каждый получипъ по шеспи су Турнайскихъ въ день, однако не на Королевскомъ продовольствіи, всего, пысяча восемь сопъ двадцапь пяпь ливровъ.

Жираръ де Компандю, самъ пяпнадцапый, на жалованьи Короля; не имѣепъ опъ него спола, подобно Г. Ламберпу; двѣ пысячи семь сопъ придцапь семь ливровъ, десяпь су Турнайскихъ.

Раймондъ Абанъ, самъ пяпый, на жалованьи Короля, получипъ девяпь сопъ двѣнадцапь ливровъ, десяпь су Турнайскихъ.

Иванъ Дебелю, самъ десяпый, при пысячи ливровъ, проѣздъ и обрапный про-

водъ лошадей, продовольствіе же на счетъ Двора.

Маршалъ Шампанскій, пойдетъ самъ десятый и ничего не получитъ отъ Короля.

Гальяръ Дарпъ, самъ пятый, на жалованьи Короля, девять сотъ ливровъ, десять су Турнайскихъ.

Вильгельмъ Фландрскій, самъ двадцатый, шесть тысячъ ливровъ; проѣздъ, и обратная доставка лошадей, и столъ отъ Двора.

Оберъ де Лонгеваль, самъ пятый, тысяча сто ливровъ; проѣздъ, обратный проводъ лошадей, и столъ отъ Двора.

№ V.

НАСТАВЛЕНІЯ, СДѢЛАННЫЯ СВЯТЫМЪ ЛЮДОВИКОМЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ СЫНУ СВОЕМУ ФИЛИППУ СМѢЛОМУ (1).

Любезный сынъ, желая отъ всего сердца, чтобы ты былъ хорошо наставленъ во всемъ, и слышавши часто отъ тебя, что болѣе всего ты послѣдуешь моимъ совѣтамъ, я увѣренъ, что почерпнешь многія наставленія изъ сего моего завѣщанія.

---

(1) Эти наставленія были внесены въ одинъ регистръ Счетной Палаты (Chambre des comptes).

Любезный сынъ, во первыхъ совѣпую тебѣ любипь Бога всѣмъ сердцемъ и всѣми силами души пвоей, ибо безъ эпого никпо ничего незначипъ: осперегайся всего, чпо можепъ быпь Ему непріяпно, и чпо во власпи пвоей; особенно же имѣй всегда пвердую волю не дѣлапь *смертельнаго грѣха* (1), какія бы опъ пого слѣдспвія ни были и скорѣе согласись на изрубленіе всѣхъ своихъ членовъ и на претерпѣніе смерпи посреди жесточайшихъ мученій, нежели на совершеніе смерпельнаго грѣха съ сознаніемъ онаго.

Если Господь нашъ подвергнепъ тебя бѣдспвію, болѣзни или какому-либо иному искушенію, переноси все со смиреніемъ и благодари Его за по съ признапельноспію; помни, чпо Онъ сдѣлалъ по для пвоего блага, и чпо сверхъ пого пы заслужилъ все эпо зло, и еще пягчайшее, если восхощепъ Онъ, попому чпо мало любилъ Его и мало служилъ Ему, и многое дѣлалъ пропивное Его воли.

Если Господь нашъ ниспошлепъ тебѣ счаспье, пѣлесное здравіе или иное какое благо, смиренно благодари его за по, и берегись обезславипь себя по гордоспи или другой какой-либо винѣ, ибо великій грѣхъ попирапь даянія Господа нашего.

Любезный сынъ, спарайся привыкапь чаще исповѣдывапь себя, и всегда выбирай ду-

(1) То есть: не опрекаться опъ Христіанской Вѣры. *Б.*

ховника святой жизни и довольно свѣдущаго, дабы онъ могъ совѣтовать тебѣ чего долженъ ты избѣгать и что дѣлать, и веди себя такъ, чтобы духовники и друзья твои могли смѣло тебя наставлять и исправлять.

Любезный сынъ, совѣтую тебѣ всегда охотно слушать святое церковное служеніе, и находясь въ храмѣ, берегись говорить пустыя слова. Молитвы произноси съ благоговѣніемъ вслухъ или про себя, особенно же будь внимательнѣе къ молитвамъ, въ присутствіи тѣла Господня во время обѣдни.

Любезный сынъ, будь сострадателенъ къ бѣднымъ и ко всѣмъ терпящимъ какую-либо сердечную или телесную боль, и по возможности облегчай ихъ охотно утѣшеніями или подаяніями; если что нибудь лежитъ у тебя на сердцѣ, откройся твоему духовнику или кому-либо другому, кого считаешь честнымъ или способнымъ хранить твою тайну; если жъ хочешь быть покоенъ, дѣлай лишь то, что можешь сказать.

Любезный сынъ, предпочитай сообщество хорошихъ людей, духовныхъ ли или свѣтскихъ, и убѣгай сообщества дурныхъ: люби добрыя бесѣды съ добрыми, и слушай съ готовностью проповѣди о Господѣ нашемъ. Люби добро въ другихъ, и ненавидь зло, и не позволяй говорить при себѣ словъ, могущихъ ввести людей въ грѣхъ. Не слушай

охотно злословія, ни всякихъ другихъ рѣчей, выражающихъ пренебреженіе къ Господу нашему или Пресвятой Богородицѣ, или же къ Святымъ Угодникамъ. Рѣчей такихъ неперпи безнаказанно; если жъ онѣ будутъ сказаны особою духовною или такимъ важнымъ лицемъ, котораго не можешь самъ наказать, то скажи о томъ тому, кто можетъ дать имъ расправу.

Любезный сынъ, старайся быть всегда добродѣтеленъ, и покажи цѣлъ свою признательность къ милостямъ и почестямъ, коими надѣлилъ тебя Господь; такъ чтобы, если Богу угодно будетъ вручить тебѣ управленіе государствомъ, ты былъ достоинъ принять святое помазаніе, которымъ посвящаются Короли Французскіе.

Любезный сынъ, если взойдешь на престолъ, старайся имѣть качества приличныя Государямъ, то есть, будь справедливъ, и не совращайся съ пути правды, въ какомъ бы то ни было случаѣ. Если *возникнетъ споръ между бѣднымъ и богатымъ, поддерживай бѣднаго предпочтительно предъ богатымъ*, доколѣ узнаешь истину, и когда узнаешь ее, то дай имъ расправу. Если самъ будешь имѣть тяжбу съ кѣмъ-либо другимъ, держи сторону посторонняго предъ твоимъ Совѣтомъ: не показывай слишкомъ много пристрастія къ своей сторонѣ, доколѣ не узнаешь истины; ибо совѣтники твои могутъ побояться говорить тебѣ противъ тебя, чего ты не долженъ желать.

Любезный сынъ, если узнаешь, что владѣешь чѣмъ-либо не по праву, пріобрѣтеннымъ при тебѣ или при предкахъ твоихъ, отдай немедленно, сколь бы ни была велика та вещь, земля или деньги, или что-либо другое. Если собственность сомнительна, такъ что ты не можешь узнать истины, прибѣгни, по совѣщанію съ твоими сопрудниками къ сдѣлкѣ, которая избавила бы отъ всякаго грѣха твою душу и душу твоихъ предковъ: и если узнаешь, что предки твои уже возвратили, старайся увѣриться все ли они возвратили, и если не все, то отдай немедленно для освобожденія души твоихъ предковъ и твоей собственной.

Тщательно блюди за безопасностью всякаго рода людей, наиболѣе же особъ, принадлежащихъ къ святой Церквѣ; не позволяй наносить имъ ни обиды, ни оскорбленій ни въ лицѣ, ни въ имуществѣ ихъ, и я хочу напомнить тебѣ слово, сказанное Королемъ Филиппомъ, однимъ изъ моихъ предковъ, какъ говорилъ мнѣ о томъ одинъ изъ его совѣтниковъ. Однажды Король созвалъ свой частный Совѣтъ, и собравшіеся члены обратились къ нему, говоря, что Духовенство причиняетъ много вреда, и что всѣ удивляются, какъ онъ это терпитъ. Онъ отвѣчалъ: Вѣрю, что оно причиняетъ много вреда, но когда подумаю о почестяхъ, которыми надѣлилъ меня Господь, то скорѣе готовъ нести собственную потерю, нежели какимъ-либо поступкомъ породить споръ между

мною и святою Церковью. Напоминаю тебѣ это для того, чтобы ты не легко вѣрилъ доносамъ другихъ противъ членовъ святой Церкви. Должно почитать и хранить ихъ, чтобы они могли мирно служить Господу нашему; и такъ совѣтую тебѣ любить преимущественно духовныхъ особъ, и охотно помогать имъ въ нуждѣ, и тѣхъ, кои, по мнѣнію твоему, наиболѣе чтутъ и прославляютъ Господа нашего, тѣхъ-то люби болѣе, нежели прочихъ.

Дражайшій сынъ, люби и почитай всегда твою мать, помни и наблюдай ея полезныя наставленія и вѣрь ея добрымъ совѣтамъ; люби твоихъ братьевъ, желай всегда имъ блага и успѣховъ, и замѣни имъ отца, напутствуя ихъ ко всему доброму; берегись, для чьей бы то любви ни было, совратиться съ пути добра и поступить вопреки твоему долгу.

Любезный сынъ, совѣтую тебѣ раздавать церковныя мѣста людямъ достойнымъ, по тщательномъ совѣщаніи съ людьми опытными, и мнѣ кажется, что ты лучше поступишь, раздавая ихъ неимущимъ, и тѣмъ, кои дѣлаютъ изъ нихъ хорошее употребленіе, если въ томъ удостовѣришься.

Любезный сынъ, совѣтую тебѣ остерегаться, какъ возможно, имѣть войну съ какимъ бы то ни было Христіаниномъ; и если съ тобою поступаютъ несправедливо, испытывай различныя средства, не можешь ли возстановить свое право, не приступая къ

войнѣ, и не забывай, что это дѣлается для избѣжанія грѣховъ, неразлучныхъ съ войною. И если случится, что ты принужденъ воевать, потому ли, что одинъ изъ твоихъ подданныхъ поступилъ самовольно, или оказалъ несправедливость какой-либо церквѣ, или какой нибудь бѣдной особѣ, и не хочетъ въ томъ повиниться, по поводу чего или по другой благоразумной причинѣ тебѣ предстоитъ дѣлать войну, то прикажи наспрого *охранять бѣдныхъ людей вовсе невиновныхъ, чтобы они не пострадали ни отъ пожара, ни отъ другой причины;* для тебя гораздо лучше остеречься отъ непокорнаго овладѣніемъ его городами или обложеніемъ его замковъ; много совѣтуйся прежде, нежели начнешь войну; поводъ къ ней долженъ быть очень справедливъ, и не забудь не разъ попребовать на судъ непокорнаго и ждать того, сколько тебѣ велитъ долгъ.

Любезный сынъ, старайся какъ возможно усмирять войны и несогласія, кои возникнутъ въ твоихъ владѣніяхъ или между твоими подданными; это очень пріятно нашему Господу, и Святый Мартинъ подалъ намъ великій примѣръ, рѣшась иногда возстановить согласіе между священнослужителями архіепископства въ то время, какъ зналъ отъ Бога, что долженъ умереть; ему казалось, что этимъ поступкомъ онъ положитъ хорошій конецъ своей жизни.

Любезный сынъ, старайся имѣть *хорошихъ Судей и хорошихъ Исправниковъ въ твоемъ государствѣ, и сколь можно чаще освѣдомляйся, правильно ли они отправляютъ правосудіе,* и строго наблюдай, чтобы не дѣлали другимъ никакихъ несправедливостей; будучи обязанъ ненавидѣть всякое зло причиняемое другому, ты тѣмъ болѣе долженъ ненавидѣть зло, происходящее отъ тѣхъ, кои получили власть отъ тебя, и тѣмъ болѣе долженъ остерегаться подобныхъ нарушеній и запрещать ихъ.

Любезный сынъ, будь всегда преданъ Римской Церкви и нашему святому Отцу Папѣ, и оказывай ему уваженіе и почести, какъ твоему духовному отцу.

Любезный сынъ, вѣряй охотно власть *людямъ благопамятнымъ, которые умѣютъ употреблять ее съ пользою,* и старайся искоренить прегрѣшенія въ твоихъ владѣніяхъ, а именно, гнусную клятву, которая при всякомъ случаѣ дается или говорится съ пренебреженіемъ Бога или Пречистой Дѣвы и Святыхъ Угодниковъ: грѣхи плотскіе, игры въ кости, пьянство и другіе грѣхи. *Карай въ землѣ твоей благоразумно и надлежащимъ образомъ непризнающихъ власти твоей; выгони ихъ изъ твоей земли, равно и другихъ дурныхъ людей, такъ чтобы она отъ нихъ очистилась.* Когда, по мудрому совѣту добрыхъ людей, ты рѣшишься

на что нибудь хорошее, то способствуй ихъ возвышенію всѣми твоими силами; старайся наиболѣе признавать предъ всѣми милости, оказанныя тебѣ Господомъ нашимъ, и умѣй благодарить Его за то.

Дражайшій сынъ, наблюдай очень строго за тѣмъ, чтобы деньги, которыя ты истратишь, были хорошо употреблены и справедливо взимаемы; вотъ чего я очень желалъ бы отъ тебя, а именно, чтобы ты остерегался пустыхъ издержекъ и несправедливыхъ завладѣній, и чтобы всѣ твои деньги были хорошо собираемы и хорошо употреблены, и Господь нашъ внушитъ тебѣ это вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что для тебя полезно и прилично.

Любезный сынъ, прошу тебя, если угодно Господу нашему, что я скончаюсь въ сей жизни прежде тебя, помогать мнѣ службами и молитвами, и пошли ко всѣмъ общинамъ королевства Французскаго, чтобы онѣ прочли послѣднія молитвы по душѣ моей, и помни при каждомъ добрѣ, которое будешь дѣлать, чтобы Господь далъ и мнѣ въ ономъ участіе.

Возлюбленный сынъ, даю тебѣ благословеніе, которое отецъ можетъ и долженъ дать сыну, и прошу Господа нашего Іисуса Христа, чтобы Онъ, по Своей великой благости и по молитвамъ и заслугамъ преблаженной Матери Его Дѣвы Маріи, и Ангеловъ и Архангеловъ, и всѣхъ Святыхъ Мучениковъ и Мученицъ, хранилъ тебя и защитилъ,

да не сдѣлаешь чего пропивъ Его воли, да всегда будешь исполняпь Его волю, служипь Ему и чпипь Его; и да позволипъ Онъ мнѣ и тебѣ, по Своему неизреченно великому милосердію, послѣ сей смерпной жизни, припти къ Нему для жизни вѣчной, гдѣ мы могли бы видѣпь Его, любипь и хвалипь во вѣки вѣковъ. *Амипь.*

Ему слава, чеспь и хвала, Ему, Копорый еспь Богъ со Опцемъ и Свяпымъ Духомъ, безъ начала и безъ конца. *Амипь.*

№ VI.

EXTRACTIONES DE LIBRO QUEM FECIT VIR VENERABILIS ET RELIGIOSUS FRATER HUMBERT DE ROMANIS, etc.

(Отрывки изъ книги, которую написалъ мужъ достопочтенный и богоугодный, инокъ Гумберпъ де Романи, и пр.)

Первая часпь сочиненія Гумберпа де Романи излагаепъ дѣла Церкви пропивъ Сарраципъ, и содержипъ двадцапь семь главъ. Въ первой Авпоръ доказываепъ, чпо Папа долженъ охраняпь Христіанскій народъ; во впорой, чпо Христіанскій народъ подверженъ какъ нѣкогда народъ Израильскій премъ бѣд-

ствіямъ: преслѣдованію извнѣ, раздѣленію Грековъ и Латинянъ, развращенію нравовъ. Въ претьей, что Папѣ надлежитъ уврачевать эти три бѣдствія. Въ четвертой, что Христіанство, съ самаго начала своего, было гонимо семью родами непріятелей: Жидами, Многобожниками, Языческими философами, Ересиками, Императорами до Конспантина, Варварами, какъ-то: Готѳами, Вандалами и Саррацинами. Всѣ эти враги, по словамъ Автора, суть семь головъ чудовища, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ.

Въ десятой главѣ Гумберпъ говоритъ, что есть семь родовъ людей, кои не одобряютъ предпріятія противъ Саррацинъ. Въ главахъ 11, 12, 13, 14, 15, 16 и 17-й онъ отвѣчаетъ на противорѣчія этихъ противниковъ. Первые, опираясь на правила Іисуса Христа и примѣры Апостоловъ, говорятъ, что должно терпѣть, когда угрожаютъ; должно вложить мечь въ ножны, не защищаться и не воздавать зломъ за зло. Гумберпъ отвѣчаетъ имъ, что съ виноградомъ Церкви должно иначе поступать, и что его можно сохранить, лишь пожиная мечемъ тѣхъ, кои хотятъ его вырвать; что народъ Христіанскій, будучи безсиленъ, пріобрѣлъ силу только своею униженностью; но что теперь онъ можетъ сохранить свое могущество только мечемъ; что подобно ремесленнику, потерявшему одно изъ своихъ орудій и употребляющему то, которое ему остается, народъ Христіанскій, неимѣющій

болѣе чудесъ, имѣетъ еще оружіе для своей защиты.

Другой родъ противниковъ полагаетъ, что должно перестать вести войну, по причинѣ крови нами пролитой, и той, которую должно еще пролить, изъ опасенія, чтобы не вырвать здороваго зуба съ зубомъ испорченнымъ, и не пролить невинной крови больше, нежели крови преступной. Гумбертъ противополагаетъ этимъ противникамъ примѣры Карла Мартела, Карла Великаго, Годфреда Бульонскаго, кои умертвили болѣе Сарацинъ, нежели Сарацины умертвили Христіанъ. Онъ прибавляетъ, что если тѣ, кои умираютъ въ этой войнѣ, оставляютъ пустоту въ мірѣ, то они наполняютъ небо.

Третій родъ противниковъ Крестовому походу говоритъ, что это война нескромная, и что производить ее значитъ искушать Бога, потому что многіе имѣютъ въ землѣ своей все что имъ нужно, отправляясь же на войну, ставятъ все противъ себя. Этимъ опровергателямъ должно отвѣчать, говоритъ Авторъ: *Если Богъ за насъ, кто будетъ противъ насъ?* Ангелы помогали Елисею, Осіи, Еремею, и другіе Святые молятся за народъ Божій. Послѣ взятія Іерусалима, пятнадцать тысячъ всадниковъ Христіанскихъ и двѣнадцать тысячъ пѣшихъ рапниковъ побили сто тысячъ Сарацинъ, и двѣ тысячи были задушены въ врапахъ Аскалона.

Четвертый родъ противниковъ утверждаетъ, что хотя Христіанамъ позволительно защищать себя, но они не могутъ преслѣдовать оружіемъ Саррацинъ, ни покорять ихъ владѣній. Гумбертъ отвѣчаетъ имъ прежде всего, что сами Саррацины первые покорили земли мирныхъ Христіанъ; далѣе же говоритъ, что если изъ безплодной земли вырываютъ терніе и крапиву, чтобы обратить ее въ пашню, то тѣмъ болѣе обязаны изгнать оттуда народъ суевѣрный, чтобы ввести туда служеніе Божіе. Къ тому же прибавляетъ онъ, послѣ нѣкоторыхъ доводовъ: Страна, обитаемая Саррацинами, вѣровала въ Іисуса Христа до Магомета. И онъ несправедливо отнялъ ее у Христіанства.

Пятый родъ противниковъ полагаетъ, что мы не должны преслѣдовать Саррацинъ, какъ равно и Жидовъ. Гумбертъ отвѣчаетъ, что Жидовъ щадятъ для того, чтобы спасти остатки Израиля, и также, потому что жестоко было бы гнать людей, намъ покорившихся. Саррацины, когда они покоряются намъ, могутъ быть терпимы, ибо они лишены тогда возможности вредить, и также могутъ легче быть обращены въ истинную вѣру.

Шестый родъ опровергателей считаетъ, что изъ этой войны нельзя извлечь никакой выгоды для истинной вѣры, потому что гораздо болѣе Саррацинъ склонныхъ къ богохуленію, нежели къ обращенію, и что

всѣ убитые идутъ въ адъ. Также нельзя извлечь изъ нее пользы временной, потому что не возможно сохранить завоеванныхъ земель. Гумбертъ утверждаетъ напротивъ, что при рода выгодъ можно извлечь изъ этой войны: во-первыхъ болѣе Христіанъ спасается *индульгенціями* и другими духовными благами; во-вторыхъ Христіане предохраняются отъ нашествія Саррацинъ; въ-третьихъ, пріобрѣтается добыча и враги подвергаются дани.

Наконецъ седьмый родъ опровергателей говоритъ, что повидимому война эта не совершалась по волѣ Божіей, потому что Онъ позволилъ такому множеству бѣдствій подавить Христіанъ, и что Саладинъ почти внезапно возвратилъ себѣ то, что стоило Христіанамъ столикаго пролитія пота и стольких трудовъ. Эти противники опираются на примѣръ Императора Фридерика, который тонетъ въ малой рѣкѣ, также на примѣръ Святаго Людовика, который сперва взятъ въ плѣнъ съ своими братьями и Баронами а потомъ умираетъ въ Египтѣ. Гумбертъ отвѣчаетъ имъ, что тѣ праведны, коимъ приключаются бѣдствія, которыхъ не заслужили они своимъ нечестіемъ; что сверхъ того, если дьяволъ столько разъ одержалъ верхъ надъ многими, то это не есть еще причина, чтобы переставать препираться съ нимъ; что сыны Израиля, хотя и побѣжденные, тѣмъ не менѣе одержали настоящую побѣду, положивъ конецъ этой войнѣ;

что хотя Богъ хотѣлъ, чтобы сражались съ Филистимлянами, Онъ однако позволилъ взять въ плѣнъ Ковчегъ Завѣта, умертвить Саула съ дѣтьми его, и обратить въ бѣгство его народъ; что слѣдовательно, бѣдствія, приключившіяся въ Крестовый походъ, не должно приписывать тому, что война эта непріятна Богу, но они произошли за грѣхи сражавшихся или для умноженія ихъ заслугъ.

Гумбертъ разсматриваетъ потомъ, откуда происходитъ охлажденіе, которое показываютъ къ Крестовому походу, и находитъ тому семь причинъ: во-первыхъ, скупость духовенства, которое, испытая подать у бѣдныхъ, не хочетъ платить десятой части своихъ доходовъ, для возвращенія Святой Земли; потомъ, потери Христіанъ, приключившіяся бѣдствія, упадокъ духа при видѣ множества враговъ, охлажденіе вѣры, свѣтская мудрость, полагающая, что предпріятіе не можетъ имѣть успѣха, и наконецъ тѣ самыя возраженія, которыя онъ опровергнулъ.

Отъ этихъ семи причинъ охлажденія, произошли шесть бѣдствій для Христіанства: первое состоитъ въ томъ, что нельзя подать мужественныхъ совѣтовъ при подобномъ расположеніи. Второе въ томъ, что помощь подаютъ нехотя и съ ропотомъ. Третье, что никогда не побуждаютъ къ тому другихъ. Четвертое, что вселяютъ въ другихъ холодность свою. Пятое, что

Христіанство клонящъ къ его паденію, подобно тому, какъ малодушные люди подвергаютъ сдачѣ осажденную крѣпость. Шестое наконецъ въ томъ, что это охлажденіе умножаетъ дерзость враговъ. Въ другомъ мѣстѣ однако Авторъ находитъ отъ семи до осьми причинъ, чтобы внушить надежду на успѣхъ Крестоваго похода.

Въ своей двадцатой главѣ, Авторъ соглашается, что въ Церкви есть нѣсколько человѣкъ усердно желающихъ Крестоваго похода; и двадцать первая глава доказываетъ, что это усердіе должны имѣть Прелаты. Двадцать вторая пребуетъ отъ Папы величайшей ревности; это есть слѣдствіе того, что Авторъ сказалъ въ самомъ началѣ своего разсужденія. Двадцать третья доказываетъ примѣромъ прошедшаго, что всегда Папы провозглашали Крестовые походы. Въ двадцать четвертой, Гумберитъ утверждаетъ, что хотя подобное предпріятіе не было кончено какимъ нибудь сильнымъ Государемъ, не должно однако оставлять этого предпріятія, потому что для продолженія его есть новыя средства. Въ двадцать пятой, онъ излагаетъ эти средства, кои суть: рѣчи и всенародныя увѣщанія, крестные ходы, посты, милостыни, исповѣди и покаяніе. Также должно думать о томъ ежедневно, бесѣдовать съ людьми, кои способны сравнивать то, что можно сдѣлать съ тѣмъ, что уже сдѣлано, наконецъ, разсуждать о томъ съ особами опыт-

ными, благонамѣренными, свяпыми, праведными и благоразумными.

Въ двадцапь шеспой главѣ, Авпоръ излагаепъ общее мнѣніе о Кресповомъ походѣ. Вообще всѣ чувспвуюпъ, говоripъ онъ, чпо для опраженія Сарранинъ должно избирапь не наемниковъ, не людей обращающихъ вниманіе единспвенно на свою плапу, но людей одушевленныхъ ревностію вѣры; не смерпоубійцъ или людей заблудшихъ, но людей безгрѣшныхъ, попому чпо правосудіе Божеское не охраняепъ преспупниковъ. Кромѣ пособій, доспавляемыхъ мірянами, легко можно бы поддерживаль эпихъ солдапъ, сперва излишкомъ церковныхъ сокровищъ, попомъ, упопребляя на по доходы одной или двухъ *пребендъ* съ каждой соборной церкви, нѣкотораго числа монаспырей, уничпоженныхъ Аббапспвъ и разными церковными доходами.

Двадцапь седьмая глава спремипся къ пому, чпобы доказапь необходимоспь, въ коей находятся знапные предводипельспвовапь симъ священнымъ предпріяпіемъ. Знапные суть вассалы Бога; опъ Него полу-чили они свое могущеспво; они не должны терпѣпь, чпобы похищали его земли. Авпоръ опираепся на примѣръ Царей Израильскихъ, копорые всегда сражались съ Филиспимлянами, пакже на благородныхъ Хриспіанъ, особенно, на примѣръ Карла Великаго. Въ заключеніе онъ говоripъ, чпо нежелающіе или лишенные возможноспи каяпь-

ся въ грѣхахъ своихъ вмѣстѣ съ другими, наилучше могутъ принесть это покаяніе, вооружившись за Бога.

№ VII.

Слѣдующій Историческій памятникъ весьма занимательный по содержанію своему и своей древности, принадлежалъ сперва сокровищу хартій, а теперь находится въ хранилищѣ государственныхъ архивовъ; онъ писанъ на веленевой бумагѣ и довольно хорошо сохраненъ, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, изглаженныхъ временемъ. Слогъ и письмена его относятся ко времени на немъ показанномъ (1282): шамъ выспавлено число C. J. 549.

На оберткѣ находится слѣдующее заглавіе:

Confessio Guidonis, Dom. de Gibelet, per quam confitetur ter voluisse de nocte capere civitatem Tripolitanam, quæ tunc pertinebat principi Antiochiæ, (1282).

Разсказъ Гюи, владѣльца Жиблетскаго, о трехъ покушеніяхъ, сдѣланныхъ имъ, по приказанію брата Вильгельма де Боже, Великаго Магистра Тампліеровъ, для овладѣнія во время ночи городомъ Триполи, и о препятствіяхъ тому воспретившихъ. (Лѣто 1282).

Да будетъ вѣдомо всякому, кто увидитъ и услышитъ этотъ государственный актъ, что въ присутствіи благороднѣйшаго Князя Антіохійскаго и Графа Триполійскаго, меня государственнаго Нотаріуса и свидѣтелей внизу обозначенныхъ, Сиръ Гюи, прежде бывшій владѣлецъ Жиблетскій сказалъ и объявилъ, что онъ проекрапно предпринималъ овладѣть городомъ Триполи. Первому покушенію предшествовало посланіе, со стороны брата Вильгельма де Боже къ владѣльцу Жиблетскому, рыцаря, по имени Поля Естаффы (Pol Estaffa), вассала Ордена Тампліеровъ и вышеупомянутаго владѣльца Жиблетскаго; этотъ рыцарь имѣлъ при себѣ поручительное письмо къ упомянутому владѣльцу, которое заключало въ себѣ, что сей послѣдній долженъ вѣрить всему, что упомянутый рыцарь Поль ему скажетъ, и немедленно исполнить приказанія ему сообщенныя; и что если онъ не исполнитъ намѣреній Великаго Магистра, онъ не долженъ ожидать никакого пособія, никакой опоры ни отъ него, ни отъ его дома. Вотъ какъ выражалось поручительное письмо рыцаря: «Великій Магистръ повелѣваетъ вамъ попытаться взять Триполи, и ему кажется, что имѣть легче можно привести это въ дѣйство, что Князь Триполійскій и жители вовсе не ожидаютъ того и не думаютъ, чтобы это могло совершиться: вы вступите внезапно въ городъ съ людьми, кои при васъ, и тѣми, коихъ пришлетъ къ вамъ Великій Магистръ,

и такимъ образомъ вы сдѣлаете приступъ къ городу; прежде нежели Князь пробудится и вооружится, вы кончите свое дѣло.» Сиръ Жиблетскій отвѣчалъ, что ему кажется, что это дѣло не можетъ произойти такимъ образомъ; но такъ какъ Великій Магистръ того хочетъ, онъ готовъ предпринять это дѣло при посредствѣ подкрѣпленій и отряда, коихъ отъ него ожидаетъ онъ. И Сиръ Поль отвѣчалъ ему, что возвратится въ Сен-Жанъ-д'Акру и приведетъ къ нему достаточное число людей; что между тѣмъ онъ можетъ сдѣлать свои приготовленія и написать въ Триполи, чтобы снестись о томъ съ нѣкоторыми городскими жителями: ибо Великій Магистръ извѣстилъ о всемъ Сира Гюи де Монполозье, вассала Князя Триполійскаго, и этотъ богатый рыцарь обѣщалъ ему содѣйствовать въ этомъ предпріятіи, такъ чтобы по прибытіи Сира Жиблетскаго, можно было къ тому приступить. Упомянутый Сиръ Поль отправился въ Акру, и Сиръ Жиблетскій увѣдомилъ въ Триполи Сира Гюи де Монполозье и всѣхъ его сообщниковъ, и многихъ другихъ рыцарей, а именно: Сира Генрика Мамоля, Франциска д'Арша, Петра Франкара, Петра Жака и многихъ гражданъ, сообразно съ приказаніями, данными ему Сиромъ Гюи, и упомянутый Сиръ де Монполозье сообщилъ упомянутому Сиру Гюи, чтобы онъ извѣстилъ его о своемъ прибытіи, что въ его распоряженіи

будутъ пѣшіе и конные рапники, и что онъ самъ будетъ охранять ворота Св. Михаила, доколѣ онъ и его люди не высадятся на берегъ, дабы предохранить ихъ отъ нападенія при самомъ выходѣ изъ судовъ. Сиръ Поль отправился изъ Акры и взялъ съ собою сто луконосцевъ и сто копейщиковъ; по прибытіи Сира Поля, Сиръ Жиблетскій со всѣми людьми своими, сѣлъ на суда, а именно: пять саикъ (небольшія барки) и девять другихъ судовъ, частію боты, частію большія барки. Такимъ образомъ Сиръ Гюи, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ болѣе шести сотъ человѣкъ, изъ числа коихъ двѣсти копейщиковъ, и они не взяли съ собою лошадей, опасаясь нападенія со стороны конницы. Луконосцы, числомъ четыре или пять, подошли къ Триполи, и не рѣшились выйти на берегъ противъ дома Тампліеровъ. Упомянутый Сиръ Поль ..... одинъ .... одинъ ботъ, прежде нежели подошелъ ближе къ городу, и отправился въ домъ Тампліеровъ для совѣщанія съ Сиромъ Франциском д'Аршемъ, Сиромъ Франциском, и Отцемъ Іоанномъ Аробомъ, которые находились тамъ и должны были увѣдомить его о происшедшемъ, о состояніи города Триполи и о принятыхъ мѣрахъ. Взявъ всѣ эти предосторожности, онъ долженствовалъ поставить людей своихъ съ одною пищалью (1), и Сиръ Жиблетскій

(1) Въ подлинникѣ употреблено слово *fusil*. Слово это

пристанетъ со всѣми своими судами и выйдетъ на берегъ. Упомянутый Сиръ Поль прибылъ въ домъ Тампліеровъ, имѣлъ совѣщаніе съ двумя рыцарями и Священникомъ, о коихъ мы говорили, и видя, что все хорошо приготовлено, велѣлъ выставить тамъ сигналъ имъ назначенный, и спалъ ждать прочихъ участниковъ заговора, увѣренный въ ихъ прибытіи. Сиръ Жиблетскій долго не показывался. Упомянутый Сиръ Поль, видя, что тщетно ожидаетъ своихъ сообщниковъ, отправился искать ихъ, по направленію къ Каламону, но не могъ ихъ найти, ибо они были въ другой сторонѣ. На вершинѣ горъ..... заря начала заниматься, и они удалились, опасаясь быть замѣченными. Они встрѣтили Сира Поля на его бортѣ, между Нефѣиномъ и Пюи, и спросили у него, почему онъ оставилъ свой постъ. Онъ отвѣчалъ, что пошелъ отыскивать ихъ, и что поставилъ сигналъ, чтобы они высадились въ томъ мѣстѣ, гдѣ все было готово къ дѣлу. Сиръ Жиблетскій сказалъ, что не замѣтилъ сигнала, по каковой причинѣ и не смѣлъ приступить къ берегу; онъ присовокупилъ, что Настоятель Храма Триполійскаго, по имени Іоаннъ де Бребандъ, знаетъ весь заговоръ.

Когда Сиръ Жиблетскій прибылъ вторично, Князь былъ опасно боленъ; одинъ Хра-

---

очень древне; такъ называли длинную трубу, посредствомъ коей мешали греческій огонь.

мовый рыцарь, по имени....., и Священникъ Храма Іоаннъ Аробъ, доставили письма Сиру Жиблепскому и увѣдомили его, что Князь опасно боленъ, убѣждая скорѣе прибыпь съ своими людьми въ Триполи, гдѣ жители желаютъ его присутствія; что въ домѣ Тампліеровъ и на берегу онъ найдетъ конницу и пѣхопу, кои будутъ его ожидать, и что6ы онъ немедленно туда отправился. Упомянутый Сиръ Жиблепскій получивъ это письмо, тотчасъ вооружилъ свою галеру, одну саику и нѣсколько другихъ судовъ, и посадилъ на нихъ шестнадцать лошадей и около четырехъ сотъ человѣкъ. Когда они находились за двѣ мили отъ Триполи, показалась звѣзда, которую моряки приняли за упреннюю звѣзду, и вообразивъ, что нельзя прибыть до свѣту въ Триполи, послѣ минутной нерѣшимости, они воротились; это чудо сдѣлано было Богомъ, ибо было тогда немного болѣе полуночи. Послѣ сего Сиръ Поль донесъ упомянутому Магистру и его братіи, что Сиръ Жиблепскій уже два раза получилъ приказаніе взять, съ людьми при немъ находившимися, городъ Триполи; что причинило ему большое неудовольствіе. Онъ послалъ съ братомъ Ферраномъ, спутникомъ Сира де Рюйдекера, Командора Триполійскаго, поручительное письмо къ Сиру Жиблепскому, гдѣ было сказано, что онъ долженъ вѣрить всему, что скажетъ Сиръ Поль, и въ точности исполнять то, и что если

онъ того не будетъ исполнять, то не долженъ ожидать ни помощи, ни пособія; и Рюйдекеръ, Командоръ Триполійскій, часто присылалъ своихъ братьевъ и солдатъ въ замокъ Жиблету для извѣщенія упомянутаго Сира Жиблетскаго о всемъ что происходило въ Триполи, и что дѣлалъ Князь; и для этихъ порученій онъ имѣлъ двухъ поселянъ, которые ходили въ Жиблету всякій разъ, когда онъ хотѣлъ сообщить Сиру Жиблетскому что нибудь нетерпящее отлагательства. Потомъ пришли въ Жиблету Сиръ Аррандъ, Командоръ рыцарей Птолемаидскихъ, и Сиръ Симонъ и Фарабель, пожелать здравія Сиру Жиблетскому отъ упомянутаго Магистра, и сказали, что онъ прислалъ ихъ къ нему узнать и освѣдомиться у него, считаетъ ли онъ возможнымъ взять городъ Триполи (если ему попрепятствовали взять Триполи); ибо многіе утверждали, что еслибъ онъ твердо пожелалъ того, то уже двукратно могъ бы овладѣть этимъ городомъ. Знайте, продолжали они, что *если вы не успѣете взять этого города, вы же имѣете къ тому средства*, то вы не получите отъ Великаго Магистра, ни отъ рыцарей Храма, никакого пособія, никакой подпоры для вашей собственной особы. Я отправляюсь въ Триполи, гдѣ и останусь, и каждый день буду сообщать вамъ новости, извѣщать васъ о состояніи города и о всемъ что тамъ происходитъ. Когда скажу вамъ пріѣхать, не медлите ни

минуты: ибо все будетъ приготовлено для лучшаго успѣха. Сиръ Поль идетъ за мною и ведетъ луконосцевъ и другихъ солдатъ, коихъ мы наняли для содѣйствія вамъ въ этомъ предпріятіи. За тѣмъ онъ отправился и уѣхалъ въ Триполи.

Сиръ Жиблетскій потребовалъ свою лошадь въ Жиблету чрезъ брата Доминика Пиньака, Командора Тампліеровъ, и лошадь своего брата чрезъ брата Стефана и Гюйо, слугу Сира Эймара, владѣльца замка Торпозы, и еще другую лошадь; сверхъ того, такъ именуемый, Оименъ де Ферабель, доставилъ большой обозъ съ оружіемъ. Лошади нѣсколько дней пробыли въ Триполи въ домѣ Храмовыхъ рыцарей, подъ надзоромъ Командора, чтобы Сиръ Жиблетскій по прибытіи своемъ въ Триполи, нашелъ ихъ свѣжими и неусталыми. Въ тотъ самый день, какъ братъ д'Арандъ и братъ Симонъ прибыли въ Триполи, они написали къ Сиру Жиблетскому и увѣдомили его, что Князь уѣхалъ въ Нефинъ, и совѣтовали ему, Сиру Жиблетскому, немедленно приказать Сиру Полю отправиться туда съ своими людьми, потому что минута весьма благопріятна для успѣха. Сиръ Жиблетскій потребовалъ къ себѣ своихъ гонцевъ-поселянъ изъ Сайетты и отправилъ гонца, по имени Жакемина, къ Сиру Полю, убѣждая его, прибыть немедленно. Помянутый гонецъ встрѣтилъ Сира Поля между Сайеттою и Бейрутомъ, который шелъ поспѣшно, потому что онъ

уже зналъ о предписаніи Сира Жиблепскаго и велъ за собою Ремонда Пиньака съ его опрядомъ лукоиосцевъ, и Голанда и Франциска Беза съ ихъ лапниками; а какъ Командоръ де Трипль Рюйдекеръ, часпо посылавшій въ Жиблепу гонцевъ-поселянъ для извѣщенія Сира Жиблепскаго о возможноспи его прибыпія, спрашился, чпобы эпихъ гонцевъ не взяли въ плѣнъ, и чпобы все не опкрылось, по онъ поспавилъ маленькій знакъ *между ними, коихъ было числомъ двое* (entre eux qui étaient deux). Помянупый Командоръ писалъ къ Сиру Жиблепскому, равно какъ и къ владѣльцу Торпозскому; въ Торпозѣ же слова, возвѣщавшія его прибыпіе, были: *Vous mandent les deniers que luile est appareillée*, т. е. *приходите теперь, когда все приготовлено.* Оба Командоры рыцарей и Храма увѣдомили Сира Жиблепскаго, чпо они будупъ съ нимъ и приведупъ, какъ своихъ людей, пакъ и изъ города, опъ придцапи до придцапя шеспи человѣкъ конныхъ и шеспь сопъ человѣкъ пѣшихъ, и чпо онъ всѣхъ ихъ найдепъ, высадясь на берегъ у воропъ дома Храмовыхъ рыцарей. Они писали къ нему проекрапно, чпобы еще болѣе ускорипь его пріѣздъ. Первое письмо было писано въ *третьемъ часу* (à tierce), впорое *посль девятаго* (après none), а пресье предъ захожденіемъ солнца [1]. Сообразно съ эпими

(1) *Прим. Рус. Переводчика.* Здѣсь, вѣроятно подразумѣваюшся церковные часы, изъ которыхъ пресьему

предписаніями, онъ приготовился къ отъѣзду въ Триполи, и отправился съ одною галерою, двумя саиками, двумя ботами и многими другими судами, и взялъ девятнадцать лошадей и около шести сотъ вооруженныхъ человѣкъ, частію Саррацинъ, частію Христіанъ. Оба Командора совѣтовали и предписывали ему устремиться на берегъ, чтобы разбить свою галеру и всѣ другія суда, дабы ни одинъ человѣкъ не могъ сохранить надежды на обратное возвращеніе, и дабы всѣ они сражались съ величайшею храбростью. Когда оба Командора вполнѣ увѣрились въ его прибытіи, они оставили городъ. Командоръ рыцарей отправился моремъ, подъ предлогомъ итти въ Торпозу, и остановился на островѣ Св. Ѳомы; а Командоръ Триполійскій отправился въ Монткюеръ. Когда Сиръ Жиблетскій готовъ былъ причалить, по велѣлъ лоцману итти прямо на землю и разбить свое судно (что и случилось), надѣясь найти Командоровъ и людей, ими обѣщанныхъ. Въ слѣдствіе того суда ударились о берегъ, и галера съ одною саикою разбились. Сиръ Жиблетскій, вышедъ на землю, и не найдя ни Командоровъ, ни людей ими обѣщанныхъ, счелъ себя обманутымъ, и если бъ галера его не была такъ сильно повреждена, онъ бы немедленно во-

---

отвѣчаетъ обыкновенный *девятый* часъ утра, а девятому *третій* по полудни. Выше мы объяснили въ особомъ Примѣчаніи, на страницахъ 436 и 457-й, значеніе и настоящее время церковныхъ часовъ.

ропился обратно. По сей-то причинѣ онъ вошелъ въ домъ Тампліеровъ, и къ нему привели его лошадей и всѣхъ другихъ аргамаковъ, кои были совершенно пригоповлены. Они сѣли на своихъ лошадей и *удалились*. Нѣсколько разъ убѣдительно просилъ онъ Великаго Магистра прибыть въ Сайеттту, и именемъ Бога увѣщевалъ его постараться о примиреніи его съ Княземъ Антіохійскимъ. Онъ принималъ на себя обязательство отдать ему замокъ Жиблету, оставить землю и покинуть всю страну; наконецъ онъ рѣшился жить самъ какъ могъ, но просилъ, чтобы наслѣдники его не были лишены наслѣдства; Магистръ не согласился на эту просьбу. Сиръ Жиблетскій началъ въ послѣдствіи, по повелѣнію упомянутаго Магистра, воевать съ Пизанами и грабить ихъ. Онъ не имѣлъ съ ними никакой ссоры; но поступалъ такъ, потому что упомянутый Магистръ требовалъ отъ него пшеницы и ржи для своего дома и своихъ работниковъ. Въ этомъ свидѣтельствуютъ достопочтенный отецъ во Іисусѣ Христѣ братъ Гю, Ордена Францисканцевъ, Епископъ Жиблетскій; Домъ Петръ Лалламанъ, аббатъ изъ дома Бомоновъ, Ордена Сисперцевъ (Citeaux), предъ Триполи, его товарищъ; Домъ Симонъ де Трипль, братъ Стефанъ де Барръ, областный Наставникъ Якобинцевъ во Святой Землѣ, его товарищъ; братъ Гю, изъ Прованса, Наставникъ братіи монастыря Трипль (des frères à Triple); братъ Матѳей, Викарій .... Францисканцевъ

во Святой Землѣ, его товарищъ; братъ Іаковъ Антіохійскій, спражъ вышеупомянутыхъ братьевъ въ Триполи, доспопочтенный отецъ; братъ Еремій, Патріархъ Маронитовъ, его товарищи; братъ Яганна, Архіепископъ Рессгинскій; Сиръ Петръ Орландъ, уроженецъ Валансьенскій, Викарій Храма; братъ Авраамъ, Архіепископъ Вильяргонскій; братъ Иванъ Франгепанъ и Сиръ Стефанъ де Ріе, каноникъ Триполійскій; Сиръ Стефанъ Настоятель дома Гроба Господня въ Триполи; Сиръ Жиль, изъ Акры *повѣренный церкви Тріпль;* благородные дворяне: Сиръ Мельоръ (Major) де Ренудалъ, владѣлецъ Мароклейскій; Сиръ Рестамъ, владѣлецъ Баронскій; Сиръ Вильгельмъ де Сарабаль, Коннетабль Трипля; Сиръ Иванъ д'Ангевиль; Сиръ Иванъ де Газаръ; Сиръ Гвидокъ, Патріархъ; Сиръ Иванъ Лоѳраннъ .... (цѣлая строка совершенно стерта), Дофинъ изъ Кремоны, и многіе другіе рыцари.

И было сдѣлано въ замкѣ Нефинъ, въ графствѣ Триполійскомъ, въ лѣто воплощенія Господа нашего І. Х. 1282, 27-го Февраля, одинадцатый мѣсяцъ индикта.

И я Гвилль Триполійскій, по волѣ Святой Церкви Римской, Государственный Нотаріусъ, присутствовалъ при составленіи помянутаго акта и вышесдѣланной записки, и при предъявленіи просьбы и требованій вышеназванныхъ благороднѣйшихъ особъ Князя Антіохійскаго и Графа Триполійскаго, и пи-

салъ о томъ сей самый Государственный актъ и приложилъ къ нему мою печать.

№ VIII.

Описаніе осады и взятіе Акры Сарацинами, которое здѣсь предлагается, было писано на Французскомъ того времени и Латинскомъ языкахъ. Судя по рукописи, которая передъ нами, и коей предшествуетъ предувѣдомленіе въ три страницы, кажется, что это описаніе есть не что иное, какъ письмо Іоанна де Вилля, Смотрителя госпитальницы Св. Іоанна Іерусалимскаго, очевидца, къ брату его, Вильгельму де Вилль, того же Ордена и Настоятелю Сен-Жильскаго монастыря въ Провансѣ. Тотъ кто употребилъ это письмо для составленія своей реляціи, раздѣлилъ его на главы. Что письмо это первоначально было писано по Латыни, можно заключить изъ того, что на полѣ противъ главы II находятся слова: *Латинскій текстъ рукописи начинается только здѣсь.* И подлинно, сравнивая Латинское сочиненіе, помѣщенное въ полномъ собраніи Дом-Мартенна (Dom-Martenne), подъ заглавіемъ: *De excidio urbis acconensis libri duo*, видимъ, что разсказъ начинается этими словами: *Leva Jérusalem in circuitu oculos tuos et vide* etc., равно какъ и рукопись: lieve tes iex

Iherusalem en aviron et regarde, etc. (**Подними очи твои Іерусалимъ, и возри окрестъ себя, и пр.**). **Сочиненіе, изданное Домъ Марпенномъ, также имѣетъ небольшое предисловіе, гдѣ сочинитель или скорѣе издатель, признается, что не былъ свидѣтелемъ того, что разсказываетъ; но что узналъ о томъ отъ различныхъ особъ, и раздѣлилъ разсказъ свой на двѣ части, изъ коихъ одна содержитъ описаніе событій предъ осадою, другая заключаетъ повѣствованіе самой осады и разрушеніе Акры. Кажется, что существовало при описанія осады этого города, изъ коихъ составили одно. Одно изъ этихъ трехъ описаній находилось въ заведеніи Св. Іакова въ Липпихѣ, другое въ Королевскомъ Наваррскомъ Коллегіумѣ, и третье въ библіотекѣ Св. Викпора въ Парижѣ. Аденульфъ д'Анани** (Adenoulf d'Anagnie), **подарившій послѣднее Аббатству и монастырю, постановилъ условіемъ, что нельзя ни отчуждить, ни продать его рукописи. Эти три рукописи, были ли онѣ три списка одной и той же рукописи, или три отдѣльныя сочиненія, изъ коихъ составили одно цѣлое, какъ повидимому показываетъ заглавіе предувѣдомленія, выраженное словами:** *Gestorum collectionis proœmium sic incipit?* **Вотъ чего мы не дерзнемъ рѣшить. Было ли письмо Ивана де Вилля первоначально писано по Латыни и переведено на Французскій языкъ того времени? вотъ еще вопросъ, котораго мы не можемъ рѣшить. Причины, заставляющія насъ скло-**

няпься къ первому предположенію, суть слѣдующія: 1-я, приведенныя нами слова на полѣ II[й] главы рукописи, и 2-я, четверная спапья Лапинскаго сочиненія, которая, кромѣ двадцапи послѣднихъ спрочекъ, пропущена въ рукописной реляціи. Подобный пропускъ находипся еще въ другомъ мѣспѣ, но онъ не пакъ значипеленъ. Какъ бы по ни было эпа Лапинская или Французская реляція не менѣе доспойна привлечь наше вниманіе, и мы постараемся изложипь объ ней подробный разборъ.

Авпоръ, разсказавъ въ немногихъ словахъ взяпіе Триполи, говорипъ, чпо Сулпанъ Египепскій возвѣспилъ жипелямъ Акры, чпо если они не сдадупъ ему своего города, онъ подвергнепъ ихъ черезъ годъ пакой же участи какъ и жипелей Триполи. Впрочемъ было заключено перемиріе на два года, два мѣсяца, двѣ недѣли, два дня и два часа; но эпопъ миръ былъ нарушенъ прибыпіемъ пысячи шеспи сопъ воиновъ, посланныхъ Папою, которые позволили себѣ всякаго рода излишества пропивъ Саррацинъ, жившихъ въ окресппносппяхъ Акры. Сулпанъ Египепскій, извѣщенный о помъ, сильно жаловался жипелямъ города, и увѣдомилъ ихъ, чпо въ будущемъ Марпѣ мѣсяцѣ пойдепъ съ многочисленною рапію опмспипь за эпо нарушеніе договоровъ. Письма Сулпана были приняпы жипелями Акры съ различными чувспвами: одни хопѣли, чпобы къ Сулпану послали просипь извиненія и сохранили миръ; другіе, и пѣхъ было наи-

большее число, полагали, что если Западнымъ Государямъ благоугодно прервать перемиріе, то его должно прервать. Однако мнѣніе первыхъ одержало верхъ; къ Султану послали достопочтенныхъ людей, кои предложили ему вознагражденія и подарки, и хотѣли предать въ его руки виновниковъ, сдѣланныхъ безпорядковъ. Султанъ опвергнулъ съ негодованіемъ ихъ предложенія: «Коварные Христіане, сказалъ онъ, какъ сладки были ваши рѣчи, когда вы заключали съ нами союзъ; но сколько желчи таилось подъ вашими медовыми выраженіями! Часто мѣшаютъ отраву съ сахаромъ, медомъ и другими подобными веществами, но когда она доходитъ до сердца, убиваетъ легковѣрнаго, ничего неподозрѣвавшаго. Увы! ваши женскія ласки обманули и обольстили насъ; онѣ усыпили нашу бдительность, и заставили насъ пренебречь свою собственную безопасность. Что за люпость царствуетъ между вами, Христіане? что за бѣшенство владѣетъ вами, лишаетъ васъ разсудка и побуждаетъ оставить постыднымъ образомъ вашу древнюю честность? Когда подъ личиною просвѣщенія и кротости вы обѣщали намъ, именемъ той Вѣры, которая, по словамъ вашимъ, всемогуща въ вашемъ Христѣ, соблюдать съ нами постоянный миръ, мы также обязались вѣрою, которую пріяли отъ нашего непобѣдимаго Магомета, жить съ вами въ совершенномъ согласіи до назначеннаго срока. Мы ненарушимо сдержали наше обѣщаніе, и мы еще соблюдали бы его, если бъ что-

нибудь насъ къ тому обязывало; но когда мы видимъ, что народъ нашъ обманутъ вашими безсовѣстными обѣтами, и что, забывая истину, которая, говорите вы, есть Христосъ и основаніе вашей Вѣры, вы подвергаете опасности нашъ санъ и счастье нашего государства, мы не можемъ, сообразно съ долгомъ, который мы на себя возложили, не прибѣгнуть къ отмщенію и оставить безъ наказанія столь великое преступленіе. Мы твердо увѣрены, что если Христосъ вашъ можетъ ниспослать вамъ помощь, по причинѣ вѣры вашей въ Него, то вамъ не должно надѣяться ни на малѣйшую отъ Него помощь, ибо вы отказали Ему въ сей Вѣрѣ; а мы питаемъ твердую увѣренность, что, по справедливому Суду Божескому, счастье наше одержитъ верхъ надъ вашимъ. И такъ, пока вы будете удерживать и покровительствовать измѣнниковъ, нарушившихъ вашу и нашу безопасность, не надѣйтесь обольстить насъ, оставьте ваше лжесловіе, и вѣдайте, что въ назначенное время наши могущественныя руки сокрушатъ вашу силу, мы проникнемъ въ вашъ вражій городъ и предадимъ всѣхъ васъ мечу. Прощайте, мы хотимъ во всякомъ случаѣ, и повелѣваемъ, по причинѣ сана васъ облекающаго, чтобы вы воротились въ полной безопасности къ вашимъ сорапникамъ.»

Посланники возвратились въ Акру исполненные печали, и прочли донесеніе о своемъ посольствѣ въ собраніи, гдѣ находились Патріархъ Іерусалимскій, Иванъ де Гресли,

предводитель Христіанъ Святой Земли, и Посланникъ Короля Французскаго Гоппиъ де Грандсонъ, Посланникъ Короля Англійскаго и главные граждане. Когда узнали отвѣтъ Султана, всѣ единогласно говорили, что не смотря на удивленіе, вселяемое новостію донесенія, и хотя они могутъ опасаться того, что недавно приключилось Триполи, какъ равно и жестокаго нрава Султана, однако они должны всѣ, изъ любви къ Вѣрѣ Христіанской, обязаться не покидать безъ сопротивленія зловѣрнымъ этого города Акры, который открывалъ Христіанамъ путь для посѣщенія Святыхъ Мѣстъ, и коего защита была поручена ихъ вѣрности; что иначе поведеніе ихъ справедливо припишутъ скорѣе расплѣнію ихъ вѣры, нежели ихъ слабосилію; что сверхъ того, они, привыкшіе всегда сражаться за свою свободу, не должны терпѣть мысли подвергнуться вѣчному рабству; что слѣдовательно должно приготовиться къ благородному сопротивленію, и лучше пасть подъ ударами непріятельскаго меча, нежели оставить городъ и искать спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ, которое нанесетъ имени ихъ неизгладимое пятно; что имѣя еще цѣлые полгода для своихъ приготовленій, они могутъ увѣдомить о положеніи Святой Земли и своемъ собственномъ, Главу Церкви, Кардиналовъ, Королей и Государей Западныхъ; что безъ всякаго сомнѣнія, всѣ они, услышавъ о жребіи, коимъ грозятъ имъ съ такимъ нечестіемъ, пришлютъ вовремя существенную помощь.

Все собраніе убѣждало начальниковъ общины послать въ самомъ скоромъ времени увѣдомить Государей и Главу Церкви о происшедшемъ, и просить отъ ихъ благочестія всего необходимаго для защиты города Акры.

Патріархъ, услышавъ эту рѣшимость, вспалъ, и поднявъ глаза къ небу, а руки къ груди своей, возблагодарилъ Бога, вздыхая, и сказалъ:

«Благословенна будь Святая Троица, со-
«единяющая жителей Акры въ одномъ чув-
«ствѣ, и въ столь важномъ обстоятельствѣ,
«просвѣщающая ихъ сердце и ихъ умъ еди-
«нодушнымъ мнѣніемъ. Крѣпитесь въ семъ
«намѣреніи, жители Акры, — вы увидите
«помощь Господню, ниспедшую на васъ.»

Патріархъ, давъ свое благословеніе, распустилъ собраніе.

Немедленно послали въ Европу извѣстить Папу и Государей, что Султанъ придетъ осаждать городъ въ срокъ, имъ назначенный. Авторъ реляціи, о прибытіи пособій и о приготовленіяхъ къ защитѣ, предлагаетъ подробности, читанныя въ Антверпомъ томѣ этой Исторіи. Потомъ онъ разсказываетъ о прибытіи войскъ Султана Каирскаго передъ Акру: «Земля, говоритъ рукопись Фран-
«цузская, дрожала при появленіи ихъ отъ
«множества войскъ и махинъ; и когда они
«проходили, солнце сверкало въ щитахъ ихъ
«и горы въ нихъ отражались. Острія сталь-
«ныхъ копій также походили на звѣзду, сіяю-
«щую на небѣ въ свѣтлую ночь; когда

«рапь подвигалась впередъ, лѣсомъ казались
«многочисленныя копья, порчавшія вверхъ;
«числомъ ихъ было четырста пысячъ рапни-
«ковъ, покрывавшихъ всю плоскую землю и
«горы (Li terre tremblait en leur rewart (aspect) pour le multitude des troupes et des estrumens autres; et quand ils passoient, li solan (le soleil) resplandissoit en l'or targes d'or et les montagnes resplandissoient deans. Li fer des lances poli resembloit iestre ausi com estoile reluisant el ciel el tant de le nuit serie (sereine), quant li ost (armée) aloit avant, ce sembloit iestre une forie (forêt) pour le multitude des lances ki este koient amont (étaient dressées en haut), li nombre desquels fu quatre cent mille hommes combatans ki couvroient toute la plaine terre et les montagnes.)»

Сочинипель говорипъ о болѣзни Сулпана, о сдѣланномъ имъ назначеніи сына своимъ преемникомъ, и о его смерпи. Попомъ, онъ описываепъ прибытіе этого новаго Сулпана подъ спѣны Акры, первыя происходившія сраженія и поспыдное бѣгспво Короля Кипрскаго: событія, о коихъ мы упомянули, опираясь на эпу самую реляцію. Попомъ онъ говорипъ, какъ большая часпь городской спѣны была обрушена, и какъ Саррацины ею овладѣли. За пѣмъ продолжаепъ онъ о невѣроятныхъ усиліяхъ Маппвѣя или Вильгельма Клермонпскаго, Маршала Спранпопріимнаго Ордена, копорый своею силою и своимъ мужесптвомъ нѣкоторымъ образомъ возвратилъ городъ Акру. Жипели провели цѣлую ночь въ работѣ, починяя проломъ,

укрѣпляя спѣну и разспавляя караульныхъ. На другой день собрались въ домѣ Спранноприимцевъ, гдѣ разсуждали о помъ, что предспоипъ дѣлапь. Тогда Папріархъ всталъ посреди собранія, и подавъ рукою знакъ къ молчанію, произнесъ эпу рѣчь: «Внимайпе, «касапельно предспоящаго вамъ поведенія, «совѣпамъ, кои родились въ моемъ слабомъ «умѣ, и кои я счипаю долгомъ сообщипь «вашему разсудку и вашей вѣрности. Мы «не могли въ началѣ воспрепяпспвовапь «причинѣ бѣдспвій нынѣ преперпѣваемыхъ «нами; но мы должны были, по крайней мѣрѣ, «пропивуспапь имъ нашими увѣщаніями и «нащими совѣпами. Имѣющіе уши, да слы- «шапъ, и да поймепъ насъ попъ, кпо «можепъ насъ поняпь. Увы! доселѣ мы не «по дѣлали, чпо говорили, и запо мы на- «казаны. Хопя мы не можемъ совершенно «избѣгнупь ударовъ ярости эпого варвар- «скаго народа, пѣмъ не менѣе мы должны «испыпапь все, чпо можепъ ихъ опвра- «пипь опъ главы нашей. Нынѣ яснѣе дня, «что если мы падемъ во власпь сихъ вѣро- «ломовъ, какимъ бы по ни было образомъ, «по праву ли войны, въ слѣдспвіе ли дого- «воровъ, намъ нельзя ожидапь опъ нихъ ника- «кой жалосши, особенно если они не най- «дупъ въ эпомъ городѣ богапспвъ и пова- «ровъ, коихъ они алчупъ, и женъ и дѣвъ, «поруганіемъ копорыхъ они уже хвалились. «Итакъ мы должны скорѣе предпочесть до- «рого продапь нашу жизнь съ оружіемъ въ

«рукахъ, нежели покориться ихъ волѣ, ко-
«гда уже особенно видимъ мы, что нѣтъ
«никакого средства избѣгнуть отъ ихъ рукъ.
«Итакъ, возложимъ упованіе наше на Гос-
«пода, за Котораго здѣсь сражаемся, потому
«что не на кого болѣе намъ уповать; ибо
«написано: *Лучше положиться на Бога,*
«*нежели на людей. Лучше уповать на*
«*Господа, нежели на Царей.* Знайте,
«что одинъ Христіанинъ будетъ стоить пя-
«ти или шести Сарацинъ, потому что
«изъ девяти тысячъ защитниковъ, намъ
«еще оставшихся, послѣ отступленія Ко-
«роля Кипрскаго, мы имѣемъ только семь
«тысячъ, а вчера двадцать тысячъ враговъ
«были повержены въ улицахъ города. При
«такомъ положеніи вещей, укрѣпимся духомъ
«и сердцемъ, будемъ ждать того что при-
«ключится, поручимъ Господу нашему хра-
«брость, которая можетъ послужить къ
«защитѣ города; будемъ надѣяться, что
«всегда успѣемъ защитить его съ помощію
«вѣры въ Того, Кто сказалъ своимъ Апо-
«столамъ: *Если имѣете вѣру, то полу-*
«*чите все, чего будете просить во*
«*Имя Мое.* — Вы все знаете, и каждый изъ
«васъ можетъ самъ судить о томъ, если бъ
«кто нибудь изъ васъ былъ избранъ сво-
«имъ законнымъ Государемъ для защиты его
«чести противъ одного или многихъ, то
«безъ всякаго сомнѣнія онъ предпочелъ бы
«пасть на полѣ битвы подъ ударами же-
«стокаго желѣза, нежели навлечь на себя

«упрекъ въ трусости или измѣнѣ, потому «что дѣйствительно онъ долженъ хранить, «во всей ея чистотѣ, вѣрность къ своему «Государю, и что если онъ измѣнитъ ей, «имя его будетъ на вѣкъ опозорено. Вы «знаете также, что если тотъ, кто сра- «жается вѣрно за честь своего Государя, «погибнетъ въ несчастномъ поединкѣ, то «смерть его постигшая превращается для «него въ достоинство и честь. Тоже самое «должно сказать и про насъ, братья мои, «въ отношеніи къ Іисусу Христу, отъ «Котораго мы всѣ зависимъ, какъ вассалы, «и къ Которому обязаны хранить вѣрность, «долженствующую всѣхъ насъ спасти. Да «смотритъ же всякій изъ васъ на себя, «какъ на избраннаго Іисусомъ Христомъ, «защищать, по долгу феодальной покорно- «сти, Его наслѣдіе противъ народа невѣ- «рующаго. Да помыслитъ всякій, что нѣтъ «другихъ защитниковъ, и что его времен- «ное наслѣдіе превратится, смотря по его «достоинству, въ наслѣдіе вѣчное. Что если «за грѣхи наши или по другимъ для насъ «неизвѣстнымъ причинамъ, Господь захо- «четъ исторгнуть Свое наслѣдіе изъ рукъ «нашихъ, не думайте, что по этой при- «чинѣ вы можете отдать его безъ сопро- «тивленія людямъ проклятымъ, неимѣющимъ «никакого права на него. Если не видите «никакого средства къ спасенію, стойте «твердо въ сопротивленіи вашемъ, пока мо- «жете; продайте дорого кровь вамъ оспаю-

«щуюся; опмспите ту, которую уже по-
«теряли. — Все возможно тому, въ комъ
«есть истинная вѣра, твердое упованіе и
«христолюбіе, котораго ничто не можетъ
«погасить. Вамъ можно, съ помощію сред-
«ства, которое Богъ представляетъ грѣш-
«никамъ ко спасенію, вамъ можно, по смер-
«ти вашей, безъ всякаго инаго покаянія,
«достигнуть блаженства вѣчной жизни. Ис-
«повѣдайте жъ другъ другу грѣхи ваши, и
«ожидайте онъ Бога прощенія въ нихъ.»

За этою рѣчью Патріарха, прибавляетъ Сочинитель, отслужили обѣдню; многіе поцѣловались въ знакъ мира, и зная что идутъ умереть за Господа, пріяли причастіе съ большимъ благоговѣніемъ. Всѣ приготовились къ сраженію. Историкъ за тѣмъ дѣлаетъ описаніе четырехъ приступовъ, данныхъ Мусульманами городу, и въ слѣдствіе коихъ, они наконецъ имъ овладѣли. Онъ говоритъ о бѣгствѣ Ивана де Гресли и Готтта де Грандсона, и о славной смерти Вильгельма Клермонтскаго. Мы заимствовали изъ его разсказа всѣ подробности, кои находятся въ нашемъ.

Описаніе это оканчивается воззваніемъ къ Церкви, чтобы она оплакивала разрушеніе Акры, и упреками къ Прелатамъ и Государямъ Христіанскимъ.

Теперь, говоритъ Авторъ, *Щенки выломныхъ* лаютъ и веселятся, всѣ Сарацины радуются паденію столь великаго города и потери такого множества Христіанъ. Вѣрные напротивъ, не перестанутъ

оплакивать эпихъ бѣдствій! да не престанутъ ручьи слезъ омывать наши ланиты! Да сокрушатся сердца наши горестію благоговѣйнаго состраданія! Плачьте, дщери Сіона, по эпомъ любезномъ градѣ; да оронаются вѣчно слезами зѣницы глазъ вашихъ! Плачьте, дщери Сіона, за вождей васъ покинувшихъ; плачьте за Первосвященника, за Кардиналовъ, за Прелатовъ и Духовенство Церкви; плачьте за Государей, Принцевъ, Бароновъ и воиновъ Христіанскихъ, кои усыпившись въ нѣдрѣ удовольствій, тогда, какъ тщеславно называли себя великодушными рапниками въ сей юдоли слезъ, оставили безъ защиты городъ, наполненный народами Христіанскими, и бросили его посреди обширной пустыни, какъ агнца посреди волковъ. Одни, сидя на красивыхъ коняхъ, забыли о скорби и ужасѣ Акры; другіе, достигнувшіе послѣдней ступени честей, и посреди пышности и суетъ міра, вмѣсто того, чтобы управлять Церковью въ духѣ набожности и смиренія, возсѣдая на тронѣ нечестія, растратили деньги, назначенныя для благочестиваго употребленія; они воздвигли великолѣпныя башни и соорудили роскошные замки, которые украшаютъ они всякаго рода драгоцѣнною живописью. Для покрытія поликихъ издержекъ, они похищаютъ всякими законными и незаконными средствами пропитаніе бѣднаго; они испощаютъ его способы. Однако ихъ избрали изъ среды народа какъ людей мудрыхъ, способныхъ управлять

Церковью и быть раздавателями благъ и Вѣры Христовой. Но увы! эти люди, долженствовавшіе быть столь благоразумны, столь мудры, омрачили разумъ свой неисповымъ распутствомъ, нечестіемъ пожеланій, излишнимъ бременемъ сокровищъ, заботами сребролюбія. О нихъ можно сказать то, что сказалъ Псалмопѣвецъ: *Они вознесены до неба, и ниспадаютъ въ глубину бездны. Они смущены и нетверды какъ человѣкъ опьянѣвшій, и вся мудрость ихъ исчезла.* Другіе, во цвѣтѣ лѣтъ, умножаютъ умъ свой изнѣженностію души и низостію своихъ пороковъ. Цѣлый день они заняты преслѣдованіемъ дикихъ звѣрей, сопровождаемые стаею собакъ и предшествуемые своими охотничьими рогами; и все это, чтобы поймать омерзительнаго кабана или гадкую козу, и въ это время они пренебрегаютъ своими дѣлами, бросаютъ на произволъ случая бразды правленія, подвергаясь такимъ образомъ опасностямъ безславной смерти. О нихъ сказалъ Абакукъ: *Гдѣ эти Правители народовъ, которые господствуютъ надъ звѣрями, населяющими ихъ земли, и птицами играющими въ воздухѣ.* Другіе наконецъ, выказывая ревность къ дѣлу Божію и хвалясь, что хотятъ отмстить Его оскорбленія, собираютъ сокровища, копятъ злато и серебро, которое насильственными требованіями, исторгаютъ у своихъ подданныхъ и у бѣдныхъ церквей, и это для того, чтобы отнять силою смежныя съ ними королевства или кня-

жества, и присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ, и въ это время они пренебрегаютъ главнымъ дѣломъ, которымъ говорили, хотятъ заняться. Что скажу еще? Повсюду вижу лишь сребролюбіе, повсюду скупость, повсюду злополучіе бѣдныхъ..... Но я желаю, чтобы Іисусъ Христосъ посѣтилъ ихъ и перемѣнилъ ихъ намѣренія, дабы они спали стремиться только за славою Божіею и къ возвращенію Святой Земли.

№ IX.

ЗАМѢЧАНІЕ Г. РЕНУАРА НА СОЧИНЕНІЕ Г. ГАММЕРА, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: MYSTERIUM BAPHOMETI REVELATUM (1) etc., etc.

Пятьсотъ лѣтъ протекли со времени осужденія рыцарей Храма и уничтоженія Ордена, когда обвиненія, свидѣтельства, рѣшенія подвергались суду Исторіи; слава Ордена и память рыцарей возстановлены нынѣ во мнѣніи безпристрастныхъ особъ.

Предсталился новый кропивникъ Тамплієровъ, и оставивъ въ сторонѣ обвиненія, вымы-

---

(1) Это разсужденіе наполняетъ сто страницъ *въ листъ* (in-folio) первой книги VI тома періодическаго сочиненія: *Fundgruben des Orients* etc., *Рудники Востока*,

шленныя современными гонителями, нашелъ другія преступленія. Не смотря на промежутокъ времени, онъ хвалится, что можетъ предъявить существенныя доказательства: «Нѣтъ нужды въ словахъ, говоритъ Г-нъ Гам-«меръ, когда камни служатъ свидѣтелями.»

Что за памятники неоткрытые или пренебреженные людьми, пригоповившими и довершившими злополучіе Ордена Храма? Какъ укрылись они отъ изобрѣтательныхъ поисковъ зависти и вражды, отъ проницательности инквизиторовъ? Почему различные отступники, которые изъ честолюбія или изъ страха, свидѣтельствовали противъ Ордена, не указали на памятники, кои были бы въ то время и многочисленнѣе и разительнѣе, и ихъ существованіе могло бы оправдать ихъ постыдную измѣну? И когда церкви и домы Тамплiеровъ были заняты преемниками, для коихъ такъ выгодно было бы извинить въ глазахъ народа жестокость похищенія, почему ни одинъ изъ нѣхъ преемниковъ не замѣтилъ этихъ существенныхъ доказательствъ, кои, по словамъ Г-на Гаммера, еще нынѣ гласятъ объ отступничествѣ Тамплiеровъ?

разработываемые обществомъ любителей, и пр. Вѣнна, 1818.

Въ этомъ замѣчаніи я извлекаю и разбираю двѣ статьи изъ *Журнала des Savants* (Мартъ и Апрѣль 1819), гдѣ я увѣдомилъ о разсужденіи Г-на Гаммера, и пользуюсь также двумя статьями, напечатанными во *Всеобщей библіотекѣ* (Bibliothèque universelle), томъ X, стр. 327, и томъ XI, страница 3.

Сочиненіе этого ученаго имѣетъ слѣдующее заглавіе: « *Открытіе* ТАЙНЫ БАФОМЕТОВОЙ, или *братья милиціи Храма, уличенные ихъ собственными памятниками, въ раздѣленіи отступничества, идолопоклонства, нечестія Гностиковъ, и даже Офіанитовъ* (еретики). »

Вотъ изложеніе, разборъ и сокращеніе системы Г-на Гаммера:

« Въ слѣдствіи, сдѣланномъ надъ Орденомъ Храма, сказано, что рыцари покланялись идолу, въ видѣ *Бафомета* (1), *in figuram bafometi.* Это послѣднее слово состоитъ изъ BAFO и METI; *βαφη* на Греческомъ значитъ *крашеніе*, и по распространенію смысла, *крещеніе; μητεος* значитъ *Духа.* Итакъ *Бафометъ* Тампліеровъ былъ *крещеніе Духа, крещеніе Гностическое*, которое

(1) Свѣдѣнія, собранныя прошивъ Тампліеровъ, вовсе не предсшавляюшъ доказашельсшвъ ни нравсшвеннаго, ни законнаго сущесшвованія Бафомешическихъ изображеній. Акшъ обвиненія совсѣмъ не говоришъ объ нихъ. Также не упоминаешся о нихъ въ главномъ слѣдсшвіи, произведенномъ въ Парижѣ, ни въ многочисленныхъ показаніяхъ свидѣшелей, которыхъ допрашивали Инквизишоръ и Повѣренные Папы.

Изъ шесши свидѣшелей, выслушанныхъ въ Каркассонѣ и объявившихъ, что имъ предложили идола, двое только опредѣлили его *in figuram* BAFOMETI. Одинъ Госеранъ де Монпеза, приведенный въ Парижъ, объявилъ ложнымъ всякое предшесшвовавшее признаніе; и шакъ осшаешся только одинъ свидѣшель, коего предшесшвовавшее поведеніе и конецъ намъ неизвѣсшны. Доказано, что изъ чешырехъ другихъ, допрошенныхъ въ Каркассонѣ, Иванъ Кассога и Пешръ де Мосси объявили ложнымъ свое первое свидѣшельсшво, и что Иванъ Кассога былъ сожженъ въ этомъ городѣ.

не совершалось водою искупленія, но было духовное очищеніе огнемъ. BAFOMET, слѣдовательно значитъ *освѣщеніе Духа.*

«Такъ какъ Гносшики сообщили Тампліерамъ мысли и образы Бафометическіе (1), по слово METE (Metis) вѣроятно было въ уваженіи у Тампліеровъ; и подлинно, прибавляетъ Г-нъ Гаммеръ, я предсшавлю доказашельсшва эшому рѣшишельному обсшояшельсшву.

«Гносшиковъ обвиняли въ гнусныхъ порокахъ. METIS изображался въ различныхъ формахъ, преимущесшвенно въ видѣ змѣй и усѣченнаго кресша, на подобіе Греческой буквы TAU (шо), T.

«Гносшики, продолжаетъ Г-нъ Гаммеръ, не всегда упошребляли слово METE въ своихъ памяшникахъ; они упошребляли шакже слово GNOSIS, кошорое значитъ шоже самое, и слово эшо находятъ шакже у Тампліеровъ.»

Распросшраняя свою сисшему обвиненія, Г-нъ Гаммеръ непресшанно ушверждаетъ, чшо слѣдсшвіемъ, сдѣланнымъ надъ Тампліерами, доказано, чшо они богошворили Бафомешическія изображенія; онъ предсшавляетъ медали, на коихъ начершаны эши мнимыя Бафомешическія изображенія, и въ особенносши нѣсколько медалей, гдѣ написано: METE съ усѣченнымъ кресшомъ (2), и другія, на

(1) Г-нъ Гаммеръ счишаешъ эшо дѣломъ доказаннымъ, хошя вовсе не предсшавилъ шому доказашельсшвъ.

(2) Мнимый усѣченный кресшъ, опкрышый Г-мъ Гаммеромъ на медаляхъ, кои сверхъ шого никогда не при-

коихъ изображенъ Храмъ съ надписью: *Sanctissima Quinosis*, то есть *Gnosis*. Онъ указываетъ также на Гносписческіе вазы и сосуды; и приписывая ихъ Тампліерамъ, онъ утверждаетъ, что романъ *Saint Graal* или *Святая чаша*, есть романъ символическій, въ одно время скрывающій и доказывающій отступничество рыцарей; наконецъ, онъ открываетъ въ церквахъ, нѣкогда принадлежавшихъ Тампліерамъ, или кои онъ считаетъ имъ принадлежавшими, Бафометическія изображенія, гносписческіе и даже офитическіе знаки.

Г-нъ Гаммеръ распочаетъ много ученоспи для показанія различныхъ и многочисленныхъ системъ, предшествовавшихъ сектѣ Гноспиковъ и ее породившихъ; наконецъ онъ достигаетъ до Бафометическихъ изображеній; онъ исчисляетъ двадцать четыре фигуры, кои по мнѣнію его заключаютъ въ себѣ начертанія *Бафомета;* онѣ наполнены астрологическими знаками; многія опоясаны зміею и держатъ попъ крестъ съ ручкою, который былъ названъ Египтянами *ключемъ Нила*, и считался эмблемою плодовипоспи; на нихъ находятся надписи, изъ коихъ одинѣ, Латинскія и Греческія, означаютъ просто собственныя имена; другія, Арабскія были бъ неизъяснимы, если бъ

надлежали Тампліерамъ, есть не что иное, какъ дѣйствіе руки, положенной на верху обыкновеннаго креспа; эта рука, которая держитъ крестъ вверху, находится на многихъ медаляхъ или монетахъ, коихъ Г-нъ Гаммеръ и самъ не дерзнетъ приписать Тампліерамъ.

нельзя было сличить ихъ съ тѣми, кои находятся на сосудахъ. Главный изъ этихъ сосудовъ представляетъ Арабскую надпись, которая относится къ поклоненію какому-то божеству, называемому METE; ему приписываютъ качество TEALA, всемогущее, и NASCH, животворное. Г-нъ Гаммеръ полагаетъ, что METE было тоже самое, что SOPHIA, ACHAMOT, различныхъ Гностическихъ сектъ.

Но ничто ни вблизи, ни вдали не имѣетъ никакого отношенія къ Тамплiерамъ.

Г-нъ Николаи, въ одномъ Нѣмецкомъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: *Опытъ объясненія тайны Тамплiеровъ*, (Essai sur le secret des Templiers), первый употребилъ это слово BAFOMET, и привязалъ къ нему мысль образа Бога Всевышняго, въ состояніи — бездѣйствія, которое приписывали Ему Гностики Манихеане; этотъ ученый, первый вообразилъ, что Тамплiеры имѣли тайное ученіе и различныя степени откровенія его, и онъ полагалъ, что ученіе это они заняли у Саррацинъ.

Для уничтоженія всѣхъ этихъ системъ, довольно было бы доказать, что не можетъ слово BAFOMETI, находящееся въ слѣдствіи, сдѣланномъ надъ Тамплiерами, означать что-либо иное, какъ не MAHOMET (Магометъ).

Г-нъ Баронъ Сильвестръ де Саси (1) уже опровергнулъ это толкованіе Г-на Гаммера;

(1) Смотри *Магазинъ Энциклопедическій* (le Magasin encyclopédique), 1810, томъ VI, стр. 179.

и когда Гаммеръ упорствовалъ, не признавая въ словѣ BAFOMET имя *Магомета*, ему легко было доказать, что Писатели среднихъ вѣковъ часто употребляли BAFOMET вмѣсто MAHOMET; въ доводахъ нѣтъ недостатка (1).

Если даже слово Бафометической или Гностической секты не существуетъ, если оно никогда не существовало, то цѣлая система не тверда въ своемъ основаніи.

Но если бъ даже доказали существованіе Бафометической секты, если бъ имѣли достовѣрныя подробности о ея мнѣніяхъ, ея таинствахъ, то какъ докажетъ Г-нъ Гаммеръ, что Тампліеры принадлежали къ этой сектѣ?

Г-нъ Гаммеръ собралъ и велѣлъ напечатать до ста медалей и различныхъ другихъ памятниковъ, которые онъ приписываетъ Тампліерамъ, потому что видитъ въ нихъ мнимый METE, TAU (то) Гностиковъ.

Медали и памятники, на кои онъ ссылается, даже не доказываютъ существованія секты Гностиковъ; и если бъ даже это существованіе было доказано, то зачѣмъ приписывать Тампліерамъ эти медали и эти памятники совершенно имъ чуждые?

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ Г-нъ Гаммеръ старается доказать, посредствомъ

---

(1) Раймундъ д'Ажиль (Raimundus de Agiles), говоритъ о Магометанахъ: *In ecclesiis autem magnis* BAFUMARIAS *faciebant..... habebant monticulum ubi duæ erant* BAFUMARIÆ;

Трубадуры употребляютъ BAFOMARIA вмѣсто *mosquée* и BAFOMET вмѣсто MAHOMET.

медалей, что Тампліеры были Гностики, я приведу только тѣ изъ нихъ, гдѣ эпотъ ученый нашелъ слово *Quinosis* или *Gnosis*.

На монетѣ 80-й находится, по мнѣнію Г-на Гаммера, храмъ Іерусалимскій съ четырьмя башнями; надпись тамъ слѣдующая: + S. S. SIMOONJU ⊆A; но читая съ конца, и начиная не съ окончательнаго A, но съ поваленнаго D, которое Г-нъ Гаммеръ принялъ за Q, тогда какъ другіе ученые, приводившіе эту медаль, видѣли въ немъ D, онъ читаетъ: SSTA QUINOOMIS, хотя въ надписи нѣтъ нигдѣ T; и принимая M за опрокинутый *сигма*, Г-нъ Гаммеръ нашелъ QUINOOSIS; потомъ, измѣняя QUI въ G, и дѣлая одинъ только O изъ двухъ, онъ получаетъ GNOSIS; что, по его мнѣнію, опкрываетъ и доказываетъ тайну Тампліеровъ — *Гностиковъ*.

Г-нъ Гаммеръ не только читаетъ съ конца, но еще начинаетъ свое чтеніе съ предпослѣдней буквы, и оставляетъ букву A, за коею слѣдуетъ крестъ +, отдѣляющій начало надписи отъ конца. Онъ прибавляетъ T, и вводитъ Греческую букву въ Латинскую надпись: и наконецъ послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ, еще не получаетъ слова GNOSIS.

И для чего искалъ онъ въ этой надписи того, чего въ ней нѣтъ, и не нашелъ того, что въ ней есть — SS. SIMON JUDA?

На медали 99-й, также вырѣзано S. SIMON VEL JUDA; на 93-й, S. SIMON JUDA, и пр. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе въ сред-

нихъ вѣкахъ монетъ, кои съ одной стороны представляютъ имя Святаго, а съ другой имя города или Государя.

На двухъ монетахъ, изъ числа тѣхъ, гдѣ вмѣсто ST. SIMON и ST. JUDA, Г-нъ Гаммеръ читаетъ SAINTE GNOSTIQUE; вырѣзано также имя OTTO, OTTO MARCHIO. Это обстоятельство запруднительно для Г-на Гаммера; онъ объясняетъ его, говоря, что этотъ Маркизъ Оттонъ былъ Гностикъ, покровитель Тамплiеровъ, посвященный въ таинство ихъ ученія.

Селандеръ (1) прочелъ на этихъ монетахъ только *Св. Симонъ* и *Св. Іуда;* онъ полагалъ, что этотъ *Оттонъ* могъ быть *Оттонъ II*, Маркизъ Бранденбургскій, который жилъ около 1200 года. Если мнѣніе Селандера не достаточно было для убѣжденія Г-на Гаммера въ этомъ простомъ естественномъ, очевидномъ объясненіи, то онъ нашелъ бы у Оттио Сперлингіуса (2) истолкованіе подобной монеты, съ надписью: S. SIMON и S. JUDAS. Головы обоихъ святыхъ покрыты одною и тою же короною. А. Мелленъ полагалъ, что эта монета была вычеканена въ Гослярѣ, и Сперлингіусъ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Но если допустить даже, что эти монеты принадлежали Гностической сектѣ, я всегда

---

(1) Nicolaï Seelanders X *Schriften* von Deutschen *Münzen Mittlerer Zeiten*, etc. Hannover, 1743, in — 4°.

(2) Ottonis Sperlingii . . . *de Nummorum bracteatorum et cavorum*, etc., Lubecœ, 1700, in 4 — pag. 73.

буду повторять, что Г-нъ Гаммеръ не доказалъ ничѣмъ, что Тампліеры, употребляли ихъ. Разсужденіе ученаго Гаммера почти всегда ограничивается этою формою: «Эти памятники суть Гностическіе, слѣдовательно, они принадлежатъ Тампліерамъ;» или этою: «Эти памятники принадлежатъ Тампліерамъ, слѣдовательно, они Гностическіе.»

Но, да позволятъ мнѣ еще повторить: если Тампліеры имѣли у себя эти Гностическія изображенія, то какъ могли изображенія сіи оспаться неизвѣстными, избѣгнуть доноса, когда дѣло шло объ уничтоженіи Ордена? почему находятъ ихъ теперь только въ Германіи?

Я вездѣ имѣлъ бы одинакій успѣхъ, если бъ такимъ же образомъ подробно разсматривалъ все, что касается до кубковъ, сосудовъ, гдѣ Г-нъ Гаммеръ находитъ мнимыя Гностическія эмблемы; не только тамъ ничто не относится къ Тампліерамъ, но даже Г-нъ Гаммеръ собралъ ихъ только въ мѣстахъ и въ памятникахъ чуждыхъ Ордену Храма.

Что жъ до Гностическихъ изваяній, которыя Г-нъ Гаммеръ съ упорствомъ находитъ въ нѣкоторыхъ церквахъ, развѣ не знаютъ, что въ церквахъ среднихъ вѣковъ находятъ часто изваянія, памятники, кои трудно объяснить, или по причинѣ нравственныхъ или религіозныхъ понятій, представленныхъ артистами того времени въ неслишкомъ приличномъ видѣ; или по причинѣ благочестивыхъ аллегорій, коихъ преданіе не дошло до насъ?

Рѣзьба капителей церкви Сен-Жермена-де-Пре запрудняла Антикваріевъ, и если бъ Г-нъ Гаммеръ нашелъ подобныя капители въ какой-либо церквѣ Тампліеровъ, то онъ не преминулъ бы присоединить ихъ къ своему обвинительному акту.

Онъ называетъ семь церквей въ Германіи, гдѣ по мнѣнію его находятся Гностическія эмблемы; но онъ не доказываетъ, что церкви эти принадлежали Тампліерамъ, и если бъ даже онѣ были построены Орденомъ, то можно ль предположить, что въ случаѣ существованія тайнаго ученія, начальники выставили бы символы его всенародно въ церквахъ? И почему они избрали бы семь церквей въ Германіи для выставленія въ нихъ этихъ знаковъ невѣрія, не сдѣлавъ того же самаго въ тысячи церквахъ, коими владѣли они въ Христіанствѣ?

Г-нъ Гаммеръ столь же малоуспѣшенъ, когда онъ отыскиваетъ въ романахъ, кои говорятъ о *Сен-Граалѣ* (Saint Graal), эмблематическую Исторію, символъ Ордена Тампліеровъ.

Въ романахъ этихъ нѣтъ ничего противнаго религіи; рыцари, кои суть въ нихъ дѣйствующія лица, даютъ обѣтъ вѣрности Богу и красавицамъ; они вооружаются, сражаются за Вѣру и Дамъ. Удивительно ли, что въ эпоху, въ которую писаны эти романы, отысканіе *Св. Грааля* или *Святой Чаши* считалось подвигомъ, достойнымъ рыцарства?

Г-нъ Гаммеръ думалъ, что найдетъ большую опору въ слѣдующихъ словахъ; «Такъ какъ

«Св. *Граалъ* пришелъ въ городъ Трамело «въ Троицынъ день», онъ даетъ замѣтить, что Св. *Граалъ* праздновался не въ день Тѣла-Господня, но въ Троицынъ день; «и «если подъ этою чашею, говоритъ онъ, ра- «зумѣли, такъ какъ многіе полагали, чашу «Господню, то она праздновалась бы, или «въ день Тѣла-Господня или въ Спрасптной «Четверпокъ, а не въ Троицынъ день, быв- «шій для Гностиковъ очень Свяпымъ, какъ «день Св. Духа, который у Гностиковъ «называли SOPHIA, а у Тампліеровъ METE.»

Отвѣтъ не труденъ: 1-е Король Артусъ собиралъ весь свой Дворъ въ большіе годовые праздники, а потому не удивительно, что прибытіе Св. *Грааля* происходитъ въ Троицынъ день. 2-е Авторъ романа не могъ избрать праздника Тѣла-Господня, который еще не былъ постановленъ во времена Короля Артуса. 3-е Даже вѣроятно, что романъ, о коемъ здѣсь идетъ дѣло, былъ сочиненъ до учрежденія этого праздника Урбаномъ IV, въ 1264 году.

Г-нъ Гаммеръ почувствовалъ, что странно изобрѣтать, по прошествіи пяти столѣтій, противъ Тампліеровъ обвиненіе, совершенно отличное отъ того, которое послужило предлогомъ для ихъ современныхъ гонителей. Для того онъ говоритъ, что Папа въ приговорѣ произнесенномъ противъ Тампліеровъ, хотѣлъ скрыть ихъ настоящія преступленія; но онъ утверждаетъ, что когда откроются Римскія Архивы, такъ какъ

все откроется рано или поздно, тогда найдутъ тамъ доказательство преступленій нынѣ имъ откроваемыхъ.

Какъ можно предположить, что если бъ рыцари были виновны въ преступленіяхъ, взносимыхъ Г-мъ Гаммеромъ, то Папа и Короли предпочли бы нелѣпую систему обвиненія, ими употребленную, той системѣ, которую провозглашаетъ Г-нъ Гаммеръ?

Но къ тому же весьма достовѣрно, что всѣ акты находившіеся въ Архивахъ Римскихъ, нынѣ извѣстны; они всѣ обозначены своими нумерами въ исчисленіи неизвѣстныхъ доколѣ памятниковъ, служившихъ къ составленію: *Историческихъ памятниковъ, относительно осужденія рыцарей Храма*, и пр. Слѣдовательно Г-ну Гаммеру нечего надѣяться на Архивы Ватикана.

Этотъ отличный ученый сознается нѣкогда, что ему не слѣдовало бы столь легко уступить своему желанію издать новую систему обвиненія противъ Ордена и рыцарей Храма. Ихъ ужасное и знаменитое паденіе налагаетъ обязанность наблюдать большую осторожность и строгую разборчивость въ выборѣ способовъ, кои можно себѣ позволить для похищенія у нихъ справедливаго сожалѣнія, въ которомъ не отказало потомство ихъ участи.

КОНЕЦЪ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ.

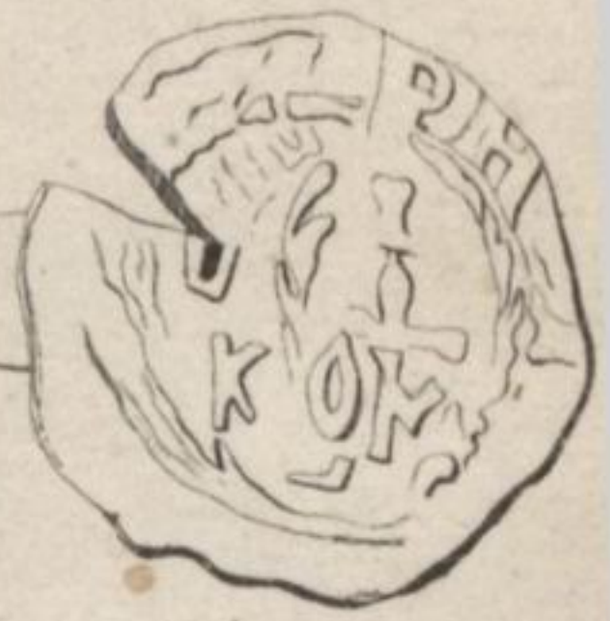
1.

Æ

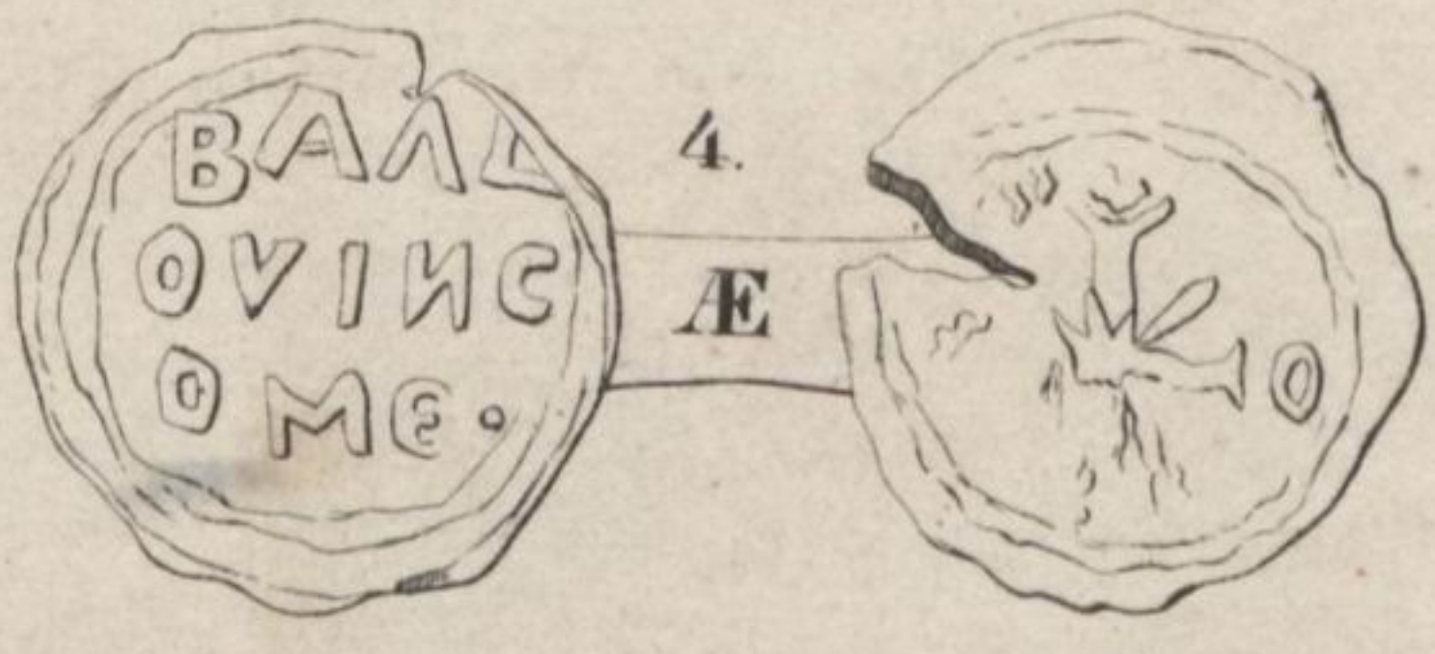
2.

Æ

3.



4.



Æ

5.

Æ

6.

Æ

7.

Æ

8.

все откроется рано или поздно, тогда найдутъ тамъ доказательство преступленій нынѣ имъ открываемыхъ.

Какъ можно предположить, что если бъ рыцари были виновны въ преступленіяхъ, взносимыхъ Г-мъ Гаммеромъ, то Папа и Короли предпочли бы нелѣпую систему обвиненія, ими употребленную, той системѣ, которую провозглашаетъ Г-нъ Гаммеръ?

Но къ тому же весьма достовѣрно, что всѣ акты находившіеся въ Архивахъ Римскихъ, нынѣ извѣстны; они всѣ обозначены своими нумерами въ исчисленіи неизвѣстныхъ доколѣ памятниковъ, служившихъ къ составленію: *Историческихъ памятниковъ, относительно осужденія рыцарей Храма*, и пр. Слѣдовательно Г-ну Гаммеру нечего надѣяться на Архивы Ватикана.

Этотъ отличный ученый сознается нѣкогда, что ему не слѣдовало бы столь легко уступить своему желанію издать новую систему обвиненія противъ Ордена и рыцарей Храма. Ихъ ужасное и знаменитое паденіе налагаетъ обязанность наблюдать большую осторожность и строгую разборчивость въ выборѣ способовъ, кои можно себѣ позволить для похищенія у нихъ справедливаго сожалѣнія, въ которомъ не отказало потомство ихъ участи.

КОНЕЦЪ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ.

1

1.

Æ

2.

Æ

3.

4.

Æ

5.

Æ

6.

Æ

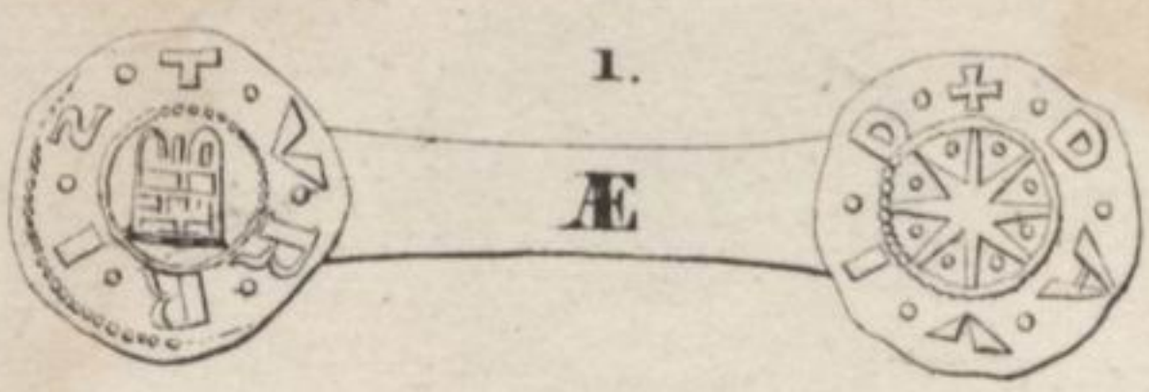
7.

Æ

8.

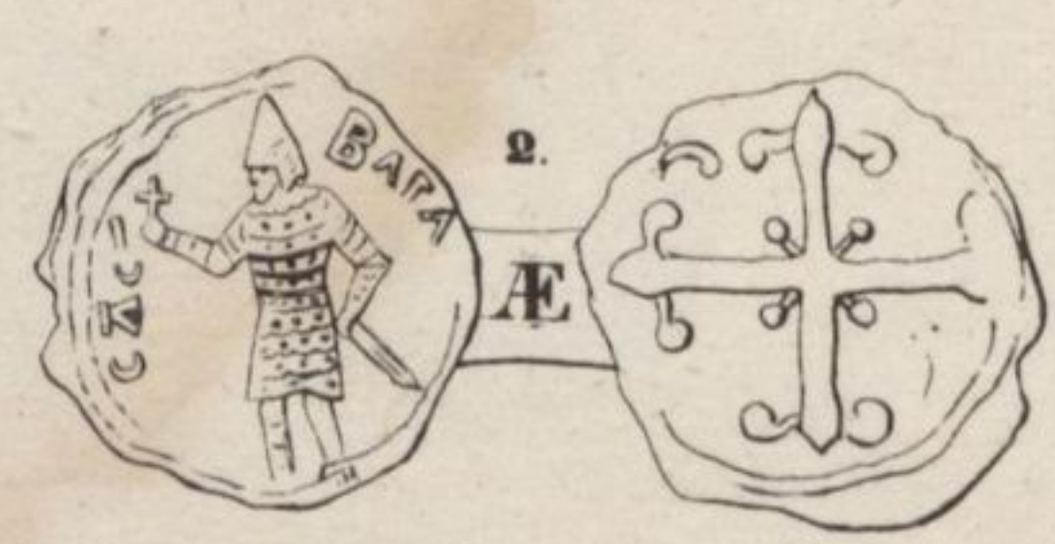
Æ

1.



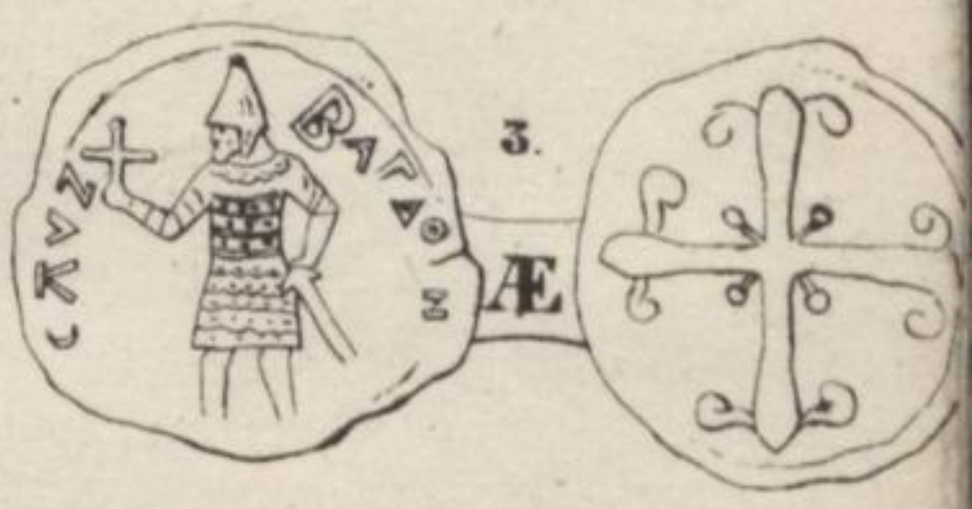
Æ

2.



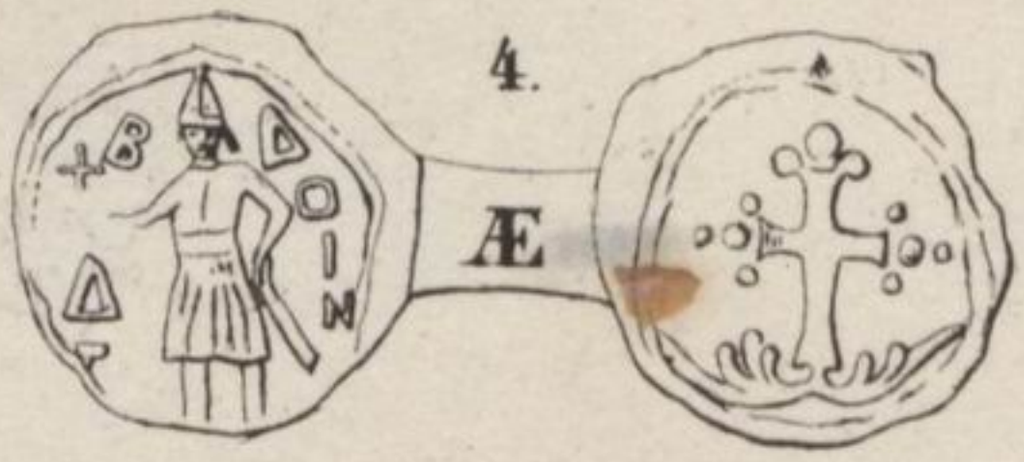
Æ

3.



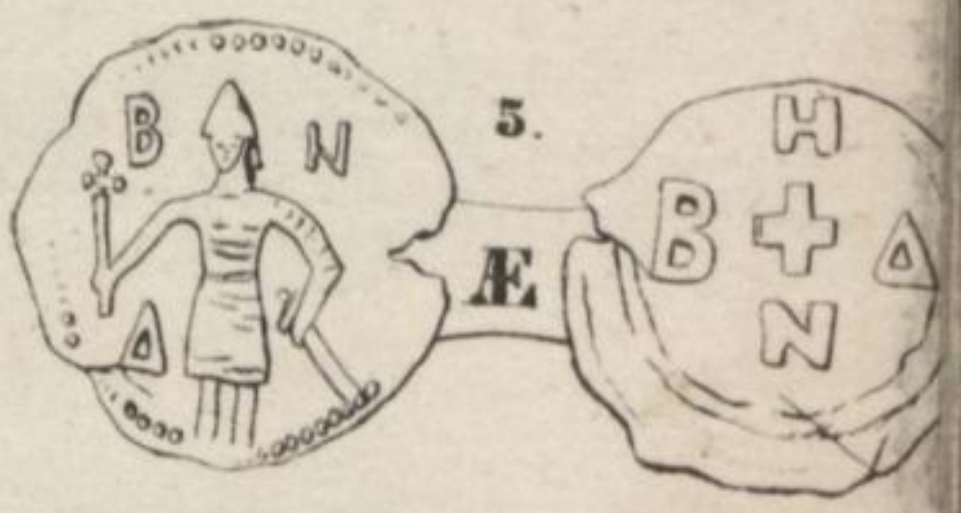
Æ

4.



Æ

5.

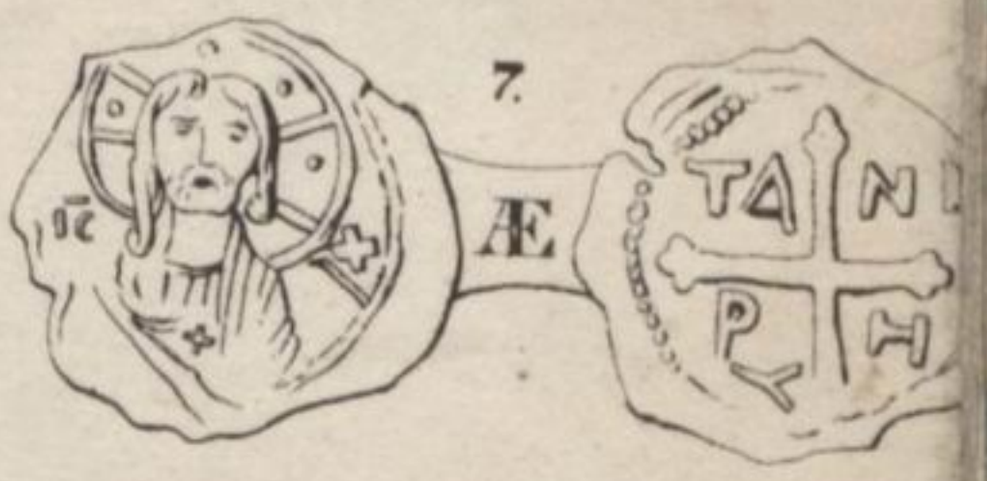


Æ

6.

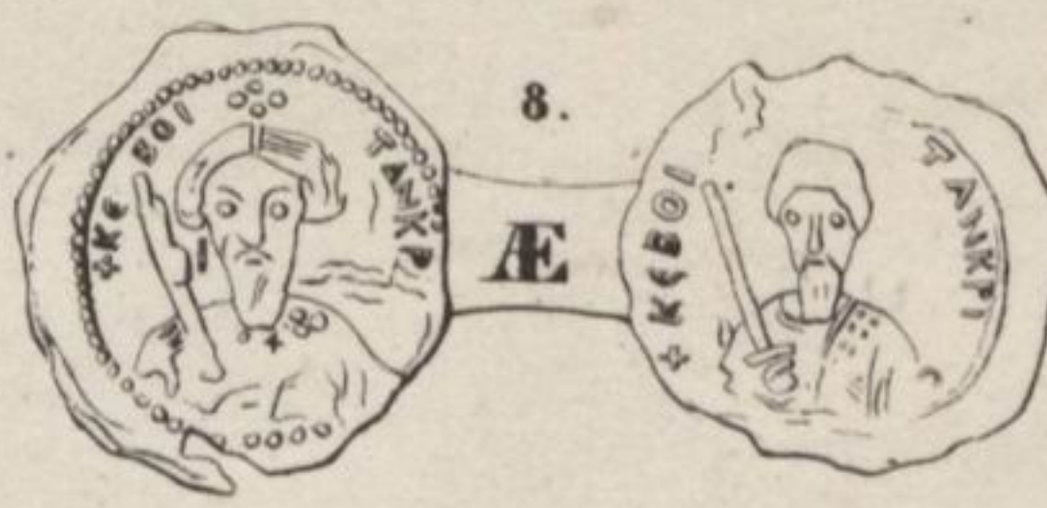
Æ

7.



Æ

8.



Æ

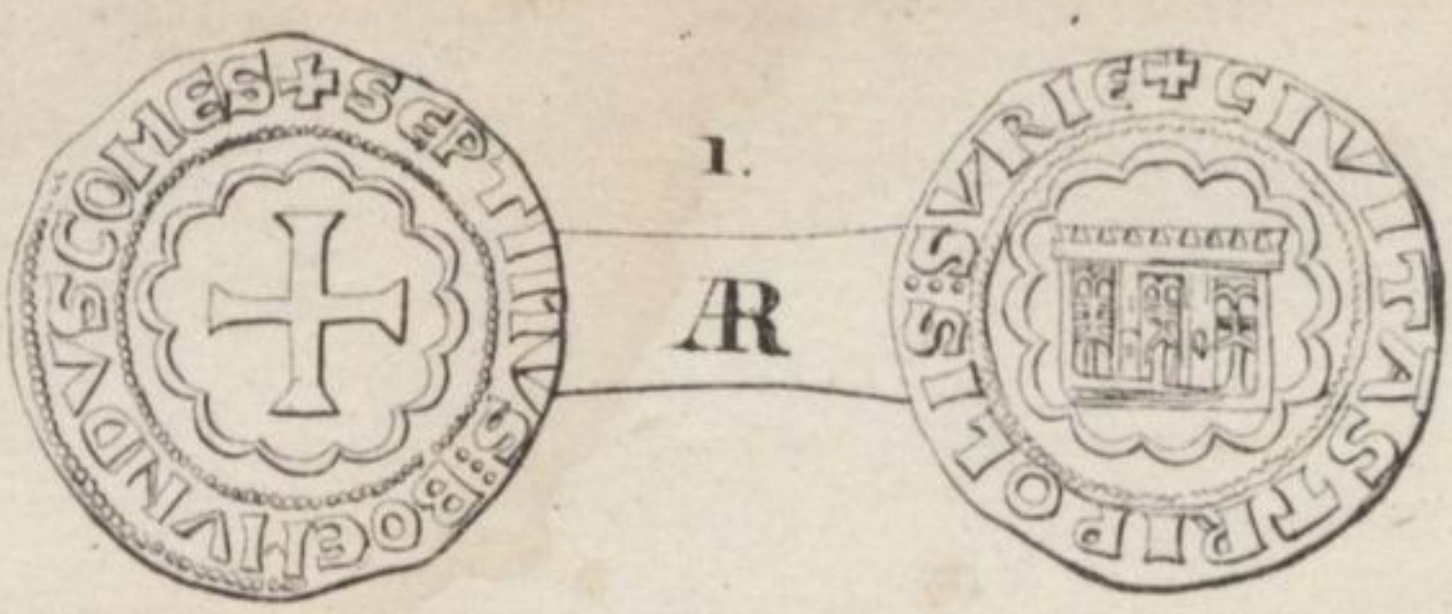
9.

Æ

10

Æ

1.

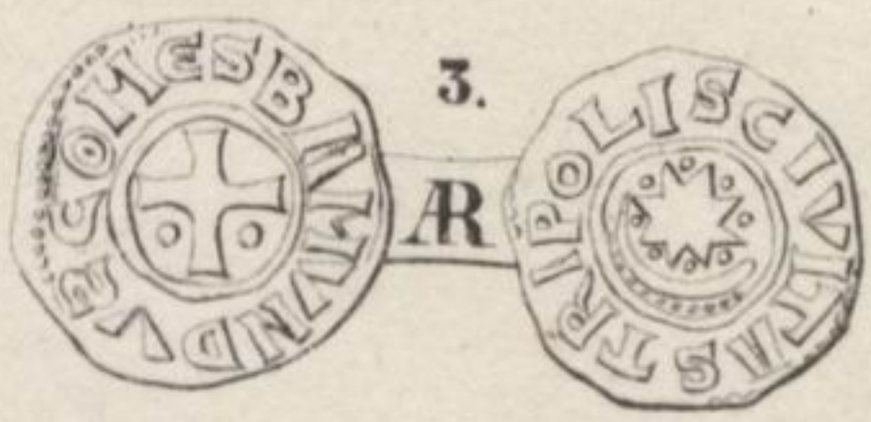


Æ

2.

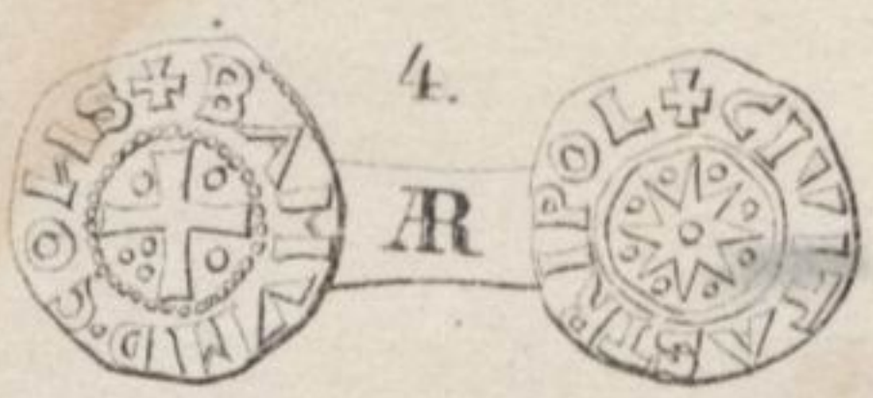
Æ

3.



Æ

4.

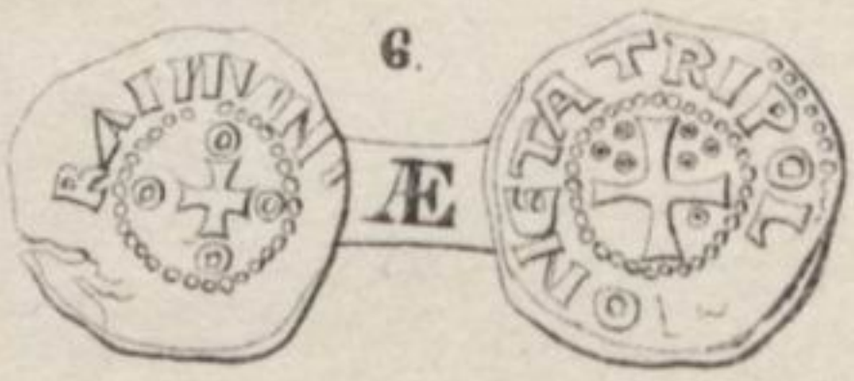


Æ

5.

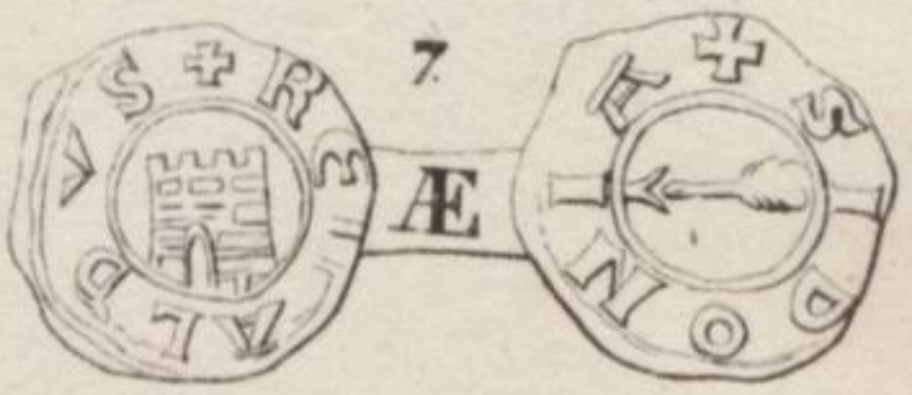
Æ

6.



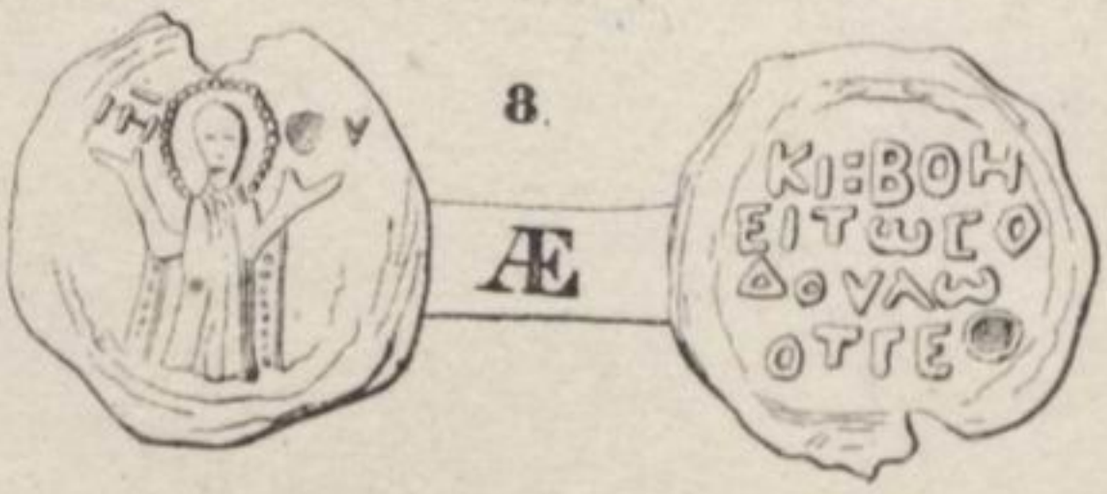
Æ

7.



Æ

8.



Æ

9.

Æ

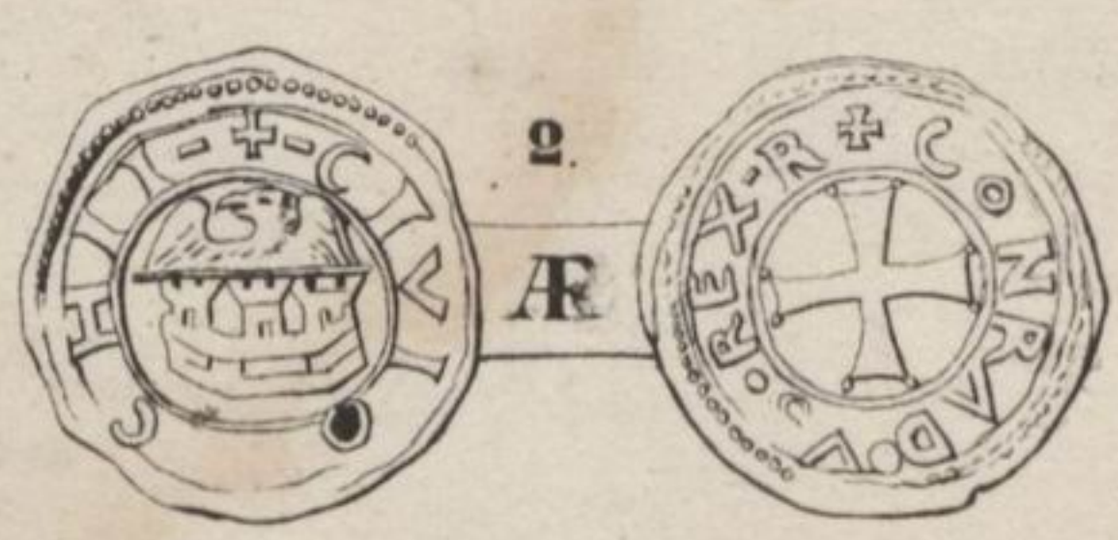
10.

Æ

1.

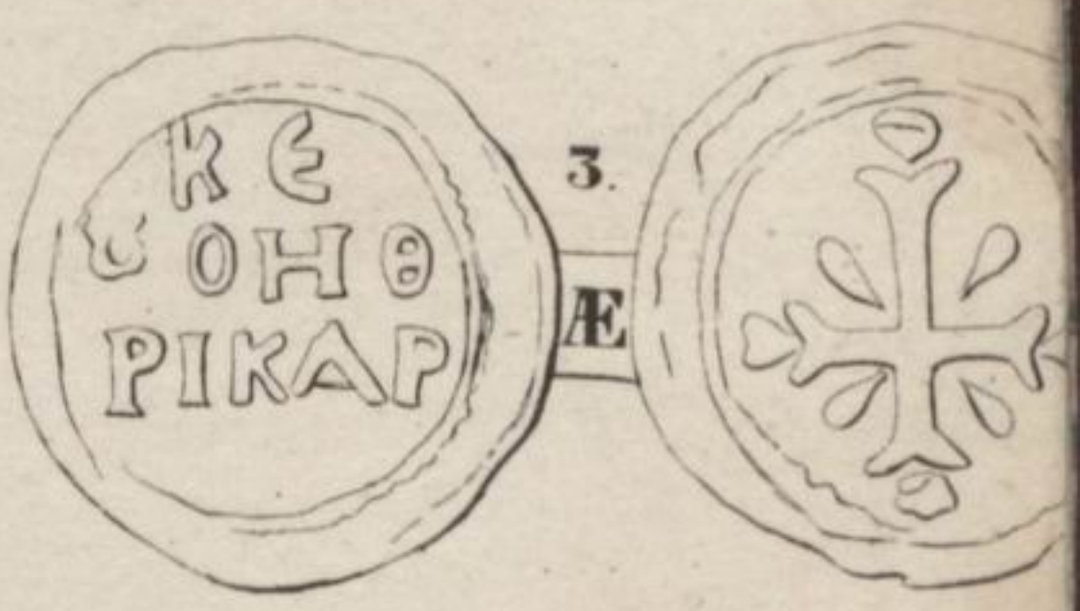
Æ

2.



Æ

3.



Æ

4.

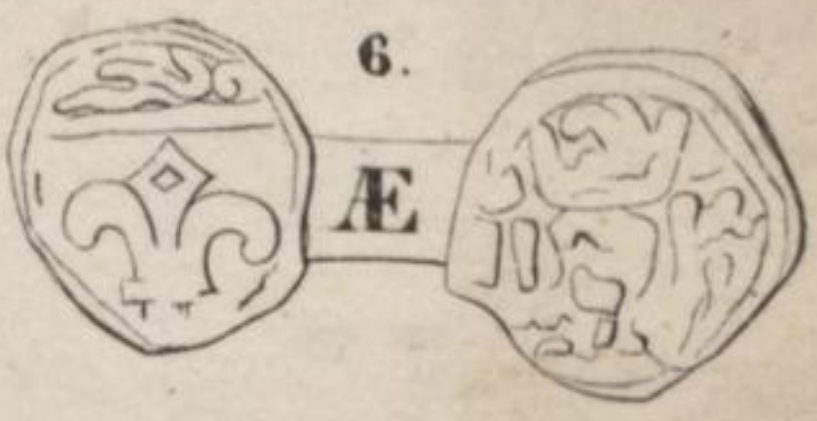
Æ

Сомнительныя:

5.

Æ

6.



Æ

7.

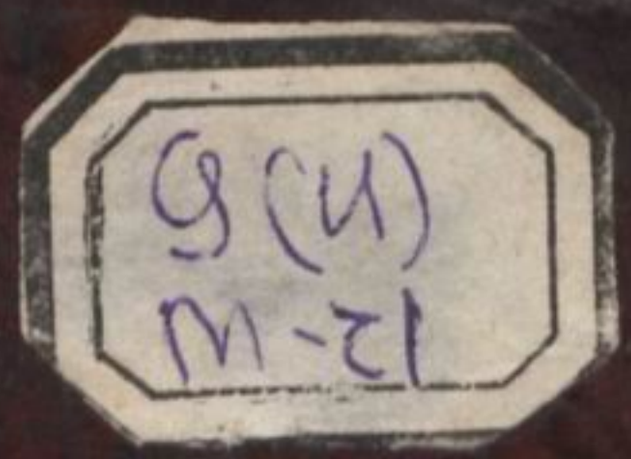
Æ

8.

Æ

9.

Æ


9 (H)
M-21